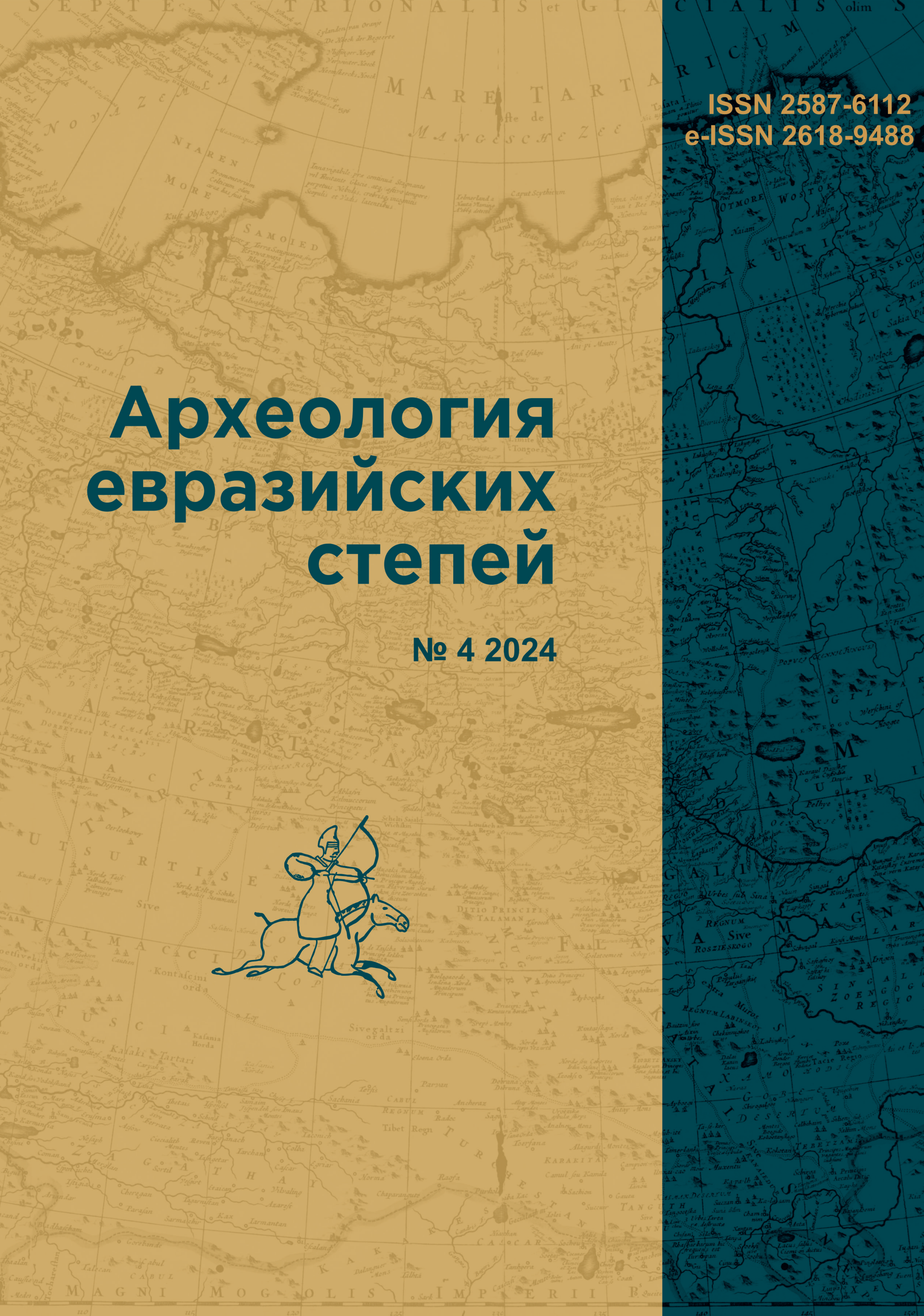

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 4 2024

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 4 2024

Журнал основан в мае 2017 г.
Реестр зарегистрированных средств массовой информации
Федеральной службы по наздору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77–79080 от 28 августа 2020 г.
Адрес редакции, издателя:
420012, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42
Адрес учредителя:
420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Учредитель: ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 4 2024

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею Александра Алексеевич Выборнова

К юбилею Татьяны Багишевны Никитиной

Хроника

Критика и библиография

CONTENT

On Alexander Alekseevich Vybornov's Anniversary

On Tatyana Bagishevna Nikitina's Anniversary

Chronicle

Critics and Bibliography

К юбилею Александра Алексеевича Выборнова

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.8.14

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

©2024 г. В.В. Ставицкий

В советской науке преобладала точка зрения о соответствии неолитической культуры группе родственных племен. А.А. Формозов и М.В. Воеводский выделяли и более крупные общности: культурные области, зоны, провинции. Исследование австралийских аборигенов показало, что у них отсутствует деление на племена. Основу их социальной структуры составляли локальные группы (общины), а все более крупные объединения были аморфны и нестабильны. Каждая община находилась в центе своих социальных связей, что приводило к первобытно-культурной непрерывности, которая при отсутствии природно-географических препятствий, не имела четко очерченных границ. Этническое родство не являлось решающим фактором в процессе сложения сходных признаков материальной культуры. Решающее значение имела принадлежность к единому хозяйственно-культурному типу, которая облегчала контакты между неолитическими общинами. Для населения Русской равнины можно выделить три основных культуро-хозяйственных типа: 1) охотники степей и лесостепей на крупных стадных травоядных животных, 2) лесные охотники и рыболовы умеренной зоны, 3) полуоседлые рыболовы лесных рек умеренной зоны. Этнографическим аналогом археологической культуры является историко-культурная область, которая нередко имеет этнически неоднородную структуру, а составляющие ее компоненты не обязательно связаны общностью происхождения. В неолите границы таких областей совпадают с бассейнами крупных рек и природно-ландшафтными зонами. Археологическая культура эпохи неолита представляет собой своеобразный сгусток культурно-первобытной непрерывности.

Ключевые слова: археология, неолит, археологическая культура, первобытная непрерывность, община, локальная группа, культурно-хозяйственный тип.

NEOLITHIC CULTURE: THE ISSUES OF INTERPRETATION

V.V. Stavitsky

In Soviet science, the prevailing viewpoint was that the Neolithic culture corresponded to a group of related tribes. A.A. Formozov and M.V. Voyevodsky also distinguished larger communities: cultural areas, zones, provinces. The study of Australian aborigines has shown that they had no division into tribes. The basis of their social structure was local groups (communities), and all larger associations were amorphous and unstable. Each community was at the Centre of its social ties, that led to primeval cultural continuity, which, in the absence of natural and geographical obstacles, had no clearly defined boundaries. Ethnic kinship was not a decisive factor in the process of formation of similar features of material culture. The decisive significance was the belonging to a single economic and cultural type, which facilitated contacts between Neolithic communities. Three main cultural and economic types can be distinguished for the population of the East European Plain: 1) hunters of steppes and forest steppes on large gregarious herbivores, 2) forest hunters and fishermen of the temperate zone, 3) semi-sedentary fishermen of forest rivers of the temperate zone. The ethnographic analogue of archaeological culture is a historical and cultural area, which often has an ethnically heterogeneous structure, and its components are not necessarily connected by common origin. In the Neolithic, the boundaries of such areas coincide with large river basins and natural landscape zones. The archaeological culture of the Neolithic represents a peculiar clot of cultural and primeval continuity.

Keywords: archaeology, Neolithic, archaeological culture, primeval continuity, community, local group, cultural and economic type

В советской исторической науке преобладающей являлась точка зрения о соответствии археологической культуры определенной этнической общности. По мнению Л.С. Клейна, положение о соответствии археологической культуры определенному этносу впервые было обосновано немецким исследователем Э. Блюме, который отмечал, что

совпадение границ распространения типов не может иметь иного объяснения, кроме этнической общности: племенное родство и единство языка облегчали культурный контакт, а их отсутствие затрудняло, поэтому этническая граница должна была препятствовать распространению типов (Клейн, 1991, с. 145–146). Позже А.Я. Брюсовым была высказана точка зрения, что археологическая культура отражает в своем единстве своеобразие различных сторон жизни определенной этнической группы в процессе конкретного исторического развития (Брюсов, 1952, с. 20). М.Е. Фосс непосредственно выделяла первобытные этносы по керамической орнаментации (Фосс, 1952, с. 69–77). А.А. Формозов аргументировал тезис о выделении археологических культур, соответствующих этническим общностям, с верхнепалеолитической эпохи (Формозов, 1977, с. 31–32). Н.Н. Гуриной в развернутом определении археологической культуры указывалось, что каждая неолитическая культура соответствует, по-видимому, группе родственных племен, то есть коллективу людей, живших на компактной территории, говорящих на одном языке и родственных по происхождению (Гурина, 1973, с. 16). В.П. Третьяков, отмечая тот факт, что идентичность материальной культуры прослеживается гораздо шире предполагаемой племенной территории, пришел к выводу, что археологическая культура представляет собой свидетельства существования в эпоху неолита устойчивых объединений родственных племен (Третьяков, 1972, с. 11).

М.В. Воеводский и А.А. Формозов полагали, что наряду с археологическими культурами существовали и более крупные общности (Воеводский, Формозов, 1950, с. 32–54). Несколько археологических культур, объединенных рядом общих признаков, наличие которых позволяло А.А. Формозову предполагать их этническое или генетическое родство, выделялись в культурную область. Культуры, обладавшие сходством, не имевшим этнического характера, объединялись в культурную зону. Наименование культурной провинции было закреплено за районом, в котором не протяжении длительного времени сохранялись: некое единство, специфичность и общие традиции (Формозов, 1959, с. 11–24, 115–116).

Точка зрения А.А. Формозова была поддержана Н.Н. Гуриной, которая за каждой этнокультурной областью видела этническую или этнолингвистическую общность, состоящую из группы родственных племен, говорящих на диалектах одного языка, обладающих многими общими особенностями культуры. Ею же было выдвинуто предположение, что такие группы родственных племен были основными этническими единицами неолитической эпохи (Гурина, 1973, с. 16). Данный тезис был подвергнут аргументированной критике со стороны А.А. Выборнова, который на примере неолитических культур лесостепной и степной зон Европейской России показал, что объединения более крупные, чем археологические культуры не обладают таким признаком, как происхождение на сходной основе и, следовательно, не относятся к разряду этнических общностей. По мнению А.А. Выборнова, неолитические культуры, обладающие определенным сходством развития, тесно контактирующие и взаимовлияющие друг на друга, следует объединять в историко-культурные области по примеру историко-этнографических областей (Выборнов, 1988б, с. 11–19).

Исследование австралийских аборигенов показало, что у них отсутствует социальный институт, который можно было бы отождествить с племенем. Основу их социальной структуры составляют локальные группы (общины), а любые более сложные объединения аморфны и нестабильны (Кабо, 1986). По мнению американского антрополога М. Фрида, племя – это довольно позднее явление, возникшее в эпоху сложения государства, к тому же не имевшее универсального характера (Fried, 1978).

Следовательно, этническое родство не являлось решающим фактором в процессе сложения сходных признаков материальной культуры, которые фиксируются в результате археологических изысканий. По-видимому, большее значение имела принадлежность к единому хозяйственно-культурному типу, которые выделяются по ведущему направлению хозяйства, обуславливавшего весь образ жизни первобытного населения. Однако до появления производящего хозяйства число подобных типов весьма ограничено, к тому же их особенности целиком и полностью зависят от условий окружающего ландшафта, поскольку способ хозяйствования представляет собой форму адаптации к данным условиям. С учетом того, что неолитическое хозяй-

ство, как правило, носило комплексный, а не специализированный характер, для населения Русской равнины можно выделить три основных типа: 1) охотники степей и лесостепей на крупных стадных травоядных животных, 2) лесные охотники и рыболовы умеренной зоны, 3) полуоседлые рыболовы лесных рек умеренной зоны. Справедливость подобного выделения подтверждается набором остеологических остатков неолитических стоянок.

На территории лесной зоны основными объектами охоты являлись такие крупные животные, как: лоси, кабаны, реже медведи, а также разнообразная водоплавающая дичь. На отдельных памятниках также многочисленны кости бобра, на других – они единичны (Саблин, Пантелеев, Сыромятникова, 2011). В степной зоне охота велась в основном на крупных копытных: лошадей, туров, сайгаков (Гасилин, Косинцев, Саблин, 2006; Скоробогатов и др., 2023; Выборнов и др., 2022). Поскольку ихтиофауна на дюнных стоянках сохраняется значительно хуже, о рыболовецкой специализации в основном можно судить по набору инвентаря и наличию мощных культурных слоев, свидетельствующих о достаточно оседлом образе жизни. Переход к полуоседлому рыболовству первоначально, видимо, произошел в местах наиболее богатых рыбными ресурсами. В частности, массовое появление стационарных жилищ в сопровождении представительных комплексов рубящих орудий, необходимых для выделки лодок и устройства заколов, на территории Марийского Поволжья фиксируется еще в эпоху мезолита (Никитин, 2018; Выборнов, Ставицкий, 2022а). С эпохи мезолита рыболовецкая специализация отмечается исследователями и на ряде торфянниковых стоянок Верхнего Поволжья (Жилин и др., 2002). Основным источником пищевых ресурсов рыболовство на памятниках лесной зоны, вероятно, становится в позднем неолите (Выборнов, Ставицкий, 2022б). По-видимому, именно массовый переход к интенсивному рыболовству, произошедший у носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики, привел к появлению достаточно четкой границы между населением Верхнего Поволжья и Прикамья, где в более раннее время имело место распространение сходных (гребенчатых) традиций орнаментации керамики. Возможно, что стабилизации данной границы способствовало и определенное различие природных ландшафтов. Основной ареал распространения культуры ямочно-гребенчатой керамики – это зона смешанных и широколиственных лесов, а территория Среднего и Верхнего Прикамья относится к таежной зоне. Фауна таежных лесов отличается меньшим разнообразием и меньшим объемом биомассы. Кроме того, тайга не входит в ареал распространения кабана, одного из основных объектов охоты населения широколиственных лесов. Следует также отметить, что на памятниках Верхнего Поволжье широко представлены кости бобра, которые в Прикамье также встречаются, однако данных для их статистического анализа недостаточно (Лычагина, 2019; Выборнов, Ставицкий, 2021).

По мнению М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова то, что устанавливается в результате изучения археологами материальных останков, т. е. археологическая культура, соответствует этнографической историко-культурной области, которая нередко имеет этнически неоднородную структуру, а составляющие ее компоненты не обязательно связаны общностью происхождения (Левин, Чебоксаров, 1955, с. 16). В эпоху первобытности историко-культурные области чаще всего возникали на базе единого хозяйственно-культурного типа, открывавшего возможность для взаимопонимания, интенсивных контактов и обоюдных заимствований. В рамках подобной области создавались оптимальные условия для развития интенсивных контактов между отдельными человеческими коллективами, на основе сходного образа жизни устанавливалось тесное взаимопонимание, происходила постепенная нивелировка культурных различий (История…, 1986, с. 459–460). В итоге складываются сходные культурно-бытовые особенности, находящие свое проявление в материальной культуре (типах жилища, средствах передвижения, домашней утвари, одежде, обуви, пище и т. д.), а также во многих сторонах духовной культуры (верования, фольклор, календарные обряды и обычаи) (Андрианов, 1995).

Как уже было отмечено выше, основной этнической единицей в эту эпоху являлась локально-родовая группа. Любые более крупные объединения были весьма аморфны и нестабильны, что порождало диффузность и нестабильность культурных границ (Исто-

рия…, 1986, с. 463–470). Этнографами было замечено, что в обстановке малой плотности населения и высокой подвижности мелких общин при отсутствии какого-либо транспорта каждая община имела свою систему брачных связей и находилась в центре своей собственной социальной сети. В результате чего создавались цепи таких брачных объединений, частично перекрывавших друг друга (Шнирельман, 1982).

Подобная практика приводила к появлению первобытной этнолингвистической непрерывности, при которой языки и культура ближайших локально-родовых групп обладают значительной степенью близости. Сходство между различными группами уменьшается постепенно по мере их территориальной удаленности друг от друга, достаточно долго не пропадая. Возникающую при этом культурно-языковую общность обычно ограничивают только природные рубежи либо значительные участки незаселенного пространства. Подобная этнолингвистическая непрерывность складывается не столько под воздействием генетического, сколько ареального фактора и представляет собой не столько единство, сколько сходство, основанное на диахронных связях. Возникающая при этом расплывчатость культурных границ отмечалась археологами неоднократно, но объяснение этому явлению искали либо в наличии общей подосновы двух соседних культур, либо во всевозможных связях и взаимовлияниях (Халиков, 1969, с. 67; Крайнов, Хотинский, 1977, с. 64; Синюк, 1986, с. 138–141). Однако наличие постоянных связей и приводило к состоянию первобытной непрерывности культуры.

Своеобразная «археологическая непрерывность» материальной культуры неолитического населения лесной полосы Европейской части СССР была выявлена В.П. Третьяковым при сравнительном изучении кремневых орудий соседних регионов. Но, по его мнению, подобная непрерывность отсутствует в распространении керамических традиций (Третьяков, 1982, с. 24). Действительно, слабая заселенность ряда территорий в эпоху раннего неолита, видимо, приводила к разрыву культурной непрерывности, что и нашло отражение в керамике. Кроме того, зарождающиеся очаги керамического производства, на ранних этапах могли перемежаться участками бескерамических территорий. Но тем не менее существует немало примеров «археологической непрерывности» и в распространении керамических традиций. Тем же В.П. Третьяковым с помощью вычислений коэффициента родственности доказана значительная степень близости керамики днепро-донецкой и среднедонской культур (Третьяков, 1990, с. 43). Наличие ряда сходных черт в керамике ранненеолитических культур лесной зоны отмечалось Д.А. Крайновым и Н.А. Хотинским (1977, с. 64–67). Сходство керамических традиций позволяет группировать неолитические культуры в более крупные образования типа историко-культурных областей (Гурина, 1973, с. 15–17; Выборнов, 1988б, с. 11–22). Наиболее наглядным примером первобытной непрерывности культуры, несомненно, является культура ямочно-гребенчатой керамики, памятники которой занимают обширные пространства лесной зоны от бассейна р. Камы на востоке до Скандинавского полуострова на западе.

Факт отсутствия четко очерченных границ отмечается В.С. Мосиным для зауральско-западносибирской лесостепи между неолитическими комплексами Зауралья, Притоболья и Приишимья. По его мнению, суть явления определена тем, в какую сторону направлены социальные связи конкретной общины, оставившей археологический памятник – стоянку или поселение. Для зауральско-западносибирской лесостепи эти связи разнонаправленные, поэтому отдельные памятники, оставленные одним и тем же населением, относят к разным археологическим культурам. Население Зауралья, адаптируясь во вмещающем ландшафте, в процессе годовых хозяйственных циклов осваивало свои общинные территории и в случае необходимости заходило и в южную часть тайги, и в южную лесостепь (Мосин, 2019, с. 376). Данное явление было осмыслено им через концепцию социокультурного пространства, включавшего в себя определенное количество неолитических общин, занимавших общую территорию, связанных между собой сложной системой отношений. Подобное «пространство», характеризующееся устойчивой системой синхронных и диахронных связей, могло включать как одну культуру (например, камскую), так и несколько (культуры зауральского неолита) (Мосин, 2019, с. 396).

Таким образом, археологическая культура эпохи неолита (особенно раннего) не может представлять собой устойчивого объединения родственных племен и является всего лишь своеобразным сгустком культурно-первобытной непрерывности, не имеющей четко очерченных границ. Как показывают исследования протометаэтнических общностей австралийских аборигенов, границы подобных образований обычно проходили по водоразделам, а их территории совпадали с определенными ландшафтно-климатическими зонами (История…, 1986, с. 467). Совпадение этнокультурных границ с территориями ландшафтных зон и речных бассейнов неоднократно отмечалось и исследователями неолитических культур.

ЛИТЕРАТУРА

Андрианов Б.В. Хозяйственно-культурные типы // Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. / Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 138–141.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Наука, 1952. 263 с.

Воеводский М. В., Формозов А. А. Стоянка Песочный ров на реке Десне: к вопросу о мезолитических культурах Восточной Европы // КСИИМК. Вып. 35. / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М., Л.: АН СССР, 1950. С. 42–54.

Выборнов А.А. Гребенчатая неолитическая керамика лесного Волго-Камья // Проблемы изучения археологической керамики / Отв. ред. А.А. Бобринский. Куйбышев: КГПИ, 1988а. С.62-78.

Выборнов А.А. Соотношение культурных зон и миров, историко-культурных и этнокультурных областей в эпоху неолита // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: УдмИЯЛИ УО АН СССР, 1988б. С.11-21.

Выборнов. А.А., Борисова О.К., Кулькова М.А., Юдин А.И. Палеогеографический фон неолита - энеолита степного Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. № 2. С. 8–20.

Выборнов А.А., Ставицкий В.В. Рецензия на монографию: Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: ПГГПУ, 2019. 632 с. // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 324-328.

Выборнов А.А., Ставицкий В.В. Проблемы изучения ранненеолитических жилищ Нижнего и Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 83–94.

Выборнов А.А., Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы энеолита Среднего Поволжья, Прикамья и Зауралья (рец.: Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола, 2017) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022а. № 2(57). С. 222–229.

Гасилин В.В., Косинцев П.А., Саблин М.В. Фауна неолитической стоянки Варфоломеевская в степном Поволжье // Фауны и флоры Северной Евразии в позднем кайнозое / Отв. ред. П.А. Косинцев. Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. С. 25–100.

Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита / МИА. № 172 / Отв. ред. Н.Н. Гурина. Л.: Наука, 1973. С. 7–24.

Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука, 2002. 245 с.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1986. 573 с.

Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 304 с.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: АН СССР, 1991. 448 с.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. 1977. № 3. С. 42–68.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4. С. 3–17.

Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: ПГГПУ, 2019. 632 с

Мосин В.С. Южный Урал в каменном веке / История Южного Урала. Т. 1. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 408 с.

Никитин В.В. Мезолит Марийского Полесья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. 261 с.

Саблин М.В., Пантелеев А.В., Сыромятникова Е.В. Археозоологический анализ остеологического материала из неолитических свайных поселений Подвинья: хозяйство и экология // Труды зоологического института РАН. 2011. Т. 315. №. 2. С. 143–153.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: ВГПИ, 1986. 179 с.

Скоробогатов А.М., Долбунова Е.В., Рослякова Н.В., Гасилин В.В. Ранний неолит Среднего Дона в свете современных исследований (по материалам стоянки Черкасская-5) // Поволжская археология. 2023. № 3(45). С. 38-45.

Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. М.: Наука, 1972. 136 с.

Третьяков В.П. К вопросу об «археологической непрерывности» (по материалам орудий труда эпохи мезолита и неолита) // СА. 1982. № 2. С. 14–29.

Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.: Наука, 1990. 190 с.

Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1977. 141 с.

Формозов А.А. Этнокультурные области территории европейской части СССР в каменном веке. М.: АН СССР, 1959. 126 с.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР / МИА. № 29. М.: АН СССР, 1952. 280 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Шнирельман В.А. Протоэтнос охотников и собирателей (по австралийским данным) // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука,1982. С. 83–108.

Fried M. Tribe to State, or State to Tribe in Ancient China? // Origins of Chinese civilization. / Ed. David N. Keightley. Berkeley, Los. Angeles and London: University of California Press, 1978. P. 467–493.

Информация об авторе:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

REFERENCES

Andrianov, B. V. 1995. In Kozlov, V. I. (ed.). *Etnicheskie i etno-sotsial'nye kategorii: Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov (Ethnic and ethnic-social categories: Code of ethnographic concepts and terms)* (6). Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 138–141 (in Russian).

Bryusov, A. Ya. 1952. *Ocherki po istorii plemen Evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu (Essays on the history of the tribes of the European part of the USSR in the Neolithic era)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Voevodsky M.V., Formozov A.A. 1950. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 35. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 42–54 (in Russian

Vybornov, A. A. 1988a In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Problemy izucheniya arkheologicheskoy keramiki (Issues of studying archaeological ceramics)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 62–78 (in Russian).

Vybornov, A. A. 1988b. In Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy izucheniya rannego neolita lesnoy polosy Evropeyskoy chasti SSSR (Issues of studying the Early Neolithic forest belt of the European part of the USSR)*. Izhevsk, 11–21 (in Russian).

Vybornov, A. A., Borisova, O. K., Kulkova, M. A., Yudin, A. I. 2022. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2 (21), 8–20 (in Russian).

Vybornov, A. A., Stavitsky, V. V. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 324–328 (in Russian).

Vybornov, A. A., Stavitsky, V. V. 2022. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 83–94 (in Russian).

Vybornov, A. A., Stavitsky, V. V. 2022a. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 57 (2), 222–229 (in Russian).

Gasilin, V. V., Kosintsev, P. A., Sablin, M. V. 2008. In Kosintsev, P. A. (ed.). *Fauny i flory Severnoy Evrazii v pozdnem kaynozoe (Faunas and floras of Northern Eurasia in the Late Cenozoic)*. Ekaterinburg; Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 25–100 (in Russian).

Gurina, N. N. 1973. In Gurina, N. N. (ed.). *Etnokul'turnye obshchnosti lesnoy i lesostepnoy zony Evropeyskoy chasti (Ethnic and cultural communities of the forest and forest steppe zone of the European part of the*

USSR in the Neolithic). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 172. Leningrad: "Nauka" Publ., 7–24 (in Russian).

Zhilin, M. G., Kostyleva, E. L., Utkin, A. V., Engovatova, A. V. 2002. *Mezoliticheskie i neoliticheskie kul'tury Verkhnego Povolzh'ia. Po materialam stoianki Ivanovskoe VII (Mesolithic and Neolithic Cultures of the Upper Volga Region. On Materials from Ivanovskoe VII Site)* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bromlei, Yu. V. (ed.). 1986. *Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha pervobytnoy rodovoy obshchiny (History of primal society. The era of the primitive tribal community)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Cabo, V. R. 1986. *Pervobytnaya dozemledel'cheskaya obshchina (Primitive pre-agricultural community)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Klein, L. S. 1991. *Arkheologicheskaya tipologiya (Archaeological typology).* Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Krainov, D. A., Khotinsky, N. A. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 42–68 (in Russian).

Levin, M. G., Cheboksarov, N. N. 1955. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (4), 3–17 (in Russian).

Lychagina, E. L. 2019. *Neolit Verkhnego i Srednego Prikam'ya (Neolithic of the Upper and Middle Kama Region)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ. (in Russian).

Mosin, V. S. 2019. *Yuzhnyy Ural v kamennom veke (Southern Ural in the Stone Age)*. Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (The history of the Southern Urals) 1. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Nikitin, V. V. 2018. *Mezolit Mariyskogo Poles'ya (Mesolithic Mari Polesie).* Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Sablin, M. V., Panteleev, A. V., Syromyatnikova, E. V. 2011. In T*rudy Zoologicheskogo institute RAN (Proceedings of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences)* Vol. 215, no. 2, 143–153 (in Russian).

Sinyuk, A. T. 1986. *Naselenie basseyna Dona v epokhu neolita (Population of the Don River Basin in the Neolithic Period)*. Voronezh: "Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet" Publ. (in Russian).

Skorobogatov, A. M., Dolbunova, E. V., Roslyakova, N. V., Gasilin, V. V. 2023. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 45 (3), 38–45 (in Russian).

Tret'iakov, V. P. 1972. *Kul'tura iamochno-grebenchatoi keramiki v lesnoi polose Evropeiskoi chasti SSSR. (Culture of Pit-combed ceramics in the Forest Belt of the European Area of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tret'iakov, V. P. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 14–29 (in Russian).

Tret'iakov, V. P. 1990. *Neoliticheskie plemena lesnoi zony Vostochnoi Evropy (Neolithic Tribes in the Forest Zone of Eastern Europe)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Formozov, A. A. 1977. *Problemy etnokul'turnoy istorii kamennogo veka na territorii evropeyskoy chasti SSSR (Issues of the ethnic and cultural history of the Stone Age on the territory of the European part of the USSR).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Formozov A.A. 1959. *Etnokul'turnye oblasti territorii evropeyskoy chasti SSSR v kamennom veke (Ethnic and cultural areas of the territory of the European part of the USSR in the Stone Age).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Foss, M. E. 1952. *Drevneyshaya istoriya severa evropeyskoy chasti SSSR* (*Ancient History of the Northern Area of the European Part of the USSR*) 29. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 99. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shnirelman, V. A. 1982. In Bromlei, Yu. V. (ed.). *Etnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve (Ethnicity in pre-class and early class society).* Moscow: "Nauka" Publ., 83–108 (in Russian).

Fried, M. 1978. In Keightley, D. N. (ed.). *Origins of Chinese civilization*. Berkeley, Los. Angeles and London: University of California Press, 467–493 (in English).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.15.27

ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ И КРИТИКА ИСТОЧНИКА НА ОСНОВАНИИ ОПУБЛИКОВАННЫХ И АРХИВНЫХ ДАННЫХ[1]

© 2024 г. Е.С. Ткач, А.Д. Малярова, А.С. Тараканов

Вопросы заселения человеком Юго-Восточной Прибалтики, в частности, Калининградской области на данный момент изучены слабо. Однако процесс накопления знаний о первоначальном появлении человека в регионе имеет богатую историю. Впервые находки, относящиеся к финальному палеолиту, здесь были выделены еще в начале XX в. Детальное описание всех материалов, относящихся к каменному веку, было сделано к 1937 г. Разнообразие изделий из кости и рога позволило исследователям первой половины XX в. выделить первоначальную стадию заселения региона с использованием как типологического, так и палинологического методов. Во второй половине XX в. была открыта серия местонахождений с кремневыми артефактами, на одном из которых – Никольское IV – проведены планомерные раскопки. По результатам AMS-датирования двух изделий из рога северного оленя с территории Калининградской области были получены наиболее древние даты для Юго-Восточной Прибалтики, которые относятся к последнему ледниковому максимуму. В статье представлены краткие результаты изучения вопросов первоначального заселения Калининградской области в XX – XXI вв. по архивным и опубликованным данным, а также намечены перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: археология, Юго-Восточная Прибалтика, Калининградская область, финальный палеолит, мезолит, орудия из кости и рога, кремень, архивные данные.

FINAL PALEOLITHIC IN THE KALININGRAD REGION: CURRENT STATE OF THE STUDY AND SOURCE CRITICISM BASED ON PUBLISHED AND ARCHIVAL DATA[2]

E.P. Tkach, A.D. Malyarova, A.P. Tarakanov

Nowadays, the issues of human occupation of the South-Eastern Baltic, in particular, the territory of the Kaliningrad region, are poorly studied. However, the accumulation of knowledge about the initial appearance of human being in the region has a rich history. Finds belonging to the Final Paleolithic were first identified here as early as the beginning of the XX century. A detailed description of all materials belonging to the Stone Age was made by 1937. The variety of items made of bone and antler allowed researchers of the first half of the XX century to identify the initial stage of human occupation of the region using both typological and palynological methods. In the second half of the XX century, a series of locations with flint artifacts were discovered, and excavations were carried out systematically at one of them – Nikolskoye IV. Based on the results of AMS-dating of two reindeer antlers from the territory of the Kaliningrad region, the oldest dates for the South-Eastern Baltic were obtained, which refer to the last glacial maximum. The article presents brief results of the research in the XX–XXI centuries of the issues of human occupation of the Kaliningrad region according to archival and published data, and outlines prospects for further research.

Keywords: archaeology, South-Eastern Baltics, Kaliningrad region, Final Paleolithic, Mesolithic, tools made of bone and antler, flint, archival data

Введение

Финальный палеолит и вопрос перехода к мезолиту в Калининградской области (часть территории бывшей Восточной Пруссии) все еще остается слабо изученным периодом. Однако к самой проблематике этой эпохи не

[1] Работа проведена в рамках гранта РНФ № 23-78-01172 «На границе двух миров: культурные традиции Центральной и Восточной Европы в позднем каменном веке Калининградской области».

[2] The work was carried out as a part the RSF grant No. 23-78-01172 "On the border of two worlds: cultural traditions of Central and Eastern Europe in the Late Stone Age of the Kaliningrad region".

раз обращались как российские специалисты, так и исследователи сопредельных с Калининградской областью территорий.

Разработкой периодизации литовских материалов каменного века, выявленных в ходе планомерных раскопок, а также анализом случайных находок занималась Р. Римантене. Результаты обширных исследований обобщены в монографии «Литовский палеолит и мезолит» (Римантене, 1971). На современном этапе культуры финального палеолита – раннего мезолита рассмотрены в работах Е. Шатавичюса (Šatavičius, 2002; 2005), Т. Остраускаса (Ostrauskas, 2002), А. Гирининкаса и Т. Римкуса (Rimkus, Girininkas, 2021a; 2021b).

Вопросы генезиса культур позднего палеолита – мезолита на территории Польши рассмотрены С.К. Козловским (Kozlowski, 1969). Итоги работ обобщены в издании «Палеолит и мезолит» (1975), на современном этапе планомерные исследования активно продолжаются (например, Płonka et al., 2020). Типологический и хронологический анализы изделий из кости Южной Прибалтики выполнены Т. Галинским (Galiński, Zych, 2013).

Для территории Беларуси Е.Г. Калечиц и А.В. Колосовым выделены 356 памятников времени финального палеолита из материалов смешанных коллекций (Калечиц, Колосов, 2018). В западной части Беларуси исследовано поселение финального палеолита с каменными артефактами Ковальцы на берегу р. Неман (Stančikaitė et al., 2011).

Изучением материалов финального палеолита – мезолита Калининградской области во второй половине XX в. занимался В.И. Тимофеев (1983), уже в XXI веке О.А. Дружининой опубликована статья о состоянии изученности Калининградской области для финального палеолита (Дружинина, 2010); вопросы выделения мезолитических групп в южной части области ставились М.Г. Жилиным в 2010-х гг. (Жилин, 2013a; Zhilin, 2016).

В нашем исследовании предпринимается попытка систематизировать накопленные на текущий момент знания о финальном палеолите на территории Калининградской области: составить базу данных археологических памятников и местонахождений по материалам из архивных и опубликованных источников, создать геоинформационную систему для хранения, анализа и наглядного показа данных. Все это позволит с наибольшей эффективностью идентифицировать и картографировать пункты находок, выявленных исследователями ранее, а также проводить анализ распространения тех или иных видов артефактов. По результатам пространственного анализа, в свою очередь, можно сделать вывод не только о степени изученности региона, но и выявить наиболее перспективные места для проведения дальнейших работ.

Концепции выделения и методы исследований материалов финального палеолита Калининградской области

Активная исследовательская деятельность по изучению материалов каменного века Восточной Пруссии ведет свое начало с конца XIX – начала XX века (Bezzenberger, 1889; Hollack, 1908; Tischler, 1882).

Обобщающие работы появились во второй половине 20-х гг. XX века: в первую очередь стоит обратиться к исследованиям М. Эберта (1927), В. Гаэрте (1929). В соответствии с представлениями того времени существование человека в палеолитическую эпоху на территории Восточной Пруссии не было доказано. На основании анализа двух находок рогов оленя со следами обработки был сделан вывод о заселении территории после ледникового периода. Исследователи сопоставляли их с материалами периода мадлена Западной и Северной Европы (Engel, La Baume, 1937, p. 19; Šturms, 1970, p. 10; Тимофеев, 2003, с. 6). Они помещали древние находки в «костно-гарпунный век» – мезолит.

Вклад ученых в систематизацию восточно-прусских материалов каменного века был отмечен сразу. В монографии К. Энгеля была изложена история изучения археологических исследований в регионе, в которой содержался в том числе и их критический анализ (Engel, 1935). Эта работа до сих пор остается важной для оценки проведенных исследований археологами в конце XIX – начале XX века (Sturms, 1970, p. 2–3).

В 1937 г. вышла в свет монография К. Энгеля и Ля Бома, в которой были систематизированы в первую очередь коллекции музея Пруссии, утерянные в годы Второй Мировой войны (Engel, La Baume, 1937).

Интенсивные хозяйственные работы, в первую очередь мелиорация, в северной части региона привели к выявлению там бóльшего количества изделий из кости и рога, в то время как в южной части, в районе Вышты-

нецкой возвышенности, в качестве случайных находок встречались в основном кремневые изделия (Engel, La Baume, 1937, p. 21). Отсюда справедливым кажется вывод о том, что в регионе могли сосуществовать две различные мезолитические культурные традиции – костяная и кремневая (Engel, 1935, p. 136–137; La Baume, 1937, p. 21–22).

Во второй половине 30-х гг. планомерные палинологические и археологические исследования торфяников проводил Х. Гросс (серия работ 1937–1943 гг.). Он разработал схему природно-климатической периодизации Восточной Пруссии. Датировка многих изделий из органических материалов им определялась несколькими условиями: 1) тип сырья (артефакты из кости и рога северного оленя), 2) условия залегания находок и определение возраста на основе геологических и палинологических исследований, 3) типологический метод. Особенный интерес в его работах представляет карта случайных находок, в которой материалы разделены по вышеуказанным критериям (Gross, 1938b, p. 83–85). Важность этой карты сложно переоценить, так как она может являться (и более того, уже явилась – Жилин, 2010; 2013б) отправной точкой для поиска торфяниковых памятников в регионе.

Дальнейшая систематизация находок была выполнена Х. Боне-Фишером в 1941 г. Некоторые местонахождения были им осмотрены в полевых условиях. Местоположение находок определялось на основании топографических съемок (1: 25 000) и наносилось на карту (Bohne-Fischer, 1941).

Таким образом, уже в довоенное время на территории Восточной Пруссии были начаты процессы обобщения накопленного материала и систематизации данных.

Переходя к исследованиям советских и впоследствии российских ученых, нельзя не отметить монографию Э. Штурмса «Культуры каменного века Балтики» (Šturms, 1970). Для характеристики периода финального палеолита – мезолита Восточной Пруссии он во многом основывался на картах и публикациях довоенных исследователей. Практически в то же время обобщающая работа опубликована Дж. Окуличем (Okulicz, 1973).

В 1961 г. экспедиция под руководством Н.Н. Гуриной провела разведки по берегам р. Анграппы, Немана и Шешупе. Результатом стало выявление местонахождения у д. Запань (Рябиновка), материал с которого содержал находки мезолитического периода (Гурина, 1961, с. 4). Широкомасштабные исследования связаны с работами В.И. Тимофеева, проводившимися с 1972 г. Основное внимание он уделил внутренним районам области. В 1974 г. им проводятся раскопки на стоянках Тальники (24 кв. м) и Никольское IV (64 кв. м) (Тимофеев, 1974, с. 22–28). Первую впоследствии он отнес к позднему мезолиту, а вторую – к финальному палеолиту (Тимофеев, 1983).

С 2006 по 2011 гг. работы в контексте исследований антропогенного воздействия на окружающую среду в бассейнах рек Шешупе и Неман, а также в районе Выштынецкой возвышенности проводились под руководством О.А. Дружининой, И.Н. Сходнова и И.А. Дружининой. В бассейне р. Шешупе их усилия были сосредоточены на идентификации выявленных В.И. Тимофеевым местонахождений и памятников, а также поиске новых стоянок. В результате выявлены две стоянки, которые, по мнению О.А. Дружининой, могут быть сопоставлены с финальным палеолитом – Рядино 2 и Рядино V (Дружинина, 2008; 2009; Дружинина, 2012). Несколько новых местонахождений с кремнем обнаружены у с. Никольское.

Следующий этап связан с работами в 2009–2012 гг. М.Г. Жилина. Основываясь на карте случайных находок Х. Гросса, он проводил разведки с целью поиска торфяниковых стоянок (отметим, что в 1981 г. В.И. Тимофеевым такие попытки также предпринимались (Тимофеев, 1981)) в нескольких районах области (Жилин, 2010; 2013б).

С тех пор планомерных исследований по поиску памятников финального палеолита – мезолита не проводилось.

Археологические памятники и случайные находки артефактов финального палеолита: обзор источников

В исследуемом регионе возможно изучение не только кремневой индустрии для периодов финального палеолита и мезолита, но и изделий из органических материалов – в первую очередь из рогов северного и благородного оленей, костей животных. Все они выявлены в качестве случайных находок, и данных об их первичных местоположениях не сохранилось.

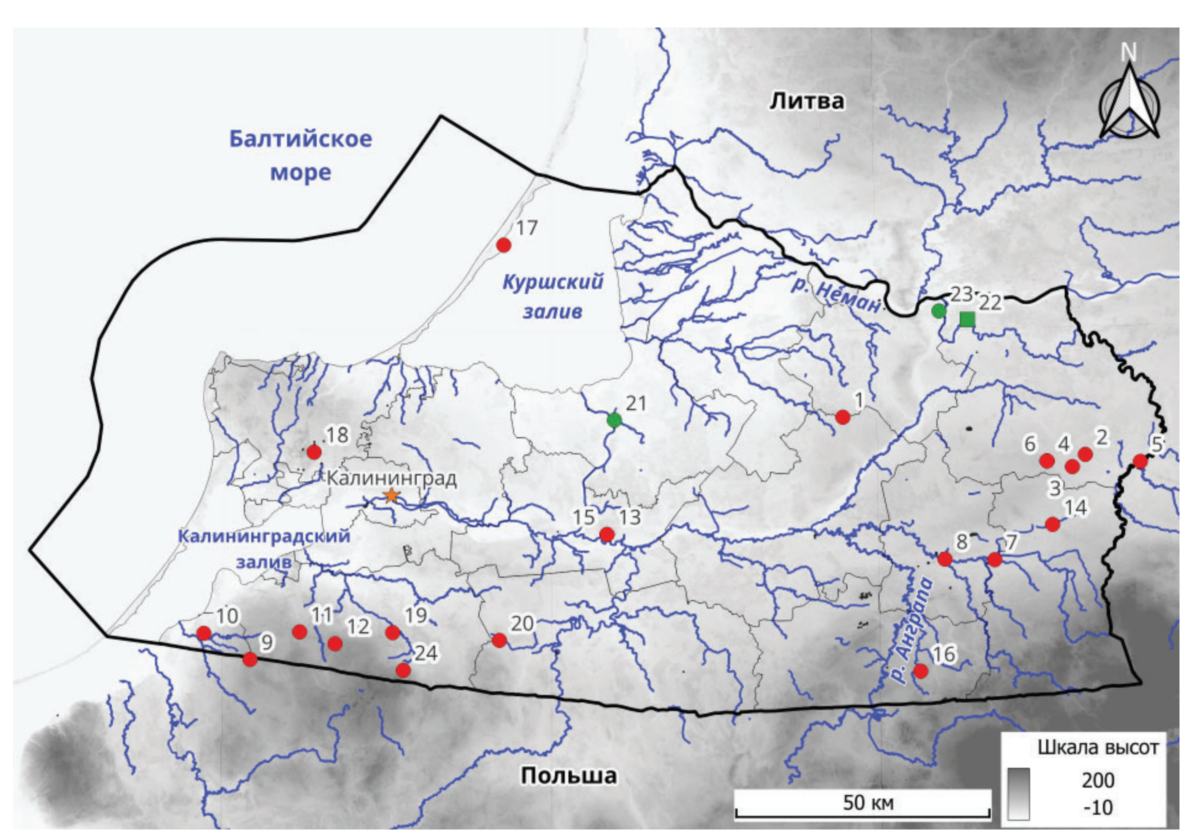

Рис. 1. Карта мест обнаружения находок финального палеолита Калининградской области по опубликованным данным: зеленым цветом – местонахождения и стоянки с кремневыми артефактами; красным цветом – местонахождения изделий из органических материалов; квадрат – стоянки; круг – местонахождения. 1 – Popelken; 2 – Abschruten; 3 – Dagutschen; 4 – Grumkowsfelde; 5 – Grenzfelde; 6 – Pillkallen, 7 – Szirgupönen, 8 – Gumbinen, 9 – Deutsch Thierau, 10 – Heiligenbeil, 11 – Dösen bie Zinten, 12 – Maraunen bie Zinten; 13 – Allenburg; 14 – Plicken; 15 – Drusken; 16 – Pogrimmen; 17 – Rossitten; 18 – Pentekinnen; 19 – Penken; 20 – Garbnicken; 21 – Schelecken; 22 – Никольское IV; 23 – Запань; 24 – Steegen.

Fig. 1. Final Paleolithic artifacts in the Kaliningrad region according to published data: green – localities and campsites with flint artifacts; red – localities of bone and antler artifacts; square – campsites; circle – localities. 1 – Popelken; 2 – Abschruten; 3 – Dagutschen; 4 – Grumkowsfelde; 5 – Grenzfelde; 6 – Pillkallen, 7 – Szirgupönen, 8 – Gumbinen, 9 – Deutsch Thierau, 10 – Heiligenbeil, 11 – Dösen bie Zinten, 12 – Maraunen bie Zinten; 13 – Allenburg; 14 – Plicken; 15 – Drusken; 16 – Pogrimmen; 17 – Rossitten; 18 – Pentekinnen; 19 – Penken; 20 – Garbnicken; 21 – Schelecken; 22 – Nikolskoye IV; 23 – Zapan; 24 – Steegen.

Изделия из кости и рога: местонахождения

Среди выявленных артефактов в литературе к периоду финального палеолита в XX в. исследователи относили 21 местонахождение (рис. 1–3; табл. 1). Для девяти из них в литературе присутствует лишь общее словесное описание выявленных артефактов без фотографий и рисунков, а сами находки не сохранились.

Технологический и трасологический анализы проведены для трех орудий из рога северного оленя (Тимофеев, Филиппов, 1981). Одно из изучаемых орудий со следами обработки (рис. 2: 2) происходит с территории современной Калининградской области близ с. Высокое (б. Popelken). По мнению Р. Римантене, данная находка является одной из наиболее древних в Юго-Восточной Прибалтике и может связываться с гамбурской культурой (Римантене, 1971, с. 13–14).

Исследования по абсолютному датированию восьми артефактов Юго-Восточной Прибалтики, которые могут быть отнесены к периодам финального палеолита – раннего мезолита, проведены в 2010-х годах (Philippsen et al., 2019). В число продатированных находок попали два артефакта, происходящие с территории изучаемого региона:

1) обломок рога северного оленя со следами обработки (рис. 2: 2). Найден на глубине около 2,35 метра в 1888 г. при спрямлении

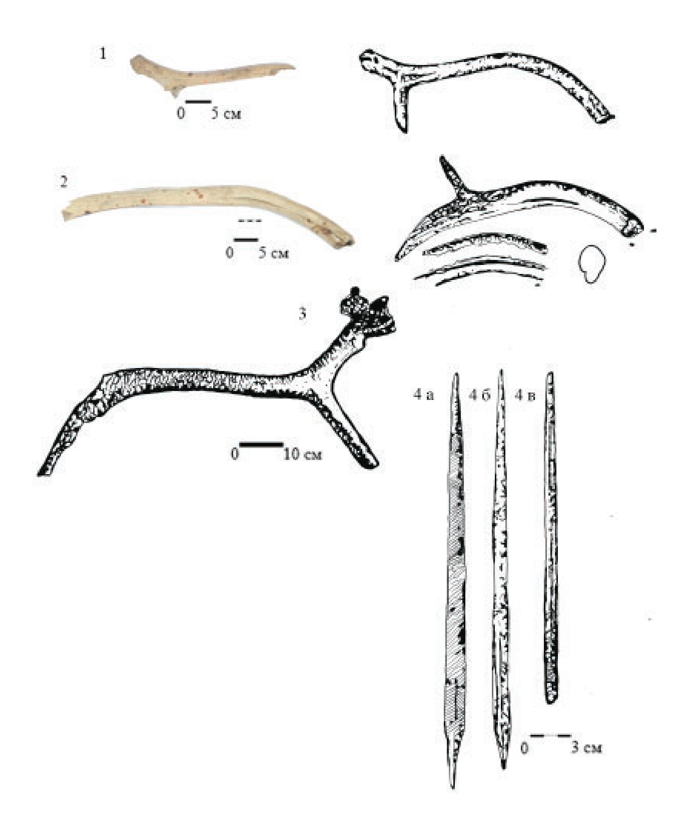

Рис. 2. Изделия из кости (4) и рога (1–3) финального палеолита по опубликованным данным: 1 – Grenzfelde; 2 – Popelken; 3 – Rossitten; 4 – Gumbinnen.
Fig. 2. Final Paleolithic bone (4) and antler (1–3) artifacts according to published data: 1 – Grenzfelde; 2 – Popelken; 3 – Rossitten; 4 – Gumbinnen.

русла реки Мучной, близ с. Высокое (Popelken, Pillkallen) – 12125 ± 55 BP;

2) обломок топора из рога северного оленя (рис. 2: 1). Найден в бывшем русле реки на глубине 2,5 м в 1933 г. рядом с г. Добровольском (Grenzfelde, Pillkallen) – 11580 ± 50 BP.

Кремневые артефакты: местонахождения и стоянки

В отличие от изделий из органических материалов к финальному палеолиту в изучаемом регионе случайные находки из кремневых материалов довоенными исследователями относились гораздо реже.

В 1970-х гг. под руководством В.И. Тимофеева исследована группа стоянок у с. Никольское (I–IV), расположенная на второй надпойменной террасе, которые он отнес к периоду финального палеолита – раннего мезолита. В 1974 г. стационарные работы на площади 64 кв. м проведены на стоянке Никольское IV (Тимофеев, 1974).

Рис. 3. Изделия из кости финального палеолита по опубликованным данным: 1 – Steegen; 2 – Pentikinnen; 3 – Adl. Penken; 4 – Abschruten; 5 – Dagutschen; 6 – Pogrimmen; 7 – Drusken.
Fig. 3. Final Paleolithic bone artifacts according to published data: 1 – Steegen; 2 – Pentikinnen; 3 – Adl. Penken; 4 – Abschruten; 5 – Dagutschen; 6 – Pogrimmen; 7 – Drusken.

В качестве сырья использовался темно-серый кремень местного происхождения, на момент раскопок покрытый белой патиной. В коллекции (рис. 4: 1) представлена внушительная серия концевых скребков, в том числе семь удлиненных, на пластинах и пластинчатых отщепах. Большинство скребков короткие на широких и довольно массивных, реже тонких фрагментах и сечениях пластин, а также на отщепах с продольными гранями на спинке. Выявлены различные типы резцов: срединные, угловые многофасеточные и резцы на углу сломанной пластинки. Нуклеусы сильно сработанные и фрагментированные. Представлены призматические, одноплощадочные, односторонние нуклеусы и крупный двуплощадочный нуклеус со скошенными ударными площадками.

В публикации В.И. Тимофеева также фигурирует один обломок наконечника стрелы: на толстой, неправильной формы пластинке, слабо выделенный черешок оформлен крутой ретушью, нанесенной лишь на спинку изде-

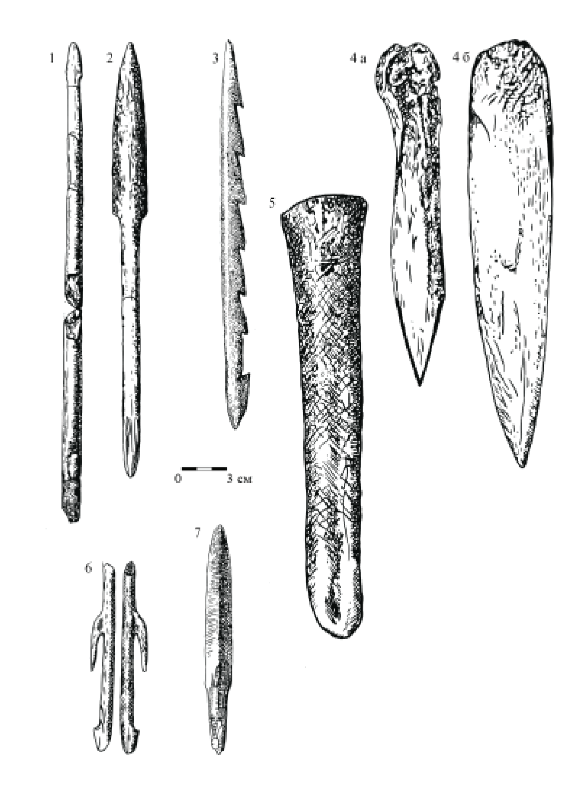

Таблица 1. Местонахождения, относимые исследователями XX века к финальному палеолиту и мезолиту, по опубликованным данным

Table 1. Localities, related by XX century researchers to the Final Paleolithic and Mesolithic, according to published data

Авторское название	Состав находок согласно опубликованным данным	Данные по относительной и абсолютной хронологии	Библиографическая ссылка	Рисунок
Popelken, Pillkalen	Роговая мотыга со следами пиления	Финальный палеолит. Палинологические исследования (Groß, 1938a; 1938b); типологический метод; AMS-датирование (Philippsen et al., 2018)	La Baume, 1924; Gaerte, 1929; Engel, 1935; Engel, La Baume, 1937; Groß, 1938b; Groß, 1939/40; Bohne-Fischer, 1941; Kozłowski 1969; Šturms, 1970; Okulicz, 1973	Рис. 2: 2. По: Philippsen et al., 2018, fig. 1: 8; Šturms, 1970, taf. 2: 2
Abschruten, Pilkallen	Орудия из кости: наконечник копья, сделанный из расколотой длиной кости зубра; гарпун; обломок четырехгранного наконечника дротика из кости щуки; кремневые изделия	Финальный палеолит. Палинологическое исследование (Groß, 1938a); типологический метод	Engel, La Baume, 1937; Groß, 1938a, 1938b; Bohne-Fischer, 1941; Engel, La Baume, 1937; Kozłowski 1969; Šturms, 1970; Okulicz, 1973.	Рис. 3: 4. 4 а по: Šturms, 1970, taf. 2: 3; 4 б по: Okulicz, ryp. 15: b
Dagutschen, Pillkallen	Орудие из кости	Финальный палеолит. Палинологические исследования (Groß, 1938a, 1938b); типологический метод	Groß, 1938a, 1938b; Engel, La-Baume, 1937; Kozłowski, 1969; Šturms, 1970; Okulicz, 1973	Рис. 3: 5 По: Šturms, 1970, taf. 7: 3
Grumkowsfelde (Schloflberg), Pillkallen	Орудия из кости	Финальный палеолит и мезолит. Типологический метод	Engel, 1935; Engel, La Baume, 1937; Groß, 1938b; Bohne-Fischer 1941; Šturms, 1970	Иллюстрации в публикациях отсутствуют
Grenzfelde, Pillkalen	Роговая мотыга	Финальный палеолит. Палинологические исследования (Groß, 1938a; 1938b); типологический метод; AMS-датирование (Philippsen et al., 2018)	Groß, 1938a, 1938b; Bohne-Fischer, 1941; Kozłowski 1969; Okulicz, 1973	Рис. 2: 1 По: Philippsen et al., 2018, fig. 1: 5; Šturms, 1970, taf. 4: 5
Pillkallen, Pillkallen	Рог оленя с насечками	Финальный палеолит и мезолит. Типологический метод	Engel, 1935; Engel, La Baume, 1937	Иллюстрации в публикациях отсутствуют.
Szirgupönen, Gumbinen	Наконечник дротика из кости ланцетовидной формы с орнаментом	Финальный палеолит и мезолит. Типологический метод	Ebert, 1927; Gaerte, 1929; Engel, 1935; Groß, 1938b; Šturms, 1970; Okulicz, 1973	Рис. 2: 4 а По: Gaerte, 1929, abb. 4: g;
Gumbinen, Gumbinen	Костяные орудия (наконечники копья?)	Финальный палеолит. Типологический метод	Engel, 1935; Groß, 1938a, 1938b, Groß 1939/40; Engel, La Baume, 1937; Bohne-Fischer, 1941; Kozłowski, 1969; Šturms, 1970; Okulicz, 1973	Рис. 2: 4 б, в 4 б по: Okulicz, ryp. 16: a; 4 в по: Šturms, 1970, taf. 5: 2
Deutsch Thierau, Heiligenbeil	Кусок рога северного оленя со следами обработки (заготовка мотыги типа «Лингби»)	Финальный палеолит. Палинологические исследования (Groß, 1939/40); типологический метод	Groß, 1938b; Groß, 1939/40; Bohne-Fischer, 1941; Kozłowski 1969; Šturms, 1970; Okulicz, 1973	Иллюстрации в публикациях отсутствуют
Heiligenbeil, Heiligenbeil	Кусок рога оленя с насечками	Финальный палеолит и мезолит. Типологический метод	Engel, 1935; Engel, La Baume, 1937; Groß, 1938b	Иллюстрации в публикациях отсутствуют.
Dösen bie Zinten, Heiligenbeil	Рог оленя с насечками	Финальный палеолит. Типологический метод	Groß, 1938b	Иллюстрации в публикации отсутствуют

Авторское название	Состав находок согласно опубликованным данным	Данные по относительной и абсолютной хронологии	Библиографическая ссылка	Рисунок
Maraunen bie Zinten, Heili-genbeil	Орудия из кости: вкладышевые наконечники и наконечник биконической формы; 4 обработанных рога (в т.ч. одна заготовка мотыги типа «Лингби»)), кости оленя	Финальный палеолит. Палинологические исследования (Groß, 1938b); типологический метод	Engel, 1935; Groß, 1938b; Groß, 1939/40; Kozłowski, 1969; Šturms, 1970; Okulicz, 1973	Иллюстрации в публикациях отсутствуют
Allenburg, Wehlau	Рог оленя с насечками	Финальный палеолит. Типологический метод	Groß, 1938b	Иллюстрации в публикации отсутствуют
Plicken, Stal-lupönen	Костяное орудие (кинжал (?) из кости)	Финальный палеолит. Палинологическое исследование (Groß, 1939/40); типологический метод	Groß, 1939/40; Kozłowski, 1969; Sturms, 1970	Иллюстрации в публикациях отсутствуют.
Drusken, Stal-lupönen	Наконечник копья из кости лося	Финальный палеолит. Палинологическое исследование (Groß, 1943); типологический метод	Groß, 1943; Kozłowski, 1969; Šturms, 1970; Okulicz, 1973	Рис. 3: 7 По: Groß, 1943, abb. 1
Pogrimmen, Darlehmen	Костяные орудия (в т.ч. гарпун)	Финальный палеолит и мезолит. Типологический метод	Ebert, 1927; Gaerte, 1929; Groß, 1939/40; Engel, 1935; Engel, La Baume, 1937; Bohne-Fisher, 1941; Sturms, 1970	Рис. 3: 6 По: Šturms, 1970, taf. 6: 6
Rossiten, Fis-chhausen	Рог северного оленя (со следами обработки) (заготовка мотыги типа «Лингби»)	Финальный палеолит и мезолит. Палинологические исследования (Groß, 1939/40); типологический метод	Groß, 1938b; Groß, 1939/40; Engel, La Baume, 1937; Bohne-Fischer, 1941; Kozłowski, 1969; Okulicz, 1973	Рис. 2: 3 По: Kulikauskas, 1959, pav. 1
Pentekinnen, Fischhausen	Лопатообразный наконечник копья с расширенным лезвием из рога оленя	Финальный палеолит и мезолит. Типологический метод	Ebert, 1927; Gaerte, 1929; Groß, 1939; Groß, 1943; Šturms, 1970; Okulicz, 1973	Рис. 3: 2 По: Gaerte, 1929, abb. 4: e
Penken, Preußisch Eylau	Гарпуны и острие из кости	Финальный палеолит. Типологический метод	Gaerte, 1929; Engel, 1935; Bohne-Fisher, 1941; Šturms, 1970; Okulicz, 1973	Рис. 3: 3 По: Gaerte, 1929, abb. 5: a
Garbnicken, Pr, Eylau	Кусок рога северного оленя со следами обработки (заготовка мотыги типа «Лингби»?)	Финальный палеолит и мезолит. Типологический метод	Groß, 1938b	Иллюстрации в публикациях отсутствуют
Gr. Steegen, Preußisch Eylau	Орудия из кости: гарпуны (три шт.), наконечник копья; мотыга (?) из кости или рога; рыболовный «крючок» (?) из кости	Финальный палеолит и мезолит. Типологический метод	Ebert, 1927; Gaerte, 1929; Engel, La Baume, 1937; Groß, 1938b; Groß, 1939; Bohne-Fischer, 1941; Groß, 1943; Šturms, 1970; Okulicz, 1973	Рис. 3:1 По: Gaerte, 1929, abb. 4: d

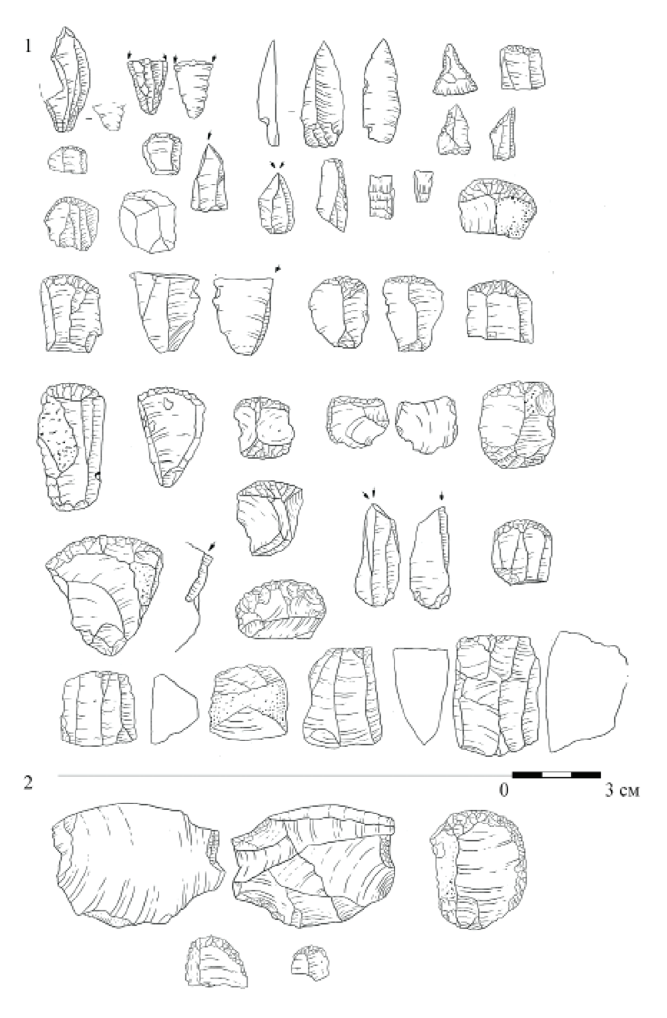

Рис. 4. Кремневые артефакты финального палеолита по опубликованным данным: 1 – Никольское IV (по: Тимофеев, 1983, с. 29, рис. 2); 2 – Запань (Рябиновка) (по: Тимофеев, 1983, с. 32, рис. 3).
Fig. 4. Final Paleolithic flint artifacts according to published data: 1 – Nikolyskoe IV (Timofeev, 1983, p. 29, fig. 2), 23 – Zapan (Ryabinovka) (Timofeev, 1983, p. 32, fig. 3).

лия. Среди подъемного материала отмечен обломок черешка наконечника (Тимофеев, 1983, с. 30).

В 1961 г. Н.Н. Гуриной было выявлено местонахождение Рябиновка у с. Запань (Гурина, 1961, с. 4) на левом берегу р. Шешупе на второй надпойменной террасе. Исследователь соотнесла материал с мезолитическим временем (рис. 4: 2). Впоследствии на этом местонахождении проводил сборы В.И. Тимофеев (Тимофеев, 1974, с. 32), который предположил финальнопалеолитический возраст материалов.

В 5,7 км от стоянок Никольской группы выявлены несколько стоянок у пос. Рядино, рядом с местонахождением Рябиновка. Планомерные работы проведены на стоянке Рядино V в 2009 и 2011 гг. (общая площадь раскопа за два года – 28 кв. м, коллекция находок более 2 000 экз.) (Дружинина, 2010, с. 285). Памятник расположен на пологой площадке, высота над урезом воды до 12 м. Коллекция в основном представлена отходами производства. Среди орудий исследователи выделяют: различные скребки (округлые, на средних и мелких отщепах, с плоской и высокой спинками, часто обработанные радиальными сколами; подчетырехугольные вытянутые и укороченные; концевые на пластинах), резцы на пластинах, сработанных нуклеусах, осколках кремня, а также проколки, ножи, скребла, комбинированные орудия. Нуклеусы представлены тремя формами: конусовидные одноплощадочные с круговым и односторонним огранением; подпризматические двуплощадочные; аморфные (Молодьков, Дружинина, 2016, с. 131).

Доступные в литературе и архивах материалы обрывочны. Согласно им (Дружинина, 2012; Дружинина, Дружинина, 2015), в ходе полевых исследований была выявлена мезолитическая яма, заполненная угольками. По ним получена радиоуглеродная дата, имеющая большое стандартное отклонение – 8800 ± 600 л. н. (Ле-9049). Результаты же проведенного OSL-датирования отложений никак не согласуются с доступными по литературе археологическими материалами (Молодьков, Дружинина, 2016).

Перспективы исследований

На данный момент можно с уверенностью говорить о присутствии человека на территории Калининградской области в период финального палеолита. Подтверждением тому являются результаты AMS-датирования находок из рога северного оленя со следами обработки. Отнесение к финальному палеолиту всех местонахождений (табл. 1) с изделиями из кости и рога, выделенных по литературе, представляется преждевременным. Как и указывали сами исследователи, вероятность отнесения артефактов к мезолитическому периоду велика. Необходимо как продолжение прямого радиоуглеродного датирований доступных материалов, так и составление типологических рядов выявленных артефактов в широком контексте материалов Юго-Восточной Прибалтики.

В последние годы были выявлены стоянки финального палеолита в северной части Литвы – стоянка Парупе на р. Нямунелис. По результатам радиоуглеродного датирования изделия из рога северного оленя (выявлено в качестве случайной находки) была получена дата 11170 ± 40 (BETA-403383) (Girininkas et al., 2016; Rimkus, Girininkas, 2021a). Там же обнаружены и местонахождения с находками из кремня финального палеолита.

Что касается кремневого инвентаря, проанализированного по опубликованным данным, то к материалам финального палеолита предположительно можно отнести на основании кремневой коллекции лишь стоянку Никольское IV. Для подтверждения данного вывода необходим как детальный технологический анализ артефактов, так и повторные полевые исследования с целью поиска объектов на памятнике с датирующим материалом.

Отметим, что в прибрежной части Литвы, на границе с Калининградской областью, в верховьях р. Неман выявлена серия стоянок у р. Аукштумала, относящихся к пребореальному времени (Rimkus, Girininkas, 2021b).

Пространственное распределение местонахождений из кости и рога позволяет выделить скопление артефактов в восточной части Калининградской области – в Краснознаменском и Нестеровском районах, а также на юго-западе – в Багратионовском районе и в Мамоновском городском округе.

Для более детального рассмотрения вопросов выделения культурных традиций в регионе и тем более изучения проблематики перехода от финального палеолита к мезолиту необходима комплексная работа: пересмотр уже существующих коллекций, а также проведение новых полевых работ, результаты которых будут обеспечены естественно-научными данными и детальным типологическим анализом для их сравнения с материалами других регионов. Также необходимо последующее сравнение выявленных местонахождений с результатами палеогеографических исследований в регионе (Кублицкий, 2016).

В то же время создание единой базы данных и максимально возможное картирование случайных находок (как из органических материалов, так и кремневых изделий), доступных по публикациям, позволит выявить наиболее перспективные места для проведения разведочных работ в рамках решения вопросов заселения человеком Юго-Восточной Прибалтики.

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н.Н. Отчет об археологических работах, проведенных в Калининградской области в 1961 году // Архив ИА РАН. № 2345.

Дружинина О.А. Отчет об археологических исследованиях (разведках) в нижнем течении р. Шешупе в Неманском и Краснознаменском районах Калининградской области в 2007 году. 2008 // Архив ИА РАН. № 47376.

Дружинина И.А. Отчет об охранных археологических исследованиях (раскопках) выявленного объекта историко-культурного наследия стоянки каменного века Рядино 5 (Калининградская область) в 2011 году. 2012 // Архив ИА РАН. № 29673.

Дружинина О.А. Отчет об археологических исследованиях (разведках) в нижнем течении р. Шешупе в Неманском районе Калининградской области в 2008 году. 2009 // Архив ИА РАН. № 42752

Дружинина О.А. Финальный палеолит Юго-Восточной Прибалтики: состояние изученности (по материалам Калининградской области) // Stratum Plus. 2010. № 1. С. 277–286.

Дружинина О.А., Дружинина И.А. Междисциплинарные исследования стоянки Рядино 5 в нижнем течении р. Шешупе (Калининградская область) // Археологические открытия 2010-2013 годов / Отв. ред. В.Н. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 28–29.

Дружинина О.А., Сходнов И.Н. Долина реки Шешупе — территория древнейшего заселения Юго-Восточной Прибалтики // Человек, адаптация, культура. К 75-летию С.В. Ошибкиной / Отв. ред. А.Н. Сорокин. М., Тула: «Гриф и К», 2008. С. 72–78.

Жилин М.Г. Отчет о разведочных работах в Калининградской области в 2009 году. 2010 // Архив ИА РАН. № 36871.

Жилин М.Г. Новые памятники мезолита на Виштынецком озере // Археология Балтийского региона / Ред. Н.А. Макаров, А.В. Мастыкова, А.Н. Хохлов. М.: ИА РАН, 2013а. С. 9–21.

Жилин М.Г. Отчет о работах в Калининградской области в 2012 г. 2013б. // Архив ИА РАН. № 36591.

Калечиц Е.Г., Колосов А.В. Финальный палеолит на территории Беларуси в свете новых данных // Копытинские чтения – I, II: сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Могилев, 17–18 мая 2018 г. / Ред. М.И. Матюшевская. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2018. С. 5–9.

Кублицкий Ю.А. Динамика природных условий юго-восточной части Балтийского региона в позднем неоплейстоцене и в голоцене. Дисс. …канд. географ. наук. СПб., 2016. 150 с.

Молодьков А.Н., Дружинина О.А. Хронология, археология и палеоклиматический контекст древнейшей палеолитической стоянки Балтийского региона Рядино-5 (Калининградская область) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5. Ч. 1 / Ред. Н.П. Матвеева. Тюмень:ТюмГУ, 2016. С. 129–133.

Римантене Р. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс: Минтис, 1971. 203 с.

Тимофеев В.И. Отчет о работе Калининградского неолитического отряда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1974 году // Архив ИА РАН. № 5880.

Тимофеев В.И. Отчет о работе Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1981 году // Архив ИА РАН. № 8630.

Тимофеев В.И. Мезолитические памятники в нижнем течении р. Шешупе: Калининградская область // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Л.: Наука, 1983. С. 27–35.

Тимофеев В.И. Находки каменного века с побережья Виштынецкого озера (Калининградская обл.) // Stratum Plus. 2001–2002. № 1. С. 473–478.

Тимофеев В.И., Филиппов А.К. Три изделия из рога северного оленя, найденные в Юго-Восточной Прибалтике // СА. 1981. № 2. С. 251–255.

Bezzenberger A. Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner. Stuttgart: J. Engelhorn, 1889. 140 p.

Bohne-Fischer H. Ostpreußens Lebensraum in der Steinzeit. Eine vorgeschichtliche Landeskunde // Schriften der Albertus-Universität. Naturwissenschaftliche Reihe. Band 2. Konigsberg; Berlin, 1941. 156 p.

Ebert M. Reallexikon der Vorgeschichte. Unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter herausgegeben. Neunter Band: Norddeutschland-Oxusschatz. Mit 251 Tafeln. Berlin: Walter de Gruyter & CO, 1927. 322 p.

Engel C. Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1935. 346 p.

Engel C., La-Baume W. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1937. 291 p.

Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussenp. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1929. 406 p.

Galiński T., Zych I. Typological, chronological and cultural verification of Pleistocene and early Holocene bone and antler harpoons and points from the southern Baltic zone // Przegląd Archeologiczny, 61, 2013. P. 93–144.

Girininkas A., Rimkus T., Slah G., Daugnora L., Stančikaitė M., Zabiela G. Lyngby type artifacts of Lithuania in the context of the Stone Age in Europe: Multidisciplinary study // Arheologija un etnogrāfija. 2016. Vol. 29. P. 13–30.

Grigaliūnas M. The First Palaeolithic and Mesolithic Settlements in Aukštumala, Šilutė District, the Nemunas River Delta // Archaeologia Baltica. 2013. Vol. 20. P. 174–189.

Gross H. Auf den altesten Spuren des Menschen in Altpreussen // Prussia. 1938a. H. 32, Königsberg. P. 81–140.

Gross *H.* Die altesten Steinzeitfunde Altpreussens // Prussia. Königsberg, 1938b. H.3. P. 83–85.

Gross H. Die Bedeutung des Renntierjägerfundes von Bachmann, Kreis Memel // Altpreußen. 1939, 4. H.3. P. 65–67.

Gross H. Die Renntierjäger-Kultren Ostpreussens // Prähistorische Zeitschrift. 1939–1940. T. 30–31. P. 39–67.

Gross H. Das Renntier in der ostpreußischen Vorgeschichte // Altpreußen. 1940. H. 1. P. 1-4

Gross H. Die Renntierjäger-Lanzenspitze von Drusken (Kreis Ebenrode) // Prussia: Zeitschrift für Heimatkunde. Königsberg, 1943. Bd. 35. P. 5–12

Hollack E. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. Glogau; Berlin: Carl Flemming, 1908. 234 p.

Kozlowski P.K. Z problematiki polskiego mezolitu (cz. 9) // K sprawie granicy paleolitu I mezolitu w Polsce. Światowit. 1969. T. 30. P. 117–134.

Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 1973. 588 p.

Ostrauskas T. Apie vėlyvojo paleolito periodizaciją Lietuvoje. E. Šatavičiaus koncepcijos kritika // Lietuvos archeologija. 2002. T. 23. P. 239–246.

Philippsen B., Ivanovaitė L., Makhotka K., Sauer F., Riede F., Olsen J. Eight New Late Pleistocene/Early Holocene AMS Dates from the Southeastern Baltic // Radiocarbon. 2019. Vol. 61 (2). P. 615–627. Doi:10.1017/RDC.2018.153

Rimkus T., Girininkas A. An attempt to link a lithic complex with the Late Palaeolithic Rangifer tarandus antler axe from the Parupė site in northern Lithuania // Archaeologia Baltica. 2021a. Vol. 28. P. 118–131.

Rimkus T., Girininkas A. The Final Palaeolothic in the Coastal part of Lithuania with technological emphasis on Aukstumala Stone Age sites // Archaeologia Baltica. 2021b. Vol. 28. P. 102–117.

Šatavičius E. Hamburgo kultūros radiniai Lietuvoje // *Lietuvos archeologija.* 2002. T. 23. P. 163-186

Šatavičius E. Lietuvos vėlyvojo paleolito kultūrų periodizacija // Archaeologia Lituana. 2005. T. 6. P. 49–82.

Stančikaitė M., Baltrūnas V., Karmaza B., Karmazienė D., Molodkov A.,Ostrauskas T., Obukhowsky V., Sidorowich W., Motuzko A. The Late Glacial history of Gornitsa foreland and Kovaltsy Palaeolithic site, W Belarus // Baltica. 2011. Vol. 24 (1). P. 25–36.

Šturms E. Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikump. Bonn: Habelt, 1970. 298 p.

Tischler O. Beiträge zur Kenntnis der Steinzeit in Ostpreussen und den angrenzenden Gebieten // Schriften der Phisikalish-ökonomischen Gesellschaft (Königsberg). 1882. T. 23. P. 17–40.

Płonka T., Bobak D., Szuta M. The Dawn of the Mesolithic on the Plains of Poland // Journal of World Prehistory. 2020. Vol. 33. P. 325–383 https://doi.org/10.1007/s10963-020-09146-0

Zhilin M. The new excavation at Vishtynetskaya 1 on late Vistytis // Lietuvis Archeologija. 2016. T. 42. P. 9–24.

Информация об авторах:

Ткач Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); evgeniia.tkach@gmail.com

Малярова Анжела Дмитриевна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); anjvishnev@gmail.com

Тараканов Артем Сергеевич, аспирант, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра (г. Петрозаводск, Российская Федерация); tarakanovartem@yandex.ru

REFERENCES

Gurina, N. N. 1961. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh, provedennykh v Kaliningradskoy oblasti v 1961 godu (Report on archaeological expedition in Kaliningrad region in 1961).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 2345 (in Russian).

Druzhinina, O. A. 2007. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh (razvedkakh) v nizhnem techenii r. Sheshupe v Nemanskom i Krasnoznamenskom rayonakh Kaliningradskoy oblasti v 2007 godu (Report on archaeological studies (reconnaissances) in the lower Šešupė in the Neman and Krasnoznamensk districts of the Kaliningrad region in 2007).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 47376 (in Russian).

Druzhinina, I. A. 2012. *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh (raskopkakh) vyyavlennogo ob"ekta istoriko-kul'turnogo naslediya stoyanki kamennogo veka Ryadino 5 (Kaliningradskaya oblast') v 2011 godu (Report on security archaeological studies (excavation) of the identified object of historical and cultural heritage of the Stone Age campsite Ryadino 5 (Kaliningrad region).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 29673 (in Russian).

Druzhinina, O. A. 2009. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh (razvedkakh) v nizhnem techenii r. Sheshupe v Nemanskom rayone Kaliningradskoy oblasti v 2008 godu (Report on archaeological studies*

(reconnaissances) in the lower Šešupė in the Neman district of the Kaliningrad region in 2008). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 42752 (in Russian).

Druzhinina, O. A. 2010. In *Stratum Plus* (1), 277–286 (in Russian).

Druzhinina, O. A., Druzhinina, I. A. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg. (Archaeological Discoveries of 2010–2013).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 28–29 (in Russian).

Druzhinina, O. A., Skhodnov, I. N. 2008. In Sorokin, A. N. (ed.). *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura (Man, Adaptation and Culture)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 72–78 (in Russian).

Zhilin, M. G. 2010. *Otchet o razvedochnykh rabotakh v Kaliningradskoy oblasti v 2009 godu (Report on reconnaissances in Kaliningrad region in 2009)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 36871 (in Russian).

Zhilin, M. G. 2013. In Makarov, N. A., Mastykova, A. V, Khokhlov, A. N. (eds.). *Arkheologiya Baltiyskogo regiona (Archaeology of Baltic region).* Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 9–21 (in Russian).

Zhilin, M. G. 2012. *Otchet o rabotakh v Kaliningradskoy oblasti v 2012 g. (Report on archaeological works in Kaliningrad region in 2012).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 36591 (in Russian).

Kalechits, E. G., Kolosov, A. V. 2018. In Matyushevskaya, M. I. (ed.). *Kopytinskie chtenija – I, II: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Mogilev, 17–18 maja 2018 g. (Kopytin Readings – I, II: collected articles of the International scientific and practical conference, Mogilev, May 17–18, 2018).* Mogilev: Kuleshov Moscow State University, 5–9 (in Russian).

Kublitsky, Yu. A. 2016. *Dinamika prirodnykh usloviy yugo-vostochnoy chasti Baltiyskogo regiona v pozdnem neopleystotsene i v golotsene (Dynamics of environmental conditions in the southeastern part of the Baltic region in the late Neopleistocene and Holocene).* Diss of Candidate of Geografy Sciences. Saint Petersburg (in Russian).

Molod'kov, A. N., Druzhinina, O. A. 2016. In Matveeva, N. P. (ed.). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshhestv (Ecology of Ancient and Traditional Societies)* 5, part 1. Tyumen: Tyumen State University, 129–133 (in Russian).

Rimantene, R. 1971. *Paleolit i mezolit Litvy (Paleolithic and Mesolithic of Lithuania).* Vilnius: “Mintis” Publ. (in Russian).

Timofeev, V. I. 1974. *Otchet o rabote Kaliningradskogo neoliticheskogo otryada Leningradskogo otdeleniya Instituta arkheologii AN SSSR v 1974 godu (Report on the work of the Kaliningrad Neolithic group of the Leningrad branch of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences USSR in 1974).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 5880 (in Russian).

Timofeev, V. I. 1981. *Otchet o rabote Kaliningradskogo neoliticheskogo otryada Leningradskogo otdeleniya Instituta arkheologii AN SSSR v 1981 godu (Report on the work of the Kaliningrad Neolithic group of the Leningrad Institute of the Academy of Sciences USSR in 1981).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No 8630 (in Russian).

Timofeev, V. I. 1983. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). Izyskaniya po mezolitu i neolitu SSSR *(Research on the Mesolithic and Neolithic of the USSR).* Leningrad: “Nauka” Publ., 27–35 (in Russian).

Timofeev, V. I. 2001–2002. In *Stratum Plus* (1), 473–478 (in Russian).

Timofeev, V. I., Filippov, A. K. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 251–255 (in Russian).

Bezzenberger, A. 1889. *Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner.* Stuttgart: J. Engelhorn.

Bohne-Fischer, H. 1941. In *Schriften der Albertus-Universität. Naturwissenschaftliche Reihe* 2. Konigsberg; Berlin.

Ebert, M. 1927. *Reallexikon der Vorgeschichte. Unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter herausgegeben. Neunter Band: Norddeutschland-Oxusschatz. Mit 251 Tafeln.* Berlin: Walter de Gruyter & CO Publ.

Engel, C. 1935. *Vorgeschichte der altpreussischen Stämme.* Königsberg: Gräfe und Unzer Publ.

Engel, C., La Baume, W. 1937. *Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande.* Königsberg: Gräfe und Unzer Publ.

Gaerte, W. 1929. *Urgeschichte Ostpreussenp.* Königsberg: Gräfe und Unzer Publ.

Galiński, T., Zych, I. 2013. In *Przegląd Archeologiczny*, 61, 93–144.

Girininkas, A., Rimkus, T., Slah, G., Daugnora, L., Stančikaitė, M., Zabiela, G. 2016. In *Arheologija un etnogrāfija,* 29, 13–30.

Grigaliūnas, M. 2013. In *Archaeologia Baltica,* 20, 174–189.

Gross, H. 1938a. In *Prussia,* 32, 81–140.

Gross, H. 1938b. In *Prussia*, 3, 83–85.

Gross, H. 1939a. In *Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg*, 22, 7–11, 65–67.

Gross, H. 1939–1940. In *Prähistorische Zeitschrift*, 30–31, 39–67.

Gross, H. 1940. In *Altpreußen,* 1, 1–4.

Gross, H. 1943. In *Prussia: Zeitschrift für Heimatkunde,* 35, 5–12.

Hollack, E. 1908. *Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen.* Glogau; Berlin: Carl Flemming.

Kozlowski, P. K. 1969. In *Światowit,* 30, 117–134 (in Polish).

Okulicz, J. 1973. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum (in Polish).

Ostrauskas, T. 2002. In *Lietuvos archeologija,* 23, 239–246.

Philippsen, B., Ivanovaitė, L., Makhotka, K., Sauer, F., Riede, F., Olsen, J. 2019. In *Radiocarbon*, 61 (2), 615–627

Rimkus, T., Girininkas, A. 2021a. In *Archaeologia Baltica*, 28, 118–131.

Rimkus, T., Girininkas, A. 2021b. *Archaeologia Baltica,* 28, 102–117.

Šatavičius, E. 2002. In *Lietuvos archeologija,* 23, 163–186.

Šatavičius, E. 2005. In *Archaeologia Lituana*, 6, 49–82 (in Lithuanian).

Stančikaitė, M., Baltrūnas, V., Karmaza, B., Karmazienė, D., Molodkov, A.,Ostrauskas, T., Obukhowsky, V., Sidorowich, W., Motuzko, A. 2011. In *Baltica,* 24 (1), 25–36.

Šturms, E. 1970. *Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikump.* Bonn: Habelt Publ.

Tischler, O. 1882. In *Schriften der Phisikalish-ökonomischen Gesellschaft (Königsberg),* 23, 17–40 (in Germany).

Płonka, T., Bobak, D., Szuta, M. 2020. In *Journal of World Prehistory*, 33, 325–383.

Zhilin, M. 2016. In *Lietuvis Archeologija*, 42, 9–24.

About the Authors:

Tkach Evgeniia P. Candidate of Historical Sciences, Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; evgeniia.tkach@gmail.com

Malyarova Anzhela D. Saint Petersburg State University. Universitetskaya emb., 7 – 9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; anjvishnev@gmail.com

Tarakanov Artem S. Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre Russian Academy of Sciences, Pushkinskaya st., 11, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; tarakanovartem@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.28.39

МЕЗОЛИТ ВОСТОЧНОЙ ФЕННОСКАНДИИ: ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

© 2024 г. Д.В. Герасимов

Хронологические рамки эпохи мезолита Восточной Фенноскандии на основании полученного за последние десятилетия массива радиоуглеродных дат определены от начала анциловой (8900 лет до н.э.) до максимума литориновой (5500 лет до н.э) трансгрессий Прабалтики. Уверенно выделяются периоды раннего и позднего мезолита, существенно различающиеся по материальной культуре, системам расселения, жизнеобеспечения, межрегиональных связей. Хотя различия между «начальным» и «конечным» обликом культуры весьма существенны, судя по имеющимся данным, изменения накапливались постепенно. Условной границей между указанными периодами предлагается считать климатическое событие «9300 кал. л.н.». Климатическое событие «8200 кал. л.н.», вероятно, могло быть причиной социокультурного стресса для населения рассматриваемых территорий, однако не привело к археологически диагностируемым культурным трансформациям.

Ключевые слова: археология, ранний мезолит, поздний мезолит, Восточная Фенноскандия, хронология, периодизация

MESOLITHIC OF THE EASTERN FENNOSCANDIA: CHRONOLOGY AND PERIODIZATION

D.V. Gerasimov

Basing on the array of radiocarbon dates got over the last decades the chronological framework of the Mesolithic of Eastern Fennoscandia was determined from the beginning of the Ancylus (8900 BC) to the maximum of the Litorina (5500 BC) transgressions of the Ancient Baltic Sea region. Periods of the Early and the Late Mesolithic can be confidently distinguished. These periods differ significantly in terms of material culture, settling, subsistence strategy and interregional communication systems. Although the differences between the "initial" and "final" appearance of culture are very significant, judging by the available data, the changes accumulated gradually. It is proposed to consider the climatic event "9300 cal. BP" as the conditional boundary line between these periods. The climatic event "8200 cal. BP" could probably be the cause of social and cultural stress for the population of the Eastern Fennoscandia, but did not lead to archaeologically visible cultural transformations.

Keywords: archaeology, Early Mesolithic, Late Mesolithic, Eastern Fennoscandia, chronology, periodization

Представления о ходе заселения Восточной Фенноскандии после завершения последнего оледенения стремительно менялись в первых десятилетиях XXI в. благодаря серии археологических открытий и развитию методов абсолютного датирования. Специфика каменных индустрий региона обусловила сложность выработки типологических критериев для определения комплексов раннего и позднего мезолита. Но представление о двух периодах мезолитической эпохи сформировалось уже к середине XX в. (историографический обзор см.: Jussila et al., 2012). Однако вплоть до последней четверти XX в. уверенно к раннему мезолиту на основании комплекса археологических и биостратиграфических данных можно было отнести лишь знаменитый комплекс Антреа Корпилахти (Pälsi, 1920; Carpelan, 2008).

В 1970-х гг. на памятнике Ристола в южной Финляндии (упомянутые в статье археологические памятники указаны на рис. 1 и в табл. 1) наличие раннемезолитического компонента в смешанном комплексе было определено благодаря сходству кремнёвого инвентаря с материалами стоянки Пулли на территории Эстонии. Исследования на памятнике были продолжены в 1990-х гг. (Takala, 2004; Jussila et al., 2012), получен многочисленный археологический материал, включая пластины из кремня и изделия на них. Наличие раннемезолитического компонента было подтверждено радиоуглеродной датой (табл. 1). На основании типологии в начале 2000-х гг. был

выделен раннемезолитический комплекс на памятнике Вещево 2 на Карельском перешейке (Takala, 2004).

Наиболее значимые результаты были получены благодаря целенаправленным поискам памятников раннего мезолита на береговых террасах, сформированных во время трансгрессии Анцилового озера – одной из стадий Прабалтики, датируемой в пределах 8900–8200 лет до н. э. (Rosentau et al., 2013). На Карельском перешейке были выявлены памятники Боровское 1 и 2, Вещево 10 и 11, Проточное 4 и 5, Лунное 2 (Лисицын и др., 2015; Halinen, Mökkönen, 2009; Mökkonen et al., 2007; Takala, 2004). Серия раннемезолитических комплексов была выявлена на юге Финляндии (сводку см.: Jussila et al., 2012). Памятники Сааренойа 2 и Хельветинхауданпурро были исследованы раскопками, позволившими получить представительные археологические коллекции (Jussila et al., 2006; Jussila et al., 2012). В Северном Приладожье обследование древних высоких террас позволило выявить раннемезолитические памятники Киркколахти 1 и Хетуойа 1 (Шахнович и др., 2007; Шахнович, 2014).

Выявление раннемезолитических комплексов на высоких террасовых уровнях имело огромное значение для изучения облика материальной культуры раннего мезолита региона, поскольку геоморфологическое положение этих памятников определило их культурно-хронологическую гомогенность.

Облик каменных индустрий мезолита и неолита Восточной Фенноскандии в значительной степени определяется отсутствием природных источников кремня в регионе. Основным сырьём для изготовления орудий являлись кварц и, в меньшей степени, сланец. Немногочисленные изделия из импортного кремня на протяжении всего каменного века являлись индикатором направленности и интенсивности межрегиональных коммуникаций древнего населения (Герасимов и др., 2010).

Заселение Восточной Фенноскандии после схода ледникового покрова происходило, по-видимому, с более южных и восточных территорий, где каменная индустрия была основана на использовании кремнёвого сырья. Этим, вероятно, объясняется наблюдаемая для раннемезолитических материалов тенденция к получению регулярных заготовок

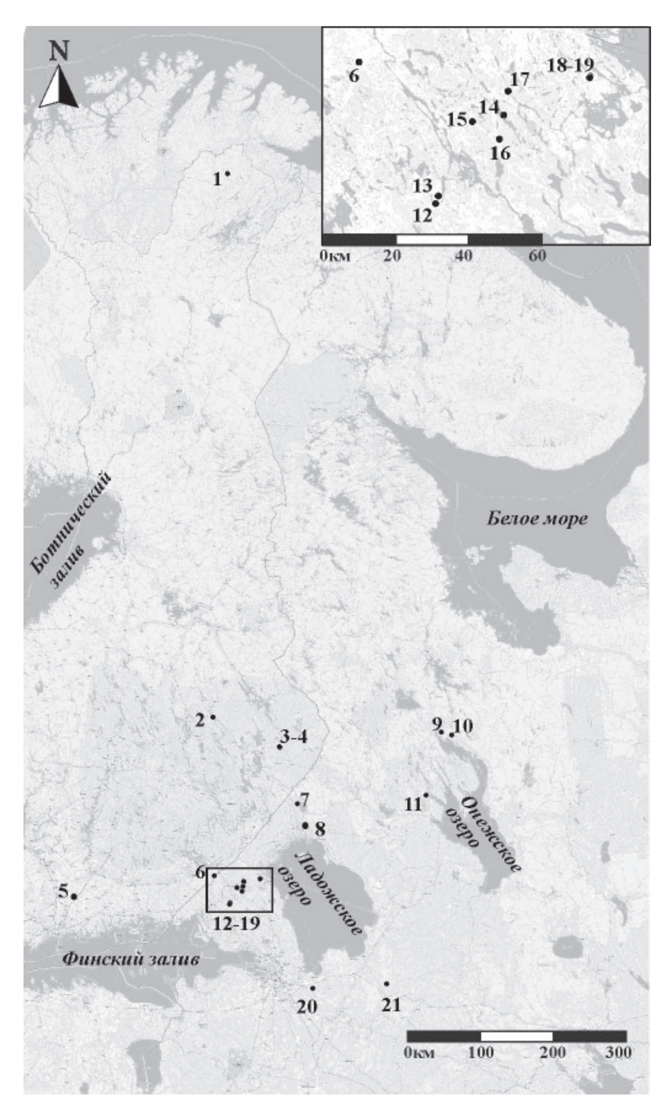

Рис. 1. Карта упомянутых в тексте памятников раннего мезолита Восточной Феннскандии. Номера соответствуют Таблице 1.

Fig. 1. Map of the Early Mesolithic sites of Eastern Fennoscandia mentioned in the article. The numbers correspond to Table 1.

из кварца путём площадочного расщепления. Эта тенденция обусловила предпочтение к использованию высококачественного жильного кварца, обладающего большей изотропностью по сравнению с кварцевыми гальками из моренных отложений, широко использовавшимися в этот и позднейшие периоды с применением биполярного расщепления. На протяжении периода раннего мезолита наблюдается снижение доли изделий из импортного кремня в коллекциях и увеличение доли изделий из кварца (Jussila et al., 2012).

При всей немногочисленности кремнёвого инвентаря именно в нём представлены морфологически выразительные изделия,

Таблица. 1. Список упомянутых в тексте памятников раннего мезолита и радиоуглеродных дат из раннемезолитических контекстов (по: 1 – Pesonen et al., 2014; 2 – Jussila et al., 2012; 3 – Takala, 2004; 4 – Лисицын и др., 2015; 5 – Carpelan, 2008; 6 – Шахнович и др., 2007; 7 – Sørensen et al., 2013; 8 – Jussila et al., 2007; 9 – Tarasov, 2018; 10 – Герасимов и др., 2019; 11 – Halinen, Mökkönen, 2009; 12 – Mökkönen et al., 2007; 13 – Шахнович и др., 2014). Даты приведены к календарному возрасту в программе OxCal 4.4 (Bronk Ramsey, 2009), калибровочная кривая IntCal20 (Reimer et al., 2020)

Table. 1. List of Early Mesolithic sites mentioned in the article and radiocarbon dates from the Early Mesolithic contexts (after: 1 – Pesonen et al., 2014; 2 – Jussila et al., 2012; 3 – Takala, 2004; 4 – Lisitsyn et al., 2015; 5 – Carpelan, 2008; 6 – Shakhnovitch et al., 2007; 7 – Sørensen et al., 2013; 8 – Jussila et al., 2007; 9 – Tarasov, 2018; 10 – Gerasimov et al., 2019; 11 – Halinen, Mökkönen, 2009; 12 – Mökkönen et al., 2007; 13 – Shakhnovitch et al., 2014). The dates were calibrated to calendar age in the OxCal 4.4 program (Bronk Ramsey, 2009), IntCal20 calibration curve (Reimer et al., 2020)

Название памятника	Номер на карте	Индекс даты	C14 л.н.	лет до н.э. (68,3%)	лет до н.э. по медиане	состав образца (определения фауны – К. Маннермаа)	публикация
Jokivarsi 1	3	Hela-2947	9560±60	9125-8802	8971	берёзовый дёготь	1
		Ua-41027	9507±85	9121-8654	8883	кальцинированная кость (млекопитающее)	1
		Hela-2946	9489±59	9116-8646	8815	кальцинированная кость (лось)	1
		Hela-2945	9408±59	8766-8574	8688	кальцинированная кость (лось)	1
Rahakangas 1	4	Hela-2721	9533±56	9121-8761	8924	кальцинированная кость (лось)	1
		Hela-2380	9461±61	9046-8632	8762	кальцинированная кость (лось)	1
		Hela-882	9405±80	8786-8561	8691	кальцинированная кость (лось)	1
Saarenoja 2	6	Hela-2488	9477±57	9112-8641	8788	кальцинированная кость	2
		Hela-2490	9438±56	8786-8631	8724	кальцинированная кость	2
		Hela-2492	9431±58	8785-8627	8716	кальцинированная кость	2
		Hela-2489	9425±56	8775-8626	8707	кальцинированная кость	2
		Hela-2491	9411±56	8762-8621	8691	кальцинированная кость	2
		Hela-2493	9385±57	8742-8567	8663	кальцинированная кость	2
		Hela-758	9350±75	8737-8487	8610	кальцинированная кость	3
		Hela-728	9310±75	8701-8432	8553	кальцинированная кость	3
Боровское 2	15	Hela-3164	9336±58	8704-8485	8593	кость наземного млекопитающего	4
		Hela-3163	9273±59	8616-8358	8497	кость наземного млекопитающего	4
Антреа (Antrea Korpilahti)	16	Hel-1303	9310±140	8732-8343	8574	сосновая кора (поплавок)	5

		Hel-269	9230±210	8791-8234	8499	сосновая кора (поплавок)	5
		Hela-404	9140±135	8555-8242	8383	луб ивы (рыболовная сеть)	5
Киркколахти 1	7	Ua-24774	9300±85	8697-8355	8537	кальцинированная кость (лось)	6
Боровское 1 (Suuri Kelpojärvi)	14	Hela-931	9275±120	8631-8326	8517	кальцинированная кость	3
Sujala	1	Hela-1102	9265±65	8611-8352	8487	уголь	7
		Hela-1442	9240±60	8551-8346	8456	уголь	7
		Hela-1441	9140±60	8429-8283	8367	уголь	7
		Hela-1103	8940±80	8252-7963	8091	кальцинированная кость	7
		Hela-1104	8930±85	8247-7960	8078	кальцинированная кость	7
Helvetinhaudan-puro	2	Hela-918	9200±75	8536-8304	8424	кальцинированная кость (лось)	8
Повенчанка V	10	Poz-75,437	9140±50	8425-8284	8356	кальцинированная кость (челюсть бобра)	9
		Poz-84,292	8910±50	8227-7966	8084	кальцинированная кость (млекопитающее)	9
		Poz-72,474	8210±40	7319-7084	7225	кальцинированная кость (млекопитающее)	9
Пиндуши XXX-VIII	9	Poz-72,011	9000±50	8287-8021	8233	кальцинированная кость северного оленя	9
Бесовы Харчевни	21	Hela-4399	8992±47	8284-8019	8227	кальцинированная кость северного оленя	10
Лунное 2 (Juhola 2)	17	Hela-1164	8970±75	8281-7974	8123	кальцинированная кость	11
Ristola	5	Hela-727	8880±75	8227-7944	8037	кальцинированная кость	3
Проточное 4 (Rupunkangas 1)	18	Hela-1182	8770±85	7957-7609	7851	уголь	12
		Hela-1197	8130±65	7301-7046	7132	уголь	12
Вещево 10 (Valklampi 1)	13	Hela-743	8765±65	7949-7659	7825	кальцинированная кость	3
Проточное 5 (Rupunkangas 3)	19	Hela-1165	8740±80	7940-7606	7799	кальцинированная кость	12
Повенчанка I	10	Poz-84,288	8750±50	7940-7612	7786	кальцинированная кость s (млекопитающее)	9
Вещево 11 (Valklampi 2)	13	Hela-744	8720±70	7932-7601	7754	кальцинированная кость	3
Хетуойа 1	8	Hela-3059	8721±56	7946-7596	7738	уголь древесный	13
Чална III	11	Poz-84,291	8580±50	7648-7539	7593	кальцинированная кость s (млекопитающее)	9
Вещево 2 (Tarhojenranta)	12	-	-	-	-	-	3
Апраксин	20	-	-	-	-	-	10

дающие основания для культурной атрибуции комплексов. Опубликованный недавно обобщающий обзор (Мурашкин, 2024) показал, что присутствие пластин и микропластин (как из импортного кремня, так и из местных изотропных пород) в материалах раннего мезолита Восточной Фенноскандии было не «экзотикой», а характерным элементом культуры. Среди других характерных для раннего мезолита изделий из кремня следует отметить черешковые наконечники на пластинах, специфические миниатюрные острия, концевые скребки. Присутствие указанных типов изделий и прослеживаемые по источникам кремнёвого сырья удалённые контакты древнего населения свидетельствуют о том, что в раннем мезолите Восточная Фенноскандия была частью единой культурной общности Бутово – Пулли – Веретье – Парч с высокой мобильностью населения (Жилин, 2000; Ошибкина, 2006; Герасимов и др., 2010).

Результаты исследований памятника Суяла и ряда других со схожими материалами в Лапландии позволили сделать вывод о достаточно быстрой миграции в середине 9 тыс. до н. э. с юго-востока коллективов носителей пластинчатой индустрии (Sørensen et al., 2013). Раннемезолитический возраст этих материалов подтверждается и серией радиоуглеродных дат. Близкие типологические и технологические аналогии материалам Суялы прослеживаются в материалах памятника Лотова Гора на территории Вологодской области (Косорукова, 2000).

Слабым местом предположения о такой миграции являлось отсутствие в Карелии и Южном Приладожье памятников, уверенно относимых к раннему мезолиту. Однако относительно недавно (Tarasov, 2018) были получены радиоуглеродные датировки, показавшие весьма ранний возраст стоянок Повенчанка I, V, Пиндуши XXXVIII и Чална III в северо-западном Прионежье.

Выявлены материалы раннего мезолита в Южном Приладожье, Ленинградская обл. (Герасимов и др., 2019). В 2017 г. близ пос. Апраксин был найден призматический одноплощадочный нуклеус для снятия пластин из сильно патинированного мелового кремня.

В 2018 г. при раскопках под руководством С.В. Бельского комплекса раннего Средневековья Бесовы Харчевни в основании культурного слоя был зафиксирован раннемезолитический контекст. Обнаружены несколько десятков кремнёвых артефактов, включая фрагменты микропластин и остаточные нуклеусы. Анализ фаунистических остатков, проведённый К. Маннермаа (Хельсинский Университет, Финляндия), выявил кости лося и северного оленя. Радиоуглеродная AMS-дата (табл. 1) подтвердила раннемезолитический возраст памятника.

Период раннего мезолита был временем существования в лесной полосе Восточной Европы в значительной степени единого культурного пространства, простиравшегося от Урала до Кольского полуострова и Прибалтики. Распад этого единства произошёл, предположительно, во второй половине 8 тыс. до н. э. В качестве важнейшего различия между ранним и поздним мезолитом для многих культур лесной полосы Восточной Европы исследователи указывают смену сырьевой стратегии. Основой каменных индустрий становится практически исключительно локально доступное сырьё. На территории Финляндии, Карелии, Кольского полуострова, в регионе Финского залива это прежде всего галечный кварц, использование которого повлекло широкое применение биполярной техники расщепления. В Прионежье, богатом сланцем и сланцеподобными метаморфическими породами, значительная часть морфологически выразительных орудий изготавливалась в позднем мезолите из этих материалов (Филатова 2004). На территории Вологодской и Архангельской областей, в ареале распространения культуры Веретье, отмечается переход от использования «высококачественного» импортного кремня к локальному кремнёвому сырью более низкого качества, что сказывается и на морфологии орудий (Ошибкина, 2006; Косорукова 2000).

Уменьшение использования импортного каменного сырья и, вероятно, в целом снижение интенсивности удалённых контактов сопровождалось изменениями в системе жизнеобеспечения древнего населения (обзор см. Герасимов и др., 2010; Крийска, Герасимов, 2014; Seitsonen et al., 2017; Gerasimov, Kriiska, 2018). В раннем мезолите основной добычей были наземные лесные животные – лось, северный олень, бобр. Встречаются остатки боровой дичи. Рыболовство, судя по фаунистическим остаткам, практиковалось на внутренних небольших водоёмах. В позд-

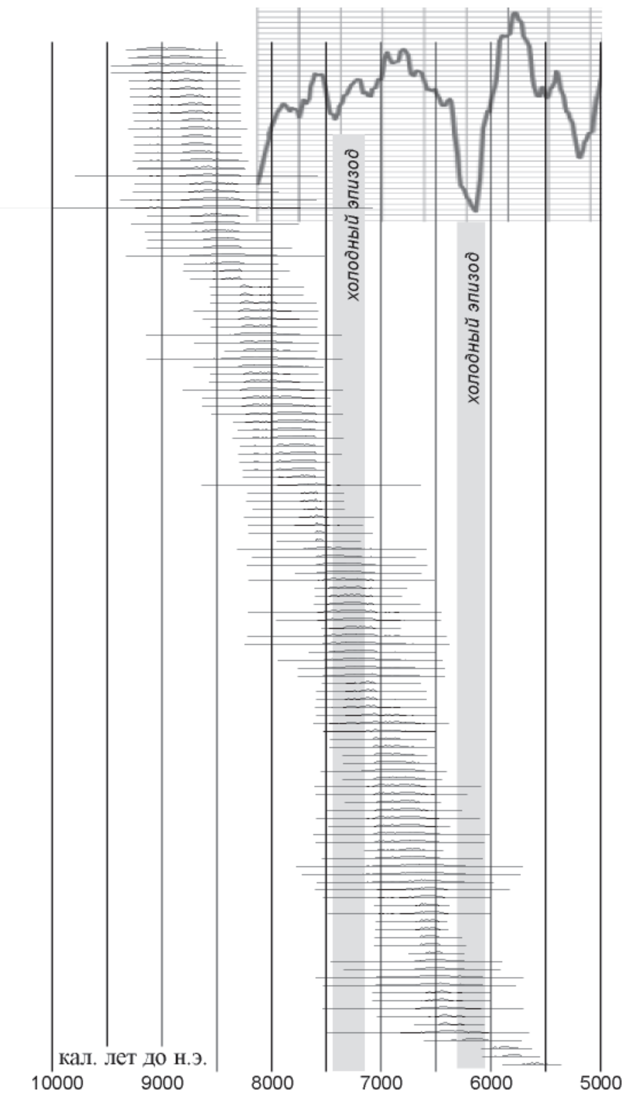

Рис. 2. Обобщённая хронологическая модель мезолита Восточной Фенноскандии. Данные из (Таб. 1; Pesonen et al., 2014; Tallavaara et al., 2014). Сверху - модель изменений среднегодовых температур по результатам анализа гренландского ледяного керна GISP2 (Alley, 2000).

Fig. 2. Generalized chronological model of the Mesolithic of Eastern Fennoscandia. Data from (Table 1; Pesonen et al., 2014; Tallavaara et al., 2014). Above is a model of changes in average annual temperatures based on the results of the analysis of the Greenland ice core GISP2 (Alley, 2000).

нем мезолите всё более существенную роль в системе жизнеобеспечения древнего населения занимают водные биологические ресурсы. Наиболее ярко это проявляется в материалах памятников, расположенных по берегам крупных водоёмов: Балтийского моря и крупнейших озёр Европы – Ладожского, Онежского, озера Древняя Саймаа. Значительная часть фаунистических остатков в позднем мезолите здесь представлена костями ластоногих. Важным открытием является выявление костей нерпы в материалах памятника Фофаново XIII (конец 4 тыс. до н. э.) в Западном Прионежье (Askeyev et al., 2023). Присутствие нерпы в Онеге в 4 тыс. до н. э. позволяет уверенно предполагать, что этот вид обитал здесь и ранее.

Формирование в рамках присваивающего хозяйства эффективной системы жизнеобеспечения, вероятно, способствовало более оседлому, чем в раннем мезолите, образу жизни. Это могло привести к появлению определённых ограниченных территорий, ресурсы которых контролировались отдельными коллективами. Свидетельством существования таких территорий является появление первых керамических традиций. В Восточной Фенноскандии и в регионе Финского залива керамика появляется практически одновременно около 5300 лет до н. э. в виде трёх традиций – нарвской, сперрингс и сяряйсниеми 1 (Герман, 2018; Киселёва, 2023; Kriiska et al., 2017). При различиях в керамических традициях облик остальных составляющих материальной культуры во всём рассматриваемом регионе остаётся достаточно схожим. Различия, как и в позднем мезолите, в первую очередь обусловлены особенностями локально доступного сырья для изготовления каменных орудий.

Накопленный к настоящему времени массив радиоуглеродных дат по образцам из раннемезолитических комплексов Восточной Фенноскандии, опубликованный в нескольких сводках (Pesonen et al., 2014; Tallavaara et al., 2014), представляет вполне надёжные основания для абсолютной хронологии этого периода (рис. 2, 3).

Начало эпохи мезолита определяется заселением освободившихся от ледника территорий. После отхода ледника около 9700 лет до н. э. здесь, вероятно, была обводнённая тундра с массивами мёртвого льда, непривлекательная для долговременного проживания человека. Отдельные небольшие коллективы могли проникать глубоко внутрь территории Восточной Фенноскандии уже на стадии Иольдиевого моря (9600–9000 лет до н. э.). Свидетельством тому являются местонахождения Йокиварси 1 и Рахакангас 1 на юге Финляндии (Pesonen et al., 2022), датированные концом X – началом IX тыс. до н. э. Заселение региона, вероятно, происходило уже

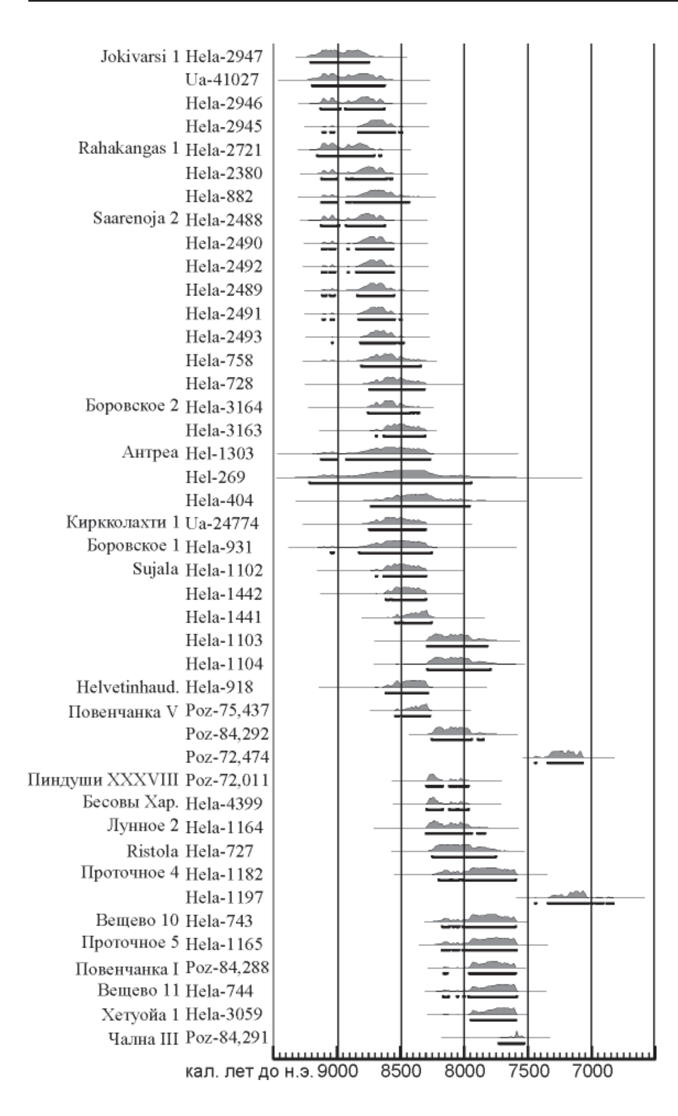

Рис. 3. Радиоуглеродные даты упомянутых в тексте комплексов раннего мезолита
Fig. 3. Radiocarbon dates of the Early Mesolithic sites mentioned in the article

в бореальный период, во время анциловой трансгрессии Древней Балтики. Население продвигалось на новые территории вслед за распространением лесов и соответствующей фауны. Об этом свидетельствуют и радиоуглеродные даты для большинства раннемезолитических комплексов, и композиция выявляемых на них фаунистических остатков.

Завершение эпохи мезолита – начало эпохи неолита в отечественной археологии традиционно определяется по появлению керамики. В Восточной Фенноскандии и в регионе Финского залива керамика появляется почти на тысячу лет позднее, чем на многих сопредельных территориях. По результатам анализа 32 стратифицированных комплексов позднего мезолита и раннего неолита юго-восточной части региона Финского залива установлено (Gerasimov, Kriiska, 2018), что позднемезолитические комплексы на этой территории всегда перекрыты наносами максимума литориновой трансгрессии Балтики, а ранненеолитические – никогда.

Литориновая трансгрессия была региональным проявлением эвстатического поднятия уровня мирового океана. Существующие модели (Rosentau et al., 2013) свидетельствуют о достаточно быстром подъёме уровня Балтики на финальной стадии трансгрессии. В юго-восточной части побережья Финского залива вскоре после максимума трансгрессии произошло осушение затопленных береговых линий, вероятно, вследствие изостатического поднятия территории. Об этом свидетельствует и ряд тратифицированных памятников с позднемезолитическими и ранненеолитическими комплексами, где относительно короткий перерыв обитания соответствовал времени максимума литориновой трансгрессии.

Возможно, относительно резкий подъём уровня воды вызвал экологический стресс у населения прибрежных территорий и определённую социальную реакцию, которая проявилась во включении керамики в структуру культуры, но не оказала влияния на образ жизни в целом. Но воздействие литориновой трансгрессии испытала лишь ограниченная прибрежная территория, в то время как керамика распространяется после завершения максимума трансгрессии практически одновременно на значительных пространствах, включая Карелию и Кольский полуостров.

Если начало и конец эпохи мезолита в Восточной Фенноскандии вполне чётко маркируются относительно резкими перестройками природных обстановок, то переход от раннего к позднему мезолиту, судя по имеющимся данным, представляется достаточно плавным, хотя, как уже было указано выше, различия между «начальным» и «конечным» обликом культуры весьма существенны.

Начало формирования «позднемезолитического» облика культуры населения Восточной Фенноскандии, по-видимому, совпадает с началом стадии Литоринового моря и с наступлением атлантического периода (Gerasimov, Kriiska, 2018). В качестве хронологического маркёра начала процесса культурной трансформации можно рассматривать климатическое событие «9300 кал. л. н.» (Yu et al., 2010). Именно к концу VIII тыс. до н. э.

относятся наиболее ранние радиоуглеродные даты, полученные для комплексов с керамикой в Северном Прикаспии, на Нижнем Дону, на Нижней Волге и в лесостепном Поволжье (Радиоуглеродная…, 2016, с. 56, 57, 68, 83, 85, 87, 89, 222). Однако подавляющее большинство дат, уходящих в VIII тыс. до н. э., получено по раковинам, рыбьим костям, нагару на керамике, т. е. с большой вероятностью удревнены из-за резервуарного эффекта. Самими авторами исследований признаётся, что более вероятно появление керамических традиций на указанных территориях во второй четверти VII тыс. до н. э., после завершения аридного эпизода, фиксируемого для степной и полупустынной зоны на рубеже бореального и атлантического периодов (Радиоуглеродная…, 2016, с. 52, 65).

Климатическое событие «8200 кал. л. н.» отчётливо проявляется в различных природных климатических архивах Европы, хотя интенсивность этих проявлений снижается по мере удаления от Атлантики (Борзенкова и др., 2017). С этим событием связаны существенные культурные трансформации в разных частях света. К концу VII тыс. до н. э. относится основной массив дат ранненеолитических памятников степной и лесостепной зоны (Выборнов и др., 2022, с. 8, 12). Между тем археологически выразительных изменений в культуре населения Восточной Фенноскандии для конца VII тыс. до н. э. не наблюдается. Анализ совокупности радиоуглеродных дат, полученных для археологических комплексов Восточной Фенноскандии (Tallavaara, Pesonen, 2018), свидетельствует, возможно, об эпизодах уменьшения заселённости территории, коррелирующих с обоими упомянутыми климатическими событиями. Программа датирования образцов из Оленеостровского могильника на Онежском озере показала, что этот уникальный погребальный памятник с высокой степенью вероятности является свидетельством сложной социокультурной реакции на экологический кризис «8200 кал. л. н.» (Schulting et al., 2022).

Таким образом, можно определить хронологические рамки эпохи мезолита Восточной Фенноскандии условно от начала анциловой (8900 лет до н. э.) до максимума литориновой (5500 лет до н. э.) трансгрессий Прабалтики. Внутри эпохи мезолита выделяются ранний и поздний периоды, хотя культурные изменения накапливались постепенно. Условной границей между указанными периодами предлагается считать событие «9300 кал. л. н.». Событие «8200 кал. л. н.», вероятно, могло быть причиной социокультурного стресса для населения рассматриваемых территорий, однако не привело к археологически диагностируемым культурным трансформациям.

По-видимому, значимые социокультурные трансформации на территории Восточной Европы в раннем – среднем голоцене происходили синхронно, вероятно, под влиянием природных изменений.

ЛИТЕРАТУРА

Борзенкова И.И., Борисова О.К., Жильцова Е.Л., Сапелко Т.В. Холодный эпизод около 8200 лет назад в Северной Европе: анализ эмпирических данных и возможных причин // Лёд и Снег. 2017. Т. 57, № 1. С. 117-132.

Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Дога Н.С., Кулькова М.А., Филиппсен Б. Хронология неолита – энеолита степного Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 3. С. 6–15.

Герасимов Д.В., Крийска А., Лисицын С.Н. Освоение побережья Финского залива Балтийского моря в каменном веке // III Северный археологический конгресс. / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Издатнауксервис, 2010. С. 28–52.

Герасимов Д.В., Бельский С.В., Колпаков Е.М., Маннермаа К., Алиев А.В. Новые свидетельства "восточного пути" заселения Фенноскандии на территории Ленинградской области // V Северный археологический конгресс. / Отв. ред. Н. М. Чаиркина Ханты-Мансийск: ООО Универсальная типография «Альфа-Принт», 2019. С. 16–19.

Герман К.Э. Культура сперрингс (современное состояние изучения) // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 225–230.

Косорукова Н.В. Мезолитические памятники в бассейне р. Шексны (хронология памятников и характеристика развития каменной индустрии) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 91–98.

Киселёва А.М. Технологические традиции декорирования ранненеолитической керамики Кольского Севера // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 233–243.

Крийска А. Герасимов Д.В. Период позднего мезолита в восточной части Балтийского моря: формирование берегового расселения от Рижского залива до Выборгского. // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века / Отв. ред. В. Н. Карманов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 5–36.

Лисицын С.Н., Тарасов А.Ю., Цветкова Н.А., Бельский С.В., Бессуднов А.А. Стоянки раннего мезолита вблизи озера Боровское на Карельском перешейке // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверь: Триада, 2015. С. 91–108.

Жилин М.Г. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Том. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2000. С. 72-79.

Мурашкин А.И. Недостающие звенья: новые данные о пластинчатой индустрии мезолита внутренних районов Северной Фенноскандии // Stratum Plus. 2024. № 1. С. 347–366.

Ошибкина С.В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006. 322 с.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.

Филатова В.Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2004. 274 с.

Шахнович М.М., Кожевникова Ю.Н., Бельский С.В., Герасимов Д.В., Лисицин С.Н., Хартанович В.И., Форсберг О., Карьялайнен Т., Майонен Е., Песонен П. Российско-финляндские археологические изыскания в Северном и Западном Приладожье в 2005 году // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии / Отв. ред. А.М. Пашков, С.Г Веригин, Т.Ю. Бердяева. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. С. 10–15.

Шахнович М.М., Такала Х., Малинен А., Тарасов А.Ю. Стоянка Хетуоя I – новый мезолитический памятник в Северном Приладожье // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века. / Отв. ред. В. Н. Карманов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 37–55.

Alley R.B. The Younger Dryas cold interval as viewed from centralGreenland // Quaternnary Sciences Revewes. 2000. № 19. P. 213–226.

Askeyev I.V., Tarasov A.Yu., Askeyev A.O., Askeyev O.V., Shaymuratova D.N., Monakhov S.P. Highly productive fishing in Lake Onega? New data on the subsistence basis of the Late Stone Age populations in Russian Karelia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2023. Vol. 47. 103771.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. № 51 (1). P. 337–360.

Carpelan C. On the history and recent studies of the "Antrea net find" // Iskos. 2008. Vol. 16. P. 88–127.

Gerasimov D., Kriiska A. Early-Middle Holocene archaeological periodization and environmental changes in the Eastern Gulf of Finland: Interpretative correlation. // Quaternary International. 2018. № 465. P. 298–313.

Halinen P., Mökkönen T. Between Lake and Sea – Stone Age Settlement by Ancient Ladoga on the Karelian Isthmus // Fennoscandia archaeologica. 2009. Vol. XXVI. P. 107–132.

Jussila T., Kriiska A., Rostedt T. The Mesolithic settlement in NE Savo, Finland. And the earliest settlement in the eastern Baltic sea. // Acta Archaeologica. 2007. Vol. 78 (2). P. 143–162.

Jussila T., Kriiska A., Rostedt T. Saarenoja 2 - an Early Mesolithic Site in South-Eastern Finland: Preliminary Results and Interpretations of Studies Conducted in 2000 and 2008-10. // Fennoscandia Archaeologica. 2012. Vol. XXIX. P. 3–28.

Kriiska A., Oras E., Lõugas L., Meadows J., Lucquin A., Craig O.E. Late mesolithic Narva stage in Estonia: Pottery, settlement types and chronology // Estonian Journal of Archaeology. 2017. № 21 (1). P. 52–86.

Mökkonen T., Nordqvist K., Bel'skij S. The Rupunkangas 1a site in the archipelago of ancient lake Ladoga: a housepit with several rebuilding phases // Fennoscandia archaeologica. 2007. Vol. XXIV. P. 3–28.

Pälsi S. Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea, Län Viborg // Suomen Muinaismuistoyhdstuksen Aikakauskirja. 1920. Vol. XXVIII (2). P. 3–22.

Pesonen P., Hertell E., Simponen L., Mannermaa K., Manninen M.A., Rostedt T., Taipale N., Tallavaara M. Postglacial pioneer settlement in the Lake Sarvinki area, eastern Finland // Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe: British Archaeological Reports International Series. Vol. 2599 / Eds. Riede F., Tallavaara M. Oxford: Archaeopress, 2014. P. 176–192.

Pesonen P., Hertell E., Mannermaa K., Manninen M., Rostedt T., Simponen-Robins L., Taipale N., Tallavaara M. Research on the Mesolithic of North Karelia in 2003–2017. Implications for the early postglacial archaeology of Northern Europe // Odes to Mika: Festschrift for Professor Mika Lavento on the occasion of his 60th birthday. Monographs of the Archaeological Society of Finland. Vol. 10. / Eds. P. Halinen, V. Heyd, K. Mannermaa. Helsinki: Archaeological Society of Finland, 2022. P. 45–55.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. № 62. P. 725–757.

Rosentau A., Muru M., Kriiska, A., Subetto D., Vassiljev J., Hang T., Gerasimov D., Nordqvist K., Ludikova A., Lõugas L., Raig H., Kihno K., Aunap R., Letyka N. Stone Age settlement and Holocene shore displacement in the Narva-Luga Klint Bay area, Eastern Gulf of Finland // Boreas. 2013. № 42 (4). P. 912–931.

Schulting R. J., Higham T., Bronk Ramsey Ch., Tarasov P., Khartanovich V., Moiseyev V., Mannermaa K., Gerasimov D., Weber A. Radiocarbon dating from Yuzhniy Oleniy Ostrov cemetery reveals complex human responses to socio-ecological stress during the 8.2 ka cooling event // Nature Ecology & Evolution. 2022. № 6. P. 155–162.

Seitsonen O., Seitsonen S., Broderick L.G., Gerasimov D. Burnt Bones by Europe's Largest Lake: Zooarchaeology of the Stone Age and Early Metal Period Hunter-Gatherers at Lake Ladoga, NW Russia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. № 11. P. 131–146.

Sørensen M., Rankama T., Kankaanpää J., Knutsson K., Knutsson H., Melvold S., Eriksen B.V., Glørstad H. The first eastern migrations of people and knowledge into Scandinavia: Evidence from studies of Mesolithic technology, 9th-8th Millennium BC // Norwegian Archaeological Review. 2013. № 46. P. 1–38.

Takala H. The Ristola site in Lahti and the earliest postglacial settlement of South Finland. Helsinki: Jyvaskyla, 2004. 205 p.

Tallavaara M., Manninen M.A., Pesonen P., Hertell E. Radiocarbon dates and postglacial colonisation dynamics in eastern Fennoscandia. // Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe: British Archaeological Reports International Series. Vol. 2599 / Eds. Riede F., Tallavaara M. Oxford: Archaeopress, 2014. P.161–175.

Tallavaara M., Pesonen P. Human ecodynamics in the north-west coast of Finland 10,000–2000 years ago // Quaternary International. 2020. Vol. 549. Pp. 26-35.

Tarasov A. Filling a Gap in the migration route? Initial peopling of the Lake Onega Region in the light of new radiocarbon datings // Norwegian Archaeological Review. 2018. № 51. P. 175–189.

Yu S.-Y., Colman S.M., Lowell Th.V., Milne G. A., Fisher T.G., Breckenridge A., Boyd M., Teller J.T. Freshwater outburst from Lake Superior as a trigger for the cold event 9300 Years Ago // Science. 2010. Vol. 328 (5983). P. 1262–1266.

Информация об авторе:

Герасимов Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого /Кунсткамера/ РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); dger@kunstkamera.ru

REFERENCES

Borzenkova, I. I., Borisova, O. K., Zhiltsova, E. L., Sapelko, T. V. 2017. In *Led i Sneg (Ice and Snow)* 1 (57), 117–132 (in Russian).

Vybornov, A. A., Gilyazov, F. F., Doga, N. S., Kulkova, M. A., Philippsen, B. 2022. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 27 (3), 6–15 (in Russian).

Gerasimov, D. V., Kriiska, A., Lisitsyn, S. N. 2010. In Viktorova, V. D. (ed.). *III Severnyi arkheologicheskii kongress (3rd North Archaeological Congress)*. Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk: "Izdatnaukservis" Publ., 28–52 (in Russian).

Gerasimov, D. V., Belskiy, S. V., Kolpakov, E. M., Mannermaa, K., Aliev, A. V. 2019. In Chairkina, N. M. (eds). *V Severnyi arkheologicheskii congress (V Northern Archaeological Congress).* Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk: "Al'fa-Print" Publ., 16–19 (in Russian).

German, K. E. 2018. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 7. 24 (3), 225–230 (in Russian).

Kosorukova, N. V. 2000. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 4 (I). Tver: Tver State United Museum, 91–98 (in Russian).

Kiseleva, A. M. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 233–243 (in Russian).

Kriiska, A., Gerasimov, D. 2014. In Karmanov, V. N. (ed.). *Ot Baltiki do Urala: izyskaniya po arkheologii kamennogo veka (From the Baltics to the Urals: essays on the Stone Age archaeology)*. Syktyvkar: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 5–36 (in Russian).

Lisitsyn, S. N., Tarasov, A. Yu., Tsvetkova, N. A., Belsky, S. V., Bessudnov, A. A. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 10 (I). Tver: "Triada" Publ., 248–253 (in Russian).

Zhilin, M. G. 2000. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Pappers)* 4 (I). Tver: "Triada" Publ., 72–79 v

Murashkin, A. I. 2024. In *Stratum Plus* (1), 347–366 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 2006. *Mezolit Vostochnogo Prionezh'ya. Kul'tura Veret'e (Mesolithic of the Eastern Onega Region. The Veretye Culture*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). 2016. *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ. (in Russian).

Filatova, V. F. 2004. *Mezolit basseyna Onezhskogo ozera (Mesolithic of Lake Onega basin).* Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS Publ. (in Russian).

Shakhnovitch, M. M., Kozhevnikova, Yu. N., Belskiy, S. V., Gerasimov, D. V., Lisitsyn, S. N., Khartanovitch, V. I., Forsberg, O., Karjalajnen, T., Majonen, E., Pesonen, P. 2007. In Pashkov, A. M., Verigin, S. G., Berdyaeva, T. Yu. (eds). *Istoriya i kul'turnoe nasledie Severnogo Priladozh'ya: vzglyad iz Rossii i Finlyandii (History and cultural heritage of the Northern Ladoga region: a view from Russia and Finland)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 10–15 (in Russian).

Shakhnovitch, M. M., Takalam H., Malinenm À., Tarasov A. Yu. 2014. In Karmanov, V. N. (ed.). *Ot Baltiki do Urala: izyskaniya po arkheologii kamennogo veka (From the Baltics to the Urals: essays on the Stone Age archaeology)*. Syktyvkar: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 37–55 (in Russian).

Alley, R. B. 2000. In *Quaternnary Sciences Revewes* (19), 213–226.

Askeyev, I. V., Tarasov, A. Yu., Askeyev, A. O., Askeyev, O. V., Shaymuratova, D. N., Monakhov, S. P. 2023. In *Journal of Archaeological Science: Reports* (47), 103771.

Bronk Ramsey, C. 2009. In *Radiocarbon* 51 (1), 337–360.

Carpelan, C. 2008. In *Iskos* (16), 88–127.

Gerasimov, D., Kriiska, A. 2018. In *Quaternary International* (465), 298–313.

Halinen, P., Mökkönen, T. 2009. In *Fennoscandia archaeologica* (XXVI), 107–132.

Jussila, T., Kriiska, A., Rostedt, T. 2007. In *Acta Archaeologica* (78 (2)), 143–162.

Jussila, T., Kriiska, A., Rostedt, T. 2012. In *Fennoscandia archaeologica* (XXIX), 3–28.

Kriiska, A., Oras, E., Lõugas, L., Meadows, J., Lucquin, A., Craig, O. E. 2017. In *Estonian Journal of Archaeology* 21 (1), 52–86.

Mökkonen, T., Nordqvist, K., Bel'skij, S. 2007. In *Fennoscandia archaeologica.* (XXIV), 3–28.

Pälsi, S. 1920. In *Suomen Muinaismuistoyhdstuksen Aikakauskirja.* XXVIII (2), 3–22.

Pesonen, P., Hertell, E., Simponen, L., Mannermaa, K., Manninen, M. A., Rostedt, T., Taipale, N., Tallavaara, M. 2014. In Riede, F., Tallavaara, M. (eds.). *Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe: British Archaeological Reports International Series.* (2599). Oxford: Archaeopress, 176–192.

Pesonen, P., Hertell, E., Mannermaa, K., Manninen, M., Rostedt, T., Simponen-Robins, L., Taipale, N., Tallavaara, M. 2022. In Halinen, P., Heyd, V., Mannermaa, K. (eds.). *Odes to Mika: Festschrift for Professor Mika Lavento on the occasion of his 60th birthday. Monographs of the Archaeological Society of Finland* (10). Helsinki: Archaeological Society of Finland, 45–55.

Reimer, P., Austin, W., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P., Bronk Ramsey, C., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R., Friedrich, M., Grootes, P., Guilderson, T., Hajdas, I., Heaton, T., Hogg, A., Hughen, K., Kromer, B., Manning, S., Muscheler, R., Palmer, J., Pearson, C., van der Plicht, J., Reimer, R., Richards, D., Scott, E., Southon, J., Turney, C., Wacker, L., Adolphi, F., Büntgen, U., Capano, M., Fahrni, S., Fogtmann-Schulz, A., Friedrich, R., Köhler, P., Kudsk, S., Miyake, F., Olsen, J., Reinig, F., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. 2020. In *Radiocarbon* (62), 725–757.

Rosentau, A., Muru, M., Kriiska, A., Subetto, D., Vassiljev, J., Hang, T., Gerasimov, D., Nordqvist, K., Ludikova, A., Lõugas, L., Raig, H., Kihno, K., Aunap, R., Letyka, N. 2013. In *Boreas* (42 (4)), 912–931.

Schulting, R. J., Higham, T., Bronk Ramsey, Ch., Tarasov, P., Khartanovich, V., Moiseyev, V., Mannermaa, K., Gerasimov, D., Weber, A. 2022. In *Nature Ecology & Evolution* (6), 155–162.

Seitsonen, O., Seitsonen, S., Broderick, L. G., Gerasimov, D. 2017. In *Journal of Archaeological Science: Reports* (11), 131–146.

Sørensen M., Rankama T., Kankaanpää J., Knutsson K., Knutsson H., Melvold S., Eriksen B.V., Glørstad H. 2013. In *Norwegian Archaeological Review* (46), 1–38.

Takala, H. 2004. *The Ristola site in Lahti and the earliest postglacial settlement of South Finland*. Helsinki: Jyvaskyla.

Tallavaara, M., Manninen, M. A., Pesonen, P., Hertell, E. 2014. In Riede, F., Tallavaara, M. (eds.). *Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe: British Archaeological Reports International Series.* 2599. Oxford: Archaeopress, 161–175.

Tallavaara, M., Pesonen, P. 2020. In *Quaternary International* (549), 26–35.

Tarasov, A. 2018. In *Norwegian Archaeological Review.* (51), 175–189.

Yu, S.-Y., Colman, S.M., Lowell, Th.V., Milne, G. A., Fisher, T. G., Breckenridge, A., Boyd, M., Teller, J. T. 2010. In *Science*. Vol. 328 (5983), 1262–1266.

About the Author:

Gerasimov Dmitriy V. Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography Russian Academy of Sciences. Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; dger@kunstkamera.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.40.59

НА 'ПЕРИФЕРИИ' НЕОЛИТА: ОХОТНИКИ-СОБИРАТЕЛИ ЕВРОПЫ[1]

© 2024 г. Е.В. Долбунова, А.Н. Мазуркевич

В статье рассматриваются основные составляющие, определяющие процесс неолитизации Восточной Европы, связанные с палеоклиматическими триггерами, особенностями географии распространения отдельных культур и инноваций, появлением первой глиняной посуды как фундаментального критерия, отражающего изменения внутри сообществ охотников-собирателей и моделированием хронологии этого процесса. Представлены первые результаты многомерного статистического анализа ранненеолитических керамических комплексов Восточной Европы. Отдельное внимание уделено обсуждению глиняной посуды охотников-собирателей на территории Северной, Центральной, Западной Европы. Исследование последних указывает на различные пути происхождения отдельных культур, фундаментальные различия между ними. Обсуждение моделей, созданных для раннего неолита, внедрение археологической информации позволяет предположить существование культурных и природных границ, которые могли задержать или ускорить распространение различных инноваций и новых групп населения, а также механизм распространения глиняной посуды как инновации, в которой знание о функциональном использовании/содержимом сосудов передавались как единый пакет вместе с традициями в области технологии, орнаментации и морфологии.

Ключевые слова: археология, ранний неолит, древнейшая керамика, охотники-собиратели, технологический анализ, моделирование, Восточная Европа, функция сосудов

ON THE "PERIPHERY" OF THE NEOLITHIC: HUNTER-GATHERERS OF EUROPE[2]

E.V. Dolbunova, A.N. Mazurkevich

The article discusses the main components, determining the neolithization process of Eastern Europe, i.e. paleoclimatic triggers, distribution of archaeological cultures and innovations, the appearance of the first pottery as a fundamental criterion, reflecting changes within hunter-gatherer communities and modeling the chronology of this process. The first results of multivariate statistical analysis of Early Neolithic pottery assemblages of Eastern Europe are presented. Special attention is paid to the discussion of hunter-gatherer pottery in Northern, Central, and Western Europe. The study of the latter indicates different ways of origin of various cultures, as well as fundamental differences between them. The discussion of models, created for the Early Neolithic, the introduction of archaeological information suggests the existence of cultural and natural boundaries that may have delayed or accelerated the spread of different innovations and new populations, as well as a mechanism for the spread of pottery as an innovation in which knowledge of the functional use/content of vessels was transmitted as a single package together with traditions in technology, decor and morphology.

Keywords: archaeology, Early Neolithic, ancient pottery, hunter-gatherers, technological analysis, modelling, Eastern Europe, vessel function

Введение

Восточная Европа претерпела процесс неолитизации, который сильно отличался от западной модели как по образу жизни, компонентам, характеру расселения, так и по хронологии (Ошибкина, 1996; Gronenborn, 2008; Özdogan, 2010; Нордквист, 2014; Радиоуглеродная хронология..., 2016; Андреев, Выборнов, 2020). Переход к неолиту знаменовал собой период глубоких социально-экономических и мировоззренческих изменений (Мерперт, 2000; Шмидт, 2011), часто связанных с ростом оседлости, интенсификацией практики ведения хозяйства и появлением

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского Научного Фонда (проект №22-18-00086 «Между востоком и западом: охотники-собиратели озерного края на Западе России в 7-3 тыс. до н.э. (экономические стратегии, культурные традиции, межрегиональные взаимосвязи и палеоэкологические условия)»).

[2] The study was supported by the Russian Science Foundation (project N22-18-00086 "Between East and West: hunter-gatherers of the lake region in Western Russia in the VII-III millennia BC (economic strategies, cultural traditions, interregional relations and paleoecological conditions)").

новых, более специализированных стратегий. Однако экономический переход, лежащий в основе этого процесса, интерпретируется по-разному. В западноевропейской археологической традиции под «неолитизацией» понимается переход от присваивающего хозяйства к земледелию и разведению домашнего скота и часто ассоциируется с внедрением комплекса инноваций, включая керамику. Для Северной Евразии неолит означает появление глиняной посуды в сообществах охотников-собирателей (Gibbs, Jordan, 2016; Мосин, 2020). Дискуссионным является вопрос, насколько появление керамики трансформировало сообщества охотников-собирателей (Jordan, Zvelebil, 2009). В последнее время эти дебаты разгорелись благодаря химическому анализу ранних керамических сосудов охотников-собирателей, определения причин появления принципиально нового изделия в культуре (Bondetti et al., 2019, 2021; Courel et al., 2020, 2021; Craig, 2021).

Несмотря на эпизодические контакты с пришлыми группами скотоводов-земледельцев, местное население вело образ жизни, связанный с охотой, рыбалкой и собирательством. Существуют лишь редкие находки костей одомашненных животных, злаков (Nordqvist, Herva, 2013) и различных импортов на стоянках охотников-собирателей, которые могут свидетельствовать о контактах между этими двумя мирами (Zvelebil, Dolukhanov, 1991; Czekaj-Zastawny et al., 2013). Обычно эти элементы не составляют основу местной экономики, не «преобразовывают» облик культуры или быстро исчезают (Mazurkevich, 2009). Очень часто такие свидетельства являются дискуссионными (Grikpedis, Motuzaite-Matuzeviciute, 2017). В лесной зоне лишь в 3–2 тыс. до н. э. фиксируются первые признаки производящей экономики (Arslanov et al., 2009), которые остаются слабыми.

С другой стороны, появление отдельных инноваций не случайно и обусловлено различными факторами. Так, глиняная посуда не была зафиксирована в среде охотников-собирателей на территории Великобритании и Ирландии (Elliott et al., 2020). Сущность неолита и факторов, определивших процесс неолитизации, пытаются искать в нескольких сюжетах, связанных с палеоклиматическими триггерами, особенностями географии распространения отдельных культур и инноваций, появлением первой глиняной посуды как фундаментального критерия, отражающего изменения внутри сообществ охотников-собирателей, и моделированием хронологии этого процесса. Во многом различные представления объясняются вариативностью подхода в рамках исследовательских школ. В статье будут рассмотрены данные составляющие и вопросы, которые возникают в поисках определения смысла этой эпохи.

От мезолита к неолиту: по данным материальной культуры и ДНК

Окончание мезолита соответствует времени начала атлантикума, термическому оптимуму голоцена, именно в это время повсеместное распространение на территории Восточной Европы в достаточно узкий хронологический интервал получает глиняная посуда (Радиоуглеродная хронология..., 2016). Этот период получил название неолит, пара-неолит, лесной неолит, маркируя существование сообществ охотников-собирателей с глиняной посудой. Керамика становится ярким культуроопределяющим признаком. Распространение сходных керамических традиций указывает как на сложение новых сетей коммуникации – с юга на север распространение «накольчатого» керамического комплекса, так и возможное сохранение предшествующих связей (связь Волго-Окского бассейна с территорией Северо-Восточной Европы).

Довольно сложно оценить преемственность мезолитического и ранненеолитического населения для различных регионов из-за небольшого количества и практически полного отсутствия чистых комплексов, значительных временных хиатусов между мезолитическими и ранненеолитическими стоянками (Dolukhanov 2009; Mazurkevich, 2009; Федюнин, 2018). Для территории Средней Волги позднемезолитические комплексы датируются первой половиной 7 тыс. до н. э., прослеживается отличие кремневой индустрии мезолита и елшанской ранненеолитической культуры (Васильев, Выборнов, 1988; Андреев и др., 2023). Для лесостепного Подонья отмечается отсутствие генетической преемственности между поздним мезолитом и ранним неолитом, при этом топографическая позиция позднемезолитических и ранненеолитических памятников Среднего Подонья схожа – они расположены на невысоких валах или оконечностях первой надпойменной

террасы, что могло быть вызвано, как и некоторые общие черты в кремневой индустрии, схожестью экономической модели (Федюнин, 2018). Для поселения Замостье 2, расположенного в Верхневолжском бассейне, отмечается преемственность в кремневой и костяной индустрии между мезолитом и ранним неолитом (Лозовский, 2001).

Отсутствие данных по палеогеномным образцам по ряду ключевых регионов и периодов, единичные данные по огромной территории Восточной Европы, хронологически разрозненные, затрудняют понимание того, как неолитизация могла различаться по времени, механизмам и последствиям на севере, востоке и западе Евразии (Allentoft et al., 2024). Мезолитические охотники-собиратели были генетически сильно дифференцированы: с одной стороны северная и центральная части, с другой – западные области Восточно-Европейской равнины (Allentoft et al., 2024; Андреева и др., 2024). Масштабные изменения произошли на западе по мере внедрения земледелия, включая почти полное геномное замещение охотников-собирателей во многих районах, тогда как в северной и центральной частях Русской равнины в тот же период существенных геномных сдвигов не выявляется вплоть до примерно 5000 л.н. (Allentoft et al., 2024; Андреева и др., 2024). Поэтому данные палеогенетики пока не могут помочь в моделировании процессов неолитизации Восточной Европы и остается основываться, в первую очередь, на данных археологии.

Палеоклиматические изменения и формы адаптации древних сообществ

Климатические факторы оказывали большое влияние на распространение различных социумов, способы адаптации охотников-собирателей, мобильность, особенности экономических и социальных систем, демографическое развитие этих сообществ (Betti et al., 2020; Preston, Kador, 2018; Towards a broader…, 2019; Kittel et al., 2021; Courel et al., 2020).

Во многом в условиях окружающей среды заключается фундаментальный выбор в пользу различных экономических систем. Исследователи предполагают существование климатической (температурной) «линии», когда занятие производящим хозяйством эффективно, в обратном случае из-за более коротких, холодных и влажных вегетационных периодов человеческие коллективы начинают больше практиковать и интенсифицировать формы присваивающей экономики, что установлено по материалам свайных поселений Швейцарии 4 тыс. до н. э. (Schibler, Jacomet, 1997). Внезапное повышение летней температуры около 6 000 кал. лет т. н. в Северной Европе привело к гипоксическим условиям на всей территории Балтийского моря, что могло способствовать быстрому расширению границы земледельческих сообществ к северу в ранее неблагоприятные регионы для занятий земледелием (Warden et al., 2017).

Для территории Восточной Европы возникшая как результат адаптации финальнопалеолитического населения к природным изменениям на рубеже плейстоцена и голоцена система хозяйственно-культурного типа охотников-рыболовов-собирателей оказалась очень гибкой и просуществовала длительное время (Жилин, 2004; Dolukhanov, 1997; 2008; Zvelebil, 2008). Богатые и разнообразные экологические ниши лесных зон позволили древним обществам вести длительное время образ жизни охотников-рыболовов-собирателей. Климатические изменения могли приводить к нестабильности экологических ниш, что, возможно, заставляло социумы изменять адаптационные механизмы, фиксируемые через появление инноваций, формирование новых социальных и экономических систем, одновременно влияя на облик окружающей среды. Длительная эксплуатация экологической ниши в неолите в условиях увеличения количества населения по сравнению с предыдущими эпохами могла подразумевать существование определенных стратегий управления окружающей средой для сохранения ее возобновляемости. Это может фиксироваться в форме археологической непрерывности в развитии культур в микрорегионах. Обратная стратегия – постепенное уничтожение ресурсов экологической ниши – могла приводить к хронологическим хиатусам в развитии культур.

Палеоклиматические исследования в силу ограниченности источника позволяют хорошо уловить глобальные тренды (Величко и др., 2009; Wohlfarth et al., 2007; Кулькова, 2021), которые не всегда находят отражение в отдельных микрорегионах. Так, колебания температур в Верхнем Подвинье носили микрорегиональный характер с более холод-

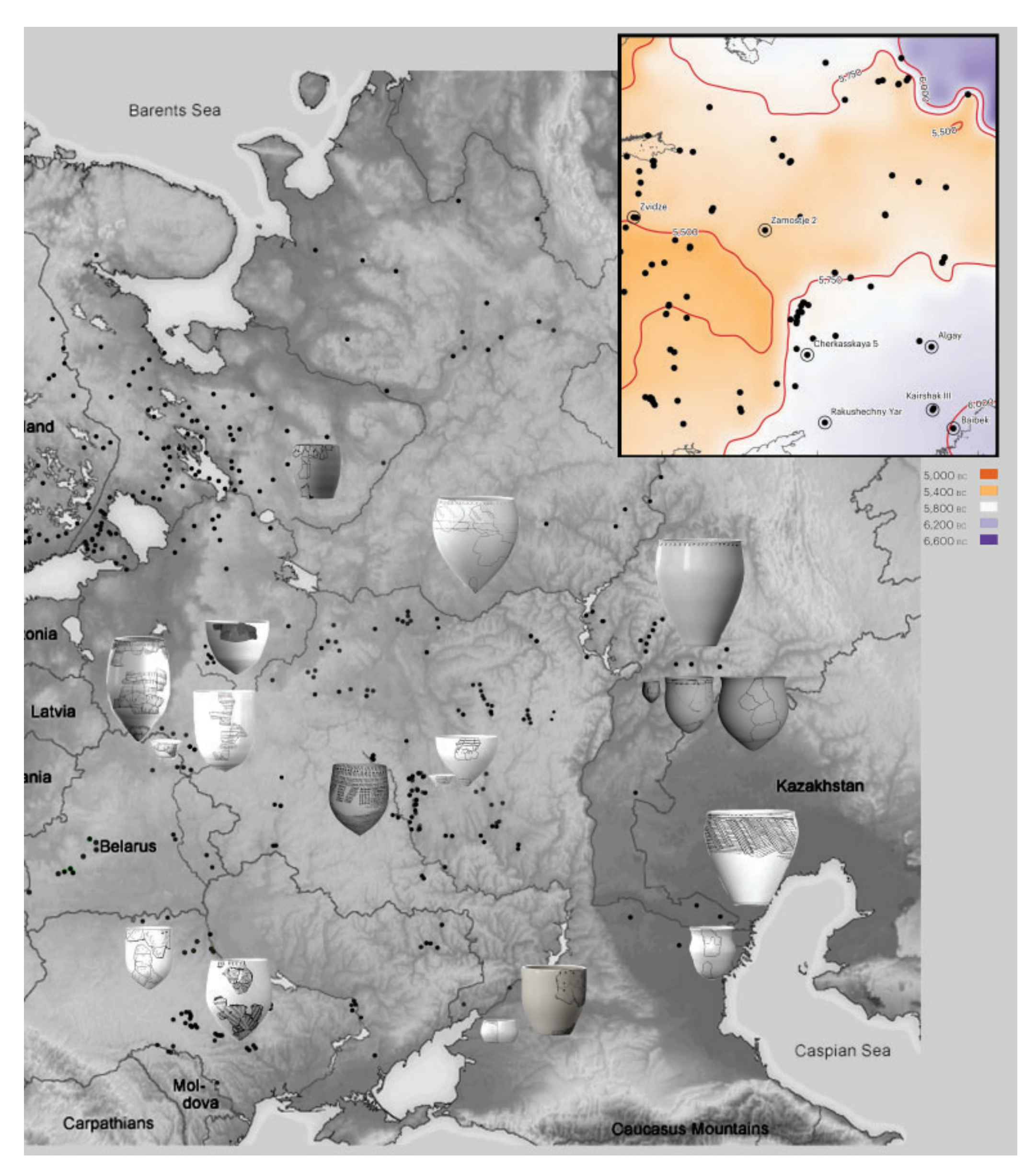

Рис. 1. Распространение памятников раннего неолита (список см. по Мазуркевич и др., 2013) и пространственно-временная модель распространения первых керамических традиций для Восточной Европы (по Dolbunova et al. 2022. Fig.2)

Fig. 1. Distribution of Early Neolithic sites (see list in Mazurkevich et al., 2013) and spatio-temporal model of the first ceramic traditions distribution in Eastern Europe (after Dolbunova et al. 2022. Fig.2)

ными и более теплыми фазами и не совпадали полностью с глобальными трендами (Kittel et al., 2021). Детальные палеореконструкции позволяют проследить, каким эколого-экономическим потенциалом обладали лесные районы Восточной Европы и сколь высока была антропогенная нагрузка. Именно в эти регионы с большим, в т. ч. пищевым, ресурсом, направлены миграционные потоки населения с юга Восточно-Европейской равнины в раннем неолите. Количественные палеореконструкции могут позволить ответить на вопрос, почему происходит не сплошное освоение территории Восточной Европы, а точечное, в озерных долинах. Озерно-речная система в лесной зоне обладала стабильными природными условиями, что и привлекало в моменты изменений новых поселенцев (Plocennik et al., 2022; Kittel et al., 2021; Wieckowska-Lüth et al., 2021). Стабильные климатические условия в микрорегионах могли обеспечивать постоянное поддержание экосистемы, обеспечивая ресурсами экономическую систему охотников-собирателей в течение длительного времени (Mroczkowska 2021). Процесс сплошного освоения лесной

зоны Восточной Европы начинается в раннем железном веке, но активно происходит только в раннем Средневековье.

Ранняя керамика Восточной Европы: исследование керамических комплексов

Исследования керамических комплексов с огромной территории Восточной Европы позволили выявить региональные особенности, традиции в области создания глиняной посуды (Даниленко, 1969; Гаскевич, 2010; Гурина, 1958; Третьяков, 1990; Костылева, 1994; Белановская, 1995; Лозовский, 2001; Ставицкий, Хреков, 2003; Юдин, 2004; Сурков, 2007; Выборнов, 2008; Карманов, 2008; Смольянинов, 2009; Иванищева, 2009; и др.) (рис. 1). Для сравнения различных региональных культур анализировались эталонные комплексы (91 комплекс) с древнейшей керамикой Восточной Европы (см. описание базы данных в Dolbunova et al., 2022). В большинстве случаев отсутствие жесткого стратиграфического деления не позволяет установить относительную хронологию отдельных типов, которые, таким образом, могут обозначать как разнокультурные, так и хронологически разные явления.

При комплексном анализе глиняной посуды технология изготовления оказывается одним из самых важных источников информации о древних сообществах. Технологические операции встроены в социальные траектории и идентичность (Бобринский, 1978; Gallay, 1991; Livingstone-Smith, 2001; Gosselain, 2002), что делает технологический анализ важным инструментом для социальных реконструкций (Цетлин, 2012; Gomart et al., 2017; Roux, 2019). Совпадение отдельных этапов цепочки операций не обязательно является маркером тесных культурных связей, только совпадение набора признаков может представлять такую реальность (van der Leeuw, 1993; Rye, 1981). Для сопоставления технологических традиций были изучены технологические особенности, составляющие «*chaînes opératoires*»

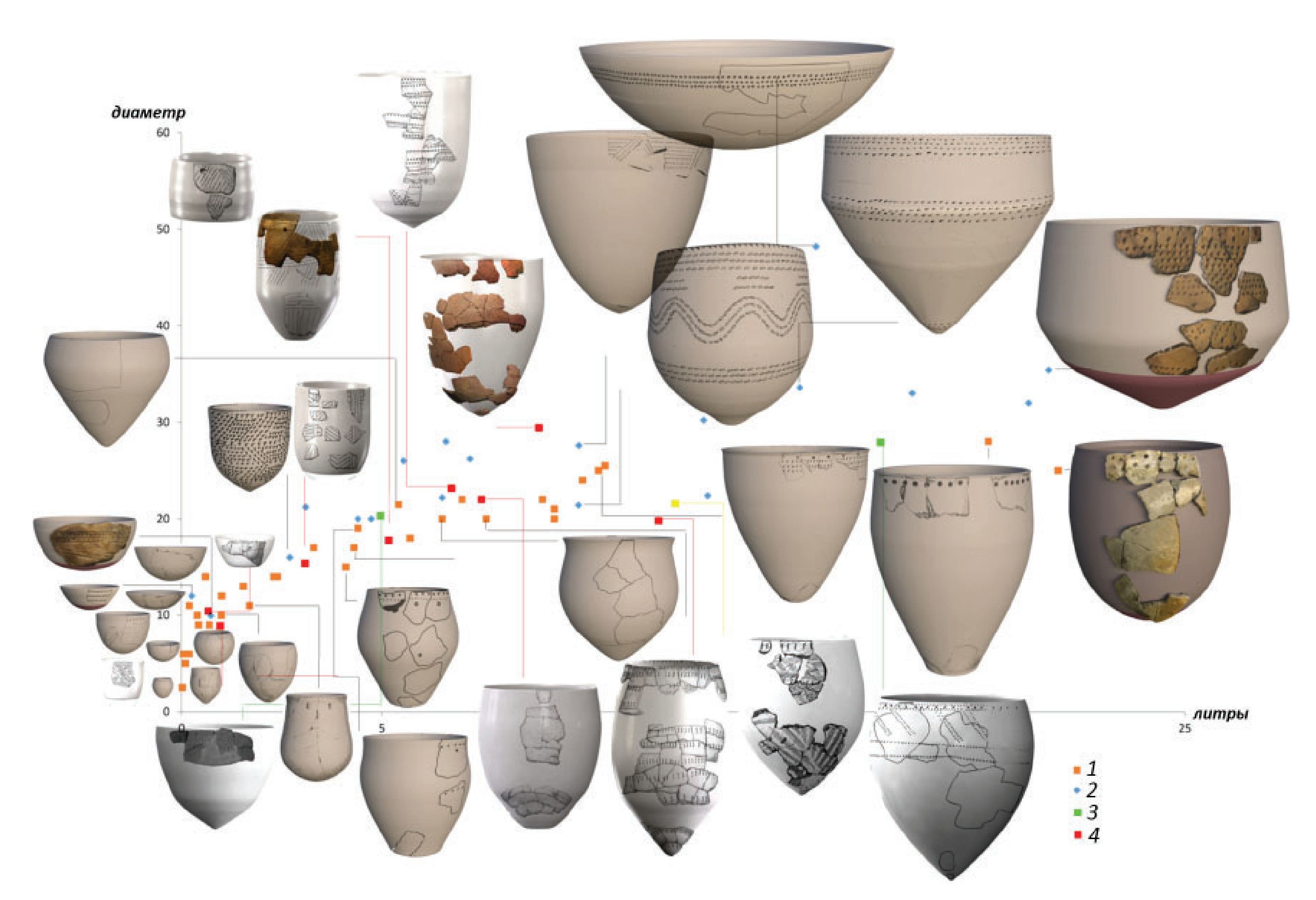

Рис. 2. Формы ранненеолитических сосудов для бассейнов Средней Волги (1), Верхнего и Среднего Дона (2), Днепро-Двинского междуречья (4), Валдайской возвышенности (3).

Fig. 2. Early Neolithic vessel shapes for the Middle Volga (1), Upper and Middle Don (2), Dnieper-Dvina basin (4), and Valday Upland (3).

Рис. 3. Корреспондентный анализ цепочек технологических операций для ранненеолитических комплексов Восточной Европы (см. таблицу атрибутов в Dolbunova et al. 2022).
Fig. 3. Correspondence analysis of "*chaînes opératoires*" for Early Neolithic complexes of Eastern Europe (see attribute table in Dolbunova et al. 2022).

(Creswell, 1983; Arnold, 1985) – тип сырья и формовочной массы, способы моделирования, обработка поверхности, толщина стенок. Важно отметить, что коллекция довольно фрагментарна, и во многих случаях невозможно реконструировать всю «цепочку технологических операций». В дальнейшем анализ соответствия выделенных признаков проводился с помощью программы CAPCA 2.0 с учетом многокритериального набора данных (см. также Piezonka, 2015), предназначенного для выделения ковариационных моделей, указывающих на возможные традиции или другие тенденции. Вес отдельных признаков был основан на частоте их встречаемости и значимости каждого этапа, описанного в этноархеологических исследованиях (Gallay, 1991; Livingstone-Smith, 2001; Gosselain, 2002). Анализ форм сосудов проводился на основе реконструкций, расчета объема сосудов, сходства профилей и пропорций сосудов (реконструированные формы и профили сосудов по Синюк, 1986; Выборнов, 2008; Андреев, Выборнов, 2017; Смольянинов 2009; и др.) (рис. 2). Анализ орнаментации позволил выявить более широкие ареалы общих керамических традиций.

Идея о существовании нескольких центров с древнейшей глиняной посудой (Мазуркевич и др., 2013; Выборнов, 2016) хорошо иллюстрируется через анализ технологических признаков и морфологических традиций, прослеживаются отдельные древнейшие керамические комплексы (в Буго-днестровском регионе, Нижнем Подонье, Северном Прикаспии и отдельно в бассейне Средней Волги). Анализ показывает наличие культурных процессов в лесостепной и лесной зоне, при которых различные культурные импульсы накладываются друг на друга (рис. 3). Параболическая форма графика позволяет предположить, что этот процесс не был одномоментным, но только с увеличением количества датировок возможно было бы уточнить его хронологию. Существование многих импульсов из разных центров, формирование «вторичных» керамических центров подтверждается гис-анализом пространственного распределения древнейших керамических традиций (Dolbunova et al., 2022).

Керамика охотников-собирателей Западной, Центральной и Северной Европы

Культурное пространство, сформировавшееся в конце 6–5 тыс. до н. э. в Северной Европе, включает несколько археологических культур охотников-собирателей позднего мезолита с древнейшей керамикой (Эртебелле, поселение Дабки, Свифтербанд на западе, нарвская на востоке) (рис. 4) (Гурина, 1967; Rimantiene, 1992; Лозе, 1988; Kriiska et al., 2017; Kotula et al., 2015). Внутри ареалов ранненеолитических земледельческих сообществ линейно-ленточной культуры в Западной и Центральной Европе выделяются отдельные типы керамики (ля огетт и лимбург), которые связывают с сообществами охотников-собирателей (Amkreutz et al., 2008; Constantin et al., 2010). Фундаментальная особенность этого мира заключается в том, что данные культуры охотников-собирателей-рыболовов существуют в окружении земледельческих сообществ. Так, появление керамики в культуре Эртебелле связывали либо с автохтонным происхождением, влиянием сообществ охотников-собирателей с востока (Gronenborn, 2008), либо с восприятием от неолитических земледельческих сообществ (Povlsen, 2013). Так же и появление керамики среди охотников-собирателей культуры Свифтербант около 5200/5000 л. до н. э. объясняется влиянием соседних земледельческих сообществ (Raemaekers, 2011). Влияние местных земледельческих сообществ на формирование комплексов глиняной посуды охотников-собирателей в 5–4 тыс. до н. э. отмечается и для территории Центральной Европы (Nowak, 2017; Guminski, 2020).

Керамика культуры Эртебелле выполнена в единой технологической традиции – из теста с примесью дресвы, техникой крепления лент-жгутов U или H, с частым нажимом на ленты, в ряде случаев с насечками для лучшего крепления, определенным типом заглаживания поверхности (см. также Glykou, 2010; Jennbert, 2008). Отдельные технологические варианты внутри комплекса могут объясняться функциональной необходимостью или результатом существования разных мастеров на одном поселении. Монолитность традиции может объясняться узким хронологическим интервалом, консервацией этой традиции в отдельных регионах, свидетельствовать о значительной «мобильности» представителей этой культуры. На это могут указывать и сходство признаков керамических комплексов культуры Эртебелле с т. н. западным островным вариантом нарвской культуры в Эстонии (Kriiska et al., 2017).

Материалы памятника Дабки, расположенного на севере Польши (Hartz et al., 2015), указывают на возможное влияние с западной – Эртебелле (Kotula et al., 2015) – и восточной стороны (неманская культура, этап Лысая гора).

Следы использования, зафиксированные в изученных керамических комплексах, значительно варьируют. Комплекс керамики Эртебелле на памятниках, расположенных на значительных расстояниях (исследования автора п. Грубе Розенхоф в Северной Германии и п. Тибринг Выг в Дании (Andersen, 2011)), обладает четко повторяющимися следами термического воздействия в нижней придонной части сосудов и в зоне максимального диаметра, видимо в области их контакта с очажными камнями. Подобные следы не были зафиксированы в таком объеме в материалах нарвской и неманской культуры. Глиняная посуда могла быть связана с кулинарными особенностями, существовавшими внутри различных древних обществ, традициями организации жилого пространства, использования сосудов, о чем и могут свидетельствовать следы использования (Skibo, 2015).

В данных культурах существуют различные морфо-функциональные категории сосудов, на что указывают разные пропорции сосудов и специфические особенности остродонных форм. Так, в нарвской культуре можно выделить лампы, миски, сосуды объемом 1–2 л и 10–15 л. В культуре Эртебелле представлены сосуды различного объема сходной профилировки – 0,5 л, 1, 3, 14 и 20 л (Andersen, 2011). Возможно, ограниченный по формам и объемам набор свидетельствует о существовании мультифункциональных сосудов.

В нарвской культуре исследователями выделяются несколько региональных и/или хронологических групп (Гурина, 1967; Kriiska et al., 2017). Достаточно сложно оценить хронологию отдельных групп из-за возможного резервуарного эффекта и отсутствия дат. Сосуды, аналогичные группе Кяяпа/Звидзе, встречаются на памятниках восточной периферии в верхнем и среднем Подвинье в конце 6 тыс. до н. э. (Асавец, Заценье (Черняв-

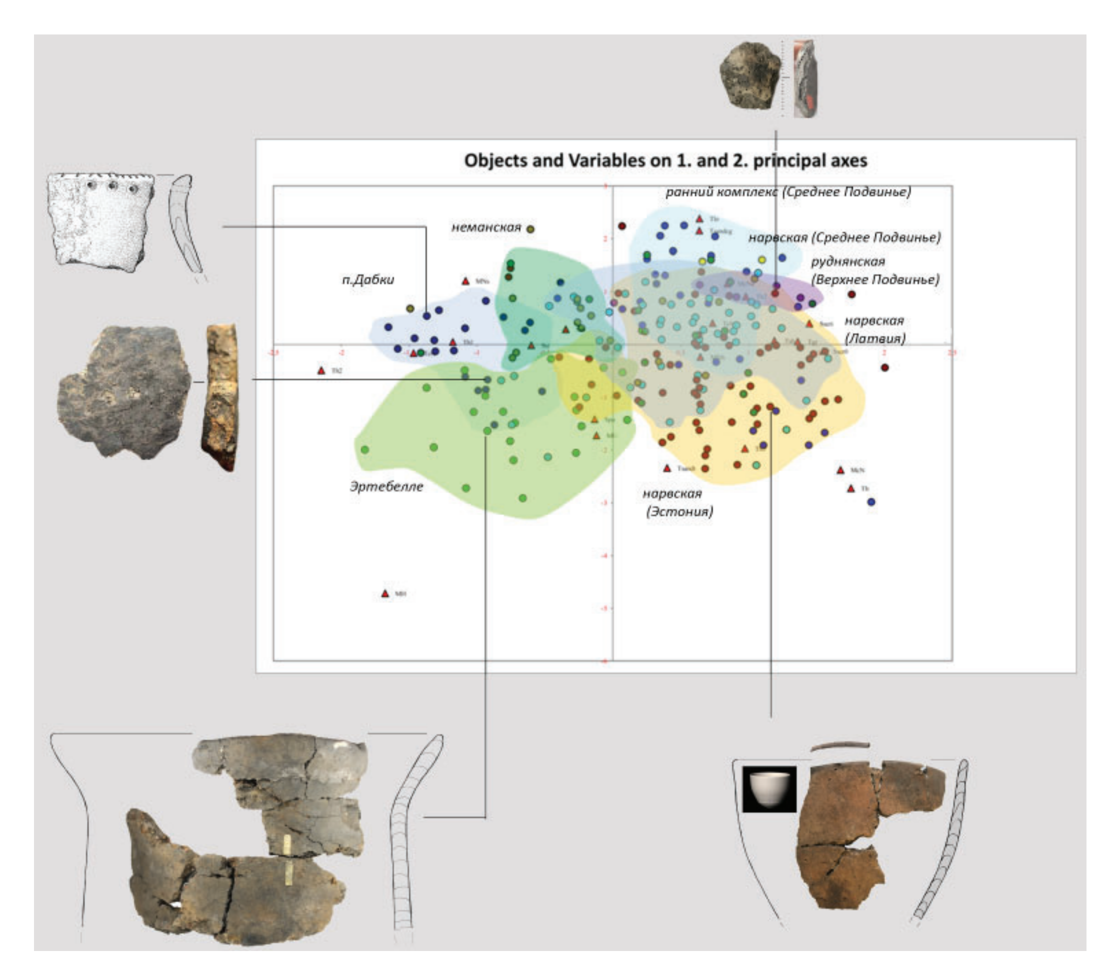

Рис. 4. Корреспондентный анализ цепочек технологических операций для древнейшей керамики охотников-собирателей циркум-балтийского региона.
Fig. 4. Correspondence analysis of "*chaînes opératoires*" for the earliest hunter-gatherer pottery of the Circum-Baltic region.

ский, 2017), памятники руднянской культуры (Долбунова и др., 2023)). Отдельная группа, представленная сосудами с территории северной Эстонии, малочисленна на территории Латвии, ее отличает U-крепление лент, плотное тесто. В итоге многолетних дискуссий остается открытым вопрос о культурном импульсе, в результате которого сложился характерный для ранних этапов нарвской культуры керамический комплекс. Зона ее существования обширна, тяготеет к приледниковым ландшафтам и ограничена Балтийским морем, на юге бассейном р. Неман, на востоке – р. Нарвой (Лозе, 1988; Kukawka et al., 2010).

Моделирование скорости и механизмов распространения инноваций

На основе анализа существующих датировок были предложены волновые регрессивные модели распространения древнейшей керамики (Davison et al., 2004; Silva et al., 2014; Jordan et al., 2016). Волновые модели для территории Восточной Европы учитывали серии удревненных датировок (по раковинам или нагару), а также датировок материалов более поздних этапов неолита, что привело к искусственному опусканию нижней границы появления керамики и «растягиванию» времени существования первой керамики. Построение модели усложняет и делает ошибочным включение датировок, сделанных сразу по нескольким образцам, которые могут датировать разные события, особенно в условиях многослойного памятника, а также датировок по удревненным материалам, степень удревнения которых крайне вариативна и очень сложно определима. С другой стороны, радиоуглеродная хронология Восточной Европы во многом основана на датировках с широкими интервалами, которые искусственно удлиняют процесс существования древнейших керамических культур. Сравнение процессов, которые датируются различными методами, позволяет сузить период бытова-

ния этих традиций. Это заставляет пересмотреть широкую хронологию раннего неолита и определять его в рамках узких хронологических рамок. Ряд исследований демонстрирует возможности создания короткой хронологии для первых керамических культур (Долбунова и др., 2022; Скоробогатов и др., 2023). С другой стороны, степень и качество изменений, происходящих в лесной и степной зоне, также несопоставимы, как и процесс разрушения первоначальной общности. Существенные трансформации конца 6 – первой половины 5 тыс. до н. э. приводят к окончательному исчезновению ранненеолитических традиций.

Моделирование универсальных тенденций, которые сложно выявить в археологическом материале, их поиск заслонил масштабы регионального разнообразия и специфику местного развития (Whittle, 2018). При моделировании распространения традиций важно говорить о совпадении не отдельных черт, но определенного пакета в рамках близких хронологических периодов, иначе аналогии могут быть слишком общими и широкими хронологически и географически. Моделирование для территории Восточной Европы с учетом только образцов костей животных, не находившихся под влиянием резервуарного эффекта, позволило предположить, что распространение керамических традиций происходило гораздо быстрее, чем считалось ранее. Моделирование может позволить прогнозировать время появления керамики в отдельных регионах как часть общего процесса распространения древнейшей керамики с выделением древнейших центров (Dolbunova et al., 2022). Несоответствие датировок керамических комплексов модели может быть связано с более поздним распространением традиции использования керамики в некоторых регионах, как отмечается для керамики культуры Цедмар (Dolbunova et al., 2022; Guminski, 2020). Эта группа вряд ли является частью первоначального распространения керамики охотников-собирателей, формируясь под влиянием многочисленных источников, включая более поздние земледельческие общества (Guminski, 2020). Включение археологических данных в модель позволяет выявлять скорость, механизмы и особенности распространения древнейшей глиняной посуды с учетом специфики мобильности сообществ с присваивающей экономикой, которая может иметь различные формы в зависимости от сезонности, источников сырья, сетей обмена, области и стратегии жизнеобеспечения. Вариативные по масштабу, сверхдиффузные типы передвижения являются фундаментальной особенностью использования охотниками-собирателями ландшафта независимо от условий окружающей среды или культурной среды (Raichlen et al., 2014; Brantingham, 2006). При моделировании распространения различных керамических традиций значительные положительные корреляции для морфологии, орнаментации и технологии керамики были выявлены на расстоянии 100 км, оставаясь высоко положительными в пределах 250–500 км от каждого памятника. Крайне отрицательные корреляции отмечены за пределами 500–700 км. Это может дать представление о расстояниях, на которые знания о гончарном производстве непосредственно передавались между древними обществами охотников-собирателей через распространение носителей традиций или скорее – опосредованную передачу знаний по сформированным сетям коммуникации между разрозненными сообществами охотников-собирателей (Dolbunova et al., 2022).

Заключение

Исследование керамики охотников-собирателей Европы указывает на различные пути происхождения отдельных комплексов, фундаментальные различия между ними. Существование культур охотников-собирателей-рыболовов Северной, Центральной Европы в окружении земледельческих сообществ приводило к появлению у них единичных доместицированных животных, злаков, оказывало влияние на кулинарные практики (Lucquin et al., 2023), формируя сценарии сосуществования в неолите земледельческих сообществ и охотников-собирателей-рыболовов (для Центральной Европы см. Bollongino et al., 2013). Эта модель «параллельного общества» иллюстрирует, как генетически выявляемые группы охотников-собирателей со своей специфической диетой, фиксируемой на основе изотопных анализов, сохранялись гораздо дольше, чем предполагалось ранее. Поэтому исследования содержимого глиняных сосудов, особенностей их использования (через следы использования), указывающие на разные функциональные паттерны среди

сообществ охотников-собирателей-рыболовов (Courel et al., 2020; 2021; Papakosta et al., 2019; Pääkkönen et al., 2016) и в древних культурах с производящей экономикой (Cramp et al., 2019), могут свидетельствовать не только о вариативности различных способов приготовления и хранения разного набора продуктов, но и об определенном культурном выборе. Анализы органических остатков различных комплексов показывают, что использование и содержимое керамики европейских охотников-собирателей было связано скорее с региональными кулинарными практиками, чем с экологическими факторами (Dolbunova et al., 2022). Содержимое сосудов указывает на значительное количество продуктов водной среды и на смешение различных продуктов (мяса и рыбы), что могло возникнуть в ходе последовательного использования сосудов. Керамика должна была иметь явные преимущества при тепловой обработке пищи по сравнению с органическими контейнерами, и действительно около половины исследованных сосудов несут следы термической обработки продуктов. Растительные остатки были идентифицированы в трети исследованного комплекса и, скорее всего, употреблялись вместе с продуктами водного или земного происхождения (Courel et al., 2020, 2021). Примечательно, что знание о функциональном использовании/содержимом сосудов передается как единый пакет вместе с традициями в области технологии, орнаментации (или определенного облика внешней поверхности сосудов) и морфологии (Dolbunova et al., 2022).

Многомерный анализ керамики позволил выявить совстречаемость различных этапов цепочки технологических операций и специфические характеристики, повлиявшие на формирование групп в проанализированном материале, которые можно объяснить экологическими (например, доступность сырья), культурными факторами или индивидуальным выбором мастера (van der Leeuw, 1993; Schiffer, Skibo, 1997; Tite, 2008).

Можно предположить существование культурных (по наличию различных пищевых традиций, степени закрытости и открытости общества, готовности к инновациям, выраженной в парадигме «культурного выбора») и природных границ (по специфике и направленности гидросети, наличию сложных непроходимых мест, особенностям микроклимата, набору ресурсов), которые могли задержать или ускорить распространение различных инноваций (например, производящего хозяйства, отдельных керамических традиций) и новых групп населения. Мы можем предположить существование сетей коммуникации по сформировавшимся устойчивым путям (например, для севера – речным или по Балтийскому побережью), которые выходили за пределы основных ареалов культур, на что указывают памятники, удаленные от зоны распространения культуры, на основных водных артериях (например, памятники, приуроченные к р. Западной Двине/Даугаве, соединявшей Лубанское озеро и Северо-Запад России, и р. Висле в Польше – поселение Калдуш). Культурные границы в ряде случаев оказывались прозрачны, благодаря чему могли формироваться синкретичные комплексы – например, поселение Дабки, или достаточно жесткими в силу географических особенностей (см. западный вариант нарвской культуры в Эстонии). Возможно, подобная ситуация культурной границы может быть реконструирована для раннего варианта неманской культуры, материалы которой отмечены лишь в ее основном ареале бытования.

В дальнейшем сформированная система связей между сообществами с древнейшей керамикой, возможно наложившаяся на уже существовавшую ранее систему связей в мезолитических сообществах, рушится. В конце раннего неолита фиксируется кардинальная смена стилей, направлений контактов, появление новых региональных традиций, надкультурной сети и коммуникаций со сложно уловимыми изменениями в стратегиях жизнеобеспечения.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев К. М., Андреева О. В., Алешинская А.С., Кулькова М.А., Бурыгин М.А. Стоянка Кочкари I – новый памятник позднего мезолита лесостепного Поволжья (итоги исследования) // РА. 2023. № 1. С. 7–24.

Андреев К.М., Выборное А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья. Самара: Порто-Принт, 2017. 300 с.

Андреев К.М., Выборнов А.А. Миграции и диффузии в неолитизации Поволжья // Stratum Plus. 2020. № 2. С. 15–30.

Андреева Т.В., Жилин М.Г., Малярчук А.Б., Энговатова А.В., Сошкина А.Д., Добровольская М.В., Бужилова А.П., Рогаев Е.И. Архогеномика человека из слоя верхневолжской культуры – наибольшее генетическое сходство с восточно-европейскими охотниками и собирателями и древними представителями мезолита/неолита Европы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 113–125.

Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб.: СПбГУ, 1995. 200 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья: степь и лесостепь. Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.

Величко А.А., Климанов В.А., Борзенкова И.И. Климатические характеристики голоцена (интервал 6000-5500 л. н.) // Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен-голоцен. Атлас-монография / Отв. ред. А.А. Величко. М.: ГЕОС, 2009. С. 20–25.

Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А. К вопросу о выделении «очагов» ранненеолитических керамических традиций в Волго-Донском междуречье // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Под ред. О.В. Лозовской, А.Н. Мазуркевича, Е.В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 43–44.

Гаскевич Д.Л. Северо-понтийское импрессо: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юге Восточной Европы // Stratum Plus. 2010. № 2. С. 213–251.

Гурина Н.Н. Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. № 3. С. 31–45.

Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР / МИА. № 144. Л.: Наука, 1967. 207 с.

Даниленко В.Н. Неолит Украины. Главы древней истории Юго-восточной Европы. Киев: Наукова думка, 1969. 260 с.

Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Амон К. Новые данные по хронологии и стратиграфии памятника Ракушечный Яр // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2022. Т. 42. С. 106–122.

Долбунова Е. В., Мазуркевич А. Н., Мэгро Й., Филиппова В. Л. Днепро-двинское междуречье в конце 6 тыс. до н. э. и ранние керамические традиции циркумбалтийского региона // Поволжская археология. 2023. №1 (43). С. 8–26.

Жилин М. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia, 2004. 144 с.

Иванищева М.В. Комплексы с тычково-накольчатой керамикой в Нижнем Посухонье // Известия СНЦ РАН. 2009. № 11 (6). С. 277–281.

Карманов В.Н. Неолит европейского северо-востока. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. 226 с.

Костылева Е. Л. Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья// Тверской археологический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 1994. С. 53–57.

Кулькова М.А. Адаптация древних сообществ к изменениям окружающей среды в голоцене в регионах Ближнего Востока, Западной Европы, Балкан и Северного Причерноморья (учебное пособие). СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 160 с.

Лозовский В.М. Проблемы перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье по материалам стоянки Замостье 2. Дисс… канд. ист. наук. СПб, 2003. 266 с.

Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига: Зинатне, 1988. 209 с.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Древнейшие керамические традиции Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. Вып. 3 / Глав. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 27–108.

Мерперт Н.Я. Очерки археологии библейских стран. М.: Библейско-богословский институт св. Андрея, 2000. 331 с.

Мосин В.С. Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите от Дона до Иртыша: хронологический аспект // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 7. С.139–149.

Нордквист К. Продолжительность неолитизации: взгляд с севера // Самарский научный вестник. 2014. № 3(8). С. 148–155.

Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 6–9.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1986. 180 с.

Скоробогатов А.М., Долбунова Е.В., Рослякова Н.В., Гасилин В.В. Ранний неолит Среднего Дона в свете современных исследований (по материалам стоянки Черкасская 5) // Поволжская археология. 2023. № 3 (45). С. 38–45.

Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона. Дисс… канд. ист. наук. Липецк, 2009. 314 с.

Сурков А.В. Неолитические памятники Среднего Похоперья. Воронеж: ВГПУ, 2007. 122 с.

Ставицкий В.В. Хреков А.А. Неолит-ранний энеолит лесостепного Посурья и Похоперья. Саратов: СГУ, 2003. 168 с.

Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.: Наука, 1990. 190 с.

Федюнин И.В. Эпоха мезолита в междуречье Дона и Волги: география, памятники, культуры // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 141–154.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Чернявский М. М. Памятники нарвской культуры на территории Беларуси: состояние исследования и перспективы // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене / Отв. ред. Д.В. Герасимов. СПб: МАЭ РАН, 2017. С. 247–251.

Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века: археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб.: Алтея, 2011. 319 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

Allentoft, M.E., Sikora, M., Refoyo-Martínez, A. et al. Population genomics of post-glacial western Eurasia // *Nature.* 2024. № 625. P: 301–311.

Amkreutz L., Vanmontfort B., Verhart L. Diverging trajectories? Forager-farmer interaction in the southern part of the Lower Rhine area and the applicability of contact models // Creating Communities New Advances in Central European Neolithic Research / D. Hofmann, P. Bickle (eds.). Oxford, 2008. P. 11–31.

Andersen S.H. Kitchen middens and the early pottery of Denmark // Early pottery in the Baltic – Dating, Origin and Social Context. Bericht der Romisch-Germanische Kommission / Hartz S., Luth F., Terberger T. (eds.). Darmstadt-Mainz. 2011. P. 194–211.

Arnold Dean E. Ceramic theory and cultural process. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Arslanov Kh.A., Savel'eva L.A., Dzinoridze E.N., Mazurkevich A.N., Dolukhanov P.M. The Holocene Environments in North-Western and Central Russia // The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series 1964 / P.M. Dolukhanov, Graeme R. Sarson, A.M. Shukurov (eds.). Oxford, 2009. P. 109–123.

Betti L. et al. Climate shaped how Neolithic farmers and European hunter-gatherers interacted after a major slowdown from 6,100 BCE to 4,500 BCE // Nature Human Behaviour. 2020. № 4. P. 1004–1010.

Bollongino R., Nehlich O., Richards MP., Orschiedt J., Thomas MG., Sell C., Fajkosová Z., Powell A., Burger J. 2000 years of parallel societies in Stone Age Central Europe // Science. 2013. № 342(6157). P. 479–81.

Bondetti M., Scott S., Lucquin A., Meadows J., Lozovskaya O., Dolbunova E., Jordan P., Craig O.E. Fruits, fish and the introduction of pottery in the Eastern European plain: Lipid residue analysis of ceramic vessels from Zamostje 2 // Quaternary International. 2020. Volume 541. P. 104–114.

Bondetti M, González Carretero L, Dolbunova E, McGrath K, Presslee S, Lucquin A, Tsybriy V, Mazurkevich A, Tsybriy A, Jordan P, Heron C, Meadows J, Craig O.E. Neolithic farmers or Neolithic foragers? Organic residue analysis of early pottery from Rakushechny Yar on the Lower Don (Russia) // Archaeological and Anthropological Sciences. 2021. № 13, 141.

Brantingham JP. Measuring forager mobility// Current Anthropology. 2006. № 47(3). P. 435–459.

Constantin C., Ilett M., Burnez-Lanotte L. La Hoguette, Limburg and the Mesolithic: some questions // Pots, Farmers and Foragers Pottery traditions and social interaction in the earliest Neolithic of the Lower Rhine Area / B. Vanmontfort, L. Louwe Kooijmans, L. Amkreutz, L. Verhart (eds.). Leiden University Press, 2010. P. 41–48.

Courel, B., Robson, H. K., Lucquin, A., Dolbunova, E., Oras, E., Adamczak, K., Søren, H. A., Astrup, P. M., Charniauski, M., Czekaj-Zastawny, A., Ezepenko, I., Hartz, S., Kabaciński, J., Kotula, A., Kukawka, S., Loze, I., Mazurkevich, A., Piezonka, H., Piličiauskas, G., A. Sørensen, S., Talbot, H. M., Tkachou, A., Tkachova, M., Wawrusiewicz, A., Meadows, J., Heron, C. P. , Craig, O. E. Organic residue analysis shows sub-regional patterns in the use of pottery by Northern European hunter–gatherers // Royal society open science. 2020. Volume 7 (4).

Courel B., Meadows J., Lucquin A., Gonzalez Carretero L., McLaughlin R., Bondetti M., Andreev K., Skorobogatov A., Smolianinov R., Surkov A., Vybornov A., Dolbunova E., Craig O., Heron C. The use of early pottery by hunter-gatherers of the Eastern European forest-steppe // Quaternary Science Reviews. 2021. № 269. P. 107–143.

Craig O. E. Prehistoric Fermentation, Delayed-Return Economies, and the Adoption of Pottery Technology // Current Anthropology. 2021. Vol. 62: S24. P. S193–S398.

Cramp L.J., Ethier J., Urem-Kotsou D., Bonsall C., Borić D., Boroneanţ A., Evershed R.P., Perić S., Roffet-Salque M., Whelton H.L. Regional diversity in subsistence among early farmers in Southeast Europe revealed by archaeological organic residues // Proceedings of the Royal Society. 286. 2019. 20182347.

Creswell R. Transfert de technique et chaine operatoire // Technique et culture. 1983. № 2. P. 143–159.

Czekaj-Zastawny A., Kabaciński J., Terberger T., Ilkiewicz J. Relations of Mesolithic hunter-gatherers of Pomerania (Poland) with Neolithic cultures of central Europe // Journal of Field Archaeology. 2013. Vol. 38, No. 3. P. 195–209.

Davison K., Dolukhanov P.M., Sarson G.R., Shukurov A., Zaitseva G. I. Multiple Sources of the European Neolithic: Mathematical Modelling Constrained by Radiocarbon Dates // The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series 1964 / P.M. Dolukhanov, Graeme R. Sarson, A.M. Shukurov (eds.). Oxford, 2009. P. 197–211.

Dolbunova, E., Lucquin, A., McLaughlin, T.R. et al. The transmission of pottery technology among prehistoric European hunter-gatherers // Nature Human Behaviour. 2023. № 7. P. 171–183.

Dolukhanov P.M. The Mesolithic of East European Plain // The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series 1964 / P.M. Dolukhanov, Graeme R. Sarson, A.M. Shukurov (eds.). Oxford, 2009. P. 23–34.

Dumpe B., Bērziņš V., Stilborg O. A dialogue across the Baltic on Narva and Ertebolle pottery // Early pottery in the Baltic – Dating, Origin and Social Context. Bericht der Romisch-Germanische Kommission / S. Hartz, F. Luth, T. Terberger (eds.). Darmstadt-Mainz, 2011. P. 89–110.

Dolukhanov P.M. The Pleistocene-Holocene transition in Northern Eurasia: environmental changes and human adaptations // Quaternary International. 1997. № 41/42. P. 181–191.

Dolukhanov P. The Mesolithic of European Russia, Belarus, and the Ukraine // Mesolithic Europe / Bailey G., Spikins P. (eds.). Cambridge, 2008. P. 280–301.

Elliott B., Little A., Warren G., Lucquin A., Blinkhorn E., Craig OE. No pottery at the western periphery of Europe: why was the Final Mesolithic of Britain and Ireland aceramic? // Antiquity. 2020. № 94(377). P. 1152–1167.

Gallay A. Itinéraires ethnoarchaeologiques I. Document du Département d’Anthropoogie et d’Ecologie de l’Université de Genève 18. Genève, 1991.

Gibbs K., Jordan P. A comparative perspective on the ‘western’ and ‘eastern’ Neolithics of Eurasia: Ceramics; agriculture and sedentism // Quaternary International. 2016. Volume 419. P. 27–35.

Glykou A. Technological and typological analysis of Ertebølle and early Funnel Beaker pottery from Neustadt LA 156 and contemporary sites in northern Germany // In Pots, Farmers and Foragers: Pottery traditions and social interaction in the earliest Neolithic of the lower Rhine Area. Archaeological Studies Leiden University 20 / Vanmontfort B., Louwe Koojimans, Amkreutz L., Verhart L. (eds). Leiden, 2010. P. 177–188.

Gomart L., Weiner A., Gabriele M., et al. Spiralled patchwork in pottery manufacture and the introduction of farming to Southern Europe // Antiquity. 2017. № 91(360). P. 1501–1514.

Gosselain O. Poteries du cameroun meridional. Styles techniques et rapports à l'identité. Monographies du CRA 26. Paris, 2002.

Gronenborn D. Early pottery in Afroeurasia – origins and possible routes of dispersal // Early pottery in the Baltic – dating, origin and social context. / S. Hartz, F. Lüth, T. Terberger (eds.). Darmstadt-Mainz, 2008. P. 59–88.

Grikpėdis M, Motuzaite Matuzeviciute G. A Review of the Earliest Evidence of Agriculture in Lithuania and the Earliest Direct AMS Date on Cereal // European Journal of Archaeology. 2018. №21 (2). P. 264–279.

Guminski W. The oldest pottery of the Para-Neolithic Zedmar culture at the site Szczepanki, Masuria, NE-Poland //Documenta Praehistorica. 2020. XLVII. P. 126–154.

Hartz S., Kabaciński J., Raemaekers D.C.M., Terberger T. The Dąbki site and the Neolithisation of the northern lowlands – a short introduction // The Dąbki Site in Pomerania and the Neolithisation of the North European Lowlands (c. 5000–3000 calBC) / J. Kabaciński, S. Hartz, D. C. M. Raemaekers, T. Terberger (eds.). Leidorf, 2015. P. 13–20.

Jennbert K. Ertebølle pottery in southern Sweden - a question of handicraft, networks and creolisation in a period of neolithization *// Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 2008. № 89. P.* 89–110.

Jordan P., Zvelebil M. Ex Oriente Lux: the prehistory of hunter-gatherer ceramic dispersals. // *Ceramics before Farming: the Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers /* P. Jordan, M. Zvelebil (eds.). University College London Institute of Archaeology Publications, *2009. P.* 33–89.

Jordan P., Gibbs K., Hommel P., Piezonka H., Silva F., Steele J. Modelling the diffusion of pottery technologies across Afro-Eurasia: Emerging insights and future research // Antiquity. 2016. № 90 (351). P. 590–603.

Kittel P., Mazurkevich A., Wieckowska-Lüth M., Pawłowski D., Dolbunova E., Płóciennik M., Gauthier E., Krąpiec M., Maigrot Y., Danger M., Mroczkowska A., Okupny D., Szmańda J., Thiebaut E., Słowiński M. On the border between land and water: the environmental conditions of the Neolithic occupation from 4.3 until 1.6 ka BC at Serteya, Western Russia // Geoarchaeology. 2021. № 36. P. 173–202.

Kriiska A., Oras E., Lougas L., Meadows J., Lucquin A., Craig O. Late Mesolithic Narva stage on the territory of Estonia: pottery, settlement types and chronology // Estonian Journal of Archaeology. 2017. № 21. P. 52–86.

Kotula A., Czekaj-Zastawny A., Kabaciński J., Terberger T. Find distribution, taphonomy and chronology of the Dąbki site // The Dąbki Site in Pomerania and the Neolithisation of the North European Lowlands (c. 5000–3000 calBC) / J. Kabaciński, S. Hartz, D. C. M. Raemaekers, T. Terberger (eds.). Leidorf, 2015. P. 113–137.

Kukawka S. Subneolit północno-wschodnoeuropejski na Niżu Polskim. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010. 268 p.

Kukawka S., Małecka-Kukawka J., Adamczak K. Where the Neolithic and Subneolithic met: pottery, landscape and hybridisation in the Lower Vistula region // Walking among ancient trees / M. Grygiel, P. Obst (eds.). Lodz, 2022. P. 441–454.

Livingstone-Smith A. Chaînes opératoires de la poterie. Références ethnographiques, analyse et reconstitution : thèse de doctorat. Bruxelles, 2001. 203 p.

Lucquin A., Robson H.K., Oras E., Lundy J., Moretti G., González Carretero L., Dekker J., Demirci Ö, Dolbunova E., McLaughlin T.R., Piezonka H., Talbot H.M., Adamczak K., Czekaj-Zastawny A., Groß D., Gumiński W., Hartz S., Kabaciński J., Koivisto S., Eilev T., Meyer A-K., Mökkönen T., Philippsen B., Piličiauskas G., Visocka V., Kriiska A., Raemaekers D., Meadows J., Heron C., Craig O.E. The impact of farming on prehistoric culinary practices throughout Northern Europe// PNAS. 2023. № 120 (43). e2310138120.

Mazurkevich A.N. Mesolithic and Neolithic in the Western Dvina–Lovat Area // The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series 1964 / P.M. Dolukhanov, Graeme R. Sarson, A.M. Shukurov (eds.). Oxford, 2009. P. 145–152.

Mroczkowska A., Płóciennik M., Pawłowski D, Gauthier E., Mazurkevich A., Luoto T. P., Peyron O., Kotrys B., Nazarova L., Syrykh L., Dolbunova E., Thiebaut E., Antczak-Orlewska O., Kittel P. Northgrippian climate oscillations recorded at the Western Dvina Lakeland (Serteyka Valley) // Water. 2020. № 13 (11). 1611.

Nordqvist K., Herva V.-P. Copper use, cultural change and Neolithization in north-eastern Europe (c. 5500–1800 BC) // European Journal of Archaeology. 2013. № 16(3). P. 401–432.

Nowak M. The second stage of neolithisation and para-neolithic in the southern Baltic // Самарский научный вестник. 2017. №6 (4). P. 116–123.

Özdogan M. Westward expansion of the neolithic way of life: sorting the neolithic package into distinct packages // Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. 1 / P. Matthiae, F. Pinnock, L. Nigro, N. Marchetti (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 883–897.

Papakosta V., Oras E., Isaksson S. Early pottery use across the Baltic – A comparative lipid residue study on ErtebØlle and Narva ceramics from coastal hunter-gatherer sites in southern Scandinavia, northern Germany and Estonia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. № 24. P. 142–151.

Pääkkönen M., Bläuer A., Evershed R.P., Asplund H. Reconstructing food procurement and processing in early Comb ware period through organic residues in early comb and Jäkärlä ware pottery // Fennoscandia archaeologica. 2016. XXXIII. P. 57–75.

Piezonka H. Jäger, Fischer, Töpfer. Wildbeuter mit früher Keramik in Nordosteuropa im 6. und 5. Jahrtausend v. Chr. / Archäologie in Eurasien 30. Bonn, 2015.

Płóciennik M., Mroczkowska A., Pawłowski D., Kruk A., Wieckowska-Lüth M., Kurzawska A., Rzodkiewicz M., Okupny D., Szmańda J., Mazurkevich A., Dolbunova E., Luoto T.P., Kotrys B., Nazarova L., Syrykh L., Krąpiec M., Kittel P. Summer temperature drives the lake ecosystem during the Late Weichselian and Holocene in Eastern Europe: a case study from East European Plain // Catena. 2022. № 214. 106206.

Povlsen K. The introduction of ceramics in the Ertebølle culture // Danish Journal of Archaeology. 2013. № 2. P. 146–163.

Preston P.R., Kador T. Approaches to Interpreting Mesolithic Mobility and Settlement in Britain and Ireland // Journal of World Prehistory. 2018. № 31. P. 321–345.

Raichlen D.A., Wood B.M., Gordon A.D., Mabulla A.Z.P., Frank W. Marlowe, and Herman Pontzer. Evidence of Lévy walk foraging patterns in human hunter–gatherers // PNAS. 2014. № 111 (2). P. 728–733.

Rimantiene R. The Neolithic of the Eastern Baltic // Journal of World Prehistory. 1992. № 6 (1). P. 97–143.

Raemaekers D.C.M. Early Swifterbant pottery (5000–4600 cal BC): research history, age, characteristics and the introduction of pottery // Early pottery in the Baltic – dating, origin and social context. / S. Hartz, F. Lüth, T. Terberger (eds.). Darmstadt-Mainz, 2008. P. 89–110.

Roux V. Ceramics and society. A technological approach to archaeological assemblages. Cham: Springer, 2019. 329 pp.

Rye O. Pottery technology. Washington: Taraxacum Inc, 1981.

Schibler J., Jacomet S., Plogmann H., Brombacher Ch. Economic crash in the 37 th and 36 th century BC cal in Neolithic Lake shore sites in Switzerland // Anthropozoologica. 1997. № 25–26. P. 553–570.

Schiffer M., Skibo J. The Explanation of Artifact Variability // American Antiquity. 1997. Vol. 62. № 1. P. 27–50.

Silva F., Steele J., Gibbs K., Jordan P. Modeling spatial innovation diffusion from radiocarbon dates and regression residuals: the case of early old world pottery // Radiocarbon. 2014. Vol 56, № 2. P. 723–732.

Skibo J.M. Pottery Use-Alteration Analysis. Chapter 10 // Use-Wear and Residue Analysis in Archaeology / J.M. Marreiros, J.F. Gibaja, N.F. Bicho (eds.). Cham : Springer International Publishing, 2015. P. 189–198.

Tite M.S. Ceramic production, provenance and use: a review // Archaeometry. 2008. № 50. P. 216–231.

Towards a Broader View of Hunter-Gatherer Sharing / Noa Lavi, David E. Friesem (eds.). Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2019. 266 p.

van der Leeuw S. Giving the Potter a Choice: Conceptual Aspects of Pottery Techniques // Technological Choices: Transformation in Material Cultures since the Neolithic / P. Lemonnier (ed.). London: Routledge, 1993. P. 238–288.

Warden, L., Moros, M., Neumann, T. et al. Climate induced human demographic and cultural change in northern Europe during the mid-Holocene // Science Reports. 2017. № 7. 15251

Whittle A. The times of their lives: hunting history in the archaeology of Neolithic Europe. Oxford: Oxbow, 2018. 253 p.

Wieckowska-Lüth M., Gauthier E., Thiebaut E., Słowiński M., Krąpiec M., Dolbunova E., Mazurkevich A., Maigrot Y., Danger M., Kittel P. The palaeoenvironment and settlement history of a lakeshore setting: An interdisciplinary study from the multi-layered archaeological site of Serteya II, Western Russia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2021. № 40, Part B. P. 1–17.

Wohlfarth B., T. Lacoursea, O.Bennikeb, D. Subetto, P. Tarasov, I. Demidov, L. Filimonova, T. Sapelko. Climatic and environmental changes in north-western Russia between 15,000 and 8000 cal yr BP: a review // Quaternary Science Reviews. 2007. № 26. P. 1871–1883

Zvelebil M. Innovating hunter-gatherers: the Mesolithic in the Baltic. Chapter 2 // Mesolithic Europe / Bailey G., Spikins P. (ed.). Cambridge, 2008. P. 18–59.

Zvelebil M., Dolukhanov P. The Transition to Farming in Eastern and Northern Europe // Journal of World Prehistory. 1991. Vol. 5, № 3. P. 233–278.

Информация об авторах:

Долбунова Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); katjer@mail.ru

Мазуркевич Андрей Николаевич, старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); a-mazurkevich@mail.ru

REFERENCES

Andreev, K. M., Andreeva, O. V., Aleshinskaya, A. S., Kulkova, M. A., Burygin, M. A. 2023. *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 7–24 (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2017. *Ranniy neolit lesostepnogo Povolzh'ya (Early Neolithic of the Forest-Steppe Volga Region)*. Samara: “Porto-Print” Publ. (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2020. In *Stratum Plus* 2, 15–30 (in Russian).

Andreeva, T. V., Zhilin, M. G., Malyarchuk, A. B., Engovatova, A. V., Soshkina, A. D., Dobrovol'skaya, M. V., Buzhilova, A. P., Rogaev, E. I. 2024. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 64 (1), 113–125 (in Russian).

Belanovskaya, T. D. 1995. *Iz drevneyshego proshlogo Nizhnego Podon'ya: poselenie vremeni neolita i eneolita Rakushechnyy Yar (From the ancient past of the Lower Don region: the Neolithic and Eneolithic settlement of Rakushechny Yar)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vasil’ev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh’ia: step’ i lesostep’ (Neolithic of the Volga River Region: Steppe and Forest-Steppe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Velichko, A. A., Klimanov, V. A., Borzenkova, I. I. 2009. In Velichko, A.A. (ed.). *Paleoklimaty i paleolandshafty vnetropicheskogo prostranstva Severnogo polushariya. Pozdniy pleystotsen-golotsen (Paleoclimates and paleolandscapes of the extratropical space of the Northern Hemisphere. Late Pleistocene-Holocene).* Moscow: “GEOS” Publ., 20–25 (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam’ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A. 2016. In Lozovskaia, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 43–44 (in Russian).

Gaskevich, D. L. 2010. In *Stratum Plus* (2), 213–251 (in Russian).

Gurina, N. N. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 31–45 (in Russian).

Gurina, N. N. 1967. *Iz istorii drevnikh plemen zapadnykh oblastey SSSR (From the history of the ancient tribes of the USSR western regions).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 144. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Danilenko, V. N. 1969. *Neolit Ukrainy. Glavy drevney istorii Yugo-vostochnoy Evropy (Neolithic of Ukraine. Chapters of the ancient history of Southeastern Europe)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Dolbunova, E. V., Mazurkevich, A. N., Hamon, C. 2022. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 42, 106–122 (in Russian).

Dolbunova, E. V., Mazurkevich, A. N., Megro, Y., Filippova, V. L. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 43 (1), 8–26 (in Russian).

Zhilin, M. 2004. *Prirodnaya sreda i khozyaystvo mezoliticheskogo naseleniya tsentra i severo-zapada lesnoy zony Vostochnoy Evropy (Natural environment and economy of the Mesolithic population of the center and north-west of the forest zone of Eastern Europe)*. Moscow: "Academia" Publ. (in Russian).

Ivanishcheva, M. V. 2009. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 11, no 6, 277–281 (in Russian).

Karmanov, V. N. 2008. *Neolit evropeyskogo severo-vostoka (Neolithic of the Northeastern Europe).* Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kostyleva, E. L. 1994. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 1. Tver: "Triada" Publ., 53–57 (in Russian).

Kulkova, M. A. 2021. *Adaptatsiya drevnikh soobshchestv k izmeneniyam okruzhayushchey sredy v golotsene v regionakh Blizhnego Vostoka, Zapadnoy Evropy, Balkan i Severnogo Prichernomor'ya (Adaptation of ancient communities to environmental changes in the Holocene in the Middle East, Western Europe, the Balkans and the Northern Black Sea region (textbook)).* Saint Petersburg: Herzen University (in Russian).

Lozovsky, V. M. 2003. *Problemy perekhoda ot mezolita k neolitu v Volgo-Okskom mezhdurech'e po materialam stoyanki Zamost'e 2 (Issues of the transition from the Mesolithic to the Neolithic in the Volga-Oka interfluve based on materials from the Zamostye 2 campsite).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg (in Russian).

Loze, I. A. 1988. *Poseleniya kamennogo veka Lubanskoy niziny. Mezolit, ranniy i sredniy neolit (Settlements of the Stone Age in Lubana Lowland. Mesolithic, Early and Middle Neolithic)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).

Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V., Kulkova, M. A. 2013. In Vishnyatsky, L. B. (ed.-in-chief). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 27–108 (in Russian).

Merpert, N. Ya. 2000. *Ocherki arkheologii bibleiskikh stran (Essays on the Archaeology of the Biblical Lands)*. Moscow: St. Andrew's Biblical and Theological Institute (in Russian).

Mosin, V. S. 2020. In In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 19 (7), 139–149 (in

Nordkvist, K. 2014. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 8 (3), 148–155 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia).* Moscow: "Nauka" Publ., 6–9 (in Russian).

In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). 2016. *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ. (in Russian).

Sinyuk, A. T. 1986. *Naselenie basseyna Dona v epokhu neolita (Population of the Don River Basin in the Neolithic Period)*. Voronezh: "Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet" Publ. (in Russian).

Skorobogatov, A. M., Dolbunova, E. V., Roslyakova, N. V., Gasilin, V. V.2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 45 (3), 38–45 (in Russian).

Smolyaninov, R. V. 2009. Ranniy neolit Verkhnego Dona (*Early Neolithic of the Upper Don).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Lipetsk. (in Russian).

Surkov, A. V. 2007. *Neoliticheskie pamyatniki Srednego Pokhoper'ya (Neolithic sites of the Middle Khopyor basin)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogacal University (in Russian).

Stavitsky, V. V., Khrekov, A. A. 2003. *Neolit-ranniy eneolit lesostepnogo Posur'ya i Pokhoper'ya (Neolithic-Early Chalcolithic of the forest steppe Sura and Khopyor regions)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

Tret'yakov, V. P. 1990. *Neoliticheskie plemena lesnoi zony Vostochnoi Evropy (Neolithic Tribes in the Forest Zone of Eastern Europe)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Fedyunin, I. V. 2018. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta (Tomsk State University Journal)* 431, 141–154 (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Chernyavsky, M. M. 2017. In Gerasimov, D. V. (ed.). *Kul'turnye processy v cirkumbaltijskom prostranstve v rannem i srednem golocene (Cultural Processes in the Circum-Baltic Space in the Early and Middle Holocene).).* Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 247–251 (in Russian).

Shmidt, K. 2011. *Oni stroili pervye khramy. Tainstvennoe svyatilishche okhotnikov kamennogo veka: arkheologicheskie otkrytiya v Gebekli Tepe (They built the first temples. Mysterious sanctuary of Stone Age hunters: archaeological discoveries at Göbekli Tepe).* Saint Petersburg: “Alteya” Publ. (in Russian).

Yudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevka Site and the Neolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute (in Russian).

Allentoft, M.E., Sikora, M., Refoyo-Martínez, A. et al. 2024. In *Nature* (625), 301–311.

Amkreutz, L., Vanmontfort, B., Verhart, L. 2008. In Hofmann, D., Bickle, P. (eds.), *Creating Communities New Advances in Central European Neolithic Research*, 11–31.

Andersen, S.H. 2011. In Hartz, S., Luth, F., Terberger T. (eds.). *Early pottery in the Baltic – Dating, Origin and Social Context. Bericht der Romisch-Germanische Kommission,* 194–211.

Arnold, Dean E. 1985.*Ceramic theory and cultural process*. Cambridge: Cambridge University Press.

Arslanov, Kh.A., Savel’eva, L.A., Dzinoridze, E.N., Mazurkevich, A.N., Dolukhanov, P.M. 2009. In Dolukhanov, P.M., Sarson, Graeme R., Shukurov, A.M. (eds.). *The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series* 1964, 109–123.

Betti, L. et al. 2020. In *Nature Human Behaviour* 4, 1004–1010.

Bollongino, R., Nehlich, O., Richards, MP., Orschiedt, J., Thomas, MG., Sell, C., Fajkosová, Z., Powell, A., Burger, J. 2013. In *Science* 342(6157), 479–81.

Bondetti, M., Scott, S., Lucquin, A., Meadows, J., Lozovskaya, O., Dolbunova, E., Jordan, P., Craig, O.E. 2020. In *Quaternary International* 541, 104–114.

Bondetti, M, González Carretero, L, Dolbunova, E, McGrath, K, Presslee, S, Lucquin, A, Tsybriy, V, Mazurkevich, A, Tsybriy, A, Jordan, P, Heron, C, Meadows, J, Craig, O.E. 2021. In *Archaeological and Anthropological Sciences* 13, 141.

Brantingham, JP. 2006. In *Current Anthropology* 47(3), 435–459.

Constantin, C., Ilett, M., Burnez-Lanotte, L. 2010.In Vanmontfort, B., Louwe Kooijmans, L., Amkreutz, L., Verhart, L. (eds.). *Pots, Farmers and Foragers Pottery traditions and social interaction in the earliest Neolithic of the Lower Rhine Area*, 41–48.

Courel, B., Robson, H. K., Lucquin, A., Dolbunova, E., Oras, E., Adamczak, K., Søren, H. A., Astrup, P. M., Charniauski, M., Czekaj-Zastawny, A., Ezepenko, I., Hartz, S., Kabaciński, J., Kotula, A., Kukawka, S., Loze, I., Mazurkevich, A., Piezonka, H., Piličiauskas, G., A. Sørensen, S., Talbot, H. M., Tkachou, A., Tkachova, M., Wawrusiewicz, A., Meadows, J., Heron, C. P. , Craig, O. E. 2020. In *Royal society open science* 7 (4).

Courel, B., Meadows, J., Lucquin, A., Gonzalez Carretero, L., McLaughlin, R., Bondetti, M., Andreev, K., Skorobogatov, A., Smolianinov, R., Surkov, A., Vybornov, A., Dolbunova, E., Craig, O., Heron, C. 2021. In *Quaternary Science Reviews* 269, 107–143.

Craig, O. E. 2021. In *Current Anthropology* 62: S24, S193–S398.

Cramp, L.J., Ethier, J., Urem-Kotsou, D., Bonsall, C., Borić, D., Boroneanţ, A., Evershed, R.P., Perić, S., Roffet-Salque, M., Whelton, H.L. 2019. In *Proceedings of the Royal Society* 286, 20182347.

Creswell, R. 1983. In *Technique et culture* 2, 143–159.

Czekaj-Zastawny, A., Kabaciński, J., Terberger, T., Ilkiewicz, J. 2013. In *Journal of Field Archaeology 38* (3), 195–209.

Davison, K., Dolukhanov, P.M., Sarson, G.R., Shukurov, A., Zaitseva, G. 2009. I. In Dolukhanov, P.M., Sarson, Graeme R., Shukurov, A.M. (eds.). *The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series 1964*, 197–211.

Dolbunova, E., Lucquin, A., McLaughlin, T.R. et al. 2023. In *Nature Human Behaviour* 7, 171–183.

Dolukhanov, P.M. 2009. I. In Dolukhanov, P.M., Sarson, Graeme R., Shukurov, A.M. (eds.). *The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series 1964*, 23–34.

Dumpe, B., Bērziņš, V., Stilborg, O. 2011. In Hartz, S., Luth, F., Terberger, T. (eds.). *Early pottery in the Baltic – Dating, Origin and Social Context. Bericht der Romisch-Germanische Kommission*, 89–110.

Dolukhanov, P.M. 1997. In *Quaternary International* 41/42, 181–191.

Dolukhanov, P. 2008. In Bailey, G., Spikins, P. (eds.), *Mesolithic Europe,* 280–301.

Elliott, B., Little, A., Warren, G., Lucquin, A., Blinkhorn, E., Craig, OE. 2020. In *Antiquity* 94(377), 1152–1167.

Gallay, A. 1991.*Itinéraires ethnoarchaeologiques I. Document du Département d'Anthropoogie et d'Ecologie de l'Université de Genève* 18. Genève.

Gibbs, K., Jordan, P. 2016. In *Quaternary International* 419, 27–35.

Glykou, A. 2010. In Vanmontfort, B., Louwe, Koojimans, Amkreutz, L., Verhart, L. (eds), *Pots, Farmers and Foragers: Pottery traditions and social interaction in the earliest Neolithic of the lower Rhine Area. Archaeological Studies Leiden University 20,* 177–188.

Gomart, L., Weiner, A., Gabriele, M., et al. 2017. In *Antiquity* 91(360), 1501–1514.

Gosselain, O. 2002.*Poteries du cameroun meridional. Styles techniques et rapports à l'identité. Monographies du CRA 26*. Paris.

Gronenborn, D. In Hartz, S., Luth, F., Terberger, T. (eds.). *Early pottery in the Baltic – Dating, Origin and Social Context. Bericht der Romisch-Germanische Kommission*, 59–88.

Grikpėdis, M, Motuzaite Matuzeviciute, G. A 2018. In *European Journal of Archaeology* №21 (2), 264–279.

Guminski, W. 2020. In *Documenta Praehistorica* XLVII, 126–154.

Hartz, S., Kabaciński, J., Raemaekers, D.C.M., Terberger, T. 2015. In Kabaciński, J., Hartz, S., Raemaekers, D. C. M., Terberger, T. (eds.), *The Dąbki Site in Pomerania and the Neolithisation of the North European Lowlands (c. 5000–3000 calBC*), 13–20.

Jennbert, K. *2008.* In *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 89,* 89–110.

Jordan, P., Zvelebil, M. *2009.* In Jordan, P., Zvelebil, M. (eds.), *Ceramics before Farming: the Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers,* 33–89.

Jordan, P., Gibbs, K., Hommel, P., Piezonka, H., Silva, F., Steele, J. 2016. In *Antiquity* 90 (351), 590–603.

Kittel, P., Mazurkevich, A., Wieckowska-Lüth, M., Pawłowski, D., Dolbunova, E., Płóciennik, M., Gauthier, E., Krąpiec, M., Maigrot, Y., Danger, M., Mroczkowska, A., Okupny, D., Szmańda, J., Thiebaut, E., Słowiński, M. 2021. In *Geoarchaeology* 36, 173–202.

Kriiska, A., Oras, E., Lougas, L., Meadows, J., Lucquin, A., Craig, O. 2017. In *Estonian Journal of Archaeology* 21, 52–86.

Kotula, A., Czekaj-Zastawny, A., Kabaciński, J., Terberger, T. 2015. In Kabaciński, J., Hartz, S., Raemaekers, D. C. M., Terberger, T. (eds.), *The Dąbki Site in Pomerania and the Neolithisation of the North European Lowlands (c. 5000–3000 calBC*), 113–137.

Kukawka, S. 2010. *Subneolit północno-wschodnoeuropejski na Niżu Polskim. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika*.

Kukawka, S., Małecka-Kukawka, J., Adamczak, K. 2022. In Grygiel, M., Obst, P. (eds.). *Walking among ancient trees*. Lodz, 441–454.

Livingstone-Smith, A. 2001. *Chaînes opératoires de la poterie. Références ethnographiques, analyse et reconstitution : thèse de doctorat*. Bruxelles.

Lucquin, A., Robson, H.K., Oras, E., Lundy, J., Moretti, G., González Carretero, L., Dekker, J., Demirci, Ö., Dolbunova, E., McLaughlin, T.R., Piezonka, H., Talbot, H.M., Adamczak, K., Czekaj-Zastawny, A., Groß, D., Gumiński, W., Hartz, S., Kabaciński, J., Koivisto, S., Eilev, T., Meyer, A-K., Mökkönen, T., Philippsen, B., Piličiauskas, G., Visocka, V., Kriiska, A., Raemaekers, D., Meadows, J., Heron, C., Craig, O.E. 2023. In *PNAS* 120 (43), e2310138120.

Mazurkevich, A.N. 2009. In Dolukhanov, P.M., Sarson, Graeme R., Shukurov, A.M. (eds.). *The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series* 1964, 145–152.

Mroczkowska, A., Płóciennik, M., Pawłowski, D, Gauthier, E., Mazurkevich, A., Luoto, T. P., Peyron, O., Kotrys, B., Nazarova, L., Syrykh, L., Dolbunova, E., Thiebaut, E., Antczak-Orlewska, O., Kittel, P. 2020. In *Water* 13 (11), 1611.

Nordqvist K., Herva V.-P. 2013. In *European Journal of Archaeology* 16(3), 401–432.

Nowak, M. 2017. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 6 (4), 116–123.

Özdogan, M. 2010. In Matthiae, P., Pinnock, F., Nigro, L., Marchetti, N. (eds.), *Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*, 883–897.

Papakosta, V., Oras, E., Isaksson, S. 2019. In *Journal of Archaeological Science: Reports* 24, 142–151.

Pääkkönen, M., Bläuer, A., Evershed, R.P., Asplund, H. 2016. In *Fennoscandia archaeologica* XXXIII, 57–75.

Piezonka, H. 2015. *Jäger, Fischer, Töpfer. Wildbeuter mit früher Keramik in Nordosteuropa im 6. und 5. Jahrtausend v. Chr. Archäologie in Eurasien 30*. Bonn.

Płóciennik, M., Mroczkowska, A., Pawłowski, D., Kruk, A., Wieckowska-Lüth, M., Kurzawska, A., Rzodkiewicz, M., Okupny, D., Szmańda, J., Mazurkevich, A., Dolbunova, E., Luoto, T.P., Kotrys, B., Nazarova, L., Syrykh, L., Krąpiec, M., Kittel, P. 2022. In *Catena* 214, 106206.

Povlsen, K. 2013. In *Danish Journal of Archaeology* 2, 146–163.

Preston, P.R., Kador, T. 2018. In *Journal of World Prehistory* 31, 321–345.

Raichlen, D.A., Wood, B.M., Gordon, A.D., Mabulla, Frank, A.Z.P., Marlowe, W., Pontzer, H. 2014. In *PNAS* 111 (2), 728–733.

Rimantiene, R. 1992. In *Journal of World Prehistory* 6 (1), 97–143.

Raemaekers, D.C.M. 2008. In Hartz, S., Luth, F., Terberger T. (eds.). *Early pottery in the Baltic – Dating, Origin and Social Context. Bericht der Romisch-Germanische Kommission,* 89–110.

Roux, V. 2019. *Ceramics and society. A technological approach to archaeological assemblages.* Cham: Springer.

Rye, O. 1981. *Pottery technology*. Washington: Taraxacum Inc.

Schibler, J., Jacomet, S., Plogmann, H., Brombacher, Ch. 1997. In *Anthropozoologica* 25–26, 553–570.

Schiffer, M., Skibo, J. 1997. In *American Antiquity* 62 (1), 27–50.

Silva, F., Steele, J., Gibbs, K., Jordan, P. 2014. In *Radiocarbon* 56 (2), 723–732.

Skibo, J.M. 2015. In Marreiros, J.M., Gibaja, J.F., Bicho, N.F. (eds.). *Use-Wear and Residue Analysis in Archaeology.* Cham : Springer International Publishing, 189–198.

Tite, M.S. 2008. In *Archaeometry* 50, 216–231.

Lavi, N., Friesem, D.E. (eds.). 2019. *Towards a Broader View of Hunter-Gatherer Sharing.* Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.

van der Leeuw, S. 1993. In Lemonnier, P. (ed.). *Technological Choices: Transformation in Material Cultures since the Neolithic* / London: Routledge, 38–288.

Warden, L., Moros, M., Neumann, T. et al. 2017. In *Science Reports* 7, 15251.

Whittle, A. 2018. *The times of their lives: hunting history in the archaeology of Neolithic Europe.* Oxford: Oxbow.

Wieckowska-Lüth, M., Gauthier, E., Thiebaut, E., Słowiński, M., Krąpiec, M., Dolbunova, E., Mazurkevich, A., Maigrot, Y., Danger, M., Kittel, P. 2021. In *Journal of Archaeological Science: Reports* 40 B, 1–17.

Wohlfarth, B., Lacoursea, T., Bennikeb, O., Subetto, D., Tarasov, P., Demidov, I., Filimonova, L., Sapelko, T. 2007. In *Quaternary Science Reviews* 26, 1871–1883.

Zvelebil, M. 2008. In Bailey, G., Spikins, P. (eds.). *Mesolithic Europe.* Cambridge, 18–59.

Zvelebil, M., Dolukhanov, P. 1991. In Journal of World Prehistory 5 (3), 233–278.

About the Authors:

Dolbunova Ekaterina V. Candidate of Historical Sciences, State Hermitage Museum. Palace Square, St. Petersburg, 190000, Russian Federation; katjer@mail.ru

Mazurkevich Andrey N. Senior Researcher, State Hermitage Museum. Palace Square, St. Petersburg, 190000, Russian Federation; a-mazurkevich@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.60.68

РАННИЙ НЕОЛИТ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ[1]

© 2024 г. В.И. Молодин

В октябре 2024 г. научное сообщество отмечает 70-летний юбилей крупного ученого и организатора науки А.А. Выборнова. Особое значение в его творчестве имеют проблемы неолита. В этой связи вопросы раннего неолита Западной Сибири представляют для будущего юбиляра несомненный интерес. Барабинская ранненеолитическая культура выделена сравнительно недавно, однако привлекает постоянное внимание специалистов. Настоящая работа посвящена отдельным проблемам культуры, которые находятся в стадии разработки. Полученная серия радиоуглеродных дат позволяет датировать культуру в пределах конца VIII – начала VI тыс. до н.э., в настоящее время ведется разработка ее периодизации. Особой спецификой культуры является своеобразная по технологии и морфологии плоскодонная глиняная посуда. Представительный каменный инвентарь культуры характеризуется пластинчатой техникой исполнения, корнями уходящей в период верхнего палеолита. Для Барабинской культуры характерно широкое использование кости, из которой выполнялись характерные исключительно для данной культуры изделия, и вкладышевых орудий. Особенностью культуры является наличие на поселениях специальных ям для квашения рыбы, содержащих ритуальные приклады в виде различных животных или их частей. Культура представляется автохтонной, однако отчетливо фиксируется ее западные, юго-западные связи.

Ключевые слова: археология, Барабинская неолитическая культура, ранний неолит, плоскодонная керамика, пластинчатая техника, вкладышевые орудия.

EARLY NEOLITHIC CULTURE OF BARABA FOREST STEPPE: ISSUES AND FEATURES[2]

V.I. Molodin

In October 2024, scientific community celebrates the 70th anniversary of the prominent scientist and science organizer A.A. Vybornov. The issues of Neolithic period are of particular importance in his work, so the issues of Western Siberian Early Neolithic are of undoubted interest to Aleksandr Alekseevich. The Baraba Early Neolithic culture has been discovered recently, but it attracts the constant attention of specialists. This work is dedicated to certain cultural issues that are under development. The obtained series of radiocarbon dates allows the authors to date the culture within the end of the VIII – beginning of the VI millennium BC, and its periodization is currently being developed. A special feature of the culture is the peculiar technology and morphology of flat-bottomed pottery. The set of stone artefacts is characterized by a blade technique of production, rooted in the Upper Paleolithic period. The Baraba culture is characterized by the widespread use of bone, from which products characteristic exclusively for this culture were made, and insert tools. A feature of the culture is the presence of special pits for fish fermentation in settlements, containing ritual offerings in the form of various animals or their parts. The culture appears to be autochthonous, but its western and southwestern relations are clearly recorded.

Keywords: archaeology, Baraba Neolithic culture, Early Neolithic, flat-bottomed pottery, blade technique, insert tools.

В октябре 2024 года научное сообщество будет отмечать 70-летний юбилей известного российского специалиста в области археологии каменного века Европы, блестящего педагога и организатора науки, доктора исторических наук, профессора Александра Алексеевича Выборнова.

Вся творческая жизнь ученого после окончания в 1978 г. Ленинградского государственного университета связана с Куйбышевом

[1] Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006)

[2] The study was carried out as a part of the project "Integrated studies of ancient cultures of Siberia and adjacent areas: chronology, technologies, adaptation and cultural relations" (FWZG-2022-0006)

(Самарой), где он работает на историческом факультете Куйбышевского государственного педагогического института (ныне Самарский государственный социально-педагогический университет), в котором, благодаря деятельности Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева, сложилась известная в стране археологическая школа, направленная прежде всего на изучение эпохи неолита и раннего металла, а также проблем, связанных с изучением технологии керамического производства.

Практически со студенчества научная деятельность А.А. Выборнова была связана с изучением эпохи неолита. Здесь следует особо отметить его участие в разработке проблематики неолита в Северном Прикаспии. Именно в это время в регионе были впервые открыты и исследованы памятники с сохранившимся культурным слоем – Тентескор и Каир-Шак-III. В это же время молодой исследователь принимает самое активное участие в изучении эпохи неолита и раннего металла в Мордовии. В 1984 г. Выборнов защитил кандидатскую диссертацию «Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой» (Выборнов, 1984).

Несомненно, особое значение имеет участие А.А. Выборнова в числе группы археологов, изучающих неолитические памятники целого ряда областей Центральной России, прежде всего касающиеся Поволжья. Чрезвычайно значимым результатом этих работ явилась совместная с И.Б. Васильевым монография «Неолит Поволжья (степь и лесостепь)» (Васильев, Выборнов, 1988). Разработанная авторами схема историко-культурного развития неолита степного и лесостепного Поволжья является рабочей и в настоящее время.

В последующие годы исследовательский спектр работ Александра Алексеевича существенно расширился, прежде всего территориально, что в конечном итоге позволило ученому подготовить и успешно защитить в 2009 г. докторскую диссертацию на тему: «Неолит степного – лесостепного Поволжья и Прикамья», основные положения которой были изложены в авторской монографии (Выборнов, 2009).

Несомненной особенностью А.А. Выборнова как исследователя является активное использование в поисковых процедурах методов естественных наук, что коснулось как вопросов радиоуглеродного датирования, так и максимально углубленного изучения керамического производства.

В канун очередного юбилея, с которым мне от всего сердца хочется поздравить Александра Алексеевича, необходимо отдать ему должное как замечательному педагогу-наставнику, воспитавшему не только десятки докторов и кандидатов наук, но, что особенно важно, сотни студентов-историков, ставших замечательными преподавателями и воспитателями подрастающего поколения, что является одной из главных задач в наше нелегкое время. Во многом воспитанию патриотов своего Отечества всегда способствовали как экспедиции нашего героя, так и сам Выборнов, кем бы он не работал в вузе – преподавателем, деканом или заведующим кафедрой… Яркий педагогический дар делает А.А. Выборнова не просто уважаемым, но любимым преподавателем среди студентов (см. Королев, 2014). Кстати сказать, в этом я имел возможность убедиться лично, когда несколько дней имел счастливую возможность работать в Самаре над материалами Александра Алексеевича и его коллег…

В этом номере, специальный выпуск которого посвящен нашему юбиляру, куда я был любезно приглашен его организаторами, мне хочется поделиться с читателями одной из проблем, которая посвящена сибирскому неолиту и которая, смею надеяться, будет небезынтересна и нашему юбиляру.

***

Барабинская неолитическая культура раннего неолита западносибирской лесостепи была выделена сравнительно недавно и сразу же привлекла внимание специалистов. Это не случайно, поскольку последние десятилетия предоставили в распоряжение научного сообщества представительные комплексы периода раннего неолита не только из западносибирской лесостепи, но прежде всего из таежной зоны этого района Северной Азии, уже хорошо известные специалистам, такие как Амня-1, Усть-Вагильский Холм, Каюково-2, Мулымья-3 и др. В этой связи одной из актуальнейших проблем стала разработка культурной атрибуции этих материалов, а также, что не менее важно, определение хронологии неолитических комплексов с плоскодонной глиняной посудой, которая оказалась вообще древнейшей в регионе. В Барабинской лесо-

степи к таким памятникам с плоскодонной керамикой относятся уже достаточно хорошо изученные поселения Тартас-1, Автодор-2/2, Старый Московский тракт-5, святилище Усть-Тартас-1 и др.

Поскольку комплексы барабинской ранненеолитической культуры уже введены в научный оборот в серии статей (см. напр.: Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017; Molodin, Hansen, Myl'nikova et al., 2022; Молодин и др., 2020), а также обобщающих монографий (Молодин, 2022; Молодин, Бобров, 2022; Молодин и др., 2023б) и дают возможность заинтересованному читателю познакомиться с существенным массивом опубликованного материала, в настоящей статье (дабы не повторяться) мы сконцентрируем наше внимание лишь на некоторых проблемах, которые тем не менее не только пока далеки от решения, но и являются во многом основополагающими для понимания сути самой культуры. При этом я отдаю себе отчет, что поставленные в статье проблемы уже так или иначе решены. Напротив, я излагаю лишь их современное видение, которое, несомненно, дискуссионно и требует новых материалов и времени для их обработки и осмысления.

Начнем с того, что на сегодняшний день исследованные комплексы барабинской ранненеолитической культуры датированы при помощи радиоуглеродного метода в высокорейтинговых лабораториях России и Германии. Получено более 20 дат по костям животных, позволяющих поместить датируемые материалы в пределах конца VIII–VII – начала VI тыс. до н. э. (Молодин и др., 2019; Молодин и др., 2023б, с. 144–146). Таким образом, основное время существования культуры следует определять в пределах VII тыс. до н. э. Имеющий место разброс полученных дат, порой существенно отличающихся даже в пределах одного сооружения, следует объяснять несовершенством метода радиоуглеродного датирования, включающего характер и условия содержания исходных проб для последующего анализа. Как показывает время, данные методы постоянно корректируются, что делает вполне реальной надежду, во-первых, сужения предлагаемых параметров бытования культуры, во-вторых, определения возможных этапов ее существования, истоки которого могут уйти в VIII тыс. до н. э., а финальная стадия – в начало VI тыс. до н. э. В любом случае существование барабинской культуры следует связывать с ранним голоценом.

Одной из специфических черт барабинской ранненеолитической культуры следует считать характерную глиняную посуду, представленную исключительно плоскодонными формами (рис. 1: 1–5). Керамика имеет технологическую специфику: при изготовлении сосуда использовалась техника упорядоченного лоскутного налепа, использование формовочного шнура, при лепке верхней части сосуда, изготовление емкости на формеоснове, наличие валика-наплыва по периметру дна как результат формовки, отсутствие стандартной композиционной схемы (Молодин, Мыльникова, 2024). Кроме того, данную посуду отличает специфика исходного сырья и единый рецепт формовочной массы. По всем основным параметрам керамика барабинской ранненеолитической культуры отличается от поздненеолитической посуды региона, относящейся к артынской культуре.

Более поздние даты плоскодонной керамики в культурах севера и запада западносибирской равнины не позволяют видеть здесь истоки этого явления, а скорее помогают оценивать его как явление конвергентное (Чаиркина, Беспрозванный, Молодин, 2020, с. 40). Обладая несомненными чертами сходства по ряду признаков с посудой барабинской культуры раннего неолита комплексы керамики более северных территорий, кроме известной специфики, не ограничиваются исключительно плоскодонными формами. Возникает законный вопрос об истоках данного явления, который следует рассматривать наравне с другими компонентами барабинской ранненеолитической культуры.

Каменный инвентарь культуры насчитывает сотни предметов, где преобладают изделия на ножевидных пластинах, что в целом определяет лицо культуры (рис. 1: 22–24, 23–30). Об этом свидетельствуют максимально сработанные подпризматические нуклеусы (рис. 1: 13, 14), а также ножевидные пластины, представляющие собой вкладыши-перфораторы и другие изделия (рис. 1: 22–24, 28–42). Особенностью обработки пластин является притупляющая вентральная ретушь, нанесенная по обеим латералям.

Представительной группой орудий являются скребки различных форм и размеров,

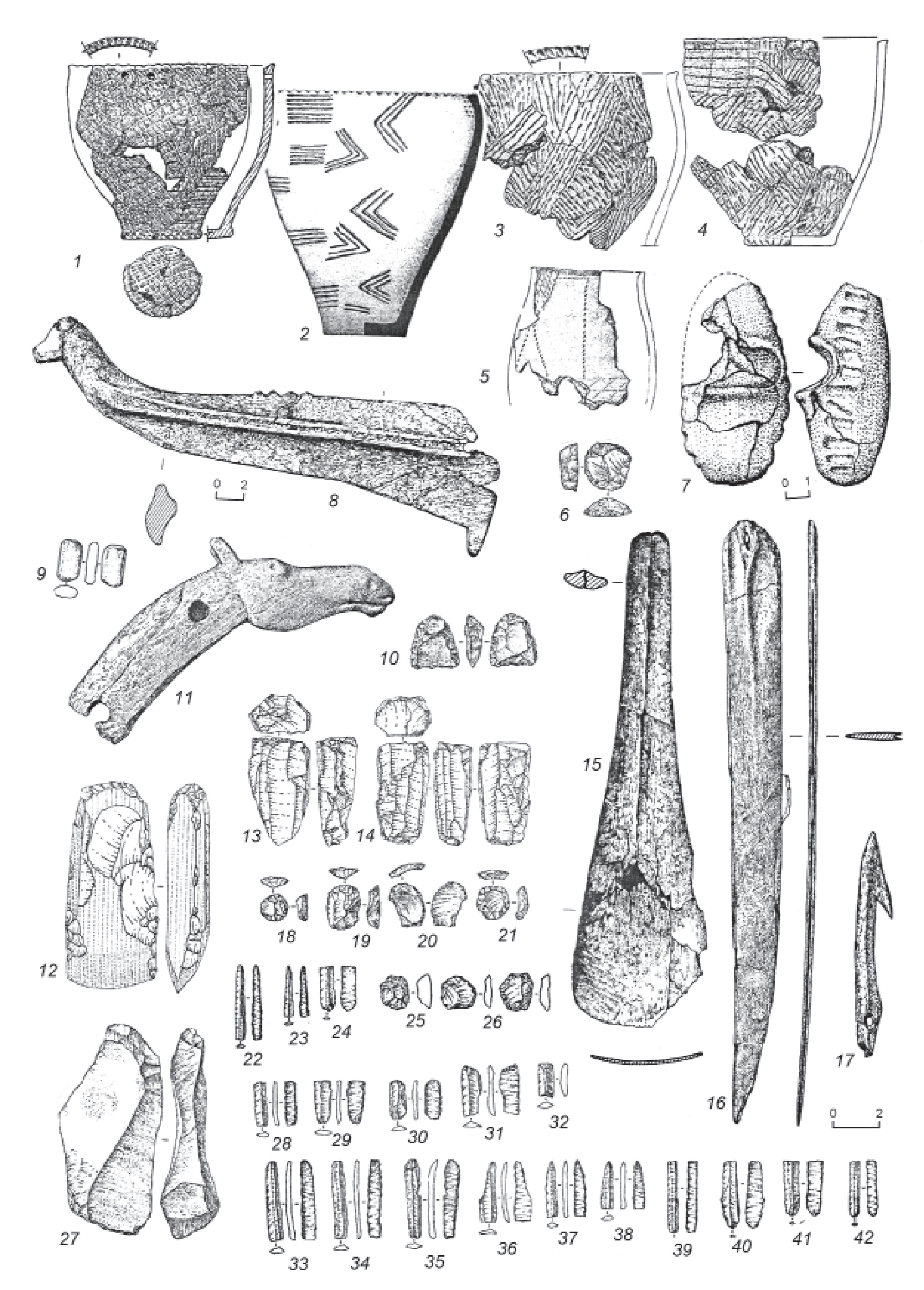

Рис. 1. Материалы Барабинской ранненеолитической культуры: 1–5 – сосуды; 6, 18–21, 25, 26 – скребки; 7 – утюжок; 8 – скобель; 9, 27 – абразивы; 10, 12 – рубящие орудия; 11 – навершие; 13, 14 – нуклеусы; 22–24, 28–42 – ножевидные пластины; 15 – лопатка; 16 – вкладышевый нож; 17 – гарпун.
1–5, 7 – глина; 8, 11, 15–17 – кость; 6, 9, 10, 12–14, 18–42 – камень.
1, 3, 4, 6, 9, 10, 18–42 – Тартас-1: 5, 8, 11, 15, 16 – Усть-Тартас-1; 17 – Венгерово – 2А; 7, 12–14 – Автодром – 2/2.
Fig. 1. Materials of the Baraba Early Neolithic culture: 1–5 – vessels; 6, 8, 18–21, 25, 26 – scrapers; 7 – utyuzhok; 9, 27 – abrasives; 10, 12 – chopping tools; 11 – pommel; 13, 14 – cores; 22–24, 28–42 – knife-haped blades; 15 – shoulder blade; 16 – insert knife; 17 – harpoon.
1–5, 7 – clay; 8, 11, 15–17 – bone; 6, 9, 10, 12–14, 18–42 – stone.
1, 3, 4, 6, 9, 10, 18–42 – Tartas-1: 5, 8, 11, 15, 16 – Ust-Tartas-1; 17 – Vengerovo–2A; 7, 12–14 – Avtodrom–2/2.

выполненные на пластинах и отщепах. Они имеют крутой рабочий край, оформленный ретушью. Выделяется серия концевых и боковых скребков с высоким рабочим краем (рис. 1: 6, 18–21, 24, 26). Присутствуют рубящие орудия в виде топориков и массивных топо-

ров – тесел, обработанных еще и шлифовкой (рис. 1: 10, 12). Имеет место серия абразивов, со следами активного использования (рис. 1: 9, 27).

Особенностью каменного инвентаря культуры является его импортный характер, связанный с югом (современный Северный и Центральный Казахстан). Собственные источники каменного сырья, пригодного для изготовления орудий, в Барабе отсутствуют.

Специфика каменной индустрии предопределяет ее вкладышевый характер с широким использованием комбинированных орудий с костяной основой, где рабочий край усилен вставленными в пазы каменными лезвиями (рис. 1: 16).

Поразительно близкие аналогии каменному инвентарю барабинской ранненеолитической культуры мы находим прежде всего на верхнепалеолитической стоянке Черноозерье-II в Прииртышье, где В.Ф. Генингом и В.Т. Петриным обнаружена представительная серия, близкая по форме пластинчатой индустрии (Генинг, Петрин; 1985; Петрин, 1974), включающая костяные орудия с характерными пазами для размещения каменных лезвий из ножевидных пластин, а также позднеплейстоценовую фауну (Смирнов, 1985). Кстати, имеющие место вкладышевые кинжалы из Черноозерья-II и ранненеолитического святилища Старый Тартас-1 удивительно близки по форме (см.: Молодин и др., 2023б). О близости морфологии каменной индустрии, несмотря на малочисленность, могут свидетельствовать и орудия верхнепалеолитических стоянок Барабы – Венгерово-5 и Новый Тартас (Окладников, Молодин, 1978; 1981; 1983). Гипотезу о преемственности каменной индустрии – от верхнего палеолита к раннему неолиту – блестяще подтверждают материалы мезолитической стоянки лесостепного Прииртышья Черноозерье-IVа (Генинг, Петрин, Косинская, 1973). Немаловажно, что верхнепалеолитические и мезолитические комплексы Прииртышья отделяет от находившейся от эпицентра распространения барабинской неолитической культуры всего лишь чуть более 250 км. Эти районы связаны водной артерией в виде реки Омь, впадающей в этом регионе в Иртыш. Из этой же зоны Прииртышья носители барабинской ранненеолитической культуры, по-видимому, получали каменное сырье для производства орудий. Более того, этот путь поставок каменного сырья в Барабу скорее всего функционировал еще с эпохи верхнего палеолита.

Не следует исключать возможность, что этим же путем, по Иртышу и Оми в Барабу, могла попасть и первая керамика, возможно имеющая истоки происхождения где-то еще далее на юге и пока не обнаруженная специалистами.

Кроме вышесказанного, ранненеолитические комплексы барабинской культуры отличаются и другими, только им присущими чертами, не имеющими абсолютных аналогий в других неолитических культурах севера Западной Сибири с плоскодонной посудой. Речь идет о наличии в комплексах трех памятников в Барабе (двух поселений и святилища) выполненных из лопатки лося массивных скобелей, форма которых стилизована под профильное изображение фигуры лебедя, помимо основной рабочей части имеющих специально оформленную спинку в виде многозубой гребенки (рис. 1: 8). Близкие по форме скобели широко представлены в культурах мезолита – раннего неолита Урала (Жилин, 2021), однако выявленная на барабинских памятниках стилизация имеет место только на барабинских памятниках эпохи раннего неолита (Молодин и др., 2022; 2023а; 2023б). Это, несомненно, своеобразное по форме и рабочим качествам орудие характерно исключительно для памятников барабинской ранненеолитической культуры и является для нее своего рода маркёром.

Еще одной отличительной особенностью памятников ранненеолитической барабинской культуры является наличие на поселениях специфических, округлых в плане ям диаметром около двух и более метров, чья глубина также достигает порядка 2 м. Заполнение ям отличает отчетливая слоистость, связанная с квашением в ямах рыбы, остатки которой дошли до нашего времени в виде чешуи и костей. Нередко также встречаются фрагменты ранненеолитической керамики, прекрасно культурно диагностирующие комплексы барабинской ранненеолитической культурой, а также отдельные каменные и костяные орудия. Подобный способ консервации рыбных запасов зафиксирован как на ряде археологических комплексов Сибири (см. напр.: Дрябина, 1995; Зах, 2009; Косинцев, Некрасов, 1999), так и у многих современных

сибирских народов (см. напр.: Миллер, 2009; Саввин 2005; Алексеенко, 1967).

Однако спецификой ранненеолитических ям для квашения рыбы у носителей барабинской культуры являются специальные приклады в виде помещенных на разной глубине особей различных животных и их фрагментов (не говоря уже об отдельных костях). Данная традиция восходит в Барабе к завершающей стадии верхнего палеолита. Впервые такая яма была обнаружена на памятнике Венгерово-5 (Деревянко, Молодин, 1974), она содержала приклады в виде фрагментов верхнепалеолитической фауны, в том числе черепа бизона (Окладников, Молодин, 1983).

Таким образом, барабинская ранненеолитическая культура обладает целым рядом своеобразных черт и в то же время наглядными признаками в основе автохтонного западносибирского происхождения.

Следует особо отметить, что ряд предметов, в том числе высокохудожественных (рис. 1: 11), представлен в неолитических культурах мезолита – раннего неолита Евразии.

Нет сомнений, что будущие исследования ранненеолитических памятников дадут в руки специалистов замечательные образцы материальной и духовной культуры, которые обогатят наши представления о древнейших страницах истории населения Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. 266 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.

Выборнов А.А. Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой. Автореф. дисс. … канд. ист. наук.. Л., 1984. 16 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 409 с.

Выборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Ижевск, 2009. 44 с.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. 89 с.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т., Косинская Л.Л. Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири // Из истории Сибири. Вып. 5 / Отв. ред. И. М. Разгон. Томск: ТГУ, 1973. С. 24–47.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Исследование памятников в Барабинской лесостепи // АО – 1973 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 197–198.

Дрябина М.А. Каменная индустрия поселения Мергень-5 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири / Отв. ред. А.П. Зенько. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 9–11.

Жилин М.Г. Изделия из кости и рога из среднего и верхнего мезолитических слоев стоянки Ивановское-7 в собрании МАЭ РАН // Camera prehistorica. 2021. Vol. 6, no. 1. С. 63–100.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Королёв А.И. К юбилею Александра Алексеевича Выборнова // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 254–260.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 1999. Т. I. 630 с.

Молодин В.И. Барабинская ранненеолитическая культура // История Сибири. Т. 1. / Отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 247–251.

Молодин В.И., Бобров В.В. Бараба и среднее Прииртышье // История Сибири. Т. 1. / Отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 251–258.

Молодин В.И., Кобелева Л.С. Дураков И.А.,Ненахова Ю.Н., Ефремова Н.С., Селин Д.В., Ненахов Д.А., Харитонов Р.М., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н. Открытие ранненеолитического комплекса на стоянке Старый Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023а. С. 241–247.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сиби-

ри и сопредельных территорий. Т. XXIII / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 172–177.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Керамика раннего и позднего неолита Барабинской лесостепи: преемственность или различные традиции? // Древняя керамика Евразии: от сосуда к культуре / Отв. ред. А.А. выборнов, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 47–48.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Хансенс. Ритуальные комплексы эпохи раннего неолита в Обь-Иртышской лесостепи // Материалы VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Т 1 / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 187–189.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Зоткина Л.В., Пархомчук Е.В., Рендю У. Ранненеолитическое святилище урочища Таи. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023б. 187 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С. Костяное орудие из ранненеолитической стоянки памятника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Т. XXVIII / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 200–207.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С, Пархомчук Е.В., Калинкин П.Н., Пархомчук В.В., Растигеев С.А. Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 (Среднее Приомье) с использованием установки «Ускоритель МАСС – спектрометр ИЯФ СО РАН // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 1. С. 15–22.

Окладников А.П., Молодин В.И. Стоянки каменного века // Памятники истории и культуры Сибири / Отв. ред. А.С. Московский. Новосибирск: Наука, 1978. С. 10–14.

Окладников А.П., Молодин В.И. Тартасская стоянка – палеолитический памятник в лесостепной Барабе // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 4–8.

Окладников А.П., Молодин В.И. Палеолит Барабы // Палеолит Сибири / Отв. ред. Р. С. Василевский. Новосибирск: Наука, 1983. С. 101–106.

Петрин В.Т. Раскопки позднепалеолитической стоянки Черноозерье II на Среднем Иртыше // Из истории Сибири. Вып. 15 / Отв. ред. И.М. Разгон. Томск: ТГУ, 1974. С. 13–17.

Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. 275 с.

Смирнов Н.Г. Приложение 2. Материалы по фауне млекопитающих позднепалеолитической стоянки Черноозерье II // Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 71–80.

Чаиркина Н.М., Беспрозванный Е.М., Молодин В.И. Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите Зауралья и Западной Сибири: современное состояние проблем изучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. № 19 (7). С. 34–43.

Molodin V.I., Hansen S., Myl'nikova L.N., Reinhold S., Nenachov D.A., Nesterova M.S., Duracov I.A., Kobeleva L.S. und Ju.N. Nenachova. Der frühneolithische Siedlungskomplex am Unterlauf des Tartas (Südwestsibirisches Tiefland) // Eurasia Antiqua. 2021 (2017). №. 23. P. 27–88.

Информация об авторе:

Молодин Вячеслав Иванович, академик РАН, доктор исторических наук, заведующий, главный научный сотрудник, советник директора, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия): molodin@archaeology.nsc.ru

REFERENCES

Alekseenko, E. A. 1967. *Kety. Istoriko-etnograficheskie ocherki (Ket People. Historical and ethnographic essays).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh'ia: step' i lesostep' (Neolithic of the Volga River Region: Steppe and Forest-Steppe).* Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vybornov, A. A. 1984. *Neolit i epokha rannego metalla pravoberezh'ya Nizhney Beloy (Neolithic and Early Metal Era of the Nizhnyaya Belaya right bank)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Leningrad (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A. 2009. *Neolit stepnogo-lesostepnogo Povolzh'ya i Prikam'ya (Neolithic steppe forest-steppe Volga and Kama region)*. Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Gening, V. F., Petrin, V. T. 1985. *Pozdnepaleoliticheskaya epokha na yuge Zapadnoy Sibiri (Late Paleolithic Era in the south of Western Siberia).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gening, V. F., Petrin, V. T., Kosinskaya, L. L. 1973. In Razgon I.M. (ed.) *Iz istorii Sibiri (From the Siberian history).* 5. Tomsk: Tomsk State University, 24–47 (in Russian).

Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. 1974. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 g. (Archaeological Discoveries of 1973)* Moscow: "Nauka" Publ., 197–198 (in Russian).

Dryabina, M. A. 1995. In Zen'ko, A. P. (ed.). *Drevnyaya i sovremennaya kul'tura narodov Zapadnoy Sibiri (Ancient and Modern Culture of the Peoples of Western Siberia)*. Tyumen: Tyumen State University Publ., 9–11 (in Russian).

Zhilin, M. G. 2021. In *Camera prehistorica* 6 (1), 63–100 (in Russian).

Zakh, V. A. 2009. *Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya (Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the Forest Tobolo-Ishim)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Korolev, A. I. 2014. *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 10 (4), 254–260 (in Russian).

Miller, G. F. 2009. *Opisanie sibirskikh narodov (Description of the Siberian peoples).* Moscow: "Pamyatniki istoricheskoy mysli" (in Russian).

Miller, G. F. 1999. *Istoriia Sibiri (History of Siberia).* Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Molodin, V. I. 2022. In Shun'kov, M. V. (ed.). *Istoriia Sibiri (History of Siberia)* 1. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 247–251 (in Russian)

Molodin, V. I., Bobrov, V. V. 2022. In Shun'kov, M. V. (ed.). *Istoriia Sibiri (History of Siberia)* 1. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 251–258 (in Russian)

Molodin, V. I., Kobeleva, L. S. Durakov, I. A., Nenajhova, Yu. N., Efremova, N. S., Selin, D. V., Nenakhov, D. A., Kharitonov, R. M., Nesterova, M. S., Mylnikova, L. N. 2023a. In Derevianko, A. P. (ed. in cheif.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Etnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 29. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 241–247 (in Russian).

Molodin, V. I., Kobeleva, L. S., Mylnikova, L. N. 2017. In Derevianko, A. P. (ed. in cheif.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Etnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 23. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 172–177 (in Russian).

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N. 2024. In *Drevnyaya keramika Evrazii: ot sosuda k kul'ture (Ancient Pottery of Eurasia: from vessel to culture).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 47–48 (in Russian).

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Nesterova, M. S., Kobeleva, L. S., Reinhold, S., Hansen, S. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy* VI (XXII) *Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress)* I. Samara: Samara State Pedagogical University, 187–189 (in Russian).

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Nesterova, M. S., Kobeleva, L. S., Selin, D. V., Zotkina, L. V., Parkhomchuk, E. V., Rendu, W. 2023b. *Ranneneoliticheskoe svyatilishche urochishcha Tai (Early Neolithic sanctuary at the Taye Survey Mark).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Nenakhova, Yu. N., Nesterova, M. S. 2022. In Derevianko, A. P. (ed. in cheif.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Etnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 28. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 200–207 (in Russian).

Molodin, V. I., Nenakhov, D. A., Mylnikova, L. N., Reinhold, S., Parkhomchuk, E. V., Kalinkin, P. N., Parkhomchuk, V.V ., Rastigeev, S. A. 2019. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 47 (1), 15–22 (in Russian).

Okladnikov, A. P., Molodin, V. I. 1978. In Moskovsky, A. S. (ed.). *Pamyatniki istorii i kul'tury Sibiri (Historical and cultural heritage of Siberia).* Novosibirsk: “Nauka” Publ., 10–14 (in Russian).

Okladnikov, A. P., Molodin, V. I. 1981. In Troitskaya, T. N. (ed.). *Problemy Zapadnosibirskoi arkheologii. Epokha kamnya i bronzy (Issues of West Siberian Archaeology. The Age of Stone and Bronze)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 4–8 (in Russian).

Okladnikov, A. P., Molodin, V. I. 1983. In Vasilevskiy, R. S. (ed.). *Paleolit Sibiri (Paleolithic of Siberia)*. Novosibirsk: “Nauka”, 101–106 (in Russian).

Petrin, V. T. 1974. In Razgon, I. M. (ed.). *Iz istorii Sibiri (From the Siberian history)* 15. Tomsk: Tomsk State University, 13–17 (in Russian).

Savvin, A. A. 2005. *Pishcha yakutov do razvitiya zemledeliya (opyt istoriko-etnograficheskoy monografii) (Yakut food before the development of agriculture (historical and ethnographic monograph experience)).* Yakutsk: Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia) (in Russian).

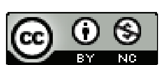
Smirnov, N. G. 1985. In Gening, V. F., Petrin, V. T. *Pozdnepaleoliticheskaya epokha na yuge Zapadnoy Sibiri (Late Paleolithic Era in the south of Western Siberia).* Novosibirsk: “Nauka” Publ., 71–80 (in Russian).

Chairkina, N. M., Besprozvanny, E. M., Molodin, V. I. 2020. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 19 (7), 34–43 (in Russian).

Molodin, V. I., Hansen, S., Mylnikova, L. N., Reinhold, S., Nenachov, D. A., Nesterova, M. S., Duracov, I. A., Kobeleva, L. S., Nenachova, Ju. N. 2021. In *Eurasia Antiqua* (23), 27–88. (in Germany).

About the Author:

Molodin Vyacheslav I., Academician of RAS, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Academician Lavrentyev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia Federation; molodin@archaeology.nsc.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.69.79

НЕОЛИТИЗАЦИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО И ЛЕСНОГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: РАЗНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ ОДНОГО ПРОЦЕССА[1]

© 2024 г. К.М. Андреев, А.С. Кудашов

Представленная статья посвящена анализу процесса перехода в новый каменный век в двух сопредельных регионах. Дана характеристика природно-климатических условий и кремневых комплексов мезолитического и ранненеолитического периодов. Для лесного Среднего Поволжья приводится описание жилищных сооружений, характерных для обеих эпох. Также осуществляется поиск аналогий ранней керамике регионов и определяются вероятные источники ее заимствования. Учитываются последние разработки в области абсолютного датирования интересующих комплексов и результаты анализа технологии изготовления посуды. Различия в материальной культуре мезолитического и ранненеолитического населения лесостепного Поволжья оказываются весьма значительными. Представленное обстоятельство позволяет допускать прямую миграцию населения в регион из областей, население которых было знакомо керамическим производством, что способствует его неолитизации. Для лесного Среднего Поволжья характерна преемственность в традиции кремнеобработки между средним и новым каменным веками. Определенная близость фиксируется в приемах домостроительства обоих периодов. Новация – керамика – своим происхождением, вероятно, связана с населением лесостепной зоны. Учитывая ряд приведенных обстоятельств, допустимо рассматривать неолитизацию лесного Среднего Поволжья в результате диффузии отдельных групп южного населения (елшанская культура). Они не оказывают существенного влияния на материальную культуру аборигенного населения, а традиция изготовления глиняной посуды трансформируется в результате адаптации местным населением.

Ключевые слова: археология, мезолит, ранний неолит, лесостепное Поволжье, Марийское Поволжье, неолитизация, керамические традиции, каменный инвентарь, жилища.

NEOLITIZATION OF THE FOREST STEPPE AND FOREST MIDDLE VOLGA REGION: DIFFERENT EXPRESSIONS OF THE SAME PROCESS[2]

K.M. Andreev, A.S. Kudashov

This article deals with a systematic analysis of the process of transition to the New Stone Age in two adjacent regions. The characteristics of natural and climatic conditions and flint complexes of the Mesolithic and Early Neolithic periods are given. For the forested Middle Volga region, a description of dwelling structures characteristic of both periods is given. A search for analogies to the early pottery of the regions is also carried out and the probable sources of its borrowing are determined. The latest developments in the field of absolute dating of the complexes of interest and the results of analyzing the technology of ware production are taken into account. The differences in the material culture of the Mesolithic and Early Neolithic population of the forest steppe Volga region are turned out to be quite significant. The presented circumstance allows us to assume direct migration of the population to the region from areas familiar with ceramic production, which contributes to its neolithization. The continuity in the tradition of flintworking between the Middle and New Stone Ages is characteristic of the Middle Volga forests. A certain closeness is recorded in the house-building techniques of both periods. The innovation – pottery – is probably related in its origin to the population of the forest steppe zone. Taking into account a number of the above-mentioned circumstances, it is acceptable to consider the neolithization of the forested Middle Volga region as a result of the diffusion of some groups of the southern

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–78–10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья»

[2] The research was supported by the RSF grant No. 23–78–10088 “Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga region”

population (Elshanka culture). They do not have a significant influence on the material culture of the aboriginal population, and the tradition of making pottery is transformed as a result of adaptation by the local population.

Keywords: archaeology, Mesolithic, Early Neolithic, forest steppe Volga region, Mari Volga region, neolithization, ceramic traditions, stone tools, dwellings.

Введение

Неолитизация – сложное и многоаспектное явление. Существуют различия во взглядах исследователей «западной» археологической школы и «постсоветской» на само понятие «новый каменный век». Если для первых неолитизация главным образом – распространение производящего хозяйства, то для вторых – появление керамики (Ошибкина, 1996). Хотя есть мнение, что и глиняная посуда не служит надежным маркером в «системе трех веков» (Колпаков, Киселева, Ткач, 2023). Оговоримся, в обоих подходах обозначенные критерии не возводятся в абсолют, определяются и другие составляющие «неолитического пакета», но именно они ставятся во главу угла. Будучи заложниками историографической парадигмы, далее мы рассматриваем неолитизацию как распространение сосудов из глины и связанное с ним начало керамического производства, в свою очередь это напрямую или опосредовано влияло на прочие изменения в материальной культуре. Представляется весьма удачной предложенная А.Н. Мазуркевичем и коллегами так называемая «септентриональная» модель неолитизации Восточной Европы, при которой происходит выборочное усвоение составляющих «неолитического пакета», в первую очередь керамики (Мазуркевич, Зайцева, Кулькова, 2017).

Распространение инноваций или конкретных вещей не происходит само по себе в отрыве от их носителей. Формы данного процесса могут значительно различаться: миграции, диффузии, инфильтрации, контакты и прочее (см., например, Zvelebil, 2004, p. 44). Немаловажным является определение скорости протекания данных процессов, а судя по последним данным, она была весьма стремительной (Dolbunova et al, 2022). Каждая из представленных форм передачи новаций приводит к специфике отношений между пришлыми и аборигенными (мезолитическими) коллективами, что находит отражение в материальной культуре. На примере двух обозначенных в названии статьи регионов мы постараемся проследить особенности отражения данного явления.

Материалы и обсуждение

Мезолит лесостепного Поволжья

Благодаря многолетним археологическим изысканиям на территории лесостепного Поволжья выявлены немногочисленные, но достаточно выразительные мезолитические комплексы (Ластовский, 2000). Согласно типологическим данным и результатам радиоуглеродного датирования, полученным в недавнее время, поздний мезолит характеризуют материалы стоянок Красный Яр I и Кочкари I (Андреев, Ластовский, 2021). На основании абсолютных датировок памятника Кочкари I допускалось его бытование в начале – первой половине VII тысячелетия до н. э. (Андреев и др., 2023), однако в последнее время методами AMS получена серия дат, которая способствует удревнению времени существования до середины VIII тысячелетия до н. э. (даты не опубликованы, находятся на стадии осмысления). Последним хронологическим диапазоном определяется период посещения стоянки Чекалино II и материалы новейших раскопок Черновки I. Более поздних мезолитических комплексов в регионе, чей возраст подкреплен результатами радиоуглеродного анализа, не выявлено.

Данные палинологического изучения культурного слоя стоянок Кочкари I и Чекалино II показывают, что в это время в лесостепном Поволжье были представлены природно-климатические условия, характерные для современной лесостепи. Широкое распространение имели березовые или смешанные березово-липовые колки, а также леса, которые приурочены преимущественно к долинам рек. Открытые пространства были заняты полынно-злаковыми группировками с участием разнотравья. В дальнейшем облесенность территории постепенно сокращается (Андреев и др., 2023).

Обозначенные абзацем выше мезолитические стоянки, которые могут характеризовать заключительный этап среднего каменного века региона, обладают значительной спецификой и имеют определенные типологические отличия друг от друга. Данное обстоятельство может быть обусловлено различными источ-

никами генезиса и связей этих комплексов. Однако, не вдаваясь в анализ особенностей материалов того или иного памятника, можно отметить следующие характерные для позднего мезолита лесостепного Поволжья черты. Основным сырьем для производства орудий служил высококачественный кремень серого или бежевого цвета. Расщепление было нацелено на получение пластинчатых заготовок, которые составляют 30–50% находок в комплексе. Большая их часть не имеет следов вторичной обработки, что позволяет предполагать существование вкладышевых орудий. Если ретушь фиксируется, то она слабо выражена, нерегулярна и нанесена по одной, реже двум граням, преимущественно с дорсальной стороны. Нуклеусы представлены торцевыми формами, реже коническими, карандашевидными и призматическими. Резцы в основном угловые, единичны, срединные на пластинах и в количественном плане уступают скребкам, реже образуют с ними паритет (комплекс стоянки Кочкари I). Скребки выполнены на пластинчатой заготовке концевого типа, однако встречаются экземпляры на отщепах и продольных сколах, как правило тоже концевые. Проколки – немногочисленные с симметричным острием. Деревообрабатывающие орудия представлены теслами, реже топорами, единичные экземпляры имеют следы пришлифовки. В комплексах отдельных стоянок фиксируются немногочисленные наконечники с нерегулярной ретушью пера и насада, так называемого постсвидерского типа (Андреев, Ластовский, 2021).

К сожалению, помимо орудийного набора из кремня, иных следов материальной культуры мезолитического времени (серийные орудия из кости и других органических материалов, жилищные сооружения, антропологические останки) пока не обнаружено. Данное обстоятельство существенно ограничивает наши представления о среднем каменном веке лесостепного Поволжья.

Ранний неолит лесостепного Поволжья

Согласно данным палинологического анализа, период, когда в лесостепном Поволжье начинают фиксироваться ранненеолитические комплексы, связан с определенными изменениями (Спиридонова, Алешинская, 1999). Условия становятся более аридными, получают распространение открытые участки, занятые злаковой растительностью, отдельные перелески сохраняются только в долинах рек, где были развиты пойменные луга. Вероятно, изменения природно-климатической обстановки привели в движение ранненеолитические группы населения.

Древнейшая глиняная посуда, которая, как было отмечено в начале статьи, для нас является основным маркером наступления нового каменного века, характеризуется следующими чертами. Она тонкостенна, плотная, с лощеной внешней поверхностью. Верхние части сосудов прямые или профилированные. Донца приостренные и плоские, утверждать хронологический приоритет первых на современном этапе изучения не представляется возможным, хотя можно допустить. Сосуды имеют яйцевидную и баночную формы, редки округлодонные чаши. Орнамент приурочен к верхней трети, зачастую он вовсе отсутствовал, а если и представлен, то ямочно-жемчужным пояском, наколами-тычками и прочерченными линиями. Последние образуют косую решетку, горизонтальные зигзаги, висячие треугольники, двойные ряды прочерченных линий с точечным заполнением. На заре изучения неолита в лесостепном Поволжье подобная посуда была выделена в специфический елшанский тип (Васильев, Выборнов, 1988), впоследствии обоснован ее самостоятельный культурный статус (Мамонов, 1999; Андреев, Выборнов, 2017).

Прежде чем перейти к характеристике орудийного комплекса ранненеолитических стоянок региона, необходимо сделать важную оговорку. Большинство из них являются многослойными, а вернее, со смешанным культурным слоем, где представлены материалы как эпохи бронзы или Средневековья, так и периодов, в которые кремень является основным поделочным материалом при изготовлении орудий труда (энеолит, поздний неолит). Данное обстоятельство делает весьма затруднительным типологическое разделение коллекций изделий из камня подобных стоянок. Строго говоря, на данный момент для характеристики елшанской кремневой индустрии без оговорок и допущений может быть привлечен лишь комплекс стоянки Нижняя Орлянка II. В материалах поселения Красный Городок вероятно наличие мезолитической примеси. На еще одном памятнике, ранее считавшимся опорным при характеристике ранненеолитической кремне-

вой индустрии, Чекалино IV, интересующий нас горизонт перекрыт мощной пачкой слоев эпохи энеолита, а также присутствует посуда развитого и позднего неолита, что, учитывая наличие множества нор землероев, не может гарантировать «чистоты» коллекции изделий из камня.

Принимая во внимание озвученные обстоятельства, приведем краткое описание специфических черт елшанской кремневой индустрии. В качестве сырья использовался преимущественно цветной галечниковый и плитчатый кремень плохого качества. Нуклеусы сильно сработаны, бессистемного скалывания, редко торцевые. Особенности камня препятствовали получению правильных пластинчатых заготовок, их количество около 5% от комплекса. Подавляющее большинство орудий изготовлено на отщепах и сколах. Скребки демонстрируют значительное типологическое разнообразие. Выраженные резцы не обнаружены. Ножи имеют прямолезвийную и саблевидную формы. Перфораторы с прямым или скошенным острием. Достаточно представительны деревообрабатывающие орудия – тесла и топоры, изготовленные в технике двусторонней оббивки. Наконечники листовидной формы с частичным ретушированием боковых граней, пера и насада, также к раннему неолиту могут относиться черешковые наконечники, имеющие аналогичную обработку (Андреев, Выборнов, 2017, с. 58–72).

Как и в случае с коллекциями среднего каменного века, орудий из органических материалов не выявлено. Также не многочисленны данные об особенностях домостроительства ранненеолитических коллективов (Андреев, Выборнов, 2017, с. 73–80).

Таким образом, полигон сравнения комплексов позднего мезолита и раннего неолита ограничен изделиями из кремня. Исходя из приведенной выше краткой типологической характеристики, можно констатировать их принципиальные отличия. Они проявляются в характере используемого сырья, показателе пластинчатости индустрий и проценте орудий, изготовленных на пластинах и отщепах. Нуклеусы и орудия также не находят параллелей в представленных коллекциях и серьезно различаются как на уровне используемых заготовок, так и их конкретных типов. Данное обстоятельство позволяет констатировать отсутствие преемственности в развитии позднемезолитических и ранненеолитических кремневых комплексов лесостепного Поволжья.

Принимая во внимание положения, приведенные в начале нашей работы, представленные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии преемственности между группами населения среднего каменного века и раннего неолита, которые являлись носителями тех или иных технологических традиций, в данном случае кремнеобработки. Следовательно, в процессе неолитизации лесостепного Поволжья мы склонны предполагать непосредственную миграцию новых коллективов иного генетического происхождения. В литературе не раз обсуждались возможные источники данного перемещения, не будем вдаваться в историографические штудии, нам представляется наиболее вероятной версия о среднеазиатском импульсе, кельтеминарская культура (Васильев, Выборнов, 1988; Андреев, Выборнов, 2017, с. 100–125).

Одним из «узких мест» миграционной версии многие годы считается различие в кремневых индустриях «метрополии» и «колонии», в частности, на это обращал внимание В.В. Ставицкий (2017, с. 88). Для среднеазиатского междуречья характерна ярко выраженная пластинчатая индустрия, в то время как для елшанской культуры, как было показано выше, – отщеповая. Однако не стоит забывать, что пришлое население оказалось в новых условиях и не было знакомо с выходами подходящего сырья. Кремневая стратегия первобытных коллективов – адаптивна, в отличие от косторезного дела или традиции изготовления глиняной посуды. Для последних «сырье» всегда обладает нужными качествами или их ему можно придать искусственно. Камень приспособить невозможно, и древний человек, напротив, вынужден был подстраиваться под него. Например, в Среднем Похоперье, бедном с точки зрения выходов кремня, на стоянках с посудой среднедонской и карамышевской культур широко встречаются изделия из кварцита, более доступного в этом регионе древнему человеку (Сурков, 2007). При этом на Верхнем и Среднем Дону предметы из этого материала для них не характерны и фиксируются единично (Синюк, 1986; Смольянинов, 2020). Примечательна трансформация каменной индустрии

стоянки Балинское-73 в условиях дефицита привычного поделочного материала, приведшая к деградации призматической техники расщепления (Шмидт, и др., 2017). Наконец, наиболее показательными, на наш взгляд, являются различия в кремневых комплексах мезолитических стоянок Веретье I и Погостище 15, а именно широкое распространение на первой пластинчатой техники расщепления и орудий на пластинах, в то время как на второй они немногочисленны (Ошибкина, 1989; Косорукова, 2017). При этом памятники находятся в единой водной системе, имеют синхронные радиоуглеродные даты и, что более примечательно, много аналогий в костяном инвентаре. В этой связи справедливо предположение Н.В. Косоруковой, что причины различий в кремневых комплексах являются следствием качества исходного сырья (Косорукова, 2017, с. 71). Таким образом, отличия в кремнеобработке даже близкородственных групп населения являются отнюдь не редким явлением.

Мезолит лесного Среднего Поволжья

Мезолитический период в лесном Среднем Поволжье приходится на время распространения лесных формаций, преобладала сосна, меньшим количеством представлены травы и мхи. Как показывают результаты палинологического анализа стоянки Дубовская XIII, к концу данного периода условия становятся более теплыми, примерно в равном количестве представлена пыльца травянистых растений и деревьев. Среди последних начинают доминировать широколиственные породы (Никитин, 2018, с. 8–9). Хотя в этом случае нельзя исключать определенной локальной специфики в районе упомянутой стоянки.

На настоящем этапе изучения, по материалам среднего каменного века региона, за исключением Мукшумской XVIII стоянки, не получено абсолютных радиоуглеродных датировок, в связи с чем не представляется возможным точно выделить ранние и поздние комплексы. Многослойные памятники с надежной стратиграфией также отсутствуют. Учитывая данное обстоятельство, далее будет приведена обобщенная характеристика мезолитических материалов региона.

Для среднего каменного века Марийского Поволжья характерно сооружение углубленных на 40–80 см жилищ, подпрямоугольной формы, преимущественно площадью 20–60 кв. м (Кудашов, 2021). Обитателями стоянок использовался в основном кремень вишневого и коричневого цветов валунного и плитчатого происхождения. Пластин насчитывается 10–25% от коллекции, нечасто немногим более, они редко ретушированы и могли служить вкладышами. При этом орудия примерно в равном количестве изготовлены на пластинчатой и отщеповой заготовке при незначительном приоритете первой (Никитин, 2018, с. 100–101). Представлены пластины с усеченным или скошенным ретушью торцом. На отщепах выполнены в основном скребки с ретушью на конце, на три четверти, конце-боковой или по всей окружности, изделия на пластинах – концевые. Ножи на отщепах, сколах или крупных пластинах имеют листовидную или сегментовидную формы. Острия также изготовлены на отщепах и сколах преимущественно треугольного сечения. Резцы в основном угловые на пластинах. Наконечники стрел представлены экземплярами листовидной и ромбической формы, встречаются треугольно-черешковые (Кудашов, 2020). Никитин В.В. считает, что в этом качестве могли использоваться пластины с симметричным или скошенным острием, т. н. ланцетовидные. Значительные серии образуют деревообрабатывающие орудия (до 6% от предметов со вторичной обработкой). Преобладают топоры (порядка 40%) и тесла (около 35%), также выявлены клинья, долота (примерно 20%) и стамески, большинство изготовлены в технике шлифования. Орудия и предметы быта из органических материалов не обнаружены (Никитин, 2018).

Ранний неолит лесного Среднего Поволжья

Согласно данным палинологического анализа, при переходе к неолиту в лесном Среднем Поволжье не происходит существенных климатических изменений. Для этого времени, как показывают ранее проведенные работы (Никитин, 2011, с. 9), а также новейшие исследования авторов (Андреев, и др., 2020), характерна лесная растительность с отдельными открытыми пространствами. При этом наблюдаются определенные локальные вариации. Интересно отметить, что в основании культурного слоя стоянки Сокольный XII доминируют широколиственные породы, как и на отмеченной выше позднемезолитической Дубовской XIII. Данное обстоятельство, возможно, косвенно свидетельствует

о хронологической близости обозначенных памятников. Далее происходит постепенное увеличение хвойных пород в составе спектра древесной растительности (Сокольный VII и XVII, Дубовская VIII, Отарская VI).

Новый каменный век характеризуется сохранением определенной преемственности в традициях домостроительства (Кудашов, 2021). Продолжают сооружаться углубленные на 30–60 см полуземлянки площадью 20–60 кв. м, лишь на стоянке Отарская VI выявлено значительное количество жилищ без котлованов (10 из 16 построек). Конфигурация строений становится немного более разнообразной – наряду с прямоугольными бытуют подквадратные, подовальные, а также аморфные. Основным сырьем для изготовления орудий по-прежнему служит кремень вишневого и коричневого цветов валунного и плитчатого происхождения (Кудашов, 2023). Как отмечает В.В. Никитин, «если посмотреть на типологический состав каменного инвентаря обеих культур (*мезолитического и ранненеолитического времени* – К.М. и А.К), то нетрудно заметить их значительную близость, а в некоторых случаях и идентичность» (Никитин, 2006, с. 256). Данный факт «приводит к мысли о значительном заимствовании типов орудий пришельцами от местного населения» (Никитин, 2006, с. 256). Немногочисленные нуклеусы сильно сработаны, аморфных очертаний, более выразительные представлены призматическими и коническими формами, ориентированными на получение пластин. Скребки, как и в мезолитических комплексах, демонстрируют значительное типологическое разнообразие: концевые на пластинах, а также округлые, на три четверти, конце-боковые, стрельчатые и неустойчивых очертаний на отщепах и продольных сколах. Наконечники представлены треугольно-черешковой, иволистной и листовидной, редко ромбической формами, также присутствуют ланцетовидные острия, чье использование по данному назначению нельзя исключать. Наиболее устойчивый и выраженный тип резцов – на углу сломанной пластины. Проколки и ножи представлены теми же, что и в мезолите, изделиями. Бытуют аналогичные виды деревообрабатывающих орудий (топоры, тесла, редко долота), изготовленных в технике шлифования (Никитин, 2011). Среди отличительных черт можно отметить, некоторое сокращение количества пластин в комплексах отдельных стоянок (Дубовская III – 12%, Отарская VI – 5–7%, Сокольный VII, XVII – 2–3%), хотя выявлены поселения, где данный показатель сопоставим с мезолитическим (Сокольный XII, Дубовская VII, VIII – около 20–25%). При этом на пластинчатых заготовках выполнена представительная серия изделий. Также в неолитических кремневых комплексах фиксируется применение бифасиальной ретуши при изготовлении отдельных категорий орудий и немногочисленные типы, не встречающиеся в мезолите (например, трапециевидное тесло с зауженным и приостренным насадом, линзовидного сечения). Представленные различия не носят принципиального характера и вполне могут являться результатом саморазвития. Таким образом, можно констатировать определенную преемственность в кремневых индустриях мезолитического и ранненеолитического населения региона.

Для раннего неолита лесного Среднего Поволжья характерно распространение посуды без орнамента и украшенной наколами. На современном этапе изучения затруднительно утверждать хронологический приоритет одного из представленных типов, так как в жилищах фиксируется их совместное залегание. На некоторый хронологический приоритет посуды без орнамента указывают немногочисленные радиоуглеродные даты, однако данное положение нуждается в верификации. Оба типа посуды на поселениях достаточно многочисленны, приемы их конструирования устойчивы, а традиция орнаментации весьма развита. Технология изготовления с точки зрения исходного пластического сырья и формовочных масс во многом совпадает и имеет близость к елшанскому ареалу гончарных традиций (Васильева, Выборнов, 2015). Приведенные обстоятельства наводят на мысль о продолжительном этапе их бытования, не позволяя рассматривать в качестве наиболее древних в лесном Среднем Поволжье. Можно предполагать наличие более раннего импульса неолитизации, в то время как материалы некоторых опорных стоянок региона демонстрируют уже местную адаптацию ранних керамических традиций. Наконец, оговоримся, что прямое датирование керамики не всегда позволяет надежно определить приоритет того или иного типа, так как ставит перед исследователями необходимость

наличия статистически устойчивых выборок определений по каждому конкретному памятнику, чего пока нет (Выборнов, Никитин, 2016).

Исследователями предлагались различные варианты поиска источника неолитизации региона, ее корни усматривались в лесостепном и Нижнем Поволжье, Поднепровье и Подонье (Халиков, 1969; Васильев, Выборнов, 1988; Никитин, 2011). Работы последних лет в районе поселка Сокольный в южной части Республики Марий Эл позволили получить вполне определенные данные о лесостепном векторе связей обозначенного процесса, а именно с носителями елшанской культурной традиции. В ходе изучения стоянки Сокольный XII удалось обнаружить скопление фрагментов от сосуда с некоторыми отличиями от основного керамического комплекса памятника. Он имел слабопрофилированную верхнюю часть, миниатюрное плоское донце и был украшен косой решеткой, образованной прочерченными линиями, в верхней трети (Андреев, Выборнов, 2020, с. 22). Аналогии данному сосуду прослеживаются в опорных комплексах елшанской культуры лесостепного Поволжья (Мамонов, 1999; Андреев, Выборнов, 2017). Примечательно, что с точки зрения морфологии он близок материалам стоянки Вьюново Озеро I, изученной в Среднем Посурье, где также обнаружено плоское донце небольших размеров (Березина, 2021, с. 124). При этом рассматриваемая стоянка получила серию достаточно надежных ранних дат, в том числе методами AMS, относящих время ее посещения к концу VII тысячелетия до н. э. (Выборнов, Березина, Березин, 2016). Возможно, этот регион являлся промежуточным звеном в продвижении отдельных ранненеолитических групп елшанского населения на север. Важно заметить, что на стоянке Вьюново Озеро I выявлены развал сосуда и фрагменты примерно еще от пяти горшков, а также скромная коллекция изделий из кремня – менее 30 единиц (Березина, 2021, с. 116–125). Указанные обстоятельства позволяют предполагать, во-первых, непродолжительное время функционирования памятника, а во-вторых, малый размер проживавшей на нем группы. Вероятно, аналогичная ситуация характерна и для Сокольного XII, где получен лишь один развал сосуда обозначенного типа.

Представленные обстоятельства позволяют нам предполагать отличный от лесостепного характер неолитизации лесного Среднего Поволжья. Отмеченная близость кремневых индустрий мезолитических и неолитических стоянок свидетельствует о преемственности между ними. Отдельные различия могут быть обусловлены саморазвитием традиций кремнеобработки. Предположение о полном заимствовании всего спектра орудий и приемов расщепления сырья пришлым населением под влиянием природно-климатических факторов представляется маловероятным. В данном случае мы, видимо, наблюдаем процесс диффузии небольших ранненеолитических групп лесостепного происхождения в сопредельные регионы. Происходит их взаимодействие с мезолитическим, аборигенным населением, в результате которого последние знакомятся с глиняной посудой, а «пришельцы растворяются» в лесном Среднем Поволжье. Первые сосуды, вероятно, использовались не по прямому назначению в утилитарных целях – приготовление пищи, об этом косвенно свидетельствуют небольшие размеры наиболее ранних горшков и отсутствие на них нагара. При этом ранненеолитические емкости лесного Среднего Поволжья не являются копией елшанских. Примечательно, что традиция украшения внешней поверхности керамических изделий прочерченными линиями в Марийском Поволжье не прижилась и единично фиксируется в комплексах лишь отдельных стоянок. Также не характерны для лесного региона пояски ямок-жемчужин под срезом венчика, распространенные в лесостепи, не выявлены острые донца.

Заключение

Подводя итог, отметим основные положения, предлагаемые к обсуждению в рамках представленной статьи. Неолитизация нами связывается с появлением и распространением отдельных составляющих «неолитического пакета», в первую очередь глиняных сосудов. В лесостепном Поволжье данный процесс проходил в результате миграции новых групп населения. Фиксируются принципиальные отличия кремневых индустрий мезолитических и ранненеолитических насельников региона, что не позволяет проследить между ними связь. Вероятно, спустя некоторое время знакомое с навыками керамического производства население из лесостепи в резуль-

тате диффузии проникает в сопредельные регионы. Одним из таковых является лесное Среднее Поволжье. Здесь начало изготовления керамики не сопровождалось масштабными изменениями в домостроительстве и кремнеобработке. Прослеживается преемственность в технологии и конкретных типах каменных орудий труда между мезолитическими и ранненеолитическими комплексами. По всей видимости, навыки изготовления глиняной посуды, после их первичного освоения, были адаптированы местным населением, что придало посуде определенное своеобразие.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: ООО «Порто-Принт», 2017. 272 с.

Андреев К.М., Выборнов А.А. Миграции и диффузии в неолитизации Поволжья // Stratum plus. 2020. № 2. С. 15–30.

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кудашов А.С., Алешинская А.С., Васильева И.Н. Поселение Сокольный VII – новый памятник раннего неолита Республики Марий Эл // Поволжская археология. 2020. № 3(33). С. 64–83.

Андреев К.М., Ластовский А.А. Мезолит лесостепного Поволжья // Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 185–194.

Андреев К.М., Андреева О.В., Алешинская А.С., Кулькова М.А., Бурыгин М.А. Стоянка Кочкари I – новый памятник позднего мезолита лесостепного Поволжья (итоги исследования) // РА. 2023. №1. С. 7–24.

Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья / Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 8–261.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье / АЭМК. Вып. 31. / Отв. ред. Б.С. Соловьев, А.В. Михеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. С. 68–98.

Выборнов А.А., Березина Н.С., Березин А.Ю. Хронология неолита Посурья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 107–115.

Выборнов А.А., Никитин В.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123–128.

Колпаков Е.М., Киселева А.М., Ткач Е.С. «Неолит» в системе трех веков // Stratum Plus. 2023. № 2. С. 183–192.

Косорукова Н.В. Особенности кремневого инвентаря мезолитической стоянки Погостище 15 в бассейне озера Воже // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене / Отв. ред. Д.В. Герасимов. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 67–71.

Кудашов А.С. Позднемезолитический и ранненеолитический кремневый инвентарь Марийского Поволжья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 162–164.

Кудашов А.С. Жилища мезолита и раннего неолита Марийского Поволжья // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. № 1. С. 173-176.

Кудашов А.С. О ранненеолитическом каменном инвентаре Марийского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 263–270.

Ластовский А.А. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 81–140.

Мазуркевич А.Н., Зайцева Г.И., Кулькова М.А. Неолитизация Восточной Европы сквозь призму радиоуглеродных данных // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене / Отв. ред. Д.В. Герасимов. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 91–96.

Мамонов А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1999. С. 15–43.

Никитин В.В. На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья) // Тверской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2006. С. 254–259.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.

Никитин В.В. Мезолит Марийского Полесья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. 264 с.

Ошибкина С.В. Мезолит Центральных и Северо-Восточных районов Севера Европейской части СССР // Мезолит СССР / Археология СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 32–45.

Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 6–9.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1986. 180 с.

Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона. Липецк, Саратов: Десятая Муза, 2020. 400 с.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита европейской России по данным палинологического анализ // РА. 1999. №1. С. 23–33.

Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения ранненеолитических памятников Среднего Поволжья // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 5-1 (59). С. 87–89.

Сурков А.В. Неолитические памятники Среднего Похоперья. Воронеж: ВГПУ, 2007. 122 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Шмидт А.В., Кардаш О.В., Липс С.А. К проблеме внедрения новых технологий в камнеобработке в эпоху раннего голоцена на территории Среднеобской низменности (на примере поселения Балинское-73) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I / Ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. Ун-та, 2017. С. 1167–1168.

Dolbunova, E., Lucquin, A., McLaughlin, T.R. et al. The transmission of pottery technology among prehistoric European hunter-gatherers // Nature Human Behaviour. 2023. № 7. P. 171-183.

Zvelebil M. Who were we 6000 years ago? In search of prehistoric identities. In M. Jones (Ed.). Traces of Ancestry: Studies in Honour of Colin Renfrew. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2004. P. 41-60.

Информация об авторах:

Андреев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); konstantin_andreev_88@mail.ru

Кудашов Александр Сергеевич, лаборант, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); aleksandr.kudashov@gmail.com

REFERENCES

Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2017. *Ranniy neolit lesostepnogo Povolzh'ya (elshanskaya kul'tura) (Early Neolithic of the forest steppe Volga region (Elshanka culture))*. Samara: “Porto-Print” Publ. (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2020. In *Stratum Plus* (2), 15–30 (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Kudashov, A. S., Aleshinskaya, A. S., Vasilyeva, I. N. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 33 (3), 64–83 (in Russian).

Andreev, K. M., Lastovsky, A. A. 2021. Sitdikov, A. G., Galimova, M. Sh. (eds.). *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 185–194 (in Russian).

Andreev, K. M., Andreeva, O. V., Aleshinskaya, A. S., Kulkova, M. A., Burygin, M. A. 2023. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 7–24 (in Russian).

Berezina, N. S. 2021. *Kamennyi vek Chuvashskogo Povolzh'ia (Stone Age of the Chuvash Volga Region).* In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 8–231 (in Russian).

Vasiliev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh'ya (step' i lesostep') (Neolithic of the Volga region (steppe and forest-steppe).* Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasilyeva, I. N., Vybornov, A. A. 2015. In Solov’ev, B. S., Mikheev, A. V. (eds.). *Voprosy arkheologii epokhi kamnia i bronzy v Srednem Povolzh’e i Volgo-Kam’e (Issues of the Archaeology of Stone and Bronze Ages in Middle Volga and Volga – Kama Areas)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archae-

ology and Ethnography of Mari Land) 31. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 68–98 (in Russian).

Vybornov, A. A., Berezina, N. S., Berezin, A. Yu. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 107–115 (in Russian).

Vybornov, A. A., Nikitin, V. V. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 123–128 (in Russian).

Kolpakov, E. M., Kiseleva, A. M., Tkach, E. S. 2023. In *Stratum Plus* (2), 183–192 (in Russian).

Kosorukova, N. V. 2017. In Gerasimov, D. V. (ed.). *Kul'turnye protsessy v tsirkumbaltiyskom prostranstve v rannem i srednem golotsene (Cultural processes in the Circum-Baltic space in the Early and Middle Holocene)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 67–71 (in Russian).

Kudashov, A. S. 2020 In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* Vol. I. Samara: Samara State Pedagogical University, 162–164 (in Russian).

Kudashov, A. S. 2021. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 10 (1), 173–176 (in Russian).

Kudashov, A. S. 2023. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 263–270 (in Russian).

Lastovsky, A. A. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 81–140 (in Russian).

Mazurkevich, A. N., Zaitseva, G. I., Kulkova, M. A. 2017. In Gerasimov, D. V. (ed.). *Kul'turnye protsessy v tsirkumbaltiyskom prostranstve v rannem i srednem golotsene (Cultural processes in the Circum-Baltic space in the Early and Middle Holocene)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 91–96 (in Russian).

Mamonov, A. E. 1999. In Vasiliev, I. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 15–43 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2006. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6. Tver: Tver State United Museum, 254–259 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IX. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitin, V. V. 2018. *Mezolit Mariyskogo Poles'ya (Mesolithic of Mari Polesie)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1989. In Koltsov, L. V. (ed.). *Mezolit SSSR (USSR Mesolithic)*. Series: Arkheologiia SSSR (USSR Archaeology). Moscow: "Nauka" Publ., 32–45 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 6–9 (in Russian).

Sinyuk, A. T. 1986. *Naselenie basseyna Dona v epokhu neolita (Population of the Don River Basin in the Neolithic Period)*. Voronezh: "Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet" Publ. (in Russian).

Smolyaninov, R. V. 2020. *Early Neolithic of the Upper Don: Monograph*. Lipetsk, Saratov: "Desyataya Muza" Publ. (in Russian).

Spiridonova, E. A., Aleshinskaya, A. S. 1999. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 23–33 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2017. In *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal (International Research Journal)* 5–1 (59), 87–89 (in Russian).

Surkov, A. V. 2007. *Neoliticheskie pamyatniki Srednego Pokhoper'ya (Neolithic sites of the Middle Khopyor River region)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Schmidt, A. V., Kardash, O. V., Lips, S. A. 2017. In Derevianko A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *Trudy V (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe (Proceedings of the 5th (21th) All-Russia Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha)* I. Barnaul: Altai State University, 1167–1168 (in Russian).

Dolbunova, E., Lucquin, A., McLaughlin, T.R. et al. 2023. In *Nature Human Behaviour*. 7, 171–183.

Zvelebil, M. 2004. In Jones, M. (ed.). *Traces of Ancestry: Studies in Honour of Colin Renfrew*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 41–60.

About the Authors:

Andreev Konstantin M. Candidate of Historical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; konstantin_andreev_88@mail.ru

Kudashov Alexander S. laboratory assistant of the Scientific Research Department, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; aleksandr.kudashov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.80.91

РАННИЙ НЕОЛИТ ЮЖНОЙ БЕЛАРУСИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2024 г. О.Ю. Ткачёв, М.И. Ткачёва

В статье рассматриваются основные гипотезы возникновения керамического производства на территории южной Беларуси. Появление керамики, главного признака начала неолита для лесной зоны Восточной Европы, связывается авторами с импульсами, которые происходят с Южного Буга и Днестра. Ранний неолит юга Беларуси представлен припятско-нёманской, восточнополесской, верхнеднепровской культурами и памятника типа Струмель-Гастятин. Первая керамика, в соответствии с существующими на данный момент датами с территории Беларуси и беларусско-украинского пограничья, появляется на юге страны в сер. – втор. пол. VI тыс. до н.э. На Западное Полесье идея изготовления керамики проникает с Волыни, на юго-запад Беларуси – по Днепру. Керамика типа Дубичай и Струмель-Гастятин формируется под влиянием представителей самчинской фазы буго-днестровской культуры. В дальнейшем технология изготовления керамики распространяется на территорию Нижней Припяти, где формируется восточнополесская культура. Верхнеднепровская культура начала формироваться в середине V тыс. до н.э. под влиянием импульса, который шел с востока на запад по Десне.

Ключевые слова: археология, неолитизация, ранний неолит, южная Беларусь, керамика, припятско-нёманская культура, тип Дубичай, восточнополеская культура, верхнеднепровская культура, тип Струмель-Гастятин.

EARLY NEOLITHIC OF SOUTHERN BELARUS: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR STUDY

O.Yu Tkachev, M.I. Tkacheva

The article discusses the main hypotheses of the emergence of ceramic production in the territory of Southern Belarus. The authors relate the appearance of ceramics, the main sign of the beginning of the Neolithic for the forest zone of Eastern Europe, to impulses originating from the Southern Bug and Dniester. The Early Neolithic of the south of Belarus is represented by the Pripyat-Neman, Eastern Polesie, Upper Dnieper cultures and monuments of the Strumel-Gastyatin type. The first ceramics, according to the current dates from the territory of Belarus and the Belarusian-Ukrainian borderland, appears in the south of the republic in the middle of the second half of the VI millennium BC. The idea of making ceramics penetrates into Western Polesie from Volyn, and into the southwest of Belarus – through the Dnieper. Ceramics of the Dubichay and Strumel-Gastyatin types are formed under the influence of representatives of the Samchinskaya phase of the Bug-Dniester culture. Subsequently, the pottery production technology spread to the territory of Lower Pripyat, where the Eastern Polesie culture was formed. The Upper Dnieper culture began to form in the middle of the V millennium BC under the influence of an impulse that went from east to west through the Desna.

Keywords: archaeology, neolithization, early Neolithic, Southern Belarus, ceramics, Pripyat-Neman culture, Dubichay type, Eastern Polesie culture, Upper Dnieper culture, Strumel-Gastyatin type.

Вступление

Начало неолита на территории лесной зоны Восточной Европы (далее – лзВЕ) исследователи связывают с появлением традиции керамического производства (Тимофеев, 2002, с. 210; Ошибкина, 2003, с. 242, 243; Чарняўскі, 2004, s. 97; Ткачева, 2023, с. 210). Основой для неолитических культур юга Беларуси, по мнению большинства исследователей, было местное мезолитическое население – яниславицкая культура (Исаенко, 1987, с. 22; Гаскевич, 2001; Охріменко, 2001, с. 112; Чарняўскі, 2001, р. 233; Залізняк, 2009, с. 186), распространённая в позднем мезолите на территории Беларуси (Калечыц, Коласаў, 2021, с. 30, мал. 27).

Что касается первоначального импульса, который привёл к появлению керамики, то вопрос остаётся дискуссионным. На сегодняшний день можно выделить несколько гипотез о зарождении производства керамики в регионе.

Гипотезы происхождения керамического производства на территории южной Беларуси

Автохтонное происхождение. Р. Римантене отмечает, что форма первых сосудов с памятников юга Литвы (тип Дубичай) – остродонный с более или менее отогнутым венчиком – является довольно примитивной. Подобные типы могли возникнуть там, где образцом для первых горшков послужил кожаный мешок. На основании этого она допускала, что форма распространилась не из одного центра, а могла быть изобретена на всей территории самостоятельно (Римантене, 1966, с. 61).

Схожую позицию занимает и М.М. Чернявский. По его мнению, пластичные свойства глины, как и способность затвердевать при сильном нагревании, были известны людям издавна. Начало производства керамической посуды М.М. Чернявский связывает с хозяйственно-бытовой необходимостью − возникновением потребности в крепких больших тарах. В качестве образца использовались предметы из органических материалов – коры, травы, кожи и т. п. Наличием общего прототипа объясняются морфологические сходства ранней керамики на сравнительно широкой территории (Чарняўскі, 2004, s. 103). Гипотеза, однако, не получила широко распространения.

«Восточный путь». В.Н. Даниленко первым высказал мысль о близости ранненеолитической керамики на территории от Восточного Прикаспия и Приаралья до Дании. Схожесть он объяснял генетической связью населения данной территории (Даниленко, 1969, с. 177–186).

Гипотезу, где в качестве центра распространения керамики в лзВЕ рассматриваются восточные, а не южные культуры, так называемый «*восточный путь»*, в дальнейшем разрабатывал В.И. Тимофеев. Процесс распространения керамики рассматривался не как многочисленные миграционные процессы, а как комбинация процесса эволюционного развития местных индустрий с диффузией идеи изготовления керамических изделий в среде позднемезолитического населения (Тимофеев, 1994, с. 74, 75; Тимофеев, 2002, с. 210).

Для раннего неолита лзВЕ, по В.И. Тимофееву, были характерны «цепочки культур» – ряд взаимосвязанных культур со стабильным населением и диффузионным проникновением новых технических навыков (прежде всего керамического производства), трансформирующиеся постепенно, без резко очерченных территориальных границ. Одной из таких «цепочек» были ранняя нёманская (НК) (читай *припятско-нёманская (ПНК)* – О.Т., М.Т.), нарвская (НрК) и руднянская культуры (Тимофеев, 2002, с. 210). ПНК являлась своеобразным коридором между Юго-Восточной Европой и Балтийским регионом. Ряд сходных элементов в морфологии и орнаментации ранней керамики, характерные для этой «цепочки» и культуры Эртебелле, В.И. Тимофеев видит в распространении идеи керамического производства из одного источника – ареала, включающего ранненеолитические культуры Поднепровья (Тимофеев, 1994, с. 74). Вместе с тем в качестве источника появления некоторых черт – «шиповидное» дно – рассматривается буго-днестровская культура (БДК) (Тимофеев, 1994, с. 73).

В дальнейшем К.М. Андреев и А.А. Выборнов развили гипотезу. Общий путь распространения керамического производства они видят следующим образом: Восточный Прикаспий и Приаралье → Лесостепное Поволжье и Среднее Посурье → Верхнее и Среднее Подонье, Поднепровье → бас. Припяти и Нёмана → южное и западное побережье Балтийского моря (Андреев, Выборнов, 2017).

В качестве общих черт, характерных для территории от Приаралья до Дании, исследователи выделяют: профилированность верхней части сосудов, остородонность, слабая орнаментированность, узоры, нанесённые ямками под срезом венчика или прочерками, композиции представлены пересекающимися линиями типа косой решётки, сосуды изготавливались из илистой глины с примесью шамота, поверхности заглажены мягким предметом (Андреев, Выборнов, 2017, с. 91).

Из-за относительной сложности изготовления керамики и необходимости целенаправленного обучения будущих гончаров распространение навыков не могло осуществляться без присутствия носителей навыка. Речь не идёт о миграции населения, а об ограниченном в масштабе перемещении отдельных групп в пограничных областях, так называемая *пограничная мобильность*. Передача навыков осуществлялось в результате взаи-

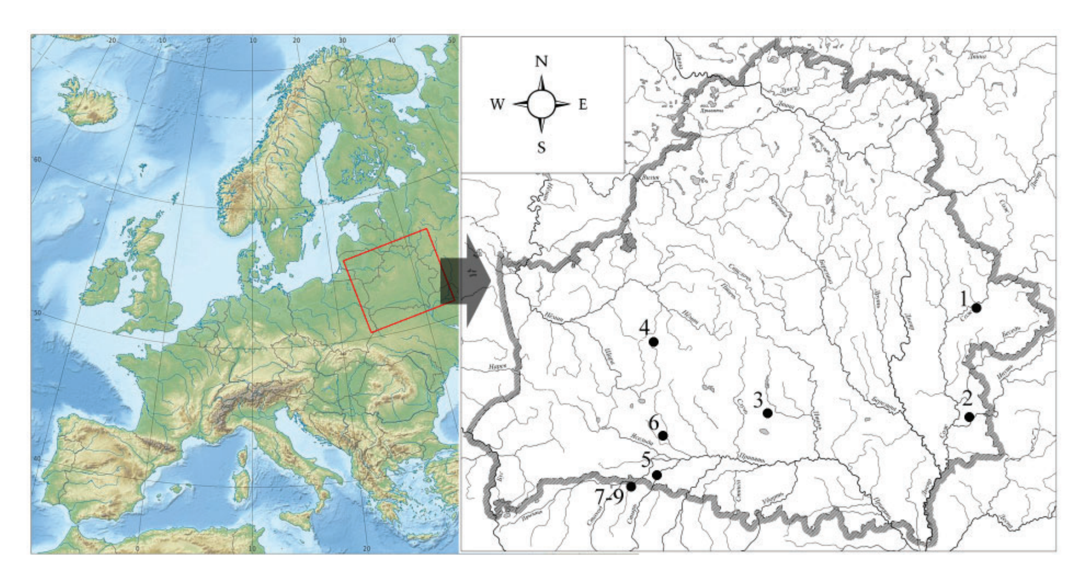

Рис. 1. Карта памятников южной Беларуси и беларусского-украинского пограничья с ранненеолитическими датами. 1 – Дубовый Лог 5; 2 – Гронов 3; 3 – Кузьмичи 1; 4 – Старые Войковичи; 5 – Остров 3; 6 – Камень 6; 7 – Нобель; 8 – Лядина 14; Лядина Мыс; 9 – Сеньчицы.

Fig. 1. Map of sites of Southern Belarus and the Belarusian-Ukrainian borderland with Early Neolithic dates. 1 – Dubovy Loh 5; 2 – Hronaŭ 3; 3 – Kuzmičy 1; 4 – Staryja Vojkavičy 1; 5 – Vostrau 3; 6 – Kamen 6; 7 – Nobel'; 8 – Liadyna 14; Liadyna Mys; 9 – Senchytsi.

модействия разнокультурных групп, которые вели комплексное присваивающее хозяйство в пограничных регионах, в основе которой лежат хозяйственно-бытовые и брачные отношения. Не исключая возможности непосредственного перемещения определённых групп населения под воздействием природно-климатических факторов, в большинстве случаев стоит говорить об отсутствии «волн» миграции. О последнем свидетельствует специфика керамического производства в каждом из регионов (Андреев, Выборнов, 2017, с. 97, 98).

Не отрицая некоторых общих черт, которые характерны не только для раннего неолита лзВЕ, но и для других, более поздних периодов эпохи – остродонность сосудов, горизонтальный ряд круглых ямок под краем венчика, сетка, образованная прочерченными или проглаженными диагональными линиями, – некоторые признаки не столь однозначные. В таком качестве выступает морфология сосудов, а именно профилированность верхней части.

Для раннего неолита Западного Полесья и бассейна Нёмана характерны широко открытые горшки с плавно выпуклым корпусом и слегка суженной верхней частью (Чарняўскі, 2003, с. 25). Короткий отогнутый венчик с загнутым внутрь краем появляется на позднем этапе развития дубичайской керамики (Чарняўскі, 1979, с. 17; Чарняўскі, 2011, мал. 4). Профилированность верхней части сформировалась под влиянием культуры воронковидных кубков до сер. IV тыс. до н. э. (Крывальцэвіч, 2004, s. 143; Чарняўскі, 2011, s. 85). Материалы, представленные К.М. Андреевым и А.А. Выборновым в качестве ранней керамики Понёманья, относятся или к лысогорскому (сравн. Андреев, Выборнов, 2017, рис. 4: 2, и Чарняўскі, 1979, рыс. 33: 15), или доброборскому этапам НК (*классическая НК*, по определению Б. Юзвяка) (сравн. Андреев, Выборнов, 2017, рис. 4: 1, 3, 4, 6, и Чарняўскі, 1979, рыс. 43: 1; Józwiak, 2003, tabl. 82: 1; tabl. 68: 2; tabl. 61: 5), а то и вовсе к восточнополесской культуре (ВПК) (сравн. Андреев, Выборнов, 2017, рис. 4: 8, 14 и Исаенко, 1976, рис. 19: 1, 3).

Остаётся открытым вопрос и о том, почему одни признаки сохранялись на всём пути распространения идеи, а другие, которые возникали по ходу формирования новых культурных традиций, не подхватывались и не достигали «конечной точки».

Буго-днестровский путь. Большинство исследователей склонны связывать первоначальный импульс, который привёл к появлению керамического производства на территории юга Беларуси, с БДК (Исаенко, 1976, с. 57, 116; Гаскевич, 2001; Охріменко, 2001, с. 49; Jaziepienko, Jóźwiak, 2004, p. 48; Залізняк, 2009, с. 186, 187).

В.Ф. Исаенко считает, что традиция изготовления керамики появилась вначале на территории Западного Полесья. Оттуда она по Верхней Припяти распространилась на Восточное Полесье и Среднее Поднепровье и затем в бассейн Нёмана и на северо-восток – в бассейн Днепра и Сожа (Чарняўскі, Ісаенка, 1997, с. 164).

Начало керамического производства, по Д.Л. Гаскевичу, на территории Западного Полесья началось в результате контактов местного мезолитического населения с носителями днестровского варианта БДК. Контакты продолжались в самчинской фазе, но были нерегулярными и носили периодический характер из-за отдалённости ареалов БДК и ПНК. В качестве прототипа дубичайской керамики он видит остродонный горшок, украшенный гребенчатым, накольчатым и линейным орнаментами, что, по мнению исследователя, характерно для сосудов самчинской фазы БДК. А появление наколов-«копытцев», яркой черты неолитической керамики Западной Беларуси, стало результатом прямого или косвенного заимствования отпечатков трубчатого штампа с керамики ранненеолитических поселений Поднестровья. В дальнейшем формирование дубичайских традиций происходило непосредственно на территории Полесья (Гаскевич, 2001, с. 43).

М.М. Чернявский отрицает, что на территорию Беларуси традиции изготовления керамики пришли от БДК. Это было невозможным из-за того, что между Волынью и средним течением Южного Буга и Днестра с начала неолита существовал клин поселений культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК) (Чарняўскі, 2004, s. 103). Между тем он признаёт, что распространение керамики в бассейн Нёмана происходило с Припяти (Чарняўскі, 2003, с. 29).

Культуры раннего неолита юга Беларуси

Припятско-нёманская культура. Культура характеризуется остродонными горшками с плавно выпуклым, изредка ребристым корпусом со сведённым верхом. Венчики прямые или слегка отогнутые. В формовочной массе присутствуют волокнистые органические примеси, иногда в достаточно большом количестве. Иногда присутствует песок, шамот, мелкая дресва. Внешняя поверхность очень хорошо заглажена, иногда подлощена. На внутренней (реже на внешней) имеются следы расчёсов горизонтальной направленности. Универсальным элементом орнаментации является пояс глубоких круглых ямок под краем венчика. Типичные элементы: отпечатки тонкого и слегка изогнутого мелкозубого гребня; отступающие наколы, в том числе выполненные концом круглой палочки или косточки, так называемого «копытца»; прочерченные тонкие и проглаженные широкие линии; овальные вмятины. Часто композиция ограничивается поясом ямок под краем венчика. Доминирует горизонтальная зональность, которая концентрировалась в верхней части сосудов. Прочерченные или проглаженные линии часто образовывали косую сетку. Полностью орнаментированные горшки встречаются в восточной части ареала (Чарняўскі, 1979, с. 50–53; Чарняўскі, 2003, с. 25, 26).

Керамику ПНК с территории Литвы Р. Римантене датировала началом IV тыс. до н. э. (Римантене, 1966, с. 56).

В.Ф. Исаенко формирование керамики типа Дубичай на территории Западного Полесья относит к периоду 4000/3800–3500/3300 гг. до н. э. (Исаенко, 1976, с. 113–115). Выделяет он и более ранний этап, который предшествовал дубичайскому. Материалы данного периода с Верхней Припяти, по его мнению, неотличимы от синхронных материалов Нижней Припяти (Исаенко, 1966, с. 49).

М.М. Чернявский относит начало неолита на северо-западе Беларуси к пер. пол. IV тыс. до н. э. (Чарняўскі, 2001, s. 235). Материалы с Верхней Припяти рассматриваются им как более ранние. Постепенно М.М. Чернявский отодвигает границу начала неолита в бассейне Нёмана ко времени не позднее нач. IV тыс., а на юге – к кон. V тыс. до н. э. (Чарняўскі, Ісаенка, 1997, с. 125).

Г.В. Охрименко начало развития керамического производства в верховьях Припяти относит к 4500–3300 гг. до н. э. (Охріменко, 2001, с. 106) [1].

При отсутствии абсолютных дат хронология ПНК долгое время строилась на сравнении с соседними культурами, в частности с НрК. В коллекции Заценье содержались материалы НрК с чертами, близкими по технологии и орнаментации, к керамике типа Дубичай. На основании дат, полученных с памятника – 5625 ± 40 BP, 4500–4360 cal BC, Ki-6214,

и 5450 ± 75 BP, 4358–4166 cal BC, Ле-960 (Чернявский, 2004, с. 151) – М.М. Чернявский сделал вывод, что керамика ПНК бассейна Нёмана одновременна материалам с Заценья, а на территории Западного Полесья древнее (Чернявский, 2008, с. 304).

Первые даты по C^{14} для ПНК происходили из северного ареала культуры и большинство из них были получены не по керамике, а с объектов культурного пласта (уголь, заполнение объектов) (Antanaitis-Jacobs, Girininkas, 2002, tabl. 2).

С появлением дат, которые были получены по нагару на керамике: Старые Войковичи 1 – 5820 ± 210 BP, 5284–4258 cal BC, Ki-9286 (Jóźwiak, 2003, p. 58) (табл. 1); Дубичай 2 – 5030 ± 250 BP, 4250–3500 cal BC (Чарняўскi, 2004, с. 107; Józwiak, 2003, p. 58), – развитие раннего неолита бассейна Нёмана рассматривалось в промежутке 4900–3500 BC (Чернявский, 2008, с. 305). А с учётом более ранних дат с соседних северных и северо-восточных территории начало неолита, по М.М. Чернявскому, следует отнести к более раннему времени (Чернявский, 2008, с. 305, 306).

Г. Пиличяускас, описывая материалы ПНК с территории Литвы, отмечает, что область керамики типа Дубичай сформировалась около 5500 BC (Piličiauskas, 2002, p. 134).

Даты, полученные по ранней керамике с территории Украины для памятников с яниславицкими традициями в кремнеобработке: Нобель 1 – 6230 ± 150 BP, 5478–4803 cal BC, Ki-9843; Лядина Мыс – 6150 ± 150 BP, 5468–4723 cal BC, Ki-10887; 6290 ± 150 BP, 5533–4849 cal BC, Ki-10888; Лядина 14 – 5960 ± 170 BP, 5299–4457 cal BC, Ki-10889 (Манько, 2006, с. 17; Манько, 2016, с. 263, 276, 277) (табл. 1) – практически все попадают на втор. пол. VI – нач. V тыс. до н. э. Размещённые на границе с Беларусью, они определённо связаны с дубичайской традицией.

Памятники с территории Западного Полесья дают схожие датировки: Остров 3 – 6764 ± 110 BP, 5885–5480 cal BC, SPb-3036; Камень 6 – 6088 ± 110 BP, 5302–4727 cal BC, SPb-3037; Сеньчицы – 6164 ± 100 BP, 5323–4841 cal BC, SPb-3038, и 5920 ± 120 BP, 5206–4496 cal BC, SPb-3039 (табл. 1). Это подтверждает ранее полученные выводы и позволяет предположить, что во втор. пол. VI тыс. до н. э. на территорию Верхней Припяти уже активно проникают традиции изготовления керамики.

Восточнополесская культура. Для раннего этапа ВПК характерны как широко открытые сосуды с цилиндрическими стенками, плавно переходящими в высокую коническую часть, так и с сильно выгнутыми стенками в месте перехода к низкой конической части и оттянутым вниз дном. Венчики прямые или слегка отогнутые. В формовочной массе присутствует волокнистая органическая примесь. Внешняя поверхность заглаженная, на внутренней сохраняются следы горизонтальных расчёсов. Диагональные или волнистые расчёсы иногда встречаются в нижней части на внешней поверхности. Орнаментация относительно бедная и однообразная. Доминирует горизонтальная зональность, которая иногда дополняется вертикальными композициями, при концентрации орнамента в верхней и нижней частях сосуда. При этом нередки горшки, орнаментация которых ограничена только рядом круглых ямок под краем венчика. Типичным элементом орнаментации являются отпечатки короткого мелкозубого гребня. Реже встречаются наколы, вмятины, проглаженные линии. Последние могут образовывать косую сетку (Ісаенка, 1997, с. 131, 132).

В.Ф. Исаенко ранний этап ВПК относит к нач. – сер. IV тыс. до н. э. (Исаенко, 1976, с. 112). По мнению Д.Я. Телегина и Е.Н. Титовой, ВПК, как и другие культуры днепро-донецкой культурной общности, сложилась в V тыс. до н. э. (Телегин, Титова, 1998, с. 29).

С памятника Кузьмичи 1 для двух фрагментов керамики по нагару были получены даты, которые с учётом калибрации дают интервал от втор. пол. VI до втор. четв. V тыс. до н. э. – 6200 ± 200 BP, 5554–4692 cal BC, SPb-1187, и 6113 ± 226 BP, 5482–4503 cal BC, Le-8176 (Кривальцевич, 2016, с. 296, табл. 1) (табл. 1). М.М. Кривальцевич, не отрицая того, что фрагменты могут указывать на ранний период существования культуры, отмечает сходство с другими образцами с памятника, что дали более молодые даты – IV–III тыс. до н. э. Удревнение дат, по его мнению, могло возникнуть в результате т. н. «резервуарного эффекта» или других причин, влияющие на качество датировок (Кривальцевич, 2016, с. 292). Стоит отметить, что ещё один из фрагментов с памятника укладывается в финальную фазу раннего этап ВПК – 4949 ± 162 BP, 4221–3368 cal BC, Le-8173 (Кривальцевич, 2016, с. 296, табл. 1) (табл. 1).

Таблица. 1. Радиоуглеродные датировки материаловспамятников раннего неолита с территории южной Беларуси и северной Украины. Для калибрации данных использовалась OxCalv 4.4.4 и атмосферная кривая IntCal20.
Table. 1. Radiocarbon dating of materials from Early Neolithic sites from the territory of Southern Belarus and Northern Ukraine. Radiocarbon determinations calibrated using OxCal. v4.4.4 and the IntCal20 atmospheric curve.

Памятник	**Лаб. №**	**BP**	**cal BC (95,4%)**	**Материал**	**К-ра**	**Литература**
БЕЛАРУСЬ						
Дубовый Лог-5 (*бел.* Дубовы Лог)*	SPb-2233	6677±80	5716-5480	нагар на керамике	тСГ	Ткачева, 2023, с. 218
Гронов 3 (*бел.* Гронаў 3)	SPb-1771	5886±120	5198-4457	нагар на керамике	ВДК	Ткачёва, Кулькова, 2016, с. 298, рис. 7
Гронов 3 (*бел.* Гронаў 3)	SPb-1772	5365±120	4446-3961	нагар на керамике	ВДК	Ткачёва, Кулькова, 2016, с. 298, рис. 5
Кузьмичи 1 (*бел.* Кузьмічы)	SPb-1187	6200±200	5554-4692	нагар на керамике	ВПК	Кривальцевич, 2016, с. 296, табл. 1
Кузьмичи 1 (*бел.* Кузьмічы)	Le-8176	6113±226	5482-4503	нагар на керамике	ВПК	Кривальцевич, 2016, с. 296, табл. 1
Кузьмичи 1 (*бел.* Кузьмічы)	Le-8173	4949±162	4221-3368	нагар на керамике	ВПК	Кривальцевич, 2016, с. 296, табл. 1
Старые Войковичи 1 (*бел.* Старыя Войкавічы)	Ki-9286	5820±210	5284-4258	нагар на керамике	ПНК	Jóźwiak, 2003, s. 58
Остров 3 (*бел.* Востраў)*	SPb-3036	6764±110	5885-5480	орган. примесь в керамике	ПНК	публикуется впервые
Камень 6 (*бел.* Камень)*	SPb-3037	6088±110	5302-4727	орган. примесь в керамике	ПНК	публикуется впервые
УКРАИНА						
Нобель 1 (*укр.* Нобель)	Ki-9843	6230±150	5478-4803	керамика	ПНК	Манько, 2006, с. 17, табл. 1
Лядина Мыс (*укр.* Лядина Мис)	Ki-10887	6150±150	5468-4723	керамика	ПНК	Манько, 2006, с. 17, табл. 1
Лядина Мыс (укр. Лядина Мис)	Ki-10888	6290±150	5533-4849	керамика	ПНК	Манько, 2006, с. 17, табл. 1
Лядина 14 (*укр.* Лядина)	Ki-10889	5960±170	5299-4457	керамика	ПНК	Манько, 2006, с. 17, табл. 1
Сеньчицы (*укр.* Сенчиці)*	SPb-3038	6164±100	5323-4841	орган. примесь в керамике	ПНК	публикуется впервые
Сеньчицы (*укр.* Сенчиці)*	SPb-3039	5920±120	5206-4496	орган. примесь в керамике	ПНК	публикуется впервые

Примечание: *Даты получены методом радиоуглеродного датирования в лаборатории Российского государственного педагогическогоуниверситета им. А.И.Герцена (г.Санкт-Петербург). Авторы выражают благодарность А.А. Выборнову и М.А. Кульковой за помощь в получении дат.

Поздняя керамика ВПК сохраняет традиций раннего этапа в большей степени, чем это прослеживается в ПНК. Формовочное тесто продолжает содержать в составе органическую примесь вместе с минеральными добавками. На внутренней поверхности время от времени встречаются следы от расчёсов (Ісаенка, 1997, с. 143).

Верхнеднепровская культура. В.П. Третьяков к раннему этапу верхнеднепровской культуры (ВДК) на территории Беларуси отнес керамику с примесью песка, травы и дресвы в тесте, орнаментированную оттисками гребня, которые образуют несколько вариантов узоров (зигзагообразные, волнистые и др.) (Третьяков, 1990, с. 18).

По Е.Г. Калечиц, ранний этап ВДК характеризуется сосудами яйцевидной формы с прямыми венчиками и коническим дном. В тесте присутствует обильная растительная примесь. Внутренняя поверхность проглажена вручную либо пучком травы. Основным элементом орнамента являются ямчатые вдавления овальной или круглой формы и грубый широкозубый гребень. Элементы объединялись в горизонтальные ряды. На некоторых фрагментах встречаются точечные наколы и сетка из прочерченных линий. Орнамент располагался зонально. В основном украшалась верхняя часть горшка. Донца и придонные части украшались реже (Калечыц, 1997, с. 171–174).

Хронология раннего этапа ВДК не выходит за рамки сер. V – перв. пол. IV тыс. до н. э. (Калечыц, 1997, с. 171). Появление керамики в регионе исследователи связывают с импульсом, который шел с востока на запад по Десне.

Материалы типа Струмель – Гастятин. На раннем этапе ВДК на юге граничила с поселениями, для которых характерна керамика типа Струмель – Гастятин (тСГ) (Третьяков, 1990, с. 25, 180). Повторный анализ коллекций с юго-запада Беларуси позволил выявить керамику тСГ на территории Беларуского Посожья (Езепенко, Ткачева, 2016; Ткачева, 2023). Кроме того, керамика тСГ присутствует и на ряде памятников Верхнего Поднепровья (Лучин 1, Толстыки 1) и Нижней Припяти (Юровичи 4) (Исаенко, 1976, с. 90, 97, рис. 36, 39; Езепенко, 2010, с. 161−169; Збор крыніц…, 2013, рис. 64).

Сосуды тСГ имеют сведенные внутрь венчики и конические донца. Изготовлены из илистого глиноподобного сырья. Примеси в тесте отсутствуют. Изредка отмечается присутствие органики и/или кровавика (красного железняка). На внутренней и внешней поверхностях прослеживаются глубокие следы расчёсов гребнем. Основными элементами орнамента выступает гребень и в некоторых случаях глубокие ямки, которые оставляли негативы на внутренней поверхности. Функцию орнамента выполняли и расчёсы гребнем – многорядный орнамент. Орнамент покрывал всю поверхность либо располагался зонально, концентрируясь в верхней и нижней частях сосуда. Неотъемлемой частью любой композиции являлись зоны многорядного орнамента. В некоторых случаях поверх его наносились горизонтальные ряды, выполненные другими элементами.

На основании материалов днепро-деснинской группы памятников Е.В. Ногин разработал хронологию памятников тСГ, которая определяется им в рамках втор. пол. VI – нач. V тыс. до н. э. (Ногін, 2016, с. 443−444). Хронологически тСГ предшествует раннему этапу ВДК. Подтверждением этому служит дата, полученная по керамике с памятника Дубовый Лог 5 – 6677 ± 80 BP, 5716–5480 cal BC, SPb-2233 (табл. 1), которая на данный момент является самой ранней для неолита юго-востока Беларуси.

Выводы

Долгое время основным признаком для выделения ранней керамики на территории южной Беларуси являлась органическая примесь в тесте, о которой упоминают практически все исследователи (В.Ф. Исаенко, Е.Г. Калечиц, М.М. Чернявский и др.). Об архаичности свидетельствовали интуитивно «грубый» характер керамики, предполагающий массивность и толстостенность (толщина стенки более 1 см) сосудов; «плохая» сохранность фрагментов, то есть их слоистость и ломкость; совместное залегание с кремневыми артефактами с яркими мезолитическими чертами.

Имеющиеся на сегодняшний день даты позволяют говорить о том, что появление первой керамики на территории юга Беларуси приходится на сер. VI тыс. до н. э.

Внешний облик и технология изготовления сосудов тСГ указывают на связь с самчинской фазой БДК. И хотя среди исследователей нет единого мнения по поводу происхождения памятников тСГ, все же следует согласиться с Д.Я. Телегиным, который рассматривает их как самостоятельное явление, возникшее в среде позднемезолитических племен днепро-двинского междуречья под влиянием БДК (Телегин, Титова, 1998, с. 9).

Путем проникновения традиции изготовления керамики в регион выступал Днепр. Косвенным свидетельством этого является большое количество фрагментов с самчинскими чертами на поселениях Киево-Житомирского Полесья (Ходосовка-Пойма, Романков 1, Устье Гнилопяти) (Ногин, 2014, с. 18−19; Ногін, 2016, с. 441; Переверзєв, Сорокун, 2010, с. 255; Неприна, 1969, с. 135). Наличие подобной керамики на поселениях может

свидетельствовать о проникновении керамических традиций с юга на север по Днепру, из «южного» гончарного центра, сложившегося в юго-западном районе Восточной Европы − в ареале БДК. «Восточный путь» (с востока на запад по Десне) видится менее возможным. Данные радиоуглеродного датирования подтверждают наиболее ранний период существования керамики тСГ как на территории севера Украины, так и юго-востока Беларуси.

Влияние «восточного» гончарного центра на территории юго-востока Беларуси прослеживается в позднейшее время – ВДК возникает под влиянием культур лесной полосы, в первую очередь культуры ямочно-гребенчатой керамики волго-окского региона (Тюрина, 1967, с. 13; Калечиц, 1997, с. 175). Е.Г. Калечиц не прослеживает сходство между керамикой ВДК с днепро-донецкой и деснинской на их ранних этапах, считая, что население Посожья в этот период существует автономно, в том числе и от населения Западного Полесья (Калечиц, 1994, с. 134).

Сформировавшаяся на территории Волыни и Западного Полесья под влиянием БДК дубичайская традиция под наплывом носителей нотной фазы КЛЛК распространяется на восток – на север Киевщины и Житомирщины. Д.Л. Гаскевич и Л.Л. Зализняк юго-восточной границей распространения ПНК рассматривают р. Тетерев (Гаскевич, 2001, с. 47; Залізняк, 2009, с. 186, 187). Параллельно шло распространение новаций на север в бассейн Нёмана, где, как и в бассейне Припяти, носители янисловицких традиций кремнеобработки осваивают навыки изготовления керамики (Гаскевич, 2001, с. 47, 48). Проникновение навыков изготовления керамики на Восточное Полесье происходило одновременно двумя путями: с запада – вместе с носителями ПНК Волыни и Западного Полесья, и с юга – с населением лесостепного Поднепровья.

Более детально проследить процесс неолитизации на территории Южной Беларуси на данный момент не представляется возможным. Необходимо проведение исследований в среднем течении Припяти как наименее изученном регионе, поиск и исследование новых хорошо стратифицированных памятников, пересмотр старых археологических коллекций, получение новых дат. Абсолютные даты, приведенные в статье, позволили лишь наметить общую картину, которая развивалась на юге Беларуси в VI – нач. V тыс. до н. э.

Примечание:

[1] Авторы рассматривают территорию севера Волыни как южную часть ареала ПНК, а волынскую культуру (ВК) в качестве западнополесского варианта ПНК (подробнее см. Ткачоў, 2019, с. 148-150, мал. 9).

ЛИТЕРАТУРА

Андреев К.М., Выборнов А.А. Керамика раннего неолита от Средней Азии до Дании // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 91–100.

Гаскевич Д. Регіональні особливосці у неолітизації Прип'ятського Полісся // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 16 / Навук. рэд. А. Калечыц. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2001. С. 36–49.

Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев: Наукова Думка, 1969. 257 с.

Езепенко И.Н. Новые результаты исследований днепро-донецкой культуры в междуречье Березины и Днепра // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 18. Даследаванні каменнага і бронзавага вякоў (да юбілеяў У. Ф. Ісаенкі і М. М. Чарняўскага) / Навук. рэд. В.Л. Лакіза, М.М. Крывальцэвіч. Мінск: Беларуская навука, 2010. С. 161−169.

Езепенко И.Н., Ткачева М.И. Морфологические черты и технологические особенности керамики ранних этапов неолитической эпохи в Верхнем Поднепровье (тип Струмель-Гастятин) // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Отв. ред. О.В. Лозовская, А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 170−173.

Залізняк Л.Л. Мезоліт Заходу Східної Європи / Кам'яна доба України. Вип. 12. Кіїв: Шлях, 2009. 278 с.

Збор крыніц навуковых археалагічных фондаў. Вып. 1. Археалагічныя калекцыі І. І. Арцеменкі (1956–1981 гг.) / склад.: А.А. Разлуцкая [и др.]. Мінск: Беларус. навука, 2013. 223 с.

Исаенко В.Ф. Мезолит и неолит Припятского Полесья // Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий / Под. ред. В.Ф. Исаенко, А.Г. Митрофанова, Г.В. Штыхова. Минск: Наука и техника, 1966. С. 22–53.

Исаенко В.Ф. Неолит Припятского Полесья. Минск: Наука и техника, 1976. 126 с.

Исаенко В.Ф. Первобытные культуры Полесья // Исаенко В.Ф., Калечиц Е.Г., Чернявский М.М. Белорусская археология: Достижения археологов за годы советской власти. Минск: Наука и техника, 1987. С. 15–26.

Ісаенка У.Ф. Днепра-данецкая культура // Каменны і бронзавы вякі / Археалогія Беларусі. Т. 1. / Пад рэд. М.М. Чарняўскага, А.Г. Калечыц. Мн.: Бел. навука, 1997. С. 127–145.

Калечиц Е.Г. Керамика верхнеднепровской культуру // Gyvenviečių ir keramikos raida baltų žemėse / Red. A. Girininkas. Vilnius: Savastis, 1994. С. 133–147.

Калечыц А.Г. Верхнедняпроўская культура // Каменны і бронзавы вякі / Археалогія Беларусі. Т. 1. / Пад рэд. М.М. Чарняўскага, А.Г. Калечыц. Мн.: Бел. навука, 1997. С. 170–190.

Калечыц А.Г., Коласаў А.У. Мезалітычныя помнікі Беларусі. Мінск: Беларуская навука, 2021. 369 с.

Кривальцевич Н.Н. Радиоуглеродное датирование материалов поселения Кузьмичи 1 (бассейн Припяти) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 290–296.

Крывальцэвіч М.М. Беларускае Палессе ў перыяд пераходу ад неаліту да эпохі бронзы: праблемы і перспектывы археалагічнага вывучэння // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski / Red. A. Kośko, A. Калечыц. Warszawa: Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego. Przedsiębiorstwo Poligraficzne „DEKA” sp. z o.o., 2004. S. 137–162.

Манько В.О. Неоліт Південно-Східної України/ Кам’яна доба України. Вип. 9. Кіїв: Шлях, 2006. 280 с.

Манько В.О. Неоліт Південно-Східної України // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII-III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 261–279.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Яндашевская стоянка // СА. 1968. № 2. С. 126–134.

Неприна В.И. Тетеревское поселение днепро-донецкой культуры // СА. 1969. № 2. С. 134–139.

Ногин Е.В. Проблемы неолитизации междуречья Днепра и Десны // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 15−20.

Ногін Є.В. Неоліт Північно-Східної України. Київ: Видавець Олег Філюк, 2016. 580 с.

Охріменко Г. Волинська неолітична культура. Луцьк: Волин. обл. друк., 2001. 154 с.

Ошибкина С.В. К вопросу о раннем неолите на севере Восточной Европы // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов) / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.В. Синицина. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 241–254.

Переверзєв С.В., Сорокун А.А. Дослідження неолітичної стоянки Романків 1 на Київщині // Кам’яна доба України. Вип. 13. Кіїв: Шлях, 2010. С. 254–269.

Римантене Р.К. Стоянки раннего неолита в Юго-Восточной Литве // Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий / Под. ред. В.Ф. Исаенко, А.Г. Митрофанова, Г.В. Штыхова. Минск: Наука и техника, 1966. С. 54–62.

Телегин Д.Я., Титова Е.Н. Поселения днепро-донецкой этнокультурной общности эпохи неолита / Свод археологических источников. Киев: Наукова думка, 1998. 142 с.

Тимофеев В.И. Проблемы генезиса ранненеолитических культур в Балтийском регионе // Петербургский археологический вестник. № 9 / Под общ. ред. Г.В. Вилинбахова, М.Б. Щукина. СПб.: Фарн, 1994. С. 71–76.

Тимофеев В.И. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. Ред И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2002. С. 209–213.

Ткачоў А.Ю. Ранненеалітычная кераміка на тэрыторыі Заходняй Беларусі: сучасны стан даследавання // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 30 / Нав. рэд.: В.М. Ляўко. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2019. С. 137–160.

Ткачева М.И. Первая керамика на территории Белорусского Посожья в свете новых данных // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 37 / Гал. рэд. А.А. Каваленя. Мінск: Беларус. навука, 2023. С. 210−221.

Ткачёва М.И., Кулькова М.А. Радиоуглеродные датировки п. Гронов 3 (бассейн р. Сож) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII-III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 297–306.

Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.: Наука, 1990. 190 с.

Тюрина И.М. Верхнее Поднепровье в эпоху неолита. Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 1967. 14 с.

Чарняўскі М.М. Неаліт Беларускага Панямоння. Мн.: Навука і тэхніка, 1979. 144 с.

Чарняўскі М.М. Неаліт з грабеньчата-накольчатай і накольчатай керамікай Заходняй Беларусі. Асаблівасці эвалюцыі // Od neolityzacji do początkyw epoki brązu. Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. Przed Chr. / Pod. red. J. Czebreszuka, M. Kryvalcevića, P. Makarowicza. Poznań: Wyd. Poznańskie, 2001. S. 231–240.

Чарняўскі М.М. Да пытання вылучэння прыпяцка-нёманскай культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 18 / Навук. рэд. А.Г. Калечыц. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2003С. 25–33.

Чернявский М.М. К проблеме хронологии неолита Беларуси // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб: ИИМК РАН, 2004. С. 49–54.

Чернявский М.М. Ранненеолитическая культура Восточного Понеманья // Человек, адаптация, культура. К 75-летию С.В. Ошибкиной / Отв. ред. А.Н. Сорокин. М.; Тула: «Гриф и К», 2008. С. 297–306.

Чарняўскі М.М. Неаліт Беларусі: праблемы перыядызацыі і храналогіі // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski / Red. A. Kośko, А. Калечыц. Warszawa: Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego. Przedsiębiorstwo Poligraficzne „DEKA" sp. z o.o., 2004. S. 99–118.

Чарняўскі М.М. Нёманская неалітычная культура ў Беларусі: генезіс і эвалюцыя // Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu / Pod red. U. Stankiewicz i A. Wawrusiewicza Białystok: Muzeum Podlaskie w Białymstoku, 2011. S. 77–86.

Чарняўскі М.М., Ісаенка У.Ф. Нёманская культура // Каменны і бронзавы вякі / Археалогія Беларусі. Т. 1. / Пад рэд. М.М. Чарняўскага, А.Г. Калечыц. Мн.: Бел. навука, 1997. С. 145–170.

Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A. Periodization and Chronology of the Neolithic in Lithuania // Archaeologia Baltica. Vol. 5. Vilnius, 2002. P. 9–39.

Józwiak B. Społeczności subneolitu wschodnioeuropejskiego na Niżu Polskim w międzyrzeczu Odry i Wisły. Poznań: Instytut Prahistorii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2003. 438 s.

Jaziepienko I., Jóźwiak B. Chronologia późnych faz kultury dniepro-donieckiej na Białorusi w świetle najnowszych oznaczeń radiowęglowych ze stanowiska Prorva 2, rejon Rogaczowski // Folia Praehistorica Posnaniensia. 2004. T. XII. S. 47–64.

Piličiauskas G. Dubičiu tipo gyvenvietės ir neolitinė Nemuno kultūra Pietų Lietuvoje // Lietuvos archeologija. T. 23. Vilnius, 2002. P. 107–136.

Информация об авторах:

Ткачёв Олег Юрьевич, научный сотрудник, Институт истории НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь); aleh.tkachou@gmail.com

Ткачёва Мария Ивановна, научный сотрудник, Институт истории НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь); tkachova.maryia@gmail.com

REFERENCES

Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2017. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 20 (3), 91–100 (in Russian).

Gaskevych, D. 2001. In Kalechyts, A. (ed.). *Gistorichna-arkheologichy zbornik (Historical and Archaeological Collection)* 16. Minsk: Institute of History of National Academy of Sciences, 36–49 (in Ukrainian).

Danilenko, V. N. 1969. *Neolit Ukrainy (Neolithic of Ukraine).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Ezepenko, I. N. 2010. In Lakiza, V. L., Kryvaltsevich, M. M. (eds.). *Materialy pa arkheologii Belarusi (Material on the Archaeology of Belarus)* 18. Minsk: "Belaruskaya navuka", 161−169. (in Russian).

Ezepenko, I. N., Tkacheva, M. I. 2016. In Lozovskaia, O. V. (ed.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 170−173 (in Russian).

Zalizniak, L. L. 2009. *Mezolit Zakhodu Skhidnoï Єvropi (Mesolithic Of Western Eastern Europe).* Series: Kamiana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine) 12. Kiev: "Shliakh" Publ. (in Ukrainian).

Razlutskaya, A. A. (et.al.) (comp). 2013. *Zbor krynic navukovych archiealahičnych fondaŭ. Vyp. 1. Archiealahičnyja kalekcyi I. I. Arciemienki (1956–1981 hh.) (Collection of sources of scientific archaeological funds. Issue 1. Archaeological collections of I. I. Artemenko (1956–1981)).* Minsk: "Belarus. navuka " Publ. (in Belarusian).

Isaenko, V. F. 1966. In Isaenko, V. F., Mitrofanov, A. G., Shtykhov, G. V. (eds.). *Drevnosti Belorussii. Materialy konferentsii po arkheologii Belorussii i smezhnykh territoriy (Antiquities of Belarus. Proceedings of the conference on the archaeology of Belarus and adjacent territories)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ., 22–53 (in Russian).

Isaenko, V. F. 1976. *Neolit Pripyatskogo Poles'ya (Neolithic of Pripyat Polesie)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).

Isaenko, V. F. 1987. In Isaenko, V. F., Kalechich, E. G., Chernyavsky, M.M. *Belorusskaya arkheologiya: Dostizheniya arkheologov za gody sovetskoy vlasti (Belarusian archaeology. Achievements of archaeologists during the Soviet period)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ., 15–26 (in Russian).

Isaenko, V. F. 1997. In Chernyavsky, M. M., Kalechich, E. G. (eds.). *Kamienny i bronzavy viaki (Stone and Bronze Ages)*. Series: Arkhealogiya Belarusi (*Archaeology of Belarus*) Vol. 1. Minsk: "Bel. Navuka" Publ., 127–145 (in Belarusian).

Kalechich, E. G. 1994. In Girininkas, A. (ed.). *Gyvenviečių ir keramikos raida baltų žemėse (The development of settlements and ceramics in the Baltic lands)*. Vilnius: "Savastis" Publ., 133–147 (in Russian).

Kalechich, E. G. 1997. In Chernyavsky, M. M., Kalechich, E. G. (eds.). *Kamienny i bronzavy viaki (Stone and Bronze Ages)*. Series: Arkhealogiya Belarusi (*Archaeology of Belarus*) Vol. 1. Minsk: "Bel. Navuka" Publ., 170–190 (in Belarusian).

Kalechich, E. G., Kolosov, A. V. 2021. *Mezalitychnyya pomniki Belarusi (Mesolithic sites of Belarus).* Minsk: "Belaruskaya navuka" Publ. (in Belarusian).

Krivaltsevich, N. N. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 290–296 (in Russian).

Krivaltsevich, N. N. 2004. In Kośko, A., Kaletsych, A. (eds.). *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski (Community of cultural heritage of the lands of Belarus and Poland).* Warsawa: "DEKA" Publ., 137–162 (in Belarusian).

Manko, V. O. 2006. *Neolit Pivdenno-Skhidnoï Ukraïni (Neolithic Of South-Eastern Ukraine)*. Series: Kamiana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine) 9. Kiev: "Shliakh" Publ. (in Ukrainian).

Manko, V. O. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 261–279 (in Russian).

Efimenko, P. P., Tret'yakov, P. N. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 126–134 (in Russian).

Neprina, V. I. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 134–139 (in Russian).

Nogin, E. V. 2014. In Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki *(Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities)* (1), 15−20 (in Russian).

Nogin, E. V. 2016. *Neolit Pivnichno-Skhidnoï Ukraïni (Neolithic of Northeastern Ukraine)*. Kiev: "Oleg Filyuk" Publ. (in Ukrainian).

Okhrimenko, G. 2001. *Volins'ka neolitichna kul'tura (Volyn Neolithic culture)*. Lutsk: Volyn. region printing (in Ukrainian).

Oshibkina, S. V. 2003. In Timofeev, V. I. (ed.). *Neolit – eneolit yuga i neolit severe Vostochnoy Evropy (Neolithic – Eneolithic of the south and Neolithic of the north of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 241–254 (in Russian).

Pereverziev, S. V., Sorokun, A. A. 2010. In *Kamiana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine)*. 13. Kiev: "Shliakh" Publ., 254–269 (in Ukrainian).

Rimantene, R. K. 1966. In Isaenko, V. F., Mitrofanov, A. G., Shtykhov, G. V. (eds.). *Drevnosti Belorussii. Materialy konferentsii po arkheologii Belorussii i smezhnykh territoriy (Antiquities of Belarus. Proceedings of the conference on the archaeology of Belarus and adjacent territories)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ., 54–62 (in Russian).

Telegin, D. Ya., Titova, E. N. 1998 Poseleniya dnepro-donetskoy etnokul'turnoy obshchnosti epokhi neolita *(Settlements of the Dnieper-Donetsk ethnic-cultural community of the Neolithic era)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Timofeev, V. I. 1994. In Vilinbahov, G. V., Shchukin, M. B. (eds.). *Peterburgskii Arkheologicheskii Vestnik (Peterburg Archaeological Bulletin)* 9. Saint Petersburg: "Farn" Publ., 71–76 (in Russian).

Timofeev, V. I. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: "Triada" Publ., 209–213 (in Russian).

Tkachev, O. Yu. 2019. In Laŭko, V. M. (ed.). *Materialy pa arkheologii Belorusi (Materials on the Archaeology of Belarus)* 30. Minsk: Institute of History of National Academy of Sciences, 137–160 (in Belarusian).

Tkacheva, M. I. 2023. In Kavalenya, A. A. (ed.). *Gistorichna-arkheologichy zbornik (Historical and Archaeological Collection)* 37. Minsk: "Belarus. Navuka" Publ., 210−221 (in Ukrainian).

Tkacheva, M. I., Kulkova, M. A. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 297–306 (in Russian).

Tret'yakov, V. P. 1990. *Neoliticheskie plemena lesnoi zony Vostochnoi Evropy (Neolithic Tribes in the Forest Zone of Eastern Europe)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tyurina, I. M. 1967. *Verkhnee Podneprov'e v epokhu neolita (Upper Dnieper region in the Neolithic)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Chernyavsky, M. M. 1979. *Nealit Belaruskaga Panyamonnya (The Neolithic of the Belarusian Neman region)*. Minsk: "Navuka i tekhnika" Publ. (in Belarusian).

Chernyavsky, M. M. 2001. In Czebreszuk, J., Kryvalcevič, M., Makarowicz, P. (eds.). *Od neolityzacji do początkyw epoki brązu. Przemiany kulturowe w międzyreczu Odry i Dniepru między VI i II tys. Przed Chr. (From Neolithization to the beginning of the Bronze Age. Cultural changes in the Oder-Dnieper area between the 6th and 2nd millennia BC)*. Poznań: Poznańskie Publ., 231–240 (in Belarusian).

Chernyavsky, M. M. 2003. In Kalechyts, A. G. (ed.). *Gistorichna-arkheologichy zbornik (Historical and Archaeological Collection)* 18. Minsk: Institute of History of National Academy of Sciences, 25–33 (in Belarusian).

Chernyavsky, M. M. 2004. In Timofeev, V. I., Zaitseva, G. I. (eds.). *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii (Issues of Chronology and Ethnic-cultural Interactions during the Neolithic of Eurasia)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences Publ., 49–54 (in Russian).

Chernyavsky, M. M. 2008. In Sorokin, A. N. (ed.). *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura (Man, Adaptation and Culture).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 297–306 (in Russian).

Chernyavsky, M. M. 2004. In Kośko, A., Kalechyts, A. (eds.). *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski (Community of cultural heritage of the lands of Belarus and Poland).* Warsawa: "DEKA" Publ., 99–118 (in Belarusian).

Chernyavsky, M. M. 2011. In Stankiewicz, U., Wawrusiewicz, A. (eds.). *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu (On the border of cultures. Research on the Neolithic period and the Early Bronze Age)*. Białystok: Podlasie Museum in Białystok, 77–86 (in Belarusian).

Chernyavsky, M. M.., Isaenko, V. F. 1997. In Chernyavsky, M. M., Kalechich, E. G. (eds.). *Kamienny i bronzavy viaki (Stone and Bronze Ages)*. Series: Arkhealogiya Belarusi (*Archaeology of Belarus*) Vol. 1. Minsk: "Bel. Navuka" Publ., 145–170 (in Belarusian).

Antanaitis-Jacobs, I., Girininkas, A. 2002. In *Archaeologia Baltica* (5), 9–39.

Józwiak, B. 2003. *Społeczności subneolitu wschodnioeuropejskiego na Niżu Polskim w międzyrzeczu Odry i Wisły*. Poznań: Institute of Prehistory of the University of Adam Mickiewicz (in Polish).

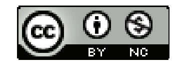
Jaziepienko, I., Jóźwiak, B. 2004. *Folia Praehistorica Posnaniensia* (XII), 47–64 (in Polish).

Piličiauskas, G. 2002. In *Lietuvos archeologija (Archeology of Lithuania)* (23), 107–136 (in Lithuanian).

About the Authors:

Tkachou Oleg Yu., Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Academic str., 1, Minsk, 220072, Republic of Belarus; aleh.tkachou@gmail.com

Tkachova Maryia I., Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Academic str., 1, Minsk, 220072, Republic of Belarus; tkachova.maryia@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.92.101

ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАУРАЛЬЯ

© 2024 г. В.С. Мосин

Понятие социокультурное пространство неолита Зауралья описывает собой историческое пространство, рассматриваемое с точки зрения существовавших культурных традиций определенных социумов в пространственно-временных рамках VII–V тыс. до н.э. (cal BC). Для Зауралья проанализировано 142 радиоуглеродных даты с 23 памятников. Целью настоящей работы было изучение хронологических позиций конкретных памятников в неолитическое время. В процессе работы было выделено три хронологических среза для памятников раннего неолита, с кошкинской и козловской культурными традициями, возрастом от 6572–6137 cal BC, т.е. середина – последняя четверть VII тыс. до н.э. до 5080–4786 cal BC, т.е. конец VI – начало V тыс. до н.э. Даты памятников позднего неолита, представленных полуденской и боборыкинской традициями, находятся в диапазоне конец VI – середина V тыс. до н.э. Территория Тоболо-Ишимья, в раннем неолите характеризуемая «ранней» боборыкинской традицией конца VIII – второй четверти VII тыс. до н. э., вероятно, входила в социокультурное пространство неолита Зауралья, как своеобразный регион, хронология и структура культурных традиций которого еще нуждается в дальнейшем изучении.

Ключевые слова: археология, Зауралье, неолит, радиоуглеродная хронология, социокультурное пространство, культурные традиции.

CHRONOLOGY OF NEOLITHIC SITES IN THE SOCIAL AND CULTURAL SPACE OF THE TRANS-URALS

V.S. Mosin

The concept of social and cultural space of the Neolithic Trans-Urals describes a historical space, considered in terms of the existing cultural traditions of certain societies in the spatial -temporal framework of the VII–V millennia BC (cal BC). For the Trans-Ural region, 142 radiocarbon dates from 23 sites were analyzed. The purpose of this work was to study the chronological positions of specific sites in the Neolithic. In the process of work, three chronological sections were identified for the sites of the Early Neolithic, with the Koshkino and Kozlovo cultural traditions, age from 6572–6137 cal BC, i.e. middle – last quarter of the VII millennium BC up to 5080–4786 cal BC, i.e. end of the VI – beginning of the V millennium BC. The dates of the Late Neolithic sites represented by the Poludenka and Boborykino traditions are in the range of the end of the VI – middle of the V millennium BC. The Tobol-Ishim interfluve in the Early Neolithic, characterized by the “early” Boborykino tradition of the late VIII – second quarter of the VII millennium BC, was probably included in the social and cultural space of the Neolithic Trans-Urals, as a unique region, the chronology and structure of cultural traditions of which still needs further study.

Keywords: archaeology, Trans-Urals, Neolithic, radiocarbon chronology, social and cultural space, cultural traditions.

Введение

Под Зауральем понимается территория, непосредственно прилегающая к восточному склону Урала в бассейне реки Тобол. На западе ограничена основными хребтами Урала, на востоке – Тоболо-Ишимским междуречьем, на севере – Кондинской низменностью, на юге – широтным течением реки Урал. Располагается на территориях Курганской, Тюменской, Челябинской и Свердловской областей России.

С этой территорией мы соотносим понятие социокультурное пространство неолита Зауралья (Мосин, 2016, с. 19–27). Оно описывает собой историческое пространство, рассматриваемое с точки зрения существовавших культурных традиций определенных социумов в пространственно-временных рамках VII–V тыс. до н. э. (cal BC). Социокультурное пространство неолита Зауралья включает в себя осуществлявшие жизнедеятельность на данной территории и связанные между

собой социумы, основой существования которых в раннем неолите были кошкинская и козловская, а в позднем неолите – полуденская и боборыкинская культурные традиции (с возможными вариантами). Обозначенное социокультурное пространство практически совпадает с географической территорией Зауралья.

Для Зауралья проанализировано около 142 радиоуглеродных дат с 23 памятников. Даты, использованные в настоящей работе, были опубликованы ранее (Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014, с. 33–48; Чаиркина, Кузьмин, 2018, с. 124–134; Шорин, Шорина, 2020, с. 31–55; Жилин и др., 2020, с. 27–60; Мосин, 2023, с. 38–45), однако для решения поставленной задачи необходима их новая и соотношения во времени. Целью настоящей работы является изучение хронологических позиций конкретных памятников в социокультурном пространстве Зауралья в неолитическое время. Для раннего неолита можно выделить три хронологических среза, которые не являются показателями этапов раннего неолита (типа неолит 1, неолит 2, неолит 3), а лишь отражают последовательность появления во времени датированных на настоящее время памятников Зауралья.

Результаты

Первый хронологический срез (табл. 1) включает в себя самые ранние даты и определяет начало неолита в Зауралье. Даты получены с четырех памятников: Береговая XII (Филин остров), Кокшаровский холм (объект

Таблица 1. Радиоуглеродная хронология неолитических памятников Зауралья. Первый хронологический срез

Table 1. Radiocarbon chronology of Neolithic sites in the Trans-Urals. The first chronological section

№	Памятник	Шифр	^{14}C, л.н.	Дата cal BC 68.2%	Культурная традиция	Материал
1	Береговая II, торфяниковая	AAR-14548	7278±34	6211–6137	кошкинская	клевец из рога лося
2	Береговая II, торфяниковая	AAR-14833	7320±38	6146–6102	кошкинская	Нагар
3	Береговая II, торфяниковая	KIA-42074	7325±40	6146–6102	кошкинская	Нагар
4	Кокшаровский холм, центральная площадка рядом с объектом 3	SPb-2056	7423±80	6390–6230	кошкинская козловская	Уголь
5	Кокшаровский холм, центральная площадка рядом с объектом 1	SPb-2055	7428±70	6380–6236	кошкинская козловская	Уголь
6	Ташково I, ж. 4	Le_1534	7440±60	6377–6250	козловская	Уголь
7	Кокшаровский холм Объект 6а	SPb-2054	7474±80	6421–6332	кошкинская	Уголь
8	*То же. Объект 15*	Le-7882	7440±200	*6461–6086*	*кошкинская*	*Уголь*
9	*То же. Объект 15*	Le-7884	7450±450	*6826–5871*	*кошкинская*	*Уголь*
10	*То же. Объект 15*	Le-7880	7560±200	*6638–6222*	*кошкинская*	*Уголь*
11	*То же. Объект 6*	Ki-1638 проба А	7610±80	*6529–6400*	*кошкинская*	*Керамика*
12	Береговая XIII Филин остров	Le-10441	7570±70	6496–6372	кошкинская козловская	Торф
13	Береговая XIII Филин остров	Le-10442	7600±100	6572–6385	кошкинская козловская	Торф

Курсивом выделены даты, вызывающие сомнения

компоновка. Стоит заметить, что в проводимых ранее исследованиях радиоуглеродных дат основной упор делался на хронологию культурных традиций, процесс их появления 6, 6а, 15, центральная площадка), Ташково I, Береговая II торфяниковая, всего 13 дат.

Наиболее древними являются определения для Береговой XIII (Чаиркина, Кузьмин,

2018, с. 124–134) – 6572–6372 cal BC (7600 ± 100 – 7570 ± 70 BP) (табл. 1: 12–13). Близкие даты получены и на Кокшаровском холме (объект 15), однако они имеют очень большой доверительный интервал – от 7560 ± 450 до 7440 ± 200 (табл. 1: 8–10), что вызывает обоснованные сомнения в возможности их учета. Ранняя дата получена с объекта 6, где по одному образцу керамики получены две даты: проба А – 7610 ± 80 (табл. 1: 11) и проба Б – 6830 ± 90 (табл. 2: 15), сомнения в этой дате были отмечены авторами исследований Кокшаровского холма (Шорин, Шорина, 2020, с. 31–55). Таким образом, более приемлемые ранние даты Кокшаровского холма укладываются в диапазон 7474 ± 80 – 7423 ± 80 BP или 6421–6230 cal BC. Одна дата получена из жилища 4 поселения Ташково I – 7440 ± 60 или 6377–6250 cal BC (Тимофеев, Зайцева, 1996, с. 343).

Далее следует Береговая II торфяниковая, где по артефактам из ранненеолитического слоя получено три даты в диапазоне 7325 ± 40 – 7278 ± 34 BP, или 6146–6136 cal BC. Кроме того, из слоя по костям лося получены даты 7372 ± 31, или 6002–5876 cal BC, 7141 ± 35, или 6070–5980 cal BC, 7045 ± 32, или 6002–5876 cal BC. А по костям северного оленя: 7265 ± 34, или 6218–6061 cal BC, и 7099 ± 32, или 6034–5965 cal BC (Жилин и др., 2020, с. 37). Калиброванные даты по этим образцам оказались почти на 150 лет моложе дат по артефактам, что выглядит странно. Обобщенно первый хронологический срез укладывается в рамки 6572–6137 cal BC, т. е. середина – последняя четверть VII тыс. до н. э. Длительность хронологического среза около 400 лет.

Второй хронологический срез (табл. 2) представлен 28 датами с пяти памятни-

Таблица 2. Радиоуглеродная хронология неолитических памятников Зауралья. Второй хронологический срез

Table 2. Radiocarbon chronology of Neolithic sites in the Trans-Urals. Second chronological section

№	Памятник	Шифр	^{14}C, л.н.	Дата cal BC 68.2%	Культурная традиция	Материал
1	Варга 2	ГИН-13853а	6490±90	*5530–5365*	кошкинская козловская	дерево
2	Варга 2	ГИН-12990	6850±60	5790–5666	кошкинская козловская	щепка
3	Варга 2	ГИН-13852	6970±40	5901–5788	кошкинская козловская	плашка обугленная
4	Варга 2	ГИН-13849	6970±70	5912–5772	кошкинская козловская	плашка обугленная
5	Варга 2	ГИН-13860	7010±50	5926–5843	кошкинская козловская	сапропель
6	Варга 2	ГИН-13855	7080±70	6022–5892	кошкинская козловская	плаха из костра
7	Варга 2	AAR-14837	7106±35	6020–5980	козловская	нагар
8	Кокшаровский холм, на площадке объекта 7	Ki-16037	6820±90	5791–5631	козловская	керамика
9	То же частокол	Le-9252	6900±20	5793–5736	кошкинская	уголь
10	То же Объект 12	Le-8904	6700±50	5663–5608	кошкинская	уголь
11	То же Объект 12	R Combine	6738±24	5663–5628	кошкинская	уголь
12	То же Объект 12	Le-8902	6900±45	5813–5731	кошкинская	уголь
13	Кокшаровский холм Объект 6	SPb-2060	6928±80	5890–5730	кошкинская	уголь
14	То же Объект 6	SPb-2058	7005±70	5984–5836	кошкинская	уголь

15	*То же* *Объект 6*	Ki-16424, проба Б	*6830±90*	*5801–5636*	*кошкинская*	*керамика*
16	Кокшаровский холм Объект 18	SPb-2057	6950±70	5895–5744	кошкинская	уголь
17	Юрьинское поселение, за рвом 2	Ki-15914	6950±80	5901–5740	козловская	керамика
18	Кокшаровский холм Объект 5б	SPb-2053	6959±70	5901–5750	кошкинская	уголь
19	Кокшаровский холм Объект 7а	SPb-2061	6954±100	5912–5740	кошкинская	уголь
20	То же Объект 15	Le-7879	6920±100	5904–5718	кошкинская	уголь
21	То же Объект 15	R Combine	7037±56	5990–5877	кошкинская	уголь
22	То же Объект 15	Ki-15915	7010±80	5986–5834	кошкинская	керамика
23	То же Объект 12	Le-8901	7150±100	6102–5964	кошкинская	уголь
24	Долговское 3	SPb_3299	6720±100	5723–5556	козловская	керамика
25	Долговское 3	SPb_3157	6900±100	5891–5711	козловская – кошкинская	керамика
26	Долговское 3	SPb_2153	6910±70	5850–5726	козловская	уголь
27	Ташково I, ж. 7	SPb_2438	6769±150	5809–5542	козловская – кошкинская	нагар
28	Ташково I, ж. 7	SPb_2573	6978±110	5925–5752	козловская – кошкинская	нагар

Курсивом выделены даты, вызывающие сомнения

ков (хотя Кокшаровский холм и Юрьинское поселение, на котором он сооружен, вероятно, можно считать одним археологическим комплексом).

Основной пакет датировок, на основании которых выделен этот хронологический срез, включает 23 даты в хронологическом диапазоне 7010 ± 50 BP (Варга 2) – 6700 ± 50 (Кокшаровский холм, объект 12), или 5926–5843 – 5663–5608 cal BC, т. е. начало – вторая четверть VI тыс. до н. э. В этом диапазоне сосуществуют все памятники, наиболее ранним представляется Варга 2 и объект 12 Кокшаровского холма, ранние даты которых близки первому хронологическому срезу (7106 ± 35 и 7080 ± 70, или 6022–5980 cal BC, – Варга 2 (табл. 2: 6–7) и 7150 ± 100, или 6102–5964 cal BC (табл. 2: 23), – Кокшаровский холм, объект 12), однако таких дат всего 3 из 28. Далее следуют Кокшаровский холм, Ташково I, ж. 7, Долговское 3. По основному пакету дат длительность второго хронологического среза чуть более 300 лет.

Третий хронологический срез включает 41 дату с 10 памятников (табл. 3). Опять же остается вопрос о статусе Кокшаровского холма и Юрьинского поселения. В этом хронологическом срезе выделяется два пакета дат. В пакете ранних дат 24 определения (табл. 3: 3–4, 8–16, 23–25, 27, 34–41): от 6640 ± 45 (Кокшаровский холм, объект 12) до 6180 ± 90 (Евстюниха I), или 5620–5540 – 5226–5004 cal BC, т. е. середина – вторая половина VI тыс. до н. э. Наиболее ранние даты получены с объекта 12 Кокшаровского холма, Боборыкино 2, Кочегарово I (две даты), Ташково I.

Более поздние даты этого хронологического среза (табл. 3: 1–2, 5–7, 17–19, 21–22, 26, 29–33) укладываются в диапазон от 6090 ± 90 (Чебаркуль I) до 5830 ± 80 (Шайдурихинское V), или 5080–4899 – 4786–4591 cal BC, т. е. конец VI – начало V тыс. до н. э. На таких памятниках, как Юрьинское поселение, Кокшаровский холм, Исетское Правобережное I и Кочегарово I, присутствуют как ранние, так и поздние даты. Только ранние – на Боборыкино 2, Ташково I, Ташково III, Кедровый мыс I, Евстюниха I, только поздние – на Шайдурихинском V и Чебаркуле I. Общая продолжительность этого среза в

Таблица 3. Радиоуглеродная хронология неолитических памятников Зауралья. Третий хронологический срез
Table 3. Radiocarbon chronology of Neolithic sites in the Trans-Urals. Third chronological section

№	Памятник	Шифр	^{14}C, л.н.	Дата cal BC 68.2%	Культурная традиция	Материал
1	Кокшаровский холм Объект 15	Le-7885	5920±60	4848–4718	кошкинская	уголь
2	Юрьинское поселение, за рвом 2	Ki-15537	6045±90	5057–4828	козловская	керамика
3	Юрьинское поселение, за рвом 2	Ki-15536	6225±90	5180–5062	козловская	керамика
4	Юрьинское поселение, за рвом 2	Ki-16385	6420±90	5474–5324	козловская	керамика
5	Кокшаровский холм рядом со рвом 1	Ki-16169	5840±90	4798–4581	кошкинская	керамика
6	То же ров 2, выше объекта 15	Ki-15535	5960±80	4942–4766	кошкинская	керамика
7	То же выше объекта 5	Ki-16389	6020±90	5026–4796	кошкинская	керамика
8	То же над рвом 1	Ki-16390	6290±80	5370–5206	кошкинская	керамика
9	То же	SPb-441	6450±70	5480–5360	кошкинская	уголь
10	Кокшаровский холм Объект 12	Le-8903	6450±65	5478–5368	кошкинская	уголь
11	То же Объект 12	Ki-16388	6570±90	5616–5474	кошкинская	керамика
12	То же Объект 12	Le-8900	6640±45	5620–5540	кошкинская	уголь
13	Кокшаровский холм, объект 3	Ki-16383	6480±80	5512–5366	козловская	керамика
14	Кокшаровский холм, на площадке объекта 7	Ki-16387	6260±90	5322–5202	козловская	керамика
15	Кокшаровский холм, объект 8	SPb-2052	6437±100	5484–5316	кошкинская козловская	уголь
16	Кокшаровский холм, яма рядом с объектом 6	SPb-2059	6565±70	5564–5476	кошкинская козловская	уголь
17	Шайдурихинское V	Ki-15642	5910±90	4910–4688	кошкинская	керамика
18	Шайдурихинское V	Ki-15590	5830±80	4786–4591	козловская	керамика
19	Шайдурихинское V	LE-7089	6050±100	5067–4826	козловская	уголь
20	*Исетское Правобережное I, жилище 1*	*Ki-15873*	*5370±80*	*4328–4224*	*козловская*	*керамика*
21	Исетское Правобережное I	LE-3063	5880±60	4808–4690	козловская	уголь
22	Исетское Правобережное I, жилище 3	Ki-15918	6050±90	5060–4831	козловская	керамика
23	Исетское Правобережное I, жилище 2	Ki-15917	6310±90	5383–5208	козловская	керамика
24	Евстюниха I	Ki-16039	6320±90	5382–5212	козловская	керамика
25	Евстюниха I	Ki-16040	6180±90	5226–5004	козловская	керамика
26	Чебаркуль I	Ki-16211	6090±90	5080–4899	козловская	керамика

27	Кедровый мыс I	SPb-2790	6350±100	5466–5227	козловская	керамика
28	Кочегарово I	Ki-16856	5740±90	4700–4490	козловская	керамика
29	Кочегарово I	SPb-1273_1	5817±130	4806–4521	козловская	керамика
30	Кочегарово I	SPb-1274_1	5878±120	4856–4591	козловская	керамика
31	Кочегарово I	SPb-1269	5952±100	4964–4723	козловская	керамика
32	Кочегарово I	Ki-16646	6050±90	5200–4800	козловский	керамика
33	Кочегарово I	SPb-1272	6073±100	5077–4843	козловская	керамика
34	Кочегарово I	AA-104958	6539±	5530–5475	козловская	нагар
35	Кочегарово I	AA-104959	6619±	5615–5525	козловская	нагар
36	Ташково I	SPb_3592	6284±70	5360–5208	кошкинская	керамика
37	Ташково I	SPb_2441	6343±120	5470–5218	козловская	нагар
38	Ташково I	SPb_3593	6530±110	5564–5377	козловская	керамика
39	Ташково I	SPb_2439	6568±120	5628–5466	козловская	нагар
40	Ташково III	Le-4344	6380±120	5590–5070	кошкинская	уголь
41	Ташково III	Ki-15117	6470±	5490–5320	кошкинская	керамика
41	Боборыкино 2	SPb-3598	6630±110	5641–5477	козловская	керамика

Курсивом выделены даты, вызывающие сомнения

тысячу лет вызывает определенные сомнения. Ранние даты практически смыкаются со вторым хронологическим срезом, а поздние уходят в хронологию позднего неолита.

Поздний неолит представлен 54 датами с 16 памятников (табл. 4).

Несколько отдельных дат с таких памятников, как Боборыкино 2, Усть-Суерка 4,

Таблица 4. Радиоуглеродная хронология неолитических памятников Зауралья. Поздний неолит

Table 4. Radiocarbon chronology of Neolithic sites in the Trans-Urals. The Late Neolithic

№	**Памятник**	**Шифр**	**^{14}C, л.н.**	**Дата cal BC 68.2%**	**Культурная традиция**	**Материал**
1	Юрьинское поселение, пойма за рвом 2, у объекта 15	Ki-16171	5470±90	4402–4236	басьяновская – боборыкинская	керамика
2	Кокшаровский холм над рвом 2	Ki-15589	5670±90	4609–4444	басьяновская – боборыкинская	керамика
3	Кокшаровский холм над рвом 2	Ki-15538	5750±80	4691–4514	басьяновская – боборыкинская	керамика
4	Кокшаровский холм между рвами	Ki-15906	5890±90	4853–4678	басьяновская – боборыкинская	керамика
5	Кокшаровский холм над рвом 1	Ki-16038	5950±90	4940–4724	басьяновская – боборыкинская	керамика
6	Кокшаровский холм рядом с объектом17	Ki-16384	5960±80	4942–4766	басьяновская – боборыкинская	керамика
7	Кокшаровский холм между рвами 1 и 2	Ki-15913	5970±80	4952–4767	полуденская	керамика
8	Кокшаровский холм в заполнении рва 2	Ki-16170	5980±90	4990–4770	полуденская	керамика
9	Кокшаровский холм в заполнении рва 2	Ki-15539	5980±90	4990–4770	полуденская	керамика

10	Кокшаровский холм в заполнении рва 2	Ki-15540	6070±80	5064–4848	полуденская	керамика
11	Шайдурихинское V	Ki-15632	5770±90	4719–4518	полуденская	керамика
12	Шайдурихинское V жилище 2	Ki-15120	5680±80	4616–4447	басьяновская	керамика
13	Шайдурихинское V жилище 2	Ki-15077	5640±80	4544–4369	басьяновская	керамика
14	Шайдурихинское V жилище 1	Ki-15119	5710±90	4620–4460	боборыкинская	керамика
15	Шайдурихинское V жилище 3	Ki-15121	5590±80	4492–4351	боборыкинская	керамика
16	Кедровый мыс I	SPb_2791	5680±100	4619–4446	полуденская	керамика
17	Абселямовская	Ki -15961	5720±90	4690–4460	полуденская	керамика
18	Полуденка I	Ki-15872	5970±70	4946–4770	полуденская	керамика
19	Второй поселок I, проба А	Ki-16861	5930±90	4933–4712	басьяновская	керамика
20	*Второй поселок I, проба Б*	*Ki-16862*	*6210±90*	*5232–5056*	*басьяновская*	*керамика*
21	*Второй поселок I*	*Le-8905*	*7090±50*	*6018–5970*	*басьяновская*	*уголь*
22	*Кочегарово I*	*Ki-15542*	*5270±80*	*4230–3990*	*боборыкинская*	*керамика*
23	Кочегарово I	Ki -16855	5630 ± 90	4550–4360	полуденская	керамика
24	Кочегарово I	SPb-1669	5630±120	4593–4348	полуденская	керамика
25	Кочегарово I	Ki-15543	5640±90	4550–4350	полуденская	керамика
26	Кочегарово I	SPb-1271_1	5815±150	4841–4494	полуденская	керамика
27	Кочегарово I	SPb-3207	5880±120	4855–4600	полуденская	керамика
28	Кочегарово I	Ki-15950	5950±90	4940–4710	полуденская	керамика
29	Кочегарово I	Ki-16647	5920±90	4940–4700	боборыкинская	керамика
30	Кочегарово I	SPb-1667	6049±130	5079–4793	маханджарская	керамика
31	Ташково I	Le-1535	5490±60	4450–4260	боборыкинская	уголь
32	Ташково I	SPb_2440	5763±120	4728–4463	полуденская	нагар
33	Ташково I	SPb_2575	5790±120	4781–4504	полуденская	нагар
34	Ташково I	SPb_3591	5860±120	4846–4550	полуденская	керамика
35	Ташково I	SPb_2793	6039±80	5046–4835	боборыкинская	нагар
36	*Ташково I*	SPb_2442	*6176±150*	*5304–4848*	*полуденская*	*нагар*
37	*Ташково I*	SPb_2574	*6534±120*	*5569–5376*	*полуденская*	*нагар*
38	Гилево VIII	Ki-16209	5645±90	4560–4360	полуденская	керамика
39	Гилево VIII	Ki-15965	5930±80	4930–4710	полуденская	керамика
40	Ук VI	Ki -15064	5870±90	4850–4610	полуденская	керамика
41	Ук VI	Ki -15063	5960±80	4940–4770	боборыкинская	керамика
42	Ук VI	Ki-15960	6040±80	5050–4830	маханджарская	керамика
43	Краснокаменка	Ki-15626	5980±90	4990–4770	полуденская	керамика
44	Краснокаменка	Ki-15644	6095±80	5210–4850	полуденская	керамика
45	*Пикушка I*	*Ki-17082*	*4410±160*	*3340–2900*	*боборыкинская*	*керамика*
46	Пикушка I	SPb-1674	6120±120	5322–4769 2σ	боборыкинская	керамика
47	*Усть-Суерка 4*	*SPb-541*	*4250±100*	*3010–2660*	*боборыкинская*	*керамика*
48	*Усть-Суерка 4*	*Ki-17078*	*4410±130*	*3330–2900*	*боборыкинская*	*керамика*
49	Усть-Суерка 4	SPb-1676	5505±120	4606–4045 2σ	боборыкинская	керамика
50	*Усть-Суерка 4*	SPb-1675	*6226±120*	*5469–4906 2σ*	*боборыкинская*	*керамика*
51	Ташково III	Ki-15118	5180±90	4230–3800	боборыкинская	керамика
52	Боборыкино 2	SPb-3597	6045±110	5061–4796	полуденская	керамика
53	*Боборыкино 2*	SPb-3596	*6460±100*	*5485–5313*	*боборыкинская*	*керамика*
54	Долговское 3	SPb_3211	5880±100	4848–4612	полуденская	керамика

Курсивом выделены даты, вызывающие сомнения

Пикушка I, Ташково I, Второй поселок I, имеют очень ранние (табл. 4: 20–21, 36–37, 46, 50, 53) значения для позднего неолита (до середины VI тыс. до н. э.), которые соответствуют третьему хронологическому срезу раннего неолита. Есть и очень поздние даты с памятников Усть-Суерка 4, Пикушка I, Ташково III, Кочегарово I (табл. 4: 22, 45, 47–48, 51), которые характерны уже для энеолита региона. Такой разнобой в датировках позволяет исключить из рассмотрения такие памятники, как Усть-Суерка 4, Пикушка I, Второй поселок I, где для керамики одной традиции получены очень разные даты. На поселении Кочегарово I и Кокшаровском холме некоторые даты (табл. 4: 26–30, 1–10) с образцов раннего неолита третьего хронологического среза совпадают с датами образцов керамики позднего неолита, что, вероятно, предполагает или сосуществование керамики раннего и позднего неолита в пределах указанных памятников, или ошибки в датировании. Образцы керамики позднего неолита с таких памятников, как Долговское 3, Боборыкино 2, Краснокаменка, Ук VI, Полуденка I (табл. 4: 18, 40–44, 52, 54), также по датам оказываются одновременны датам образцов раннего неолита. В целом даты памятников позднего неолита находятся в диапазоне конец VI – середина V тыс. до н. э.

Обсуждение

Принципиально важным является решение проблемы появления общин с неолитическими традициями на территории Зауралья. По имеющимся на настоящий момент данным (первый хронологический срез), самым ранним памятником является стоянка Береговая XIII (Филин остров). Культурный слой эпохи неолита, имеющий возраст 6572–6372 cal BC содержал фрагменты керамики кошкинского и кокшаровско-юрьинского (козловского) типов и изделия из камня. Ниже был расположен мезолитический слой, датированный второй половиной VIII тыс. до н. э. (Чаиркина, Кузьмин, 2018, с. 129).

Примерно в это же время – 6421–6230 cal BC – жители Юрьинского поселения начинают сооружать Кокшаровский холм, где на центральной площадке найдена керамика кошкинской и козловской традиций (Шорин, Шорина, 2020, с. 40, табл.4).

В лесостепной зоне на площадке поселения Ташково I сооружается жилище 4, нижний слой которого имеет абсолютный возраст 6377–6250 cal BC (ЛЕ-1534) – 7440 ± 60 (Тимофеев, Зайцева, 1996, с. 343). Керамика нижнего слоя принадлежит козловской традиции, а каменный инвентарь типологически близок мезолитическому (Ковалева, Ивасъко, 1991, с. 112–131).

Чуть позже (условно в рамках существующих методов датирования) формируется неолитический культурный слой на торфяниковой части стоянки Береговая II – 6146–6136 cal BC. Среди находок керамики преобладают фрагменты кошкинской традиции, единично козловской, но на этом же уровне датированного слоя залегало небольшое количество керамики боборыкинско-басьяновской традиции. Случай уникальный, в Зауралье пока единичный и требует дальнейшего подтверждения фактами с других памятников. Ближайшим аналогом подобного сочетания для этого времени является коллекция поселения Мергень 6 в Приишимье, т. е. на достаточно удаленном расстоянии (Еньшин, Скочина, 2023, с. 5–13).

Вопрос об истоках появления неолитических традиций у населения Зауралья остается пока открытым, однако часть археологов (включая автора статьи) рассматривают возможность «формирования зауральских ранненеолитических культурных традиций на местной мезолитической основе и о культурной преемственности от мезолита к неолиту на данной территории» (Жилин и др., 2020, с. 27–60). При этом нельзя отрицать и южное и юго-западное направления социальных связей населения Зауралья.

Переход от мезолита к неолиту в Зауралье не вызвал заметных перемен в производстве, основанном на микропластинчатом расщеплении и вкладышевой технике. Не изменились стратегия расщепления, типология. Наиболее выразительными типами изделий являются острия, обработанные крутой ретушью со спинки (реже – с брюшка), отдельные геометрические микролиты, скошенные острия, пластинки с обработанным торцом, боковые ретушные резцы, отдельные шлифованные орудия. Перечисленные типы орудий встречаются на всех известных стоянках региона, но в разных сочетаниях. Необходимо отметить наметившуюся дуальность в мезолитических комплексах Зауралья: часть стоянок (Выйка II, Сухрино I, Родники II, Ташково II, IV) не

содержит такие характерные типы орудий, как геометрические микролиты – трапеции и треугольники; в другой части стоянок (Серый камень, Янгелька, Андреевка, Чебаркуль XVII, Черная гора) геометрические микролиты присутствуют. Поскольку технология указанных комплексов едина, можно предположить, что это две культурные традиции региона, которые стали основой формирования социокультурного пространства Зауралья в неолите.

Второй хронологический срез представлен уже 28 датами с пяти памятников, а третий хронологический срез – 41 датой с 10 памятников, только на Кокшаровском холме и Ташково I даты есть в обоих срезах. Памятники занимают всю территорию Зауралья в хронологическом диапазоне «начало – вторая четверть VI – начало V тыс. до н. э.» и также представлены кошкинской и козловской культурными традициями.

Для памятников позднего неолита получено 54 даты с 16 памятников, представленных полуденской и басьяновско-боборыкинской культурными традициями в конце VI – третьей четверти V тыс. до н. э. Для начала этого периода, примерно конца VI – первой четверти V тыс. до н. э., можно предположить (если это не связано с ошибками в датировании), что у населения Зауралья культурные традиции позднего неолита полуденская и басьяновско-боборыкинская сосуществуют с ранними козловской и кошкинской.

В неолите зауральские общины осваивают всю территорию Зауралья, образуя социокультурное пространство. Границы зауральского социокультурного пространства археологически хорошо фиксируются на западе – это основные хребты Уральских гор, в северном Зауралье неолитические общины имели традиции, больше связанные с населением Кондинской низменности, южное направление пока изучено очень слабо.

Особый интерес представляет восточное направление. Здесь авторы исследований считают, что «территория Нижнего Приишимья и проживавшее здесь население фактически на всем протяжении неолита входили в социокультурное пространство Зауралья» (Еньшин, Скочина, 2023, с. 5–13). Вместе с тем выделенные для неолита этой территории хронологические срезы сильно отличаются от зауральских. Так, хронологический срез № 1, представленный комплексами с боборыкинской традицией, датируются в пределах конца VIII – второй четверти VII тыс. до н. э. Комплексы с ранней боборыкинской, кошкинской, валиковой и «синкретичной» относятся к хронологическому срезу № 2 – конец VII тыс. до н. э. Хронологический срез № 3 представлен двумя комплексами среднего неолита с поздним временем бытования козловской посуды Зауралья и связями с носителями маханджарской традиции, т. е. второй четвертью V тыс. до н. э. (Еньшин, Скочина, 2023, с. 5–13). В хронологии Зауралья это комплексы позднего неолита.

В рамках решения происхождения «ранней» боборыкинской культурной традиции очень важны результаты изучения памятников хронологического среза № 1 в Нижнем Приишимье. Из имеющихся сегодня фактов представляется, что эти комплексы связаны с барабинской культурной традицией раннего неолита Прииртышья и Барабы (Молодин и др., 2020, с. 69–93), но на территории собственно Зауралья боборыкинская традиция в своем «классическом» виде появляется уже в позднем неолите. Вероятно, можно признать, что территория Нижнего Приишимья входила в социокультурное пространство неолита Зауралья как своеобразный регион, хронология и структура культурных традиций которого еще нуждаются в дальнейшем изучении.

ЛИТЕРАТУРА

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 57. С. 33–48.

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Нижнее Приишимье в социокультурном пространстве зауральского неолита (по данным Мергенского АМР) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 62. С. 5–13.

Жилин М.Г., Косинская Л.Л., Рыжкова О.В., Савченко С.Н., Устинова Е.А. Неолитический комплекс стоянки Береговая II Горбуновского торфяника и проблемы неолита Зауралья // Camera praehistorica. 2020. № 4. С. 27–60.

Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 112–131.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Барабинская культура раннего неолита // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. № 19 (7). С. 69–93.

Мосин В.С. Социокультурное пространство в позднем каменном веке // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 32. С. 19–27.

Мосин В.С. Хронология памятников неолита и энеолита лесостепного Зауралья // Уральский исторический вестник. 2023. № 78. С. 38−45.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. Список радиоуглеродных датировок неолита // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 343.

Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н. Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1. С. 4–13.

Чаиркина Н.М., Кузьмин Я.В. Новые радиоуглеродные даты эпохи мезолита – раннего железного века Зауралья // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 124–134.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии // Stratum plus. 2020. № 2. С. 31–55.

Информация об авторах:

Мосин Вадим Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); mvs54@mail.ru

REFERENCES

Vybornov, A. A., Mosin, V. S., Epimahov, A.V. 2014. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (57), 33–48 (in Russian).

En'shin, D. N., Skochina, S. N. 2023. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* (62), 5–13 (in Russian).

Zhilin, M. G., Kosinskaya, L. L., Ryzhkova, O. V., Savchenko, S. N., Ustinova, E. A. 2020. In *Camera praehistorica* (4), 27–60 (in Russian).

Kovaleva, V. T., Ivas'ko, L. V. 1991. In Krizhevskaya L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic monuments of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 112–131 (in Russian).

Molodin, V. I., Myl'nikova, L. N., Nesterova, M. S., Kobeleva. L. S., Nenahov, D.A. 2020. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 7 (19), 69–93 (in Russian).

Mosin, V. S. 2016. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* (32), 19–27 (in Russian).

Mosin, V. S. 2023. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin)* (78), 38−45 (in Russian).

Timofeev, V. I., Zaitseva, G. I. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Moscow: Science, 343 (in Russian).

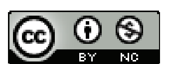
Chairkina, N. M., Dubovtseva, E. N. 2014. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* (1), 4–13 (in Russian).

Chairkina, N. M., Kuz'min, YA. V. 2018. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin)* 59 (2), 124–134 (in Russian).

Shorin, A. F., Shorina, A. A. 2020. In *Stratum plus* (2), 31–55 (in Russian).

About the Author:

Mosin Vadim S., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. S. Kovalevskaya St., Yekaterinburg, 620108, Russia Federation; mvs54@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.102.115

ПРЕДМЕТЫ МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ СВЯТИЛИЩА КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ

© 2024 г. А.Ф. Шорин, А.А. Шорина

В статье рассматриваются предметы мелкой пластики, найденные в культурных слоях комплекса памятников «святилище Кокшаровский холм – Юрьинское поселение», расположенного в горно-лесной зоне Среднего Зауралья. Памятник содержит артефакты эпох неолита, энеолита, поздней бронзы, средневековья. Но основная часть коллекции включает в себя изделия из глины и камня эпохи неолита, известные в литературе как «утюжки» или поперечно-желобчатые изделия, артефакты сферической и биконической форм, орнитоморфную и зооморфную пластику, в том числе рельефные налепы на сосудах, тальковые стержни сегментовидной формы с насечками и без, сверленая каменная булава, обломок сланцевого шлифованного ножа, обушковая часть которого оформлена в виде орнитоморфного изображения, кремневые и шлифованные наконечники стрел, глиняные диски без отверстия и др. Часть этих артефактов могут считаться культовыми, т.к., вполне вероятно, что они были задействованы в ритуалах, проводимых на святилище, которое, имело, видимо, статус межрегионального культового центра.

Ключевые слова: археология, неолит, святилище, глиняная пластика, каменная пластика, рельефные налепы на сосудах, зооморфные образы, орнитоморфные образы, тальковые стержни с насечками.

MOBILIARY ART OBJECTS FROM THE KOKSHAROVSKI KHOLM SANCTUARY

A.F. Shorin, A.A. Shorina

The article deals with mobiliary art objects found in the cultural layers of the complex of archaeological sites " Koksharovskiy Kholm sanctuary – Yuryinskoye settlement", located in the mountain forest zone of the Middle Trans-Urals. The archaeological site contains artifacts from the Neolithic, Chalcolithic, Late Bronze Age, and Middle Ages. But the main part of the collection includes artifacts, made of clay and stone, from the Neolithic, known in the literature as cross-grooved items, spherical and biconical findings, ornithomorphic and zoomorphic artefacts, including plastic on vessels, talc rods of segmented shape with and without impression, a drilled stone mace, a fragment of a polished slate knife, back part of which is designed in the form of an ornithomorphic image, flint and ground arrowheads, clay disks without a hole, etc. Some of these artifacts can be considered as cultic ones, because, it is likely that they were used in the rituals held on the sanctuary, which apparently had the status of an interregional cult center.

Keywords: archaeology, Neolithic, sanctuary, clay and stone mobiliary art objects, plastic on vessels, zoomorphic and ornithomorphic images, talc rods with impression.

Кокшаровский холм возведен в центре неолитического поселения на одном из мысов южного берега Юрьинского озера в Верхнесалдинском городском округе Свердловской области. Это горно-лесная зона Среднего Зауралья. Святилище функционировало на протяжении эпохи неолита (вторая половина или самое начало третьей четверти VII – первая половина V тыс. до н. э. в калиброванных значениях дат), затем посещалось в эпохи энеолита (последняя четверть V тыс. до н. э.), позднего бронзового века (середина – вторая половина II тыс. до н. э.) и раннего Средневековья (вторая половина I тыс. до н. э.) (Шорин, 2007; Шорин, Зыков, Вилисов, 2013; Шорин, Шорина, 2018, 2021). На трактовку памятника в качестве святилища указывают несколько факторов.

Самым заметным маркером сакрального пространства святилища являлась его насыпная площадка, созданная искусственным путем, на которой и производились культовые действия. Она насыпана в несколько приемов, поэтому памятник и представляет собой возвышенность, гору, холм диаметром около 40 м. Для того чтобы площадка подготавливаемого святилища на неровной поверхности мыса была горизонтальной, т. е. удобной

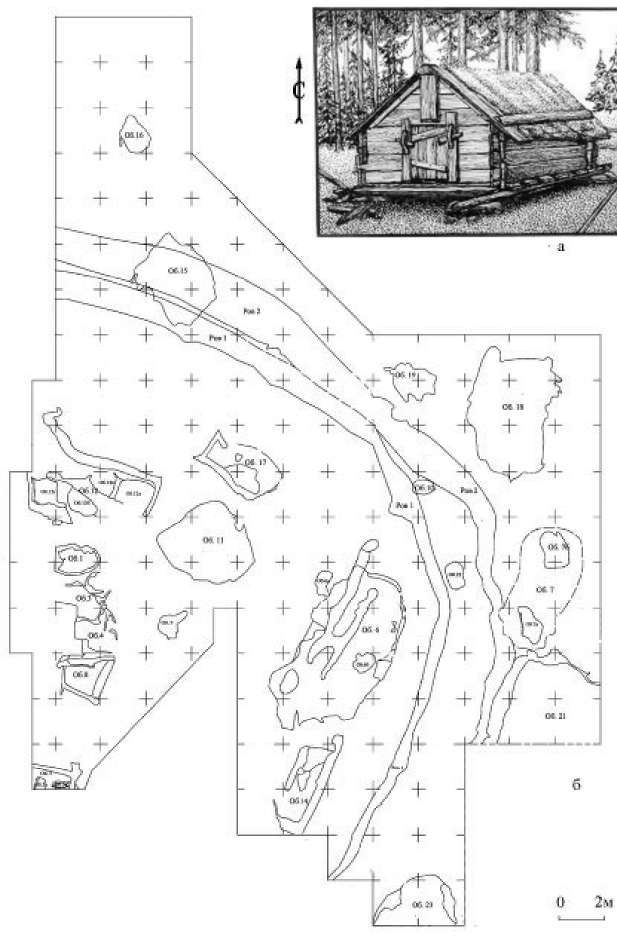

Рис. 1. План расположения объектов и возможности интерпретации объектов Кокшаровского холма: *а* – культовый амбарчик коренных народов Урала; *б* – план расположения объектов и рвов.
Fig. 1. Location of objects and the possibility of interpreting the objects of the Koksharovski Kholm: *а* – the cult barn of the indigenous peoples of the Urals; *б* – location of objects and moats.

для установки культовых объектов, высота этих подсыпок достигает 1 м в южной, более возвышенной части и 3,5 м в северной, на краю мыса.

Границы сакрального пространства святилища раннего этапа его функционирования маркировал также первый ров шириной 1,2–1,4 м и глубиной около 0,7 м (рис. 1: б).

На сакральном пространстве святилища в раннем неолите (вторая половина или самое начало третьей четверти VII–VI тыс. до н. э.), а с эти периодом связано население кошкинской и кошаровско-юрьинской культур (рис. 2: 1, 2), функционировали объекты, интерпретируемые как домики для прикладов-жертвоприношений[1]. Они прямоугольной формы размером около 2×2 м, а иногда и более – около 5×5 м (рис. 1: б). Ряд из них несет следы воздействия огня. В некоторых (или рядом) фиксируются один-два перевернутых вверх дном сосуда. Интересно отметить, что в одном из таких сосудов обнаружено ожерелье из мелких плодов (орешков) травянистого растения воробейник лекарственный (Lithospermum officinalis L. – лат. «каменное семя») семейства Бурачниковые (Borraginaceae) (рис. 3: 7). Ожерелье из таких же семян найдено в захоронении, совершенном у подножия насыпного святилища Усть-Вагильский холм; правда, погребение датировано эпохой энеолита (Панина, 2015).

На поздненеолитическом этапе функционирования памятника (конец VI – первая половина V тыс. до н. э.), а с этим периодом связано население басьяновской и полуденской культур, маркеры и границы сакрального пространства претерпели определенные изменения. Достоверно не ясно, какие обрядовые действия здесь производило население этих культур, т. к. полуденских культовых построек не найдено, а одна басьяновская могла носить не только культовый, но и производственный характер. Однако посуда данных культур в материалах памятника присутствует: полуденская в большем, басьяновская в меньшем количестве (рис. 2: 4, 5). Вполне вероятно, что именно в полуденское время был выкопан второй ров шириной 0,9–1,3 м и глубиной не более 70 см (рис. 1: б), т. к. внутри его и рядом, у внешнего края, отмечены развалы сосудов полуденской культуры. Эти факты, кстати, скорее всего, фиксируют и существенную эволюцию в сакральных действиях поздненеолитических коллективов в сравнении с их предшественниками (см. подробнее: Шорин, 2010, с. 35).

На то, что памятник является святилищем, указывает и наличие в его материалах неординарных артефактов, которые исследователи обычно относят к категории ритуальных приношений-прикладов. Таких категорий вещей немного, и не все они могут быть достоверно связаны с той или иной группой населения, отправляющей культовые действия на Кокшаровском холме. Прежде всего это фрагменты сосудов с рельефными изображениями.

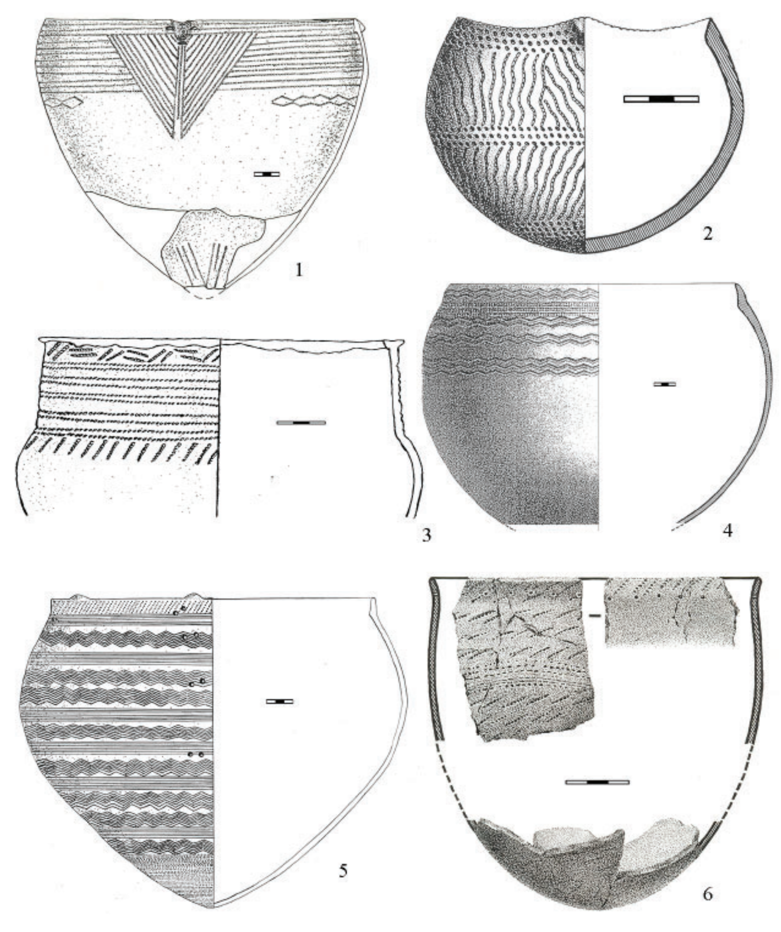

Рис. 2. Керамика Кокшаровского холма: *1* – кошкинская культура (неолит); *2* – кокшаровско-юрьинская культура (неолит); *3* – батырская культура (средневековье); *4* – басьяновская культура (неолит); *5* – полуденская культура (неолит); *6* – аятская культура (энеолит).

Fig. 2. Pottery of the Koksharovski Kholm: *1* – Koshkino culture (Neolithic); *2* – Koksharovskiy-Yuryinskoye culture (Neolithic); *3* – Batyr culture (the Middle Ages); *4* – Basianovsk culture (Neolithic); *5* – Poludenka culture (Neolithic); *6* – Ayat culture (Eneolithic).

Их анализу посвящено уже несколько статей (Носкова, Шорин, 2007; Шорин, Шорина, 2016), поэтому кратко напомним те атрибуты, что позволяют относить эти артефакты к культовым.

Коллекция памятника к настоящему моменту представлена 109 фрагментами керамики с фигурными налепами не более чем от 90 сосудов трех культурных типов: кокшаровско-юрьинского – 31 емкость (рис. 2: 2; 4: 1), кошкинского – 17 (рис. 2: 1; 3: 1, 2, 5), полуденского – 4 сосуда (рис. 3: 3)[2]. На одном сосуде изображение передано только наколами по краю венчика без фигурного оформления (рис. 4: 5). Это самая крупная из известных коллекций подобных сосудов[3]. Рельефные выступы на них, размеры которых по ширине и высоте варьируются в диапазоне от 6 до 26 мм, обычно фиксируются с внешней, редко с внутренней стороны (соответственно 80 и 6) емкостей (рис. 3: 1, 4; 4: 4, 8); но на одной они нанесены с двух сторон: с лицевой наколами, с внутренней – налепом в сочетании с наколами (рис. 3: 6). В большинстве случаев они изображают морду или нос существа. Но на некоторых из них дополнительными наколами обозначены глаза (рис. 4: 3) и/или рот (рис. 4: 7), причем нередко они вписывались в основную орнаментальную схему сосуда (рис. 4: 2, 9).

Из этой коллекции сосудов Кокшаровского холма резко выбиваются 3 экз. Один из них – это целая миниатюрная неорнаментированная емкость с рельефной ручкой-налепом, в перевернутом положении напоминающей голову хищной птицы, возможно совы или филина (рис. 5: 3). Найден в кошкинском жилище и мог использоваться в культовых целях, например, для разлива (раздачи) каких-то особо значимых ритуальных напитков, благовоний и т. п. Два других – это фрагмент кошкинского сосуда с изящной изогнутой ручкой и обломок ручки без орнамента в виде головок уток, может быть, пеганки и кряквы (рис. 3: 8; 5: 11). Отметим, что сосуды с рельефными ручками в виде головок птиц встречаются, но нечасто, в древних культурах как Евразии, так и Америки (см. например: Молодин и др., 2011; Andreescu et al, 2011, fig. 6: *6*; Hepp, 2007, p. 179, № 32). В торфяниковых же памятниках лесной зоны Зауралья, Восточной и Северной Европы определенные стилистические ассоциации подобным артефактам усматриваются

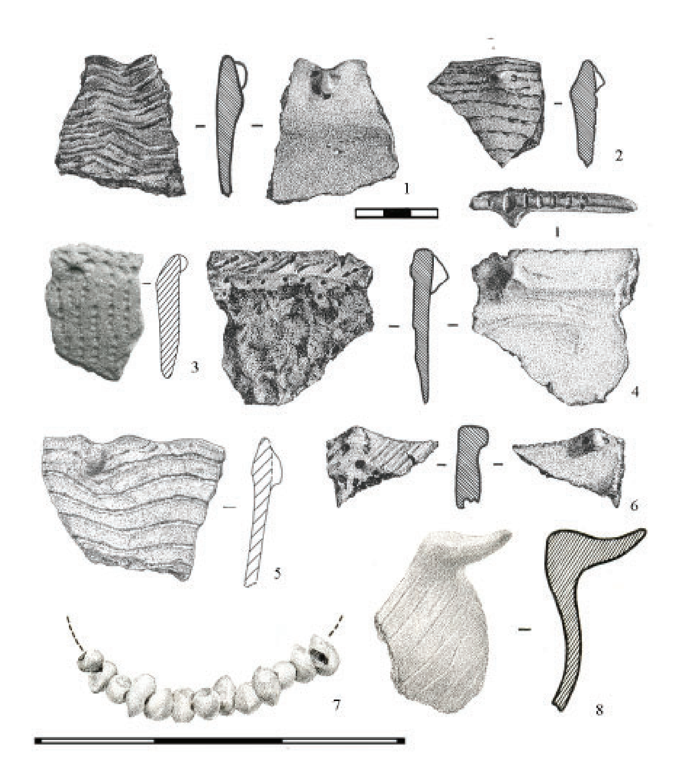

Рис. 3. Керамика с фигурными налепами и бусы из семян: *1-6, 8* – фрагменты сосудов с рельефными налепами; *7* –бусы из семян растений.
Fig. 3. Pottery with relief plastics and seed beads: *1-6, 8* – fragments of vessels with relief plastics; *7* – seed beads.

среди деревянных ковшей, ложек (Чаиркина, 2022, рис. 147–150, и др.).

В семантическом плане эти фигурные рельефные изображения обычно трактуются как зооморфные или орнитоморфные, редко антропоморфные. Но слабая проработка их деталей не позволяет точно определить, кто здесь представлен. Правда, орнитоморфные образы видны все же лучше. Это три артефакта, описанные выше (рис. 3: 8; 5: 3, 11). Изображения птицы в полете передано, скорее всего, также еще на двух сосудах, вдоль волнистого края горловины которых сформован (выдавлен) валик V-образной формы, заканчивающийся рельефным утолщением (рис. 3: 5; 4: 6). В этой связи интересно отметить, что орнитоморфная культовая символика присутствует на святилищах XIX–XX вв. коренного населения региона. Так, на мансийском святилище Халев-Ойки отмечено изображение в виде силуэта парящей птицы с добычей в клюве, вырубленное на оконечности жерди, которой придана антропоморфная форма. Помимо этого, на жердь раньше была насажена и объемная серебряная фигурка, изображающая чайку с расправленными крыльями (Гемуев, 1990). На святилищах хантов среди прикладов встречаются фигурки гуся, который нередко изображался с раскрытыми крыльями (Карьялайнен, 1995, с. 138), а у ненцев – мифическая птица минлей (изображалась в виде летящей водоплавающей птицы), которая являлась помощником шамана при его полете в Верхний мир (Лар, 2003, с. 85, 101). Вообще, образ птицы, особенно водоплавающей, у коренных народов Урала играет исключительную роль и в сюжетах, связанных с мифологической картиной мира.

Символы в виде объемных налепов на горловине сосудов имеют разную трактовку: тотемные или предковые зооморфного и орнитоморфного содержания, символы-обереги или маркеры содержимого емкости сосуда и др., но культовое их предназначение практически никем не оспаривается.

Не исключено использование в культовых целях и восьми глиняных предметов сферической и биконической формы. Один обломок в виде полусферы размером 4,5×4,0 см без орнамента (рис. 5: 2), другие 7 экз. орнаментированы. Среди них один обломок примерно трети

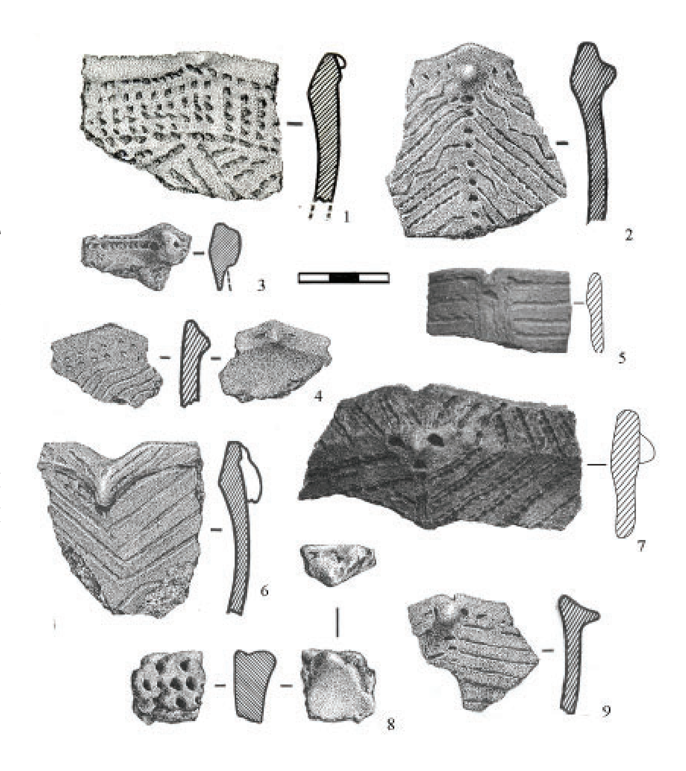

Рис. 4. Керамика с фигурными налепами Кокшаровского холма.
Fig. 4. Pottery with relief plastics from Koksharovski Kholm.

его сферы диаметром около 5 см достоверно связан с ранненеолитическим кокшаровско-юрьинским комплексом, т. к. его орнамент полностью соответствует орнаментальным канонам именно этого населения (рис. 5: 1). Третий обломок, равный примерно половине изделия, имеет не сферическую, а биконическую форму. Его высота 3,4 см, максимальный диаметр, приходящийся на нижнюю треть высоты, равен примерно 3,5 см (рис. 5: 14). Изделие полностью орнаментировано тонкими прочерченными линиями-отрезками, нанесенными в виде вертикальных зигзагов или елочки. Дно же украшено горизонтальными отрезками. Подобная орнаментика ближе кокшаровско-юрьинской, нежели кошкинской. Четвертый артефакт, представленный двумя обломками, биконическая формы, высотой 3 см, максимальным диаметром, приходящимся на нижнюю треть высоты изделия, 3,8 см. По максимальному диаметру его окружности нанесен горизонтальный желобок, от которого в меридиональном направлении в обе стороны к «полюсам» изделия прочерчены вертикальные линии (рис. 5: 5). К какой из культурных традиций неолитического населения Холма относить это изделие, сказать трудно, но она явно не гребенчатая полуденская. Пятый предмет, орнаментированный резными линиями, это слегка приплюснутый шарик диаметром около 3 см, имеющий отверстие в центре (рис. 5: 7). По наблюдению Ю.Б. Серикова, «…уже законченное изделие было налеплено на палочку круглого сечения, затем палочку расшатали и вытащили» (Сериков, 2002, с. 131). Его орнаментальный декор близок как кокшаровско-юрьинскому, так и кошкинскому.

Еще три изделия представлены в обломках малых размеров, отчего определить точно форму и размер целых артефактов невозможно. Первый, скорее биконической формы, орнаментирован рядами тонкого четырехзубого гребенчатого штампа, направленными в разные стороны (рис. 5: 12). Гребенчато-штампованная орнаментация больше свойственна полуденской культуре. Два других обломка ближе по форме к округлым изделиям. Один из них орнаментирован наколами палочкой (рис. 5: 13), другой – прямыми линиями, выполненными палочкой в линейно-накольчатой технике (рис. 5: 9). Такой орнаментальный декор использовали как кокшаровско-юрьинские, так и кошкинские коллективы.

Подобные глиняные артефакты сферической и биконической формы встречаются на памятниках археологии Северной Евразии нечасто. Нам известно, что один из них обнаружен в жилище 7 неолитического поселения Барсова Гора II/9 в Сургутском Приобье, датируемого VI – началом V тыс. до н. э. Это шаровидное изделие со сквозным отверстием (навершие?), расколовшееся пополам. По наибольшему диаметру (3,4 см) оно украшено пояском коротких резных вертикальных отрезков (Чемякин, 2020, с. 196, рис. 3: 18). Два орнаментированных изящными спиралевидными узорами глиняных шарика диаметром около 6–7 см связаны с комплексом малышевской культуры эпохи неолита на острове Сучу в низовьях Амура (Медведев, 2009, с. 42–44, рис. 1–4). Подобный несколько уплощенный артефакт размером 2,4×2,2 см, украшенный наколами, происходит с памятника Сахтыш IIA верхневолжской неолитической культуры Волго-Окского междуречья (Произведения изобразительного искусства…, 2007, с. 6, 22, № 7; Усанов, 2009). Неорнаментированный шарик диаметром около 4 см найден также на неолитической стоянке Ярлуковская Протока (пункт 222) на Верхнем Дону (Смольянинов, 2020, рис. 45, *6*)[4].

Вопрос о функциональном назначении данных предметов остается открытым. В них видят отражение солярного культа (Медведев, 2009, с. 48). Не исключают использование их в качестве каких-то ритуально-этнических (магических) маркеров; либо же они могли быть детскими игрушками (Смольянинов, 2020, с. 300), особенно те, что имеют отверстие под короткую палочку (Шорин, 2010, с. 41).

В то же время следует заметить, что подобные шарики все же отличны от так называемых глиняных погремушек примерно таких же размеров, но разных форм: шаровидной, биконической, в форме кувшина (сосудика) и даже в виде головы медведя – внутри их полых емкостей содержатся от 2 до 16 более мелких шариков. Они встречаются в России, Восточной Европе, Азии (Ближний Восток, Месопотамия, Анатолия), доколумбовой Америке на памятниках разных археологических эпох, от раннего неолита включительно, но гораздо чаще и в не единичных экземплярах – в Западной Европе и имеют разные варианты трак-

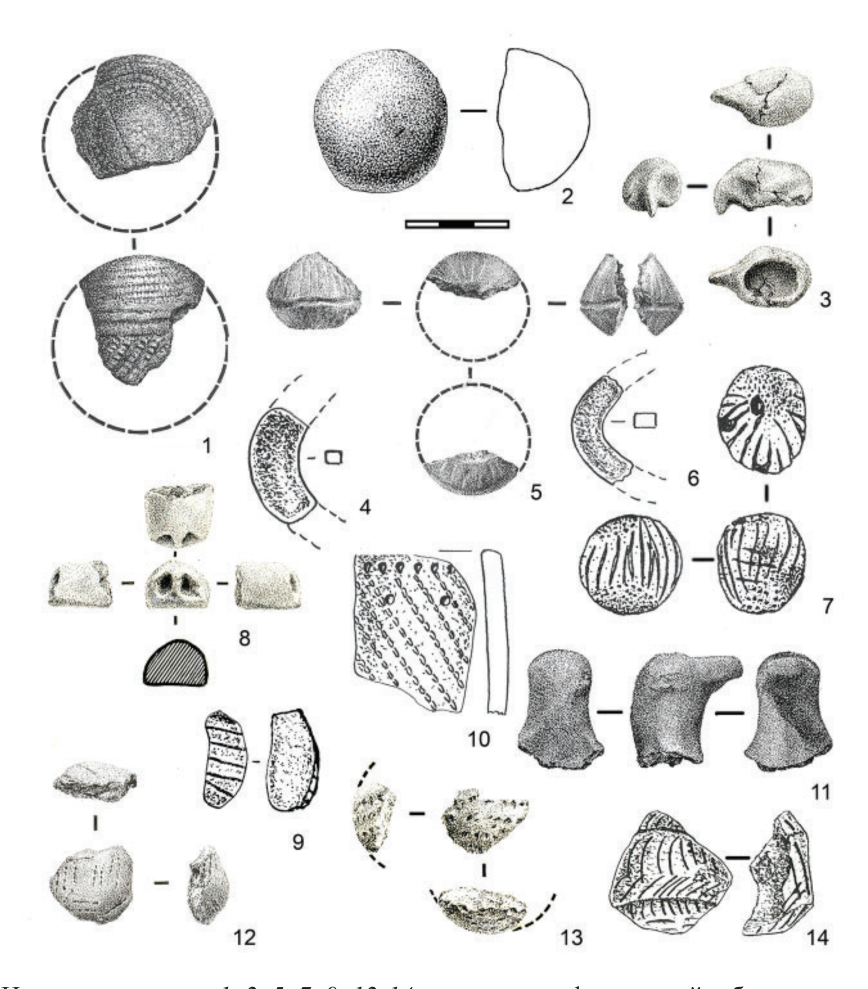

Рис. 5. Изделия из глины: *1, 2, 5, 7, 9, 12-14* – предметы сферической и биконической формы; *3* – мини-сосуд в форме птицы; *4, 6* – фрагменты колец; *8* – предмет неясного назначения; *10* – изделие с пришлифованными гранями; *11* – голова уточки.

Fig. 5. Items, made of clay: *1, 2, 5, 7, 9, 12-14* – spherical and biconical shaped objects; *3* – mini-vessel in the shape of a bird; *4, 6* – fragments of rings; *8* – artefact of unclrear purpose; *10* – item with polished faces; 11 – duck head.

товок их назначения, в том числе в качестве детских игрушек или артефактов, связанных с ритуальной практикой (Хвалынские энеолитические могильники…, 2010, с. 200–201; Сургутский краеведческий музей…, 2011, с. 39, 118, № 71; Молодин и др., 2017; Сладкова, Кокшаров, 2022; 2023; Карманов, 2023а, с. 106–111, рис. 2, 3; 2023б, с. 63–64, рис. 1, 7).

К следующей категории артефактов, связь которых с ритуальной сферой большинство исследователей вполне допускают, относятся *поперечно-желобчатые изделия,* или *«утюжки»*. Коллекция Кокшаровского холма и Юрьинского поселения представлена целым образцом и пятью сломанными изделиями (рис. 6: 1–4, 7, 8), упоминание о которых в литературе уже имеется (Шорин, 2010, с. 37–39, рис. 5: 1–4). Помимо них, сообщается еще о двух поперечно-желобчатых изделиях с памятника, найденных при раскопках в середине XX в. (Усачева, 2013, с. 17, рис. 20, 11; с. 336-–337, Приложение 5, № 322, 323).

В чем специфика «утюжков» анализируемого памятника.

Во-первых, они глиняные, тогда как в горно-лесном Зауралье основная масса подобных изделий изготовлена из тальковых пород. Это выделяет данный памятник не только среди поселений Зауралья, но и во многом Старого Света в целом, т. к. по подсчетам И.В. Усачевой только 6,5% из всех известных ей в этом обширном регионе поперечно-желобчатых изделий изготавливалось из глины (Усачева, 2013, с. 34).

Во-вторых, их относительная массовость, т. к. на других памятниках они единичны.

В-третьих, среди них нет не одного «утюжка», орнаментированного техникой гребен-

чатого штампа, что позволяет предполагать ранний их возраст: в период обитания на памятнике кошкинских и кокшаровско-юрьинских групп населения, т. к. именно им была свойственна прочерченная и накольчатая (линейно- или отступающе-накольчатая) орнаментальная традиция. То есть эти артефакты демонстрирует начальный или во всяком случае один из начальных этапов в пределах второй половины VII–VI тыс. до н. э. проникновения в уральский регион с более южных территорий традиции изготовления этих неординарных предметов.

В-четвертых, только один обломок «утюжка» найден на территории Юрьинского поселения в 10 м от святилища, остальные в сакральной зоне памятника или в непосредственной близости от нее. Поэтому высока вероятность использования этих изделий в культовых целях. Тем более что за исключением целого образца они выполнены из формовочной массы низкого качества. Отмечается небрежность при изготовлении (скошенные желобки) и орнаментации (сбивчивый орнамент). Некачественная формовочная масса также может быть одной из причин фрагментарности найденных изделий. Хотя допускаем, что часть из них преднамеренно раскалывалась по желобку. Удар как форма культового действия и изменение статуса ритуального предмета в ходе культовых, особенно погребальных, церемоний – распространенная черта ритуальной практики архаичных и традиционных обществ. Но однозначно определить, каковы были эти культовые действия, вряд ли возможно. Заметим только, что проведенный трасологический анализ части образцов показал, что лишь на целом экземпляре зафиксированы следы использования – внутри желобка выявлены поперечные следы от вращательного движения (Алексашенко, 2004, с. 243).

Заканчивая характеристику поперечно-желобчатых изделий памятника, особо выделим еще два артефакта, оба из талька. Первый из них изготовлен из ноздреватого талькового камня. Это предмет ладьевидной (подромбической) в плане формы длиной 4,2 см, шириной в средней части 1,75 см, максимальной высотой в центре изделия 2,0 см. Основание его ровное, пришлифованное, боковые стороны, местами также пришлифованные, к верхней части сглажены. В середине верхней части каменным ножом прорезан неглубокое поперечный паз V-образной формы глубиной 3 мм – желобок (рис. 7: 3). Форма и поперечный желобок этого изделия не исключают возможности отнесения его к «утюжкам». Вряд ли этот миниатюрный артефакт имел производственное назначение, скорее его следует относить к категории вотивных. Найден он в восточной части мыса между рвами 1 и 2 в 1 м к западу от кокшаровско-юрьинского культового объекта 7, правда в верхней части культурного слоя.

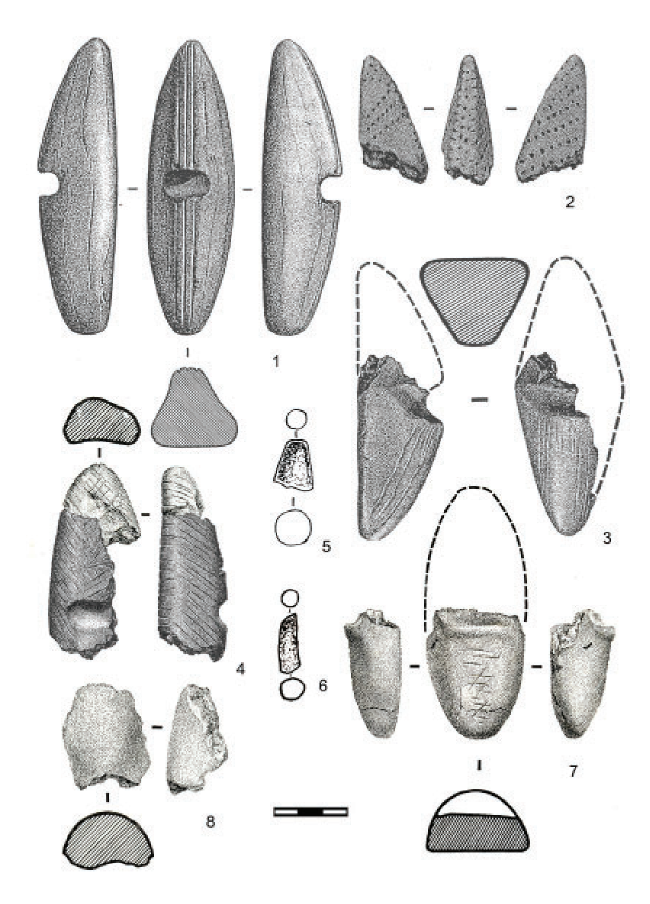

Рис. 6. Изделия из глины: *1-4, 7, 8* – «утюжки»; *5-6* – обломки стержней.
Fig. 6. Items, made of clay: *1-4, 7, 8* – cross-grooved objects; *5-6* – fragments of rods.

Второй артефакт – это тальковый стержень с насечками и поперечным желобком (рис. 7: 14), что свойственно «утюжкам». Его характеристика представлена при описании следующей категории изделий, обнаруженных на памятнике.

Эта категория условно названа нами *стержнями из талька* с насечками или без (рис. 7: 5, 12, 13). Их 17 экземпляров. Из них два целые, остальные в обломках. Последние представляют собой изделия с реконструируемыми для большинства размерами 9–11×1,6–

2,1×0,7–1,2 см. Они сегментовидной в плане и прямоугольной с приостренной одной из коротких граней (клиновидной) в сечении формы (рис. 7: 5, 12, 13, а также Шорин, 2010, рис. 3). Приостренная грань шести таких изделий покрыта насечками. Их три, четыре, дважды по 9 и 11. По мнению трасолога к.и.н. Е.Ю. Гири, они нанесены не металлическим инструментом, а залощенная поверхность, причем даже на изломах, может быть результатом длительного их ношения в какой-то мягкой емкости.

Самое большое количество насечек, 14, имеет артефакт, отличный от остальных формой (она близка прямоугольной как в плане, так и сечении), размером (6×1–1,2×0,6–0,9 см) и особенно наличием поперечного желобка на короткой грани, противоположной орнаментированной (рис. 7: 14). Он занимает как бы промежуточное положение между стержнями с насечками и «утюжками», одновременно являясь и тем и другим.

Второе целое изделие – это плитка размером 12,1×2,3×1,0–1,1 см в незаконченной стадии обработки (Шорин, 2010, рис. 3: 6). Создается впечатление, что это брошенная по каким-то причинам, может быть из-за ярко выраженной слоистой (некачественной?) структуры талька, заготовка изделия, обозначенного нами как стержни с насечками и без.

Какие функции выполняли эти изделия, однозначного ответа нет. Но оригинальность их формы и длительный характер использования даже в обломках не исключает их применения в ритуалах, проводимых на святилище, связанных, может быть, с зарождающимися функциями учета и контроля в условиях появления избыточного продукта в конце каменного века: позднего неолита, энеолита.

Как предметы, использованные в культовой практике на святилище Кокшаровский холм, оцениваются еще три артефакта из камня. Первый, найденный вне слоя, – это сверленая каменная булава в виде стилизованной головы животного – медведя или бобра (рис. 7: 1). Размеры изделия 10×8,6 см, диаметр отверстия 2,2 см. Она могла использоваться как навершие жезла; хотя в литературе функциональное назначение этого артефакта определяется и в качестве молота (Сериков, 2002, с. 129). Второй, найденный в заполнении ранненеолитического кошкинского культового объекта 12, – это обушковая часть сломанного сланцевого шлифованного ножа серповидной формы длиной 3 см, оформленная в виде орнитоморфного изображения (рис. 7: 4). Третий, зафиксированный рядом с верхним заполнением кошкинского объекта 6, расположенного в сакральной зоне святилища, – это тальковый диск неправильной округлой формы размером 5,6–4,9 см и толщиной до 1,5 см (рис. 7: 2). Поверхности изделия неровные, но, как и стержни с насечками и без, несут на себе следы залощенности, скорее всего от длительного ношения в какой-то мягкой емкости (типа мешочка, чехла). В центре диска просверлено округлое отверстие диаметром 0,7 см. Следов постоянного вращения в нем нет. Скорее отверстие служило для фиксации предмета в статичном положении. Поэтому вряд ли это изделие было пряслицем. Но в каких ритуальных действиях оно могло быть использовано, неясно.

Вероятно, в ритуальных целях могла использоваться и часть кремневых и шлифованных наконечников стрел (рис. 7: 6–11), которых на памятнике найдено более 300 экземпляров. По численности эта коллекция в регионе уступает только Камню Дыроватому. Но там представлены не только каменные, но и металлические экземпляры, т. е. относящиеся к разным археологическим эпохам. На Холме же подавляющая часть этой коллекции неолитическая. В литературе неоднократно отмечалось, что у древних обществ семиотическое значение стрелы полисемантично. В этнографии многих народов наконечники стрел вместе с луком (или их имитации) являлись важными прикладами-приношениями на святилище по случаю рождения в семье сына. Стрела могла выполнять и иные функции: оберега, медиатора между реальным и сакральным пространством, миром живых и миром мертвых, «оплодотворяющего мужского начала», «посланием, вестью, атрибутом посланника» и т. д. (см., например: Сериков, 2005, с. 71–86).

Связь еще ряда категорий находок из культурных слоев Холма с культовыми действиями возможна, но не очевидна. Это керамические кольца (целые или в обломках) разного диаметра (рис. 5: 4, 6,), изделия с пришлифованными гранями, выполненные на стенках сосудов (рис. 5: 10), обломок глиняного изделия неясного назначения размером 1,9×2,1×1,5 см; на уплощенном его кончике палочкой сделаны

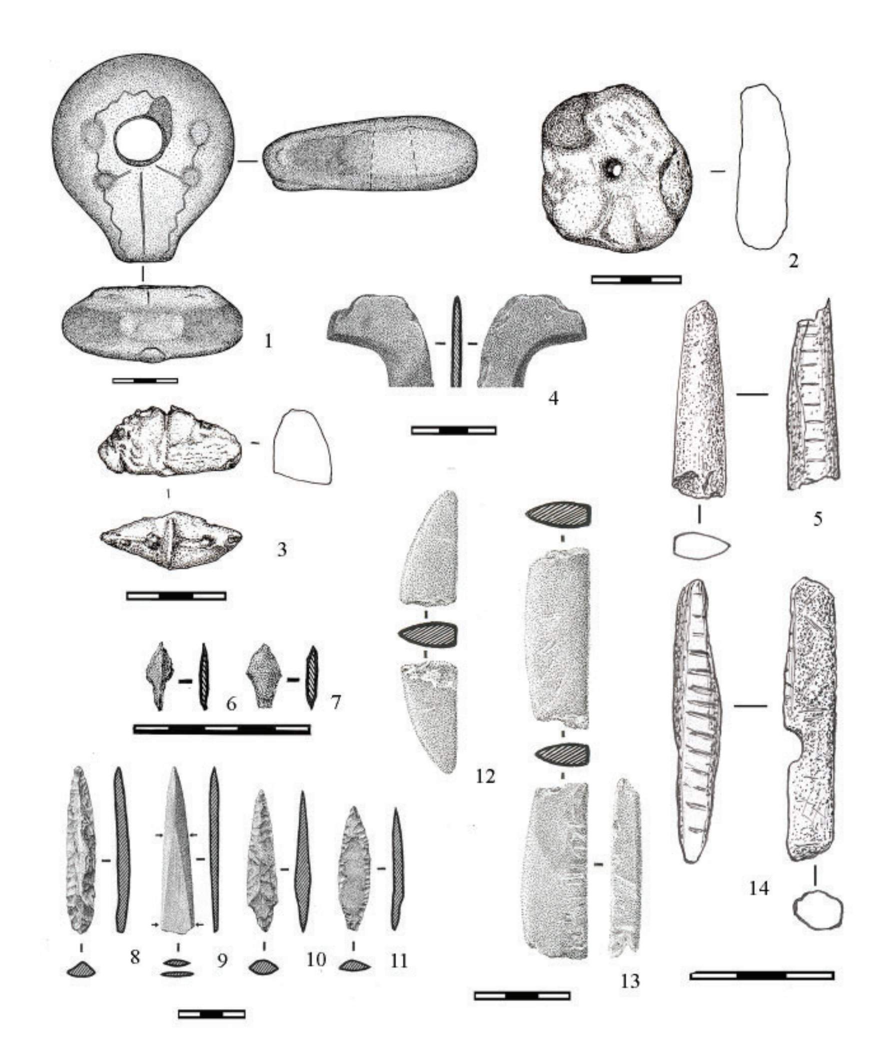

Рис. 7. Каменные изделия и инвентарь: *1* – сверленная булава в виде головы животного; *2* – тальковый диск (по Ю.Б. Серикову); *3* – тальковый «утюжок» (по Ю.Б. Серикову); *4* – обушковая часть сломанного шлифованного ножа серповидной формы; *5, 12, 13* – тальковые стержни; *6-11* – наконечники стрел; *14* – тальковый стержень или «утюжок».

Fig. 7. Stone item and inventory: *1* – a drilled mace in the shape of the head of animal; *2* – talc disk (according to Yu.B. Serikov); *3* – talc cross-grooved object (according to Yu.B. Serikov); *4* – back of a sickle-shaped broken polished knife; *5, 12, 13* – talc rods; *6-11* – arrowheads; *14* – talc rod or cross-grooved item.

два отверстия глубиной 7 мм, что вызывает ассоциации с пятачком животного из семейства свиных (рис. 5: 8), пряслица и диски без отверстия, у которых «функциональное и сакральное значение солярного орнамента и формы изделия слиты воедино» (Сериков, 2008, с. 11), и, по мнению этого автора, они являются солнечными символами.

Два невыразительных неорнаментированных обломка из глины наподобие стержней, расширяющиеся к обломанной части, длиной 2,1 и 2,4 см при диаметре от 1 до 1,5 и 0,6 до 1 см (рис. 6: 5, 6) вряд ли бы заслуживали особого внимания, если бы подобные артефакты в большом количестве были зафиксированы и в коллекции другого «жертвенного холма» – Усть-Вагильского (Панина, 2015). Правда, если они были и задействованы, то в каких ритуалах, непонятно.

Описанные выше изделия мелкой пластики из глины и камня, особенно сильно фрагментированные, конечно же, не могут дать нам достаточной информации для их полной интерпретации. Однако находка их в культурных слоях святилища в большем количестве, чем единичные подобные артефакты в поселенческих комплексах, позволяет предполагать их культовую специфику. Хотя, безусловно, исключать и бытовое использование всех этих предметов не стоит.

В эпохи энеолита и бронзового века населением аятской и коптяковской культур терри-

тория памятника использовалась скорее не как культовая, а как поселенческая площадка, и культовые объекты этого периода здесь не отмечены.

Но во второй половине I тыс. н. э. на вершине Кокшаровского холма вновь функционировал культовый комплекс в виде прикладов-приношений, может быть не одноактовых (Шорин, Зыков, Вилисов, 2013). Эти приклады включали вооружение: бронзовые ножны, железные кинжалы, наконечник стрелы и нож (рис. 8), а также керамическую посуду батырской культуры (рис. 2: 3).

Таким образом, вероятно, что постепенно росший в неолите путем искусственных подсыпок Кокшаровский холм на протяжении долгого времени от раннего неолита до эпохи Средневековья воспринимался людьми как особая точка пространства. Безусловно, эта искусственно созданная священная гора органично вписывалась и в другой важный ландшафтный маркер, определивший первоначально выбор этой точки рельефа для создания святилища. Холм возник на ярко выраженном мысовидном выступе. Относительно широкая долина устья реки и вдающийся в озеро высокий мыс коренного берега открывали далеко просматриваемый и яркий пейзаж, в который было вписано святилище. Функции его, скорее всего, распространялись на обслуживание культовых ритуалов не только жителей Юрьинского поселения, но и по крайней мере жителей всех поселков на побережье озера, а может быть, и более широкой территориальной округи. То есть святилище могло быть межрегиональным (межплеменным). В этнографии угорских народов – манси, хантов – известны межрегиональные святилища, собиравшие в важнейшие календарные праздники население со значительной округи (Гемуев, Бауло, 1999, с. 171). Причем при малой плотности населения в таежной зоне эти расстояния до культового центра могли измеряться неделей и более пути.

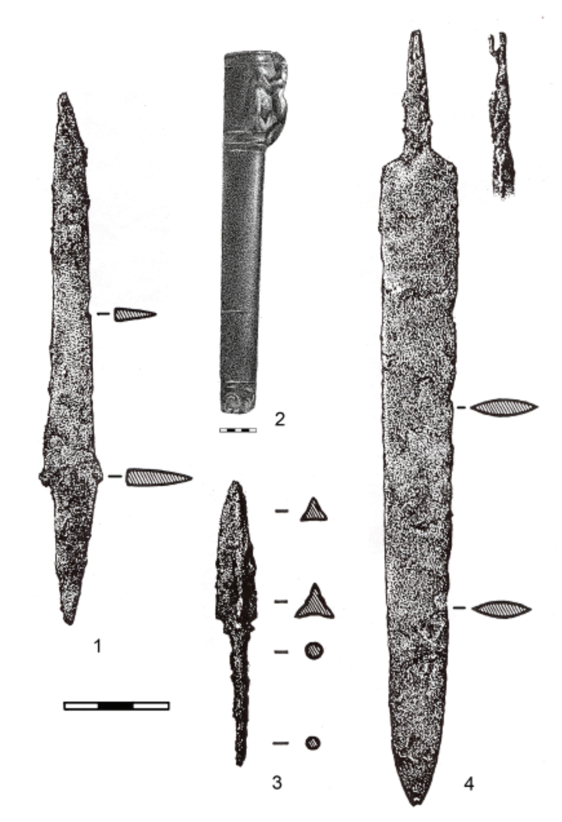

Рис. 8. Средневековый культовый комплекс: *1* – нож; *2* – ножны; *3* – наконечник стрелы; *4* – кинжал. *1, 3, 4* – железо; *2* – бронза.

Fig. 8. Medieval cultic assemblage: *1* – knife; *2* – scabbard; *3* – arrowhead; *4* – dagger. *1, 3, 4* – iron; *2* – bronze.

Примечания:

[1] Подобные культовые постройки до сих пор сооружаются коренными народами Урала. Это сумьяхи манси, священные амбары, амбары духов, хижины богов-духов хантов, куалы удмуртов и т.д. (рис 1: а).

[2] Культурная принадлежность остальных фрагментов не определена.

[3] Представительная коллекция, правда число подобных сосудов не указано, происходит с поселения эпохи энеолита Горный Самотнел-1 Приуральского района ЯНАО (Тупахина, Тупахин, 2018). На других памятниках, если подобные фрагменты с рельефными налепами и встречаются, но они, как правило, единичны.

[4] Еще один слегка приплюснутый с обеих сторон маленький шарик, видимо, с каким-то небольшим значком на одной из плоскостей, найден в Игнатиевской пещере на западном склоне Южного Урала (Петрин, 1992. С. 138-139. Рис. 97, *5*). Но он очень маленького размера (максимальный диаметр 1,5 см) и культурная принадлежность его не ясна. Поэтому он, скорее всего, имеет только формальное сходство с анализируемой категорией изделий.

ЛИТЕРАТУРА

Алексашенко Н.А. «Утюжки» под микроскопом // Культовые памятники горно-лесного Урала / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 239–254.

Гемуев И.Н. Святилище Халев-Ойки // Мировоззрение финно-угорских народов / Отв. ред. И.Н. Гемуев. Новосибирск: Наука. 1990. С. 78-91.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховий Северной Сосьвы. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.

Карманов В.Н. «Колобки» лесного неолита: керамические поделки охотников-собирателей северо-востока Европы (республика Коми, Россия) // Stratum Plus. 2023а. № 2. С. 105-118.

Карманов В.Н. Керамические поделки неолита, бассейн реки Вычегды // Искусство и погребальный обряд позднего каменного века / Отв. ред. А.А. Выборнов, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач, Д.А. Сташенков. Самара-СПб.: ИИМК РАН, 2023б. С. 62-64.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Том 2. Перевод с немецкого и публикация д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск: Томский ун-тет, 1995. 284 с.

Лар Л.А. Культовые памятники Ямала. Хэбидя Я. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. 173 с.

Медведев В.Е. Глиняные шары с острова Сучу – материальные сакральные символы эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 41–49.

Молодин В.И., С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 206–211.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Глиняная «погремушка» в виде головы медведя и варианты ее использования носителями кротовской культуры (эпоха бронзы, конец III тыс. до н.э., Барабинская лесостепь) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 16-22.

Носкова Л.В., Шорин А.Ф. Скульптурные изображения на неолитических сосудах Кокшаровского холма // Миф и символ в прошлом и настоящем / Отв. ред. О.В. Рыжкова. Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. С. 22–27, 143–154.

Панина С.Н. Фрагмент сакрального пространства эпохи энеолита у подошвы Усть-Вагильского холма в лесном Зауралье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 330–333.

Панина С.Н. Культовая пластика из раскопок Усть-Вагильского холма // Тверской археологический сборник. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н, Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 479–489.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 207 с.

Произведения изобразительного искусства VI-III тыс. до н.э. из собрания Археологического музея ИвГУ. Каталог / сост. Е.Л. Костылева, А.В. Уткин. Иваново: Типография Икс-Пресс, 2007. 41 с.

Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала. // ВАУ. Вып. 24 / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. С. 127–151.

Сериков Ю.Б. К вопросу о семантике наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом // Проблемы археологии и древней истории Урала / Ред. Ю.Б. Сериков. Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. С. 71-86.

Сериков Ю.Б. Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах // Народы и религии Евразии. 2008. № 2. С. 11–31.

Сладкова Л.Н., Кокшаров С.Ф. Керамическая погремушка с поселения Олымья IV (бронзовый век) // XXII Уральское археологическое совещание / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Курганский университет, 2022. С. 138–139.

Сладкова Л.Н., Кокшаров С.Ф. Керамическая погремушка бронзового века с поселения Олымья IV (север Западной Сибири) // Stratum Plus. 2023. № 2. С. 119–132.

Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона. Липецк, Саратов: Десятая Муза, 2020. 400 с.

Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: каталог / Сост. А.Б. Агаркова, А.Я. Труфанов. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2011. 152 с.

Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Поселения эпохи энеолита Горный Самотнел-1: материалы и исследования. Салехард: Научный центр изучения Арктики, 2018. 150 с.

Усанов Е.Н. Диалог культур – 100 веков: Мезо-неолитический орнамент (10–4 тыс. лет) центральной части Волго-Окского междуречья в контексте формирования протописьменности. Владимир: Реко, 2009. 84 с.

Усачева И.В. «Утюжки» Евразии. Новосибирск: Наука, 2013. 352 с.

Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010584 с.: ил.

Чаиркина Н.М. Торфяниковые памятники Урала, Восточной и Западной Европы. СПб.: Нестор-История, 2022. 368 с.: ил.

Чемякин Ю.П. Неолитический комплекс поселения Барсова Гора II/9 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 7. С. 191–202.

Шорин А.Ф. История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной) / Отв. ред. М.П. Вохменцев. Курган: Курган гос. ун-т, 2007. С. 30–42.

Шорин А.Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. 2010. №1(26). С. 32-42.

Шорин А.Ф., Зыков А.П., Вилисов Е.В. Средневековый комплекс Кокшаровского холма (Среднее Зауралье) // РА. 2013. №1. С. 119-129.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Кокшаровский холм: неолитические сосуды с рельефными изображениями // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 15–24.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Кокшаровского холма // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 97–107.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Энеолитический комплекс памятника археологии «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение» и начало эпохи энеолита в Зауралье // РА. 2021. № 3. С. 37-51.

Andreescu R.-R., Cătălin Lazăr C., Ignt T., Moldoveanu K. The Eneolithic Settlement and Necropolis of Sultana-Malu Roşu (Southern Romania) // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха. София: Национален археологически институт и музей - БАН, 2011. С. 129–142.

Hepp G.D. Formative period ceramic figurines from the lower Rio Verde Valley, Coastal Oaxaca, Mexico. Tallahassee, 2007. 258 c.

Информация об авторах:

Шорин Александр Фёдорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Россия); shorin_af@mail.ru.

Шорина Анастасия Александровна, научный сотрудник; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Россия); aashor@mail.ru

REFERENCES

Aleksashenko, N. A. 2004. In Viktorova, V. D. (ed.) *Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala (Cultic archaeological sites of the mountain forest Urals).* Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 239–254 (in Russian).

Gemuev, I. N. 1990. In Gemuev, I. N. (ed.) *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov (World outlook of the Finno-Ugric peoples)* Novosibirsk: "Nauka" Publ., 78–91 (in Russian).

Gemuev, I. N., Baulo, A. V. 1999. *Svyatilishcha mansi verkhoviy Severnoy Sos'vy (Mansi sanctuaries in the upper part of Northern Sosva).* Novosib irsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Karmanov, V. N. 2023. In *Stratum Plus* (2), 105–118 (in Russian).

Karmanov, V. N. 2023. In Vybornov, A. A., Kolpakov, E. M., Tkach, E. S., Stashenkov, D. A. (eds.). *Iskusstvo i pogrebal`ny`j obryad pozdnego kamennogo veka (Art & Burial Practices In Late Stone Age)*. Samara; Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 62–64 (in Russian).

Karyalainen, K. F. 1995. *Religiya yugorskikh narodov (Religion of the Yugra peoples)* 2. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Lar, L. A. 2003. *Kul'tovye pamyatniki Yamala. Khebidya Ya (Cultic archaeological sites of Yamal. Khebidya Ya).* Tyumen Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Medvedev, V. E. 2009. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 39 (3), 41–49 (in Russian).

Molodin, V. I., S., Mylnikova, L. N., Nagler, A., Kobeleva, L. S., Durakov, I. A., Efremova, N. S., Novikova, O. I., Nesterova, M. S., Nenakhov, D. A., Kovyrshina, Yu. N., Mosechkina, N. N., Vasilieva, Yu. A. 2011. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Etnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories).* Vol. 17. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 206–211 (in Russian).

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Nesterova, M. S. 2017. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* (49), 16–22 (in Russian).

Noskova, L. V., Shorin, A. F. 2007. In Ryzhkova, O. V. (ed.). *Mif i simvol v proshlom i nastoyashchem (Myth and symbol in the past and present).* Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy, 22–27, 143–154 (in Russian).

Panina, S. N. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: “Otechestvo” Publ., 330–333 (in Russian).

Panina, S. N. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)*10. Tver: “Triada” Publ., 479–489 (in Russian).

Petrin, V. T. 1992. *Paleoliticheskoe svyatilishhe v Ignatievskoy peshhere na Yuzhnom Urale (Paleolithic Sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. (comp.). 2007. *Proizvedeniya izobrazitel'nogo iskusstva VI–III tys. do n.e. iz sobraniya Arkheologicheskogo muzeya IvGU (Fine art works of the VI–III millennium BC from the collection of the Archaeological Museum of Ivanovo State University).* Ivanovo: “LLC Printing House X-Press” Publ. (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2002. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 24.* Ekaterinburg: Ural State University, 127–151 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2005. In Serikov, Yu. B. (ed.) *Problemy arkheologii i drevney istorii Urala (Issues of archaeology and ancient history of the Urals)*. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy, 71–86 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2008. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)* 2, 11–31 (in Russian).

Sladkova, L. N., Koksharov, S. F. 2022. In Maslyuzhenko, D. N. (ed.) *XXII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (22nd Ural Archaeological Conference)* Kurgan: Kurgan State University, 138–139 (in Russian).

Sladkova, L. N., Koksharov, S. F. 2023. In *Stratum Plus* (2), 119–132 (in Russian).

Smolyaninov, R. V. 2020. *Early Neolithic of the Upper Don*. Lipetsk, Saratov: “Desyataya Muza” Publ. (in Russian).

Agarkova, A. B., Trufanov, A. Ya. (comp.). 2011. Surgutskii kraevedcheskii muzei. Arkheologicheskoe sobranie: katalog (Surgut Museum of Local History. Archaeological Collection: Catalog). Ekaterinburg-Surgut: “Magellan” Publ. (in Russian).

Tupakhina, O. S., Tupakhin, D. S. 2018. *Poseleniya epokhi eneolita Gornyy Samotnel-1: materialy i issledovaniya (Eneolithic Era settlements of Gorny Samotnel-1: materials and research).* Salekhard: State Public Institution Yamalo-Nenets Autonomous Okrug "Scientific Center for Arctic Studies" (in Russian).

Usanov, E. N. 2009. *Dialog kul'tur – 100 vekov: Mezo-neoliticheskiy ornament (10-4 tys. let) tsentral'noy chasti Volgo-Okskogo mezhdurech'ya v kontekste formirovaniya protopis'mennosti (Dialogue of cultures - 100 centuries: Meso-Neolithic ornament (10-4 thousand years) of the central part of the Volga-Oka interfluve in the context of the formation of proto-writing).* Vladimir: “Reko” Publ. (in Russian).

Usacheva, I. V. 2013. *«Utyuzhki» Evrazii («Cross-grooved objects» of Eurasia)* Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Agapov, S. A. (ed.). 2010. *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsky Eneolithic Burial Grounds and Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials*). Samara: “Povolzh'e” Publ. (in Russian).

Chairkina, N. M. 2022. *Torfyanikovye pamyatniki Urala, Vostochnoy i Zapadnoy Evropy (Peat monuments of the Urals, Eastern and Western Europe).* Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).

Chemyakin, Yu. P. 2020. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 19 (7), 191–202 (in Russian).

Shorin, A. F. 2007. In Vokhmenetsev, M. P. (ed.). *Problemy arkheologii: Ural i Zapadnaia Sibir' (k 70-letiiu T.M. Potemkinoi (Issues of Archaeology: the Urals and Western Siberia (Dedicated to the 70th Anniversary of T.M. Potemkina)).* Kurgan: Kurgan State University, 30–42 (in Russian).

Shorin, A. F. 2010. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 26 (1), 32–42 (in Russian).

Shorin, A. F., Zykov, A. P., Vilisov, E. V. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (*Russian Archaeology*) (1), 119–129 (in Russian).

Shorin, A. F., Shorina, A. A. 2016. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 53 (4), 15–24 (in Russian).

Shorin, A. F., Shorina, A. A. 2018. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 60 (3), 97–107 (in Russian).

Shorin, A. F., Shorina, A. A. 2021. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (*Russian Archaeology*) (3), 37–51 (in Russian).

Andreescu, R.-R., Cătălin Lazăr, C., Ignt, T., Moldoveanu, K. 2011. In *Zlatnoto peto khilyadoletie. Trakiya i s"sednite rayoni prez kamenno-mednata epokha (Golden Age. Trakia and the neighboring regions are the stone-copper era)*. Sofia: National Archaeological Institute and Museum – BAS, 129–142 (in English).

Hepp, G.D. 2007. *Formative period ceramic figurines from the lower Rio Verde Valley, Coastal Oaxaca, Mexico*. Tallahassee (in English).

About the Authors:

Shorin Alexander F., Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Sofia Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; shorin_af@mail.ru.

Shorina Anastasia A., Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Sofia Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; aashor@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.116.128

НЕОЛИТ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА[1]

© 2024 г. Е.М. Колпаков, А.М. Киселёва, А.И. Мурашкин, В.Я. Шумкин

Археология Кольского полуострова неотделима от археологии соседних территорий. Ранний неолит (~5.3–4 тыс. до н.э.) характеризуется керамикой Сяряйсниеми 1 двух вариантов Варзина и Чаваньга и ямочно-гребенчатой, бифасиальной техникой обработки камня, а также техникой шлифования и пиления для изготовления орудий из сланца. В каменном инвентаре представлены черешковые наконечники стрел листовидной и ромбической формы, листовидные и угловые ножи, топоры, тёсла. В раннем неолите исчезают характерные для местного мезолита асимметричные наконечники стрел, топоры на отщепах (напоминающие кливеры), обушковые формы, орудия на пластинах. Средний неолит (~4–2.5 тыс. до н.э.) обладает существенно меньшим количеством памятников, где найдены керамические сосуды. К этому периоду можно отнести единичные находки фрагментов ромбоямочной керамики в центральных и южных районах полуострова, а также фрагменты или развалы нескольких сосудов типа Залавруга (пористая гребенчатая керамика). Многие типы каменных орудий, появившиеся в раннем неолите, продолжают существовать до начала бронзового века. Характерными для среднего неолита можно считать наконечники типа Ниельв/Пюхенсилта. Поздний неолит (~2.5–1.9 тыс. до н.э.) начинается с появлением культуры Гресбакен. Обычными становятся конструктивно сложные углублённые до 1 м жилища. Большинство найденных художественных изделий из кости, рога и камня относятся к этой культуре. Керамика относится к асбестовой типа Палайгуба, появляются наконечники типа Сундерой. В самом конце позднего неолита появляется асбестовая керамика типов Ловозеро и Пасвик. К неолиту в целом относятся памятники наскального искусства.

Ключевые слова: археология, Кольский полуостров, неолит, бронзовый век, керамика, тип, Сяряйсниеми, Варзина, Чаваньга, Гресбакен, Палайгуба, Ловозеро, петроглифы.

KOLA PENINSULA NEOLITHIC [2]

E.M. Kolpakov, A.M. Kiselyova, A.I. Murashkin, V.Ya. Shumkin

The archaeology of the Kola Peninsula is related to the archaeology of neighboring regions. The Early Neolithic (~5.3–4 millennia BC) is characterized by the Säräisniemi 1 ceramics of the two Varzina and Chavanga variants and the Pit-Comb, bifacial stone working technique, as well as the grinding and sawing technique for making slate tools. The stone inventory includes leaf-shaped and rhombic-shaped tanged points, leaf-shaped and angle knives, axes and adzes. In the Early Neolithic the asymmetrical points, flake axes (resembling cleavers), backed types and blade tools characteristic for the local Mesolithic disappeared. The Middle Neolithic (~4–2.5 millennia BC) has a significantly smaller number of sites where ceramic vessels were found. This period includes solitary finds of fragments of Rhomb-pit pottery in the central and southern regions of the peninsula, as well as fragments or several Zalavruga-typed vessels (porous comb pottery). Many types of stone tools that appeared in the Early Neolithic continued to exist until the beginning of the Bronze Age. Projectile points of the Nyelv/Pyhensilta type can be considered characteristic of the Middle Neolithic. The Late Neolithic (~2.5–1.9 millennia BC) begins with the appearance of the Gresbakken culture. Structurally complicated dwellings, recessed up to 1 m deep, became common. Most of the finds, made of bone, horn and stone, belong to this culture. Pottery belongs to the asbestos ceramics of the Palayguba type; points of the Sunderoy type appear. At the very end of the Late Neolithic, asbestos ceramics of the Lovozero and Pasvik types appear. Rock art of the Kola Peninsula mainly dates back to the Neolithic.

[1] Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012) и «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017)

[2] The study was conducted as part of the fundamental scientific research of the state academies of sciences "The most ancient inhabitants of the North of Eurasia: human settlement in the Stone Age, production technologies" (FMZF-2022-0012) and "Development of registration, keeping, scientific description and updating of archaeological collections, kept at the Institute for History of Material Culture RAS" (FMZF-2022-0017)

Keywords: archaeology, Kola Peninsula, Neolithic, Bronze Age, pottery, type, Säräisniemi, Varzina, Chavanga, Gressbakken, Palayguba, Lovozero, petroglyphs

Введение

Археология Кольского полуострова неотделима от археологии соседних территорий Мурманской области, а также севера Карелии, Финляндии, Норвегии, Швеции. Со времени первого появления человека на кольской земле в раннем мезолите и до саамского Средневековья культуры Кольского полуострова являлись частью более широких общностей, культурных и географических.

Неолит Кольского полуострова наиболее полно представлен в книге Н.Н. Гуриной (Гурина, 1997), опубликованной в 1997 году и написанной по материалам, полученным до 1985 года. При этом рукопись книги автором не была закончена. Краткая информация об исследованиях неолита Кольского Севера в XXI веке представлена в нашей статье (Колпаков и др., 2023), а о ранненеолитической керамике в работах А.М. Киселёвой (Киселёва, 2022; 2024; Киселёва, Колпаков, 2023). Исчерпывающие сведения о памятниках наскального искусства, которые в основном относятся к неолиту, опубликованы в ряде монографий и статей (основные из них: Колпаков, Шумкин, 2012; Колпаков и др., 2018; 2022; Колпаков, Киселёва, 2022). Настоящая статья призвана изложить современные представления о неолите Кольского Севера, которые, впрочем, не стоит считать ясными и для самих авторов как по причине неполноты накопленных данных, так и по причине недостаточной изученности этих данных.

Впервые люди появляются на севере Фенноскандии после отступания Скандинавского ледника – в голоцене. На протяжении неолитического периода природно-климатические условия Европейского Заполярья неоднократно менялись. По сравнению с современностью были как более тёплые периоды, так и более холодные, более влажные и менее. В позднеледниковье и в голоцене Кольский полуостров испытывал гляциоизостатическое поднятие, а окружающие его акватории эвстатическое поднятие моря. В позднем голоцене на Кольском полуострове имела место морская регрессия (Corner et al., 2001; Kolka, Korsakova, 2005; Колька, Корсакова, 2012; Толстоброва и др., 2022). Поэтому для археологических памятников Кольского полуострова всегда учитываются высота над уровнем моря и их приуроченность к морским террасам. При этом большинство (до 90%) памятников Мурманской области расположено на древних берегах Белого и незамерзающего Баренцева морей. Исторически это объясняется тем, что продуктивность моря с точки зрения питания древнего человека в условиях Арктики была значительно выше, чем внутренних пространств. При этом материковые и приморские памятники практически не отличаются по типам каменных артефактов и керамики.

Ранний неолит (~5.3–4 тыс. до н. э.)

Эпоха неолита на крайнем севере Фенноскандии начинается, как и положено, с появления керамической посуды. На Кольском полуострове она появляется не позднее последней четверти 6 тыс. до н. э., о чём свидетельствуют последние радиоуглеродные датировки нагара со стенок сосудов (Варзина 6: 5302–5041 calBC (Poz-151704), Нерпичья Губа 1: 5876–5669 calBC (GV-04295a-уголь), 5212–5006 calBC (GV-04295b-гумус)) (Киселёва, 2024). Первая керамика относится к типу Сяряйсниеми 1 (Säräisniemi 1), распространённому на севере Карелии, Финляндии и Норвегии. Она характеризуется минеральной примесью в тесте (за исключением асбеста) и орнаментом из оттисков разнообразных штампов и ямок, который покрывает всю внешнюю поверхность. На Кольском полуострове фрагменты сосудов этого типа обнаружены на 45 памятниках, из которых только 11 не имеют материалов других периодов (Киселёва, 2022a). Памятники раннего неолита есть как на северном (Мурманском), так и на южном (Кандалакшском и Терском) берегах Кольского полуострова, а также в его центральной части. Причём по типам артефактов в целом они не отличаются.

В недавних работах было высказано предположение, что керамика Сяряйсниеми 1 происходит от верхневолжской керамики, которая подверглась влиянию гребенчатой керамики с более восточных территорий. Отмечается её сходство с так называемой керамикой «северных типов», выделенной в материалах памятников Верхней Сухоны и Волго-Окского междуречья (например, Piezonka, 2015, p.

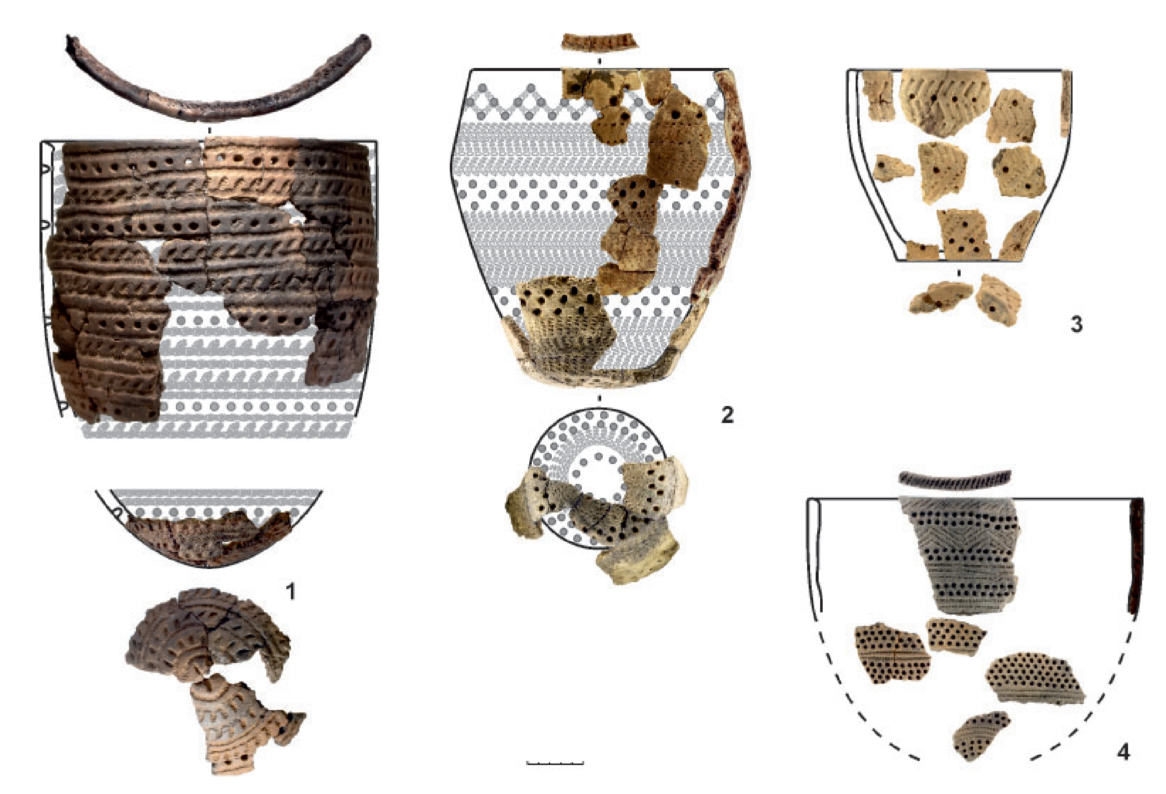

Рис. 1. Ранний неолит. Керамические сосуды: 1 – типа Сяряйсниеми 1 Варзина – Варзина 6; 2 – Сяряйсниеми 1 Чаваньга – Маяк 3; 3 – Сяряйсниеми 1 Чаваньга – Колвица 3; 4 – Ямочно-гребенчатая – Ловозеро 3
Fig. 1. Early Neolithic. Pottery: 1 – Säräisniemi 1 Varzina – Varzina 6; 2 – Säräisniemi 1 Chavanga – Mayak 3; 3 – Säräisniemi 1 Chavanga – Kolvitsa 3; 4 – Pit-Comb – Lovozero 3

191–209; Nordqvist, 2018, p. 92). В то же время ранненеолитическая керамика Кольского Севера во многом сходна с широко распространённой в лесной зоне Восточной Европы ямочно-гребенчатой керамикой – архаичной и ранней льяловской (Сидоров, 1998; Энговатова, 1997, с. 117).

Для материалов Кольского Севера А.М. Киселёвой было предложено выделять внутри типа Сяряйсниеми 1 два варианта (типа, подтипа) – Варзина и Чаваньга (рис. 1: 1–3) (Киселёва, 2024). Сосуды первого варианта округлодонные, второго – плоскодонные (дно орнаментировано). Важно, что с формой дна коррелирует целый набор других признаков, описывающих морфологию, орнаментацию и технологию изготовления посуды. В литературе неоднократно отмечалось, что плоскодонные сосуды известны только на Кольском полуострове (Песонен, 1980; Гурина, 1997, с. 125; Piezonka, 2015, p. 205). Однако один фрагмент от плоского дна всё же найден на севере Норвегии (Ts.6116mm, Noatun Neset (Simonsen, 1963, p. 91)). Не исключено, что на соседних территориях плоскодонные сосуды не идентифицированы из-за плохой сохранности (часто дно представлено лишь мелкими фрагментами) или особенностей морфологии (угол между стенкой и дном может быть достаточно большим и плавным).

Несмотря на чёткость выделенных вариантов посуды, пока не очевидны основания для их культурно-исторической интерпретации, поскольку оба встречаются вместе на большинстве раскопанных памятников.

Несколько сосудов типа ямочно-гребенчатой керамики найдено на памятниках в районе оз. Ловозеро (рис. 1: 4) (Анпилогов, 1981). Нагар с одного из них датирован первой половиной – серединой 5 тыс. до н. э. (Ловозеро 3: 4933–4722 calBC (GV-04294a-уголь), 4587–4362 (GV-04294b-гумус)). Многочисленные аналогии этим сосудам находятся на территории Карелии, где подобная керамика датируется преимущественно второй половиной 5 тыс. до н. э. (Tarasov et al., 2017).

Если появление керамики на Кольском полуострове – очевидная инновация, то вопрос о преемственности в каменном инвентаре не так прост. «Неолитическая эпоха генетически связана с мезолитом, о чем свиде-

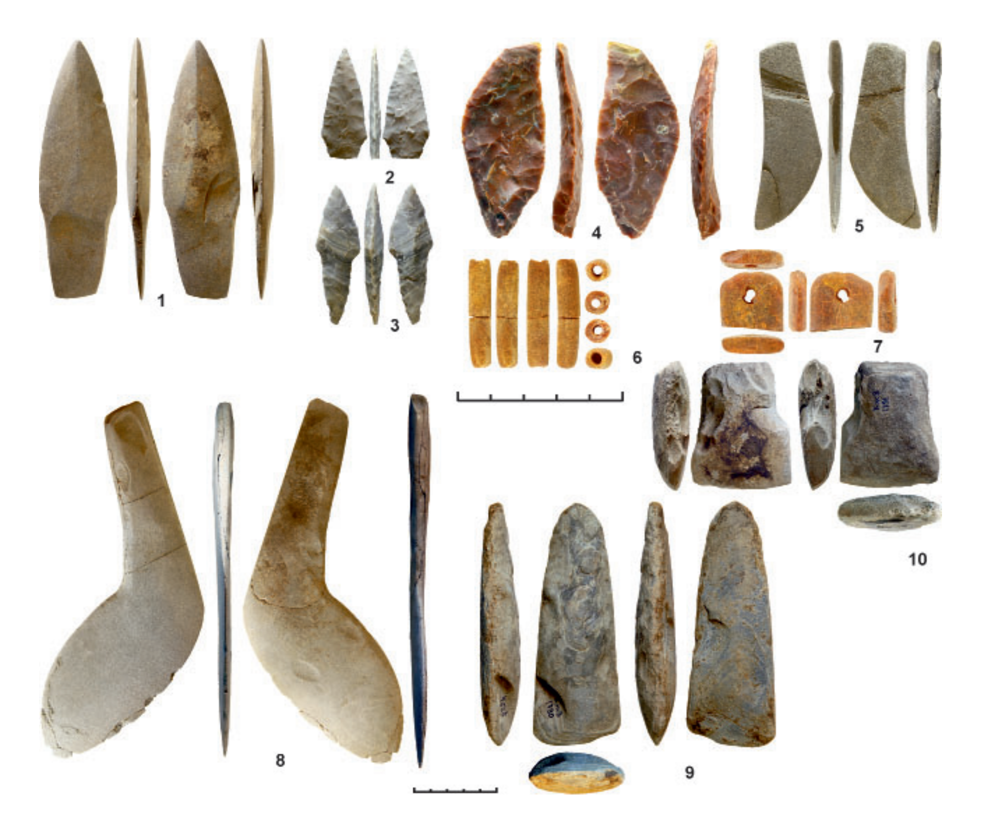

Рис. 2. Ранний неолит. Поселение Кумжа 8 жилище 1: 1–3 – наконечники стрел; 4 и 8 – нож; 5 – угловые ножи; 6 и 7 – янтарные подвески; 9 и 10 – топоры. 2, 3, 4 – кремень; 6, 7 – янтарь; 1, 5, 8–10 – сланец

Fig. 2. Early Neolithic. Kumzha 8 settlement, dwelling 1: 1–3 – points; 4 and 8 – knife; 5 – angle knives; 6 and 7 – amber pendants; 9 and 10 – axes. 2, 3, 4 – chert; 6, 7 – amber; 1, 5, 8–10 – slate

тельствует преемственность орудий» (Гурина, 1997, с. 133). Так считается и до сих пор. Однако преемственность орудий проявляется прежде всего в артефактах из кварца, которые и составляют большинство в комплексах всех кольских памятников. Кварц весьма специфичный материал для обработки, и кварцевые фации северных культур заведомо выглядят достаточно однообразно от мезолита до раннего железного века, создавая впечатление непрерывного автохтонного развития каменного инвентаря. Биполярная техника раскалывания кварца, утвердившись в мезолите, доживает до конца его использования.

В неолите развивается бифасиальная техника обработки кремнистых пород и кварца, а также техника шлифования и пиления для изготовления орудий из сланца. Новые технологические возможности актуализируются в новых типах орудий, среди которых выделяются черешковые наконечники стрел листовидной и ромбической формы, листовидные и угловые ножи, топоры и тёсла (рис. 2). Причём аналогичные им формы распространены вплоть до Северной Швеции и Северной Норвегии (Ebert, 1927, taf. 33, 47; Broadbent, 1979, p. 119–124; Olsen, 1994, p. 52–56; Skandfer, 2005). О дальних связях говорят и две янтарные подвески с поселения Кумжа 8, найденные в 2023 г. (рис. 2: 6–7).

В связи с распространением шлифованных сланцевых орудий появляется большое количество инструментов для абразивной обработки – пил, шлифовальных плит, брусков из песчаника и других зернистых пород. По всей видимости, именно в раннем неолите появляются многочисленные грузила из гранитных галек, со специально оформленными выемками или желобком по периметру. Многие типы каменных орудий, появившиеся в раннем неолите, продолжают существовать и в начале бронзового века.

В раннем неолите исчезают характерные для местного мезолита асимметричные наконечники стрел, топоры на отщепах (напоминающие кливеры), обушковые формы, орудия на пластинах. Изделия из кости или рога, которые можно достоверно связать с этим периодом, не известны.

В целом как сам материал, так и уровень его анализа не позволяют обоснованно сделать выводы о появлении нового населения или его отсутствии при наступлении неолитической эпохи.

Полевые исследования с 1990-х годов пока не добавили принципиально новых данных. В 2010-е нами было раскопано три небольших памятника раннего неолита. В 2012 году на побережье Ивановской губы на поселении **Ивановский Маяк 2** на высоте 26 м БСВ

раскопан объект № 9, который представлял собой кольцевую выкладку диаметром 2–2,2 м из уплощённых камней размерами около 50×25 см. Немногочисленные артефакты (несколько фрагментов керамики Сяряйсниеми 1, кварц, кремень) и мельчайшие древесные угольки залегали в песке, непосредственно под дёрном, в основном в пределах каменной выкладки. Дата по древесному углю из слоя – 4800–3950 calBC (Le-9766). Назначение сооружения не выяснено.

К западу от Харловки на высоте 17–18 м БСВ открыта стоянка **Харловка 18**. На развеянной поверхности обнаружены фрагменты керамики и каменные артефакты. Шурф 2×1 м на глубине 5–15 см вышел на скальное основание. Всего собрано четыре бифасиальных наконечника из кремня и 32 фрагмента от одного сосуда типа Сяряйсниеми 1 Варзина, а также остатки фауны (все определимые кости принадлежат гренландскому тюленю).

Стоянка **Лива 8** на озере Верхнее Чалмозеро к востоку от Ковдора раскопана (18 м^2) практически полностью в 2022 году. Найдено 393 каменных артефакта (в основном микродебитаж кварца) и развал керамического сосуда типа Сяряйсниеми 1 Варзина.

Кроме того, в 2022 году нами были начаты раскопки жилища 1 на поселении **Кумжа 8** в губе Дроздовка. Это единственное ранненеолитическое жилище, исследованное раскопками, не считая следов жилищ, замеченных в культурных слоях Маяка 2 и Ловозеро 3. Жилище имело углублённую камеру размерами не менее 3,5×3,5 м, стенки которой были укреплены деревянной конструкцией, судя по некоторым следам в её заполнении.

Средний неолит (~4–2.5 тыс. до н. э.)

Средним этапом неолита можно считать период от исчезновения керамики ямочно-гребенчатого типа (по аналогии с соседними территориями) до перехода к асбестовой керамике (типа Палайгуба). Средний неолит пока, по сути, это всё, что помещается между ранним и поздним неолитом, материалы которых относительно ясно выражены типологически.

Для среднего этапа неолита количество памятников, где найдены керамические сосуды, существенно меньше. К этому периоду можно отнести единичные находки фрагментов ромбоямочной керамики (рис. 3: 4) в центральных и южных районах полуострова, а также фрагменты или развалы нескольких сосудов типа Залавруга (пористая гребенчатая керамика) (рис. 3: 5) (Жульников, 2007). Интересно, что в северной Финляндии находки керамической посуды периода середины 5 – конца 3 тыс. до н. э. также крайне редки (Carpelan, 2004), а в северо-восточной Норвегии отсутствуют вовсе (Jørgensen et al., 2023).

При этом многие типы каменных орудий, появившиеся в раннем неолите, продолжают существовать до начала бронзового века и в его начале, что осложняет атрибуцию памятников каменного века, на которых керамика не найдена. Вполне возможно, что такое положение объясняется слабостью сложившейся типологии каменного века Кольского полуострова и соседних территорий. Сейчас лишь один тип наконечников может считаться специфичным для среднего неолита – это тип Ниельв/Пюхенсилта (Nyelv/Pyhensilta) (Olsen, 1994, p. 54–55). Наконечник шлифованный сильно удлиненных пропорций, в сечении ромбический или линзовидный, с выделенным насадом, сужающимся и уплощённым к основанию. Однако на Кольском полуострове таких наконечников найдено немного (рис. 3: 1–3).

Со средним неолитом на основе типологии также можно связать ряд находок костяного промыслового инвентаря из коллекции поселения Маяк 2 (Маяк 2 содержит смешанные материалы от раннего неолита до РЖВ). К ним относятся односторонние наконечники гарпунов и острог с треугольным или округлым насадом, а также рыболовные крючки с бородкой, выделенной крупной головкой и поддёвом, который имеет V-образную или подпрямоугольную со скруглёнными углами форму. Орудия аналогичных форм найдены на датированных поселениях на севере Норвегии (Мурашкин, Киселева, 2018; Киселева, Мурашкин, 2019).

Н.Н. Гурина считала, что «ярко выраженное своеобразие материальной культуры Кольского полуострова уже с эпохи неолита позволяет говорить об особой кольской археологической культуре, которая не потеряла своей специфики и в эпоху раннего металла» (Гурина, 1997, с. 125–126). Сейчас заключение об отдельной кольской археологической культуре выглядит преждевременным. Материалы позднего неолита и раннего бронзового века уверенно относятся к культуре Гресбакен

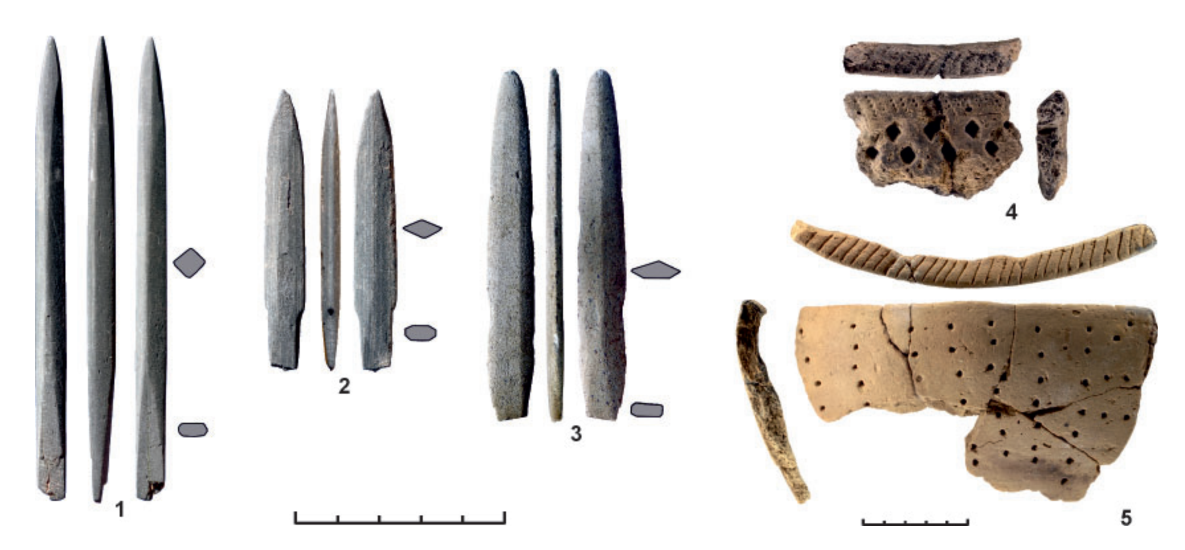

Рис. 3. Средний неолит. 1 и 2 – наконечники типа Ниельв/Пюхенсилта – Харловка 1-6 (пункт 6); 3 – наконечник типа Ниельв/Пюхенсилта – Канозеро Каменный 7; 4 – фрагменты сосуда ромбоямочной керамики – Мыс Семёрка; 5 – фрагменты сосуда типа Ловозеро – Усть-Дроздовка 1. 1–3 – сланец; 4–5 – керамика
Fig. 3. Middle Neolithic. 1 and 2 – points of the Nyelv/Pyhensilta type – Kharlovka 1-6 (point 6); 3 – point of the Nyelv/Pyhensilta type – Kanozero Kamenny 7; 4 – fragments of Rhomb-pit pottery – Cape Semyorka; 5 – fragments of the Lovozero type vessel – Ust- Drozdovka 1. 1–3 – slate; 4–5 – pottery

– единой для территории России и Норвегии, по крайней мере для побережья Баренцева моря. Материалы раннего и среднего неолита Кольского полуострова, очевидно, имеют много общего с материалами соседних территорий (север Карелии, Финляндии, Швеции и Норвегии) как в керамике, так и в каменном инвентаре (ср. Песонен, 1980, с. 77–78). При этом при единстве археологической культуры, как сейчас это представляется, на Кольском Севере складывается два основных хозяйственно-культурных типа: 1) морские охотники и рыболовы на побережье и 2) таёжные охотники и рыболовы во внутренних районах.

К периоду среднего и позднего неолита относятся немногочисленные артефакты, свидетельствующие о контактах населения Кольского полуострова с отдаленными территориями. Два кремнёвых кинжала и желобчатое тесло с прямоугольным поперечным сечением из погребения в бухте Песконец (Гурина, 1986), фрагменты кремневого рубящего орудия с прямоугольным поперечным сечением из жилища 33 на поселении Завалишина 5, два фрагмента кремнёвых кинжалов со стоянки Красный 7 указывают на связи с Южной Скандинавией. Сделанные из янтаря пуговица с V-образным сверлением с поселения Маяк 2 (Гурина 1997, рис. 62: 3), трапециевидные подвески из памятников Мыс Семерка (Гурина, 1997, рис. 45: 7) и Харловка 1–6 (Kolpakov et al., 2021, p. 35) свидетельствуют о контактах с Восточной Прибалтикой.

Поздний неолит (~2.5–1.9 тыс. до н. э.)

Поздний неолит начинается с появлением на арктическом побережье Фенноскандии культуры (фазы) Гресбакен (Gressbakken), которая продолжает существовать и в раннем бронзовом веке до середины 2 тыс. до н. э. Близкое сходство между комплексами этой культуры выражено как в типах каменных и костяных артефактов, так и в типах жилых построек. Размеры поселений доходят до нескольких десятков построек, хотя трудно установить, сколько из них существовало одновременно. Обычными становятся конструктивно сложные, углублённые до 1 м жилища. Большинство найденных художественных изделий из кости, рога и камня относятся к этой культуре.

Керамическая посуда этого периода изготавливалась с примесью асбеста и относится к типу Палайгуба (рис. 4: 11), который по аналогии с данными по Карелии и датами из жилищ Кольского полуострова датируется 2,5–1,9 тыс. до н. э. (Гусенцова, Жульников, 2023; Kolpakov et al., 2021). В самом конце позднего неолита появляется асбестовая керамика типов Ловозеро и Пасвик.

В каменном инвентаре как сохраняются более ранние формы, так и появляются новые. По-прежнему повсеместно распространены угловые ножи (рис. 4: 8), которые, вероятно,

Рис. 4. Поздний неолит. 1–3 – наконечники типа Сундерой – Маяк 2; 4 – наконечник типа Сундерой – Завалишина 5; 5–7 – черешковые наконечники – Завалишина 5; 8 – угловой нож – Песканец 2; 9 – наконечник гарпуна (с повреждёнными остриём и шипом) – Харловка 1-6; 10 – грузило с желобком – Завалишина 5; 11 – фрагменты сосуда типа Палайгуба – Харловка 1-6; 12 – фрагменты сосуда типа Палайгуба – Маяк 2. 1–8 – сланец; 9 – кость; 10 – гранит (?); 11–12 – керамика

Fig. 4. Late Neolithic. 1–3 – points of the Sunderoy type– Mayak 2; 4 – points of the Sunderoy type – Zavalishina 5; 5–7 – tanged points – Zavalishina 5; 8 – angle knife – Peskanets 2; 9 – harpoon-head (with damaged tip and barb) – Kharlovka 1-6; 10 – sinker with groove – Zavalishina 5; 11 – fragments of a Palayguba type vessel – Kharlovka 1-6; 12 – fragments of a Palayguba type vessel – Mayak 2. 1–8 – slate; 9 – bone; 10 – granite (?); 11–12 – pottery

применялись для разделки морского зверя и употребления мороженого мяса, так же как древние и современные «женские» эскимосские ножи типа улу (уляк, улек, пекуль, пеколка). Встречаются каменные молоты и грузила с желобком или выемками (рис. 4: 10). Различные наконечники метательного вооружения – шлифованные и бифасиальные (рис. 4: 1–7). Появляется новый тип наконечников – шлифованный с вогнутым основанием и желобком по центру – тип Сундерой (Sunderøy) (рис. 4: 1–4).

К позднему неолиту и раннему бронзовому веку относится большинство памятников с хорошей сохранностью кости и рога, включающих орудия, бытовые предметы, украшения, мелкую пластику. Встречаются орнаментированные предметы. Мотивы орнамента: линии, пересекающиеся линии, насечки, зигзагообразные и меандроподобные. Наиболее типологически выраженными являются наконечники гарпунов (рис. 4: 9) и острог, рыболовные крючки. Для этого периода характерны односторонние и двусторонние наконечники гарпунов с прямоугольным насадом, крупные рыболовные крючки с U-образным поддёвом и бородкой и маленькие рыболовные крючки без бородки. При этом их изменения в неолите и бронзовом веке выглядят вполне последовательными и плавными (Мурашкин, Киселёва, 2018; Мурашкин и др., 2019).

К позднему неолиту относятся единичные находки, свидетельствующие о знакомстве местного населения с металлом (Мурашкин, 2022).

Наиболее выраженные долговременные зимние жилища этого периода представляли собой довольно сложные сооружения (Kolpakov et al., 2016). Это были полуземлянки с внутренней камерой, достигавшей размеров 6×12 м. Стенки котлована в некоторых случаях, вероятно, укреплялись деревом и камнем. При выкапывании котлована жилища оставлялись платформы для сна, обычно по торцам жилой камеры. Обогрев обеспечивался сложенным из камней одиночным или двойным очагом, от которого отходил горизонтальный, переходящий в стене в вертикальный, дымоход. По торцам жилища сооружались проходы, которые в ряде случаев соединяли соседние постройки. Они же, видимо, служили вентиляционными воздуховодами. Основной вход всегда расположен в середине длинной стены со стороны моря.

Почти все поселения располагаются на второй морской террасе заливов Баренцева

моря, вплотную к древней береговой линии. На ряде поселений, где сохранилась органика, среди кухонных отбросов более 90% составляют кости морских животных: тюленей, моржей, белух и морских свиней. Особенно многочисленны кости гренландского тюленя (Колпаков, 2018; Киселева, Мурашкин, 2019).

Каменный инвентарь и керамика в позднем неолите во внутренних районах (прежде всего на озере Ловозеро) и на побережье Белого моря в целом сходны с вышеописанными, но жилища не найдены или не раскопаны.

Полевые исследования с начала 1990-х годов были сконцентрированы на изучении жилищ позднего неолита и бронзы на Северном побережье Кольского полуострова. К концу 1990-х были произведены раскопки жилища № 5 на поселении **Усть-Дроздовка 3** на побережье Нокуевского залива совместной норвежско-российско-финской командой под руководством К. Хельского и В.Я. Шумкина (Hood et al., 2022; Helskog et al., 2023).

В 2010 году к востоку от посёлка Териберка была раскопана основная часть поселения **Завалишина-5**. Исследовано 26 отдельных объектов, 14 из которых являлись остатками больших углублённых жилищ разных конструкций. Все раскопанные объекты помещались на пологом склоне террасы в валуно-галечнике, что не способствовало сохранности их конструкций. Жилища отличались друг от друга по конструктивным элементам, зафиксированным в раскопках. Их можно разделить на три основных типа: 1) «классический гресбакен», 2) «глубокое подквадратное», 3) «мелкое прямоугольное». Некоторые из них относятся уже к эпохе бронзы, а «мелкие прямоугольные» – и к РЖВ. В трёх жилищах найдены немногочисленные фрагменты керамики с примесью асбеста типа Палайгуба. Среди орудий каменные наконечники стрел, скребки, скобели, ножи, грузила. Из определимых костей на памятнике доминирует гренландский тюлень (99,6% от костей млекопитающих), который представлен всеми частями скелета (череп, нижняя челюсть, позвоночный столб, передние и задние конечности). Судя по костям ювенильных особей, на гренландского тюленя охотились почти круглый год.

На стоянке **Харловка 1–6** на побережье пролива Семиостровский Рейд исследованы остатки жилища, перекрытые дюной (Kolpakov et al., 2021). Несмотря на эрозию, такие особенности, как двойной каменный очаг и труба дымохода вместе с диагностичными находками позволяют отнести жилище к типу Гресбакен. Комплекс артефактов включает каменные орудия, костяные и роговые орудия и украшения, керамику с асбестом, янтарную подвеску и медную пронизку, изготовленную, возможно, способом холодной ковки (Kolpakov et al., 2021, p. 35–36). На фрагменте костяной пластины обнаружены следы обработки металлическим инструментом (Kolpakov et al., 2021, p. 35). Многочисленные остатки фауны представлены преимущественно морскими видами млекопитающих и птиц. Радиоуглеродные даты по древесному углю указывают на период 2600–2300 лет до н. э. (SPb-1561, SPb-2409, SPb-2410), что соответствует типам артефактов и конструкции жилища.

Культура Гресбакен продолжается в бронзовом веке и прекращает своё существование к середине 2 тыс. до н. э.

Фаунистические данные свидетельствуют о том, что основой жизнеобеспечения на побережье Баренцева моря в позднем неолите была охота на гренландского тюленя и китообразных, а также рыбная ловля, прежде всего трески и тресковых (Hodgetts, 2010; Колпаков и др., 2012; Киселева, Мурашкин, 2019). Разумеется, в небольших количествах пищей служили и другие животные: лось, северный олень, медведь, бобр, заяц, водоплавающие птицы. Добываемой пищи было достаточно для обеспечения оседлого образа жизни в круглогодичных поселениях (Колпаков, 2015).

Наскальные изображения

Наши знания о древних насельниках Кольского полуострова существенно дополняются наскальными изображениями. Всего в Мурманской области известно четыре памятника наскального искусства: Канозеро (1400 выбитых фигур), Чальмн-Варрэ на Поное (287 выбитых фигур) (Shumkin, 1990; Колпаков и др., 2018), Пяйва (30 скальных панелей: 24 фигуры, выполненные красной краской, девять геометрических гравировок) и Майка (три нарисованные фигуры) на одноимённых реках на полуострове Рыбачий (Shumkin, 1990; Колпаков и др., 2022а). Наиболее информативным из них является комплекс на островах озера Канозеро, между Хибинами и Белым

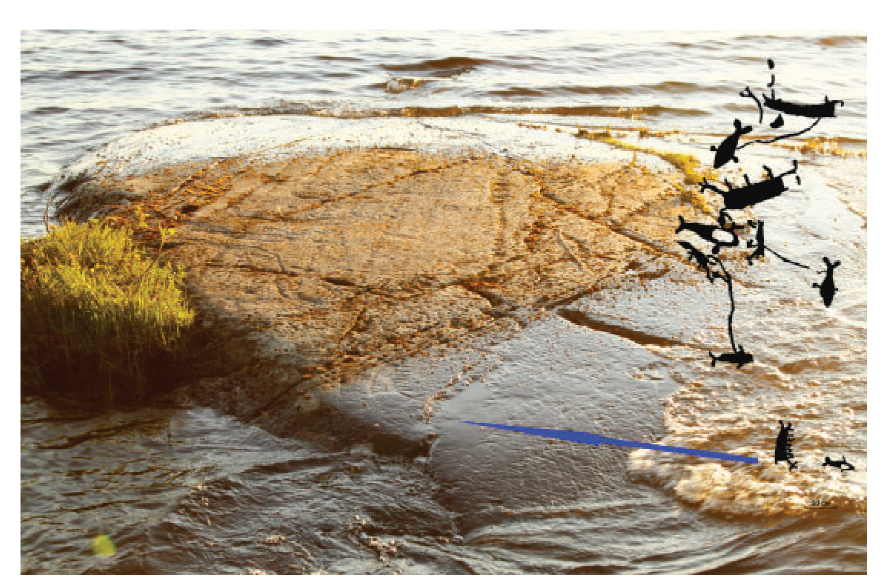

Рис. 5. Петроглифы Канозера, остров Еловый, группа Еловый 7. Охота с лодок на китообразных
Fig. 5. Petroglyphs of Kanozero, Elovy Island, Elovy 7 group. Hunting cetaceans from boats

морем, который мы датируем по аналогиям с Залавругой и косвенным признакам 4–2 тыс. до н. э. (Колпаков, Шумкин, 2012).

Главный сюжет канозерских петроглифов – охота с лодок на китообразных, вероятнее всего на белух и морских свиней (рис. 5). Лодки большие: в одной помещается до 12 человек. Парусов нет. Судя по выбивкам, лодки приводятся в движение вёслами-гребками. Один из членов экипажа обычно держит линь, на другом конце которого загарпуненный кит. Иногда весьма подробно изображается и сам гарпун. Сухопутная охота представлена всего несколькими сценами: подробная лыжная охота с копьём на медведя (белого?), две сцены лыжной охоты на лося с копьём и одна без лыж. Примечательно, что на петроглифах нет изображений тюленей, которые были основной добычей, судя по материалам поселений. Целый ряд композиций изображают то, что можно назвать «человеческими отношениями». В ряде таких сцен участвуют фантастические персонажи.

В раскопах около самой большой на Канозере группы выбивок Каменный 7 обнаружено более тысячи каменных артефактов (в основном кварцевых) и фрагменты керамики. Среди них фрагмент кремнёвого бифасиального кинжала, пять кремнёвых бифасиальных наконечников стрел, шлифованный наконечник типа Ниельв/Пюхенсилта (рис. 3: 3) и желобчатое тесло из сланца. Особенностью этих артефактов является то, что все они сделаны из привозного кремня и на них нет следов использования, а кинжал и один наконечник стрелы имеют естественные отверстия, по которым и сломались в древности. Видимо, они не предназначались для утилитарного использования. Эти данные говорят в пользу того, что все эти изделия были специально принесены и намеренно оставлены рядом с петроглифами.

Фрагменты керамики относятся к гребенчато-ямочной с примесью органики типа Залаврута (Колпаков и др., 2022б, с. 55). Время распространения посуды этого типа – конец 4 тыс. до н. э. (Tarasov et al., 2017). Типы большинства кремнёвых и сланцевых орудий относятся к позднему неолиту – бронзовому веку 3–2 тыс. до н. э. (Колпаков и др., 2022б).

ЛИТЕРАТУРА

Анпилогов А.В. Классификация керамики поселений р. Воронья в Центральной части Кольского полуострова // СА. 1981. № 1. С. 266–274.

Гурина Н.Н. 1986. О связях древнего населения Кольского полуострова. По материалам погребения в бухте Большой Песконец // СА. 1986. № 3. С. 85–94.

Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. 233 с.

Гусенцова Т. М., Жульников А. М. Новые данные о датировке памятников с асбестовой керамикой энеолита – эпохи бронзы на территории Северо-Запада России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 8–19.

Жульников А.М. Памятники с керамикой типа Залавруга I в Прибеломорье и некоторые вопросы изучения Беломорских петроглифов // Кольский сборник / Отв. ред. Л.Г. Шаяхметова. СПб: ИИМК РАН, 2007. С. 102–137.

Киселёва А.М. Комплексы ранненеолитической керамики на Кольском полуострове // Актуальная археология 6. Материалы Международной научной конференции молодых ученых (4-7 апреля 2022 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. А. М. Киселева. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 94–99.

Киселёва А.М. Керамическая посуда раннего неолита на Кольском Севере: типология и новые данные по хронологии // Stratum Plus. 2024. № 2. *в печати.*

Киселева А.М., Колпаков Е.М. Керамика Сяряйсниеми 1 на Кольском Севере? // Археологические вести. 2023. № 40. С. 40–56.

Киселева А.М., Мурашкин А.И. Морская охота и рыболовство на побережье Северной Фенноскандии до рубежа эр // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 171–179.

Колпаков Е.М. Питание древнего населения европейской Арктики // Питание и интеллект / Ред. Л.А. Забодалова, Т.В. Меледина, Е.П. Сучкова, М.С. Белозерова, Е.С. Сергачева. СПб.: Университет ИТМО; ИХиБТ, 2015. С. 29–34.

Колпаков Е.М. Морская охота в археологии Северной Фенноскандии // Археология Арктики. Вып. 5. / Отв. ред. Н.В. Федорова. Салехард: Научный центр изучения Арктики, 2018. С. 63–74.

Колпаков Е.М., Киселёва А.М. Петроглифы Канозера: 2019–2021 // Кольский сборник 3 / Отв. ред. Колпаков Е.М. СПб.: ООО «ЛЕМА», 2022. С. 66–109.

Колпаков Е.М., Киселёва А.М., Мурашкин А.И., Рябцева Е.Н. Наскальные изображения полуострова Рыбачий // Кольский сборник 3 / Отв. ред. Е.М. Колпаков. СПб.: ООО «ЛЕМА», 2022а. С. 18–65.

Колпаков Е.М., Киселёва А.М., Мурашкин А.И., Шумкин В.Я. Археология Кольского Севера: обзор на 2022 год // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 164–183.

Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Тарасов А.Ю., Малютина А.А., Степанова К.Н. Петроглифы Канозера: раскопки // Записки ИИМК РАН. Вып. 26 / Гл. ред. В.А. Лапшин. СПб.: ИИМК РАН, 2022б С. 52–63.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Петроглифы Чальмн-Варрэ. СПб.: ЛЕМА, 2018. 160 с.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Тарасов А.Ю. Археология Штокмана // Комплексные исследования природы Шпицбергена. Вып. 11 / Под ред. Г.Г. Матишов, Г.А. Тарасов. М.: ГЕОС. 2012. С. 104–111.

Колька В.В., Корсакова О.П. Применение геологических методов для датирования каменных лабиринтов на побережье Белого моря // Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2012. Т. 15. № 2. С. 349–356.

Мурашкин А.И. Обработка и использование металла в позднем неолите и эпоху бронзы на Кольском Севере // Престижная экономика первобытных людей / сост. А.М. Жульников, М.П. Отливанчик, Е.В. Свидерская. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. С. 155–168.

Мурашкин А.И., Киселева А.М. Динамика развития костяного инвентаря Северной Фенноскандии (неолит – эпоха раннего металла) // Археология Арктики. Вып. 5. / Отв. ред. Н.В. Федорова. Салехард: Научный центр изучения Арктики, 2018. С. 107–119.

Песонен П.Э. Неолитические памятники Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова / Отв. ред. Ю.А. Савватеев. Петрозаводск: КФАН СССР, 1980. С. 37–79.

Сидоров В.В. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 3. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 1998. С. 64–74.

Толстоброва А.Н., Корсакова О.П., Толстобров Д.С. Позднеледниково-голоценовая стратиграфия донных отложений из котловин малых изолированных озер баренцевоморского побережья (Кольский регион) // Вестник геонаук. 2022. № 6 (330). С. 26–37.

Энговатова А.В. Хронология поселения Воймежное 1 и вопросы периодизации неолита Русской равнины // Древние охотники и рыболовы Подмосковья по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное I / Отв. ред, А.В. Энговатова. М.: Ин-т этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1997. С. 104–120.

Broadbent N. Coastal Resources and Settlement Stability. A Critical Study of a Mesolithic Site Complex in Northern Sweden. Uppsala: Uppsala University Institute of North European Archaeology, 1979. 268 p.

Carpelan C. Environment, archeology and radiocarbon dates. Notes from Inari region, northern Finnish Lapland // Early in the North / Ed. M. Lavento. Helsinki: Finnish antiquarian society, 2004. P. 17–45.

Corner D.G., Kolka V.V., Yevzerov V.Y., Møller J.J. Postglacial relative sea-level change and stratigraphy of raised coastal basins on Kola Peninsula, northwest Russia // Global and Planetary Change. 2001. 31. P. 155–177.

Ebert M. Reallexikon der Vorgeschichte. Band 9 Norddeutschland – Oxusschatz. Berlin: Walter de Gruyter. 1927. 322 p.

Helskog K.A., Hood B.C., Shumkin V.Ya. Dwelling Forms and Settlement Patterns on Russia's Kola Peninsula Northern Coast, 2300–1500 cal. BC. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2023. 185 p.

Hodgetts L. Subsistence diversity in the Younger Stone Age landscape of Varangerfjord, northern Norway // Antiquity. 2010. Vol. 84, № 323. P. 41–54.

Hood B.C., Helskog K., Shumkin V.Ya Stone Age Houses on the Northern Rim of Europe: Arctic Norway and Russia's Kola Peninsula // More than shelter from the Storm: Hunter-Gatherers and the Built Environment. / Eds. B. Andrews, D. Macdonald. Florida: University Press of Florida, 2022. P. 83–108.

Jørgensen E. K., Arntzen J. E., Skandfer M., Llewellin M., Isaksson S., Jordan P. Source-sink dynamics drove punctuated adoption of early pottery in Arctic Europe under diverging socioecological conditions // Quaternary Science Reviews. 2023. № 299, 107825.

Kolka V., Korsakova O. Locality 5. Late Glacial and Holocene evolution of Kandalaksha Bay recorded in bottom sediment lithostratigraphy of raised coastal lakes and shoreline features // Quaternary geology and landforming processes. / Eds. O. Korsakova, V. Kolka. Apatity: Print. Kola Science Centre RAS, 2005. P. 36–46.

Kolpakov E., Murashkin A., Kiseleva A., Shumkin V., Mannermaa K. Kharlovka 1-6 on the Kola Peninsula: One of the oldest Gressbakken house sites in northern Fennoscandia // ISKOS. 2021. № 24. P. 21–42.

Kolpakov, E.M., Shumkin, V.Ya. & Murashkin, A.I. Early Metal Age Dwellings in Eastern Lapland: Investigations of the Kola Archaeological Expedition (IHMC) in 2004–2014 // ISKOS. 2016. № 21. P. 175–184.

Olsen B. Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie. Oslo: Universitetsforlaget, 1994. 58 p.

Nordqvist K. The Stone Age of North-Eastern Europe 5500–1800 calBC. Oulu: University of Oulu. 2018. 166 p.

Piezonka H. Jäger, Fisher, Töpfer. Wildbeutergruppen mit früher Keramik in Nordosteuropa im 6. und 5. Jahrtausend v. Chr. Bonn: Habelt, 2015. 439 p.

Skandfer M. Early, northern Comb Ware in Finnmark: the concept of Säräisniemi 1 reconsidered // Fennoscandia Archaeologica. 2005. № 22. P. 3–27.

Shumkin V. Y. The rock art of Russian Lappland // Fennoscandia archaeologica. 1990. № 7. P. 53–67.

Simonsen P. Varangerfunnene III. Fund og utgravninger i Pasvikdalen og ved den østlige fjørdstrand. Tromsø Museums Skrifter VII: 3. Tromsø: Universitetsforlaget. 1963. 298 p.

Tarasov A., Nordqvist K., Mökkönen T., Khoroshun T. Radiocarbon chronology of the Neolithic-Eneolithic period in the Karelian Republic (Russia) // Documenta Praehistorica. 2017. № XLIV. P. 98–121.

Информация об авторах:

Колпаков Евгений Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); eugenkolp@yandex.ru

Киселёва Алевтина Михайловна, младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); aliakiseleva@mail.ru

Мурашкин Антон Игоревич, младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); aimurash@yandex.ru

Шумкин Владимир Яковлевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН ((г. Санкт-Петербург, Россия); shumkinv@yandex.ru

REFERENCES

Anpilogov, A. V. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 266–274 (in Russian).

Gurina, N. N. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 85–94 (in Russian).

Gurina, N. N. 1997. *Istoriya kul'tury drevnego naseleniya Kol'skogo poluostrova (History of culture of the Kola Peninsula ancient population).* Saint Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ. (in Russian).

Gusentsova, T. M., Zhulnikov, A. M. 2023. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Petrozavodsk State University)* 45 (1), 8−19 (in Russian).

Zhulnikov, A. M. 2007. In Shayakhmetova, L. G. (ed.) *Kol'skiy sbornik (The Kola collection)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 102–137 (in Russian).

Kiseleva, A. M. 2022. In Kiseleva, A. M. (ed.) *Aktual'naia arkheologiia (Current Archaeology*) 6. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 94–99 (in Russian).

Kiseleva, A. M. 2024. In *Stratum Plus* (2), in print (in Russian).

Kiseleva, A. M., Kolpakov, E. M. 2023. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 40, 40–56 (in Russian).

Kiseleva, A. M., Murashkin, A. I. 2019. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 8, 2 (27), 171–179 (in Russian).

Kolpakov, E. M. 2015. In Zabodalova, L. A., Meledina, T. V., Suchkova, E. P., Belozerova, M. S., Sergacheva, E. S. (eds.). *Pitanie i intellekt (Nutrition and intelligence).* Saint Petersburg: Saint Petersburg National Research University of Information Technology, Mechanics and Optics, 29–34 (in Russian).

Kolpakov, E. M. 2018. In Fedorova, N. V. (ed.). *Arkheologiia Artiki (Arctic Archaeology).* 5. Salekhard: Scientific Center for the Research of the Arctic, 63–74 (in Russian).

Kolpakov, E. M., Kiseleva, A. M. 2022. In Kolpakov, E. M. (ed.) *Kol'skiy sbornik (The Kola collection)* 3. Saint Petersburg: "LEMA" Publ., 66–109 (in Russian).

Kolpakov E.M., Kiseleva A.M., Murashkin A.I., Ryabtseva E.N. 2022a. In Kolpakov, E. M. (ed.) *Kol'skiy sbornik (The Kola collection)* 3. Saint Petersburg: "LEMA" Publ., 18–65 (in Russian).

Kolpakov, E. M., Kiseleva, A. M., Murashkin, A. I., Shumkin, V. Ya. 2023. In *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Estestvennye i gumanitarnye nauki (Proceedings of the Kola Science Centre RAS. Series: Natural and human sciences*) 2 (1), 164–183 (in Russian).

Kolpakov, E. M., Murashkin, A. I., Tarasov, A. Yu., Malyutina, A. A., Stepanova, K. N. 2022. In Lapshin, V. A. (ed.). *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury (Transactions of the Institute for the History of Material Culture)* 26. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 52–63 (in Russian).

Kolpakov, E. M., Shumkin, V. Ya. 2012. *Petroglify Kanozera (Rock Carvings of Kanozero).* Saint Petersburg: "Iskusstvo Rossii" Publ. (in Russian).

Kolpakov, E. M., Shumkin, V. Ya. 2018. *Petroglify Chal'mn-Varre (Čalmn-Varrė petroglyphs).* Saint Petersburg: "LEMA" Publ. (in Russian).

Kolpakov, E. M., Shumkin, V. Ya., Tarasov, A. Yu. 2012. In *Kompleksnye issledovaniya prirody Shpitsbergena (Comprehensive studies of the nature of Spitsbergen)* 11. Moscow: "GEOS" Publ,. 104–111 (in Russian).

Kolka, V. V., Korsakova, O. P. 2012. In *Vestnik MGTU (Herald of the Bauman Moscow State Technical University)* 15 (2), 349–356 (in Russian).

Murashkin, A. I. 2022. In Zhulnikov, A. M., Otlivanchik, M. P., Sviderskaya, E. V. (eds.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (The prestigious economy of primeval people).* Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 155–168 (in Russian).

Murashkin, A. I., Kiseleva, A. M. 2018. In Fedorova, N. V. (ed.). *Arkheologiia Artiki (Arctic Archaeology).* 5. Salekhard: Scientific Center for the Research of the Arctic, 107–119 (in Russian).

Pesonen, P. E. 1980. In Savvateev, Yu. A. (ed.). *Novye arkheologicheskie pamyatniki Karelii i Kol'skogo poluostrova (New archaeological sites of Karelia and the Kola Peninsula)*. Petrozavodsk: Kola Branch of the USSR Academy of Sciences, 37–79 (in Russian).

Sidorov, V. V. 1998. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 3. Tver: "Triada", 64–74 (in Russian).

Tolstobrova, A. N., Korsakova, O. P., Tolstobrov, D. S. 2022. In *Vestnik geonauk (Vestnik of Geosciences)* 330 (6), 26–37 (in Russian).

Engovatova, A. V. 1997. In Engovatova, A. V (ed.) *Drevnie okhotniki i rybolovy Podmoskov'ya po materialam mnogosloynogo poseleniya epokhi kamnya i bronzy – Voymezhnoe I (Ancient hunters and fishermen of the Moscow region based on materials from a multi-layer settlement of the Stone and Bronze Ages – Voimezh-*

noye I) Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology named after. N.N. Miklouho-Maclay, 104–120 (in Russian).

Broadbent, N. 1979. *Coastal Resources and Settlement Stability. A Critical Study of a Mesolithic Site Complex in Northern Sweden*. Uppsala: Uppsala University Institute of North European Archaeology (in English).

Carpelan, C. 2004. In Lavento, M. (ed.). *Early in the North*. Helsinki: Finnish antiquarian society, 17–45 (in English).

Corner, D. G., Kolka, V. V., Yevzerov, V. Y., Møller, J. J. 2001. In *Global and Planetary Change* (31), 155–177 (in English).

Ebert, M. 1927. *Reallexikon der Vorgeschichte*. *Band 9 Norddeutschland – Oxusschatz*. Berlin: Walter de Gruyter.

Helskog, K.A., Hood, B. C., Shumkin, V. Ya. 2023. *Dwelling Forms and Settlement Patterns on Russia's Kola Peninsula Northern Coast, 2300–1500 cal. BC*. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society.

Hodgetts, L. 2010. In *Antiquity.* 323 (84), 41–54.

Hood, B.C., Helskog, K., Shumkin, V. Ya 2022. In Andrews B., Macdonald D. (eds.). *More than shelter from the Storm: Hunter-Gatherers and the Built Environment*. Florida: University Press of Florida, 83–108.

Jørgensen, E. K., Arntzen, J. E., Skandfer, M., Llewellin, M., Isaksson, S., Jordan, P. 2023. In *Quaternary Science Reviews* (299), 107825.

Kolka, V., Korsakova, O. 2005. In Korsakova, O., Kolka, V. (eds.). *Quaternary geology and landforming processes*. Apatity: Print. Kola Science Centre RAS, 36–46.

Kolpakov, E., Murashkin, A., Kiseleva, A., Shumkin, V., Mannermaa, K. 2021. In *ISKOS* (24), 21–42.

Kolpakov, E.,M., Shumkin, V.,Ya., Murashkin, A.,I. 2016. In *ISKOS* (21), 175–184.

Olsen, B. 1994. *Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie*. Oslo: Universitetsforlaget (in Norwegian).

Nordqvist, K. 2018. *The Stone Age of North-Eastern Europe 5500–1800 calBC*. Oulu: University of Oulu.

Piezonka, H. 2015. *Jäger, Fisher, Töpfer. Wildbeutergruppen mit früher Keramik in Nordosteuropa im 6. und 5. Jahrtausend v. Ch*r. Bonn: Habelt.

Skandfer, M. 2005. In *Fennoscandia Archaeologica* (22), 3–27.

Shumkin, V. Y. 1990. In *Fennoscandia archaeologica* (7), 53–67.

Simonsen, P. 1963. *Varangerfunnene III. Fund og utgravninger i Pasvikdalen og ved den østlige fjørd-strand. Tromsø Museums Skrifter VII: 3.* Tromsø: Universitetsforlaget (in Norwegian).

Tarasov, A., Nordqvist, K., Mökkönen, T., Khoroshun, T. 2017. In *Documenta Praehistorica* (XLIV), 98–121.

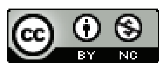
About the Authors:

Kolpakov Evgeniy M. Doctor of Historical Sciences. Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; eugenkolp@yandex.ru

Kiseleva Alevtina M. Institute of the History for Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; aliakiseleva@mail.ru

Murashkin Anton I. Institute of the History for Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; aimurash@yandex.ru

Shumkin Vladimir Ya. Candidate of Historical Sciences. Institute of the History for Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; shumkinv@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.129.148

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ХОДЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

©2024 г. Ю.Б. Цетлин

Данная статье подготовлена автором в связи с юбилеем Александра Алексеевича Выборнова и посвящена истории населения Верхнего Поволжья эпохи неолита. По данным изучения орнамента на керамике автор реконструирует историю развития шести групп неолитического населения (волго-окская культура, верхневолжская культура, культура с ямочно-гребенчатой керамикой, волосовская культура и группы населения с редкоямочной и редкоямочной тонкостенной керамикой) и их контакты друг с другом. Внутри каждой группы выделены культурное ядро и культурная периферия. В итоговой части статьи автор излагает свое понимание хода этнокультурного развития населения в регионе Верхнего Поволжья и предлагает новое содержания понятия «археологическая культура». Представленные положения базируются на многолетней кропотливой работе с неолитическими комплексами Верхнего Поволжья.

Ключевые слова: археологическая культура, неолит, керамика, орнаментальные традиции, культурные контакты, хронология, древнее население.

SOME NEW INFORMATION ON THE ETHNIC AND CULTURAL PROCESSES IN THE NEOLITHIC UPPER VOLGA REGION

Yu.B. Tsetlin

This article was prepared in connection with Aleksander Alekseyevich Vybornov's jubilee and is dedicated to the history of the Upper Volga region population during the Neolithic Age. Based on the study of pottery decoration traditions, the author reconstructs the history of the Neolithic population six groups (Volga-Oka culture, Upper Volga culture, dotted-and-combed ceramics culture, Volosovo culture and the groups with rare-dotted and rare-dotted thin-walled pottery) and their contacts with each other. A cultural core and cultural periphery are distinguished within each of the population groups. In the final part of the paper, the author presents his understanding of the ethnic and cultural process development of the population in the Upper Volga region and proposes a new content of the concept "archaeological culture". The presented theses are based on many years laborious study of the Neolithic complexes of the Upper Volga region.

Keywords: archaeological culture, Neolithic, ceramics, pottery decoration traditions, cultural contacts, chronology, ancient population

Введение

В связи с предстоящим юбилеем известного российского археолога и специалиста по эпохе неолита Восточной Европы – Александра Алексеевича Выборнова целесообразно еще раз обратиться к проблемам, которые в течение долгого времени являются неизменным предметом его интересов.

Истории неолитического населения Верхнего Поволжья посвящена данная статья. Разработки автора базируются на многолетнем изучении древней керамики, которая служит одним из важнейших источников по истории древнего населения (Бобринский, 1978, 1999).

В основу статьи положены материалы, опубликованные в двух монографиях (Цетлин, 1991, 2008) и ряде статей (Цетлин, 1980, 1987, 1996, 2016, 2019). Здесь рассматриваются вопросы, во-первых, периодизации неолитических культур Верхнего Поволжья, во-вторых, общая периодизация неолита этого региона. Эти два аспекта отражают две стороны единого процесса этнокультурной истории населения в эпоху неолита. Данные об относительной и абсолютной хронологии памятников неолитических культур Верхнего Поволжья, использованные в статье, изложены в упомянутых монографиях.

В настоящее время установлено, что каждая археологическая культура эпохи неолита состоит из так называемых «культурного ядра» и «культурной периферии»

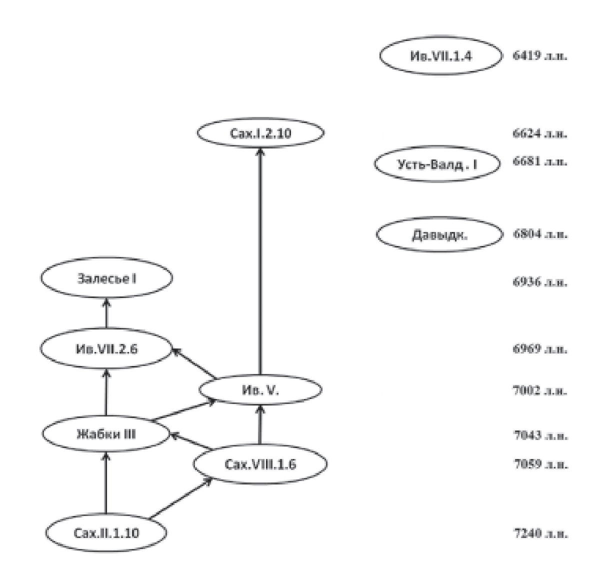

Рис. 1. Хронология и контакты между поселениями волго-окской культуры по результатам изучения сходства орнамента на керамике (коэффициент сходства > 0,80)

Fig. 1. Chronology and connections between the settlements of the Volga-and Oka culture by similarity of ceramic ornamentation (Similarity coefficient > 0,80)

(Цетлин, 2011; 2016; 2020). Культурное ядро включает носителей наиболее близких культурных традиций, сходство между которыми составляет не менее 80-90 %, а к культурной периферии относятся традиции с меньшим сходством между собой и с традициями культурного ядра. Формирование культурного ядра связано с контактами внутри или между родственными группами, а образование культурной периферии вызвано либо формированием локальных особенностей культурных традиций, либо контактами с группами инокультурного населения.

Дальнейшее рассмотрение истории носителей каждой их археологических культур опирается на изучение элементов орнамента. Этот уровень выбран в связи с тем, что он дает, хотя и достаточно общую, но наиболее массовую информацию о культурных традициях обитателей конкретных поселений, принадлежащих к разным культурам.

Периодизация неолитических культур Верхнего Поволжья

Волго-окская культура. К данной культуре отнесено 10 стоянок, существование которых охватывает период около 750 лет (7240-6416 л.н.).

По элементам орнамента керамики между памятниками зафиксировано 9 сильных связей (КС > 80 %). Это позволяет отнести 7 стоянок к культурному ядру и 3 – к культурной периферии. Распределение этих стоянок во времени и сильные связи между ними показаны на схеме (рис. 1). Основной массив бытования стоянок культурного ядра занимает около 300 лет (7240-6936 л.н.), а памятники культурной периферии относятся к более позднему времени (6804-6419 л.н.). Первые преимущественно располагаются в бассейне р. Нерли, а вторые - занимают более западную территорию (рис. 2).

Именно в это время носители волго-окской культуры смешивались с пришлым более многочисленным населением верхневолжской культуры, которым и были ассимилированы (Цетлин, 1996, с. 161; 2008, с. 249).

Верхневолжская культура. Население данной культуры в Верхнем Поволжье является пришлым с территории Южного Урала и Среднего Поволжья (Цетлин, 2007). Период его бытования в этом регионе охватывает примерно 900 лет и включает практически все V тыс. до н.э.

Изучению орнаментальных традиций керамики базируется на материалах 32 стоянок. Между 20 стоянками выявлено 26 сильных связей по сходству элементов орнамента (КС ≥ 80 %). Эти стоянки были отнесены к культурному ядру, а остальные 12 – к культурной периферии.

Первоначально я выделял три периода в истории населения верхневолжской культуры (Цетлин, 2008, с. 242). Но сейчас более правильно говорить о двух основных периодах. На это указывают два массива памятников, объединенных сильными связями и относящихся к культурному ядру.

Первый массив – более ранний, занимает период 6954-6638 л.н. (рис. 3). Он включает 12 памятников культурного ядра и два – культурной периферии (Гавриловка II и Польцо III). Легко заметить, что стоянки культурного ядра образуют две группы (рис. 4): одна – более южная занимает бассейн р. Оки, другая – более северная – бассейн р. Нерли. Периферийные стоянки удалены от обеих групп ядра. Одна находится в устье Оки (Гавриловка 2) и относится к южной группе, другая – на р. Нерли (Польцо 3) и принадлежит к северной группе.

Второй массив – более поздний, датируется периодом (6564-6026 л.н.) В этом массиве 8 памятников относятся к ядру культуры и 10

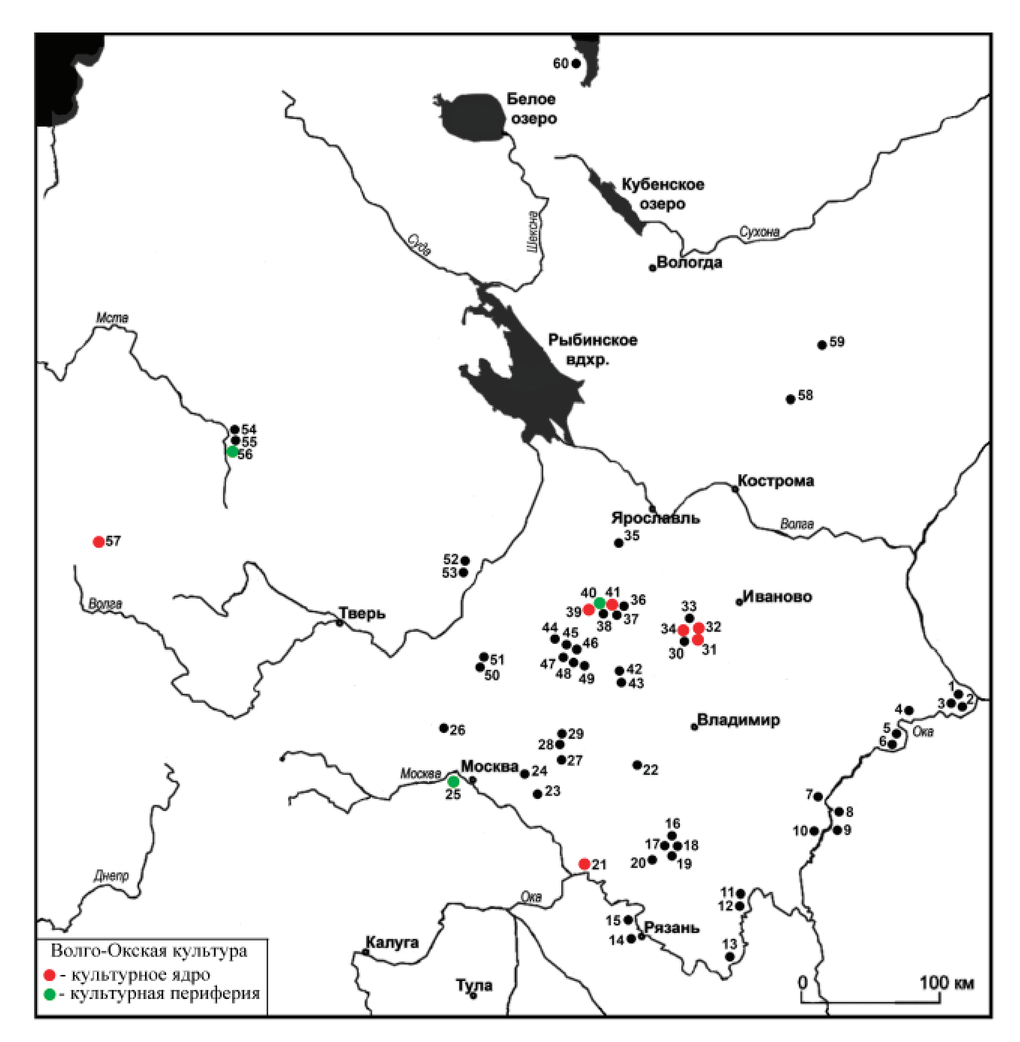

Рис. 2. Карта памятников культурного центра и периферии волго-окской культуры. ***Ключевые поселения:*** 21 – Жабки 3; 31 – Сахтыш I, SCE-2, Hor. 10; 32 – Сахтыш II, SCE-1, Hor. 10; 34 – Сахтыш VIII, SCE-1, Hor. 6; 39 – Ивановское V; 41 – Ивановское VII, SCE-2, Hor. 6; 57 – Залесье I; ***периферийные поселения:*** 25 – Давыдково; 40 – Ивановское VII, SCE-1, Hor. 4; 56 – Усть-Валдайка 1

Fig. 2. Map of the monuments of cultural core and cultural periphery of the Volga-and-Oka culture. ***Main settlements:*** 21 – Zhabki 3; 31 – Sahtysh I, SCE-2, Hor. 10; 32 – Sahtysh II, SCE-1, Hor. 10; 34 – Sahtysh VIII, SCE-1, Hor. 6; 39 – Ivanovskoe V; 41 – Ivanovskoe VII, SCE-2, Hor. 6; 57 – Zales`e I; ***peripheral settlements:*** 25 – Davydkovo; 40 – Ivanovskoe VII, SCE-1, Hor. 4; 56 – Ust`-Valdajka 1

– к периферии (рис. 3). Поздние стоянки культурного ядра располагаются почти исключительно на севере Волго-Окского междуречья, а стоянки культурной периферии распределены по всей его территории и даже далеко за его пределами – стоянка Репище 1 (рис. 4). Обилие на позднем этапе памятников, слабо связанных с культурным ядром, отражает скорее всего период постепенного расселения с этой территории носителей верхневолжской культуры.

Культура с ямочно-гребенчатой керамикой. Вопрос о происхождении населения этой культуры до сего времени остается открытым. Очевидно только то, что по своим гончарным традициям (как технологическим, так и орнаментальным) оно не имеет ничего общего с населением верхневолжской культуры (Цетлин, 1980; 1991, с. 92-109; 2008).

Орнаментальные традиции населения этой культуры изучались по керамике 59 поселений, 57 из которых датируются периодом от середины IV до середины III тыс. до н.э. В целом время бытования этой культуры занимает около 900 лет. Два поселения (Ивановское III, СКУ-1, Пл. 6 и Берендеево IIa, СКУ-1, Пл. 4), вероятно ошибочно отнесены мной к значительно более раннему времени и отделены от основного массива памятников: одно - периодом свыше 300, а другое - почти 800 лет. Возможно, однако, что эти поселения отражают эпизоды инфильтрации небольших

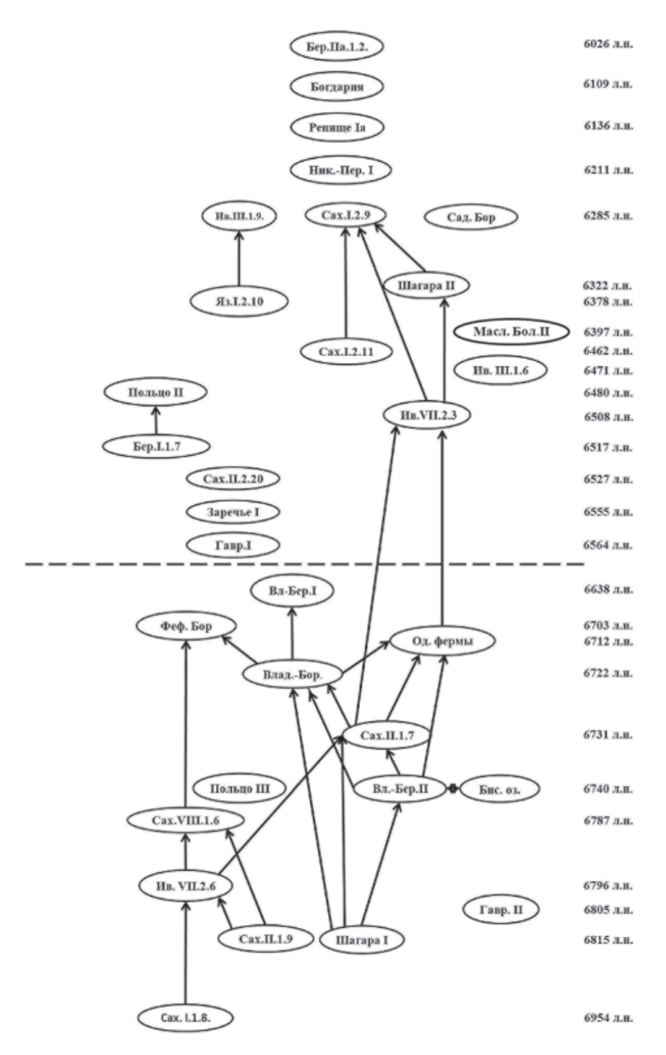

Рис. 3. Хронология и контакты между поселениями верхневолжской культуры по результатам изучения сходства орнамента на керамике (коэффициент сходства > 0,80)

Fig. 3. Chronology and connections between the settlements of the Upper Volga culture by similarity of ceramic ornamentation (Similarity coefficient > 0,80)

групп нового населения на территорию поздней верхневолжской культуры, где они были быстро ассимилировали. Об этом говорит возникновение смешанных рецептов формовочной массы с дресвой и шамотом и близкие орнаментальные традиции. Так, сходство элементов орнамента керамики поселения Берендеево IIа, СКУ-1, Пл. 4 с тремя наиболее поздними поселениями верхневолжской культуры (Берендеево IIа, СКУ-1, Пл. 2, Богдарня и Репище 1) составляет в среднем около 70 %.

Теперь вернемся к истории самой культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Прежде всего, следует отметить, что орнаментальные традиции данной культуры на всем протяжении ее истории характеризуются очень высоким сходством. К культурному ядру в данном случае пришлось отнести поселения, керамика которых сходна более чем на 90 %. В общей сложности ядро культуры включает 36 из 59 поселений (то есть 61 %). Остальные 23 поселения входят в культурную периферию (рис. 5).

Анализируя схему сильных связей, представленную на рисунке 5, можно видеть, что в истории культуры выделяются более ранняя и более поздняя части культурного ядра с границей на рубеже примерно 5000 л.н. Причем, ранняя и поздняя части культурного ядра включают почти одинаковое число памятников (17 – ранняя и 18 – поздняя).

Поселения, относящиеся к ранней части культурного ядра занимают бассейн нижнего и среднего течения р. Оки и западную половину Волго-Окского междуречья (рис. 6), а поселения более поздней части ядра концентрируются только на этой последней территории и совершенно отсутствуют в бассейне р. Оки. Распространение поселений более ранней культурной периферии практически целиком совпадают с территорией ранней части культурного ядра. Более поздние поселения культурной периферии охватывают почти всю территорию Волго-Окского междуречья и, вероятно распространяются далеко за его пределы – к северу и северо-западу (поселения Умиление и Репище 1а и 1б).

Судя по высокому сходству орнаментальных традиций данной культуры, они были принесены на территорию Верхнего Поволжья в сложившемся виде и почти не испытали на раннем этапе влияние традиций верхневолжской культуры, которая к этому времени практически прекратила здесь существование, переселившись на Валдайскую возвышенность, где очень близкая к ней валдайская культура развивалась и в более позднее время (Цветкова, 2011, с. 152-153).

Группы населения с редкоямочной и редкоямочной (тонкостенной) керамикой. На керамике этих групп населения ямочные вдавления располагаются не горизонтальными рядами, а образуют различные узоры из ямок в сочетании с участками без орнамента. В отношении носителей этих традиций были высказаны две точки зрения, ставшие традиционными. Редкоямочную керамику с примесью дресвы все исследователи рассматривали как продолжение культуры с ямочно-

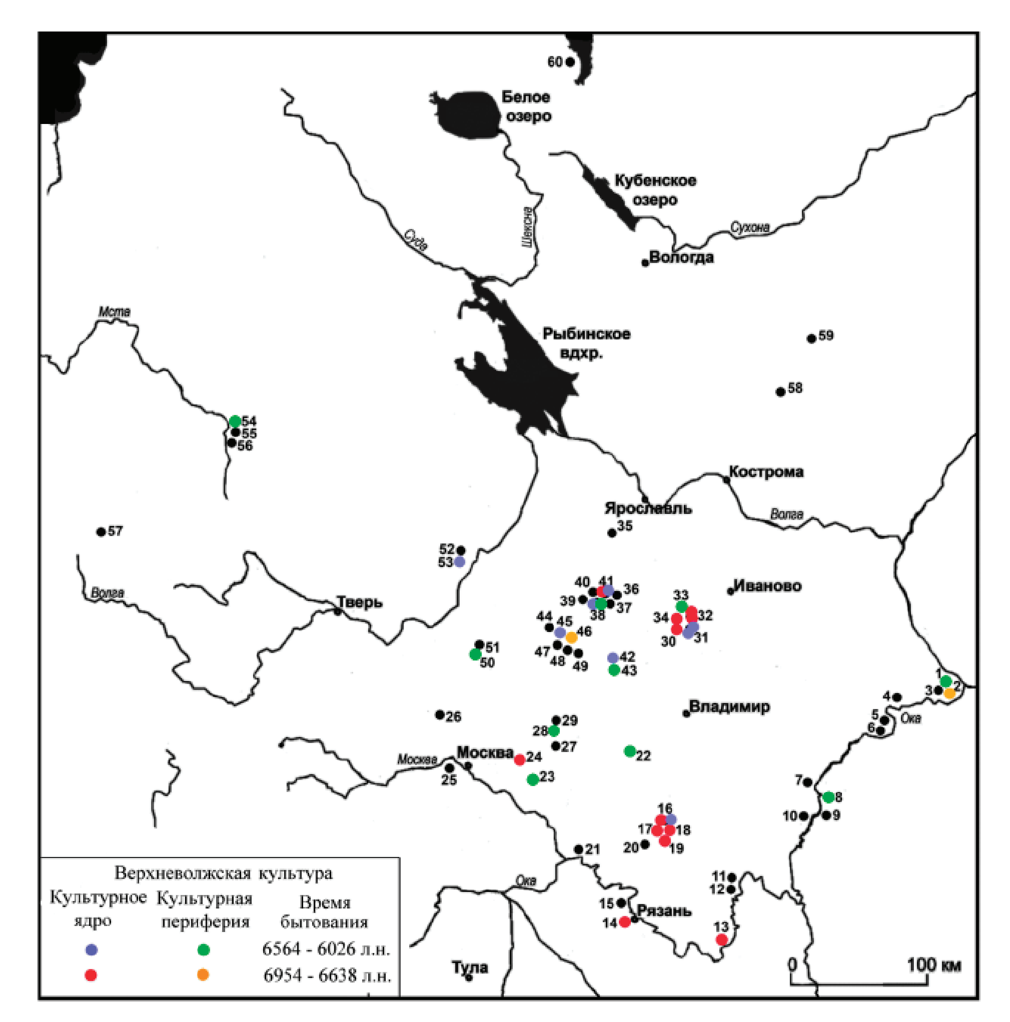

Рис. 4. Карта памятников культурного центра и культурной периферии верхневолжской культуры раннего и позднего периодов. Ранний период: ***ключевые поселения***: 13 – Одоевские фермы; 14 – Фефелов Бор; 16а – Шагара 1; 17 – Владычинская-Береговая I; 18 – Владычинская-Береговая II; 19 – Владычинская-Боровая; 24 – Бисерово озеро; 30 – Сахтыш I, SCE-1, Hor 8; 32а – Сахтыш II, SCE-1, Hor. 7; 32б – Сахтыш II, SCE-1, Hor. 9; 34 – Сахтыш VIII, SCE-1, Hor. 6; 41б – Ивановское VII, SCE-2, Hor. 6; ***периферийные поселения:*** 2 – Гавриловка II; 46 – Польцо III. Поздний период: ***основные поселения*** : 16б – Шагара II; 38а – Ивановское III, SCE-1, Hor. 9; 31а – Сахтыш I, SCE-2, Hor. 9; 31б – Сахтыш I, SCE-2, гор. 11; 41а – Ивановское VII, SCE-2, Hor. 3; 42 – Берендеево I, SCE-1, Hor. 7; 45 – Польцо II; 53 – Языково I, SCE-2, Hor. 10; ***периферийные поселения***: 1 – Гавриловка 1; 8 – Садовый Бор; 22 – Богдарня; 23 – Маслово Болото II; 28 – Заречье I; 33 – Сахтыш II, SCE-2, Hor. 20; 38б – Ивановское III, SCE-1, Hor. 6; 43 – Берендеево II, SCE-1, Hor. 2; 50 – Николо-Перевоз I; 54 – Репище Iа

Fig. 4. Map of the monuments of cultural core and cultural periphery of the Upper Volga culture during its early and late. Early period: ***main settlements:*** 13 – Odoevskie Fermy; 14 – Fefelov Bor; 16a – Shagara 1; 17 – Vladychinskaya-Beregovaia I; 18 – Vladychinskaya-Beregovaia II; 19 – Vladychinskaya-Borovaya; 24 – Biserovo ozero; 30 – Sahtysh I, SCE-1, Hor. 8; 32a – Sahtysh II, SCE-1, Hor. 7; 32b – Sahtysh II, SCE-1, Hor. 9; 34 – Sahtysh VIII, SCE-1, Hor. 6; 41b – Ivanovskoe VII, SCE-2, Hor. 6; ***peripheral settlements*** : 2 – Gavrilovka II; 46 – Pol'tso III. Late period***: main settlements:*** 16b – Shagara II; 38a – Ivanovskoe III, SCE-1, Hor. 9; 31a – Sahtysh I, SCE-2, Hor. 9; 31b – Sahtysh I, SCE-2, Hor. 11; 41a – Ivanovskoe VII, SCE-2, Hor. 3; 42 – Berendeevo I, SCE-1, Hor. 7; 45 – Pol'tso II; 53 – Yazykovo I, SCE-2, Hor. 10; ***peripheral settlements:*** 1 – Gavrilovka 1; 8 – Sadovyi Bor; 22 – Bogdarnya; 23 – Maslovo Boloto II; 28 – Zarechie I; 33 – Sahtysh II, SCE-2, Hor. 20; 38b – Ivanovskoe III, SCE-1, Hor. 6; 43 – Berendeevo IIa, SCE-1, Hor. 2; 50 – Nikolo-Perevoz I; 54 – Repishe Ia

гребенчатой керамикой (Раушенбах, 1970, с. 73; Цветкова, Кравцов, 1982, с. 87-88; Цетлин, 1982, с. 12; Неолит Северной Евразии, 1996, с. 175). В отношении редкоямочной (тонкостенной) керамики с примесью дробленой раковины Д.А. Крайновым была высказана мысль, что она является протоволосовской (Крайнов, 1981). Позднее это было принято другими

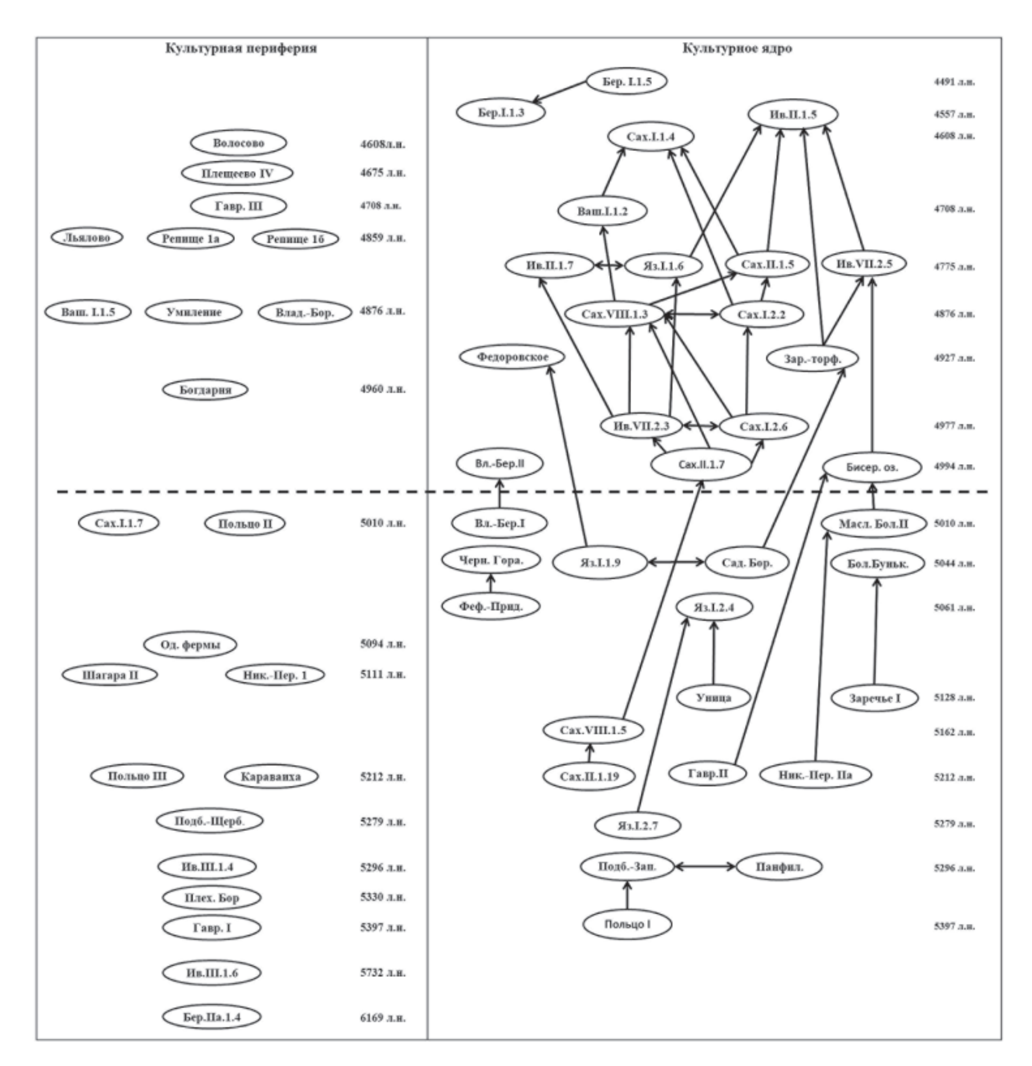

Рис. 5. Хронология и контакты между поселениями ямочно-гребенчатой культуры по результатам изучения сходства орнамента на керамике (коэффициент сходства > 0,80)

Fig. 5. Chronology and connections between the settlements of the Pit-and-Comb culture by similarity of ceramic ornamentation (Similarity coefficient > 0,90)

исследователями (Цветкова, Кравцов, 1982, с. 88; Никитин, 2017., с. 27-35; 2021, с. 94).

Теперь рассмотрим историю этих двух групп населения, опираясь на результаты изучения орнаментальных традиций каждой из них.

Группа населения с редкоямочной керамикой. Орнамент сосудов этой группы изучен мной на 40 поселениях. Они относятся к периоду от второй трети IV до первой четверти III тыс. до н.э. К культурному ядру этой группы населения относятся 25 памятников, сходство между которыми по орнаменту на керамике свыше 90 %, а 16 памятников – составляют ее культурную периферию.

В истории этого населения выделяются два основных периода (рис. 7). Ранний – протяженностью более 400 лет, и поздний – около 150 лет. Более ранний период включает два культурных ядра. Одно образовано 5 поселениями, а второе – очень мощное включает 12 поселений. Бытование второго ядра охватывает очень короткое время с 5023 до 4911 л.н., т.е. немногим более 100 лет. Более поздний период протяженностью около 150 лет (4869-4729 л.н.) также включает одно культурное ядро и ряд поселений культурной периферии.

Наиболее ранние поселения носителей редкоямочной керамики зафиксированы на Сахтышском озере и одно – в бассейне р. Клязьма (рис. 8). Поселения культурной периферии рассеяны в бассейне р. Оки, на рр. Дубна и Мста. Основной массив поселений культурного ядра занимает среднее и верхнее течение р. Нерли, а периферийные поселения этого периода не зафиксированы. Поздний массив

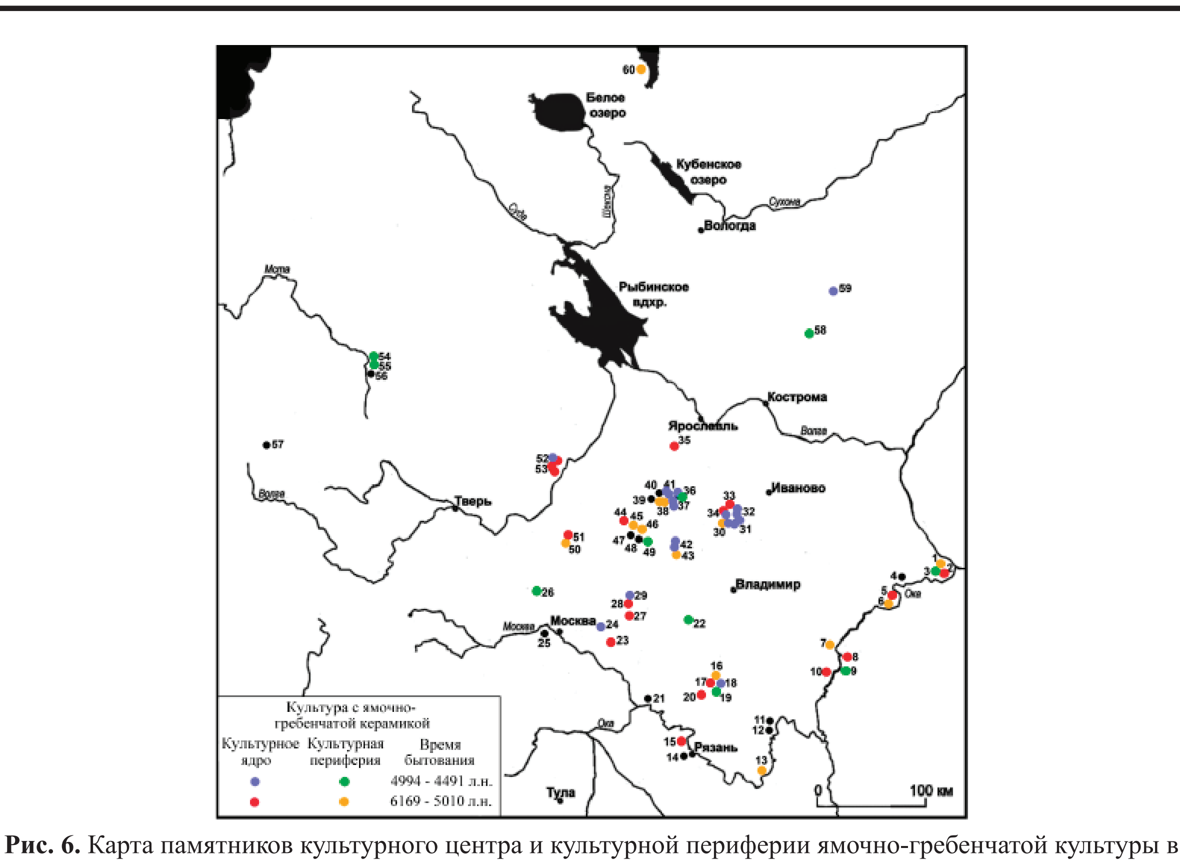

Рис. 6. Карта памятников культурного центра и культурной периферии ямочно-гребенчатой культуры в различные периоды ее развития. <u>Ранний период</u>: ***ключевые поселения:*** 2 – Гавриловка II; 5 – Подборица–Западная; 8 – Садовый Бор; 10 – Панфиловская; 15 – Фефеловская Придорожная; 17 – Владычинская-Береговая I; 20 – Черная Гора; 23 – Маслово Болото II; 27 – Большое Буньково; 28 – Заречье I; 33 – Сахтыш II, SCE-2, Hor. 19; 34б – Сахтыш VIII, SCE-1, Hor. 5; 35 – Юница; 44 – Польцо I; 51 – Николо-Перевозская улица; 52б – Языково I, SCE-1, Hor. 9; 53а – Языково I, SCE-2, Hor. 4; 53б – Языково I, SCE-2, Hor. 7; ***периферийные поселения:*** – 1 – Гавриловка I; 6 – Подборица-Щербининская; 7 – Плехановский бор; 13 – Одоевские фермы; 16б – Шагара II; 30б – Сахтыш I, SCE-1, Hor. 7; 38а – Ивановское III, SCE-1, Hor. 4; 38б – Ивановское III, участок SCE-1, Hor. 6; 43 – Берендеево II, SCE-1, Hor. 4; 45 – Польцо II; 46 – Польцо III; 50 – Николо-Перевоз I; 60 – Каравайха. <u>Поздний период</u>: ***ключевые поселения*** : 18 – Владычинская-Береговая II; 24 – Бисерово озеро; 29 – Заречье-торфяная; 30а – Сахтыш I, SCE-1, Hor. 4; 31а – Сахтыш I, SCE-2, Hor. 2; 31б – Сахтыш I, SCE-2, Hor. 6; 32а – Сахтыш II, SCE-1, Hor. 5; 32б – Сахтыш II, SCE-1, Hor. 7; 34а – Сахтыш VIII, SCE-1, Hor. 3; 36а – Вашутино I, SCE-1, Hor. 2; 37а - Ивановское II, SCE-1, Hor. 5; 37б – Ивановское II, SCE-1, Hor. 7; 41а – Ивановское VII, SCE-2, Hor. 3; 41б – Ивановское VII, SCE-2, Hor. 5; 42а – Берендеево I, SCE-1, Hor. 3; 42б – Берендеево I, SCE-1, Hor. 5; 52а – Языково, SCE-1, Hor. 6; 59 – Федоровское; ***периферийные поселения***: 3 – Гавриловка III; 9 – Волосово; 19 – Владычинская-Боровая; 22 – Богдарня; 26 – Лялово; 36б – Вашутино I, SCE-1, Hor. 5; 49 – Плещеево IV; 54 – Репище Iа; 55 – Репище Iб; 58 – Умиление II

Fig. 6. Map of the monuments of cultural core and cultural periphery of the Pit-and-Comb culture during various periods of its history. <u>Early period:</u> ***main settlements:*** 2 – Gavrilovka II; 5 – Podboritsa-Zapadnaya; 8 – Sadovyi Bor; 10 – Panfilovskaya; 15 – Fefelovskaya Pridorozhnaya; 17 – Vladychinskaya-Beregovaia I; 20 – Chernaia Gora; 23 – Maslovo Boloto II; 27 – Bol'shoe Bun'kovo; 28 – Zarechie I; 33 – Sahtysh II, SCE-2, Hor. 19; 34b – Sahtysh VIII SCE-1 Hor. 5; 35 – Unitsa; 44 – Pol'tso I; 51 – Nikolo-Perevoz IIa; 52б – Yazykovo I, SCE-1, Hor. 9; 53a – Yazykovo I, SCE-2, Hor. 4; 53b – Yazykovo I, SCE-2, Hor. 7; ***peripheral settlements:*** 1 – Gavrilovka I; 6 – Podboritsa-Sherbininskaya; 7 – Plehanov Bor; 13 – Odoevskie fermy; 16b – Shagara II; 30b – Sahtysh I, SCE-1, Hor.7; 38a – Ivanovskoe III, SCE-1, Hor.4; 38b – Ivanovskoe III, SCE-1, Hor.6; 43 – Berendeevo IIa, SCE-1, Hor. 4; 45 – Pol'tso II; 46 – Pol'tso III; 50 – Nikolo-Perevoz I; 60 – Karavaixa. <u>Late period:</u> ***main settlements:*** 18 – Vladychinskaya-Beregovaia II; 24 – Biserovo ozero; 29 – Zarech'e-torfyanaya; 30a – Sahtysh I, SCE-1. Hor. 4; 31a – Sahtysh I, SCE-2, Hor.2; 31b – Sahtysh I, SCE-2, Hor. 6; 32a – Sahtysh II, SCE-1, Hor. 5; 32b – Sahtysh II, SCE-1, Hor. 7; 34a – Sahtysh VIII, SCE-1, Hor. 3; 36a – Vashutino I, SCE-1, Hor. 2; 37a – Ivanovskoe II, SCE-1, Hor. 5; 37b – Ivanovskoe II, SCE-1, Hor. 7; 41a – Ivanovskoe VII, SCE-2, Hor. 3; 41b – Ivanovskoe VII, SCE-2, Hor. 5; 42a – Berendeevo I, SCE-1, Hor.3; 42b – Berendeevo I, SCE-1, Hor.5; 52a – Yazykovo I SCE-1, Hor. 6; 59 – Fedorovskoye; ***peripheral settlements:*** 3 – Gavrilovka III; 9 – Volosovo; 19 – Vladychinskaya-Borovaya; 22 – Bogdarnya; 26 – L'yalovo; 36b – Vashutino I, SCE-1, Hor.5; 49 – Plesheevo IV; 54 – Репище Ia; 55 – Repische Ib; 58 – Umilenie II

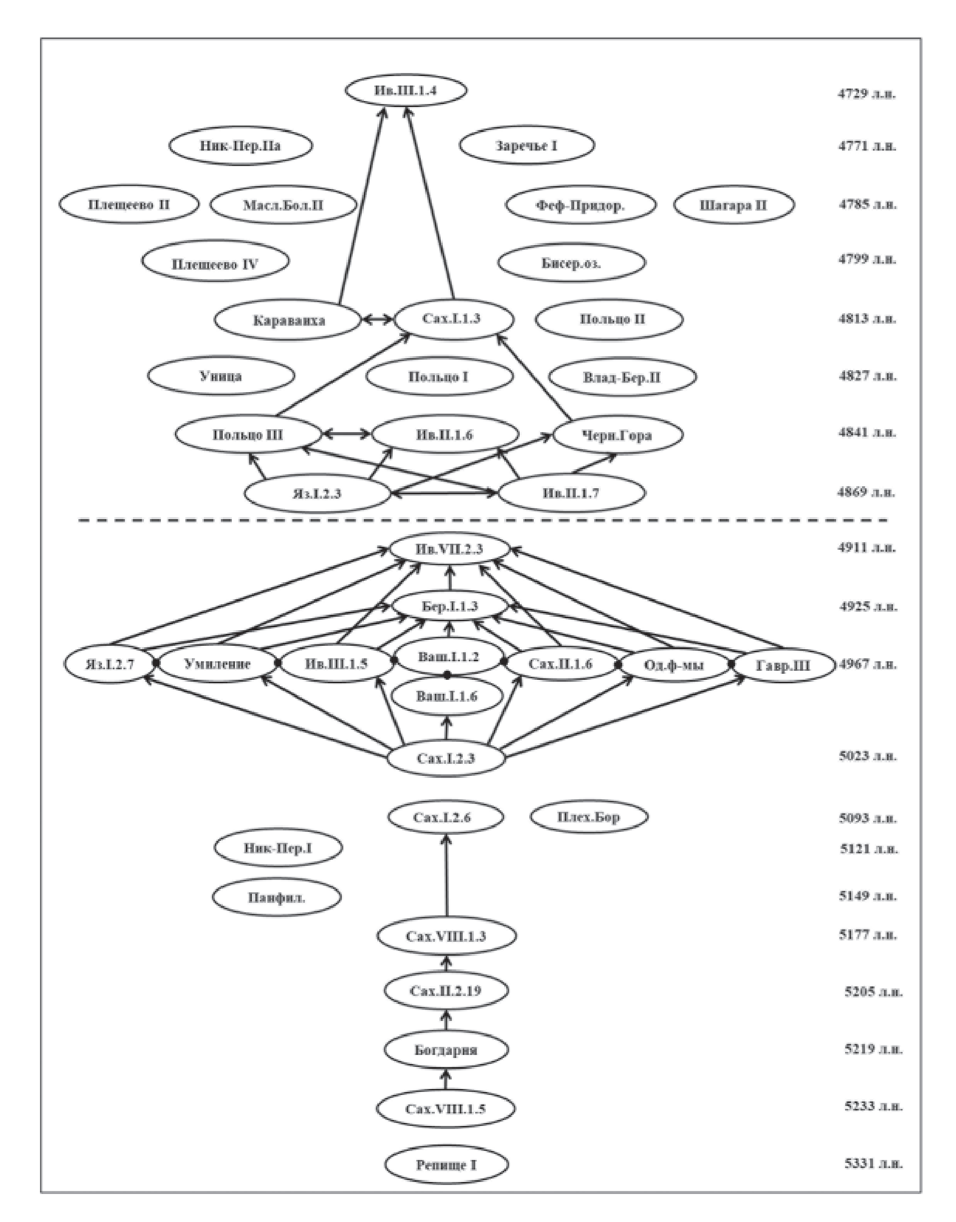

Рис. 7. Хронология и контакты между поселениями редкоямочной группы по результатам изучения сходства орнамента на керамике (коэффициент сходства > 0,80)
Fig. 7. Chronology and connections between the settlements of the Rare-Pit Pottery group by similarity of ceramic ornamentation (Similarity coefficient > 0,90)

поселений культурного ядра располагается в основном в северной части Волго-Окского междуречья, одно поселение (Черная Гора) отмечено на правом берегу р. Пра (притоке р. Оки) и одно –далеко на севере, в бассейне р. Костромы (Умиление). Такую же территорию занимают в Волго-Окском междуречье поселения культурной периферии этого времени. Самые поздние поселения этой группы располагаются в западной части междуречья.

Наличие примеси дресвы в формовочной массе и ямочный орнамент роднит эту группу населения с носителями культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, однако хронологически они только частично сосуществуют. Так, основной массив культурного ядра группы населения с редкоямочной керамикой приходится на время 5023-4911 л.н., а концентрация поселений ядра культуры с ямочно-гребенчатой керамикой относится к более позднему времени – 4994-4491 л.н. Тем более что бытование группы населения с редкоямочной керамикой завершается почти на 250 лет раньше, чем населения культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Это ставит под сомнение точку зрения о том, что носители этой редкоямочной керамики были наследниками населения культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

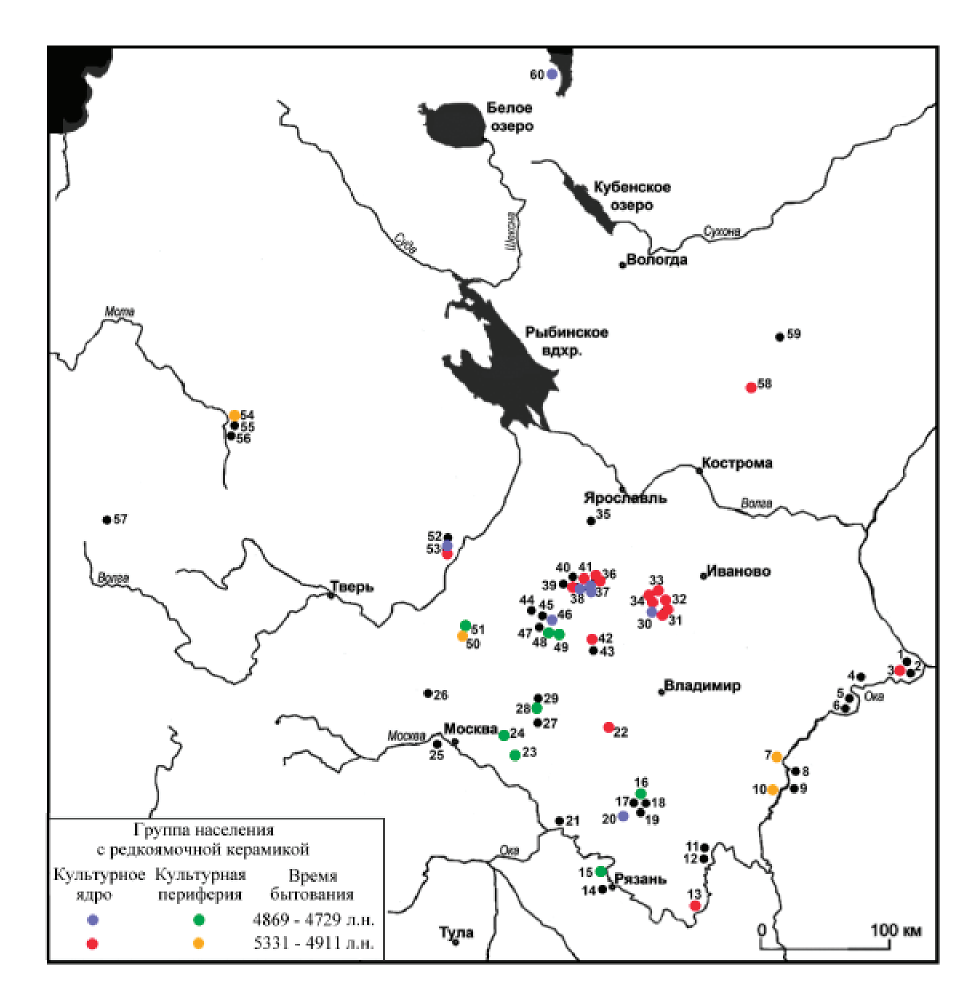

Рис. 8. Карта памятников культурного центра и культурной периферии редкоямочной группы в различные периоды ее развития. Ранний период: ***ключевые поселения:*** 3 – Гавриловка III; 13 – Одоевские фермы; 22 – Богдарня; 31а – Сахтыш I, SCE-2, Hor.3; 31б – Сахтыш I, SCE-2, Hor.6; 32 – Сахтыш II, SCE-1, Hor.6; 33 – Сахтыш II, SCE-2, Hor.19; 34а – Сахтыш VII, SCE-1, Hor.3; 34б – Сахтыш VIII, SCE-1, Hor.5; 36а – Вашутино I, SCE-1, Hor.2; 36б – Вашутино I, SCE-1, Hor.6; 38б – Ивановское III, SCE-1, Hor.5; 41 – Ивановское VII, SCE-2, Hor.3; 42 – Берендеево I, SCE-1, Hor.3; 53б – Языково I, SCE-2, Hor.7; 58 – Умиление II; ***периферийные поселения:*** 7 – Плехановский бор; 10 – Панфиловская; 50 – Николо-Перевоз I; 54 – Репище Ia. Поздний период: ***ключевые поселения***: 20 – Черная гора; 30 – Сахтыш I, SCE-1, Hor.3; 38а – Ивановское III, SCE-1, Hor.4; 37а – Ивановское II, SCE-1, Hor.6; 37б – Ивановское II, SCE-1, Hor.7; 46 – Польцо III; 53а – Языково I, SCE-2, Hor.3; 60 – Каравайха; ***периферийные поселения:*** 15 – Фефеловская Придорожная; 16б – Шагара II; 18 – Владычинская-Береговая II; 23 – Маслово Болото II; 24 – Бисерово озеро; 28 – Заречье Я; 35 – Юница; 44 – Польцо I; 45 – Польцо II; 48 – Плешеево II; 49 – Плешеево IV; 51 – Николо-Перевоз IIa

Fig. 8. Map of the monuments of cultural core and cultural periphery of the Rare-Pit Pottery group during various periods of its history. Early period***: main settlements:*** 3 – Gavrilovka III; 13 – Odoevskie fermy; 22 – Bogdarnya; 31a – Sahtysh I, SCE-2, Hor. 3; 31b – Sahtysh I, SCE-2, Hor. 6; 32 – Sahtysh II, SCE-1, Hor. 6; 33 – Sahtysh II, SCE-2, Hor. 19; 34a – Sahtysh VII,I SCE-1, Hor. 3; 34b – Sahtysh VIII, SCE-1, Hor. 5; 36a – Vashutino I, SCE-1, Hor. 2; 36b – Vashutino I, SCE-1, Hor. 6; 38b – Ivanovskoe III, SCE-1, Hor. 5; 41 – Ivanovskoe VII, SCE-2, Hor. 3; 42 – Berendeevo I, SCE-1, Hor. 3; 53b – Yazykovo I, SCE-2, Hor. 7; 58 – Umilenie II; ***peripheral settlements:*** 7 – Plehanov Bor; 10 – Panfilovskaya; 50 – Nikolo-PerevozI; 54 – Repische Ia. Late period: ***main settlements:*** 20 – Chernaia Gora; 30 – Sahtysh I, SCE-1, Hor. 3; 38a – Ivanovskoe III, SCE-1, Hor. 4; 37a – Ivanovskoe II, SCE-1, Hor. 6; 37b – Ivanovskoe II, SCE-1, Hor. 7; 46 – Pol'tso III; 53a – Yazykovo I, SCE-2, Hor. 3; 60 – Karavaixa; ***peripheral settlements:*** 15 – Fefelovskaya Pridorozhnaya; 16b – Shagara II; 18 – Vladychinskaya-Beregovaia II; 23 – Maslovo Boloto II; 24 – Biserovo ozero; 28 – Zarechie I; 35 – Unitsa; 44 – Pol'tso I; 45 – Pol'tso II; 48 – Plesheevo II; 49 – Plesheevo IV; 51 – Nikolo-Perevoz IIa

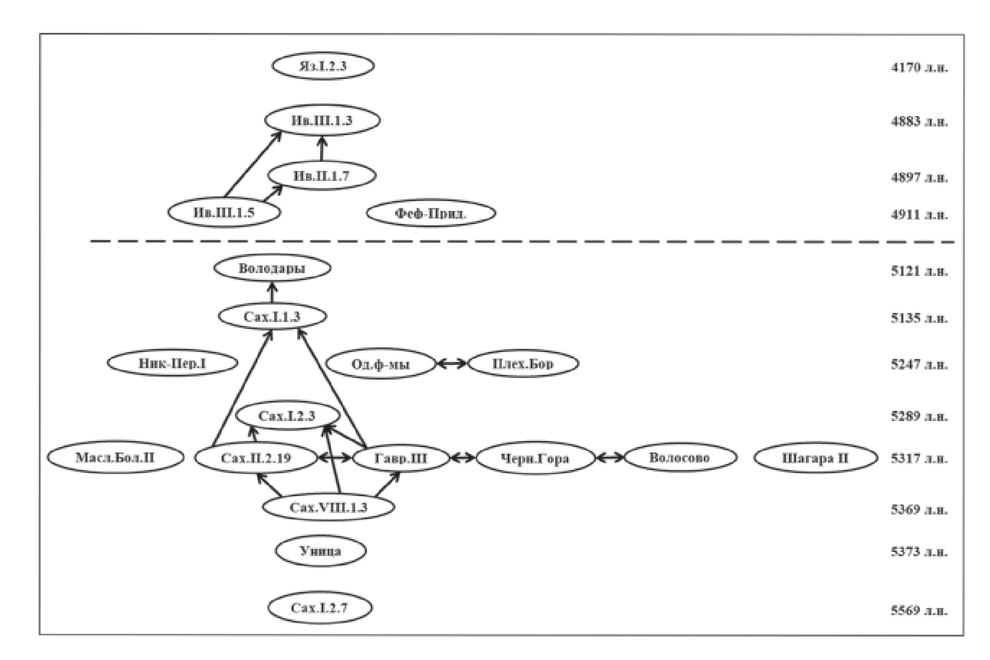

Рис. 9. Хронология и контакты между поселениями редкоямочной тонкостенной группы по результатам изучения сходства орнамента на керамике (коэффициент сходства > 0,80)

Fig. 9. Chronology and connections between the settlements of the Thin Rare-Pit Pottery group by similarity of ceramic ornamentation (Similarity coefficient > 0,80)

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к рассмотрению истории населения группы с редкоямочной (тонкостенной) керамикой.

Группа населения с редкоямочной (тонкостенной) керамикой. По изученным материалам выявлено 20 поселений с такой керамикой. Время бытования носителей этой орнаментальной традиции с 5569 до 4170 л.н., т.е. около 1400 лет, в два раза больше, чем носителей редкоямочной керамики. Важно отметить, что носители редкоямочной (тонкостенной) посуды начали свое бытование раньше и завершили позднее, чем население с редкоямочной керамикой. К культурному ядру относятся 13 поселений (КС > 80 %), а 7 поселений – к культурной периферии (рис. 9).

В истории населения с редкоямочной (тонкостенной) керамикой можно предположить два периода. Первый – около 450 лет (5569-5121 л.н.) и второй – около 750 лет (4911-4170 л.н.). В рамках первого периода выделяется большое культурное ядро, относящееся ко времени 5359-5121 л.н. и длительностью бытования около 240 лет. Поселения культурной периферии достаточно равномерно распределены на протяжении всего этого периода. Ко второму периоду относится небольшое культурное ядро из трех поселений, бытовавших примерно 30 лет (4911-4883 л.н.), и два поселения культурной периферии.

Наиболее ранние поселения с редкоямочной (тонкостенной) керамикой (Сахтыш I, СКУ-1, Пл. 7 и Уница) фиксируются в северной части Волго-Окского междуречья (рис. 10), а поселения раннего культурного ядра – в бассейне нижней и средней р. Оки и р. Нерли (район Сахтышских стоянок). Поселения культурного ядра второго периода компактно расположены в районе будущего Ивановского торфяника, а периферийные поселения – в западной части Волго-Окского междуречья. В это время стоянки данного населения совершенно исчезают в бассейне р. Оки.

Теперь сопоставим историю развития этих двух групп населения, имеющих сходный орнамент и разную рецептуру формовочным масс, друг с другом. Для этого сравним по степени сходства все 60 поселений обеих групп по составу и соотношению элементов орнамента на посуде (рис. 11). Поскольку выше мы рассмотрели сильные связи для каждой их этих культурных групп отдельно, на рисунке 11 показаны связи (КС > 80%), зафиксированные только между поселениями разных групп (прямоугольником обозначены поселения группы с редкоямочной (тонкостенной) керамикой, а овалом – поселения группы с редкоямочной керамикой).

К культурному ядру отнесены 33 поселения обеих групп. Оно четко делится на два массива – ранний и поздний. Ранний охватывает период 5359-5121 л.н. (т.е. около 240 лет), а поздний – 5093-4729 л.н. (360 лет). Рассмотрим эти периоды отдельно.

Ранний период включает 11 поселений культурного ядра, из которых 6 принадлежат населению группы с редкоямочной (тонкостен-

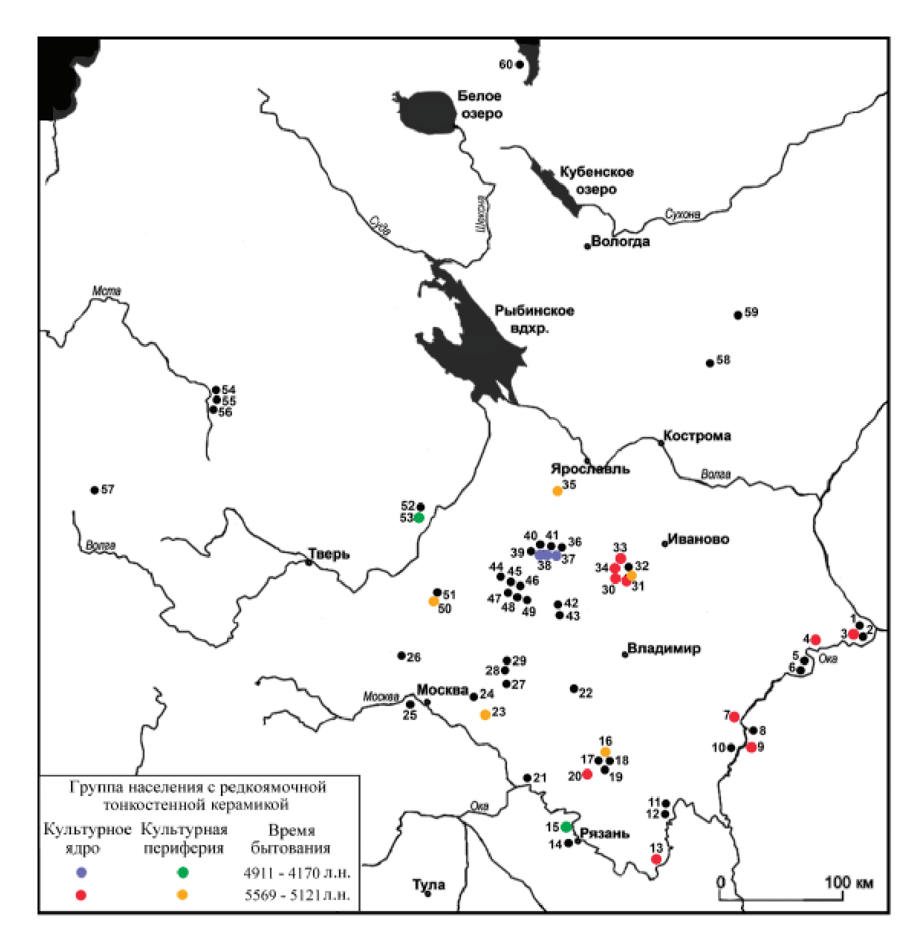

Рис. 10. Карта памятников культурного центра и культурной периферии редкоямочной тонкостенной керамики в различные периоды ее развития. Ранний период: ***ключевые поселения:*** 3 – Гавриловка III; 4 – Володары; 9 – Волосово; 7 – Плеханов Бор; 13 – Одоевские фермы; 20 – Черная гора; 30 – Сахтыш I, SCE-1, Hor. 3; 31а – Сахтыш I, SCE-2, Hor. 3; 33 - Сахтыш II, SCE-2, Hor. 19; 34 – Сахтыш VIII, SCE-1, Hor. 3; ***периферийные поселения:*** 16b – Шагара II; 23 – Маслово Болото II; 31б – Сахтыш I, SCE-2, Hor. 7; 35 – Юница; 50 – Николо-Перевоз I. Поздний период: ***ключевые поселения***: 37 – Ивановское II, SCE-1, Hor. 7; 38а – Ивановское III, SCE-1, Hor. 3; 38б – Ивановское III, SCE-1, Hor. 5; ***периферийные поселения***: 15 – Фефеловская придорожная; 53 – Языково I, SCE-2, Hor. 3)

Fig. 10. Map of the monuments of cultural core and cultural periphery of the Thin Rare-Pit Pottery group during various periods of its history. Early period: ***main settlements:*** 3 – Gavrilovka III; 4 – Volodary; 9 – Volosovo; 7 – Plehanov Bor; 13 – Odoevskie fermy; 20 – Chernaia Gora; 30 – Sahtysh I, SCE-1, Hor. 3; 31a – Sahtysh I, SCE-2, Hor. 3; 33 – Sahtysh II, SCE-2, Hor. 19; 34 – Sahtysh VIII, SCE-1, Hor. 3; ***peripheral settlements***: 16b – Shagara II; 23 – Maslovo Boloto II; 31b – Sahtysh I, SCE-2, Hor. 7; 35 – Unitsa; 50 – Nikolo-PerevozI. Late period: ***main settlements:*** 37 – Ivanovskoe II, SCE-1, Hor. 7; 38a – Ivanovskoe III, SCE-1, Hor. 3; 38b – Ivanovskoe III, SCE-1, Hor. 5; ***peripheral settlements:*** 15 – Fefelovskaya Pridorozhnaya; 53 – Yazykovo I, SCE-2, Hor. 3)

ной) керамикой и 5 – к группе с редкоямочной керамикой. Причем, поселения первой группы преимущественно более ранние, чем второй. Это указывает на два момента. Во-первых, что между носителями этих групп населения шли интенсивные контакты, которые привели к высокому сходству традиций орнаментации керамики, во-вторых, что носители группы с редкоямочной керамикой испытали влияние традиций редкоямочной (тонкостенной) керамики, которые выступали в качестве доминантов.

Поздний период объединяет 22 поселения культурного ядра, в оом числе, три поселения носителей редкоямочной (тонкостенной) керамики и 19 – носителей редкоямочной керамики. В это время наблюдаются два направления процессов смешения. Первое (несколько более раннее) отражает влияние традиций группы с редкоямочной керамикой на носителей редкоямочной (тонкостенной) керамики (5093 – 4883 л.н.), а второе (более позднее и противоположное), когда традиции населения редкоямочной (тонкостенной) керамики вновь

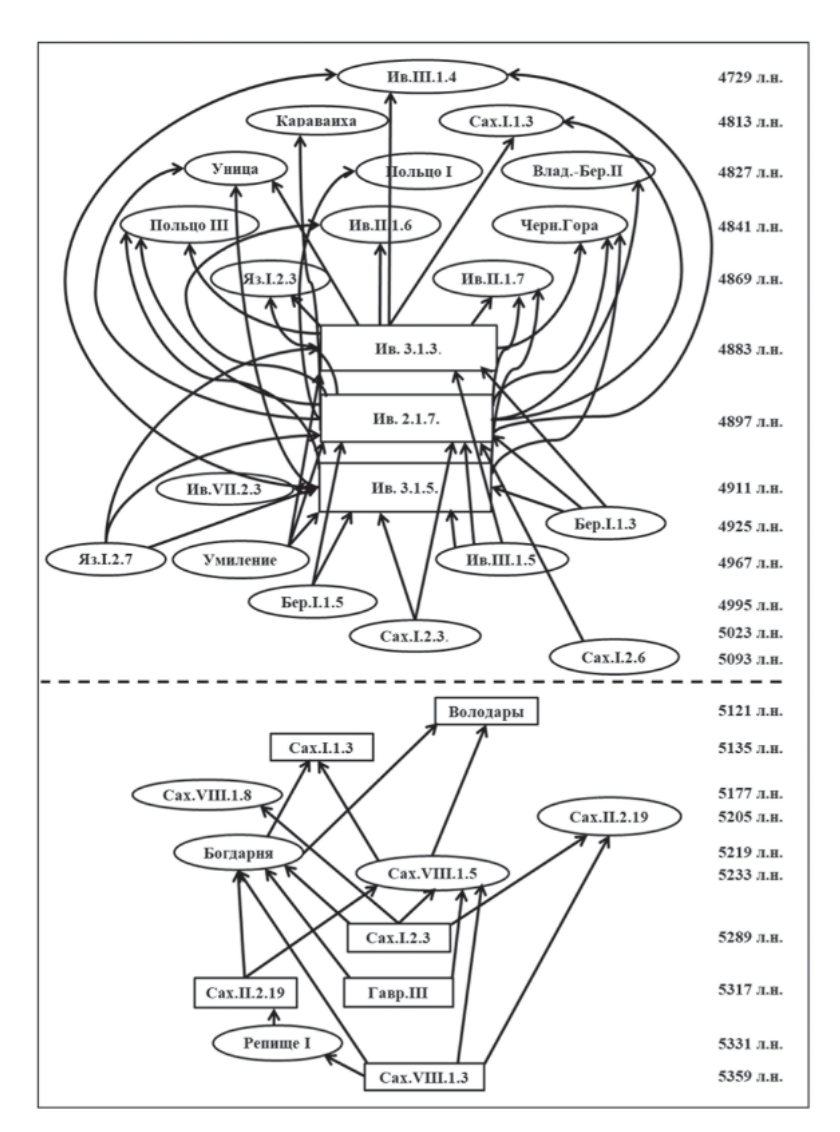

Рис. 11. Хронология и контакты между ключевыми поселениями редкоямочной и редкоямочной тонкостенной групп по результатам изучения сходства орнамента на керамике (коэффициент сходства > 0,80)
Fig. 11. Chronology and connections between the core settlements of the Rare-Pit and Thin Rare-Pit Pottery groups by similarity of ceramic ornamentation (Similarity coefficient > 0,80)

передаются носителям редкоямочной керамики (4869 – 4729 л.н.). В обоих случаях у того и другого населения складываются очень близкие традиции декорирования сосудов. Более того, отмеченные процессы смешения проявляются не только в орнаментальных, но и в технологических традициях: у носителей редкоямочной (тонкостенной) керамики складывается смешанный рецепт формовочной массы: глина + дробленая раковина + крупная дресва (Цетлин, 1980, с. 13-14).

Это позволяет заключить, что первоначально традиция нанесения на сосуды узоров из ямочных вдавлений была характерна для какой-то пришлой группы населения с редкоямочной (тонкостенной) керамикой, имевшей в формовочной массе примесь дробленой раковины. Она появилась на территории Верхнего Поволжья где-то в середине 6 тыс. от наших дней. Спустя около 200 лет в результате ее смешения с носителями культуры с ямочно-гребенчатой керамикой часть последних восприняла традицию нанесения на посуду узоров из ямочных вдавлений. Это привело к появлению сосудов с редкоямочной орнаментацией и примесью крупной дресвы, характерной для ямочно-гребенчатого населения. В этот период пришлые носители выступали в роли доминантов. Позднее, на рубеже 5-6 тыс. л.н. между этими двумя группами вновь происходят активные процессы смешения, но доминантами уже выступают носители группы с редкоямочной керамикой, в результате которых группа населения с редкоямочной

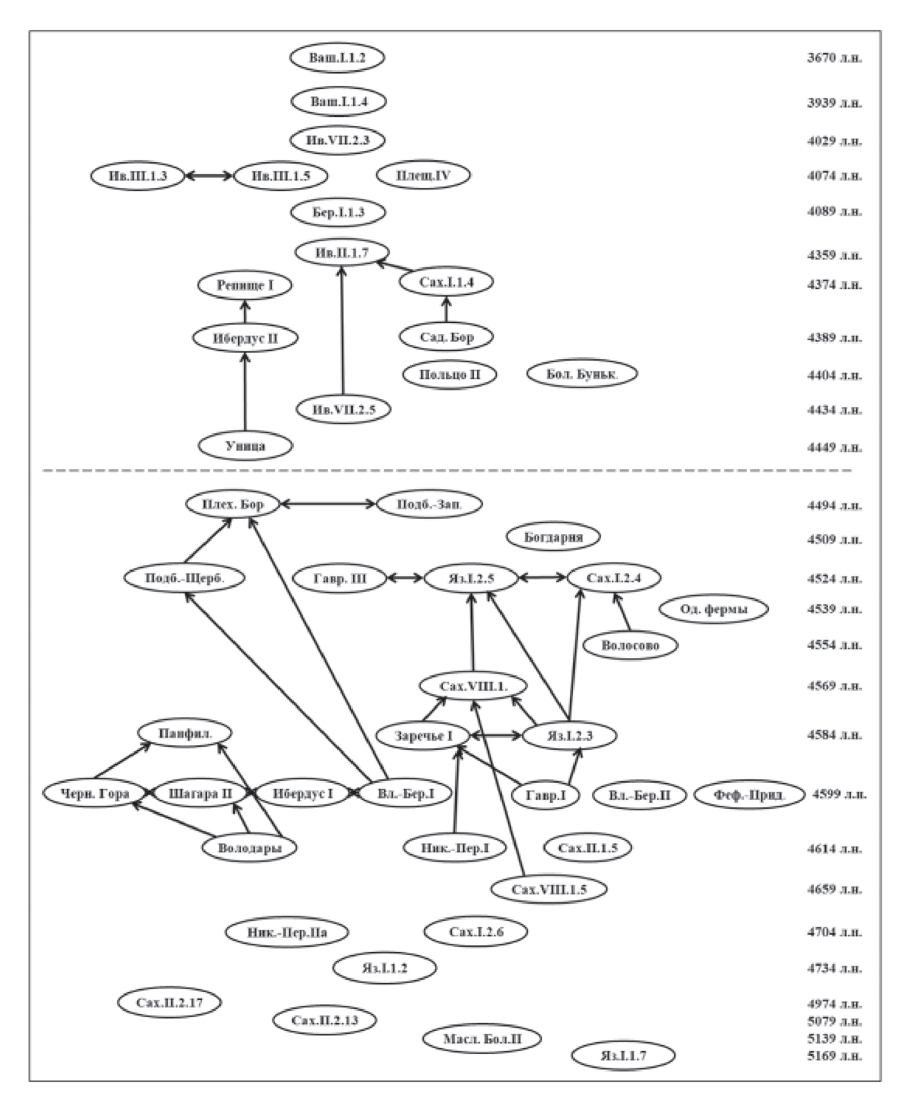

Рис. 12. Хронология и контакты между поселениями волосовской культуры по результатам изучения сходства орнамента на керамике (коэффициент сходства > 0,80)

Fig. 12. Chronology and connections between the settlements of the Volosovo culture by similarity of ceramic ornamentation (Similarity coefficient > 0,80)

(тонкостенной) керамикой была, вероятно, полностью ассимилирована.

Волосовская культура. К этой культуре отнесено 47 поселений. Среди них 28 поселений входят в культурное ядро (КС > 80 %), а 19 – в культурную периферию. Опираясь на анализ поселений культурного ядра, история населения волосовской культуры может быть разделена на два основных периода. Ранний период включает 19 поселений культурного ядра и 12 – культурной периферии, а поздний - 9 поселений культурного ядра и 7 поселений периферии (рис. 12).

Наиболее ранние поселения волосовской культуры на территории Верхнего Поволжья относятся к культурной периферии и, вероятно, отражают период почти в 500 лет, когда шло проникновение носителей этой культуры на новую территорию (5169-4704 л.н.). Позднее, в период 4659-4494 л.н. происходит формирование наиболее мощного культурного ядра волосовского населения. Здесь только 5 поселений относятся к культурной периферии.

В поздний период развития (4449-3670 л.н.) формируется небольшое культурное ядро, состоящее из трех групп поселений. Наиболее поздние поселения носителей волосовской культуры существовали в Верхнем Поволжье в период 4089-3670 л.н. К этому времени относятся 2 поселения культурного ядра и 5 поселений культурной периферии. Вероятно, этот период отражает завершение истории населения волосовской культуры,

когда на этой территории обитали уже носители фатьяноидной керамики (Волкова, 2016, 2018, 2019).

Наиболее ранние поселения культурной периферии волосовцев отмечены в среднем течении р. Нерли, нижнем течении р. Медведицы и среднем течении р. Дубны (рис. 13). Ранний массив культурного ядра охватывает почти всю центральную и южную территорию Волго-Окского междуречья. В следующий период поселения культурного ядра и культурной периферии сосредоточиваются в основном в бассейне р. Оки. Еще позднее они вновь смещаются в центральную часть Волго-Окского междуречья, хотя отдельные поселения сохраняются и на р. Оке, где также зафиксированы самые поздние поселения носителей волосовской культуры.

Обсуждение

Подводя итоги рассмотрению истории населения неолитических культур Верхнего Поволжья, прежде всего, следует сделать вывод, что это был очень сложный и разнообразный этнокультурный процесс, в котором участвовали различные часто совершенно неродственные группы населения. Некоторые из них активно смешивались друг с другом, в результате чего складывались близкие орнаментальные традиции. Другие культурные группы в результате этих процессов смешения были ассимилированы.

Все эти особенности оказалось возможным выяснить, опираясь, с одной стороны, на более детальную хронологию каждой культуры, выявленную ранее, и более тщательный анализ внутренней структуры населения каждой культуры, выделив на разных этапах их развития поселения культурного ядра и культурной периферии.

В заключение мне хотелось бы остановиться на проблеме, касающейся общей закономерности смены одних неолитических культур другими. Ранее по этому вопросу существовали две точки зрения.

В 1970-е годы считалось, что носители более поздних культур очень быстро вытесняли или ассимилировали более раннее население, а сами периоды их сосуществования были очень короткими (Крайнов, 1978, 1987; Телегин, 1978 и др.). Палеогеографы связывали это с изменением общей климатической ситуации в разные периоды неолита лесной зоны (Хотинский, 1978).

Другая точка зрения базировалась на представлении о том, что в процессе развития более ранние неолитические культуры в силу каких-то причин «трансформировались», в результате чего возникали более поздние культуры (Сидоров, 1986; Урбан, 1976).

Проведенная работа позволяет несколько по-иному интерпретировать этот процесс. Для этого обобщим изложенные выше данные об общей протяженности культур во времени и основных этапах их собственной истории (рис. 14).

Установлено, что первыми на территории Верхнего Поволжья начали изготавливать глиняную посуду носители волго-окской культуры. В настоящее время можно считать доказанным сходство кремневой индустрии этой культуры с индустриями местного мезолита (Цветкова, 2011, 2019). Примерно в середине периода бытования волго-окской культуры здесь появляются носители пришлой с востока верхневолжской культуры, которые сосуществуют и смешиваются с местным населением и, наконец, его ассимилируют. Есть некоторые основания предполагать, что на позднем этапе носители верхневолжской культуры какое-то небольшое время сосуществовали с распространяющимся на этой территории населением очень мощной культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Около середины 6 тыс. л.н. в Верхнем Поволжье начинается распространение носителей редкоямочной (тонкостенной) керамики. Какое-то время они сосуществуют с носителями культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, а потом в результате смешения формируется группа населения с редкоямочной керамикой, выделившаяся из среды культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Позднее носители этой группы населения постепенно ассимилируют население, делавшее редкоямочную (тонкостенную) посуду, но вероятно какая-то часть этого населения все-таки сохраняется, сосуществуя как с населением культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, так и волосовской. Последние, также пришлые на этой территории, длительное время сосуществуют с носителями культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, редкоямочной и редкоямочной (тонкостенной) керамикой. В технологии керамики фиксируется только факт их незначительного смешения с носителями культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Это проявляется в появлении

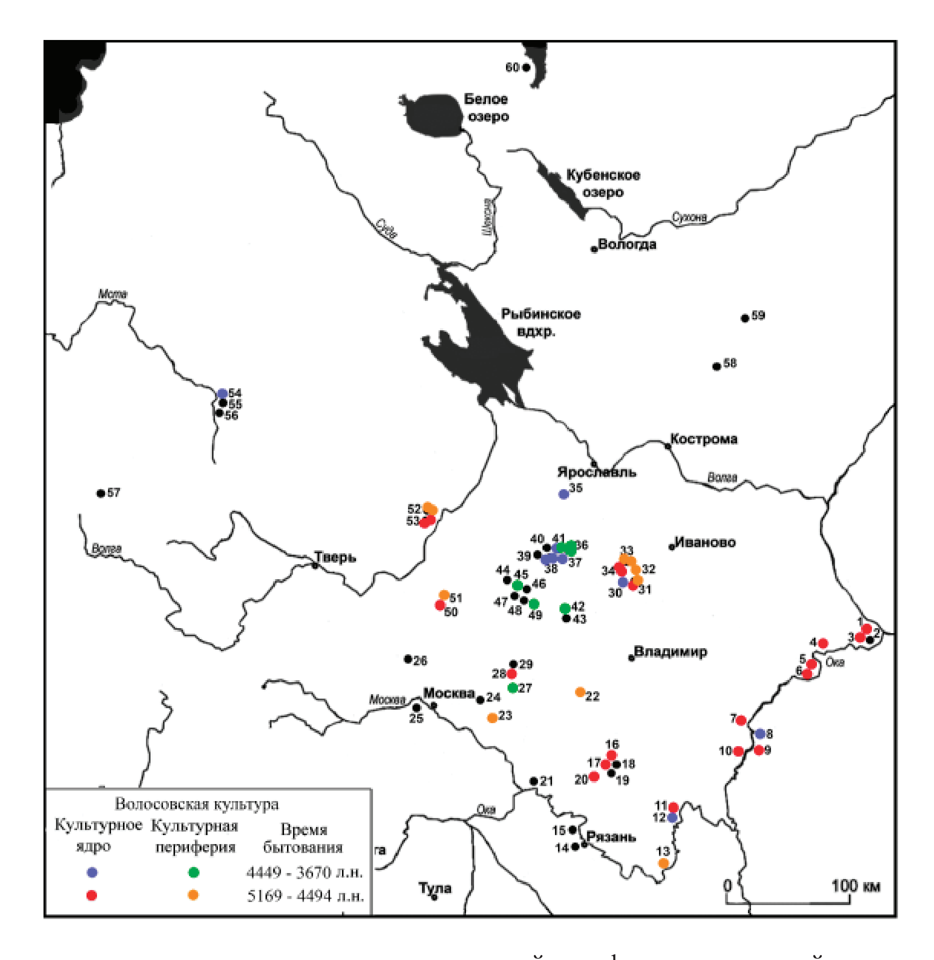

Рис. 13. Карта памятников культурного центра и культурной периферии волосовской культуры в различные периоды ее развития. Ранний период: ***основные поселения***: 1 – Гавриловка I; 3 – Гавриловка III; 4 – Володары; 5 – Подборица-Западная; 6 – Подборица-Щербининская; 7 – Плехановское Бор; 9 – Волосово; 10 – Панфиловская; 11 – Ибердус I; 16б – Шагара II; 17 – Владычинская-Береговая I; 20 – Черная гора; 28 – Заречье I; 31а – Сахтыш I, SCE-2, Hor. 4; 34а – Сахтыш VIII, SCE-1, Hor. 3; 34б – Сахтыш VIII, SCE-1, Hor. 5; 50 – Николо-Перевоз I; 53а – Языково I, SCE-2, Hor. 3; 53б – Языково I, SCE-2, Hor. 5; ***периферийные поселения:*** 13 – Одоевские фермы; 15 – Фефеловская Придорожная; 18 – Владычинская-Береговая II; 22 – Богдарня; 23 – Маслово Болото II; 31б – Сахтыш I, SCE-2, Hor. 6; 32 – Сахтыш II, SCE-1, Hor. 5; 33а – Сахтыш II, SCE-2, Hor. 13; 33б – Сахтыш II, SCE-2, Hor. 17; 51 – Николо-Перевоз II; 52а – Языково I, SCE-1, Hor. 2; 52б – Языково I, SCE-1, Hor. 7. Поздний период: ***ключевые поселения:*** 8 – Садовый Бор; 12 – Ибердус II; 30 – Сахтыш I, SCE-1, Hor. 4; 35 – Юница; 37 – Ивановское II, SCE-1, Hor. 7; 38а – Ивановское III, SCE-1, Hor. 3; 38б – Ивановское III, SCE-1, Hor. 5; 41б – Ивановское VII, SCE-2, Hor. 5; 54 – Репище Ia; ***периферийные поселения:*** 27 – Большое Буньково; 36а – Вашутино I, SCE-1, Hor. 2; 36б - Вашутино I, SCE-2, Hor. 4; 41а – Ивановское VII, SCE-2, Hor. 3; 42 – Берендеево I, SCE-1, Hor. 3; 45 – Польцо II; 49 – Плешеево IV

Fig. 13. Map of the monuments of cultural core and cultural periphery of the Volosovo culture during various periods of its history. Early period: ***main settlements:*** 1 – Gavrilovka I; 3 – Gavrilovka III; 4 – Volodary; 5 – Podboritsa-Zapadnaya; 6 – Podboritsa-Sherbininskaya; 7 – Plehanov Bor; 9 – Volosovo; 10 – Panfilovskaya; 11 – Iberdus I; 16b – Shagara II; 17 – Vladychinskaya-Beregovaia I; 20 – Chernaia Gora; 28 – Zarechie I; 31a – Sahtysh I, SCE-2, Hor. 4; 34a – Sahtysh VIII, SCE-1, Hor. 3; 34b – Sahtysh VIII, SCE-1, Hor. 5; 50 – Nikolo-Perevoz I; 53a – Yazykovo I, SCE-2, Hor. 3; 53b – Yazykovo I, SCE-2, Hor. 5; ***peripheral settlements***: 13 – Odoevskie fermy; 15 – Fefelovskaya Pridorozhnaya; 18 – Vladychinskaya-Beregovaia II; 22 – Bogdarnya; 23 – Maslovo Boloto II; 31b – Sahtysh I, SCE-2, Hor. 6; 32 – Sahtysh II, SCE-1, Hor. 5; 33a – Sahtysh II, SCE-2, Hor.13; 33b – Sahtysh II, SCE-2, Hor. 17; 51 – Nikolo-Perevoz IIa; 52a – Yazykovo I, SCE-1, Hor. 2; 52b – Yazykovo I, SCE-1, Hor. 7. Late period: ***main settlements:*** 8 – Sadovyi Bor; 12 – Iberdus II; 30 – Sahtysh I, SCE-1, Hor. 4; 35 – Unitsa; 37 – Ivanovskoe II, SCE-1, Hor. 7; 38a – Ivanovskoe III, SCE-1, Hor. 3; 38b – Ivanovskoe III, SCE-1, Hor. 5; 41b – Ivanovskoe VII, SCE-2, Hor. 5; 54 – Repische Ia; ***peripheral settlements:*** 27 – Bol'shoe Bun'kovo; 36a – Vashutino I, SCE-1, Hor. 2; 36b – Vashutino I, SCE-1, Hor.4; 41a – Ivanovskoe VII, SCE-2, Hor. 3; 42 – Berendeevo I, SCE-1, Hor. 3; 45 – Pol'tso II; 49 – Plesheevo IV

у волосовского населения традиции введения в формовочную массу не только примеси птичьего помета, но и крупной дресвы (Цетлин, 1980; 1991, с. 93-98). В более позднее время, когда носители культуры с ямочно-гребенчатой керамикой прекращают свое существование, население волосовской культуры сосуществует уже с группами населения эпохи ранней бронзы. Таковой представляется в основных чертах история неолитического населения Верхнего Поволжья.

Теперь обобщим данные о времени бытования рассмотренных неолитических культур (рис. 14). Легко заметить, что они значительное время сосуществовали друг с другом. Эти периоды сосуществования охватывают в общей сложности 3076 лет, при общей протяженности неолитического периода 3570 лет. Получается, что примерно 86 % времени разные культуры в эпоху неолита сосуществовали друг с другом.

В 1952 г. увидела свет классическая работа А.Я. Брюсова «Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху». В ней исследователь предлагает определение понятия археологическая культура:

«Под археологической культурой я понимаю единство археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени... Это единство выражается в близком сходстве типов орудий труда, утвари, оружия, украшений..., сходства типов построек и погребальных обрядов, в однообразном изменении их форм с течением времени (преемственность типов, обусловленная передачей опыта от поколения к поколению)… Наиболее отчетливо это единство проявляется в… орнаменте, специфической форме сосудов, в типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники.

Археологические культуры… отражают… своеобразие… жизни определенной этнической группы, обычно группы родственных племен…» (Брюсов, 1952, с. 20).

Позднее к попыткам определения содержания этого понятия обращались многие исследователи (А.П. Смирнов, А.Л. Монгайт, Е.И. Крупнов, М.П. Грязнов, И.С. Каменецкий, В.Ф. Генинг, Ю.Н. Захарук, Ю.Б. Цетлин), однако это не привело к формированию какого-то единого мнения.

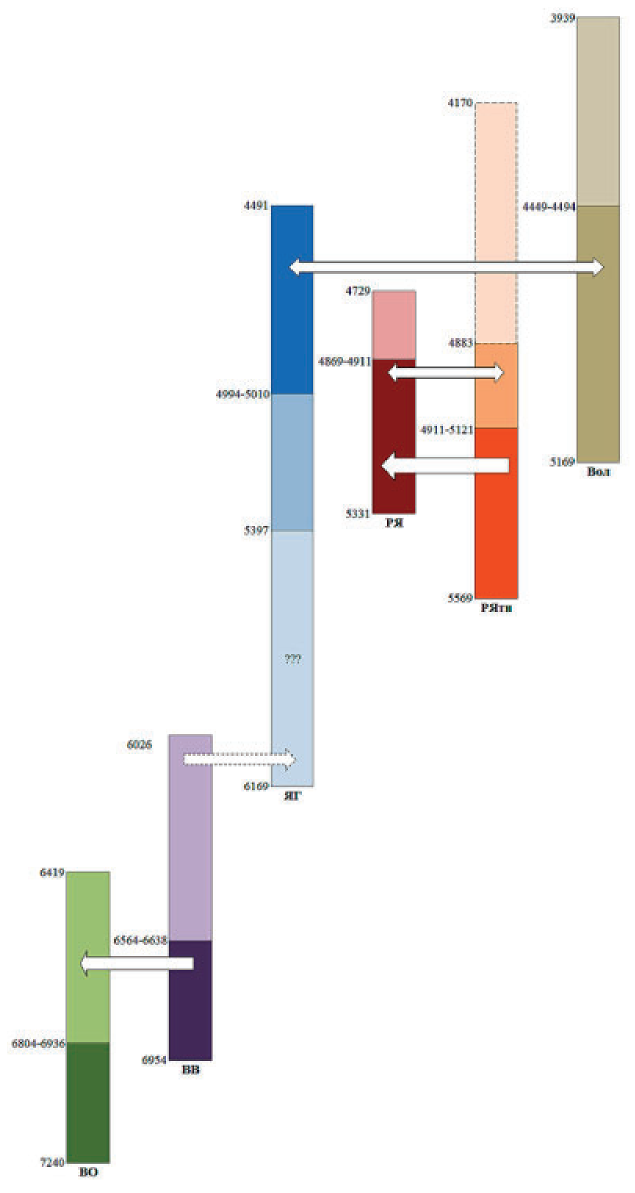

Рис. 14. Синхронизация и культурные контакты между носителями неолитических культур и группами населения Верхнего Поволжья (ВО – волго-окская культура; ВВ – верхневолжская культура; ЯГ – ямочно-гребенчатая культура; РЯ – группа редкоямочной керамики; РЯтн – группа редкоямочной тонкостенной керамики; Вол – волосовская культура)
Fig. 14. Synchronization and cultural contacts between the Neolithic cultures bearers and population groups in the Upper Volga region (ВО – Volga-and Oka culture; ВВ – Upper Volga culture; ЯГ – Pit-and-Comb culture; РЯ – Rare-Pit Pottery group; РЯтн – Thin Rare-Pit Pottery group; Вол – Volosovo culture

В настоящее время, несмотря на глубокую продуманность и полноту старого определения А.Я. Брюсова, оно нуждается в уточнении с учетом уровня современных знаний. Попытаюсь сформулировать основные черты понятия археологическая культура, опираясь

на результаты исследования традиций неолитической керамики:

Археологическая культура отражает сформировавшееся естественным путем культурное единство определенной группы населения (племени или реже – группы родственных племен).

Это единство возникает в связи с тем, что обмен информацией внутри этой группы происходит намного чаще, чем между ней и соседними группами.

Каждая археологическая культура представляет собой результат сращивания традиций двух культурных групп, что отражает дуально родовую структуру первобытных коллективов.

Внутренняя структура археологической культуры всегда состоит из культурного ядра (сходство между традициями составляет 80-90 %) и культурной периферии (сходство между традициями – 60-80 %).

Каждая археологическая культура занимает ограниченную территорию, размер которой зависит от уровня развития социальной организации коллектива (чем она выше, тем больше территория культуры).

Развитие археологических культур происходит за счет межкультурных контактов их носителей, что возможно только при условии их чересполосного сосуществования на одной территории, где они занимают разные экологические ниши.

Легко заметить, что в перечисленных мною чертах археологической культуры полностью сохраняется основная идея А.Я. Брюсова о том, что археологическая культура отражает не какое-то формальное сходство предметов материальной культуры, а сходство, обусловленное общей социальной организацией конкретной этнокультурной или этнической группы населения.

В заключение хочется подчеркнуть, что доказательный результат изучения истории археологических культур как отражение истории конкретных этносоциальных организмов прошлого зависит от выделения конкретных культурных традиций, характерных для этих коллективов, и их строгого количественного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А.А. Бобринский. Самара: СГПУ, 1999. С. 5-109.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР, 1952. 263 с.

Волкова Е.В. К вопросу о содержании термина «фатьяноидная» керамика // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Отв. ред. О.В. Лозовская, А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2016. С. 2–7.

Волкова Е.В. Бинокулярный анализ керамики бронзового века лесной зоны Восточной Европы (к обсуждению термина «фатьяноидная» керамика) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2. С. 52–59.

Волкова Е.В. Отражение в гончарных традициях контактов фатьяновско-балановского и поздневолосовского населения // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 129–136.

Крайнов Д.А. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 153. / Отв. ред. Н.Н. Гурина, И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1978. С. 57–62.

Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. 1981. № 2. С. 5-20.

Крайнов Д.А. Некоторые спорные вопросы неолита северной половины европейской части СССР // Задачи Советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 6–8.

Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. 379 с.

Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности / Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. 765 с.

Никитин В.В. Культура двух эпох в волго-вятском междуречье. Феномен майданской культуры средневолжского варианта волосовской культурно-исторической общности. Часть 1 // Известия СНЦ РАН. 2021. Том 3. № 2 (10). С. 86-99.

Раушенбах В.М. Племена льяловской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 44 / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: Советская Россия. 1970. С. 35–78.

Сидоров В.В. Льяловская культура западной части Волго-Окского междуречья. Автореф. дисс. … канд. истор. наук. М.: ИА АН СССР, 1986. 22 с.

Телегин Д.Я. Вопросы хронологии и периодизации неолита Украины // КСИА. Вып. 153 / Отв. ред. Н.Н. Гурина, И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1978. С. 46–48.

Урбан Ю.Н. К вопросу о ранненеолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы / Отв. ред. Л.В. Кольцов, М.П. Зимина, О.С. Гадзяцкая. М.: Наука, 1976. С. 64-70.

Хотинский Н.А. Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной зоны европейской части СССР // КСИА. Вып. 153 / Отв. ред. Н.Н. Гурина, И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1978. С. 7–14.

Цветкова И.К., Кравцов А.Е. Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I // СА. 1982. № 2. С. 82–95.

Цветкова Н.А. Ранний неолит Верхнего Поволжья: некоторые итоги изучения // Российский археологический ежегодник. № 1 / Гл. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 148−182.

Цветкова Н.А. Начало неолитической эпохи на Верхней Волге: культурная революция или эволюция культуры? // Эволюция неолитических культур Восточной Европы (Санкт-Петербург, 15-17 мая, 2019) / Отв. ред. А.А. Выборнов, Е.В. Долбунова, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач. СПб.: ООО «Порто-Принт», 2019. С. 99–101.

Цетлин Ю.Б. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. 1980. № 4. С. 9–15.

Цетлин Ю.Б. Неолитическая керамика стоянки Ивановское VII // КСИА. Вып. 169 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1982. С. 7–13.

Цетлин Ю.Б. Неолитическая эпоха в Верхнем Поволжье // Задачи Советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987, С. 267-269.

Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М.: ИА АН СССР, 1991. 195 с.

Цетлин Ю.Б. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // Тверской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1996. С. 155–163.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 352 с.

Цетлин Ю.Б. О происхождении верхневолжской культуры // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения) / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. С. 197–208.

Цетлин Ю.Б. О возможностях выделения родовых групп у носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: ПГСГА, 2011. С. 55-56.

Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени / Ред. М.Б. Щукин, О.А. Гей. СПб: Ойум, 1992. С. 158–207.

Цетлин Ю.Б. О родовых группах в составе неолитических культур Центра Русской равнины // Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник научных трудов памяти И.С. Каменецкого / Отв.ред. А.Н. Гей, И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2016. С. 231–247.

Цетлин Ю.Б. О ходе этнокультурных процессов в Центре Русской равнины в эпоху неолита // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 304-320.

Цетлин Ю.Б. Социальное содержание понятия «археологическая культура» // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 220–222.

Информация об авторе:

Цетлин Юрий Борисович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Российской академии наук (г. Москва, Россия); yu.tsetlin@mail.ru

REFERENCES

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery Study: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian).

Bryusov, A. Ya. 1952. *Ocherki po istorii plemen Evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu (Essays on the history of the tribes of the European part of the USSR during in the Neolithic)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Volkova, E. V. 2016. In Lozovskaia, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 2–7 (in Russian).

Volkova, E. V. 2018. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 46 (2), 52–59 (in Russian).

Volkova, E. V. 2019. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 8 (27), 129–136 (in Russian).

Krainov, D. A. 1978. In Gurina, N. N., Kruglikova, I. T. (eds.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 153. Moscow: Science, 57–62 (in Russian).

Krainov, D. A. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 5–20 (in Russian).

Krainov, D. A. 1987. In Shilov V.P. (ed.). *Zadachi Sovetskoy arkheologii v svete resheniy XXVII s"ezda KPSS (Issues of Soviet archaeology in the light of resolutions of the 27th Congress of the Communist Party of the Soviet Union).* Moscow: "Nauka" Publ., 6–8 (in Russian).

Oshibkina, S. V. (ed.). 1996. *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nikitin, V. V. 2017. *Na grani epokhi kamnya i metalla. Srednevolzhskiy variant volosovskoy kul'turno-istoricheskoy obshhnosti (Between the Stone and Metal Periods. Middle Volga Variation of the Volosovo Cultural and Historical Community).* Series: Arkheologiia Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 10. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Nikitin, V. V. 2021. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 3, no 2 (10), 86–99 (in Russian).

Rauschenbakh, V. M. 1970. In Smirnov, K. F. (ed.). *Okskiy basseyn v epokhu kamnya i bronzy (Oka River basin in the Stone and Bronze Ages).* Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 35–78 (in Russian).

Sidorov, V. V. 1986. *L'yalovskaya kul'tura zapadnoy chasti Volgo-Okskogo mezhdurech'ya (Lyalovo culture of the western part of the Volga-Oka interfluve).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Telegin, D. Ya. 1978. In Gurina, N. N., Kruglikova, I. T. (eds.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 153. Moscow: "Nauka" Publ., 46–48 (in Russian).

Urban, Yu. N. 1976. In Koltsov, L. V., Zimina, M. P., Gadzyatskaya, O. S. (eds.). *Vostochnaya Evropa v epokhu kamnya i bronzy (Eastern Europe in the Stone and Bronze Ages).* Moscow: "Nauka" Publ., 64–70 (in Russian).

Khotinsky, N. A. 1978. In Gurina, N. N., Kruglikova, I. T. (eds.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 153. Moscow: Science, 7–14 (in Russian).

Tsvetkova, I. K., Kravtsov, A. E. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 82–95 (in Russian).

Tsvetkova, N. A. 2011. In Vishnyatsky, L. B. (ed.). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 1. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 148−182 (in Russian).

Tsvetkova, N. A. 2019. In Vybornov, A. A., Dolbunova, E. V., Kolpakov, E. M., Tkach, E. S. (eds.). *Evolyutsiia neoliticheskikh kul'tur Vostochnoi Evropy (Evolution of the Neolithic Cultures of Eastern Europe (Saint Petersburg, 15-17. 05. 2019).* Saint Petersburg: "Pronto-Print"Publ., 99–101 (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 9–15 (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 1982. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 169. Moscow: Science, 7–14 (in Russian).

Tsetlin Yu. B. 1987. In Shilov V.P. (ed.). *Zadachi Sovetskoy arkheologii v svete resheniy XXVII s"ezda KPSS (Tasks of Soviet archaeology in the light of resolutions of the 27th Congress of the Communist Party of the Soviet Union).* Moscow: "Nauka" Publ., 267–269 (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 1991. *Periodizatsiya neolita Verkhnego Povolzh'ya. Metodicheskie problemy (Periodization of the Neolithic in the Upper Volga region. Methodological issues).* Moscow: Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 1996. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (2). Tver: Tver State United Museum, 155–163 (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2008. *Neolit tsentra Russkoi ravniny: ornamentatsiia keramiki i metodika periodizatsii kul'tur (The Neolithic of the Center of the Russian Plain: Pottery Decoration and Methods of Periodization of Cultures)*. Tula: "Grif i K" Publ. (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskii poligrafichesko-izdatel'skii kombinat" Publ., 197–208 (in Russian). Yoshkar-Ola: MarNIYALI, 197-208 (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2011. In Vybornov, A .A. (ed.). *Neolit Srednego Povolzh'ya v sisteme kul'tur Evrazii (Neolithic of the Middle Volga region in the system of cultures of Eurasia)*. Samara: Volga Region State Academy of Social Sciences and Humanities, 55–56 (in Russian).

Sharov, O. V. 1992. In Shchukin, M. B., Gaj, O. A. (eds.). *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni (Issues of Chronology of La Tène and Roman Period)*. Saint Petersburg: "Oium" Publ., 158–207 (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2016. In Gaj, A. N., Sorokina, I. A. (eds.). *Arkheologicheskaya nauka: praktika, teoriya, istoriya. Sbornik nauchnykh trudov pamyati I.S. Kamenetskogo (Archaeological science: practice, theory, history. Collection of proceedings in memory of I.S. Kamenetsky).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 231–247 (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2019. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (257), 304–320 (in Russian).

Tsetlin Yu. B. 2020 In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* Vol. I. Samara: Samara State Pedagogical University, 220–222 (in Russian).

About the Author:

Tsetlin Yuri B. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; yu.tsetlin@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/903 562/569 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.149.160

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТА ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ И ВОСТОЧНОГО ПРИОНЕЖЬЯ

© 2024 г. Н.Г. Недомолкина

Речная сеть Вологодской области очень густа и относится к трём бассейнам: Белого, Балтийского и Каспийского морей. Этот факт сказывается на культурно-историческом развитии регионов области уже в древности. Неолит на территории области был изучен археологами неравномерно. В настоящее время выявлены и исследованы новые памятники археологии, получены данные естественнонаучных дисциплин, которые дали возможность расширить и уточнить представления о культурно-исторических процессах, проходивших на территории Восточного Прионежья и Верхней Сухоны, Кубенского озера и дополнить наши знания о каменном веке Русского Севера – Европейского Северо-Востока. На основе результатов изучения этих двух частей региона – Восточного Прионежья и Верхней Сухоны – предлагается хронология и периодизация развития территорий в неолите.

Ключевые слова: археология, неолит, север Европейской части России, Верхняя Сухона, Восточное Прионежье, керамика, периодизация, хронология.

PERIODIZATION AND CHRONOLOGY OF THE NEOLITHIC UPPER SUKHONA AND EASTERN LAKE ONEGA REGION

N.G. Nedomolkina

The river network of the Vologda region is very dense and belongs to three basins: the White, Baltic and Caspian seas. This fact affects the cultural and historical development of different areas of the Vologda region already in ancient times. The Neolithic in the region has been studied by archaeologists unevenly. Currently, new archaeological settlements – have been identified and studied, data have been obtained from natural sciences, which have made it possible to expand and clarify ideas about the cultural and historical processes that took place in the territory of the Eastern Lake Onega region and Upper Sukhona, Lake Kubenskoye and to supplement our knowledge about the Stone Age of the Russian North – European North-East. Based on the results of studying these two parts of the region – the Eastern Lake Onega region and the Upper Sukhona – a chronology and periodization of the development of areas in the Neolithic is proposed.

Keywords: archaeology, Neolithic, north of the European part of Russia, Upper Sukhona, Eastern Lake Onega region, ceramics, periodization, chronology.

Территория Верхней Сухоны в силу геоморфологического положения и природно-климатических условий представляет собой своеобразный микрорегион с развитой гидросистемой, сложившейся на площади приледникового Сухонского озера. В этом регионе выявлены и изучены памятники археологии, которые дали возможность расширить и уточнить представления о культурно-исторических процессах, проходивших на Верхней Сухоне, Кубенском озере и дополнить наши знания о каменном веке Русского Севера – Европейского Северо-Востока.

Пониманию историко-культурной ситуации в бассейне Верхней Сухоны в целом способствовали многолетние исследования комплекса многослойных поселений Вёкса 1 и Вёкса 3 (Недомолкина, 2000, с. 47–77) (рис. 1).

Четкая стратиграфия и хорошая сохранность археологического материала делает памятники, ключевыми для лесной зоны, давая уникальную возможность детального изучения последовательности культурных напластований, которые составляют 3 м, включая намывные прослойки. Неолитические слои содержат 6 разных керамических традиций, которые различаются между собой и существуют от 6 до 3 тыс. до нашей эры (Недомолкина, 2004, с. 265–279).

На четвертом участке поселения Вёкса 3 выявлено несколько неолитических культурных слоев.

Стратиграфия 4 участка поселения (рис. 2):

А – отвалы раскопов предыдущих лет.

В. Современный растительно-почвенный слой − 10−20 см.

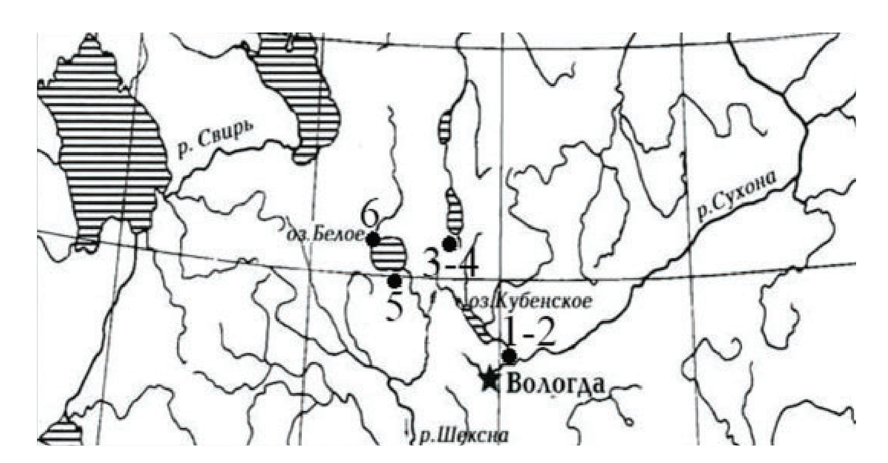

Рис. 1. Карта памятников. 1–2 – Вёкса 1, Вёкса 3; 3–4 – Караваевская 1, Караваевская 4; 5 – Остров Молебный; 6 – Устье-Шолы-1.
Fig. 1. Map of sites. 1–2 – Veksa 1, Veksa 3; 3–4 – Karavaevskaya 1, Karavaevskaya 4; 5 – Molebny Ostrov; 6 – Ustye-Sholy-1.

1. Коричневая супесь − 20−40 см, нижний уровень которой отражает границу культивированного слоя.

2. Темно-серый суглинок − 8−18 см, с углистыми включениями от поздних кострищ, верхний культурный слой периода ранней бронзы.

3. Светло-коричневый суглинок − 16−30 см не содержит находок. Он соответствует намывной прослойке.

4. Серая рыхлая глина −12−30 см, в ямах до 60 см, с примесью красноватых включений, небольшим количеством угольков, кальцинированных костей, мелкой глиняной крошки. В слое выявлены остатки столбовых наземных конструкций прямоугольной формы, ориентированных по линии запад-восток. Материал слоя представлен фрагментами сосудов из пористого теста периода позднего энеолита − ранней бронзы.

5. Темно-коричневая глина − 18−30 см – содержит культурный слой эпохи неолита с каргопольским комплексом. В слое зафиксированы следы размытых столбовых конструкций, не имеющие четких границ, круглые хозяйственные ямы диаметром до 60 см.

6. Намывная прослойка светло-коричневой глины 20−30 см, в которой фиксируются ямы с материалами каргопольского комплекса.

7. Темная гумусированая глина − 8−24 см, в заглублениях до 42 см содержит комплекс, с керамикой «северных типов». В слое зафиксированы остатки столбовых конструкций свайно-болотного типа с размытыми очагами, от которых фиксировались небольшие

Рис. 2. Поселение Вёкса 3. Стратиграфия раскопа. А – отвал раскопов предыдущих лет; В – погребенная почва; 1 – коричневая супесь; 2 – темно-серый суглинок; 3 – светло-коричневый суглинок; 4 – серая рыхлая глина; 5 – темно-коричневая глина; 6 – светло-коричневая глина; 7 – темная гумусированая глина; 8 а – темно-серая глина; 8 в – светло-коричневая глина; 9 – черная с линзами прокалов, угля глина; 10 – светло-коричневая глина; 11 – светло-коричневого-серого цвета глинистые осадки с тонкими песчаными прослойками.
Fig. 2. Veksa 3 settlement. Stratigraphy of the excavation. A – land dump of excavations of previous years; B – buried soil; 1 – brown sandy loam; 2 – dark gray loam; 3 – light brown loam; 4 – gray friable clay; 5 – dark brown clay; 6 – light brown clay; 7 – dark humus clay; 8 a – dark gray clay; 8 c – light brown clay; 9 – black clay with lenses of thermal treatment, coal clay; 10 – light brown clay; 11 – light brown - gray clay sediments with thin sandy streaks.

разбросанные камни и единичные вкрапления угля. На всей площади раскопов зафиксировано большое количество ямок от столбов и кольев с наибольшим диаметром до 0,2 м, а также следы тлена горизонтальных конструкций. Поселенческие материалы дополняет погребальный комплекс с уникальным захоронением в яме.

8 а, в. Намывная прослойка светло-коричневой глины 20−60 см. Вверху слоя фиксируются аморфные пятна слегка гумуссированной глины. Материал, происходящий из этих пятен, представлен керамикой с отпечатками длинного гребенчатого штампа.

9. Самый древний культурный слой поселения Вёкса 3 залегает на глубине 1,9−2,8 м от дневной поверхности представлен черной глиной с углем, тленом, кальцинированной костью − 8−24 см. Многочисленные линзы угля в разных частях раскопа и на различной глубине дают возможность предположить, что это была неоднократно посещаемая стоянка охотников-рыболовов, используемая как временное сезонное стойбище или ритуальная площадка. Последнее подтверждают сложные столбовые конструкции с канавками, многократные кострища, охра, состав костей в угольных пятнах, принадлежащих чаще всего несъедобным частям скелета животного.

Ранний этап комплекса представлен керамикой с тычково-накольчатой орнаментацией и орудиями из кости. Для позднего этапа характерна раннегребенчатая керамика.

10. Материк представлен отложениями светло-коричневой окраски. Явное изменение в субстрате знаменует переход к органическому силикатному сапропелю. Эти отложения, которые различаются по толщине между 1-2,5 м состоят в основном из ила от темного до оливкового серого цвета. Они характеризуются напластованиями органических слоев с обильными растительными остатками, особенно при переходах между верхними и нижними горизонтами. Обнаружены останки моллюсков в небольшом количестве. Пробы интерпретируются как озерные или речные отложения спокойной заводи (сезонной?) с осадками притока. Что, вероятно, свидетельствуют о продолжении подтопления бассейнов с начала до среднего голоцена.

11. В нижней части стратиграфии образуется силикатый сапропель который обычно начинается на 4 м ниже современной поверхности. Эти от светло-коричневого до серого глинистые осадки с тонкими песчаными прослойками в илистых слоях образовались, когда существовало большое озеро с высоким притоком осадка, и интерпретируются как озерные напластования обширного Валдайского позднеледникового озера.

Абсолютная хронология соответствует стратиграфической последовательности напластований поселения Векса 3. Был сделан ряд радиоуглеродных дат в лабораториях Москвы и Санкт-Петербурга, которые дополнены AMS датами (Недомолкина, Пицонка 2016, с. 425-443). Даты получены из органических материалов, таких, как древесный уголь и кость из культурных слоев, образцы AMS сделаны по нагару на керамике. Это позволило проверить и уточнить датировку культурных напластований.

По археологическим данным территория Верхней Сухоны начинает осваиваться в раннем неолите, в VI тыс. до н. э. Ранненеолитические комплексы выявлены в результате раскопок на поселении Векса 1 − комплекс Векса-Н и поселении Векса 3 − 9 слой. Самый древний культурный слой (9) поселения Векса 3 содержит материал эпохи раннего неолита. Стоянки этого периода небольшие, временные, носят преимущественно промысловый или обрядовый характер. Как было выявлено при раскопках ранненеолитических слоев комплекса Вёкса, культурные слои стоянок этого времени представлены в виде отдельных пятен, с которыми связано наибольшее количество находок слоя. Пятна фиксируются на разном уровне залегания, перепады в высотных отметках могут достигать 0,6 м. Если пятна рассеяны на значительной площади, культурный слой морфологически не выражен и слабо насыщен находками. Даты по углю и почве из 9 слоя занимают промежуток времени между 6950±150 BP (6201–5562 cal BC) (Ле-5866) и 6340±30 BP (5460–5223 cal BC) (KIA-33929). Самая ранняя дата по нагару керамики, 6677±25 BP (5641–5551 cal BC) (MAMS-25493), была получена для фрагмента из развала сосуда с орнаментацией, характерной для ранней верхневолжской керамики. В развитии ранненеолитического комплекса выделено два этапа.

Ранний этап характеризуется комплексом с накольчатой и неорнаментированной керамикой (рис. 3: 1-16, 25), орудиями из

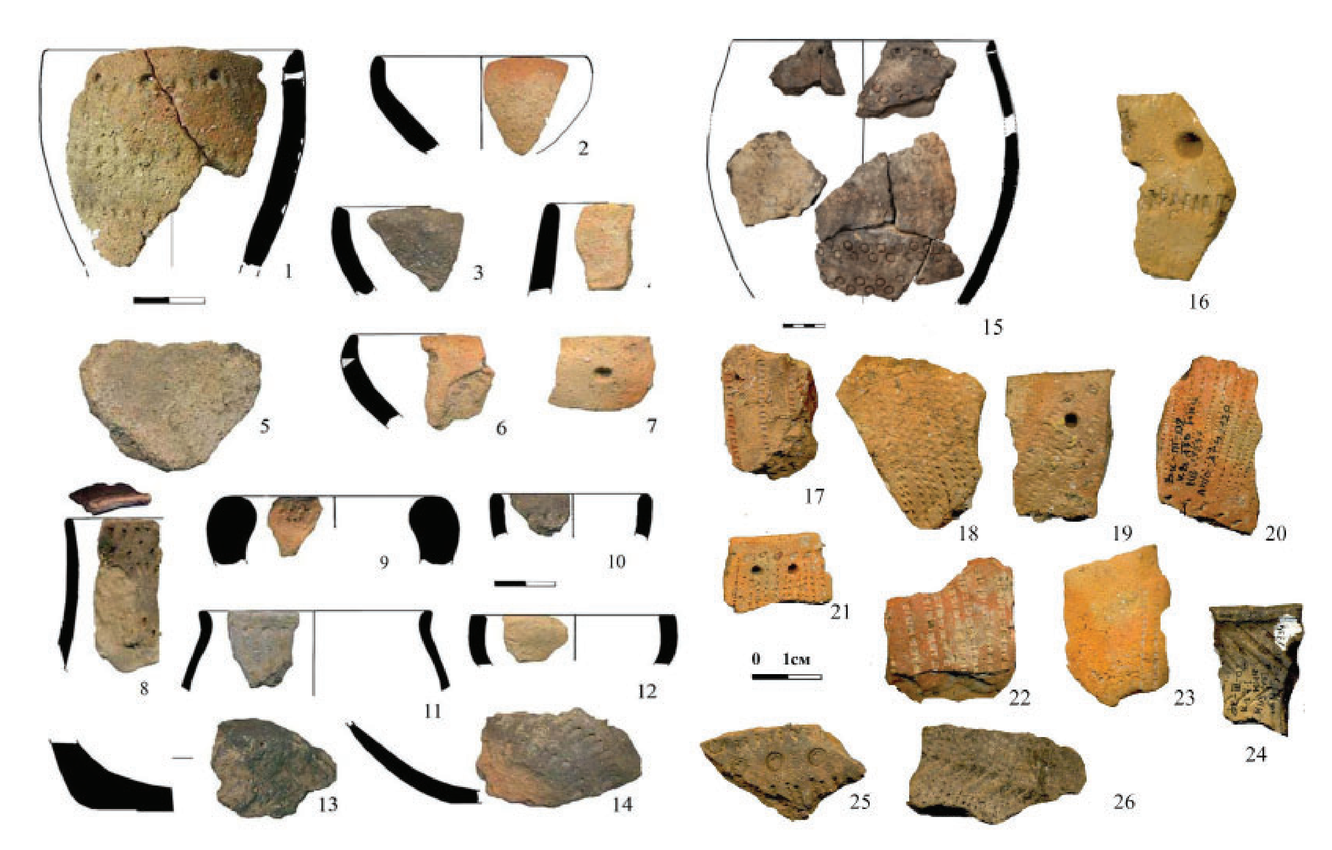

Рис. 3. Поселение Вёкса 3. Ранненеолитическая керамика. Слой 9. 1-16, 25 – керамика раннего этапа; 17-26 – раннегребенчатая керамика, поздний этап (Реконструкция сосудов выполнена Н. Недомолкиной и Х. Пицонка).
Fig. 3. Veksa 3 settlement. Early Neolithic ceramics. Layer 9. 1–16, 25 – ceramics of the early stage; 17–26 – early combed ceramics, late stage (Reconstruction of the vessels by N. Nedomolkina and H. Piezonka).

кости, сечениями, остриями. Даты, полученные для низа культурного слоя, 6950±150 ВР (ЛЕ-5866); 6730±160 ВР (ЛЕ-5864); 6650±200 ВР (ЛЕ-5869); 6500±170 ВР (ГИН-10181).

Поздний этап характеризуется гребенчатой, гребенчато-накольчатой керамикой с горизонтальным и вертикальным членением орнаментального поля, отсутствием строгой зональности (Рис. 3: 17-24, 26), косо-лезвийными наконечниками-трапециями, орудиями на крупных пластинчатых отщепах, нуклевидными орудиями, скребками, шлифованными орудиями, глиняными поделками, сланцевыми кольцами. Датируется период 6400±130 ВР (ЛЕ-5870); 6340±30 ВР (KIA-33929), 6314±22 ВР (KIA-49798).

Вёксинская керамика гладкостенная без орнамента или с разреженными наколами и тычковыми вдавлениями. Под венчиком почти всегда идёт ряд ямок, часто сквозных или глубоких.

Технико-технологический анализ состава керамической формовочной массы и микроскопического анализа исходного сырья всех комплексов проведен в Лаборатории «История керамики» Отдела теории и методики ИА РАН, Ю.Б. Цетлиным. Сосуды на Вёксе изготовлены из природной глины и из глиноподобного сырья в виде ила. Глина содержала в себе включения мелкой слюды, бурого железняка, в остальных случаях основной естественной примесью в глине был песок разного размера. Что касается анализа формовочных масс, то на самом общем уровне среди изученных образцов выделяются две группы рецептов. Наиболее сложно, оказалось сделать какие-либо строгие заключения о присутствии органики в формовочной массе. Предварительно можно отметить, что в ряде случаев органическая примесь добавлена в формовочную массу специально, скорее всего в виде раствора, содержавшего разрозненные микроскопические растительные остатки.

Вторая группа, где в качестве искусственной минеральной примеси к глине добавлена дресва, также содержит фрагменты гладкостенной керамики и фрагменты, орнаментированные горизонтальными поясами мелкой

Рис. 4. Поселение Вёкса 3. Слой 8а: 1–8 – керамика «второго гребенчатого» комплекса (реконструкция сосуда выполнена Х. Пицонка); слой 7: 9–17 – керамика «северных типов».
Fig. 4. Veksa 3 settlement. Layer 8 a: 1–8 – ceramics of the "second combed" complex (reconstruction of the vessel by H. Piezonka); layer 7: 9–17 – ceramics of the "northern types".

разреженной неконической ямки, наколами. К этой группе относится небольшой сосудик баночной формы, орнаментированный горизонтальным рядом круглых сквозных отверстий в зоне венчика и поясами неглубоких ямчатых вдавлений по гладкому полю (рис. 3: 1). Примесь дресвы использовалась гончарами в различной концентрации.

Неолитизация в данном регионе связана с областью распространения керамики верхневолжской культуры

В середине VI – конце V тыс. до н.э. на Верхней Сухоне появляются памятники второго пласта с гребенчатой керамикой (Рис. 4: 1-8). Сравнительная малочисленность комплексов, слабая морфология слоев свидетельствуют, вероятно, о кратковременном бытовании этого населения на Верхней Сухоне. Морфологически слой слабо выражен и сильно нарушен вышележащим культурным слоем периода развитого неолита. Генезис этого комплекса пока остается неясным. Отмечено сходство керамики с материалами стоянок печеро-двинской АК (ранний этап) (Косинская, 1997, с. 176) и стоянок западной части Вологодской области, типа Тудозеро V (Иванищев, Иванищева, 2004, с. 60), Карелии. Сравнительная малочисленность комплексов, слабая морфология слоев свидетельствуют о кратковременном бытовании этого населения на Верхней Сухоне, что подтверждается узким интервалом дат, полученных по углю для слоя второго гребенчатого комплекса, от 6220±150 BP (5478–4807cal BC) (Ле-5868) до 6200±170 BP (5482–4729 cal BC) (Ле-5856). Даты, которые получены по нагару для фрагментов второго гребенчатого комплекса из подъемного материала, также соответствуют этому интервалу: 6285±30 BP (5317–5216 cal BC) (KIA-49799) и 6185±30 BP (5222–5041 cal BC) (KIA-33927).

Имеющиеся данные свидетельствуют, что освоение региона в неолите связано с миграциями населения разных культурных групп со смежных территорий. Смена населения происходит из-за затоплений этих мест при повышении уровня воды в Кубенском озере и реках. После спада воды территория вновь

осваивается. Практически одновременно происходит приток нового населения с территории Волго-Окского междуречья. В бассейне Верхней Сухоны появляются памятники с льяловскими комплексами, относящиеся к раннему этапу развития культуры. Для льяловского комплекса поселения Вёкса 1 получена дата 5843±80 BP (4903–4502 cal BC) (SPb-1691). На поселении Векса 1 зафиксированы остатки различных крупных столбовых и наземных построек. Комплекс орудий и керамики Векса-М поселения Вёкса 1 во многом близок материалам поселений Языково 1, озера Варос, Борань и других в Костромском Поволжье. Находит аналогии в льяловской культуре (восточный вариант) в ее архаичном, раннем и среднем развитии (Гурина, Крайнов, 1996, с. 173).

Неолитический комплекс поселения развитого неолита (слой 7) представлен ямочно-гребенчатой керамикой (рис. 4: 9-17), аналогичной так называемой керамике «северных типов» на стоянках Верхнего Поволжья (Жилин, Костылева, Уткин, Энговатова, 2002, с.74), ямочно-гребенчатым комплексам на памятниках Европейского Северо–Востока (Косинская, 1997, с.173) и материалам позднего этапа памятников типа Тудозеро V (Иванищев, Иванищева, 2000, с. 297). Наиболее вероятные даты комплекса с «северной» керамикой поселения Вёкса 3: 5650±150 BP (4895–4081 cal BC) (ГИН-10182), 5700±700BP (6099–3011 cal BC) (ЛЕ-5857). Данное население полностью освоилось на затапливаемых территориях Верхней Сухоны, используя для проживания свайные конструкции болотно-озерного типа. Выявлены оригинальные захоронения в яме, связанные с этой группой населения. Для комплексов характерна керамика гибридного типа, несущая в себе признаки ямочно-гребенчатых и гребенчатых комплексов второго этапа. Очевидно, такие памятники будут фиксироваться на большой территории, куда продвинулось льяловское население.

В IV тыс. до н.э. на территории Верхней Сухоны повсеместно распространены стоянки каргопольской культуры. Они маркируют ее восточную границу (Ошибкина, 1978, с. 67). Каргопольские памятники представлены как небольшими стоянками, очевидно, промыслового сезонного характера, так и крупными стационарными поселениями. Материалы этих стоянок Верхней Сухоны показывают полное соответствие как керамических, так и кремневых комплексов материалам каргопольской культуры. Каргопольский комплекс поселений Вёкса имеет пока одну дату 5220±320 (ГИН-10180), но возможна корректировка даты в сторону удревнения, т.к. для пористой керамики с разреженным ямочным орнаментом получены даты 5492±23 BP (4436–4267 cal BC) (KIA-49796), 5425±30 BP (4341–4239 cal BC) (KIA-33926).

В позднем неолите появляются стоянки со своеобразной гребенчато-ямочной керамикой, которая выявлена в подъемных материалах ряда памятников (Устье Борозды, Векса 3 и др.). Комплексы переходного периода с типичной гребенчато-ямочной керамикой связанны с продвижением населения с территории Костромы-Галича. В орнаменте этой керамики присутствуют неправильные ромбические ямки.

Таким образом, древнейший культурный комплекс, содержащий две культурные традиции связан со слоем 9 и нижней частью слоя 8 и датируется первой четвертью VI тысячелетия cal BC (используются программы калибровки: OxCal); второй гребенчатый комплекс датируется последними веками VI тысячелетия cal BC; льяловские комплексы датируются серединой - второй четвертью V тыс. cal BC; керамика «северного типа» по AMS датируется несколько позднее, чем льяловские комплексы. Керамика типа Нарва, которая спорадически встречается в неолитических материалах Вексы 3 датируется третьей четвертью V тыс. cal BC, и хорошо согласуется с типологически аналогичными датами для керамики Нарва из Восточной Литвы (Piezonka, 2015, с. 116–117). В рамках первой половины IV тыс. до н. э. датируются каргопольские комплексы. Верхняя граница для периода неолита пока открыта. Возможно, второй половиной IV–III тыс. до н. э. следует датировать типичную гребенчато-ямочную керамику и керамику с неправильными разреженными ромбическими ямками.

В настоящее время общепринята трехчленная периодизация неолита лесной зоны Восточной Европы, где выделяются ранний, средний или развитой и поздний периоды (Ошибкина, 1996, с. 9).

На основе общепринятого деления неолита предлагается следующая последовательность

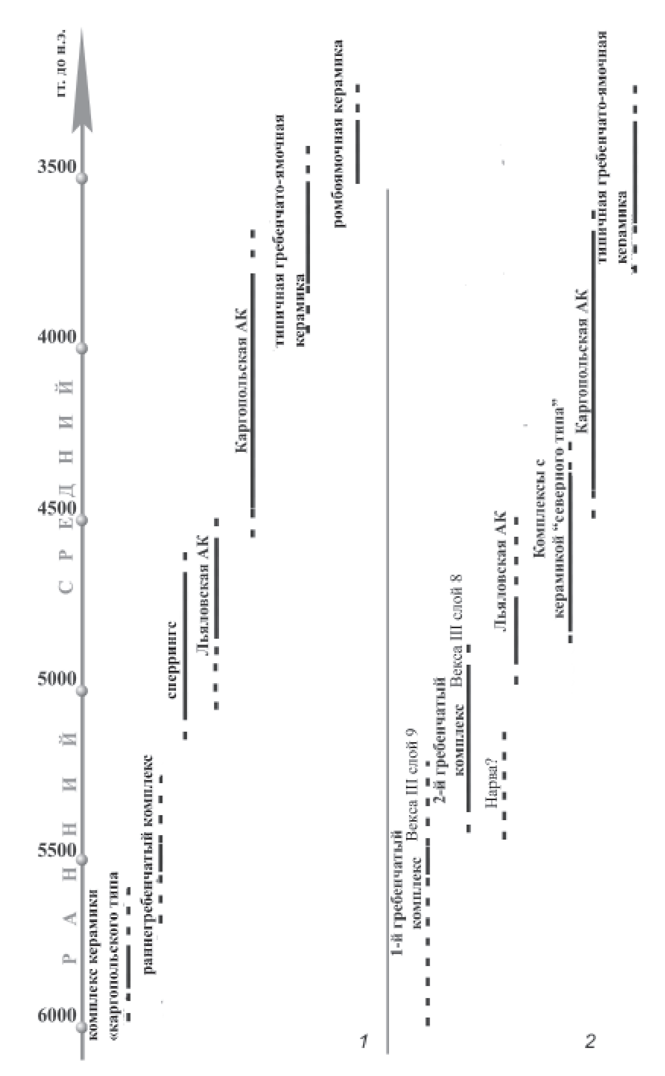

Рис. 5. Хронология и периодизация неолитических комплексов: 1 – Восточного Прионежья; 2 – поселений Верхней Сухоны – Вёкса 1, Вёкса 3.
Fig. 5. Chronology and periodization of Neolithic complexes: 1 – Eastern Lake Onega region; 2 – settlements of the Upper Sukhona – Veksa 1, Veksa 3.

культурно-исторического развития Верхней Сухоны (рис. 5):

1. К раннему неолиту относятся памятники с керамикой гребенчато-накольчатой-тычковой, гребенчатой, орнаментацией, с геометрическими микролитами типа нижнего культурного слоя поселения Векса 3; памятники с гребенчатой орнаментацией второго комплекса, ранний этап льяловских комплексов.

2. Средний неолит − стоянки среднего этапа льяловской АК, памятники с «керамикой северных типов», керамика типа «Нарва» (?), часть каргопольских комплексов.

3. Каргопольское население существует и в позднем неолите, период пока слабо документирован источниками и его выделение, как и характеристика, требуют накопления новых данных. К позднему или финальному неолиту, вероятно, относится типичная гребенчато-ямочная керамика, выявленная в подъемных материалах ряда памятников. В последующую эпоху бассейн Верхней Сухоны оказывается также в центре влияния различных культурных групп с энеолитической пористой керамикой, в формировании которых приняло участие население каргопольской неолитической культуры.

Восточное Прионежье, как и Верхняя Сухона относится к району древнеозерных низменных равнин (Рихтер, 1946, с. 120). Исследование памятников неолита на этой территории связаны в первую очередь с именами А.Я. Брюсова и С.В. Ошибкиной, которые вели здесь масштабные полевые работы, результаты, которых сохраняют свое значение до настоящего времени.

Восточное Прионежье или Озерный край состоит из нескольких микрорегионов в центре которого крупное озеро, сеть рек и мелкие озера практически все взаимосвязаны между собой. В Восточном Прионежье в неолитическое время существовало население, оставившее памятники с ямочно-гребенчатой керамикой, которые отнесены к каргопольской культуре. Но уже на раннем этапе изучения было отмечено значительное разнообразие орнаментации и форм посуды, отнесенной к каргопольской культуре.

А.Я. Брюсов после раскопок Караваевской стоянки (бассейн оз. Воже) выделил своеобразные черепки в отдельный тип керамики (питьевые сосудики, по Брюсову), получивший название «каргопольский» (Брюсов, 1961, с. 95, 102). Ареал ее распространения охватывает юго-восточные районы Прибеломорья, р. Онегу, Восточное Прионежье, бассейн р. Вычегды (Лобанова, 1997, с. 86-87, 89); Южное Прионежье (Иванищева, Иванищев, 2010, с. 62-63). На стоянках КСВ, в бассейнах Пинеги, Вычегды и Печеры встречается керамика, которую считают «каргопольской» (Косинская, 1997, с. 158). Ее выделяют как самостоятельный тип ранненеолитической посуды. С.В. Ошибкина считает, что такая керамика характерна только для неолита Северо-Востока (Ошибкина, 2006, с. 13). О возрасте такой керамики, её культурной принадлежности и территории распространения существуют различные мнения. В настоящее время накапливаются новые данные, позволяющие считать этот тип керамики самостоя-

тельным явлением. Эта керамика не является разновидностью ямочно-гребенчатой керамики. Ни на одном памятнике Верхней Сухоны в каргопольских материалах нет керамики «каргопольского типа». Все исследователи сходятся во мнении о раннем возрасте этой керамики (Кашина и др. 2019, с. 71-81).

Вопрос о появлении ранненеолитических стоянок в Восточном Прионежье тесно связан с данными о климате и природных условиях. Климатические изменения, формирование проточных водоемов с высокой гидродинамической активностью и состав растительности создали условия для освоения человеком соседней подтопленной территории Верхней Сухоны в раннем неолите, в VI тыс. до н.э. Несомненно, и на территории Восточного Прионежья в это же время появляется неолитическое население. Очевидно, керамику «каргопольского типа» возможно сопоставить с керамикой из нижнего слоя поселения Вёкса 3.

На памятниках Караваиха 4 (бассейн оз. Воже), Остров Молебный (оз. Лозско-Азатское) раскопки Н.В. Косоруковой (Косорукова и др., 2016, с. 410-424; Васильева и др., 2006, с. 301) найдена раннегребенчатая керамика, которая имеет сходство с подобной керамикой нижнего слоя Вёксы 3 поздний этап, отчасти соотносится с тудозерской керамикой стоянок западной части Вологодской области. Две даты получены по керамическому нагару 6672±31 BP (5642–5536 cal BC) (AAR-17172), 6222±30 BP (5299–5066 cal BC) (AAR-17171). Они соответствуют датам позднего этапа Вёксы 3 с материалами ранненеолитического слоя.

Завершение реконструкции Волго-Балта в 1964 г. и затопление обширных территорий привело к разрушению археологических памятников, в том числе крупного поселения в устье р. Шолы на северо-западном берегу Белого озера. Материалы памятника можно использовать для построения периодизации неолитических комплексов на территории Восточного Прионежья. Поселение располагалось на правом берегу реки Шолы. Стоянка получила название Устье Шолы-1. С 2002 г. сборы подъемного материала и мониторинг памятника производит Сухонско-Кубенская экспедиция (руководитель Л.С. Андрианова) (Андрианова и др., 2014, с. 28). Для определения керамических комплексов на многослойном нестратифицированном памятнике использовались данные опорных стратифицированных поселений, в частности поселения Вёкса.

Типологический анализ керамики позволил выделить не менее 12 культурных и хронологических комплексов, от раннего неолита до позднего средневековья (Андрианова и др., 2014, с. 27-32). Наиболее многочисленная неолитическая керамика представлена фрагментами ранней гребенчатой керамики, сперрингс, льяловской, каргопольской, поздней гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой.

Фрагменты ранней гребенчатой керамики орнаментированы разнообразными гребенчатыми отпечатками плотно поставленного штампа (Андрианова и др., 2014, с. 29, рис. 2: 1). Встречаются фрагменты с неглубокими и нечеткими оттисками гребенчатого штампа, который, вероятнее всего, наносился по подсушенной глине. Основные элементы орнамента – гребенка и глубокая ямка с коническим и плоским дном. Оттиски гребенки располагаются наклонно, вертикально, небольшое количество – горизонтально, ямка играет роль разделителя, или же разделение на зоны получается в результате смены наклона гребенчатого орнаментира. Материал можно датировать концом VI – первой половиной V тыс. до н.э.

Представлены немногочисленные фрагменты керамики сперрингс, орнаментированные позвонками рыб или гребенчатыми штампами в отступающей манере (Андрианова и др., 2014, с. 29, рис. 2: 2). Отдельные стоянки сперрингс и фрагментированная керамика были известны в Восточном Прионежье и раньше (Ошибкина, 1996, с. 212). По аналогии с материалами Карелии предварительно датировать керамику можно V–IV тыс. до н.э. Позиция этого материала будет соответствовать второму гребенчатому комплексу поселения Вёкса 3 на Верхней Сухоне.

Льловский комплекс памятника Устье Шолы-1 представлен обломками крупных и средних сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией с примесью крупной дресвы в тесте (Андрианова и др., 2014, с. 29, рис. 2: 3). Аналогии находятся в восточном варианте льяловской культуры в ее архаичном, раннем и среднем развитии (Гурина, 1996, с. 173), близок материалам поселений «Векса-М» на Верхней Сухоне (Недомолкина, 2000, с. 57),

Языково 1, озеро Варос, Борань в Костромском Поволжье (Сидоров, 1990, с. 17-21) и может быть датирован рубежом V–IV тыс. до н.э.

Льяловские материалы на памятниках по берегам Белого озера были выделены И.К. Цветковой (Цветкова, 1961, с. 50). В 1956-1957 гг. работы проводились на северо-восточном берегу Белого озера, а в 1957 г. на южном берегу озера, где раскопаны стоянки Васькин Бор I и Васькин Бор II. Автор раскопок считала, что на памятнике Васькин Бор II получен единый совершенно чистый комплекс ранней ямочно-зубчатой керамики окско-клязминского типа, которую принято называть «керамикой льяловского типа». На стоянке Васькин Бор I выделяется две керамических группы льяловская и каргопольская.

Необходимо отметить чрезвычайное разнообразие глиняной посуды, относимой к каргопольским комплексам, что размывает их четкое определение и понимание. Принцип выделения каргопольской культуры основан более на территориальном признаке (Ошибкина, 1996, с. 222). Каргопольский керамический комплекс с Устья Шолы-1 наиболее многочисленный (2357 фрагментов) (Андрианова и др., 2014, с. 29, рис. 2: 4). Он представлен посудой слегка закрытой, реже открытой формы, с разнообразной морфологией венчика (с прямыми, закругленными или скошенными внутрь краями, с наплывом и без него) (Недомолкина, Андрианова, 2015, с. 149). Найдены многочисленные фрагменты миниатюрных тонкостенных горшочков. Аналогичные материалы найдены на стоянках Вологодской (Андозеро 5) и Архангельской (Сухое) области (соотносятся со средним этапом развития каргопольской культуры второй половины IV – начала III тыс. до н. э. (Ошибкина, 1996, с. 222) и в ранних ямочно-гребенчатых комплексах Карелии (Черная Речка I – первая половина – середина IV тыс. до н.э.) (Лобанова, 1996, с. 89). В целом каргопольский комплекс стоянки Устье Шолы-1 отражает все этапы развития каргопольской культуры в рамках IV тыс. до н. э.

По фрагменту каргопольской керамики со стоянки Караваиха 1 получена дата 5588±32 BP (4486–4353 cal BC) (AAR-17169) (Косорукова и др., 2016, с. 418), что соответствует традиционным представлениям о бытовании керамики данного типа.

Поздняя гребенчато-ямочная керамика представлена обломками толстостенных сосудов с массивными венчиками (Андрианова и др., 2014, с. 29, рис. 2: 5). Тесто плотное, тяжелое с примесью дресвы, песка. В большинстве случаев сосуды украшены простыми узорами чередующихся зон оттисков гребенчатого штампа и круглой, овальной, округло-неправильной ямки. Наряду с этим представлены геометрические узоры, в которых преобладают косые полосы из отпечатков гребенчатого штампа, ямки в виде ломаных полос, ромбов, треугольников. По аналогии с материалами стоянок Карелии гребенчато-ямочная керамика датируется в рамках III тыс. до н.э. (Ошибкина, 1996, с. 221).

Комплекс поздненеолитической ромбо-ямочной керамики представлен обломками посуды с примесью дресвы, песка, в некоторых случаях органики; толщина стенок в пределах 0,7-1 см. Основными элементами орнамента являются ромбические ямки четких очертаний, ямчатые вдавления ромбовидной формы, овальные ямки, редкие круглые ямки, гребенчатый штамп (Андрианова и др., 2014, с. 29, рис. 2: 6). В большем количестве представлены венчики подтреугольной в профиле формы, украшенные оттисками гребенчатого штампа. Подобная керамика изредка встречается на поздних каргопольских памятниках Восточного Прионежья (Ошибкина, 1978, с. 72) и в материалах карельских стоянок (Ошибкина, 1996, с. 221). Предварительно комплекс датируется второй половиной III тыс. до н. э.

Таким образом, на территории Восточного Прионежья древнейшей керамикой является керамика «каргопольского типа» и раннегребенчатая керамика в рамках VI тыс. до н.э.; комплексы с керамикой сперрингс по аналогии с карельскими материалами датируются серединой V – серединой IV тыс. до н.э.; льяловские комплексы датируются, рубежом V–IV тыс. до н.э. Каргопольские комплексы отражают все этапы развития каргопольской культуры в рамках IV тыс. до н. Гребенчато-ямочная керамика датируется в рамках III тыс. до н.э., ромбоямочная – второй половиной III тыс. до н. э.

По имеющимся материалам предлагается следующая последовательность культурно-исторического развития Восточного Прионежья в неолите (рис. 5):

1. К раннему неолиту относятся памятники с керамикой «каргопольского типа»; раннегребенчатые комплексы типа керамики памятника Остров Молебный; памятники с керамикой сперрингс; ранний этап льяловских комплексов.

2. Средний неолит − стоянки среднего этапа льяловской АК, часть каргопольских комплексов.

3. Каргопольские поселения существует и в позднем неолите. К позднему или финальному неолиту относится типичная гребенчато-ямочная керамика и комплексы ромбоямочной керамики.

Изучение и сопоставление материалов неолитических памятников Восточного Прионежья и бассейна Сухоны свидетельствует об обитании и пребывании носителей различных культурных традиций, находящих соответствия в неолитических культурах сопредельных территорий центра Русской Равнины. Полученные материалы свидетельствуют о гораздо более сложной культурной ситуации на этих территориях в неолите: выявленные традиции в керамическом производстве и камнеобработке уже не укладываются в представления об одном культурном образовании, например, каргопольской культуре.

В раннем неолите особо следует отметить керамическую посуду «каргопольского типа», не понятно какой орудийный набор ее сопровождает; геометрические микролиты в форме трапеций, найденные в ранненеолитических комплексах гребенчато-накольчатой керамики Вёксы 1, Вёксы 3; появление гребенчатых традиций (второй гребенчатый комплекс). На данном этапе памятники не образуют ареалов и представлены кратковременными, одномоментными комплексами. Возможно, наши знания, имеющаяся материальная база отражают современный уровень изученности.

В среднем неолите наблюдается подвижность населения льяловской АК, которое в процессе миграций занимает озерные котловины и оседает там, формируя локальные варианты и даже новые культурные образования (каргопольская культура) среднего и позднего периодов.

В перспективе дальнейших исследований для уточнения и подтверждения предложенной периодизации Восточного Прионежья необходим поиск и раскопки неолитических памятников, получение абсолютных датировок.

ЛИТЕРАТУРА

Андрианова Л.С., Недомолкина Н.Г., Косорукова Н.В. Керамические комплексы неолита – энеолита со стоянки Устье Шолы-1 на Белом озере // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 8. С. 27–32.

Брюсов А.Я. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области / Отв. ред. А. Я. Брюсов. Вологда: Кн. изд-во, 1961. С. 72–162.

Васильева Н. Б., Гончаренко Д. В., Косорукова Н. В. Неолитический комплекс памятника Остров Молебный в бассейне Лозско-Азатского озера // Тверской археологический сборник. Вып. 6. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2006. С. 300–306.

Гурина Н.Н., Крайнов Д.А. Льяловская культура // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С. В. Ощибкина. М.: Наука, 1996. С. 173–182.

Иванищев А.М., Иванищева М.В. Хронология памятников раннего неолита Южного Прионежья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 60–70.

Иванищева М.В., Иванищев А. М. Неолитическая керамика поселения Сойдозеро-1 в Южном Прионежье Археология Севера // Археология Севера. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Кудряшов. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2010. С. 58–73.

Кашина Е.А., Петрова Н.Ю., Герман К.Э. К вопросу о древнейшей керамике Севера Европейской части России // Археология в музейных коллекциях / Отв. ред. А. Г. Едовин. Архангельск: Лоция, 2019. С. 71–81.

Косинская Л.Л. Неолит // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева. М.: Наука, 1997. С. 146–212.

Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Пицонка Х., Нестерова Л.А., Семенцов А.А., Лебедева Л.М., Тербергер Т., Харц С. Радиоуглеродное датирование неолитических памятников в местности Караваиха в бассейне озера Вожже // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия

до н. э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 410–424.

Лобанова Н.В. Каргопольская керамика на поселениях Карелии // Археология Севера. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Кудряшов. Петрозаводск: Riso-Press, 1997. С. 85–95.

Лобанова, Н.В. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии / Отв. ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочкуркина. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1996. С. 81–104.

Недомолкина Н., Пицонка Х. Регион Верхней Сухоны в раннем и среднем неолите по результатам радиоуглеродной хронологии (по материалам поселений Вёкса I, Вёкса III // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 425–443.

Недомолкина Н.Г. Неолитические комплексы поселений Вёкса и Вёкса III бассейна Верхней Сухоны и их хронология // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 265–279.

Недомолкина Н.Г. Векса – предшественница Вологды // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып. 3 / Отв. ред. М. А. Безнин. Вологда: Легия, 2000. С. 47–77.

Недомолкина Н.Г., *Андрианова Л.С.* Каргапольская неолитическая керамика со стоянки Устье Шолы-1 на Белом озере // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конфереии, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 148–150.

Недомолкина Н.Г. Неолитические комплексы поселений Векса, Векса III бассейна Верхней Сухоны и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Тимофеев. СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 57.

Ошибкина С.В. Неолит Беломорья и Крайнего Северо-Востока // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С. В. Ощибкина. М.: Наука, 1996. С. 237–242.

Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. 231 с.

Ошибкина С.В., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д. Динамика природных условий и человека в голоцене (по материалам стоянки Лучиниха) // РА. 2006. № 4. С. 5–17.

Рихтер Г.Д. Север Европейской части СССР (физико-географическая характеристика). М.: ОГИЗ, 1946. 267 с.

Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья / Отв. ред. В.В. Сидоров. М.: ИА РАН, 1992. С. 4–113.

Piezonka, H. Jäger, Fischer, Töpfer. Wildbeutergruppen mit früher Keramik in Nordosteuropa im 6. und 5. Jahrtausend v. Chr. Bonn: Habelt, 2015. 438 p.

Информация об авторе:

Недомолкина Надежда Геннадьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (г. Вологда, Россия); nedomolkiny_ljv@mail.ru

REFERENCES

Andrianova, L. S., Nedomolkina, N. G., Kosorukova, N. V. 2014. In *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Cherepovets State University)* (8), 27–32 (in Russian).

Bryusov, A. Ya. 1961. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Sbornik po arkheologii Vologodskoy oblasti (Collection of archaeology of the Vologda region).* Vologda: “Vologodskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ., 72–162 (in Russian).

Vasilyeva, N. B., Goncharenko, D. V., Kosorukova, N. V. 2006. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6. Tver: “Triada” Publ., 300–306 (in Russian).

Gurina, N. N., Krainov, D. A. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia).* Moscow: “Nauka” Publ., 173–182 (in Russian).

Ivanishchev, A. M., Ivanishcheva, M. V. 2004. In Timofeev, V. I., Zaitseva, G. I. (eds.). *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii (Issues of Chronology and Ethnic/cultural Interactions during the Neolithic of Eurasia)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences Publ., 60–70 (in Russian).

Ivanishcheva, M. V., Ivanishchev, A. M., 2010. In Kudryashov, A. V. (ed.). *Arkheologiya Severa (Archaeology of the North*) 3. Cherepovets: “Cherepovetskoe muzeynoe ob"edinenie” Publ., 58–73 (in Russian).

Kashina, E. A., Petrova, N. Yu., German, K. E. 2019. In Edovin, A. G. (ed.). *Arkheologiya v muzeynykh kollektsiyakh (Archaeology in museum collections)*. Arkhangelsk: “Lotsiya” Publ., 71–81 (in Russian).

Kosinskaya, L. L. 1997. In Savel’eva, E. A. (ed.). *Arkheologiia Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)* 4. Moscow: “DiK” Publ., 146–212 (in Russian).

Kosorukova, N. V., Kulkova, M. A., Pitsonka, H., Nesterova, L. A., Sementsov, A. A., Lebedeva, L. M., Terberger, T., Kharts, S. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 410–424 (in Russian).

Lobanova, N. V. 1997. In Kudryashov, A. V. (ed.). *Arkheologiya Severa (Archaeology of the North*) 1. Petrozavodsk: “Riso-Press” Publ., 85–95 (in Russian).

Lobanova, N. V. 1996. Kosmenko, M. G., Kochkurina, S. I. (eds.). *Arkheologiia Karelii (Archaeology of the Karelia).* Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS Publ., 81–104 (in Russian).

Nedomolkina, N., Piezonka, H. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII – III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 425–443 (in Russian).

Nedomolkina, N. G. 2004. In Timofeev, V. I., Zaitseva, G. I. (eds.). *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii (Issues of Chronology and Ethnic/cultural Interactions during the Neolithic of Eurasia)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences Publ., 265–279 (in Russian).

Nedomolkina, N.G. 2000. In Beznin, M. A. (ed.). *Vologda. Istoriko-kraevedcheskii al’manakh (Vologda. Local History Almanaque)* 3. Vologda: “Legiia” Publ., 47–77 (in Russian).

Nedomolkina, N. G., Andrianova, L. S. 2015. In Lozovskii, V. M., Lozovskaia, O. V. (eds.). *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: khronologiia, paleoekologiia, traditsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu V.P. Tret'iakova (Neolithic Cultures of Eastern Europe: Chronology, Paleoecology, Traditions)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 148–150 (in Russian).

Nedomolkina, N. G. 2000. In Timofeev V. I. (ed.). *Khronologiya neolita Vostochnoy Evropy (Chronology of the Neolithic period in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 57 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia).* Moscow: “Nauka” Publ., 237–242 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1978. *Neolit Vostochnogo Prionezh'ya (Neolithic of the Eastern Onega Region)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Oshibkina, S. V., Spiridonova, E. A., Sulerzhitskiy, L. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (*Russian Archaeology*) (4), 5–17 (in Russian).

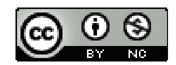
Rikhter, G. D. 1946. *Sever Evropeyskoy chasti SSSR (fiziko-geograficheskaya kharakteristika) (North of the European part of the USSR (physical and geographical characteristics))*. Moscow: “OGIZ” Publ. (in Russian).

Sidorov, V. V. 1992. In Sidorov, V. V. (ed.). *Mnogosloinye stoianki Verkhnego Povolzh'ia (Multilayer Sites of the Upper Volga Region)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 4–113 (in Russian).

Piezonka, H. 2015. Jäger, Fischer, Töpfer. Wildbeutergruppen mit früher Keramik in Nordosteuropa im 6. und 5. Jahrtausend v. Chr. Bonn: Habelt, 2015.

About the Author:

Nedomolkina Nadezhda G., Candidate of Historical Sciences, Vologda State Museum Reserve. Sovetsky Ave., Vologda, 160000, Russian Federation; nedomolkiny_ljv@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 903.1 903.02 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.161.174

ПАМЯТНИКИ С РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИОНЕЖЬЕ

© 2024 г. М.В. Иванищева, Н.В. Косорукова

Территория Юго-Восточного Прионежья включает Южное Прионежье, бассейн озера Белого и озера Воже в границах Вологодской области. Памятники раннего неолита с гребенчатой керамикой на этой территории стали известны в конце 1980-ых – начале 2000-ых годов. Керамика с гребенчатым орнаментом является здесь наиболее представительной. На памятниках, исследованных широкой площадью, для данной группы керамики получены радиоуглеродные определения, изучен состав формовочных масс. Многочисленность материала, полученного на этих памятниках, датировка его естественнонаучными методами позволяет уточнить хронологическую позицию керамических комплексов других памятников, ранее не выделявшихся из общего массива неолитической посуды и заполнить фактическим материалом археологические лакуны на карте ранненеолитических древностей. Данная статья представляет обзор керамических коллекций памятников с ранненеолитической гребенчатой керамикой, известных на сегодня в этом регионе.

Ключевые слова: археология, ранний неолит, гребенчатая керамика, памятники, хронология, петрографический анализ, орнамент.

MONUMENTS WITH EARLY NEOLITHIC COMBED WARE FROM THE SOUTHEASTERN LAKE ONEGA REGION

M.V. Ivanishcheva, N.V. Kosorukova

The territory of the Southeastern Lake Onega region includes the Southern Lake Onega region, the basins of Lake Beloye and Lake Vozhe within the borders of the Vologda Oblast. Early Neolithic sites with combed ware in this area became known in the late 1980s – early 2000s. Ceramics with combed patterns are the most representative here. At sites, studied on a wide area, radiocarbon determinations were obtained for this group of ceramics, and the composition of the pottery paste was studied. The abundance of material obtained at these sites and its dating by natural science methods make it possible to clarify the chronological position of pottery assemblages of other sites, previously not distinguished from the general array of Neolithic ware and to fill archaeological gaps on the map of Early Neolithic antiquities with factual material. This article provides a review of the ceramic collections of sites with Early Neolithic combed pottery known today in this region.

Keywords: archaeology, early Neolithic, combed ware, sites, chronology, petrographic analysis, ornament.

Введение

К Восточному Прионежью принято относить территорию южнее и восточнее Онежского озера, расположенную на обширной низине с рядом крупных озер ледникового происхождения – Воже, Лача, Белое, Кубенское, административно охватывающим юго-запад Архангельской области и северо-западную часть Вологодской области. Часть в границах Вологодской области, включая Южное Прионежье, бассейны озер Белого и Воже, уместно именовать Юго-Восточным Прионежьем. Эта территория, как и вся Вологодская область, лежит на главном водоразделе Восточно-Европейской равнины, отделяющем бассейны Белого и Балтийского морей от бассейна Каспийского моря. Открытие и исследования памятников неолита на этих территориях связано с именами И.С. Полякова, А.Я. Брюсова, М.Е. Фосс, И.К. Цветковой, Г.А. Панкрушева, И.В. Козыревой, С.В. Ошибкиной. Исследовательские работы были сосредоточены на изучении памятников каргопольской культуры. В Южном Прионежье, на границе с Карелией, известны памятники культуры сперрингс.

Открытие и исследование ранненеолитических слоев на многослойных памятниках в различных частях Вологодской области в конце 80-ых – начале 90-ых годов XX века (рис. 1) поставило вопрос о различных направлениях и путях появления первой керамики у населения южной части таежной зоны. В Южном Прионежье, в границах террито-

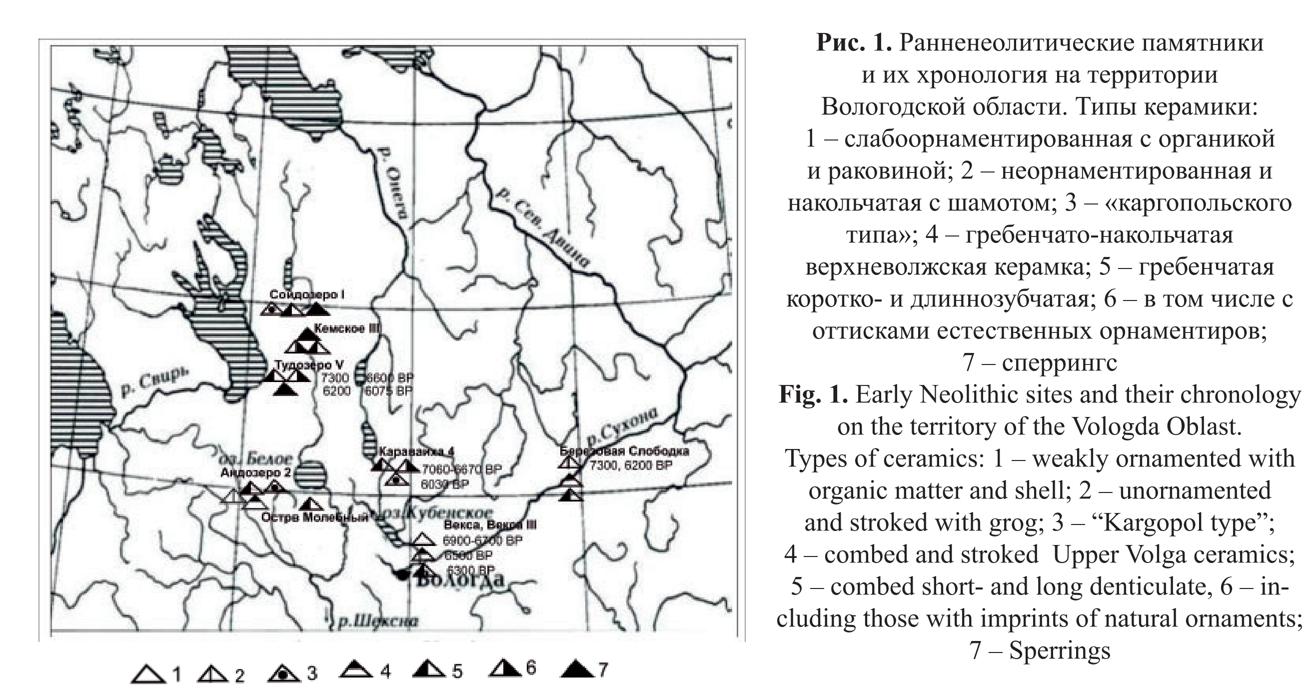

Рис. 1. Ранненеолитические памятники и их хронология на территории Вологодской области. Типы керамики: 1 – слабоорнаментированная с органикой и раковиной; 2 – неорнаментированная и накольчатая с шамотом; 3 – «каргопольского типа»; 4 – гребенчато-накольчатая верхневолжская керамка; 5 – гребенчатая коротко- и длиннозубчатая; 6 – в том числе с оттисками естественных орнаментиров; 7 – сперрингс

Fig. 1. Early Neolithic sites and their chronology on the territory of the Vologda Oblast. Types of ceramics: 1 – weakly ornamented with organic matter and shell; 2 – unornamented and stroked with grog; 3 – "Kargopol type"; 4 – combed and stroked Upper Volga ceramics; 5 – combed short- and long denticulate, 6 – including those with imprints of natural ornaments; 7 – Sperrings

рии Вытегорского района, непосредственно примыкающей к южному и юго-восточному берегам Онежского озера, А.М. Иванищевым были выделены памятники типа Тудозеро-V с гребенчатой керамикой, отличной от сперрингс (Иванищева, Иванищев, 2004). В бассейне оз. Воже Н.В. Косоруковой исследуется стоянка Караваиха 4, ранненеолитическая керамика которой находит аналогии как в древностях верхневолжской культуры (ВВК), так и в материалах памятников типа Тудозеро-V и Векса III (Косорукова, Кулькова, 2016, с. 101). На верхней Сухоне в центральной части области Н.Г. Недомолкиной исследованы слои поселений Векса и Векса-III с ранненеолитической керамикой, сходной с верхневолжской (Недомолкина, Пицонка, 2016, с. 426). На нижней Сухоне М.В. Иванищевой исследованы памятники Березовослободского археологического комплекса с неорнаментированной и накольчатой керамикой раннего неолита, сходной с материалами средневолжского левобережья, шире – Волго-Камья (Иванищева, 2018, с. 215-220).

В данной статье мы охарактеризуем ранненеолитическую керамику с гребенчатым орнаментом с памятников Юго-Восточного Прионежья.

В Южном Прионежье 3 памятника с ранненеолитической гребенчатой керамикой изучены раскопками.

Многослойное поселение Тудозеро-V расположено на юго-восточном берегу Онежского озера на песчаной косе между озерами Онежское и Тудозеро. Памятник открыт в 1986 году А.М. Иванищевым, с 1987 по 2005 гг. на памятнике вскрыта площадь около 1276 м². В ходе исследований выявлены культурные слои от эпохи мезолита до Средневековья, исследованы погребения каменного века и грунтовый могильник позднего неолита-энеолита Тудозеро-VI.

Верхний уровень напластований поселения вмещает культурные слои от эпохи средневековья до развитого неолита с ямочно-гребенчатой керамикой (ЯГК). В нижнем уровне напластований исследованы два слоя раннего неолита и позднего мезолита. В пределах наиболее пониженной части древнего рельефа/ естественной западины, древние слои разделены стерильными прослойками. Мезолитический слой в пределах западины залегал ниже уровня воды в Онежском озере, за её пределами распространен участками. Для слоя эпохи мезолита получена дата 8280±35 лет ВР (ЛЕ-6701).

Два слоя с керамикой различаются по характеру объектов и насыщенности артефактами и характеризуют два этапа освоения территории в раннем неолите. Слой темно-серого песка (нижний серый-2) мощностью 0,4-0,6 м распространен на площади около 1000 м^2 и связан с долговременным/круглогодичного обитания поселением. В слое обнаружены серия очагов, ямы-зольники, хозяйственные ямы, приуроченные к нижней площадке

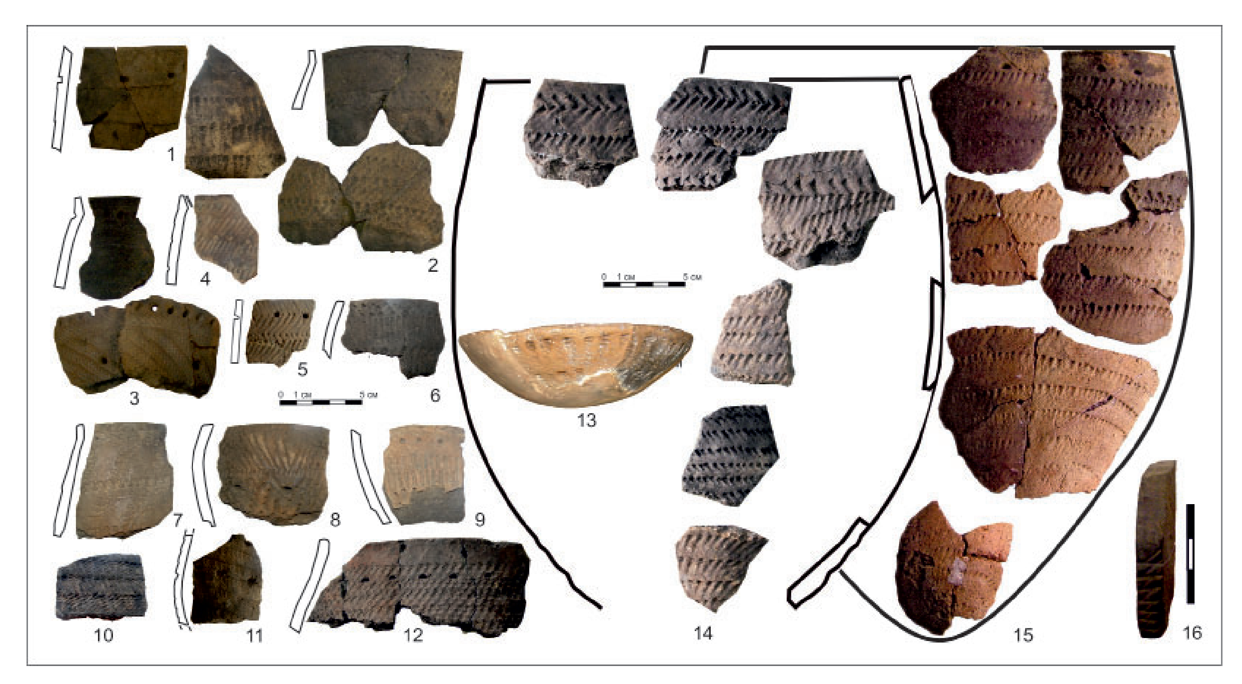

Рис. 2. Поселение Тудозеро-V. Ранненеолитическая керамика (1-15) и сланцевый орнаментир (16).
Fig. 2. Tudozero-V settlement. Early Neolithic pottery (1-15) and slate ornamentation (16).

западины. Вышележащий слой светло-серого песка (нижний серый-1) мощностью 0,2-0,3 м распространен участками на площади около 450 м², содержит остатки небольших кострищ (без камней) и связан с кратковременными стоянками носителей керамики сперрингс. Предполагается, что смена в характере обитания неолитического населения связана с эпизодом похолодания, падающего на время около 6100 лет ВР.

Всего на памятнике обнаружены фрагменты не менее чем от 290 ранненеолитических сосудов, 87 из которых оказались в переотложенном состоянии из-за активной деятельности насельников поздних эпох. Достоверно со слоем нижним серым-2 связаны находки частей от 161 сосуда, с нижним серым-1 – от 42 изделий.

Находки керамики с гребенчатым орнаментом (рис. 2: 1-6, 13-15) приурочены к слою долговременного поселения (нижний серый-2), где она встречена совместно с ранней сперрингс (позвонковой) (рис. 2: 12) и керамикой, украшенной оттисками естественных орнаментиров (рис. 2: 7-11). В слое обнаружен штамп, изготовленный на сланцевой плитке с «Z»-образными нарезками, для нанесения узора в виде ломаной линии в рамке (фигурный орнамент) (рис. 2: 16). Доля керамики, украшенной искусственными штампами, составляет более 70 % в этом слое (117 экз.). На участке, где ранненеолитические слои разделены стерильными прослойками, керамика с гребенчатым, «по типу веревочки» и фигурным орнаментом составляет абсолютное большинство (14 из 16 сосудов), с вышележащим слоем (нижнем серым-1) связаны находки 9 сосудов с позвонковым орнаментом. Всего с этого участка из двух слоев происходит 26 сосудов. Для нижнего серого-2 получена дата по углю из очага с основания слоя 6600±20 лет ВР (ЛЕ-6700) 5614-5488 cal ВС. Дата 6075+20 лет ВР (ЛЕ-6699) 5048-4936 cal ВС из очага в основании нижнего серого-1 маркирует, по-видимому, конец функционирования долговременного поселения. Даты по пищевому нагару на керамике[1]: с коротким гребенчатым орнаментом – 6660±32 лет ВР (AAR-17174) 5636-5530 cal ВС (рис. 2: 14) и с позвонковым орнаментом – 6241±30 лет ВР (AAR-17173) 5306-5076 cal ВС. (рис. 2: 12) подтверждают наиболее раннее существование керамики гребенчатого стиля на поселении. Для нестратифицированного участка отложений по углю с основания слоя с керамикой получена дата 7240±60 лет ВР (ТА-2354) 6226-6011cal ВС, по углю из очагов имеются даты 6250±50 лет ВР (ГИН-8050) 5321-5058 cal ВС, 6230±120 лет ВР (ГИН-7663) 5470-4860 cal ВС, 6110±100 лет

BP (ГИН-7662) 5298-4811 cal BC. Последние могли быть связаны с культурой сперрингс, время бытования которой в настоящее время относят к периоду 5300/5200 – 4400 лет до н.э. (Нордквист, Мёккёнен, 2018, с. 39-42).

Статистический анализ и стратиграфические наблюдения фиксируют изменения в форме и формовке сосудов от раннего этапа к позднему. Общим для обоих этапов является конусовидные/округлые донца, манера орнаментации плотными рядами оттисков гребенчатого штампа и имитирующими «гребенку» естественными орнаментирами по всей поверхности сосуда, в том числе и оттисками рыбьего позвонка. Ранняя керамика небольших размеров с диаметром венчика 12-24 см тонкостенна, с прямыми или утоньшенными венчиками, горизонтальная зональность на крупных сосудах оформлена разделительными поясками коротких/торцевых наколов орнаментира, под венчиком характерно наличие пояска глубоких/сквозных наколов. Для раннего этапа характерны четыре основные формы сосудов: котловидные, полуяйцевидной формы, чашевидные, кубковидные, имеющие варианты. Отмечается наличие шиповидных донцев, характерных для керамики Балтийского региона и сосудов, близких материалам верхневолжской культуры, а также своеобразных изделий – блюдцеобразных миниатюрных мисочек (рис. 2: 13), известных в культурах Зауралья. На втором этапе увеличивается число сосудов с позвонковым орнаментом, стандартной становится полуяйцевидная форма сосудов с характерным прямосрезанным скошенным внутрь утолщенным (с наплывом изнутри) венчиком, появляется прочерченная и отступающая орнаментация, вертикальная зональность (Иванищева, Иванищев, 2004, с. 62-68, рис. 2).

Разнообразие форм сосудов нижнего серого-2, с одной стороны, демонстрирует широкий ассортимент посуды долговременного поселения, использовавшейся в качестве кухонной, столовой и в других целях. С другой стороны, указывает на смешанный состав обитателей поселения, что подтверждает и микроморфологический анализ керамики. Примесь органики/органического раствора, наряду с дресвой, определена в составе формовочных масс сосудов с гребенчатым и естественным орнаментом, изготовленных из глин средней и высокой пластичности[2] (рис. 2: 5, 8, 11). Правда, не совсем ясно, являлась ли органическая примесь намеренно введенной в состав глиняного теста или отражает наличие таковой в исходном сырье. Петрографический анализ фрагментов[3] указывает на то, что почти все сосуды из нижних слоев выполнены из глин с включением водной органики. Различия в составе исходного сырья (различные по составу глины), наблюдаются для фрагментов в каждом из выделенных слоев, что, по-видимому, связано с доступностью/недоступностью прибрежных выходов глин в округе поселения, определяющейся цикличностью гидродинамики Онежского озера. Тем не менее, по результатам петрографического анализа в нижнем культурном слое поселения выделяется группа керамики с гребенчатым орнаментом со сложносоставным рецептом формовочной массы (ФМ), содержащей в стабильной пропорции: дресву (7%), песок (20%) и шамот (5%). При чем, два из таких сосудов выполнены из одной и той же тощей глины смектитового состава (рис. 2: 1, 14), а для изготовления еще одного сосуда использована жирная глина гидрослюдисто-смектитового состава, в черепке также зафиксированы включения костей/костного клея (рис. 2: 3). Шамот в этой группе керамики представлен плохо высушенными обломками керамики другого состава. У фрагмента из вышележащего (нижний серый-1) слоя с длинным узким косозубым гребенчатым штампом, изготовленного из жирных глин гидрослюдисто-смектитового состава, в качестве отощителя введена дресва (17%) (рис. 1: 4). Простой рецепт ФМ с единственным видом отощителя – дресвой в значительной концентрации (23-35%) характерен для фрагментов керамики сперрингс с позвонковым орнаментом (рис. 2: 12) и линейно-отступающим, выявленных, как в слое долговременного поселения, так и в материалах последующих кратковременных стоянок (Иванищева и др., 2016, с. 88-89).

Поселение Кемское-III расположено на протоке между озерами Кукозеро и Кемское, последнее связано р. Кемой с Белым озером – гидрологическая сеть принадлежит бассейну Верхней Волги. Памятник открыт Г.А. Панкрушевым. В 1996 г. А.М. Иванищевым раскопом площадью 48 м^2 исследована центральная часть поселения, где два ранненеолитических комплекса подразделялись планиграфически и стратиграфически. Ранний комплекс был

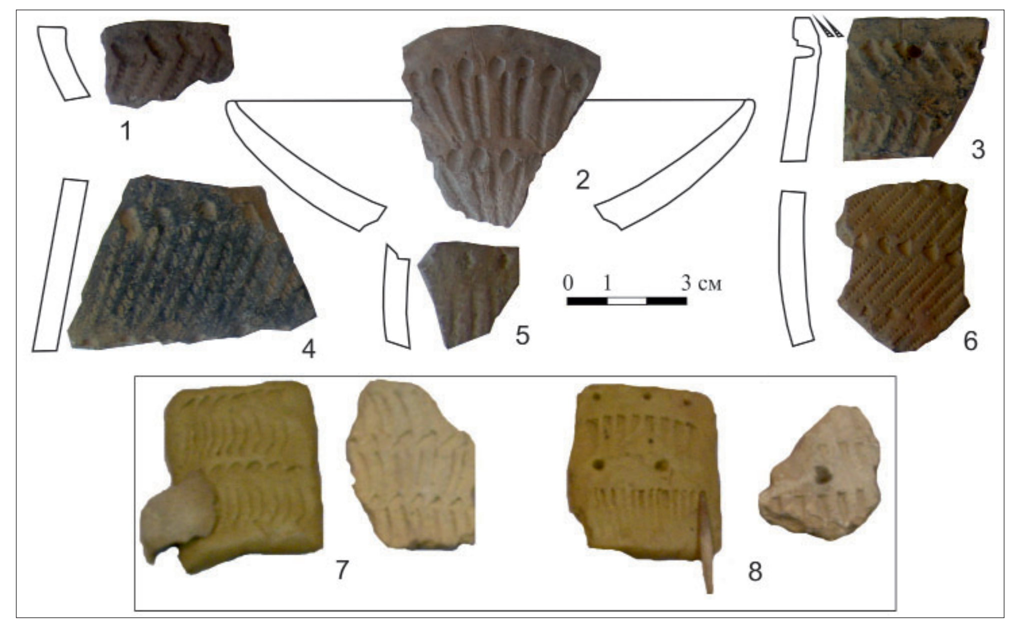

Рис. 3. Поселение Кемское-III. Ранненеолитическая керамика.
Моделирование элементов орнамента раковиной брахиопода (7), иглой морского ежа (8).
Fig. 3. Kemskoye-III settlement. Early Neolithic ceramics.
Modeling of ornamental elements by a brachiopod shell (7), sea urchin spine (8).

связан с нижним слоем серого песка, прослеженного на отдельных участках, и выявленными на материке жилищем со слегка заглубленным котлованом и примыкавшей к нему хозяйственной ямой, в которых обнаружены фрагменты от 7/8 сосудов с гребенчатой орнаментацией. Керамика из вышележащего рыже-желтого песка, сопоставимая с развитым этапом культуры сперрингс, представлена фрагментами от 34 сосудов с позвонковым, прочерченным, накольчато-отступающим (1 сосуд) орнаментом с разделительными поясками конических ямок.

Керамика из нижнего слоя (рис. 3) украшена в характерной манере – рядами наклонных/разнонаклонных оттисков гребенчатых штампов и естественных орнаментиров с разделительными поясками торцевых вдавлений того же орнаментира/штампа. В числе естественных орнаментиров, имитирующих гребенку, при моделировании выявлены такие инструменты как раковины брахиопод и иглы морского ежа – окаменелости беспозвоночных ископаемых обнаружены в культурном слое поселения (рис. 3: 7, 8). У двух сосудов с гребенчатым орнаментом, изготовленных из тощих глин гидрослюдистого состава, определен смешанный состав ФМ, где наряду с дресвой в незначительной концентрации – 10%, определена примесь шамота – 5% (рис. 3: 6), шамота и песка в равных долях – по 15% (рис. 3: 2). Шамот у блюдцеобразного изделия представлен дроблеными фрагментами керамики другого состава, а у сосуда с оттисками тонкого мелкозубчатого штампа – высушенной и растертой глиной. Еще один сосуд с оттисками длинного косозубого штампа, изготовленный из тощих глин монтмориллонитового состава, в качестве отощителя имел песок в значительной концентрации (30%) (рис. 3: 4).

Керамика сперрингс из вышележащего рыже-желтого слоя (определены фрагменты от 3-х сосудов) также изготовлена из глин различного состава, имеет простой рецепт формовочной массы с единственным отощителем – дресвой в значительной концентрации (15-35%).

Комплекс гребенчатой керамики поселения Кемское-III близок раннему этапу тудозерской керамики как по составу форм посуды (наличие блюдцеобразного изделия), так и по технико-технологическим особенностям изготовления гребенчатой керамики, на что указывает смешанный состав ФМ некоторых сосудов.

Поселение Сойдозеро-I расположено на мысу в истоке р. Сойды, впадающей в Кемское озеро, гидрологическая сеть относится к бассейну Верхней Волги. Поселение открыто А.М. Иванищевым в 2007 году, исследовалось шурфом площадью 16 м^2. Поселение относится к памятникам многократного засе-

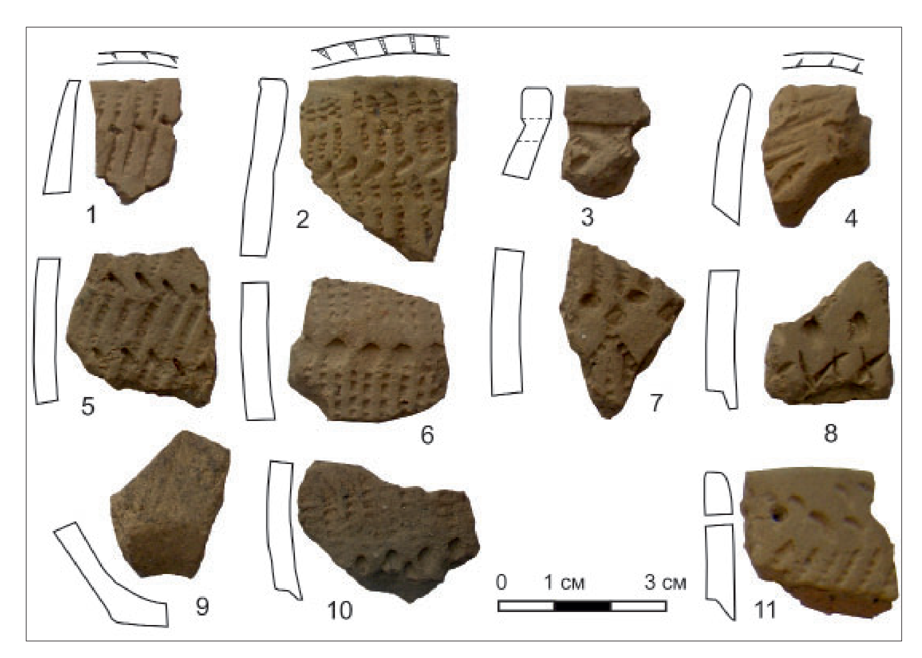

Рис. 4. Поселение Сойдозеро-1. Керамика с гребенчатым орнаментом
Fig. 4. Soydozero-1 settlement. Ceramics with combed decoration

ления. Культурный слой в виде рыже-желтого песка мощностью 0,4-0,7 м вмешает остатки стоянок и поселений эпохи неолита. Гребенчатая керамика в слое залегала совместно с ямочно-гребенчатой, сперрингс, керамикой каргопольского типа и выделена типологически. Она включает фрагменты не менее чем от 5/6 сосудов, в числе которых венчики, стенки и придонная часть плоскодонного сосуда (рис. 4). Тесто большинства черепков плотное, имеет примесь дресвы, в одном случае визуально определяется примесь органики. Посуда тонкостенна (5-6 мм), на поверхности некоторых черепков зафиксирован окрас охрой. Венчики прямые, одной толщины со стенками или утоньшенные. Орнамент выполнен короткими оттисками тонкой и широкой гребенки, неглубокими ямчатыми наколами, насечками. Торцы некоторых венчиков украшены насечками или оттисками гребенчатого штампа. На некоторых под венчиком нанесен поясок сквозных проколов (рис. 4: 3, 11). Орнаментальные композиции состоят из прямых/ наклонных рядов гребенчатого штампа, разделенных наколами, выполненными торцом того же штампа либо тычковыми вдавлениями. Гребенчатую керамику Сойдозеро-1, по-видимому, можно синхронизировать со средним этапом ВВК с коротко-гребенчатой орнаментацией посуды, частично сохраняющей плоскодонность. Следует отметить, что керамика Сойдозера отличается от тудозерской раннего этапа и, скорее всего, маркирует проникновение верхневолжского населения в Южное Прионежье во второй половине VI тыс. до н.э.

В Южном Прионежье керамика с гребенчатым орнаментом является наиболее ранней среди известной к настоящему времени. На стратифицированных памятниках она подстилает слои с керамикой развитого этапа культуры сперрингс, что подтверждается и данными радиоуглеродного датирования. Также на сегодня нет достоверных данных о длительном существовании керамики гребенчатого стиля в Южном Прионежье. Являлось ли это население основой для формирования культуры сперрингс, или было вытеснено носителями этой культуры – вопрос остается открытым.

В бассейне озера Воже датированные материалы раннего неолита происходят со стоянки Караваиха 4, исследование которой проводит Н.В. Косорукова по настоящее время. Небольшая группа гребенчатой керамики выделена нами типологически в коллекциях со стоянки Караваевской, исследованной А.Я. Брюсовым.

Торфяниковый памятник Караваиха 4 эпохи финального мезолита – раннего неолита находится на севере Вологодской области в бассейне оз. Воже на берегу р. Еломы, в 150 м ниже по течению от известного памятника Караваевская стоянка и могильник

(Караваиха 1). Памятник Караваиха 4 открыт Н.В. Косоруковой, в 2002-2018 гг. исследован на площади 542 м^2. Памятник представляет собой место ловли рыбы: здесь выявлены рыболовные сооружения, которые располагались в узких и длинных западинах – ручевинах-заливах и состояли из разных деревянных конструкций, в том числе вбитых глубоко в материковую глину деревянных столбов. Находки залегают, в основном, под слоями торфа и сапропеля, на контакте сапропеля и материковой глины или погребенного торфа в тонкой прослойке песка на различной глубине на разных участках памятника от 1,1 до 2,2 м. Они представлены изделиями из кремня, сланца, кости, рога, дерева, костями животных и рыб, а также фрагментами керамики.

Памятник датируется эпохой финального мезолита – раннего неолита. Хронология определена на основании серии радиоуглеродных дат (в настоящее время получено 59 дат), данных палинологии и геохимии, типологии артефактов; радиоуглеродные даты получены, главным образом, по изделиям из дерева, также есть даты по керамическому нагару, обломку костяного орудия и почвам (Косорукова и др., 2018). Радиоуглеродные даты охватывают, в целом, довольно большой диапазон: 6390-4408 cal BC, определяя начало человеческой жизнедеятельности второй половиной VII тыс. до н.э., когда здесь появились рыболовные конструкции. В это время имел место перерыв в осадконакоплении, отложилась только довольно тонкая прослойка песка, приносимого рекой, с которой и связано большинство находок (Кулькова и др., 2015). Слой сапропеля стал откладываться позже, жизнедеятельность древних людей продолжалась и во время накопления сапропеля.

Особенностью памятника является малочисленность керамики, найдено всего 40 фрагментов (Косорукова, Кулькова, 2016). Нередко керамика имеет очень плохую сохранность вследствие слабого обжига. Некоторые фрагменты сразу разваливались на части, поэтому фото их дано в виде нескольких обломков (рис. 5: 1, 8). В слое встречены также крупные куски глины (возможно, заготовки). Для керамики памятника Караваиха 4 оказалось довольно сложно найти аналогии. По характеру орнаментации выделяется несколько типов: гребенчатая керамика, керамика с наколами, ямчатыми вдавлениями, прочерченными (?) полосами и отпечатками естественных орнаментиров (костей). Представлены фрагменты и без орнамента.

Гребенчатая керамика составляет примерно половину от общего количества (19 экз.). Она также неоднородна, можно выделить несколько групп по типу орнамента. К первой группе отнесены 4 фрагмента, которые украшены поверхностным мелкозубчатым орнаментом, отпечатки которого образуют елочный узор или зигзаг (рис. 5: 1-4). Петрографический анализ[4] двух фрагментов, возможно, от одного сосуда (рис. 5: 1, 2), показал, что керамика изготовлена из жирных глин каолинитового состава, в качестве отощителя была добавлена дресва. К этой группе близок фрагмент, украшенный так же елочным узором, нижнюю часть которого образует отпечаток торца палочки (рис. 5: 5). Состав глины и отощителя тот же.

Ко второй группе отнесены 4 фрагмента, на которых отпечатки поверхностного узкого мелкозубчатого штампа или прочерченные полосы сочетаются с неглубокими ямчатыми вдавлениями. Два фрагмента, предположительно, от одной невысокой мисочки украшены длинными узкими прочерченными вертикально полосами (или неглубокими длинными отпечатками гребенчатого штампа), поверх которых нанесены два пояска легких ямчатых вдавлений, нижний ряд которых проходит по придонной части (рис. 5: 6). По составу теста данные фрагменты аналогичны первой группе.

На еще одном фрагменте два ряда коротких отпечатков гребенчатого штампа разделены пояском ямчатых вдавлений с неровным дном, расположенных в шахматном порядке (рис. 5: 7). Ямчатые вдавления выполнены естественным орнаментиром.

В этой группе керамики представлен фрагмент венчика тонкостенного сосуда плохой сохранности. Верхняя зона венчика украшена двумя горизонтальными линиями, составленными из поверхностных отпечатков короткого гребенчатого штампа, между ними заключены ряды наклонных относительно широких оттисков того же штампа, распространенные и ниже «бордюра». По краю венчика нанесен поясок сквозных разреженных наколов, наложившийся на гребенчатую линию, торец венчика украшен короткими косыми насечками (рис. 5: 8). Отметим, что орнаментация

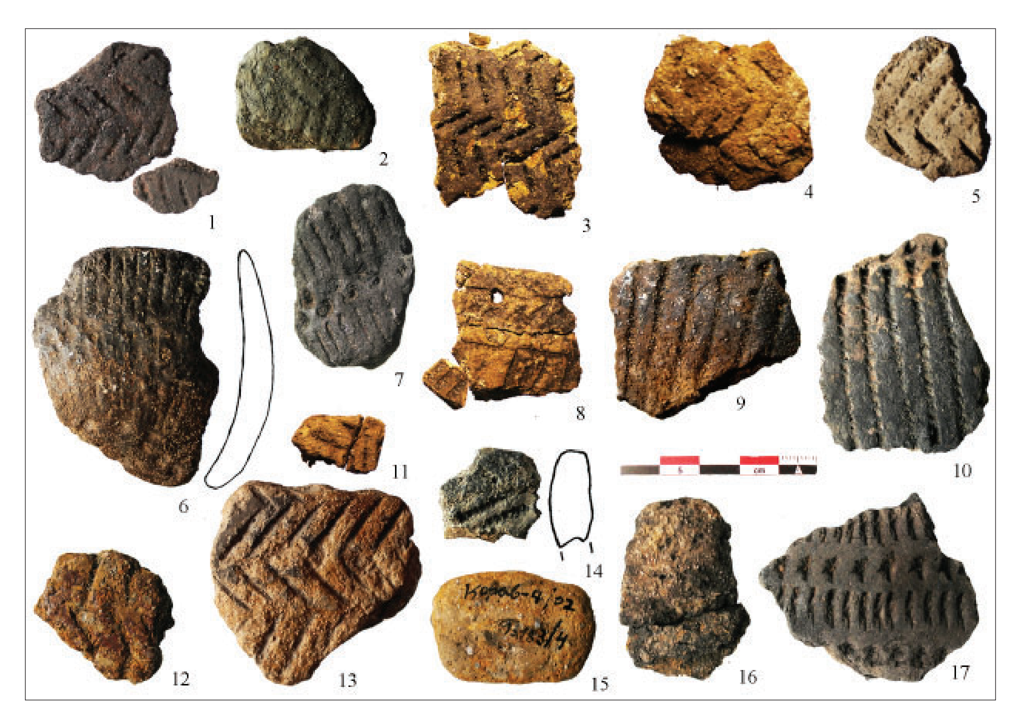

Рис. 5. Караваиха 4. Ранненеолитическая керамика
Fig. 5. Karavaikha 4 site. Early Neolithic ceramics

данного венчика отчасти напоминает композиционную структуру орнамента керамики каргопольского типа.

По стратиграфическим данным керамика первых двух групп является наиболее ранней на памятнике. Большая часть описанных фрагментов залегала на контакте сапропеля и материка. Примечательно, что они изготовлены из глин одного состава и имеют простой рецепт формовочной массы с отощителем в виде дресвы.

К третьей группе отнесены 5 фрагментов с относительно глубокими и четкими отпечатками гребенчатого штампа. На трех фрагментах узор состоит из длинных полос гребенчатого штампа с косыми зубцами. Петрографический анализ двух из них показал, что фрагменты изготовлены из тощих глин гидрослюдистого состава, в качестве отощителя, наряду с дресвой, были добавлены: в одном случае, крупнозернистый песок и шамот (высушенная и растертая глина) (рис. 5: 9), в другом – только песок (рис. 5: 10). По нагару, собранному с трех образцов, получена АМС-дата 6672±31 лет BP (AAR-17172) 2σ 5642-5536 cal BC. Эти три фрагмента были найдены в нижней части сапропеля, но несколько выше основного уровня залегания находок. К данной группе предположительно отнесены еще два фрагмента. Один, сильно развалившийся, сопоставим с данной группой по характеру сохранности. Другой экземпляр – это небольшой фрагмент венчика, на нем видны наклонные полосы гребенчатого штампа (рис. 5: 14), изготовлен из жирных глин монтмориллонитового состава, в качестве отощителя использовалась дресва. Описанная керамика сопоставима с керамикой развитого этапа верхневолжской культуры.

К четвертой группе отнесены три фрагмента, которые украшены прочерченными, относительно глубокими полосами, или отпечатками торца палочки или гребенчатого штампа: отпечатки образуют зигзаг или елочный узор (рис. 5: 11-13). На одном фрагменте разнонаклонные линии не смыкаются (рис. 5: 12), данный образец изготовлен из жирных глин гидрослюдисто-каолинитового состава с искусственной примесью песка. Эти фрагменты залегали в нижней части сапропеля, как и отнесенные к третьей группе.

Кроме гребенчатой, на Караваихе 4 представлены и другие типы керамики.

Три фрагмента, предположительно от одного сосуда, украшены наколами или отпечатками естественных орнаментиров, расположенных горизонтальными рядами (рис. 5: 17). Керамика изготовлена из тощих глин гидрослюдистого состава без применения отощите-

ля или с добавлением песка. Фрагменты были найдены как в нижней части сапропеля, так и на контакте с материком. По нагару, собранному от всех трех фрагментов, была получена дата: 6222+30 лет ВР (AAR-17171) 2σ 5299-5066 cal BC (Piezonka at all, 2017) и подтверждена датой, полученной по нагару только от одного из этих фрагментов: 6195+110 лет ВР (SPb-1974) 2σ 5460-4845 cal BC. По-видимому, керамика с отпечатками естественных орнаментиров использовалась несколько позднее по сравнению с гребенчатой.

Две даты были получены для небольших фрагментов без орнамента, которые могут характеризовать как неорнаментированную керамику, так и керамику, украшенную разреженными наколами или одиночным пояском ямчатых вдавлений под венчиком, также малочисленную на памятнике. По нагару от фрагмента тонкостенной (7 мм) керамики без орнамента из тощей глины монтмориллонитового состава с примесями дресвы и шамота, получена дата: 6346±110 лет ВР (SPb-1973) 2σ 5516-5046 cal BC (рис. 5: 16), черепок залегал в самом низу сапропеля, почти на контакте с материковой глиной. По нагару от другого сильно окатанного фрагмента тонкостенной (7 мм) керамики без орнамента из тощей глины гидрослюдистого состава без отощителя получена дата: 6057±110 лет ВР (SPb-1972) 2σ 5291-4716 cal BC (Косорукова и др., 2018). Различный состав глин и формовочных масс предполагают разновременный возраст этого типа керамики, по-видимому, несколько более поздней по сравнению с гребенчатой, и почти синхронной с керамикой, украшенной естественными орнаментирами.

В целом, даты по керамическому нагару для памятника Караваиха 4 охватывают продолжительный хронологический диапазон 5642-4716 cal BC: от второй четверти VI тыс. до н.э. до второй четверти V тыс. до н.э. При этом предполагается, что часть гребенчатой керамики (первой и второй описанных выше групп), учитывая стратиграфическое положение, должна датироваться еще раньше, чем наиболее ранняя из полученных в настоящее время дат по нагару: не позднее первой половины VI тыс. до н.э., а, возможно, и еще более ранним временем (вторая половина – последняя четверть VII тыс. до н.э.), принимая во внимание даты, полученные по деревянным конструкциям, предметам из дерева, обломку костяного орудия, так как нельзя исключать, что уже самые древние строители рыболовных конструкций были знакомы с керамической посудой.

Для гребенчатой керамики со стоянки Караваиха 4 можно выделить два хронологических комплекса. Один – более ранний, для него пока нет АМС-дат по нагару, и не удается найти более-менее близких аналогий, предположительно, датируется первой половиной VI тыс. до н.э. или более ранним временем (керамика первой и второй описанных выше групп гребенчатой керамики). Второй комплекс, который отдаленно сопоставляется с развитым этапом верхневолжской культуры, датируется второй четвертью – серединой VI тыс. до н.э. (третья и, возможно, четвертая группы описанной выше гребенчатой керамики).

Караваевская стоянка и могильник Караваевский (Караваиха 1) находится на правом берегу р. Еломы в 18 км от ее впадения в оз. Воже, примерно в 2 км к югу от Долгого озера (озеровидное расширение р. Еломы). Памятник был открыт в 1937 г. и исследовался А.Я. Брюсовым с перерывами с 1938 по 1955 гг. на площади 580 м^2. Могильник расположен на слегка повышенной площадке, удаленной от берега реки на 70-100 м. А.Я. Брюсовым раскопано 42 погребения. В ходе раскопок могильника была выявлена стоянка Караваевская, расположенная на этой же площадке и распространенная в заболоченной низине, отделяющей ее от берега реки. На площадке находки залегают сразу под дерном в темно-коричневом оторфованом суглинке до глубины 0,2-0,6 м от поверхности, в низине слой с находками опускается под торф, глубина залегания которого у берега достигает 2 м. Наличие торфяникового памятника в низине было установлено А.Я. Брюсовым и подтверждено во время разведочных работ Н.В. Косоруковой в 2002 и 2021 гг.

В фондах ЧерМО представлена лишь часть огромной коллекции с этого памятника[5], в основном ямочно-гребенчатой керамики, среди которой исследователь выделил и наиболее раннюю – керамику каргопольского типа (Брюсов, 1961, с. 102). В коллекции выделяется гребенчатая керамика и сосуды, украшенные оттисками естественных орнаментиров, соотносимые с ранненеолитическим временем (рис. 6). Нами выделено

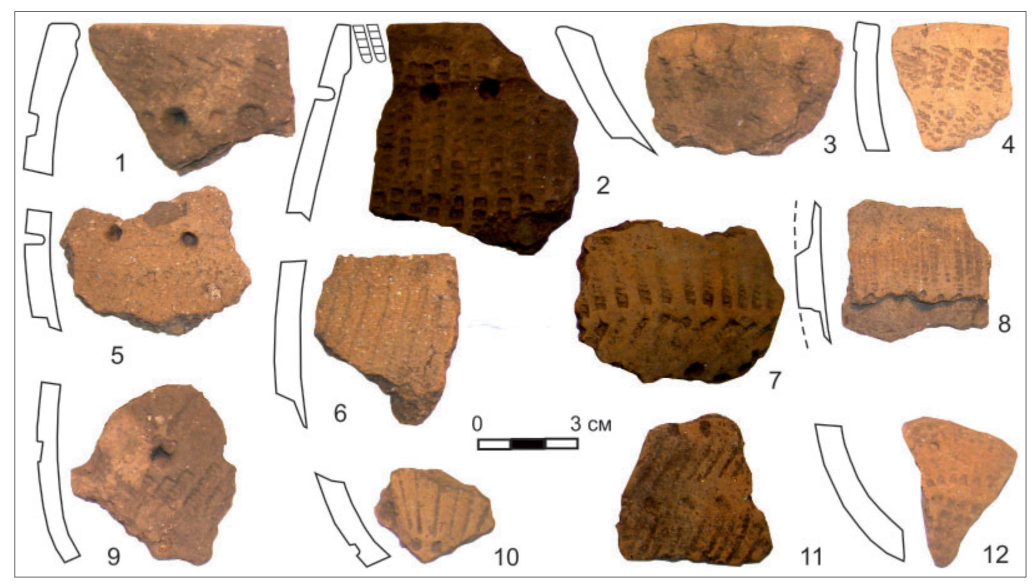

Рис. 6. Стоянка Караваевская и могильник Караваевский. Ранненеолитическая керамика
Fig. 6. Karavaevskiy campsite and Karavaevskiy burial ground. Early Neolithic pottery

не менее 20 сосудов, опишем некоторые из них. Сосуды закрытой формы и чашевидные, средних и малых размеров, скорее всего, округлодонные, с толщиной стенок 6-9 мм. В составе теста визуально определяется дресва. Венчики прямые и утолщенные с наплывом на внутренней стороне, последние, как правило, орнаментированы гребенчатым штампом (рис. 6 :1 2). Орнамент, распространенный на всю поверхность сосудов, составляют плотные ряды вертикальных или наклонных оттисков длинного и короткого гребенчатых штампов, с прямыми и косыми зубцами, либо мелкозубчатые. Зоны гребенчатой орнаментации разделяют ямчатые и тычковые наколы (рис. 6: 5, 9, 10, 11) либо наколы углом гребенчатого штампа (рис. 6: 8). Зона венчика одного сосуда украшена ямчатыми вдавлениями с плоским дном, на другом поясок глубоких наколов нанесен поверх горизонтальной линии протащенного штампа (рис. 6: 1, 2). По характеру орнаментации часть посуды соотносится с развитым этапом верхневолжской культуры (рис. 6: 7), отметим, что мотив вертикального зигзага характерен для гребенчатой керамики Караваихи 4. По форме сосудов и некоторым элементам декорирования венчика часть посуды (рис. 6: 1, 2, 5, 9) сопоставима со вторым гребенчатым комплексом поселения Векса III в бассейне верхней Сухоны (Карманов, Недомолкина, 2007, рис. 19), время бытования которой относят к последней четверти VI тыс. до н.э. (Недомолкина, Пицонка, 2016, с. 426). Эта посуда синхронна керамике сперрингс на Тудозере и керамике с оттисками естественных орнаментиров на Караваихе 4. К этому же времени, по-видимому, можно отнести и фрагменты с оттисками естественных орнаментиров на стоянке Караваевской (рис. 6: 3, 4).

В бассейне Белого озера в настоящее время керамика ранненеолитического облика выделена типологически в коллекциях, хранящихся в фондах ЧерМО.

Многослойное поселение Андозеро-2 расположено на мысу северного берега озера Андозеро, из которого истекает р. Андога – крупный правобережный приток р. Шексны в ее верхнем течении. Поселение открыто и исследовано С.В. Ошибкиной на площади 160 м² в 1974-75 годах. В отложениях мощностью 0,8 м были выявлены три культурных слоя: с позднекаргопольской керамикой эпохи бронзы; неолитический слой с ямочно-гребенчатой керамикой каргопольской культуры и слой эпохи мезолита. В керамическом комплексе неолитического слоя отмечается значительное разнообразие орнаментации и форм посуды (Ошибкина, 1978, с. 42-47).

Керамика с гребенчатым орнаментом на поселении Андозеро-2 представлена фрагментами от 9/10 тонкостенных (4-5 мм) сосудов с гребенчатой орнаментацией[6] (рис. 7). Сосуды изготовлены из плотного, хорошо отмученного теста с примесью мелкотолченой дресвы или песка и, вероятно, органики. В одном фрагменте визуально определяется

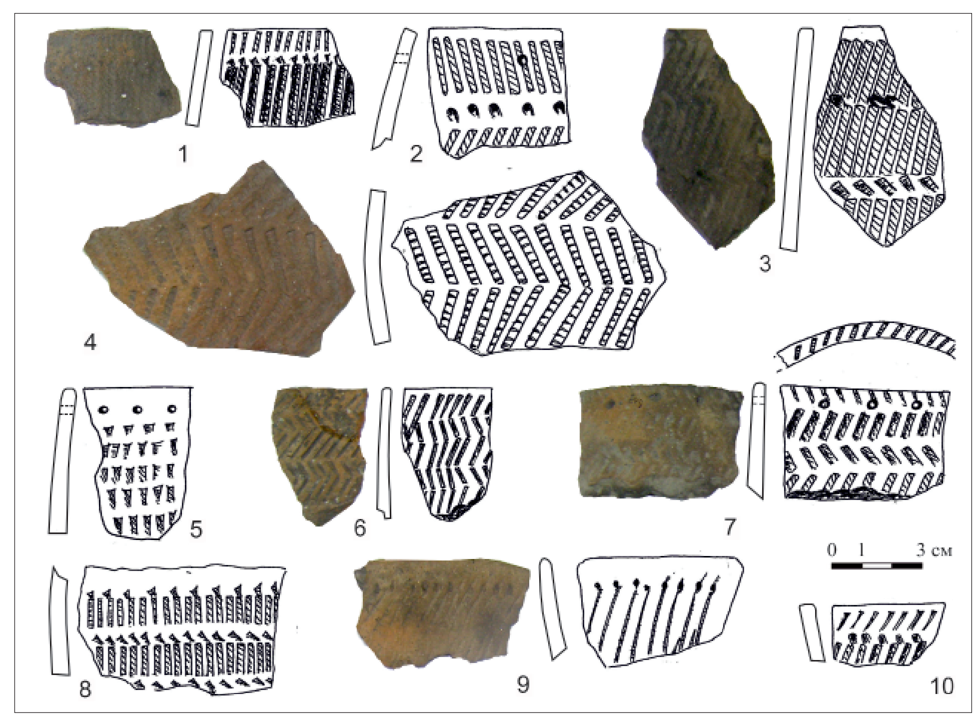

Рис. 7. Поселение Андозеро-2. Керамика с гребенчатым орнаментом.
Fig. 7. Andozero-2 settlement. Ceramics with combed decoration

примесь шамота (рис. 7: 10). Сосуды: закрытой формы с прикрытой верхней и расширенной медиальной частью (рис. 7: 1, 2, 4, 5, 8); прямостенные (рис. 7: 3, 6, 7) или открытой формы с расширенной верхней частью (рис. 7: 9, 10). Торцы венчиков прямосрезанные или округлые, диаметр венчиков 12-16 см. О форме днищ судить не представляется возможным. Орнаментальные композиции состоят из плотных наклонных/разнонаклонных или прямых рядов гребенчатых оттисков, разделенных рядами коротких, выполненных углом того же орнаментира в накольчатой манере, реже – тычковыми вдавлениями. Гребенчатые оттиски короткие и длинные, выполненные прямо- и косозубыми штампами, в том числе мелкозубчатым (рис. 7: 9). У трех сосудов под венчиком нанесен ряд мелких сквозных наколов. По структуре орнаментальных композиций керамика близка ранней керамике Тудозера-V, однако, преимущественный мотив вертикального зигзага более характерен для керамики Караваихи 4 (рис. 7: 6), есть аналогии керамике поселения Кемское–III (рис. 7: 3). Отметим так же идентичность фрагментам со стоянки Караваевской (рис. 7: 1, 4).

В коллекции керамики с Андозеро-2 присутствуют единичные фрагменты, сопоставимые с первым этапом ВВК – два неорнаментированных с примесью шамота и фрагмент придонной части плоскодонного сосуда с каплевидными наколами, правда хронологическая позиция этих типов керамики не ясна. На основе дат для неорнаментированных фрагментов с Караваихи 4, в том числе с примесью шамота, данную керамику возможно отнести ко времени не ранее последней трети VI тыс. до н.э.

Поселение Остров Молебный находится на одноименном острове небольшого озера Робозера, входящего в систему Лозско-Азатских озер, расположенных южнее Белого озера и связанной с ним р. Куность. Поселение открыто А.В. Кудряшовым в 1997 г, в 1998 г. исследовано раскопом на площади 132 м^2. Материалы эпохи неолита здесь оказались сопутствующими при исследовании средневекового селища (Васильева и др., 2006). Основной массив неолитической керамики представлен посудой с ямочно-гребенчатым орнаментом (3442 фрагмента). 38 фрагментов, сопоставимых с ранненеолитической керамикой, принадлежали 4/5 сосудам, от которых сохранились венчики, фрагменты двух придонных частей и стенки (рис. 8). В составе формовочной массы примесь дресвы и органики[7]. Венчики диаметром 10-14 см принадлежали трем прямостенным и одному чашевидному (?) тонкостенным (5-6 мм) сосудам. В коллек-

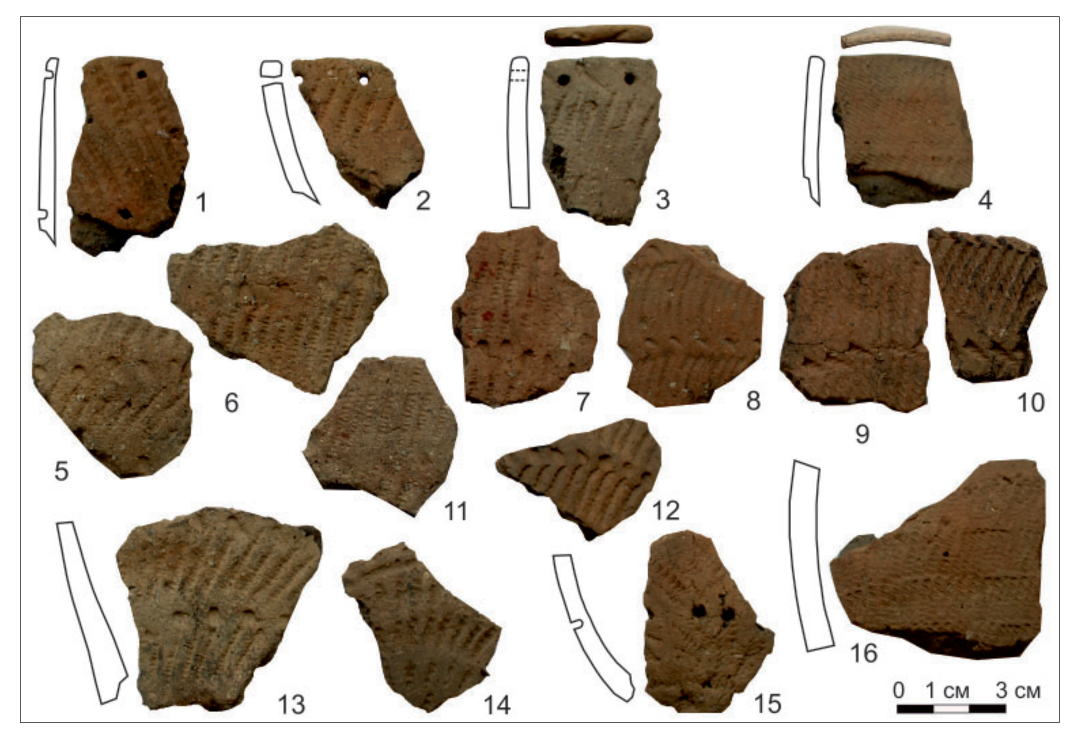

Рис. 8. Поселение Остров Молебный. Керамика с гребенчатым орнаментом.
Fig. 8. Molebny Ostrov settlement. Ceramics with combed decoration

ции есть стенки толщиной 8 мм, по-видимому, еще от одного сосуда средних размеров (рис. 8: 16). Венчики прямые, оформлены глубокими или сквозными наколами, два орнаментированы гребенчатым штампом по торцу. Придонная часть округлодонного сосуда так же украшена пояском глубоких ямчатых наколов (рис. 8: 15). Орнамент покрывал всю поверхность сосудов, плотные ряды вертикальных/наклонных оттисков гребенчатого штампа разделены поясками тычковых наколов, либо короткими оттисками того же штампа, поставленного под углом. В числе штампов выделяются узкий многозубчатый, более широкий, длинный и короткий косозубые, отпечатки которых напоминают оттиск веревочки. Отмечается поверхностный характер нанесения некоторых отпечатков. С определенной долей вероятности эту керамику можно соотнести со 2-м гребенчатым комплексом вексинских поселений на верхней Сухоне последней четверти VI тыс. до н.э. (Карманов, Недомолкина, 2007, с. 92).

Заключение

Представленный обзор демонстрирует разнообразие керамики гребенчатого стиля в Юго-Восточном Прионежье. Приведенные выше датировки для комплексов поселения Тудозеро-V и Карваиха 4 свидетельствуют о синхронном существовании здесь керамики с коротко- и длинно-гребенчатым орнаментом – не позднее второй четверти VI тыс. до н.э., хотя в целом, предполагается и более раннее существование гребенчатых комплексов. Определенная часть гребенчатой керамики сопоставима с керамикой развитого этапа верхневолжской культуры, прежде всего, это касается памятников, связанных с верхневолжским бассейном. На основании аналогий керамическому материалу поселения Векса III время бытования керамики гребенчатого стиля можно предполагать до последней четверти VI тыс. до н.э. в бассейне озер Воже и Белое, где она синхронна керамике с оттисками естественных орнаментиров. В Южном Прионежье в это время гребенчатую керамику сменяет керамика культуры сперрингс. Носители гребенчатой керамики осваивают различные ландшафты на магистральных водных путях и внутренних озерах региона, что предполагает перспективность как поиск новых объектов этого времени, так и работу с коллекциями неолитической керамики из ранее исследованных памятников.

Примечания:

[1] Определения выполнены в Институте физики и астрономии Орхусского университета в Дании (директор Ян Хейнемейер), исследования проведены при участии: Профессора Томаса Тербергера, Доктора Шенке Хартца,

Доктора Хенни Пицонка..

[2] Состав формовочных масс у ряда сосудов определен Е.В. Волковой в лаборатории «История керамики» ИА РАН.

[3] Петрографический анализ 14 фрагментов от сосудов из разных слоев выполнен М.А. Кульковой в лаборатории РГПУ им. Герцена.

[4] Петрогравический анализ керамики памятника Караваиха 4 выполнен М.А. Кульковой в лаборатории РГПУ им. Герцена

[5] Фонды Музея археологии Череповечкого музейного объединения. Строяка Караваевская и могильник. Раскопки А.Я. Брюсова 1940 г. (№ коллекции 1431), 1952 г. (№ коллекции 2457).

[6] Фонды Музея археологии Череповецкого музейного объединения. Коллекция керамики и каменного инвентаря. Стоянка Андозеро 2. Раскопки С.В. Ошибкиной 1971, 1974, 1975 гг. Без номера.

[7] Технико-технологический анализ керамики выполнен Ю.Б. Цетлиным в лаборатории «История керамики» ИА РАН

ЛИТЕРАТУРА

Брюсов А.Я. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области / Отв. ред. А. Я. Брюсов. Вологда: Кн. изд-во, 1961. С. 72–162.

Васильева Н.Б., Гончаренко Д.В., Косорукова Н.В. Неолитический комплекс памятника Остров Молебный в бассейне Лозско-Азатского озера // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2006. С. 300-306.

Иванищев А.М., Иванищева М.В. Хронология памятников раннего неолита Южного Прионежья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 60–70.

Иванищева М.В. К вопросу о времени и истоках гончарных традиций в раннем неолите Европейского Севера России // Самарский научный вестник. 2018. № 3(24). С. 214–225.

Иванищева М.В., Кулькова М.А., Иванищева Е.А. Результаты микроморфологического анализа ранненеолитической керамики Юго-Восточного Прионежья // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Под ред. О.В. Лозовской, А.Н. Мазуркевича, Е.В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 88–99.

Карманов В.Н., Недомолкина Н.Г. Проблема культурной периодизации неолитических памятников с гребенчато-ямочной керамикой Северо-Востока Русской равнины // Каменный век Европейского Севера / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 84–124.

Косорукова Н.В., Кулькова М.А. Керамика ранненеолитической стоянки Караваиха 4 в бассейне озера Воже: типология и петрография // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Под ред. О.В. Лозовской, А.Н. Мазуркевича, Е.В. Долбуновой. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2016. С. 100–103.

Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Пиецонка Х. Хронология раннего неолита бассейна озера Воже // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 78–86.

Кулькова М. А., Косорукова Н. В., Сапелко Т.В. Палеогеографические условия жизнедеятельности древнего человека в раннем неолите в бассейне озера Воже // Неолитические культуры восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции / Отв. ред. В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов. СПб.: ИМК РАН, 2015. С. 281–284.

Недомолкина Н.Г., Пицонка Х. Регион Средней Сухоны в раннем и среднем неолите по результатам радиоуглеродной хронологии (по материалам поселений Вёкса I, Вёкса III) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 425–433.

Нордквист К., Мёккёнен Т. Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: АМС-датировки неолита-энеолита Карелии // Тверской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2018. С. 39-68.

Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. 231 с.

Информация об авторах:

Иванищева Марина Викторовна, Восточно-Прионежская археологическая экспедиция (г. Вологда, Россия); marin-ivanishhev@yandex.ru

Косорукова Наталья Валентиновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет (г. Череповец, Россия); natalikcher@mail.ru

REFERENCES

Bryusov, A. Ya. 1961. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Sbornik po arkheologii Vologodskoy oblasti (Collected papers on archaeology of the Vologda Oblast).* Vologda: "Vologodskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 72–162 (in Russian).

Vasil`eva. N. B., Goncharenko. D. V., Kosorukova. N. V. 2006. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6 (I). Tver: "Triada" Publ., 300–306 (in Russian).

Ivanishchev, A. M., Ivanishcheva, M. V. 2004. In Timofeev, V. I., Zaitseva, G. I. (eds.). *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii (Issues of Chronology and Ethnic/cultural Interactions during the Neolithic of Eurasia)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences Publ., 60–70 (in Russian).

Ivanishheva, M.V. 22018. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 24 (3), 214–225 (in Russian).

Ivanishheva, M. V., Kulkova, M. A., Ivanishheva, E. A. 2016. In Lozovskaya, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 88–99 (in Russian).

Karmanov, V. N., Nedomolkina, N. G. 2007. In Volokitin, A. V. (ed.). *Kamenniy vek Evropeyskogo Severa (Stone Age of the European North).* Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 84–124 (in Russian).

Kosorukova, N. V., Kulkova, M. A. 2016. In Lozovskaya, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 100–103 (in Russian).

Kosorukova, N. V., Kulkova, M. A., Piezonka, H. 2018. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 60 (3), 78–86 (in Russian).

Kulkova. M. A., Kosorukova. N. V., Sapelko. T.V. 2015. In Lozovsky, V. M., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A. (eds.). *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: khronologiia, paleoekologiia, traditsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu V.P. Tret'iakova (Neolithic Cultures of Eastern Europe: Chronology, Paleoecology, Traditions)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 281–284 (in Russian).

Nedomolkina, N. G., Piezonka, H. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd Millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 425–433 (in Russian).

Nordkvist, K., Myokkyonen, T. 2018. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 11. Tver: "Triada" Publ., 39–68 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1978. *Neolit Vostochnogo Prionezh'ya (Neolithic of the Eastern Onega Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Ivanishcheva Marina V. East Prionezh archaeological expedition. Vologda St., Vologda, 160010, Russian Federation; marin-ivanishhev@yandex.ru

Kosorukova Natalya V. Candidate of Historical Sciences, Cherepovets State University. Lunacharskogo Ave., Cherepovets, 162600, Russian Federation; natalikcher@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.175.183

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕОЛИТА РЕКИ ВЯТКИ

© 2024 г. Т.М. Гусенцова

Статья посвящена обобщению и уточнению датировок неолита р. Вятки, использованных ранее в контексте общей хронологии неолитических культур Волго-Камья. В эпоху неолита в бассейне р. Вятки существовали культуры с различными традициями изготовления керамики: неорнаментированной, накольчатой, гребенчатой и гребенчато-ямочной. Основным источником для хронологии служит датирование органики в керамике, угля и кости. К настоящему времени получены 24 радиоуглеродные даты для 10 памятников. Наиболее древние даты получены на стоянках с неорнаментированной посудой –начало VI тыс. до н.э. Ранние комплексы с накольчатой керамикой датируются первой половиной – серединой VI тыс. до н.э., развитые доживают до второй половины V тыс. до н.э. Ранние памятники с гребенчатой керамикой датируются несколько позже накольчатой: серединой – второй половиной VI тыс. до н.э; традиция существует до второй половины V до н.э. Появление гребенчато-ямочной и воротничковой керамики относится к первой половине – середине V тыс. до н.э. Культурно-хронологические особенности неолитических памятников указывают на их взаимосвязь с лесостепным Поволжьем, Средней Волгой и Прикамьем.

Ключевые слова: археология, неолит, глиняная посуда, культуры, волго-камская культура, хронология, радиоуглеродное датирование.

TO THE ISSUE OF CLARIFYING THE CHRONOLOGY AND CULTURAL FEATURES OF THE VYATKA RIVER NEOLITHIC

T.M. Gusentsova

The article deals with generalization and clarification of the Neolithic dating of the Vyatka River. Vyatka River Neolithic dating used earlier in the context of the general chronology of the Neolithic cultures of the Volga-Kama or Middle Urals. In the Neolithic period in the Vyatka River basin there were cultures with different traditions of pottery production: undecorated, stroked, combed and dotted-and-combed ornamentation. The main source for chronology is the dating of organics in ceramics, charcoal and bones. To date, 24 radiocarbon dates have been obtained from 10 sites. The oldest dates are obtained at campsites with undecorated pottery - the beginning of VI millennium BC. The earliest complexes with stroked pottery date from the first half to the middle of the VI millennium BC; the developed ones survive until the second half of the V millennium BC. The earliest sites with combed ceramics date somewhat later than stroked ceramics – the middle-second half of the VI millennium BC. The tradition exists until the second half of the V millennium BC. The appearance of combed-dotted ceramics ware and collar ceramics dates back to the first half – the middle of the V millennium BC. Cultural and chronological features of Neolithic sites indicate their relationship with the forest steppe Volga, Middle Volga and Kama regions.

Keywords: archaeology, Neolithic, pottery, cultures, Volga-Kama culture, chronology, radiocarbon dating

Планомерное изучение памятников неолита в бассейне р. Вятки началось в начале 80-х гг. XX в. Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета (Гусенцова, 1993). За это время была накоплена значительная источниковедческая база, выявлены отличительные особенности неолитических комплексов и их периодизация. Многие годы основной проблемой для региона Волго-Камья являлось отсутствие серий радиоуглеродных дат неолитических памятников, существенно затруднявших определение их хронологии. В начале XXI в., благодаря инициативе и усилиям А.А. Выборнова, удалось получить первый крупный массив дат по керамике региона, включая бассейн р. Вятки (Выборнов, 2008). В настоящее время по неолитическим материалам 10 памятников региона получены 24 радиоуглеродные даты (табл. 1). По мере появления новых дат, изучения технико-технологических характеристик глиняной посуды

возникает необходимость в уточнении возраста, происхождения и культурных особенностей неолитических памятников р. Вятки.

Неолит р. Вятки представлен в основном населением двух культурных групп: волго-камской (носителей накольчато-прочерченной керамики) и камской (гребенчатой керамики). Присутствуют памятники с гребенчато-ямочной керамикой, близкие ямочно-гребенчатой культуре Среднего Поволжья. Количество и разнообразие типов памятников указывает на довольно плотное освоение региона в неолите. Культурный слой сложен песчаными отложениями. В большинстве своем они расположены на первой надпойменной террасе левобережных притоков среднего течения р. Вятки. Несколько открыто на правобережных притоках в её среднем и нижнем течении. Террасы часто перевеяны в дюны, образующие останцы высотой 1,5–3 м. В пойме рек наблюдаются прирусловые валы (гривы) и староречья, на которых также исследованы неолитические стоянки.

В близких условиях существовали памятники позднего мезолита, энеолита и поздней бронзы.

Определенный состав фауны, где наряду с северным оленем и лосем присутствует косуля, свидетельствует о наличии лесного и лесостепного ландшафта (Гусенцова, 1993, с. 226). Неолитическое население жило в одной природной среде, где ведущими формами хозяйства были охота и рыболовство.

Проблема сменяемости или сосуществования населения разных культур на одних памятниках до сих пор остается дискуссионной (Гусенцова, 1993; Выборнов, 2006; Лычагина и др., 2021). Для выяснения этого вопроса первостепенное значение имеют стоянки с материалами одной неолитической культуры или четко стратифицированные, где прослежена сменяемость населения разных культур. Памятники на р. Вятке с комплексами только неорнаментированной и накольчатой керамики выявлены на её правобережье Кошкинская, Коктыш II, Худяки; на левобережье – Кыйлуд II, IV.

Посуда с гребенчатым орнаментом в «чистом» виде обнаружена на левобережье – Среднее Шадбегово 1, Новомултанская стоянка; на остальных – Чумойтло I, Кочуровское I, IV, Кыйлуд III, Моторки II, Тархан I, Усть-Шижма I – присутствует керамика обеих культур. На Моторках II, Чумойтло I, раскопанных на широкой площади, разные группы посуды зафиксированы в отдельных земляных структурах (жилищах и ямах). На стоянке Усть-Шижма I, единственной из около 20 раскопанных памятников, были сделаны наблюдения о более низком уровне залегания посуды камской культуры, чем находки накольчато-прочерченной керамики. Однако культурный слой Усть-Шижмы I, как и других неолитических памятников бассейна р. Вятки, сложенный песком, не исключает смешанности культурных остатков, особенно вне земляных структур. Полученные датировки посуды памятника указывают на большую древность комплекса волго-камской культуры. Приведенные стратиграфические наблюдения в этом случае лишь фиксируют заселение стоянки носителями разных культур, что и было справедливо отмечено при публикации новых датировок керамики (Лычагина и др., 2021).

По данным технико-типологической характеристики глиняной посуды и радиоуглеродным датировкам, материалы волго-камской культуры неодновременные. Среди ранних материалов наиболее интересна Кошкинская стоянка, где преобладает неорнаментированная посуда (Гусенцова, 2020). Помимо неолита, памятник заселялся в эпохи мезолита, бронзы и Средневековья (площадь раскопок 700 кв. м). На мысовой части стоянки, где расположены объекты мезолита, зафиксировано нарушение котлована мезолитического жилища сооружением эпохи неолита с развалом неорнаментированного сосуда. Для комплекса мезолитического времени получена дата Le-6629: 8350 ± 100 BP (7590–7170 cal BC). Находки керамики и объекты раннего неолита концентрируются на относительно небольшом участке края надпойменной террасы старицы р. Вятки. Стоянка относится к сезонным памятникам неоднократного посещения. Исследованы остатки девяти небольших сооружений площадью 4–6 кв. м и около 30 крупных ям – 1,5–2 кв. м глубиной 0,6–0,8 м. В заполнении структур линзы прокаленного песка, углистые включения, кальцинированные косточки, значительное количество изделий из камня (до 100–150 единиц), развалы сосудов, фрагменты керамики. Одно из сооружений датировано по углю Le-5549: 6160 ± 100 BP (5210–5160 cal BC). По костным

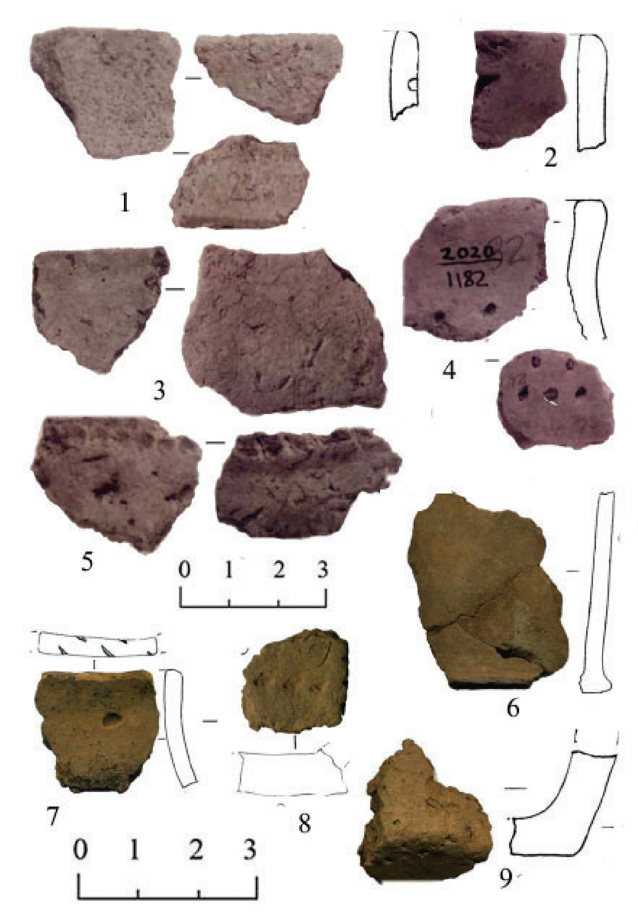

Рис. 1. Кошкинская стоянка.
1-3, 6-7 – неорнаментированная керамика;
1-5, 8-9 – посуда с накольчатым орнаментом.
Fig. 1. Koshkino campsite. Undecorated pottery (1-3, 6-7); stroke-ornamented ware (1-5, 8-9).

остаткам из ямы получена дата SPb-2076: 6050 ± 80 BP (5212–4782 cal BC) (табл. 1). Показателен состав находок в частично исследованной яме, где найден развал неорнаментированного сосуда (около 100 фрагментов стенок и плоского днища) и около 300 кремневых предметов, включая четыре наконечника стрел листовидной формы с двухсторонней ретушью. Образец угля из ямы датирован ЛЕ-7014: 6830 ± 50 BP (5812–5633 cal BC) (табл. 1).

Глиняная посуда памятника чрезвычайно фрагментарна и практически неорнаментированная или слабо орнаментированная. Из более 500 фрагментов и скоплений посуды удалось выделить чуть более 10 сосудов. Исследованные на состав глиняного теста образцы посуды выявили особенности формовочной массы, состоящей из илистой глины/глины и органического раствора и в единичных случаях мелких фракций шамота. По составлению формовочных масс (илистые глины и органический раствор) она близка посуде елшанской культуры (Батуева, Гусенцова, 2020, с. 178–179). Сохранились фрагменты прямых или слабо профилированных шеек и небольшие плоские днища, по толщине равные стенкам сосудов (0,5–0,7 см) или немного превосходящие их (1,0–1,2 см) (рис. 1: 1–3). У некоторых днищ хорошо выражена закраина (рис. 1: 6). Орнаментация из ямок или тонких проколов нанесена под венчиком, по краю которых иногда имеются насечки. В крайне редких случаях (около 30 фрагментов) на стенках встречаются ямочки, слабые насечки, ряды или отдельные треугольные наколы, «отступающая палочка» (рис. 1: 4–5; 2: 5–9). В одном случае сосуд украшен тонкими оттисками гребенки. Днища, как правило, не орнаментированы, лишь на двух прослеживаются отдельные наколы (рис. 1: 8, 9).

Плоскодонная посуда без орнамента вместе с накольчатой керамикой найдена на Кыйлуде II, III, Усть-Шижме I, Тархане I, Чумойтло I (рис. 2: 1–2, 4). По форме дна отличается сосудик, найденный на поселении Кыйлуд III среди комплекса накольчатой керамики (около 500 фрагментов), большинство которой неорнаментировано. Высота его 8 см, диаметр по венчику 12 см, дно коническое. Под венчиком ряд ямочек, на стенках и на дне едва заметные следы единичных наколов (рис. 2: 3).

Для неорнаментированной керамики Кошкинской стоянки получено три даты: Ki-14576: 6260 ± 90 BP (5500–4950 cal BC); Ki-14577: 6110 ± 90 BP (5300–4800 cal BC); Ki-14913: 6480 ± 90 BP (5620–5290 cal BC) (табл. 1). Близкие даты определены для Кыйлуда II – Ki-14454: 6410 ± 80 (5530–5210 cal BC) (рис. 2: 1, 4) и Усть-Шижмы I – SPb-2371: 6430 ± 120 (5515–5300 cal BC) (табл. 1).

Дата по углю 5812–5633 cal BC Кошкинской стоянки из ямы с развалом неорнаментированного сосуда древнее, чем имеющиеся по керамике – 5620–5290 cal BC. Однако подобная дата имеется в соседнем Марийском Поволжье для неорнаментированной посуды Дубовской III стоянки – Ua-44724: 6892 ± 40 BP (5890–5700 cal BC) (Выборнов, Никитин, 2016, с. 124). Вполне допустимо отнести появление в бассейне р. Вятки носителей неорнаментированной керамики к началу – первой половине VI тыс. до н. э.

На большинстве памятников волго-камской культуры региона преобладает накольчатая кера-

Таблица 1. Радиоуглеродное датирование памятников неолита бассейна р. Вятки
Table 1. Radiocarbon dating of Neolithic sites in the Vyatka River basin

№	Стоянка	^{14}C (BP)	Калиброванная дата (2σ)cal BC)	Лабораторный индекс	Материал	Культура	Публикации
1.	Кошкинская	6830±50	5812-5633	Le-7014	Уголь	Волго-камская	(Гусенцова, раскопки 2004 г.)
2.	Кошкинская	6480±90	5617-5304	Ki-14913	Керамика неорнаментиро-ванная	Волго-камская	Выборнов, 2008, с. 246; Лычагина, 2016, с. 158
3.	Кошкинская	6260±90	5466-5000	Ki-14576	Керамика неорнаментиро-ванная	Волго-камская	Выборнов,2008, с. 246; Лычагина,2016, с. 158
4.	Кошкинская	6160±100	5322-4842	Le-5548	Уголь	Волго-камская	Гусенцова, 2000, с. 308
5.	Кошкинская	6110±90	5295-4806	Ki-14577	Керамика неорнаментиро-ванная	Волго-камская	Выборнов, 2008, с. 246; Лычагина, 2016, с. 158
6.	Кошкинская	6050±80	5212-4782	SPb-2076	Кости	Волго-камская	(Гусенцова, раскопки 2000 г.)
7	Кыйлуд II	6410± 80	5511-5225	Ki-14454	Керамика неорнаментиро-ванная	Волго-камская	Выборнов, 2008, с. 246; Лычагина, 2016, с. 158
8.	Усть-Шижма I	6430±120	5515-5300	SPb-2371	Керамика неорнаментиро-ванная	Волго-камская	Лычагина и др., 2021, с. 40
9.	Усть-Шижма I	6130±100	5308-4807	Ki-14436	Керамика накольчатая	Волго-камская	Выборнов, 2008, с. 246
10	Усть-Шижма I	6196±120	5300-5009	SPb-2371	Керамика накольчатая	Волго-камская	Лычагина и др., 2021, с. 40
11.	Усть-Шижма I	6020±90	5207-4722	Ki-14435	Керамика гребенчатая	Камская	Выборнов, 2008, с. 246; Лычагина, 2016, с. 157
12.	Усть-Шижма I	6100±120	5210-4856	SPb-2370	Керамика гребенчатая	Камская	Лычагина и др.2021, с. 40
13.	Тархан I	6280± 90	5469-5035	Ki-14433	Керамика гребенчатая	Камская	Выборнов, 2008, с. 246; Лычагина, 2016, с. 157
14.	Тархан I	5670±70	4684-4362	Ki-15099	Керамика гребенчатая	Камская	Выборнов, 2008, с. 157; Лычагина, 2016, с. 157
15.	Среднее Шадбегово I	5960±90	5100-4550	Ki-14437	Керамика гребенчатая	Камская	Выборнов, 2008, с. 246;
16	Среднее Шадбегово I	5797±110	4783-4531	SPb-2727	Керамика гребенчатая	Камская	Лычагина и др., 2021, с. 40
17.	Кыйлуд III	5820±90	4897-4463	Ki-14438	керамика гребенчатая	Камская	Выборнов, 2008, с. 246; Лычагина, 2016, с. 157
18.	Чумойтло 1	5720±90	4770-4363	Ki-14439	Керамика с наколами	Волго-камская	Выборнов, 2008, с. 246; Лычагина, 2016, с. 158
19.	Чумойтло 1	5544±42	4460-4330	Hela-3114	Керамика гребенчатая	Камская	Выборнов и др.2014, с. 246
20	Кочуровское IV	5360±80	4350-3990	Ki-14906	Керамика гребенчатая	Камская	Выборнов, 2008, с. 246; Лычагина, 2016, с. 157
21	Кочуровское I	5330±80	4340-3980	Ki-14498	Керамика с насечками	Волго-камская	Выборнов, 2008, с. 246
22	Кочуровское I	5260±80	4260-3940	Ki-14499	Керамика с зубчатым штампом	Волго-камская	Выборнов, 2008, с. 246
23	Кочуровское IV	5170±90	4250-3700	Ki-15107	Керамика гребенчатая	Камская	Выборнов, 2008, с. 246
24	Мысы I	5635±90	4691-4335	Ki-15443	Гребенчато-ямочная	Ямочно-гребенчатая	Выборнов, 2008, с. 247

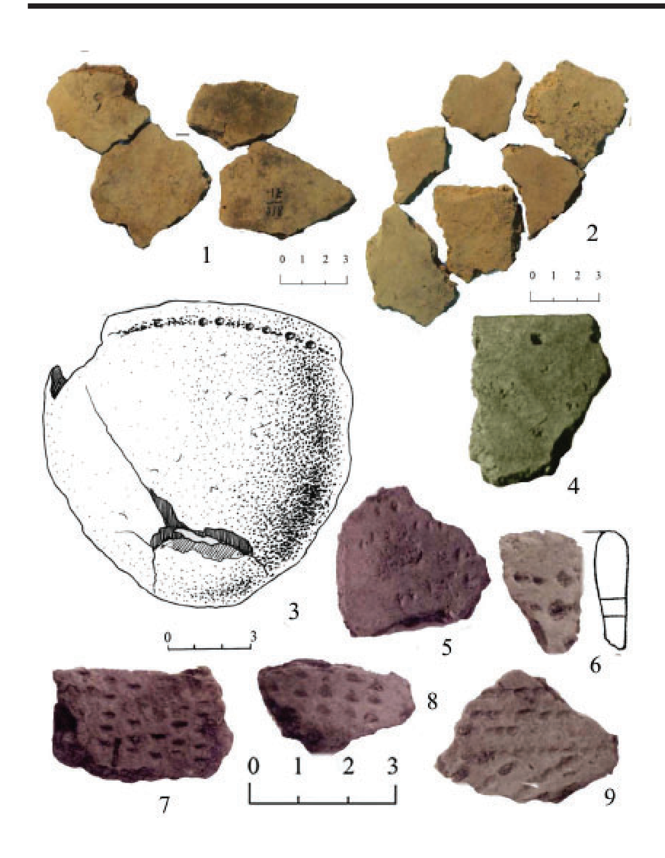

Рис. 2. Неорнаментированная керамика: Кыйлуд II (1, 4); Усть-Шижма I (2); Кыйлуд III (3). Керамика с накольчатым орнаментом: Кошкинская стоянка (5-9).
Fig. 2. Undecorated ceramics: Kyylud II (1, 4); Ust-Shizhma I (2); Kyylud III (3). Stroke-ornamented ware: Koshkino campsite (5-9).

мика, которая также хронологически неоднородна. Более поздняя группа украшена преимущественно плотными строчками треугольных наколов, «отступающей палочкой», насечками и тонкими прочерченными линиями. Сосуды с прямыми или слабопрофилированными венчиками, плоскодонные. Орнамент занимает верхнюю часть или чуть больше половины сосуда, орнаментальный пояс имеется в придонной части и на плоском дне. Толщина стенок сосудов 0,7 см, плоские днища утолщены до 1,2–1,5 см (рис. 3).

Практически на каждом памятнике с накольчатой посудой раннего и развитого этапов присутствуют венчики и стенки от неорнаментированных сосудов. Обе группы сходны по технико-технологическим показателям. Близкие даты получены по неорнаментированным стенкам сосуда (5308–4807 cal BC) и накольчатой посуде (5300–5009 cal BC) стоянки Усть-Шижма I (табл. 1). Скорее всего, это обусловлено близкими контактами их носителей на ранних этапах сосуществования культур в середине – второй половине VI тыс. до н. э. и далее сохранением традиции в среде населения с накольчатой керамикой.

На развитом этапе наблюдается постепенная трансформация накольчатой техники орнаментации в сторону ее усложнения и некоторого заимствования технологии изготовления сосудов и способов нанесения орнамента у населения камской культуры. Появляются сосуды прикрытой формы. С внутренней стороны венчиков, хотя и в единичных случаях, имеются наплывы. В орнаментации прослеживаются композиции из геометрических элементов орнамента – прямоугольников, треугольников; диагонального размещения узора. Один из сосудов стоянки Чумойтло I, по форме близкий камской культуре, но украшенный в накольчатой технике, датирован Ki-14439: 5720 ± 90 BP (4770–4363 cal BC) (рис. 4: 8).

Наиболее представительная коллекция посуды развитого этапа получена на Кочуровском I поселении (рис. 4: 1–5). Сосуд, украшенный в технике накола, датирован Ki-14498: 5330 ± 80 BP (4340–3980 cal BC) (рис. 4: 7). На этом же памятнике сосуд, орнаментированный тонким зубчатым штампом, имеет дату Ki-14498: 5260 ± 80 BP (4260–3940 cal BC) (рис. 4: 6).

Керамика с гребенчатой орнаментацией бассейна р. Вятки относится к камской культуре, но имеет свои достаточно хорошо выраженные региональные особенности. Ранний этап камской культуры представлен памятниками Тархан I, Усть-Шижма I, Среднее Шадбегово I, датированными по керамике в пределах 5469–4783 cal BC (табл. 1) (рис. 5: 1–3). Посуда изготовлена из глин с включениями шамота и органических примесей; толщина стенок сосудов преимущественно 0,8–1,0 см. Сосуды с прямыми стенками, коническим дном. На венчиках встречаются ямки-проколы. Орнаментация состоит из рядов гребенчатого штампа, украшающих всю поверхность сосудов. На стоянке Тархан I найден сосуд, украшенный треугольниками, выполненными коротким овальным штампом и обрамленными рядами узкого и длинного штампа (Гусенцова, 1993, рис. 59: 1, 9, 11).

На развитом этапе культуры изменяется фНа развитом этапе культуры изменяется форма и орнаментация посуды. Верхняя часть сосудов прикрыта или прямая; венчики уплощенные, приостренные или округлые, редко встречается наплыв на внутренней стороне

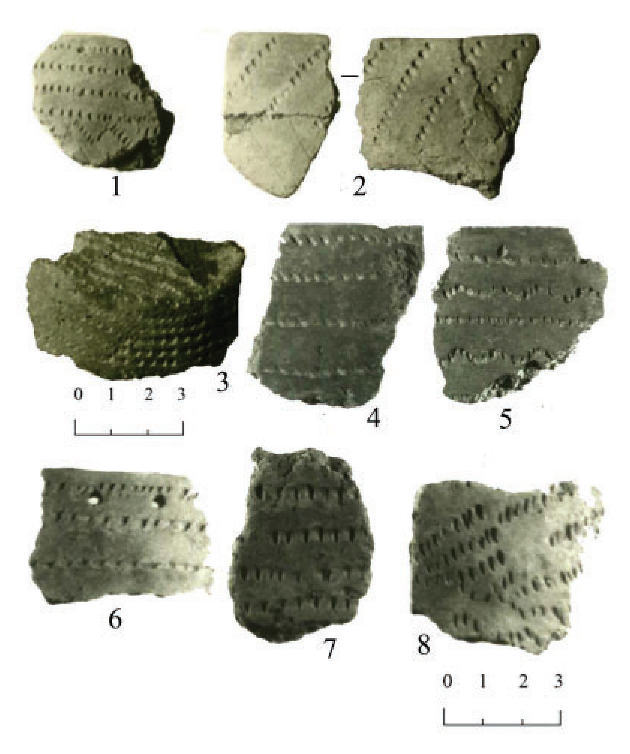

Рис. 3. Керамика с накольчатым орнаментом: Кыйлуд II (1-4); Моторки II (5-8).
Fig. 3. Stroke-ornamented ware: Kyylud II (1-4); Motorki II (5-8).

венчика. Днища конической или округлой формы. Очевидно, фактором взаимовлияния двух культурных традиции является появление плоскодонного сосуда на Чумойтло I, украшенного коротким гребенчатым штампом, включая придонную часть (Гусенцова, 1993, рис. 75: 5–6). Для орнаментации использовались прямой короткий или удлиненный либо овальный короткий штампы, весьма немногочисленная «шагающая гребенка» (рис. 5: 4–5). Орнамент, как правило, покрывает все тулово сосуда, включая дно. Ниже венчиков обычно расположена богато украшенная бордюрная зона, иногда со сквозными ямками (рис. 5: 6). Тулово украшено прямыми рядами штампа, «елочкой», сложным геометрическим узором – треугольниками, прямоугольниками, образующими «плетенку», разделенными на зоны короткими отпечатками, нанесенными углом штампа, горизонтальными двойными линиями. Несколько выделяются два сосуда поселения Кыйлуд III, орнаментальные композиции которых состоят из двух частей, украшенных в разном стиле, а на одном из них оставлено неорнаментированным дно (рис. 5: 6). Отдельные сосуды на памятниках орнаментированы неглубокими ямчатыми вдавлениями овальной формы – Кыйлуд III, Чумойтло I (Гусенцова, 1993, рис. 35: 14; 76: 10).

Наиболее ранняя дата для памятников развитого этапа получена для образца керамики, украшенного сплошными рядами штампа на стоянке Кыйлуд III – Ki-14438: 5820 ± 90 BP (4897–4463 cal BC) (рис. 5: 4). По времени она близка одной из дат гребенчатой керамики Среднее Шадбегово I – SPb-2727: 5797 ± 110 BP (4783–4531 cal BC) (Лычагина и др., 2021, с. 40). Для сосуда с «шагающей гребенкой» Чумойтло I получена дата AMS – Hela-3114: 5544 ± 42 BP (4460–4330 cal BC) (Выборнов и др., 2014). Сосуд с гребенчатым орнаментом Кочуровского IV поселения датирован – Ki-14906: 5360 ± 80 BP (4350–3990 cal BC) (рис. 5: 5). На этом же памятнике датирован сосуд, орнаментированный рядами короткой и широкой «шагающей гребенки» в сочетании с овальными вдавлениями, –Ki-15107: 5170 ± 90 BP (4250–370 cal BC) (рис. 4: 9).

Рис. 4. Керамика. Кочуровское I (1-5, 7 – накольчатая; 6 – зубчатый штамп; 9 – «шагающая гребенка»); Чумойтло I (8 накольчатая).
Fig. 4. Ceramics. Kochurovskoye I (1-5, 7 – stroke-ornamented; 6 – dentils; 9 – "walking comb"); Chumoitlo I (8 – stroke-ornamented).

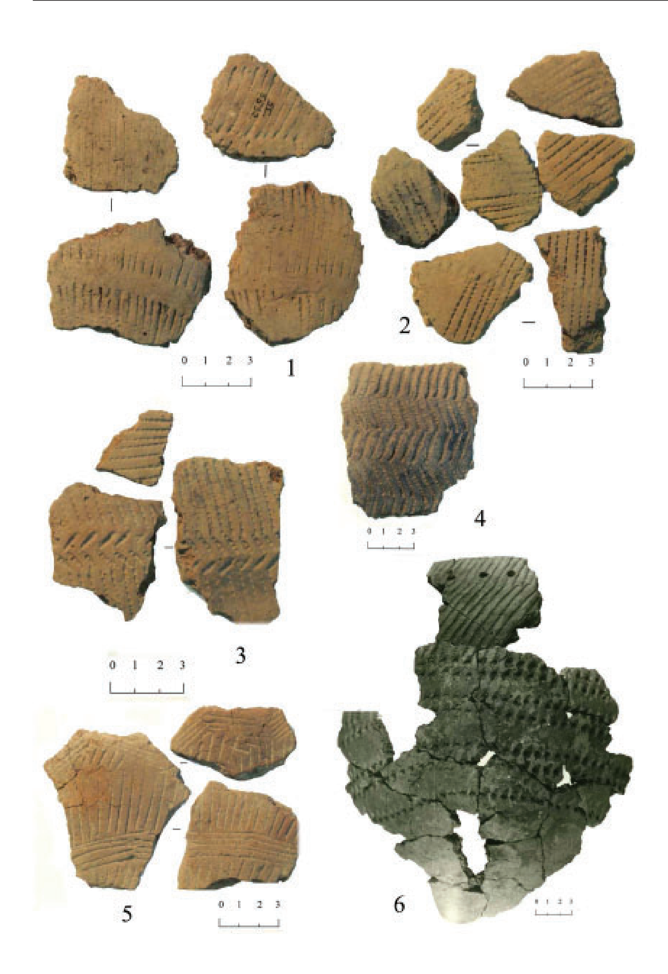

Рис. 5. Керамика с гребенчатым орнаментом: Среднее Шадбегово I (1); Усть-Шижма I (2); Тархан I (3); Кыйлуд III (4, 6); Кочуровское IV (5).
Fig. 5. Combed ware: Middle Shadbegovo I (1); Ust-Shizhma I (2); Tarkhan I (3); Kyilud III (4, 6); Kochurovskoye IV (5).

свободные зоны. Два сосуда украшены валиком по венчику (Гусенцова, 1993, с. 105) (рис. 6: 8). На поселении Мысы I, расположенном на правобережном притоке р. Вятки, керамика насчитывает около 200 фрагментов от 4–5 сосудов. Глиняное тесто изготовлено с шамотом и органикой, толщина стенок 0,1–0,12 см. Венчики сосудов слегка отогнуты наружу или прямые, на одном из них прослеживается воротничок (рис. 6: 1, 3–6). Сосуды украшены плотными рядами прямого или наклонного гребенчатого штампа, подчеркнутого рядами круглых ямок, оставляющих негативы-«жемчужины» с внутренней стороны. Специфическая коллекция каменного инвентаря, где превалируют продукты первичного расщепления камня: пренуклеусы, нуклусы и сколы с них, пластинчатые отщепы. Орудий немного: пластинки с ретушью и без

На ряде памятников присутствует керамика с гребенчато-ямочным орнаментом (Моторки II, Ботыли III–IV, Мысы I). Посуда каждого из них имеет свои отличительные особенности. На Моторках II орнаментация сосуда сочетает ряды ямок, разделяющих на стенках зоны вертикального штампа, в придонной части и на дне – «шагающей гребенки» (Гусенцова, 1993, рис. 67). Единственный сосуд на Ботыли III содержит в глиняном тесте примесь дресвы, как на посуде культуры ямочно-гребенчатой керамики. Орнамент нанесен ямками конической формы, отделяющими зоны горизонтального и наклонного штампа (Гусенцова, 1993, рис. 26: 1, 4–5). Среди керамики стоянки Ботыли IV выделено несколько сосудов с примесью шамота, украшенных сочетаниями ямок с отпечатками наклонного штампа; «шагающей гребенки» с коротким шагом; овальными рядами штампа, образующего

Рис. 6. Керамика с гребенчатото-ямочным орнаментом: Мысы I (1-3, 7); Ботыли IV (8).
Fig. 6. Dotted-and-combed ware: Mysy I (1-3-7); Botyli IV (8).

неё, скребки, обломки наконечников стрел и два ножа на плитках кремня. По воротничковой керамике Мысы I получена дата Ki-15443: 5635 ± 90 BP (4691–4335 cal BC) (Выборнов, 2008, с. 246). Аналогичные даты известны для гребенчато-ямочной керамики Старо-Мазиковской III стоянки – Ki-14422: 5635 ± 80 BP (4690–4330 cal BC) и ямочно-гребенчатой керамики Галанкина Гора II – Ki-15733: 5610 ± 80 BP (4680–4320 cal BC), воротничковой Непряха VI – SPb-2369: 5652 ± 120 BP (4611–4358 cal BC) (Выборнов, Никитин, 2016, с. 128; Лычагина и др., 2021, с. 40).

В целом неолит р. Вятки по основным показателям входит в круг культур обширной территории Волго-Камья – волго-камской и камской, с относительно устоявшимися характерными признаками материальной культуры и хронологией. Вместе с тем для каждого региона существуют свои культурно-хронологические особенности. Неолитизация бассейна р. Вятки началась с появления первых носителей неорнаментированной керамики в начале – первой половине VI тыс. до н. э. В близком диапазоне существовали памятники, оставленные населением с накольчатой керамикой – середина – вторая половина VI тыс. до н. э. Происхождение населения с неорнаментированной и ранней традицией накольчатой керамики (волго-камская культура) связывают с лесостепным Поволжьем (елшанская культура) и Средней Волгой. Традиция изготовления неолитической керамики с накольчатой орнаментацией с некоторой трансформацией в орнаментации и форме посуды сохранилась, очевидно, до второй половины V тыс. до н. э.

Датировки камской гребенчатой керамики указывают на ее более позднее появление – вторая половина VI тыс. до н. э. Развитой этап датирован началом – второй половиной V тыс. до н. э.

Комплексы волго-камской и камской культуры чаще всего встречаются на одних памятниках. На развитом этапе в керамике обеих культур присутствуют отдельные следы взаимовлияния, при этом каждая культура сохраняет свою традицию способа нанесения орнамента (наколами или гребенчатым штампом). На этом же этапе посуда обеих культур становится более сходной с материалами Нижнего Прикамья.

Появление в регионе посуды, украшенной гребенчато-ямочным орнаментом, и воротничковой отражает контакты или проникновение в среду населения камской культуры носителей ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья и самарской из лесостепного Поволжья (Лычагина и др., 2021).

ЛИТЕРАТУРА

Батуева Н.С., Гусенцова Т.М. Ранние неолитические комплексы Камско-Вятского междуречья (по материалам Кошкинской стоянки) // Актуальная археология 5. Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых (13-16 апреля 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. К.В. Кончук. СПб.: ООО «Невская типография», 2020. С. 178–181.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В, Гречкина Т.Ю., Лычагина Е.Л., Наумов А.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита – энеолита Волго-Камья // Известия СНЦ РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 242–248.

Выборнов А.А., Никитин В.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123–128.

Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Удм. Ун-тет. 1993. 237 с.

Лычагина Е.Л. Радиоуглеродная хронология неолита Верхнего и Среднего Прикамья и Камско-Вятского междуречья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 140–158.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Новые данные по хронологии неолита бассейна р. Камы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1 (52). С. 35–48.

Информация об авторе:

Гусенцова Татьяна Матвеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник; АНО НИИ культурного и природного наследия (г. Санкт-Петербург, Россия); ddut@mail.ru

REFERENCES

Batueva, N. S., Gusentsova, T. M. 2020 In Konochuk, K. V. (ed.) *Aktual'naia arkheologiia: kompleksnye issledovaniia v arkheologii (Current Archaeology: Comprehensive Studies in Archaeology*) 5. Saint Petersburg: "Nevskaya Tipografi-ya" Publ., 178–181 (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Andreev, K. M. Baratskov, A. V., Grechkina, T. Yu., Lychagina, E. L, Naumov, A. G., Zaitseva, G. I., Kulkova, M. A., Goslar, T., Oinonen, M., Possnert, G. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 16 (3), 242–248 (in Russian).

Vybornov, A. A., Nikitin, V. V. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 123–128 (in Russian).

Gusentsova, T. M. 1993. *Mezolit i neolit Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Mesolithic and Neolithic of the Kama-Viatka Interfluve)*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).

Lychagina, E. L. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 140–158 (in Russian).

Lychagina, E. L., Vybornov, A. A., Kulkova, M. A. 2021. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 52 (1), 35–48 (in Russian).

About the Author:

Gusentsova Tatiana M. Candidate of Historical Sciences, ANO Research Institute of Cultural and Natural Heritage. Dekabristov lane., St. Petersburg, 199155, Russian Federation; ddut@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.184.194

ПАМЯТНИКИ КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРНОМ ПРИКАМЬЕ[1]

© 2024 г. Е.Л. Лычагина, Н.С. Батуева, Д.А. Демаков

В статье дана характеристика памятников камской неолитической культуры, расположенных на севере Пермского края. В регионе известно 17 таких памятников. Они сконцентрированы в двух районах: окрестностях озера Чусовское и в среднем течении р. Вишера. К особенностям расположения памятников можно отнести их нахождение на берегах рек четвертого порядка и озёр не старичного происхождения. Для Северного Прикамья характерны кратковременные стоянки охотников и рыболовов с очагами и, возможно, легкими наземными постройками типа шалаша. Керамические комплексы представлены толстостенными сосудами полуяйцевидной формы, орнаментированными гребенчатым штампом в техниках прокатывания, шагания и оттискивания. Для каменной индустрии характерно использование местного сырья для изготовления орудий, отщепово-пластинчатая индустрия, разнообразие форм вторичной обработки при стандартном наборе основных орудий труда. Время существования памятников камской неолитической культуры в регионе может относиться ко второй половине VI – первой половине V тыс. до н.э. Стоянки Хомутовское болото I–II могут служить в качестве эталона для данной культуры.

Ключевые слова: археология, неолит, верхняя Кама, камская культура, очаги, керамика, каменный инвентарь, хронология.

SITES OF THE KAMA NEOLITHIC CULTURE IN THE NORTHERN KAMA REGION[2]

E.L. Lychagina, N.S. Batueva, D.A. Demakov

The article provides a description of the sites of the Kama Neolithic culture located in the north of the Perm region. There are 17 such sites, discovered in the region. They are concentrated in two areas: nearby Lake Chusovskoye and in the middle part of the Vishera River. The peculiarities of the location of the sites include their location on the banks of the 4th order rivers and lakes of non-oxbow origin. The Northern Kama region is characterized by short-term campsites of hunters and fishermen with fireplaces and, possibly, ground-based construction such as huts. The pottery assemblages are represented by thick-walled semi-ovoid-shaped ware, decorated with a combed stamp, made by rolling, stepping and stamping techniques. The stone industry is characterized by the use of local raw materials for the manufacture of tools, the flake-blade industry and a variety of retouch with a standard set of basic tools. The Kama Neolithic culture sites in the region date back to the second half of the VI - first half of the V millennium BC. The Khomutovskoe boloto I–II sites can serve as a standard for this culture.

Keywords: archaeology, Neolithic, Upper Kama, Kama culture, fireplaces, pottery, stone tools, chronology

Введение

Под Северным Прикамьем понимается обширный регион верхней Камы в пределах северных районов Пермского края (Гайнский, Косинский, Чердынский, Красновишерский, частично Соликамский) вплоть до устья р. Вишеры (рис. 1). Особенностью данного района является то, что неолитические памятники практически отсутствуют на берегах основной водной артерии региона – р. Камы. Это может быть связано с интенсивным блужданием ее русла в ходе природно-климатических изменений. Оно размывало не только пойменные берега, но даже уступы надпойменных террас, вследствие чего неолитические памятники с большой вероятностью

[1] Работа проведена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023 «Предуральская модель освоения пространства в древности и средние века: основные этапы взаимодействия природы и человека», https://rscf.ru/project/23-68-10023/

[2] The work was supported by the RSF grant № 23-68-10023 “The Cis-Ural model of space exploration in antiquity and the Middle Ages: the main stages of interaction between nature and man”, https://rscf.ru/project/23-68-10023/

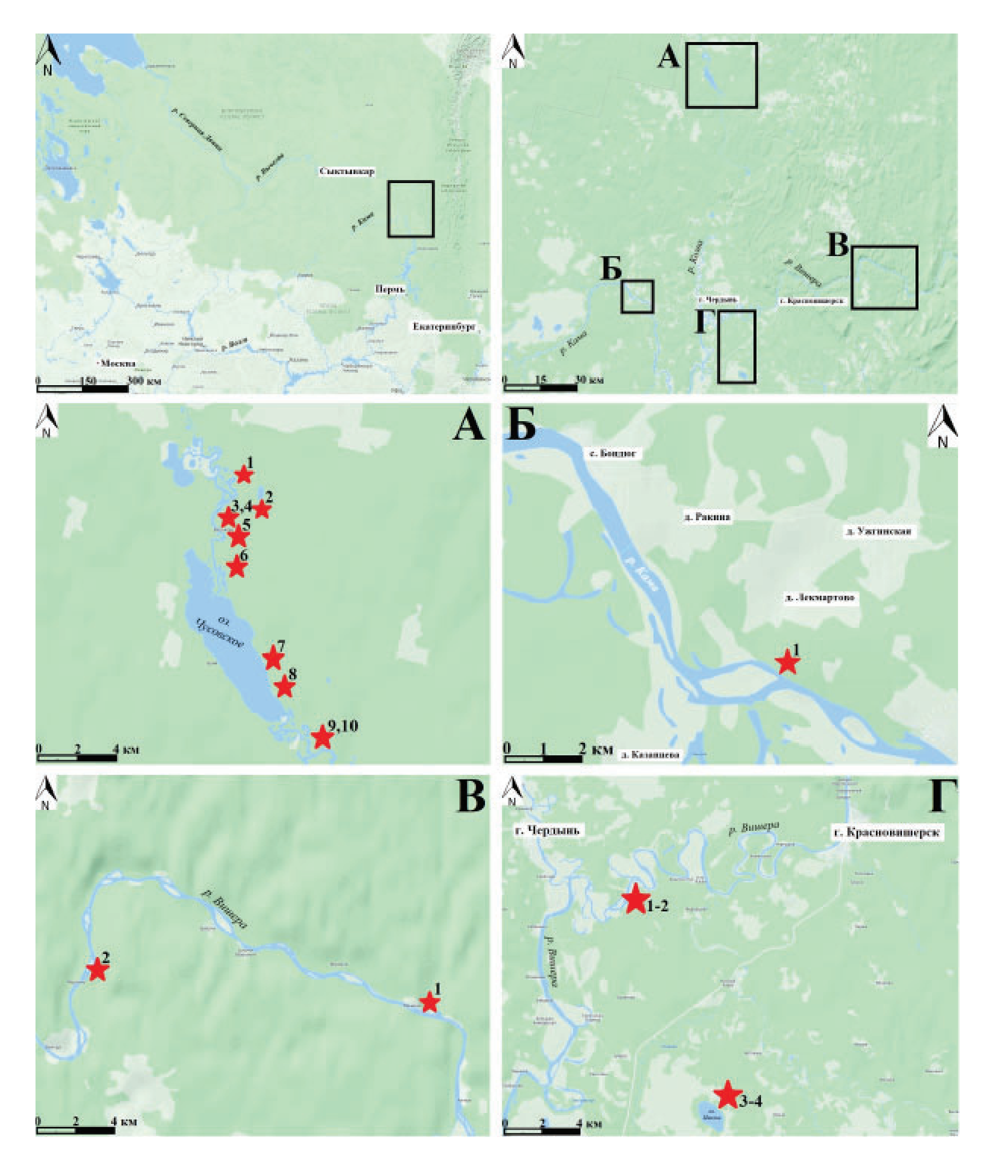

Рис. 1. Район исследования. А: 1 – Долгое озеро I, поселение; 2 – Чащевое веретье I, поселение; 3 – Васюково II, поселение; 4 – Васюково I, поселение; 5 – Чирва II, поселение; 6 – Поздеевское Озеро I, стоянка; 7 – Средняя I, поселение; 8 – Еловый Носок I, стоянка; 9 – Ларевка I, стоянка-селище; 10 – Ларевка II, поселение. Б: 1 – Лекмартово III, стоянка. В: 1 – Святилище у Писанного камня; 2 – Камень Дыроватый, стоянка. Г: 1 – Хомутовское болото I, стоянка; 2 – Хомутовское болото II, стоянка; 3 – Нюхти I, стоянка; 4 – Нюхти II, стоянка.

Fig. 1. Study area. A: 1 – Dolgoe ozero I, settlement; 2 – Chashchevoye Veretie I, settlement; 3 – Vasyukovo II, settlement; 4 – Vasyukovo I, settlement; 5 – Chirva II, settlement; 6 – Pozdeevskoe ozero I, site; 7 – Srednaya I, settlement; 8 – Yelovyi nosok I, site; 9 – Larevka I, settlement; 1 – Larevka II, settlement. Б: 1 – Lyokmartovo III, campsite. B: 1 – Sanctuary at the Pisanyi Kamen; 2 – Kamen Dyrovaty, campsite. Г: 1 – Khomutovskoe boloto I, campsite; 2 – Khomutovskoe boloto II, campsite; 3 – Nyukhti I, campsite; 4 – Nyukhti II, campsite.

были разрушены (Демаков, Лычагина, 2019, с. 114). Единственный известный неолитический памятник камской культуры, находящийся непосредственно на верхней Каме – стоянка Лёкмартово III (рис. 1: Б), расположен на высокой второй надпойменной террасе реки (Лычагина и др., 2021, с. 16).

Всего в районе исследования известно 17 памятников, которые содержат материалы камской неолитической культуры. При отнесении того или иного памятника к камской неолитической культуре, мы в первую очередь опирались на наличие на нем плотной керамики с примесью шамота в формовочной массе, орнаментированной гребенчатым штампом, остальные признаки носили вспомогательный характер.

Большинство памятников камской неолитической культуры сконцентрировано в двух группах (рис. 1). Первая (10 памятников)

сосредоточена на берегах р. Березовки в районе Чусовского озера – Чусовская группа (рис. 1: А). По-видимому, озеро находилось на пути миграций древних людей из бассейна Камы в бассейн Печоры и обратно. Все памятники приурочены к левому берегу реки и озера и расположены на песчаных боровых террасах. Часть поселений в настоящее время находится на берегах старичных озер на определенном отдалении от современного русла р. Березовки (Демаков, 2020, с. 26).

Вторая группа памятников связана со средним течением р. Вишеры (Вишерская группа) (рис. 1: В–Г). В правобережье среднего течения Вишеры находится святилище у Писанного камня, расположенное непосредственно на каменистом останце, а в левобережье – жертвенное место в гроте Камень Дыроватый (Майстренко и др., 2012, с. 102–104). Особый интерес в данном районе вызывают стоянки, приуроченные к заболоченному в настоящее время древнему палеоруслу, – Хомутовское болото I, Хомутовское болото II и стоянки на озере Нюхти (Денисов и др., 2013, с. 68–69).

Северное Прикамье привлекает внимание по двум причинам. Через бассейн верхней Камы и Вишеры создавался естественный маршрут для передвижения древнего человека в меридиональном направлении. Именно через этот регион шло проникновение носителей камской культурной традиции на Европейский Северо-Восток. Второй причиной является возможность сохранения здесь «чистых» памятников камской культуры, не испытавших инородного воздействия.

История изучения

Памятники в районе Чусовского озера и р. Березовки были открыты в 1960-е гг. Изучались В.П. Денисовым и В.А. Обориным в 1963–1966 гг. и 1973–1974 гг. Крупные раскопки были проведены на таких памятниках, как: Васюково II, Чирва II, Ларёвка I, Поздеевское Озеро I. В это же время В.П. Денисовым была изучена стоянка Лёкмартово III (Денисов и др., 2013, с. 66). Раскопки показали, что все изученные памятники являются многослойными и на них, наряду с неолитическим слоем, присутствуют материалы энеолита, бронзового и железного веков.

В бассейне средней Вишеры на святилище Камень Писаный впервые комплекс камской неолитической культуры был выделен О.Н. Бадером в ходе исследований 1949 г. (Бадер, 1954, с. 247). Работы А.Ф. Мельничука, проведенные в конце прошлого века, подтвердили наличие комплекса, относящегося к камской неолитической культуре, на данном святилище (Майстренко и др., 2012, с. 103).

В 1998 г. А.Ф. Мельничуком был обнаружен еще один жертвенный комплекс, относящийся к камской неолитической культуре, – в гроте Камень Дыроватый. В нем находился развал крупного сосуда, относящегося к камской культуре (Майстренко и др., 2012, с. 104).

Под руководством этого же исследователя в 2010, 2013 гг. были открыты и изучены на небольшой площади стоянки Хомутовское болото I, Хомутовское болото II и Нюхти I, Нюхти II (Денисов и др., 2013, с. 68–69; Мельничук и др., 2018, с. 49–50).

Последние исследования стоянок, расположенных на Хомутовском болоте, были проведены Д.А. Демаковым и Е.Л. Лычагиной в 2023 г.

Особенности расположения памятников

Большинство памятников находится на берегах рек (13 объектов). Однако особый интерес вызывает расположение четырех объектов на берегах проточных озер нестаричного происхождения, что характерно исключительно для Северного Прикамья, южнее памятники на таких озерах неизвестны (рис. 1).

Как уже упоминалось, непосредственно на р. Каме известен только один памятник (Лёкмартово III, стоянка). Еще четыре объекта расположены на берегах р. Вишеры, которая по отношению к Каме является притоком первого порядка. Остальные памятники занимают берега рек четвертого и пятого порядков (7 и 1 соответственно) и связаны с котловиной Чусовского озера (рис. 1).

Объекты на реках четвертого и пятого порядков находятся в их нижнем течении, на р. Вишере в среднем течении, а на р. Каме – в ее верховьях.

По отношению к берегам рек левобережное расположение преобладает над правобережным. Памятники на озерах в подавляющем большинстве занимают северо-восточные берега (три объекта), и лишь один из них находится на юго-восточном берегу.

Изучаемые объекты в основном занимают площадки террас высотой от 2 до 5 м над уровнем ближайшего водоема. Также встречается расположение на дюнах и мысах, в пойме.

По высоте расположения выбивается стоянка Лёкмартово III, занимающая левобережную террасу р. Камы на высоте 13–18 м. От ближайших водотоков памятники в основном удалены не более чем на 300 м, исключения здесь составляют объекты, расположенные на берегах старичных озер и заросших проток.

Памятники находятся в светлохвойных и смешанных лесах, в пойменных и подзолистых почвах.

Анализ источников

К сожалению, информационные возможности большинства неолитических памятников региона ограничены. Так, из 10 памятников Чусовской группы раскопки проводились только на четырех, и во всех случаях речь шла о многослойных поселениях, на которых комплекс камской неолитической культуры выделен типологически (Денисов и др., 2013, с. 66). Схожая ситуация наблюдается и на единственном памятнике, расположенном непосредственно на берегу р. Камы – стоянке Лёкмартово III. Здесь, наряду с неолитическим комплексом в одном слое встречаются материалы бронзового и железного века (Денисов, 1964).

Часть памятников Вишерской группы представлена жертвенными комплексами на святилищах, обладающих своеобразным набором артефактов. В частности, на памятнике Камень Дыроватый были обнаружены кости животных, фрагмент перламутровой бусины и развал сосуда, относящегося к камской культуре. Изделия из камня не обнаружены. На другом святилище – Камень Писаный – присутствуют материалы различных эпох, а каменный инвентарь в основном невыразительный (Майстренко и др., 2012, с. 102–104). Поэтому его нельзя однозначно отнести к тому или иному хронологическому периоду.

Наиболее информативными являются памятники Хомутовское болото I, Хомутовское болото II и Нюхти I, Нюхти II. На всех стоянках присутствует только неолитический комплекс. Поэтому данные памятники можно рассматривать в качестве опорных при анализе северного варианта камской неолитической культуры.

Объекты

Остатков сооружений, которые можно было бы интерпретировать как жилые и относящиеся к камской культуре, обнаружено не было. Авторы раскопок памятников Чусовской группы отмечают, что ряд ям и прокалов, зафиксированных в нижней части культурного слоя, может быть связан как с периодом неолита, так и бронзового века (Оборин, 1967, с. 41–42).

Поэтому к объектам, безусловно относящимся к камской неолитической культуре, мы можем отнести только очаги, изученные на стоянках Хомутовское болото II и Нюхти I (рис. 2).

Очаг на стоянке Хомутовское болото II имел прямоугольную форму, размером 0,7×0,54 м. Его мощность достигала 0,3 м, заполнение состояло из красной прокаленной супеси (рис. 2: 1). В пределах объекта встречались мелкие чешуйки, осколки камня, фрагменты керамики камской культуры (Мельничук, 2014, с. 20).

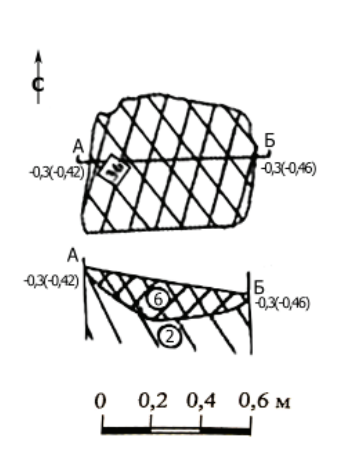
На стоянке Нюхти I были зафиксированы следы древней очажной ямы. Она имела подокруглую форму диаметром 0,44–0,46 м. Заполнение составил слой коричневой супеси с углями мощностью до 0,28 м (рис. 2: 2). В пределах ямы встречались мелкие чешуйки, осколки камня, фрагменты керамики. Вокруг данного объекта было сконцентрировано большинство находок, в том числе долотовидное орудие на пластине, фигурный нож, грузило (Мельничук, 2014, с. 27–28).

По всей видимости, для района исследований были характерны кратковременные стоянки охотников и рыболовов с очагами и, возможно, легкими наземными постройками типа шалаша.

Керамика

Керамические комплексы камской культуры с большинства памятников региона были изучены с помощью морфологического анализа (описаны внешние характеристики – толщина стенок, формы венчиков, орнамент и др.), часть материалов была подвержена технико-технологическому анализу – поселений Чирва II, Васюково II (Батуева и др., 2017, с. 9–18; Батуева, 2023), стоянок Хомутовское болото I и II, грота Камень Дыроватый (Майстренко и др., 2012, с. 102–110; Васильева, Выборнов, 2012, с. 33–50).

Морфологический анализ показал, что керамика в основном имеет песочные и коричневые цвета, нередко с серым или красным оттенком. Посуда толстостенна – толщина фрагментов колеблется от 0,6 см до 1,2 см, но преобладает свыше 0,8 см. По реконструированным сосудам можно отметить, что они имели полу-

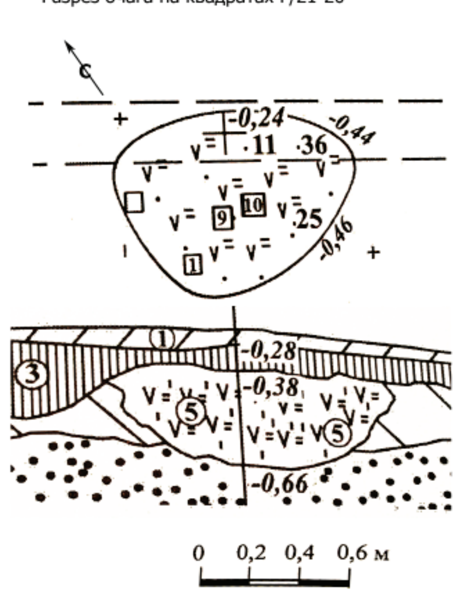

Рис. 2. Объекты на памятниках камской неолитической культуры Северного Прикамья: 1 – очаг на стоянке Хомутовское болото II; 2 – очажная яма на стоянке Нюхти I (по А.Ф. Мельничуку, 2013).
Fig. 2. Objects at the sites of the Kama Neolithic culture of the Northern Kama region: 1 – fireplace at the Khomutovskoye boloto II campsite; 2 – fire pit at the Nyukhti I campsite (according to A.F. Melnichuk, 2013).

яйцевидную форму, поверхность тщательно заглаживалось, часто фиксируются лощеные фрагменты – венчики, донышки, иногда лощение отмечается с внутренней стороны стенки верхней части сосуда. Венчики представлены различными формами: прямые с округлым торцом, прямые со скошенным торцом, с торцом, скошенным внутрь, со скошенным внутрь торцом и наплывом на внутренней стороне стенки (рис. 3).

Посуда имеет плотную орнаментацию гребенчатым штампом, который использовался в нескольких техниках при нанесении узора. Наиболее часто применялась техника прокатывания штампом (48%), чуть реже шагание (24%) и оттискивание (28%), нередко к гребенчатому орнаменту добавлялись ямки (19%) (рис. 3: 7). В единичном случае был зафиксирован орнамент, нанесенный гладким штампом в технике шагания (Васюково II, поселение) (рис. 3: 5).

Технико-технологический анализ проводился в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским. Данный подход основан на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании (Бобринский, 1978). Исследованию гончарной технологии были подвержены фрагменты от 19 сосудов с пяти памятников (табл. 1, 2). Технико-технологический анализ керамики таких памятников, как Хомутовское болото I и II, Васюково II, Чирва II, проводился на базе лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ, керамика стоянки Камень Дыроватый была изучена И.Н. Васильевой (Васильева, Выборнов, 2012, с. 33–50).

Результаты исследований показали, что посуда была изготовлена из илистых глин и глин, чаще всего отобранных в незапесоченном состоянии (79%). При изготовлении керамики сырье замешивалось в формовочную массу в естественно увлажненном (63%) и дробленом (37%) состояниях (табл. 1). В качестве искусственных примесей использовались шамот, органический раствор, песок и дробленая обожжённая сильноожелезненная глина (табл. 2). Стоит отметить, что рецепты формовочных масс «ИПС + шамот» и «ИПС + шамот + органический раствор» зафиксированы в керамике Северного Прикамья в равном соотношении, а остальные рецепты были зафиксированы единично. Также важным показателем является размерность такой примеси, как шамот. Из таблицы 2 мы можем отметить, что мелкодробленый (< 3 мм) и крупнодробленый (> 3 мм) шамот был зафиксирован в равном соотношении.

Таким образом, для керамики памятников Северного Прикамья характерны: толстостенность, форма венчиков разнообразна – от прямых с округлым торцом до скошенных внутрь с наплывом на внутренней стороне, сосуды имеют полуяйцевидную форму, их стенки тщательно заглаживались иногда

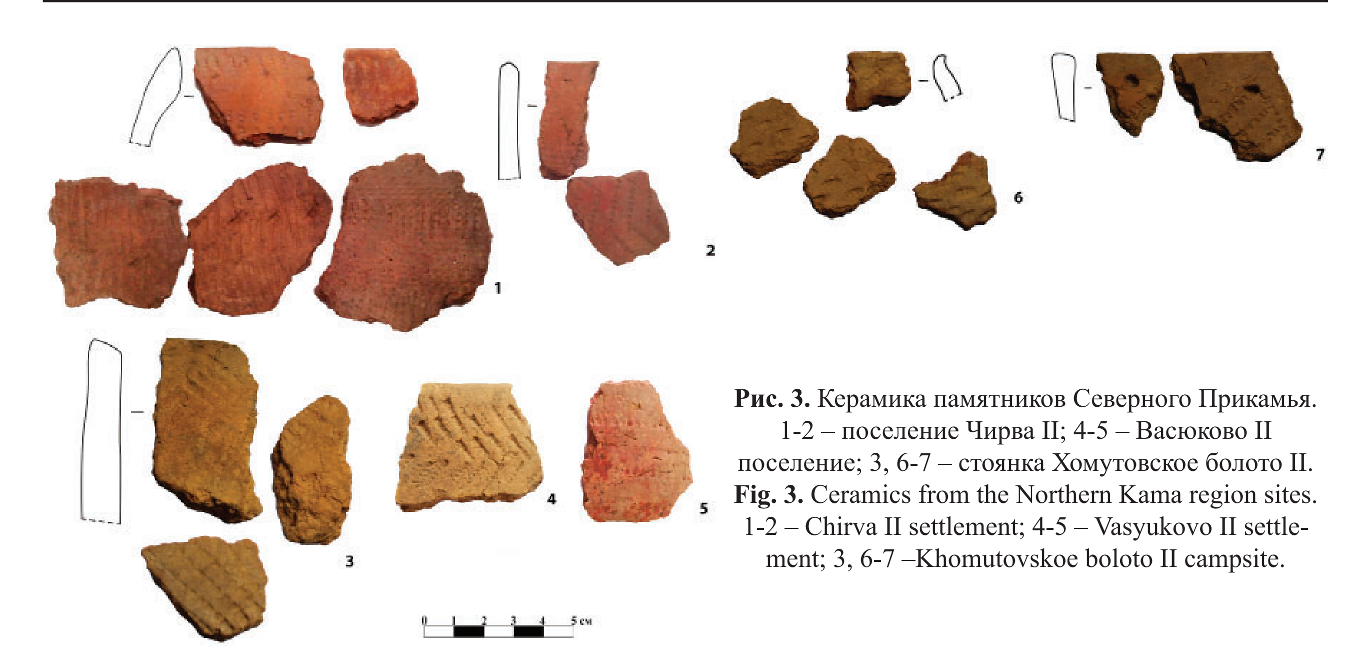

Рис. 3. Керамика памятников Северного Прикамья. 1-2 – поселение Чирва II; 4-5 – Васюково II поселение; 3, 6-7 – стоянка Хомутовское болото II.
Fig. 3. Ceramics from the Northern Kama region sites. 1-2 – Chirva II settlement; 4-5 – Vasyukovo II settlement; 3, 6-7 –Khomutovskoe boloto II campsite.

Таблица. 1. Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) неолитической керамики камской культуры Северного Прикамья
Table. 1. Results of the study of the initial raw material of the Kama culture Neolithic pottery in the Northern Kama region

	Исходное пластичное сырьё (ИПС)								Итого
	Илистые глины				Глины				
	незапесоченные		запесоченные		незапесоченные		запесоченные		
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	
1. Чирва II	3	-	-	-	2	-	1	-	6
2. Васюковское II	1	1	-	-	-	-	-	-	2
3. Хомутовское болото I	-	-	-	-	-	1	1	-	2
4. Хомутовское болото II	1	4	2	-	-	1	-	-	8
5. Грот Камень Дыроватый	1	-	-	-	-	-	-	-	1
ВСЕГО:	6	5	2	-	2	2	2	-	19/
	11		2		4		2		100%
	13/68%				6/32%				

Сокращения: увл. – сырье в увлажненном состоянии, др. с/с – дробление сухого сырья

Таблица. 2. Результаты изучения формовочных масс (ФМ) неолитической керамики камской культуры Северного Прикамья
Table. 2. Results of the study of molding masses of the Kama culture Neolithic pottery in the Northern Kama region

	Формовочные массы (ФМ)							Итого
	Ш		ОР+ Ш		ОР	Песок + шамот	ОР + др. глина	
	Ш <3 мм	Ш >3мм	Ш <3 мм	Ш >3 мм				
1. ЧирваII	-	-	4	1	1	-	-	6
2.Васюковское II	1	-	-	1	-	-	-	2
3. Хомутовское болото I	1	1	-	-	-	-	-	2
4. Хомутовское болото II	1	2	3	-	-	1	1	8
5. Грот Камень Дыроватый	-	-	-	1	-	-	-	1
ВСЕГО:	3	3	3	3	1/12%	1/12%	1/12%	19/
	6/32%		6/32%					100%

Сокращения: Ш – шамот, ОР – органический раствор, др. глина – дробленая обожжённая сильноожелезненная глина

Рис. 4. Каменный инвентарь стоянки Хомутовское болото II. А. Масштаб для орудий №1-10. Б. Масштаб для орудия №11. 1-2 – ножи; 3 – комбинированное орудие; 4 – скребок; 5 – скобель; 6 – нож; 7 – скребок; 8-9 – наконечники; 10 – шлифованное долото; 11 – молот с перехватом.
Fig. 4. Stone tools from the Khomutovskoe boloto II campsite. A. Scale for tools № 1-10. Scale for tool № 11. 1-2 – knives; 3 – combined tool; 4 – scraper; 5 – push-plane; 6 – knife; 7 – scraper; 8-9 – arrowheads; 10 – polished adze; 11 – hammer with interception.

лощились. Орнаментация плотная, узоры наносились гребенчатым штампом с помощью техник прокатывания, шагания и оттискивания. В качестве исходного пластичного сырья (ИПС) использовались незапесоченные илистые глины и глины, чаще замешанные в формовочную массу в естественно увлажненном состоянии. Ведущими рецептами формовочных масс являлись «ИПС + шамот» и «ИПС + шамот + органический раствор».

Полученные результаты анализов показывают, что комплексы посуды Северного Прикамья имеют характерные черты керамики камской культуры хуторского этапа (Батуева, 2023; Батуева, 2024).

Каменный инвентарь

При характеристике каменного инвентаря использовались преимущественно материалы стоянок, на которых был зафиксирован только однородный неолитический слой.

Петрографический анализ каменного сырья с памятников Хомутовское болото II и Васюково I показал, что в основном использовались кремневые породы – яшма, яшмоид (халцедоновый кремень), собственно кремень и кремнистый сланец. Для изготовления массивных орудий применялся песчаник. Все каменное сырьё имеет местное происхождение (Томилина и др., 2023, с. 154).

Кремневую индустрию памятников можно определить как отщепово-пластинчатую, где отщепы и орудия на отщепах лишь немногим превосходят изделия на пластинах. Несмотря на доступность каменного сырья, для данных комплексов характерна максимальная срабатываемость ядрищ. Это проявляется в практически полном отсутствии нуклеусов при наличии сколов подживления площадки, ребристых пластин, орудиях на сколах с нуклеусов и нуклевидных кусков (ядрищ с первичными сколами).

Техника вторичной обработки достаточно разнообразна. Преобладает краевая ретушь, которая использовалась при изготовлении ножей, скребков, скобелей. В то же время для изготовления наконечников стрел и ряда ножей применялась двусторонняя обработка (в том числе бифасиальная). В коллекциях

памятников также присутствуют изделия с резцовыми сколами. Техника резцового скола применялась как для изготовления орудий для резки твердых материалов (собственно резцов), так и для подготовки орудия к вставке в рукоять (технические резцовые сколы). Шлифованные орудия были найдены на стоянках Нюхти I и Хомутовское болото II, на последнем памятнике также обнаружено скопление шлифовальных плит из песчаника.

К основным формам орудий относятся: скребки, ножи, скобели, наконечники стрел, свёрла, долотовидные орудия, резцы. Из некремневых пород изготавливались тёсла, долота, топор, абразивы, шлифовальные плиты, грузила, отбойники.

Скребки чаще всего изготавливались на отщепах, но встречаются и на сколах с нуклеусов и пластинах. Преобладают концевые орудия подпрямоугольной, трапециевидной и овальной формы. Лезвия скребков оформлены крутой и полукрутой дорсальной ретушью, на некоторых экземплярах встречается вентральная ретушь или резцовый скол на аккомодационной части орудия, которые могли использоваться для крепления изделия в рукоять (рис. 4: 4, 7).

Ножи изготавливались как на пластинах, так и на отщепах. При оформлении режущего края преобладала дорсальная краевая ретушь, но встречается и вентральная (рис. 4: 1–2, 6). Часть орудий несет на себе двустороннюю обработку. К этой же группе можно отнести крупные сечения пластин с приостряющей ретушью по краю, которые могли использоваться в качестве вкладышей в составных орудиях.

В качестве скобелей могли служить пластины (в том числе ребристые) и отщепы с ретушированными выемками (рис. 4: 5). Для оформления рабочей поверхности чаще использовалась дорсальная ретушь, но встречается и вентральная, и двусторонняя. У ряда изделий фиксируется подработка с брюшка аккомодационной части.

Одним из маркеров комплексов каменного инвентаря камской неолитической культуры могут выступать наконечники стрел. В основном они небольшого размера (до 2 см в длину) ромбической или листовидной формы, обработаны двухсторонней покрывающей ретушью (рис. 4: 8–9). Однако единично встречены и черешковые наконечники на пластинах, у которых черешок обработан плоской вентральной ретушью.

В качестве свёрл использовались удлиненные сколы, подтреугольные в поперечном сечении. Долотовидные орудия изготавливались на отщепах и сколах прямоугольной формы. Как правило, они имели одно лезвие с двусторонней чешуйчатой подтеской.

Основная часть резцов – угловые на пластинах и удлиненных сколах с одним резцовым сколом. Хотя встречаются и многолезвийные орудия, серединные резцы, а также изделия, где резцовый скол использовался для оформления аккомодационной части орудия. В единичном случае встречен поперечноретушной резец.

Среди изделий из некремневых пород камня наибольший интерес представляют шлифованные тёсла и топор со стоянки Нюхти I, а также шлифованное долотце из хлоритового сланца и небольшой молот с перехватом со стоянки Хомутовское болото II (рис. 4: 10–11).

Таким образом, к характерным чертам описанного комплекса можно отнести следующее: использование исключительно местного сырья для изготовления орудий, отщепово-пластинчатая индустрия, разнообразие форм вторичной обработки при стандартном наборе основных орудий труда. С предыдущей, мезолитической эпохой этот комплекс связывает наличие значительного количества орудий на правильных пластинах, в том числе на сечениях, угловых резцов, ножей на пластинах с краевой ретушью. К характерным для неолита изделиям можно отнести ножи и наконечники стрел с двусторонней обработкой, шлифованные изделия.

Хронология

Для неолитических памятников данной группы имеется две радиоуглеродные даты (Лычагина, 2020, с. 354). Обе получены по органике в керамике. Дата по поселению Чирва II – 6158 ± 150 BP (SPb-741 (1σ 5300–4930, 2σ 5500–4700)) – свидетельствует о возможности появления носителей камской неолитической культуры в регионе уже во второй половине VI тыс. до н. э.

С другой стороны, дата поселения Васюково II – 5270 ± 80 BP (Ki-16857 (1σ 4230–4190, 2 σ 4260–3950)), учитывая схожесть керамических комплексов обоих памятников, выглядит омоложенной.

Мы полагаем, что время существования памятников камской неолитической культуры в регионе может относиться ко второй половине VI – первой половине V тыс. до н. э. Однако это необходимо подтвердить получением новых датировок по опорным памятникам региона – Хомутовское болото I, Хомутовское болото II, Нюхти I.

Заключение

Несмотря на то, что первые памятники камской неолитической культуры в регионе были изучены еще в середине прошлого века, корпус имеющихся на сегодняшний день источников является недостаточным. Так, нам практически неизвестны жилые и иные объекты, которые мы могли бы связать с данной культурой. Большинство памятников, в том числе опорных, не имеют радиоуглеродных дат, а имеющиеся даты подвергаются справедливой критике.

С другой стороны, нахождение Северного Прикамья рядом с Крайним Северо-Востоком Европы и трансуральскими магистралями (р. Вишера и ее притоки) делает этот регион ключевым для изучения вопросов формирования камской неолитической культуры и ее дальнейшего распространения, в частности вопроса о происхождении камской керамической традиции и роли в ее формировании западносибирских керамических комплексов еттовского типа. Актуальным является и вопрос о проникновении памятников камского типа на Крайний Северо-Восток Европы – путях, хронологических рамках и т. д.

Для решения этих вопросов необходимо продолжение исследования «чистых» неолитических комплексов в среднем течении р. Вишеры, в том числе с помощью методов естественных наук. Также необходим анализ информационных возможностей многослойных памятников Чусовской группы и поиск новых неолитических объектов с высоким информационным потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н. Жертвенное место под камнем Писаным на р. Вишере // СА. Вып. XXI / Отв. ред. А.Я. Брюсов. М.; Л.: АН СССР, 1954. С. 241–258.

Батуева Н.С. Традиции отбора сырья и составления формовочных масс керамических сосудов у населения Среднего Предуралья в эпоху неолита. Дисс… канд. ист. наук. СПб., 2023. 422 с.

Батуева Н.С. Неолитические керамические комплексы Верхнего и Среднего Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. В печати.

Батуева Н.С., Лычагина Е.Л., Жукова О.В. Неолитический керамический комплекс поселения Чирва II // Труды КАЭЭ. Вып. XIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2017. С. 9–18.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 73–83.

Васильева И.Н. Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 33–50.

Денисов В.П. Отчет об археологических разведках и раскопках, проведенных Чердынским отрядом Верхне-Камской Археологической Экспедиции в июне-июле 1963 г. Пермь, 1964 // Архив ИА РАН. Р-1 № 2667.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Бурмасов М.С., Чурилов Э.В. Неолит Северного Прикамья. Итоги изучения // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества. XIV Бадеровские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конфереии / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. С. 66–71.

Демаков Д.А. Заселение древним человеком берегов Чусовского озера и р. Березовки в голоцене // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 6 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмНЦ СО РАН, 2020. С. 26–29.

Демаков Д.А., Лычагина Е.Л. Освоение бассейна Верхней и Средней Камы в неолите // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 113–119.

Демаков Д.А., Лычагина Е.Л. Природно-географические особенности расположения памятников камской и волго-камской неолитических культур в Верхнем и Среднем Прикамье // Труды КАЭЭ. Вып. XXI / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2022. С. 21–33.

Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: ПГГПУ, 2020. 364 с.

Лычагина Е.Л., Демаков Д.А., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Копытов С.В., Лаптева Е.Г., Трофимова С.С. Среда обитания древнего человека в бассейне Верхней Камы: опыт реконструкции // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 5–19.

Майстренко Д.А. Мельничук А.Ф., Изосимов Д.А., Чурилов Э.В., Балыбердина П.А. Нео-энеолитические памятники Пермского Предуралья, удаленные от долины р. Камы // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 102–110.

Мельничук А.Ф. Отчет об археологических полевых работах на территории Красновишерского района Пермского края в 2013 г. // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 450.

Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В., Карманов В.Н. Неолит бассейна р. Вишеры Пермского края // XXI Уральское археологическое совещание / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ; Порто-Принт. 2018. С. 49–51.

Оборин В.А. Отчет об археологических раскопках в Пермской области в 1966 г. Пермь, 1967 // Архив ИА РАН. Р-1, №3357.

Томилина Е.М., Лычагина Е.Л., Майстренко Д.А., Демаков Д.А. Петрографический анализ каменного инвентаря с археологических памятников бассейна Нижней Вишеры // XVI Бадеровские чтения / Отв. ред. М.Л. Перескоков, Е.В. Чуйкина. Пермь: ПГНИУ, 2023. С. 247–255.

Информация об авторах:

Лычагина Евгения Леонидовна, доктор исторических наук, профессор Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); LychaginaE@mail.ru

Батуева Надежда Сергеевна, кандидат исторических наук, преподаватель, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); nadiabat@yandex.ru

Демаков Денис Александрович, научный сотрудник, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); demakov-denis@mail.ru

REFERENCES

Bader, O. N. 1954. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XXI. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 241–258 (in Russian).

Batueva, N. S. 2023. *Traditsii otbora syr'ya i sostavleniya formovochnykh mass keramicheskikh sosudov u naseleniya Srednego Predural'ya v epokhu neolita (Traditions of selecting raw materials and preparing molding masses for ceramic vessels among the population of the Middle Urals in the Neolithic period).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg (in Russian).

Batueva, N. S. 2024. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* In print (in Russian).

Batueva, N. S., Lychagina, E. L., Zhukova, O. V. 2017. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* XIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 9–18 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vasilyeva, I. N. 2013. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (4), 73–83 (in Russian).

Vasilyeva, I. N., Vybornov, A. A. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 9–18 (in Russian).

Denisov, V.P. 1963. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh i raskopkakh, provedennykh Cherdynskim otryadom Verkhne-Kamskoy Arkheologicheskoy Ekspeditsii v iyune-iyule 1963 g. (Report on archaeological survey and excavations, carried out by the Cherdyn team of the Upper Kama archaeological expedition in June-July of 1963)* Perm. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 2667 (in Russian).

Denisov, V. P., Melnichuk, A. F., Burmasov, M. S., Churilov, E. V. 2013. In Chernykh, E. M. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie – resurs formirovaniia sotsial'no-istoricheskoi pamiati grazhdanskogo obshchestva (XIV-e Baderovskie chteniia): Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (History and cultural heritage as a resource of creation of social-historic memory of civic society (14th Bader's readings): The proceedings of all-Russia scientific and practical conference).* Izhevsk: Udmurtia University Publ., 66–71 (in Russian).

Demakov, D. A. 2020. In Matveeva, N. P. (ed.). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshhestv (Ecology of Ancient and Traditional Societies)* 6. Tyumen: Tyumen Scientific Centre SB RAS, 26–29 (in Russian).

Demakov, D. A., Lychagina, E. L. 2019. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 8, no 3 (28), 113–119 (in Russian).

Demakov, D. A., Lychagina, E. L. 2022. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* XXI. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 21–33 (in Russian).

Lychagina, E. L. 2020. *Neolit Verkhnego i Srednego Prikam'ya (Neolithic of the Upper and Middle Kama Region)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ. (in Russian).

Lychagina, E. L., Demakov, D. A., Chernov, A. V., Zareczkaya, N. E., Kopytov, S. V., Lapteva, E. G., Trofimova, S. S. 2021. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 52 (1), 5–19 (in Russian).

Maistrenko, D. A. Melnichuk, A. F., Izosimov, D. A., Churilov, E.V., Balyberdina, P. A. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 102–110 (in Russian).

Melnichuk, A. F. 2013. *Otchet ob arkheologicheskikh polevykh rabotakh na territorii Krasnovisherskogo rayona Permskogo kraya v 2013 g. (Report on archaeological field works in the Krasnovishersk district of the Perm Krai in 2013)* Archive of State Inspectorate for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Perm Region. Fund 3, Inv. 2, dossier 450 (in Russian).

Melnichuk, A. F., Churilov, E. V., Karmanov, V. N. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Ural Archaeological Session)*. Samara: Samara State Pedagogical University; "Porto-Print" Publ., 49–51 (in Russian).

Oborin, V.A. 1967. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Permskoy oblasti v 1966 g. (Report on archaeological excavations in the Perm Oblast in 1966)* Perm. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 26335767 (in Russian).

Tomilina, E. M., Lychagina, E. L., Maistrenko, D. A., Demakov, D. A. 2023. In Pereskokov, M. L., Chuikina, E. V. (eds.). *XVI Baderovskie chteniia (16th Bader's readings).*Perm: Perm State National Research University, 247–255 (in Russian).

About the Authors:

Lychagina Evgeniia L., Doctor of Historical Sciences; Perm State University. Bukireva Str., Perm, 614068, Russian Federation; Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya Str., Perm, 614990, Russian Federation; LychaginaE@mail.ru

Batueva Nadezhda S., Candidate of Historical Sciences; Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya Str., Perm, 614990, Russian Federation; nadiabat@yandex.ru

Demakov Denis A., researcher; Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya Str., Perm, 614990, Russian Federation; demakov-denis@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.195.203

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ НОВОИЛЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАМСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ[1]

© 2024 г. О.В. Андреева

В статье представлены результаты технико-технологического анализа керамики новоильинской культуры стоянок Камско-Вятского междуречья: Аркуль, Среднее Шадбегово I, Среднее Шадбегово II, Среднее Шадбегово III, Среднее Шадбегово IV. Основное внимание уделяется подготовительной стадии создания посуды и обработке поверхности готовых сосудов. При обработке внешней поверхности посуды изучаемых стоянок применяли заглаживание и лощение, но на стоянках Аркуль и Среднее Шадбегово III были зафиксированы сосуды с загладкой гребенчатым штампом по внешней стороне сосуда, внутреннюю поверхность в основном заглаживали мягким предметом. На основе проведенного технико-технологического анализа выделяется превалирующая традиция отбора, в качестве исходного пластичного сырья, не запесоченной илистой глины, незначительный процент посуды изготавливался из глины. Для создания формовочной массы применяли шамот и органический раствор. Основным рецептом для создания новоильинской керамики является: ИПС + органический раствор + шамот в незначительных концентрациях (1:7-1:5), не калиброванный от 2,0 до 5,0 мм. Традиция отбора не запесоченной илистой глины и добавления шамота и органического раствора в формовочную массу является устойчивой для новоильинского населения и преемственной от камской культуры.

Ключевые слова: археология, Камско-Вятское междуречье, энеолит, технико-технологический анализ, керамика, новоильинская культура, исходное пластичное сырье, формовочная масса.

TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF THE NOVOILYINKA CULTURE CERAMICS OF THE KAMA-VYATKA INTERFLUVE[2]

O.V. Andreeva

The article presents the results of technical and technological analysis of the Novoilyinsky culture ceramics of the Kama-Vyatka interfluve campsites: Arkul, Sredneye Shadbegovo I, Sredneye Shadbegovo II, Sredneye Shadbegovo III, Sredneye Shadbegovo IV. The main attention is paid to the preparatory stage of creating ceramic wares and surface treatment of finished vessels. When processing the outer surface of the wares of the studied sites, smoothing and polishing were used, but at the Arkul and Sredneye Shadbegovo III sites, vessels with a combed stamp on the outside of the vessel were revealed, the inner surface was mainly smoothed with a soft object. On the basis of the carried out technical and technological analysis the prevailing tradition of selection as an initial plastic raw material of non-sanded silty clay stands out, an insignificant percentage of wares was made of clay. Grog and an organic mortar were used to create the molding mass. The main recipe for creating Novoilyinka ceramics is: IPRM + organic mortar + grog in small concentration (1:7-1:5), not calibrated from 2,0 to 5,0 mm. The tradition of selecting non-sanded silty clay and adding grog and organic solution to the paste is stable for the Novoilyinka population and is inherited from the Kama culture.

Keywords: archaeology, Kama-Vyatka interfluve, Eneolithic, technical and technological analysis, ceramics, Novoilyinsk culture, initial plastic raw materials, pottery paste.

Введение

В современной археологической науке большое внимание уделяется междисциплинарным подходам, одним из таких является историко-культурный в изучении древней посуды. В ходе исследования автором были изучены керамические комплексы стоянок, содержащих новоильинские древности, распо-

[1] Работа выполнена в рамках реализации гранта РНФ (проект № 23-78-10088) "Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья".

[2] The study was carried out under the RSF grant (project No. 23-78-10088) “Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga Region”.

Рис. 1. Новоильинская керамика: 1, 4 – Среднее Шадбегово III; 2 – Среднее Шадбегово II; 3 – Среднее Шадбегово I.
Fig. 1. Novoilyinka ceramics: 1, 4 – Sredneye Shadbegovo III; 2 – Sredneye Shadbegovo II; 3 – Sredneye Shadbegovo I.

ложенных на территории Камско-Вятского междуречья. В обозначенный анализ включены материалы пяти памятников: Аркуль, Среднее Шадбегово I, Среднее Шадбегово II, Среднее Шадбегово III, Среднее Шадбегово IV.

Новоильинская культура была выделена О.Н. Бадером в 1960-е годы (Бадер, 1961). Основные морфологические характеристики: форма сосудов полуяйцевидная, горло прямое, реже – слабо закрытое или открытое. Срезы венчиков округлые или плоско-скошенные. Донца конические или округлые, единичные сосуды представлены с плоским дном. Толщина стенок в основном от 0,8 до 1,1 см. Посуда орнаментировалась оттисками короткого, среднего и длинного гребенчатого штампа разной формы (овальной, прямоугольной изогнутой), реже – ямками (овальными и круглыми), отпечатками гладкого штампа, ногтевидными насечками. Орнаментация посуды разреженная. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными рядами прямо и наклонно поставленных оттисков гребенчатого штампа, горизонтального зигзага и линий, решетки, ромба. Специфичен мотив в виде флажка, но он встречается на малой части сосудов.

Период бытования новоильинского населения в регионе определить достаточно проблематично, на данный момент нет большого массива радиоуглеродных дат. Однако специалисты считают, что новоильинская культура может быть отнесена к последней четверти V тыс. – первой половине IV тыс. до н. э. (в калиброванных значениях) (Выборнов А.А. и др., 2021, с. 363–374).

Поселение Аркуль и стоянки Среднее Шадбегово I–IV (рис. 1, 2) были обследованы Л.А. Наговициным в 1970–1980-е годы (Наговицын, 1977, 1980, 1984, 1985).

Методика

Микроскопическому изучению были подвергнуты 108 условно выделенных сосу-

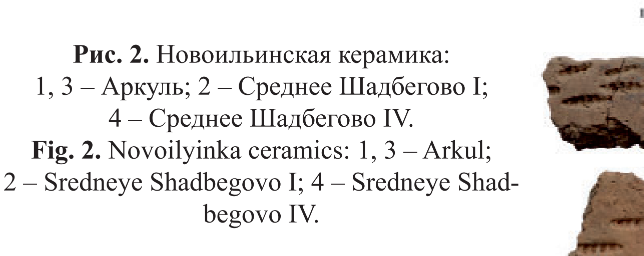

Рис. 2. Новоильинская керамика: 1, 3 – Аркуль; 2 – Среднее Шадбегово I; 4 – Среднее Шадбегово IV.
Fig. 2. Novoilyinka ceramics: 1, 3 – Arkul; 2 – Sredneye Shadbegovo I; 4 – Sredneye Shadbegovo IV.

дов новоильинской керамики (венчики и крупные орнаментированные стенки).

Технология изготовления посуды новоильинской культуры изучалась в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским на основе использования методики бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования (Бобринский, 1978; Актуальные проблемы…, 1999). Историко-культурный подход предусматривает выявление, учет и изучение четких навыков труда (устоявшихся приемов осуществления работы), при помощи которых создавалась керамическая посуда. Основной целью историко-культурного подхода является полная или частичная реконструкция содержательной стороны процесса изготовления (Бобринский, 1978). В ходе изучения керамики под микроскопом фиксируются следы работы гончара, запечатленные в изломе сосуда и на его поверхностях (Актуальные проблемы…, 1999). Технологические следы трактуются благодаря сравнительному анализу с известными признаками приемов работы древних гончаров (Бобринский, 1978) и с сериями эталонов, которые созданы на базе Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства (Актуальные проблемы…, 1999; Васильева, Салугина, 2008). При анализе используются венчики и орнаментированные стенки отдельных сосудов. Каждый изученный сосуд представляет собой совокупность сформированных навыков труда гончара. По данным археологии и этнографии известно, что привычные навыки труда закреплялись в культурной традиции и передавались из поколения в поколение в рамках ограниченного человеческого коллектива (Актуальные проблемы…, 1999).

Сопоставление полученных при помощи технико-технологическкго анализа данных о гончарной технологии позволяет создать статистически устойчивую базу характерных черт. Благодаря этому допускается сравнение с гончарной технологией населения разных культур, расположенных на сопредельных территориях, а также культур предшествующих или последующих. Изучение технологии изготовления керамики новоильинской культуры осуществлялось в соответствии со структурой гончарного производства, которая включает в себя десять обязательных и две дополнительных ступени, объединенных в стадии: подготовительную, созидательную и закрепительную (Актуальные проблемы…, 1999). В данном исследовании наибольшее внимание уделено изучению подготовительной стадии (включающей четыре ступени: отбор исходного сырья, добыча исходного сырья, обработка исходного сырья, составление формовочной массы), а также одной из ступеней созидательной стадии (механическая обработка поверхностей). Выбранные аспекты изучения связаны с сильной фрагментированностью материалов и невозможностью проведения анализа по всем двенадцати ступеням производства керамики.

Исходным пластичным сырьем *(ИПС)* называют природные материалы, которые могли применять в качестве самостоятельного пластичного сырья для создания посуды (Актуальные проблемы…, 1999; Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 2011). На территории Камско-Вятского междуречья автор выделяет два вида ИПС, используемых для изготовления новоильинской посуды: илистые глины и глины. К илистым глинам относится сырье, в котором единично представлены мелкие углефицированные фрагменты растительных тканей (детрит менее 1 мм), отпечатки нитевидных растений (водорослей), отдельные включения чешуи и костей рыбы. По своему составу они ближе к глинам, но сохраняют некоторые особенности илов (Васильева, Выборнов, 2012, с. 35). Глина – это осадочная горная порода, источники которой могут быть отнесены к берегам водоемов или к удаленным от них местам. Основным отличием глины от илов и илистых глин является полное отсутствие в ней видимых под бинокуляром признаков водной и околоводной растительности и водной фауны (Васильева, 2013, с. 75).

Основным критерием при выборе сырья выступает степень его пластичности/запесоченности. В представленных видах сырья выделены по две группы: незапесоченное/пластичное сырье (содержит единичные включения песка преимущественно размером менее 0,2 мм (пылевидный) в концентрации 1:9–1:10) и запесоченное/среднезапесоченное сырье (с зернами песка 0,1–0,5 мм в относительно большей концентрации 1:8–1:6).

В качестве способов обработки исходного пластичного сырья возможны следующие приемы подготовки: 1) дробление ИПС в

сухом состоянии; 2) применение ИПС в естественном увлаженном состоянии.

При изучении навыков труда на ступени подготовки формовочной массы *(ФМ)* рассматриваются данные о рецептах, которые состоят из ИПС и искусственных добавок. В качестве примеси при составлении ФМ, необходимой для лепки новоильинской посуды, были выделены: 1) шамот (представляет собой гранулированную минеральную примесь, которая получена при дроблении старых сосудов); 2) органический раствор (клеящее природное вещество растительного или животного происхождения) (Бобринский, 1978). По мнению А.А Бобринского, применение органического раствора в формовочных массах придавало керамике прочность (Бобринский, Васильева, 1998). Приемы составления ФМ изучались на подвидовом уровне: концентрации и размерности минеральных примесей. Концентрация минеральных примесей подсчитывалась по шкале, разработанной автором (Андреева, в печати). При изготовлении рассматриваемой посуды гончары применяли некалиброванный шамот, который фиксируется в двух пределах: 1) шамот с размером от пылевидного, в основном от 0,5 мм до 2,5 мм; 2) более крупная фракция шамота, от 2,0 до 5,0 мм, с единичными включениями меньшего размера.

Результаты

Подготовительная стадия создания посуды новоильинской культуры, отбор и подготовка исходного пластичного сырья (табл. 1).

На памятнике Аркуль 68% изученных образцов керамики изготовлены из илистых глин и 32% из глин. Преобладает культурная традиция отбора незапесоченого сырья – 71%, в 29% случаев гончары отдавали предпочтение сырью с большим содержанием песка.

Посуда стоянки Среднее Шадбегово I преимущественно изготовлена из илистой глины 96%, только 4% из глины. При отборе пластичного сырья наблюдается аналогичная картина: 91% сосудов изготовлен из незапесоченого сырья с единичными включениями мелкого окатанного разноцветного песка.

Коллекция поселения Среднее Шадбегово II наименее репрезентативна, однако результат исследования керамики с данного памятника соответствует основной картине региона, все сосуды изготовлены из незапесоченной илистой глины.

На стоянке Среднее Шадбегово III в качестве сырья также использовали исключительно илистую глину – 100%, однако при оценке навыка отбора сырья выделено 10% запесоченных илистых глин со значительным содержанием песка более крупного размера – до 0,5 мм.

При характеристике посуды памятника Среднее Шадбегово IV также хочется отметить выбор исключительно пластичной/незапесоченной илистой глины в качестве сырья для изготовления посуды.

Обобщая данные по отбору исходного пластичного сырья, можем отметить, что преимущество при изготовлении посуды новоильинской культуры в Камско-Вятском междуречье отдавали илистым глинам – 90% сосудов, при этом из них также 90% – это пластичная/незапесоченная илистая глина, и лишь 10% изготовлены из запесоченого/среднезапесоченного сырья. Глина для создания посуды применялась лишь в 10% случаев, и также предпочтение гончары отдавали незапесоченному сырью. Навыки подготовки ИПС для всех рассмотренных памятников устойчивы, сырье использовали в естественном увлажненном состоянии.

Создание формовочной массы для изготовления посуды новоильинской культуры (табл. 1, 2).

На ступени подготовки формовочной массы для населения памятника Аркуль характерны две традиции: илистая глина + органический раствор (28%) и ИПС + органический раствор + шамот (72%). Шамот в основном использовался в концентрации 1:5–1:6.

Для изготовления новоильинской керамики на стоянке Среднее Шадбегово I гончары применяли два рецепта составления формовочной массы: илистая глина + органический раствор (24%) и ИПС + органический раствор + шамот (76%). Шамот преимущественно использовался в концентрации 1:6–1:7.

Аналогичная картина прослежена и на поселении Среднее Шадбегово II, рецепты: илистая глина + органический раствор (25%) и илистая глина + органический раствор + шамот (75%). Шамот использовали в концентрации 1:4 и 1:7.

На стоянке Среднее Шадбегово III традиция составления формовочной массы единая: илистая глина + органический раствор + шамот (100%). Минеральную примесь добавляли чаще всего в средней концентрации 1:6.

Таблица 1. Исходное пластичное сырье и формовочная масса
Table 1. Initial plastic raw materials and molding mass

ФМ / ИПС	Илистая глина		Глина		Всего
	Запесочен.	Не запесочен.	Запесочен.	Не запесочен.	
Аркуль					
ИПС+ОР	2 / 7%	6 / 21%	-	-	8 / 28%
ИПС+ОР+Ш	3 / 11%	8 / 29%	3 / 11%	6 / 21%	20 / 72%
Итого	**5 / 18%**	**14 / 50%**	**3 / 11%**	**6 / 21%**	**28 / 100%**
Среднее Шадбегово I					
ИПС+ОР	-	11 / 24%			11 / 24%
ИПС+ОР+Ш	3 / 7%	29 / 65%	1 / 2%	1 / 2%	34 / 76%
Итого	**3 / 7%**	**40 / 89%**	**1 / 2%**	**1 / 2%**	**45 / 100%**
Среднее Шадбегово II					
ИПС+ОР	-	1 / 25%	-	-	1 / 25%
ИПС+ОР+Ш	-	3 / 75%	-	-	3 / 75%
Итого	**0**	**4 / 100%**	**0**	**0**	**4 / 100%**
Среднее Шадбегово III					
ИПС+ОР+Ш	2 / 10%	19 / 90%	-	-	21 / 100%
Итого	**2 / 10%**	**19 / 90%**	**0**	**0**	**21 / 100%**
Среднее Шадбегово IV					
ИПС+ОР	-	4 / 40%	-	-	4 / 40%
ИПС+ОР+Ш	-	6 / 60%	-	-	6 / 60%
Итого	**0**	**10 / 100%**	**0**	**0**	**10 / 100%**
	10 / 9%	87 / 81%	4 / 4%	7 / 6%	108 / 100%
	97 / 90%		11 / 10%		

При изготовлении посуды на стоянке Среднее Шадбегово IV гончары применяют два рецепта: илистая глина + органический раствор (40%) и илистая глина + органический раствор + шамот (60%), при этом отдавая предпочтение незначительной концентрации шамота 1:8–1:9, которая характеризуется единичными включениями в структуре черепка.

Подводя итоги, можем отметить, что гончары новоильинской культуры в меньшей степени применяют рецепт илистая глина + органический раствор (22%), при этом именно в нем прослеживается единство использования сырья, в качестве которого выступает пластичная/незапесоченная илистая глина, применение глин для данного рецепта не зафиксировано. Второй состав формовочной массы «ИПС + органический раствор + шамот» составляет (78%) от всех изученных образцов. В основном минеральную примесь добавляют в концентрации 1:5, 1:6, 1:7, которые суммарно составляют (79%) от всех образцов с добавлением шамота. Необходимо отметить, что в изученных образцах керамики в 80% случаев использовался шамот размером от 0,5 до 2,5 м, и лишь в 20% применяли шамот более крупной фракции от 2,0 до 5,0 мм. Именно

Таблица 2. Концентрация шамота
Table 2. Grog concentration

Концентрация шамота (ИПС+ОР+Ш)	Аркуль	Среднее Шадбегово I	Среднее Шадбегово II	Среднее Шадбегово III	Среднее Шадбегово IV	Итого
1:4	3	-	1	2	-	6 / 7%
1:5	9	5	-	2	-	16 / 19%
1:6	7	12	-	12	2	33 / 40%
1:7	-	12	2	3	-	17 / 20%
1:8/9	1	5	-	2	4	12 / 14%
Итого	20	34	3	21	6	84/100%

крупная минеральная примесь фиксируется в наибольшей концентрации 1:4 (на одну часть шамота брали четыре части исходного пластичного сырья).

При изучении внешнего облика посуды новоильинской культуры Камско-Вятского междуречья можно выделить три способа обработки поверхности: заглаживание мягким предметом, лощение, заглаживание гребенчатым штампом (табл. 3).

При обработке внешней поверхности сосудов гончары практически в равной степени применяли заглаживание мягким предметом (или пальцами по влажной глине) – 51% – и лощение (вероятно, с помощью гальки) – 47%, лишь по одному сосуду с памятников Аркуль и Среднее Шадбегово III были заглажены гребенчатым штампом с внешней стороны сосуда. Большая стандартизация наблюдается в способе обработки внутренней поверхности сосуда, заглаживание зафиксировано в 72% случаев, лощение и заглаживание гребенчатым штампом использовалось примерно в равных долях – 12% и 16% соответственно.

Также для оценивания стандартизации процесса изготовления посуды было обращено внимание на толщину стенок изучаемой посуды (табл. 4).

Исходя из полученных данных, можем отметить, что посуда новоильинской культуры представленных памятников в основном укладывается в «стандарты», ранее выделенные исследователями. Значительно преобладает толщина стенок 7–8 мм (в общем 64% от всех изученных сосудов), при этом встречаются сосуды тонкостенные – 5 мм (6%) и один сосуд со стоянки Среднее Шадбегово I с толщиной стенки 15 мм (1%).

Таблица 3. Способы обработки поверхности сосуда
Table 3. Methods for treating the surface of the vessel

	Внешняя поверхность			*Итого*	Внутренняя поверхность			*Итого*
	Греб. штамп	Заглажена	Подлощена		Греб. штамп	Заглажена	Подлощена	
Аркуль	1 / 4%	11 / 39%	16 / 57%	*28*	5 / 18%	21 / 75%	2 / 7%	*28*
Среднее Шадбегово I	-	23 / 51%	22 / 49%	*45*	5 / 11%	31 / 69%	9 / 20%	*45*
Среднее Шадбегово II	-	4 / 100%	-	*4*	1 / 25%	3 / 75%	-	*4*
Среднее Шадбегово III	1 / 5%	9 / 43%	11 / 52%	*21*	3 / 14%	16 / 76%	2 / 10%	*21*
Среднее Шадбегово IV	-	8 / 80%	2 / 20%	*10*	3 / 30%	7 / 70%	-	*10*
	2 / 2%	55 / 51%	51 / 47%	*108*	17 / 16%	78 / 72%	13 / 12%	108

Таблица 4. Толщина стенок сосудов
Table 4. Vessel wall thickness

Толщина стенки	Аркуль	Среднее Шадбегово I	Среднее Шадбегово II	Среднее Шадбегово III	Среднее Шадбегово IV	Итого
5 мм	-	4 / 9%	1 / 25%	-	1 / 10%	6 / 6%
6 мм	2 / 7%	6 / 13%	1 / 25%	2 / 10%	-	11 / 10%
7 мм	5 / 18%	16 / 36%	1 / 25%	11 / 52%	4 / 40%	37 / 34%
8 мм	14 / 50%	8 / 18%	1 / 25%	7 / 33%	3 / 30%	33 / 30%
9 мм	4 / 14%	2 / 4%	-	1 / 5%	1 / 10%	8/ 7%
10 мм	3 / 11%	3 / 7%	-	-	-	6/ 6%
11 мм	-	5 / 11%	-	-	1 / 10%	6/ 6%
15 мм	-	1 / 2%	-	-	-	1 / 1 %
	28	45	4	21	10	108/ 100%

Заключение

Традиция изготовления посуды из илистых глин является устойчивой для носителей новоильинской культуры, что прослеживается на территории Верхнего, Среднего и Нижнего Прикамья, а также Камско-Вятского междуречья (Андреева, Батуева, 2020, с. 13–15, Ересько, 2017). Однако исключительно в представленном исследовании мы отмечаем столь высокое единство традиции применения илистой глины в качестве исходного сырья – 90%. Преимущественное использование илистой глины свидетельствует о преемственности традиции отбора исходного пластичного сырья от носителей камской культуры (левшинского этапа) (Андреева, Батуева, 2020). Применение в качестве примеси шамота также указывает на преемственность традиции от носителей камской культуры, для которых она является устойчивым маркером. Основным отличием используемого шамота в гончарстве новоильинской культуры служит его размер и концентрация, при создании камской посуды использовали шамот крупной фракции (более 2,0 мм) в значительной концентрации (1:3–1:4), в новоильинской преобладает шамот мелкой фракции (0,5–2,5 мм). Шамот в изучаемой керамике применялся преимущественно в концентрациях от 1:7 до 1:5, при которых примесь незначительно влияет на свойства исходного сырья, уменьшая усадку посуды на этапе сушки и добавляя жаропрочности сосудам при обжиге. Включение в формовочную массу органического раствора характерно для камской, средневолжской и елшанской культур (Васильева, с. 378–388). В изученных образцах 22% изготовлены из формовочной массы (илистая глина + органический раствор) без включения шамота, что может говорить о смешении традиций камского и волжского населения при формировании новоильинского гончарства. Для большинства исследованных ранее керамических комплексов новоильинской культуры традиция добавления мелкого шамота и органического раствора в формовочную массу является персистентной. Исходя из общности традиции создания керамической посуды, мы можем сделать вывод о том, что новоильинское население сформировалось на базе камского при волжском влиянии.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. Бобринский А.А. Самара: СамГПУ, 1999. 233 с.

Андреева О.В. Некоторые итоги подсчета концентрации некалиброванного шамота в экспериментальных образцах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т. 24. № 7. В печати.

Андреева О.В., Батуева Н.С. Некоторые итоги изучения гончарных традиций населения Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху неолита и энеолита // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1 (48). С. 5–18.

Бадер О.Н. Поселение у Бойцова и вопрос переодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической Экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961. С. 110–272.

Бадер О.Н. Третье Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической Экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961. С. 60–75.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1998. С. 193–214.

Васильева И.Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2. С. 70-81.

Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 73–83.

Васильева И.Н. Гончарная технология населения Среднего Поволжья в эпоху неолита // Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 374–389.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Новые подходы к изучению неолитизации в Среднем Поволжье // Самарский край в истории России. Вып. 4 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2012. С. 61–68.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Некоторые итоги 18-летней работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 156–159.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Гусенцова Т.М., Шипилов А.В., Цыгвинцева Т.А. Новоильинская культура // Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 363–373.

Ересько О.В. Сравнение новоильинской керамики поселений Кочуровское IV и Среднее Шадбегово I на основе технико-технологического анализа // Известия СНЦ РАН. 2017. Т. 19, № 3. С. 211–216.

Галимова М.Ш., Никитин В.В. К проблеме реконструкции добычи и использования сырья в каменном веке Среднего Поволжья // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет / Ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 299–304.

Подосенова Ю.А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: Пгппу, ПФИЦ УрО РАН, 2021. 210 с.

Наговицин Л.А. Отчет о работе третьего отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1977 г. // Архив Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. № 528, 1977. 56 с.

Наговицин Л.А. Отчет о работе третьего отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1980 г. // Архив Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. № 603, 1981. 66 с.

Наговицин Л.А. Отчет о работе второго отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1981 г. // Архив Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. № 609, 1981. 46 с.

Наговицин Л.А. Отчет о работе второго отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1984 г. // Архив Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. № 667, 1984. 71 с.

Наговицин Л.А. Отчет о работе третьего отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1985 г. // Архив Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. № 684, 1986. 117 с.

Информация об авторе:

Андреева Ольга Викторовна, лаборант, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); olgayer@mail.ru

REFERENCES

Bobrinsky, A. A. (ed.). 1999. *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (Current Issues of Ancient Pottery Studies)*. Samara: Samara State Pedagogical University, (in Russian).

Andreeva, O. V. 2024. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 24 (7), in print (in Russian).

Andreeva, O. V., Batueva N. S. 2020. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 48 (1), 5–18 (in Russian).

Bader, O. N. In Bader, O. N. (ed.). 1961. *Otchety Kamskoy (votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 110–272 (in Russian).

Bader, O. N. In Bader, O. N. (ed.). 1961. *Otchety Kamskoy (votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 60–75 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A., Vasilyeva, I. N. 1998. In Vasilyev, I. B. (ed.). *Problemy drevnei istorii Severnogo Prikaspiia (Issues of Ancient History of the Northern Caspian Sea Area)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 193–214 (in Russian).

Vasilyeva, I. N. 2011. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (2), 70–81 (in Russian).

Vasilyeva, I. N. 2013. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia))* (4), 73–83 (in Russian).

Vasilyeva, I. N. 2021. In Sitdikov, A. G., Galimova, M. Sh. (eds.). *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 374–389 (in Russian).

Vasilyeva, I. N., Vybornov, A. A. 2012. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii krai v istorii Rossii (Samara Region in the History of Russia)* 4. Samara: Regional Museum of Local Lore, 61–68 (in Russian).

Vasilyeva, I. N., Salugina, N. P. 2008. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* III. Moscow: "Nauka" Publ., 156–159 (in Russian).

Vybornov, A. A., Lychagina, E. L., Gusentsova, T. M., Shipilov, A. V., Tsygvintseva, T. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Galimova, M. Sh. (eds.). *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 363–373 (in Russian).

Eresko, O. V. 2017. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 19, no. 3, 211–216 (in Russian).

Galimova, M. Sh., Nikitin, V. V. 2004. In Ivanova, M. G. (ed.). *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii – 50 let (50th Anniversary of Udmurt Archaeological Expedition)* Izhevsk:

Podosenova, Yu. A. 2021. *Visochnye ukrasheniia naseleniia Permskogo Predural'ia (Temple Ornaments of the Perm Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm (in Russian).

Nagovitsin, L. A. 1977. *Otchet o rabote tret'ego otryada Udmurtskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1977 g. (Report on the work of the third team of the Udmurt archaeological expedition in 1977)*. Archive of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, no 528 (in Russian).

Nagovitsin, L. A. 1981. *Otchet o rabote tret'ego otryada Udmurtskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1980 g. (Report on the work of the third team of the Udmurt archaeological expedition in 1980)*. Archive of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, no 603 (in Russian).

Nagovitsin, L. A. 1981. *Otchet o rabote vtorogo otryada Udmurtskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1981 g. (Report on the work of the second team of the Udmurt archaeological expedition in 1981)*. Archive of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, no 609 (in Russian).

Nagovitsin, L. A. 1984. *Otchet o rabote vtorogo otryada Udmurtskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1984 g. (Report on the work of the second team of the Udmurt archaeological expedition in 1984)*. Archive of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, no 667 (in Russian).

Nagovitsin, L. A. 1986. *Otchet o rabote tret'ego otryada Udmurtskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1985 g. (Report on the work of the third team of the Udmurt archaeological expedition in 1985)*. Archive of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, no 684 (in Russian).

About the Author:

Andreeva Olga V., laboratory assistant, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; olgayer@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.204.218

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО (АРХАИЧНОГО) ЭТАПА ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

© 2024 г. Р.В. Смольянинов, А.А. Куличков, Е.С. Юркина

Авторами выдвигается тезис, что керамические материалы с гребенчато-зубчато-ямочной орнаментацией, которые ранее традиционно относились на Верхнем Дону к поздненеолитической рыбноозерской культуре, полностью аналогичны керамическим комплексам раннего (архаичного) этапа льяловской культуры Верхнего Поволжья. При этом отмечается схожее время начала существования памятников этой культуры в Верхнем Поволжье и лесостепном Подонье в начале V тыс. до н.э. Об этом свидетельствуют прямая стратиграфия поселения Доброе 9, обобщающая стратиграфия поселения и могильника Ксизово 6, косвенные свидетельства – залегание развалов данной керамики в нижних предматериковых слоях Верхнедонских стоянок: Университетская 3, Васильевский Кордон 7, Ивница. Отмечаются также схожий с территорией Верхнего Поволжья погребальный обряд, радиоуглеродные датировки и данные технико-технологического анализа древней посуды.

Ключевые слова: археология, неолит, рыбноозерская культура, льяловская культура, керамика, технико–технологический анализ, погребение, Верхний Дон, река Воронеж, лесостепь, радиоуглеродное датирование.

SITES OF THE EARLY (ARCHAIC) STAGE OF THE LYALOVO CULTURE ON THE UPPER DON

R.V. Smolyaninov, A.A. Kulichkov, E.S. Yurkina

The authors put forward the thesis that ceramic materials with combed-denticulated-dotted ornamentation, which previously traditionally belonged to the Late Neolithic Rybnoozersk culture on the Upper Don, are completely similar to pottery assemblages of the Lyalovo culture early (archaic) stage in the Upper Volga region. At the same time, there is a similar time interval of the beginning of the existence of this culture monuments in the Upper Volga and forest steppe Don region in the early V millennium BC. This is evidenced by the direct stratigraphy of Dobroye 9 settlement, the general stratigraphy of Ksizovo 6 settlement and burial ground, indirect evidence – bedding of the fragments of pottery in the lower pre-natural soil layers of the Upper Don sites: Universitetskaya 3, Vasilyevsky Kordon 7, Ivnitsa. A burial rite similar to the Upper Volga region, radiocarbon dating and data of the technical and technological analysis of ancient ware are also noted.

Keywords: archaeology, Neolithic, Rybnoozersk culture, Lyalovo culture, ceramics, technical and technological analysis, burial, Upper Don, Voronezh River, forest steppe, radiocarbon dating.

Введение

Исследование неолита на Верхнем Дону начинается, когда А.И. Милютиным были найдены остатки неолитической стоянки у с. Подклетное на р. Дон (Милютин, 1904). Позднее на этом месте проводил сборы археологического материала С.Н. Замятнин (Замятнин, 1922), который в 1917 г. впервые свёл воедино обнаруженные на Дону следы неолитической эпохи. Ему же принадлежит и первенство в осуществлении в 1928 году на Верхнем Дону раскопок неолитических памятников – стоянки у ст. Отрожка совместно с Л. Динцесом (Синюк, 1999, с. 29). Именно на этом, впервые изученном раскопками памятнике выявлена гребенчато-зубчато-ямочная керамика, исследование которой является основной целью нашей статьи.

Эти находки позволили ему изложить свои взгляды в тексте доклада по донскому неолиту. Всю выявленную керамику С.Н. Замятнин считал одновременной и относил её к позднему неолиту. Отчётливо прослеживается также мысль о наличии инородных этнокультурных компонентов (южного и северного, составляющих местный неолит) (Синюк, 1978а, с. 67). Если С.Н. Замятнин подоснову северного «окского» происхождения усматривал в памятниках только северной части Воронежской области, то другой исследователь – Г.В. Подгаецкий – считал эту подоснову единственной для памятников всего лесостепного

Подонья (Синюк, 1978а, с. 67). Он говорил, что, судя по известным немногочисленным данным, культура среднедонского населения по своему облику была более родственна не той, которой обладали в то время степные племена, а той, которой характеризовалось население расположенных к северу лесных областей. Они были рыболовами, охотниками и собирателями (Подгаецкий, 1946).

Прорыв в накоплении знаний о памятниках с ямочно-гребенчатой керамикой произошел в 1952 году, когда были произведены археологические разведки со сбором археологического материала близ с. Старое Торбеево Тамбовской области (Фосс, 1959, с. 19). По итогам этих исследований М.Е. Фосс проводит раскопки двух неолитических стоянок в местности Подзорово и Глинище (Фосс, 1959). Она отмечала, что часть поздненеолитической керамики обнаруживает полное сходство с ямочно-гребенчатой, характерной для лесного неолита Восточной Европы (Фосс, 1959, с. 24–25).

В результате археологических исследований в Липецкой области В.П. Левенком с 1958 по 1973 гг. было выявлено около 400 памятников археологии. Археологическим раскопкам подверглись такие стоянки, как: Ярлуковская Протока (пункт 222), Ярлуковская Протока (пункт 242), Рыбное Озеро 1 (пункт 201), Рыбное Озеро 2 (пункт 202), Савицкое 1, Долгое и др. Это позволило В.П. Левенку впервые наиболее аргументировано и полно представить процесс заселения данного региона в эпоху камня (Смольянинов, 2020).

Для раннего этапа сосуды с округлым или острым дном с гребенчато-зубчато-ямочной орнаментацией были объединены В.П. Левенком в рыбноозёрскую культуру, названную преимущественно по памятнику Рыбное Озеро 2 (пункт 202). Генезис данной культуры во второй половине III тыс. до н. э. В.П. Левенок видел в смешении керамических накольчатых (тогда он считал днепро-донецкого населения) и ямочно-гребенчатых традиций (Левенок, 1973, с. 197). При этом он давал очень широкое время существования памятников рыбноозерской культуры, а также материальное наполнение, считая, что «позднейшая разновидность описываемой керамики выражена плоскодонными горшковидными сосудами средней величины, внешняя поверхность которых сплошь покрыта строчками оттисков гребенчатого штампа, скомпонованных в ёлочку. Эти украшения замыкаются на венчике строчкой прямых отпечатков и пояском глубоких круглых ямок, а внизу, на поддоне, – строчкой вертикальных отпечатков. Описываемая керамика характерна для конца позднего неолита, энеолита и начала культур ранней бронзы лесостепной зоны» (Левенок, 1973, с. 197).

В 1971 г. А.Т. Синюком была защищена кандидатская диссертация, в которой он анализировал, наряду с другими донскими комплексами, материалы Верхнего Дона. При этом опорным памятником он считал стоянку Университетская 3, среди коллекций которой им были выделены в том числе и материалы рыбноозёрской неолитической культуры (Синюк, 1971, с. 16). В докторской диссертации, ряде публикаций и своей итоговой монографии он поддержал выделение пережиточнонеолитической рыбноозёрской культуры. Правда, считал, что появилась она в лесостепном Подонье примерно около середины III тыс. до н. э. не в результате контактов населения, лепившего ямочную и накольчатую посуду, а вследствие того, что «появились новые группы северных племён с культурой гребенчато-зубчато-ямочной керамики» (Синюк, 1985а, с. 29; Синюк, 1985б, с. 16; Синюк, 1986, с. 166, Синюк, 1999). Позднее он несколько удревнил начало её существования в Подонье – серединой – третьей четвертью IV тыс. до н. э. (Синюк, 2004, с. 205).

Практически все публикации до конца 20-х годов XXI века, которые касались памятников с подобным керамическим комплексом и их датировкой, рассматривались в русле мыслей, высказанных А.Т. Синюком. При этом, получив даже ранние датировки по развалу сосуда подобной керамики на стоянке Ивница, высказывают сомнения в их валидности либо возможности отнесения развала только к льяловской керамике, отрывая это горшок (Сурков, 2013) от общего комплекса подобной посуды, лишь незначительно впоследствии удревнив эти материалы до первой половины IV тыс. до н. э. (Сурков, 2020, с. 89, рис. 1). Есть еще мнение А.Н. Бессуднова о первом и «втором» пришествии на территорию лесостепного Подонья населения, лепившего одинаковую керамику. Сначала появление гребенчато-зубчато-ямочной посуды здесь он связывает с населением, лепившим кера-

Рис. 1. Карта памятников раннего (архаичного) этапа льяловской культуры на Верхнем Дону. 1 – поселение Рощинский 8; 2 – поселение Рощинский 16; 3 – поселение Писарево; 4 – поселение Студёновка 3; 5 – поселение Ратчино 22; 6 – поселение Васильевский Кордон 28; 7 – поселение Доброе 4; 8 – пункт 87 озеро Богородицкое; 9 – поселение Глинище; 10 – пункт 380; 11 – пункт 67 против устья р. Быстрая Сосна; 12 – поселение Лобовка; 13– поселение Ксизово 6; 14 – поселение Липецкое Озеро; 15 – поселение у памятника Народовольцам; 16 – пункт 366 Липецк; 17 – пункт 201 Рыбное Озеро 1; 18 – пункт 202 Рыбное Озеро 2; 19 – пункт 207 стоянка «Наташа»; 20 – городище «Малый Липяг»; 21 – поселение Карамышево 1; 22 – поселение 2 в устье р. Кривка; 23 – пункт 105 поселение 2 у Гудовского кордона; 24 – пункт 109 поселение 6 у Гудовского кордона; 25 – поселение 1 у Первомайского лесничества; 26 – поселение 2 у Первомайского лесничества; 27 – поселение 1 у Карамышевского кордона; 28 – пункт 256 поселение 1 у озера Круглов; 29 – поселение 2 у озера Круглов; 30 – поселение 1 у кордона Барковский; 31 – поселение 7 у кордона Барковский; 32 – пункт 351 у с. Курино; 33 – поселение Савицкое 1; 34 – пункт 208 поселение 21 у с. Излегоще; 35 – пункт 217 поселение 3 в устье р. Излегощи; 36 – поселение 1 в устье р. Излегощи; 37 – поселение 2 в устье р. Излегощи; 38 – поселение Курино 1; 39 – стоянка Университетская 1; 40 – стоянка Университетская 3; 41 – стоянка Университетская 4; 42 – стоянка у с. Богово; 43 – стоянка Чертовицкая; 44 – стоянка Чернавская; 45 – стоянка Скотный двор; 46 – стоянка Кировская; 47 – стоянка Шиловская 1; 48 – стоянка Шиловская 2; 49 – стоянка устье Воронежа; 50 – стоянка Отрожка; 51 – поселение Доброе 9; 52 – поселение Доброе 7; 53 – поселение Доброе 8; 54 – поселение Ивница; 55 – поселение Лебяжье Озеро 1; 56 – поселение Лебяжье Озеро 2; 57 – поселение Стаево 10; 58 – поселение Старое Тарбеево, турбаза; 59 – поселение Старое Тарбеево 11; 60 – поселение Старое Тарбеево 12; 61 – поселение Васильевский Кордон 7; 62 – поселение Карамышево 2; 63 – поселение Карамышево 9; 64 – Васильевский Кордон 27.

Fig. 1. Map of monuments of the early (archaic) stage of the Lyalovo culture on the Upper Don. 1 – Roshchinsky 8 settlement; 2 – Roshchinsky 16 settlement; 3 – Pisarevo settlement; 4 – Studenovka 3 settlement; 5 – Ratchino 22 settlement; 6 – Vasilyevsky Kordon 28 settlement; 7 – Dobroye 4 settlement; 8 – point 87 Lake Bogoroditskoe; 9 – Glinishche settlement; 10 – point 380; 11 – item 67 against the mouth of the Bystraya Sosna River; 12 – Lobovka settlement; 13 – Ksizovo settlement 6; 14 – Lake Lipetsk settlement; 15 – settlement at the monument to the People's Volunteers; 16 – point 366 Lipetsk; 17 – point 201 Rybnoye Ozero 1 site; 18 – point 202 Rybnoye Ozero 2 site; 19 – point 207 "Natasha" campsite; 20 – "Maly Lipyag"settlement; 21 – Karamyshevo 1 settlement; 22 – settlement 2 at the mouth of the Krivka River; 23 – point 105 settlement 2 at the Gudovsky Kordon;24 – point 109 settlement 6 at the Gudovsky Kordon; 25 – settlement 1 at the Pervomaisky forestry; 26 – settlement 2 at the Pervomaisky forestry; 27 – settlement 1 at the Karamyshevsky Kordon; 28 – point 256 settlement 1 at Lake Kruglov; 29 – settlement 2 at Kruglov Lake; 30 – settlement 1 at Barkovsky Kordon; 31 – settlement 7 at Barkovsky Kordon; 32 – point 351 at the village of Kurino; 33 – Savitskoye settlement 1; 34 – point 208 settlement 21 at the village of Izlegosche; 35 – point 217 settlement 3 at the mouth of Izlegoscha River; 36 – settlement 1 in mouth of the Izlegoscha River; 37 – settlement 2 at the mouth of the Izlegoscha River; 38 – Kurino settlement 1; 39 – Universitetskaya 1 campsite; 40 – Universitetskaya 3 campsite; 41 – Universitetskaya 4 campsite; 42 – campsite at the village of Bogovo; 43 – Chertovitskaya campsite; 44 – Chernavskaya campsite; 45 – Skotny Dvor campsite; 46 – Kirovskaya campsite; 47 – Shilovskaya campsite 1; 48 – Shilovskaya campsite 2; 49 – UstyeVoronezha campsite; 50 – Otrozhka campsite; 51 – Dobroye settlement 9; 52 – Dobroye settlement 7; 53 – Dobroye settlement 8; 54 – Ivnitsa settlement; 55 – Lake Lebyazhye 1settlement; 56 – Lake Lebyazhye 2 settlement; 57 – Staevo settlement 10; 58 – Staroe Tarbeevo settlement, tourist centre; 59 – Staroe Tarbeevo 11 settlement; 60 – Staroe Tarbeevo 12 settlement; 61 – Vasilyevsky Kordon 7 settlement; 62 – Karamyshevo 2 settlement; 63 – Karamyshevo 9 settlement; 64 – Vasilyevsky Kordon 27.

мику, аналогичную архаичной льяловской, в первой половине V тыс. до н. э. (Археология Центрального…, 2022, с. 49), а в начале IV тыс. до н. э. он её уже относит к рыбноозёрскому типу керамики, который формируется на Дону на основе пришедшего позднельяловского населения (Археология Центрального…, 2022, с. 50).

Материалы и методы

Всего на территории Верхнего Подонья сейчас известно 64 памятника с керамикой, украшенной гребенчато-зубчато-ямочной орнаментацией (рис. 1). Раскопкам подвергались 24 поселения. С них получены ограниченные по объему коллекций материалы. Это многослойные стоянки с перемешанными супесчаными слоями, в которых выявлены 3–7 обломков горшков, выделенных нами по венчикам, есть большие сборы подъемного материала со стоянки Липецкое Озеро (Синюк, Клоков, 2000) (рис. 10).

В работе применены статистический, типологический, технико-технологический методы, радиоуглеродное датирование, геохимические исследования и картографирование древних памятников.

Проблема

Исследования с начала 2000 годов раскопками памятников с керамикой, украшенной гребенчато-зубчато-ямочной орнаментацией, которая традиционно оценивалась как посуда поздненеолитической рыбноозерской культуры: Ксизово 6, Доброе 9, Васильевский Кордон 7, Курино 1, и анализ ранее исследованных коллекций: Университетская 3, Доброе 4, Рыбное Озеро 1 и 2 – начали нас наталкивать на мысль, что не все так однозначно в предположениях В.П. Левенка и А.Т. Синюка.

1. Анализ послойного залегания материалов на стоянке Рыбное Озеро 2 В.П. Левенком показал, что материалы, которые он считал рыбноозерской культурой, залегали либо сразу над слоем с накольчатой керамикой (раскоп V и VI), либо – в остальных раскопах – совместно с ней и с керамикой, украшенной прочерченной орнаментацией (дронихинская культура), и единичными фрагментами с ямочной орнаментацией (материалы позднего неолита льяловской культуры) (Левенок, 1969, с. 142, табл. между стр. 141 и 142). Поэтому остаётся непонятным, почему решил В.П. Левенок, что материалы рыбноозерской культуры являются более поздними, чем материалы рязанско-долговской культуры? Если на единственном памятнике, где присутствовала хоть какая-то стратиграфия, материалы рыбноозерской культуры более многочисленны, залегают ниже керамики с ямочной орнаментацией и никак не могли появиться в результате контактов населения, лепившего керамику с накольчатой и ямочной орнаментацией (Левенок, 1969, с. 142).

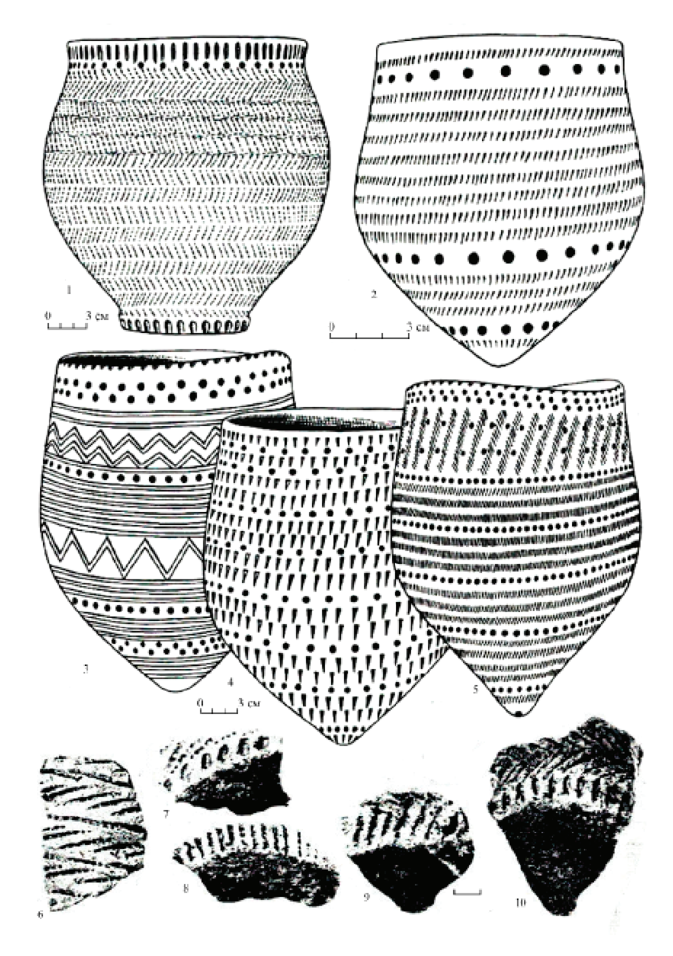

Рис. 2. Стоянка Рыбное Озеро 2. 1–5 – формы керамических сосудов и 6–10 – фрагменты керамических сосудов рыбноозерской культуры (по В.П. Левенку).

Fig. 2. Rybnoye Ozero campsite 2. 1–5– shapes of ceramic vessels and 6–10 – fragments of ceramic vessels of the Rybnoozersk culture (according to V.P. Levenok).

2. В силу объективно плохой исследованности региона на момент 60-х годов XX века В.П. Левенком был сделан ряд ошибок в «наполнении» рыбноозерской культуры признаками, её составляющими (рис. 2). К сожалению, туда попали и материалы среднестоговской культуры эпохи энеолита, и плоскодонная керамика катакомбной культуры эпохи бронзы (рис. 2:

1, 6–10) (Левенок, 1973, с. 197). Видимо, это обстоятельство вводит в заблуждение и некоторых современных исследователей, которые продолжают оценивать эти материалы как самые поздние неолитические в лесостепном Подонье (Сурков, 2013, 2020).

3. Анализ нами материалов других верхнедонских стоянок: Рыбное Озеро 1, Ярлуковская Протока 1, Ярлуковская Протока 2, Савицкое, исследованных В.П. Левенком, позволяет сказать, что они чрезвычайно малы и не разрешают сделать других стратиграфических и планиграфических наблюдений. О чем частично писал и сам исследователь, анализируя стоянку Рыбное Озеро 1 (Левенок, 1969, с. 131).

4. Остается непонятным, почему А.Т. Синюк также пришел к выводу, что керамика с гребенчато-зубчато-ямочной орнаментацией рыбноозерской культуры стоянки Университетская 3 относится тоже к самым поздним неолитическим материалам Верхнего Подонья?

Он сам отмечал, что памятник представляет собой типичную супесчаную многослойную стоянку. На наш взгляд, из послойного анализа, который он сделал для этого памятника, не следует, что керамика рыбноозерской культуры (рис. 3) залегает выше или ниже ямочной и ямочно-гребенчатой посуды рязанско-долговской культуры. При этом все неолитические керамические материалы залегали совместно во всех супесчаных слоях памятника, да ещё совместно с энеолитическими коллекциями и керамикой ранней бронзы (Синюк, 1978б; Синюк, 2014, с. 95). Рыбноозерские материалы вместе с керамикой среднедонской и рязанско-долговской культур выявлены уже в самых нижних слоях памятника (причем в развалах), совместно с ними залегает в нижнем и верхнем горизонтах среднего слоя памятника (Синюк, 2014, с. 97–101). Стоит учесть, что в процентном отношении в литологических прослойках памятника ямочной, ямочно-гребенчатой керамики и гребенчато-зубчато-ямочной посуды присутствует одинаковое количество (плюс-минус).

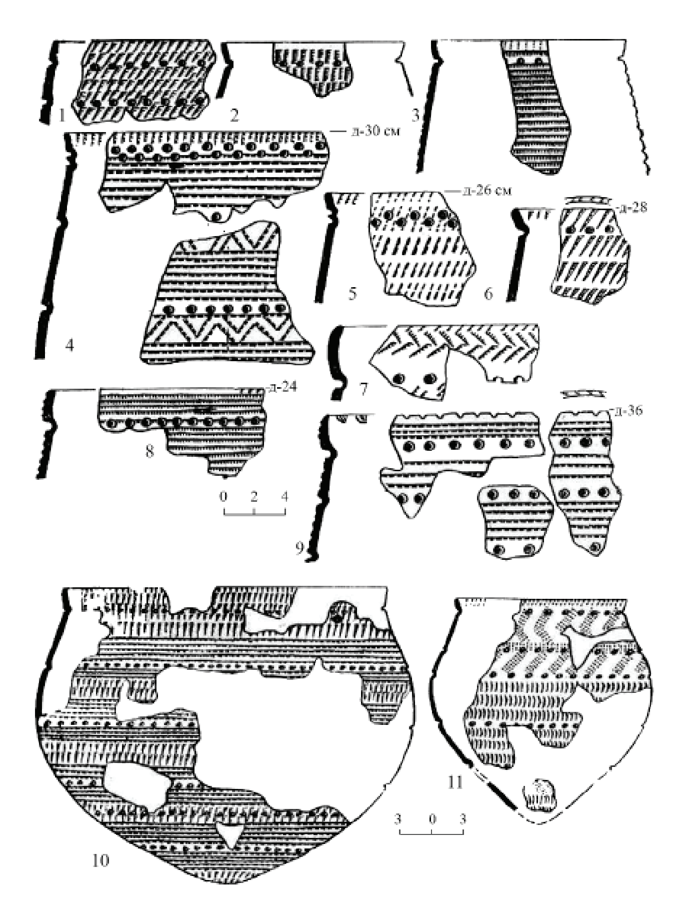

Рис. 3. Стоянка Университетская 3. 1–11 – керамика раннего (архаичного) этапа льяловской культуры: 1, 4, 7–11 – нижний горизонт среднего слоя; 3, 5, 6 – верхний горизонт среднего слоя (материалы рыбноозерской культуры по: Синюк, 1978, Синюк, 1986).

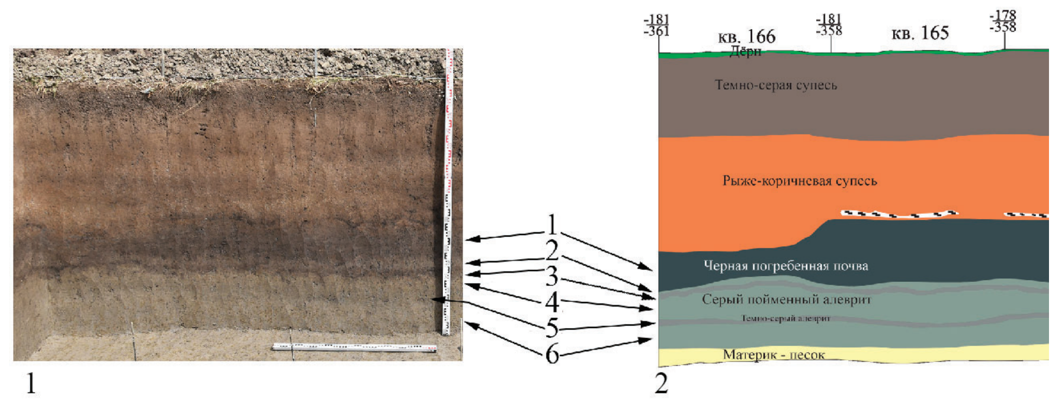
Fig. 3. University campsite 3. 1–11 – ceramics of the early (archaic) stage of the Lyalovo culture: 1, 4, 7–11 – the lower horizon of the middle layer; 3, 5, 6 – the upper horizon of the middle layer (materials of the Rybnoozersk culture according to Sinyuk, 1978; Sinyuk, 1986).

Результаты исследования

Авторы статьи считают, что керамические материалы с гребенчато-зубчато-ямочной орнаментацией, которые ранее традиционно относились на Верхнем Дону к рыбноозерской культуре, полностью аналогичны керамическим комплексам раннего (архаичного) этапа льяловской культуры.

Наиболее интересными для анализа, где получены стратиграфические или планиграфические наблюдения, на наш взгляд, являются следующие памятники: Доброе 9, поселение, поселение Курино 1 (Бессуднов, 1996), поселение и могильник Ксизово 6, поселение Ивница, Васильевский Кордон 7, поселение.

Поселение Доброе 9 расположено в Добровском районе Липецкой области. В 2014 году А.А. Клюкойть в размываемом правом берегу р. Воронеж у с. Доброе Липецкой области (рис. 1) на останце правой надпойменной террасы высотой 2 м над рекой выявил данное

1- слой, вмещающий материалы позднего этапа льяловской культуры, энеолитическую керамику среднестоговской культуры, ксизовского типа и в верхней толще - эпохи бронзы;
2 - слой позднего этапа льяловской культуры;
3 - слой темно-серого алеврита не вмещающий находок;
4 - слой, вмещающий керамику архаичного этапа льяловской культуры;
5 - слой темно-серого алеврита не вмещающий находок;
6 - слой, вмещающий керамику второго этапа среднедонской культуры.

Рис. 4. Поселение Доброе 9. 1–2 – стратиграфические наслоения ОАН Доброе 9, поселение; 3 – керамика раннего (архаичного) этапа льяловской культуры).
Fig. 4. Dobroye 9 settlement. 1–2 – stratigraphic deposits of Dobroye 9, settlement; 3 – ceramics of the early (archaic) stage of the Lyalovo culture.

поселение. В 2017–2023 годах на нём были заложены раскопы общей площадью 214 кв. м.

Поселение Доброе 9 прежде всего является уникальным для эпохи раннего неолита, так как впервые за время изучения среднедонской неолитической культуры на территории Верхнего Дона выявлен её несмешанный культурный слой (Смольянинов, Юркина, 2018). При этом в раскопе 2021 года (Юркина, 2022) удалось проследить литологическую прослойку, отделяющую керамические материалы носителей среднедонской культуры от архаичного этапа льяловской культуры эпохи неолита (рис. 4: 1–2). Коллекция же ямочной и ямочно-гребенчатой посуды позднего этапа льяловской культуры залегали еще выше в слое чёрной погребенной почвы вместе с керамикой энеолитической среднестоговской культуры и посудой ксизовского типа.

Керамическая коллекция раннего этапа льяловской культуры эпохи неолита насчитывает 328 фрагментов. Из них 48 венчиков и 3 округлых донца (рис. 4: 3), всего было выделено по венчикам 32 сосуда (рис. 5).

Десять венчиков от сосудов открытой формы, у одного края слегка стянуты внутрь, а у четырех из них слегка отогнуты наружу.

Рис. 5. Поселение Доброе 9. 1–3 – керамика раннего (архаичного) этапа льяловской культуры.
Fig. 5. Dobroye 9 settlement. 1–3 – ceramics of the early (archaic) stage of the Lyalovo culture.

Также десять горшков выделено с разной степенью профилировки, два прямостенных и ещё восемь закрытой формы.

Исследования памятника позволили М.А. Кульковой реконструировать особенности палеоклимата и увеличение антропогенной активности. Отмечено, что в верхней части нижнего культурного слоя раннего этапа льяловской культуры прохладные климатические условия сменяются потеплением и увеличением влажности (рис. 3: 1–2). Литологически однородный культурный слой серого пойменного алеврита в его нижней части, подстилающий слой ранней льяловской культуры, вмещающий материалы среднедонской культуры, был продатирован – 6150 ± 100 BP (5317–4839 calBC) (SPb 2840). По стенке остродонного сосуда второго этапа среднедонской культуры получена радиоуглеродная дата – 5840 ± 110BP (4956–4452 calBC) (SPb 3809), по стенке биконического сосуда с гребенчатой орнаментацией – 6190 ± 100BP (5365–4850 calBC) (SPb 3810).

Стратиграфически коллекции второго этапа среднедонской культуры и раннего (архаичного) этапа льяловской разделяются на части раскопа стерильной прослойкой (рис. 3: 1–2). Но отмечается наличие гибридной керамики второго этапа среднедонской культуры с искусственной примесью дресвы в тесте, являющейся отличительным признаком керамики раннего этапа льяловской культуры, поэтому время появления населения раннего этапа льяловской культуры на памятнике нужно датировать не позднее самого начала 5 тыс. до н. э.

Поселение Ксизово 6 находится на окраине с. Ксизово Задонского района Липецкой области у впадения р. Сновы (правый приток) в р. Дон (рис. 1). Исследовано двумя раскопами 253 кв. м (Лаврушин и др., 2009).

Памятник Ксизово 6 сочетает в себе поселение и грунтовый могильник (Васильев и др., 2018; Смольянинов и др., 2023) эпох неолита – бронзы. В результате проведенных раскопок была получена одна из крупнейших коллекций керамики для территории Верхнего Дона: от раннего неолита (6 тыс. до н. э.) до эпохи великого переселения народов.

Керамическая коллекция раннего этапа льяловской культуры насчитывает 328 фрагментов. По венчикам и трем округлым донцам (рис. 4: 3) можно выделить не менее 18 сосудов (рис. 6).

Один венчик от сосуда открытой формы, два от закрытых горшков, три прямостенных и остальные двенадцать горшков выделены с разной степенью профилировки. Из последних два ближе к прямостенным, три закрытые и один открытой формы.

Нам интересен памятник с точки зрения стратиграфии залегания находок в культурном слое. Выявить различные литологические слои, вмещающие конкретную археологическую керамику, не удалось, но для анализа прежде всего интересен раскоп 2 памятника. Здесь данные фрагменты залегали в самых нижних наслоениях памятника совместно с посудой раннего неолита – среднедонской и карамышевской культур. Тут же располагались и погребения. Основная масса керамики поздних этапов льяловской культуры встречалась в культурном слое памятника значительно выше.

Рис. 6. Поселение и могильник Ксизово 6.
1–12 – керамика раннего (архаичного) этапа льяловской культуры.
Fig. 6. Ksizovo 6 settlement and burial ground.
1–12 – ceramics of the early (archaic) stage of the Lyalovo culture.

К погребениям раннего (архаичного) этапа льяловской культуры мы относим три костяка (Васильев и др., 2018), залегающие в нижней толще культурного слоя черной погребенной почвы, на уровне распространения интересующей нас керамики. Погребальные ямы не прослежены.

Раскоп 1. Погребение 1 (рис. 7). Мужчина, 25–30 лет. Костяк лежал вытянуто на спине с северо-северо-западной ориентировкой. Руки, вероятнее всего, лежали вдоль тела, но уверенно утверждать этого нельзя, так как в районе живота скелет был разрушен землеройным животным. Никаких предметов, гарантированно связанных с погребением, нет. Прижизненная длина тела 169 см (Васильев и др., 2018).

По аналогии с погребениями с северной ориентировкой раскопа 2 мы датируем его эпохой неолита и относим к архаичному этапу льяловской культуры (Васильев и др., 2018).

Раскоп 2. Погребение 1 (рис. 7). Подросток, 12–14 лет, лежал на животе с северной ориентировкой. Ноги у погребённого, вероятно, были спелёнуты. В верхней части, до пояса, оно было разрушено погребением № 2. У окончания ног рассматриваемого костяка лежал клык животного (Васильев и др., 2018).

Погребение 1 имеет возраст 6000 ± 50 BP (5000–4770 calBC) (ГИН 13546). Палинологический анализ, проведённый Е.А. Спиридоновой на основе взятого из него образца, показал, что подобный состав мог образовываться в условиях более прохладного и влажного климата атлантического времени (Лаврушин и др., 2009).

Погребение 4 (рис. 7). Мужчина, 40–45 лет. Погребён в вытянутом положении на спине с ориентировкой головы на север. Костяк лежал, вероятно, со спелёнутыми ногами, ориентировка меридиональная. Руки вытянуты вдоль тела, при этом левая заходит немного под таз погребённого. Слева у головы его находился обломок кремнёвого наконечника дротика, также слева, но у плеча – костяной гарпун. Под головой выявлен камень (необработанный известняк) и три очень мелких комочка охры. Прижизненная длина тела 166,5 см (Васильев и др., 2018).

Данное погребение относится к архаичному этапу неолитической льяловской культуры и датировано по ^{14}C – 6000 ± 50 (5000–4770 calBC) (ГИН 13544) (Васильев и др., 2018) или 6181 ± 47 BP (5220–4998 calBC) (UBA 39984) (Allentoft et al, 2024).

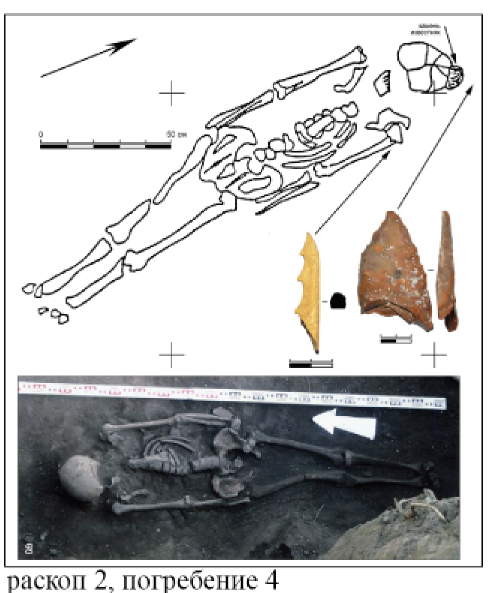
Других памятников, которые могли бы дать стратиграфические наблюдения, кроме относительной стратиграфии со стоянки Университетская 3 (рис. 3), описанной выше, на данный момент не выявлено. Хотелось бы отметить еще, что на памятниках Васильевский Кордон 7, поселение (рис. 8: 5–7) (Сурков, 2008), и поселение Ивница (рис. 8: 1–4) (Сурков, 2013) развалы керамических сосудов залегали в нижней толще культурного слоя, фактически на материковом песке, что предполагает их ранний возраст.

Мы выделяем общие черты материального комплекса раннего (архаичного) этапа льяловской культуры на Верхнем Дону.

Для раннего (архаичного) этапа льяловской культуры бассейна Верхнего Дона обобщенно можно выделить семь типов форм сосудов:

раскоп 1, погребение 1, реконструкция сделана Р.М. Галеевым.

раскоп 2, погребение 4

раскоп 2, погребение 1

Рис. 7. Поселение и могильник Ксизово 6. Погребения раннего (архаичного) этапа льяловской культуры.
Fig. 7. Ksizovo 6 settlement and burial ground. Burials of the early (archaic) stage of the Lyalovo culture.

1-й тип – сосуды с отогнутым наружу венчиком, плечом, плавно переходящим к раздутому тулову, которое сравнительно плавно спускается к округлоконическому дну (рис. 3: 10, 11);

2-й тип – сосуды слегка удлиненных пропорций, имеющие слабо выраженное плечо, спускающееся к слегка округлому тулову, плавно переходящему в остроконическое дно (рис. 2: 2–5);

3-й тип – сосуды слегка яйцевидной формы, с несколько стянутыми во внутрь краями и выпуклым туловом, переходящим в острое дно (рис. 6: 9; 8: 5);

4-й тип – сосуды с отогнутым наружу венчиком и слегка округлым туловом. Вероятнее всего, они имеют округлоконическое дно (рис. 5: 2, 3; 6: 1, 5; 8: 1; 10: 6);

5-й тип – сосуды закрытой формы, со слегка отогнутым наружу венчиком, ниже которого стенки плавно расширяются. По всей видимости, дно было округлоконическое (рис. 3: 1–9);

6-й тип – сосуды с отогнутым наружу венчиком и плавно сужающимся туловом, идущим к округлому дну (рис. 10: 4, 7);

7-й тип – сосуды открытой формы, с плавно сужающимися стенками. Вероятнее всего, остродонные.

Практически вся поверхность сосудов орнаментирована. Мотивы орнамента пред-

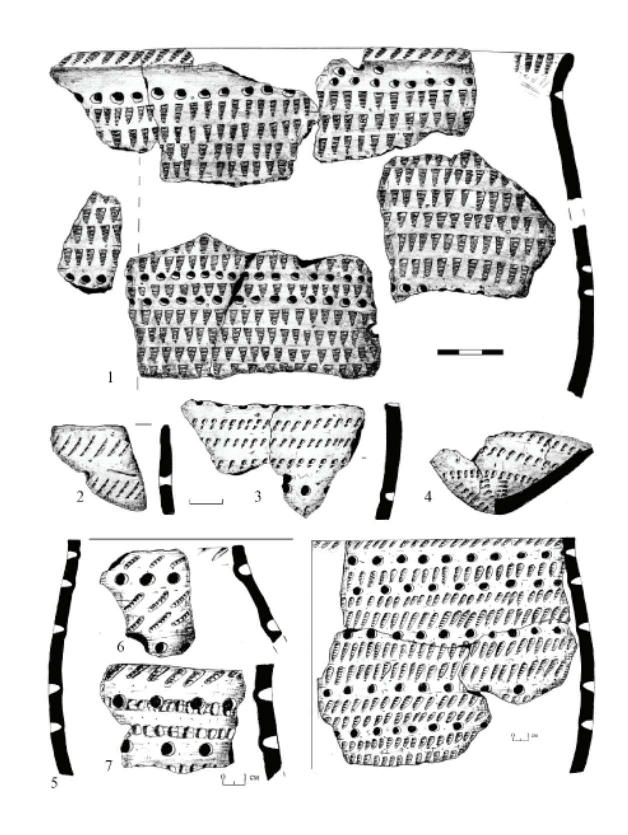

Рис. 8. Керамика раннего (архаичного) этапа льяловской культуры: 1–4 – поселение Ивница; 5–7 – поселение Васильевский Кордон 7.
Fig. 8. Ceramics of the early (archaic) stage of the Lyalovo culture: 1–4 – Ivnitsa settlement; 5–7 – Vasilevsky Kordon settlement 7.

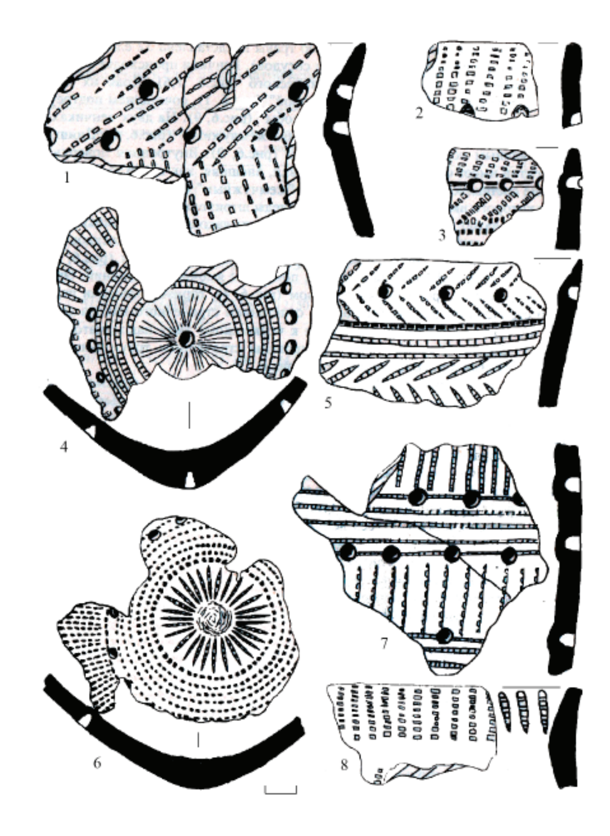

Рис. 9. Поселение Курино 1. 1–8 – керамика раннего (архаичного) этапа льяловской культуры (по: Бессуднов, 1996).
Fig. 9. Kurino settlement 1. 1–8 – ceramics of the early (archaic) stage of the Lyalovo culture (according to Bessudnov, 1996).

ставлены в виде горизонтальных поясков или рядов вертикальных и наклонных оттисков зубчатого штампа, которые сочетаются с разреженными рядами конических ямок. В качестве узоров применяются горизонтальные или вертикальные зигзагообразные линии из рядов гребенчатого штампа.

А.А. Куличковым был произведен технико-технологический анализ данной керамики по стоянкам Доброе 4, Доброе 7, Доброе 9, Ксизово 6, Карамышево 1, Васильевский Кордон 27, 28, Студёновка 3, Рыбное Озеро 2, Ярлуковская Протока (пункт 222). Прослеживается единство технологии изготовления керамики, хотя есть и локальные различия, чаще всего связанные с выбором исходного пластического сырья (далее – ИПС). Наиболее часто использовались илистые глины, реже илы. Кроме того, нет единства в характере пластичности используемого сырья, хотя наиболее часто использовалось высокопластичное или же среднепластичное. На стоянке Ксизово 6 присутствует естественная примесь ракушки речных моллюсков, что связано с использованием ила в качестве исходного пластического сырья. Наиболее представительная проанализированная коллекция была получена на ОАН Доброе 9, поселение. В качестве ИПС для ранней льяловской лепной керамики этого памятника использовалась ожелезненная илистая глина. В единичной концентрации встречены органические остатки в виде полостей от выгоревшей растительности: листьев, стебельков растений. Сырье среднезапесоченное, с кварцевым окатанным песком размером 0,2–0,5 мм в концентрации 1:6–1:7. ИПС двух сосудов содержит твердые окатанные железистые частицы размером 1–3 мм. Еще в двух найдены не промешанные частицы высокопластичной глины белого цвета. ИПС использовалось в естественном увлажненном состоянии, признаков дробления не зафиксировано.

В формовочную массу всех сосудов в качестве искусственной примеси добавлена нека-

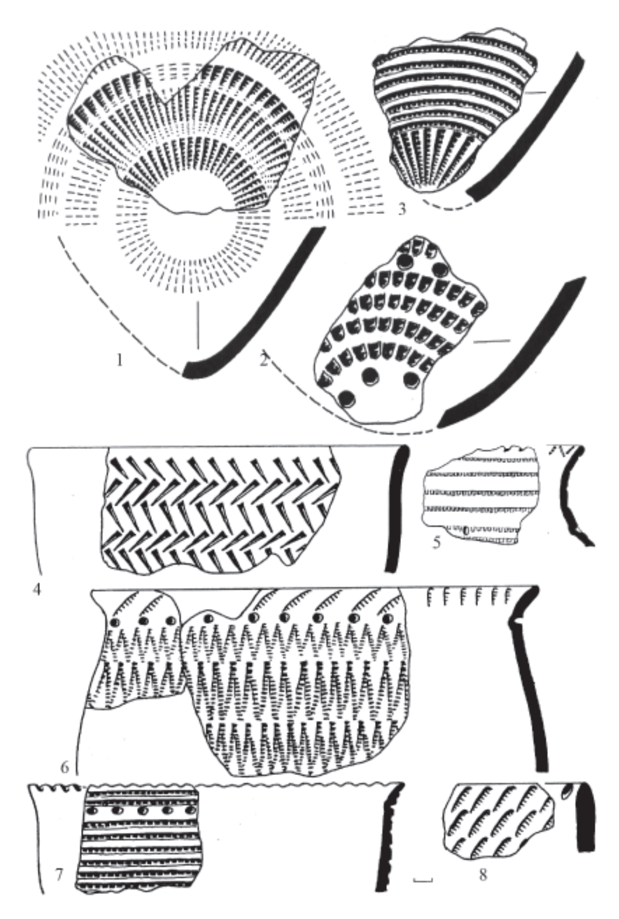

Рис. 10. 1–8 – керамика раннего (архаичного) этапа льяловской культуры из поселения Липецкое Озеро (по: Синюк, Клоков, 2000).
Fig. 10. 1–8 – Ceramics of the early (archaic) stage of the Lyalovo culture from the settlement of Lipetsk Lake (according to Sinyuk, Klokov, 2000).

либрованная кварцевая дресва размером 0,2–4 мм в концентрации от 15 до 40 включений на кв. см.

Выявлены признаки конструирования посуды лоскутным налепом, строительными элементами служили лепешкообразные лоскутки размером от 1,5×1,5 до 3×3 см, которые накладывались по горизонтальной траектории. У всех сосудов обе поверхности заглажены.

Механическая прочность керамики высокая. Окраска изломов фрагментов сосудов одно- или двухслойная. Слои неравномерные по толщине, границы между ними размытые, что свидетельствует о том, что горшки долгое время после обжига оставались остывать в обжиговом устройстве. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления – 650–700 °C. В то же время наличие насквозь прокаленных изломов сосудов свидетельствует о существовании способа термической обработки с более длительной выдержкой при высоких температурах.

Что касается технологии изготовления каменных орудий, то о ней сказать нечего, кроме того, что она была отщеповая, так как для всех поселений Верхнего Дона в эпоху неолита пластины и орудия на них встречены в единичных экземплярах (Смольянинов, Юркина, 2018). Памятников, где можно было бы гарантировано связать керамику раннего (архаичного) этапа льяловской культуры с каменным и костяным комплексами, на исследуемой территории пока не обнаружено.

Заключение

Керамические материалы с гребенчато-зубчато-ямочной орнаментацией находят полную аналогию по орнаментации, формам сосудов и технологии их изготовления с классическими керамическими комплексами памятников раннего (архаичного) этапа льяловской культуры (Древние охотники…, 1997; Энговатова, 1998, с. 243; Сидоров, 2021, с. 44, рис. 4, 5).

Время начала существования памятников раннего (архаичного) этапа В.В. Сидоров, анализируя современные радиоуглеродные даты, определяет как 6200 BP (Сидоров, 2021, с. 46). Наиболее ранние материалы этого этапа развития культуры датируются 5693 ± 20 BP (4603–4458 cal BC) (KIA-39307) по стоянке Озерки 17, 5930 ± 200 BP (5303–4374 cal BC) (ГИН-6663) по стоянке Озерки 5 или 5920 ± 60 BP (4963–4619 cal BC) (ГИН-7476) по стоянке Ивановское 7 (Радиоуглеродная хронология, 2016). Время прихода в Верхнее Подонье неолитических племён архаичного этапа льяловской культуры иллюстрируют радиоуглеродные даты, полученные по гребенчато-ямочной керамике Верхнедонских стоянок Ксизово 6 BP 5820 ± 130 (4995–4371) (Ki-13307), Ивница BP 5840 ± 90 (4932–4494) (Ki-16638), которые здесь сталкиваются с населением среднедонской культуры.

Косвенным доказательством раннего начала появления населения раннего (архаичного) этапа льяловской культуры на Верхнем Дону также является прослеженное взаимодействие между археологическими культурами. Например, появление искусственной примеси дресвы (отличительный признак раннего

этапа льяловской культуры) в накольчатой посуде второго этапа среднедонской культуры стоянок Доброе 9, Рыбное Озеро 2 (пункт 202), Университетская 3 на рубеже 6–5 тыс. до н. э. (Смольянинов, 2020, с. 178–179).

Погребальная обрядность Верхнедонского населения также находит полные аналогии обряду и временным рамкам существования льяловской культуры раннего этапа в начале 5 тыс. до н. э. Хотя последний, по замечанию В.В. Сидорова, весьма нестабилен, обряды различны на разных этапах существования культуры (Сидоров, 2021, с. 51). Наибольшее сходство погребения поселения и могильника Ксизово 6 находят в погребениях Верхнего Поволжья (Костылева, Уткин, 2012, с. 233–234; Уткин, Костылева, 2019). По ^{14}С датированы костяки четырех покойников со стоянки Сахтыш IIА (Ивановская обл.) с временным интервалом их захоронения 6130 ± 120 – 5820 ± 200 л. н. (Уткин, Костылева, 2009, с. 116), или 5000–4500 BC (Meadows и др., 2024, рис. 4).

Ранние датировки материалов раннего (архаичного) этапа льяловской культуры подтверждают стратиграфические данные. Гребенчато-зубчато-ямочная посуда залегает ниже ямочно-гребенчатой и ямочной керамики поздних этапов льяловской культуры. Об этом свидетельствуют прямая стратиграфия поселения Доброе 9, обобщающая стратиграфия поселения и могильника Ксизово 6 и косвенные свидетельства – залегание развалов данной керамики в нижних предматериковых слоях Верхнедонских стоянок Университетская 3, Васильевский Кордон 7, Ивница.

ЛИТЕРАТУРА

Археология Центрального Черноземья [Дон] / Отв. ред. А.П. Медведев. Воронеж: Научная книга, 2022. 392 с.

Бессуднов А.Н. Материалы эпохи неолита многослойного памятника Курино 1 // Археологические памятники Лесостепного Придонья. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПИ, 1996. С. 4–29.

Васильев С.В., Смольянинов Р.В., Боруцкая С.Б., Бессуднов А.Н. Население неолита – энеолита Верхнего Подонья и его погребальная обрядность (по материалам грунтового могильника Ксизово 6) // Stratum plus. 2018. № 2. С. 167 – 195.

Древние охотники и рыболовы Подмосковья: По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное 1 / Ред. сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 1997. 147 с.

Замятнин С.Н. Очерки по доистории Воронежского края (каменный и бронзовый век в Воронежской губернии). Воронеж: Тип. 1 отд-ия автоном. упр., 1922. 16 с.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Стадиальность и структура льяловского погребального обряда на территории Верхнего Поволжья и Поочья // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие / Отв. ред. С.А. Васильев, В.Я. Шумкин. СПб.: ИИМК РАН, МАЭ РАН, 2012. С. 232–240.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Бессуднов А.Н., Смольянинов Р.В. Природные катастрофы в голоцене бассейна Верхнего Дона. М.: ГЕОС, 2009. 64 с.

Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР. Дисс… канд. ист. наук. Л., 1969. 317 с.

Левенок В.П. Неолитические племена лесостепной зоны Европейской части СССР // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита / МИА. № 172 [2] / Отв. ред. Н.Н. Гурина. М.: Наука, 1973. С. 185–197.

Милютин А.И. Следы древнего поселения близ с. Подклетного Воронежского уезда // Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 2 / Под ред. правителя дел комиссии свящ. Ст. Зверева. Воронеж, 1904. С. XIX–XXII.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.

Сидоров В.В. Льяловская культура // Тверской археологический сборник. Вып. 12 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 30–55.

Синюк А.Т. Избранные труды. Воронеж: ВГПУ, 2014. 765 с.

Синюк А.Т. К истории изучения неолита на Верхнем и Среднем Дону // Археология Черноземного Центра России: история исследований, историография / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГУ, 1999. С. 28–31.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: ВГУ, 1986. 180 с.

Синюк А.Т. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе (по материалам Восточно – Европейской лесостепи) / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1978а. С. 63–99.

Синюк А.Т. Неолитический материал нижневоронежской многослойной стоянки Университетской – 3 // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе (по материалам Восточно – Европейской лесостепи) / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1978б. С. 26–62.

Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Воронеж, 1971. 14 с.

Синюк А.Т. Проблемы хронологии неолита лесостепного Подонья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб: ИИМК РАН, 2004. С. 195–206.

Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое Озеро. Липецк: Липецкое издательство, 2000. 160 с.

Смольянинов Р.В., Юркина Е.С. Каменная индустрия раннего неолита Верхнего Дона // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3(24). С. 189–199.

Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона. Липецк, Саратов: Десятая Муза, 2020. 400 с.

Смольянинов Р.В., Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Юркина Е.С. Нео – энеолитические погребальные комплексы с предметами вооружения на Верхнем Дону // Прочнее меди: Сборник статей к 80 – летию В.А. Дергачева. / Отв. ред. Л.В. Дергачева. Кишинёв: Stratum plus, 2023. С. 219–241.

Сурков А.В. Стоянка Ивница на р. Воронеж: итоги исследования 2010 – 2012 гг. // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 15 / Отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2013. С. 167–187.

Сурков А.В. Отчет об археологических исследованиях в Липецкой области в 2007 г. 2008. // Архив ИА РАН.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. Ещё раз о происхождении льяловской культуры // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11. / Отв. ред. А. А. Бессуднов, Е. Ю. Захарова. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова – Тян – Шанского, 2019. С. 314–322.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. Хронология льяловского погребального обряда на территории Верхнего Поволжья и Волго – Окского междуречья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы / Отв. ред. С.А. Васильев. СПб.: Лема, 2009. С. 116–118.

Фосс М.Е. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году // КСИИМК. Вып. 75. / Отв. ред. Т.С. Пассек. М: АН СССР, 1959. С. 19 – 25.

Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго – Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 1998. С. 238–246.

Юркина Е.С. Отчёт к открытому листу №0734 – 2021 о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Доброе 9, поселение» в Добровском районе Липецкой области в 2021 г. 2022. // Архив ИА РАН.

Meadows J, Khramtsova A, Piezonka H, Krause – Kyora B, da Silva N, Kostyleva E, Dobrovolskaya M, Veselovskaya E, Vasilyev S. Dietary 14C reservoir effects and the chronology of prehistoric burials at Sakhtysh, central European Russia // Sci Adv. 2024. 10(8), eadk2904.

Allentoft M. E., Sikora M., Refoyo -Martínez A. et al. Population genomics of post-glacial western Eurasia // Nature. 2024. № 625 (7994). P. 301–311.

Информация об авторах:

Смольянинов Роман Викторович, кандидат исторических наук, председатель ЛРНОО «Археологические исследования» (г. Липецк, Россия); rws17@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-9018-8753

Куличков Алексей Александрович, старший научный сотрудник ООО «МЦАИ» (Межрегиональный центр археологических исследований) (г Тамбов, Россия); kulichckov.aleks@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-1992-283

Юркина Елизавета Сергеевна, научный сотрудник ЛРНОО «Археологические исследования» (г. Липецк, Россия); аспирант кафедры отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); eli9725@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-9903-3483

REFERENCES

Medvedev, A. P. (ed.). 2022. *Arkheologiya Tsentral'nogo Chernozem'ya [Don]* (*Archaeology of the Central Black Earth region [Don]).* Voronezh: "Nauchnaya kniga" Publ. (in Russian).

Bessudnov, A. N. 1996. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki lesostepnogo Pridon'ia (Archaeological Sites of the Forest – Steppe Don Region)* 1. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical Institute, 4–29 (in Russian).

Vasiliev, S. V., Smol'yaninov, R. V., Borutskaya, S. B., Bessudnovs A. N. 2018. In *Stratum plus* (2), 167–195 (in Russian).

Engovatova, A. V. (ed.). 1997. *Drevnie okhotniki i rybolovy Podmoskov'ia (po materialam mnogosloinogo poseleniia epokhi kamnia i bronzy Voimezhnoe I) (Ancient Hunters and Fishermen of the Moscow Region (on the Materials of Voimezhny I Multilayer Settlement of the Stone and Bronze Period))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Zamiatnin, S. N. 1922. *Ocherki po doistorii Voronezhskogo kraia (kamennyi i bronzovyi vek v Voronezhskoi gubernii) (Essays on the Prehistory of the Voronezh Region (Stone and Bronze Age in Voronezh Governorate))*. Voronezh (in Russian).

Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2012 In Vasil'ev, S. A., Shumkin, V. Ya. (eds.) *Mezolit i neolit Vostochnoi Evropy: khronologiia i kul'turnoe vzaimodeistvie (Mesolithic And Neolithicof Eastern Europe: Chronology And Culture Interaction).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 232–240 (in Russian).

Lavrushin, Yu. A., Spiridonova, E. A., Bessudnov, A. N., Smol'yaninov, R. V. 2009. *Prirodnye katastrofy v golotsene basseyna Verkhnego Dona (Natural disasters in the Holocene of the Upper Don basin).*Moscow: "GEOS" Publ. (in Russian).

Levenok, V. P. 1969. *Neolit Verkhnego Dona i ego mesto sredi neoliticheskikh kul'tur lesostepnoy zony Evropeyskoy chasti SSSR (Neolithic of the Upper Don and its place among the Neolithic cultures of the forest steppe zone of the European part of the USSR).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Leningrad (in Russian).

Levenok, V. P. 1973. In Gurina, N. N. (ed.). *Etnokul'turnye obshchnosti lesnoy i lesostepnoy zony Evropeyskoy chasti SSSR v epokhu neolita (Ethnic-cultural communities of the forest and forest steppe zone of the European part of the USSR in the Neolithic).*Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 172 [2]. Moscow: "Nauka" Publ., 185–197 (in Russian).

Milyutin, A. I. 1904. In Zverev, St. (ed.). *Trudy Voronezhskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii (Proceedings of the Voronezh scientific archival commission)* (2). Voronezh, XIX–XXII (in Russian).

Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). 2016. *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ. (in Russian).

Sidorov, V. V. 2021. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 12. Tver: "Triada" Publ., 30–55 (in Russian).

Sinyuk, A. T. 2014. *Izbrannye trudy (Selected works).* Voronezh: Voronezh State Pedagogial University (in Russian).

Sinyuk, A. T. 1999. In Sinyuk, A. T. *Arkheologiia Chernozemnogo Tsentra Rossii: istoriia issledovanii, istoriografiia (Archaeology of the Black Earth Center of Russia: History of Studies, Historiography).* Voronezh: Voronezh State University, 28–31 (in Russian).

Sinyuk, A. T. 1986. *Naselenie basseyna Dona v epokhu neolita (Population of the Don River Basin in the Neolithic Period)*. Voronezh: "Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet" Publ. (in Russian).

Sinyuk, A. T. 1978a. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki na territorii SSSR i ikh izuchenie v vysshey pedagogicheskoy shkole (po materialam Vostochno – Evropeyskoy lesostepi) (Archaeological monuments in the USSR and their study in higher pedagogical schools (based on materials from the East European forest steppe)).* Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 63–99 (in Russian).

Sinyuk, A. T. 1978b. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki na territorii SSSR i ikh izuchenie v vysshey pedagogicheskoy shkole (po materialam Vostochno – Evropeyskoy lesostepi) (Archaeological monuments in the USSR and their study in higher pedagogical schools (based on materials from the East European forest steppe)).* Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 26–62 (in Russian).

Sinyuk, A. T. 1971. *Pamyatniki neolita i eneolita na Srednem Donu (Neolithic and Eneolithic monuments on the Middle Don).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Voronezh (in Russian).

Sinyuk, A. T. 2004. In Timofeev, V. I., Zaitseva, G. I. (eds.). *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii (Issues of Chronology and Ethnic/cultural Interactions during the Neolithic of Eurasia)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences Publ., 195–206 (in Russian).

Sinyuk, A. T., Klokov, A. Yu. 2000. *Drevnee poselenie Lipetskoe Ozero (Lipetskoe Ozero Ancient Settlement)*. Lipetsk: “Lipetskoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Smol’yaninov, R. V., Yurkina, E. S. 2018. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* Vol. 7, no 3 (24), 189–199 (in Russian).

Smol’yaninov, R. V. 2020. *Ranniy neolit Verkhnego Dona (Early Neolithic of the Upper Don)*. Lipetsk, Saratov: “Desyataya Muza” Publ. (in Russian).

Smol’yaninov, R. V., Vasiliev, S. V., Borutskaya, S. B., Yurkina, E. S. 2023. In Dergacheva, L. V. (ed.). *Prochnee medi: Sbornik statej k 80 – letiyu V.A. Dergacheva (More Lasting than bronze. Essays in honour of Valentin Dergachevon the 80th birthday)*. Chisinau: “Stratum plus” Publ., 219–241 (in Russian).

Surkov, A. V. 2013. In In Sinyuk, A. T. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological Sites of Eastern Europe)* 15. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 167–187 (in Russian).

Surkov, A. V. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Lipetskoy oblasti v 2007 g. (Report on archaeological studies in the Lipetsk region in 2007).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Utkin, A. V., Kostyleva, E. L. 2019. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 11. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 314–322 (in Russian).

Utkin, A. V., Kostyleva, E. L. 2009. In Vasiliev S. A. (ed.). *Vzaimodeystvie i khronologiya kul'tur mezolita i neolita Vostochnoy Evropy (Interaction and chronology of Mesolithic and Neolithic cultures of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute of the History of Material Culture Russian Academy of Sciences / Museum of Anthropology and Ethnography Russian Academy of Sciences, 116–118 (in Russian).

Foss, M. E. In Passek, T.S . (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material’noi kul’tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 75. Moscow: USSR Academy of Sciences, 19 – 25 (in Russian).

Engovatova, A. V. 1998. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 3. Tver: “Triada” Publ., 238–246 (in Russian).

Yurkina, E. S. 2022. *Otchet k otkrytomu listu №0734 – 2021 o provedenii arkheologicheskikh raskopok na territorii vyyavlennogo ob"ekta arkheologicheskogo naslediya «Dobroe 9, poselenie» v Dobrovskom rayone Lipetskoy oblasti v 2021 g. (Report to excavation license No. 0734 – 2021 on archaeological excavations on the territory of the identified archaeological heritage site “Dobroye 9, settlement” in the Dobroye district of the Lipetsk region in 2021).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Meadows, J., Khramtsova, A., Piezonka, H., Krause-Kyora, B., da Silva, N., Kostyleva, E., Dobrovolskaya, M., Veselovskaya, E., Vasilyev, S. 2024. In *Sci Adv* (10(8)), eadk2904.

Allentoft, M. E., Sikora, M., Refoyo-Martínez A. et al. 2024. In *Nature.* 625(7994), 301–311.

About the Authors:

Smol’yaninov Roman V. Candidate of Historical Sciences, chairman of the Archological Research Public Organization. Kommunalnaya sqr., 9, Lipetsk, 398059, Russian Federation; rws17@yandex.ru. https://orcid.org/0000-0001-9903-3483

Kulichkov Alexey A. LLC «Interregional Center for Archaeological Research». b-r Enthusiasts, 2A, floor 4, Tambov, 392003, Russian Federation; kulichckov.aleks@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1992-2833

Yurkina Elizaveta S. Archological Research Public Organization. Kommunalnaya sqr., 9, Lipetsk, 398059, Russian Federation; Samara State Socio-Pedagogical University. M. Gorky, 65 str., Samara, 443099, Russian Federation, Lipetsk. E-mail: eli9725@mail.ru. https://orcid.org/0000-0001-9903-3483

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.219.227

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ОРОШАЕМОЕ В СТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ[1]

© 2024 г. А.А. Выборнов, Ф.Ф. Гилязов, Н.С. Дога, М.А. Кулькова, А.И. Юдин

Памятники неолита-энеолита в степной зоне немногочисленны, поэтому раскопки каждого актуальны. Одним из них стало поселение Орошаемое, которое, как показали планиграфические наблюдения, состоит из двух стоянок Алгай и Орошаемое I. Научная новизна изысканий определяется наличием на каждой из них четких стратиграфических условий залегания нескольких разновременных культурных слоев, разделенных стерильными прослойками. Нижний уровень связан с артефактами орловской неолитической культуры, средний с находками прикаспийского типа, а верхний с инвентарем энеолита и более поздних эпох. Это позволило установить четкую периодизацию нео-энеолита для интересуемой территории. Большая серия радиоуглеродных дат дала основания для корректировки хронологии каждого периода. Результаты спорово-пыльцевых и геохимических анализов представили палеогеографические условия развития населения в позднекаменном веке и энеолите этого района. Археозоологические определения способствовали установлению видового состава животных по каждому периоду. Особую важность имеют результаты, связанные с появлением первых признаков производящего хозяйства в данном регионе. Кроме того, появилась возможность более детальной характеристики керамического и каменного инвентаря для каждого культурного комплекса. Технико-технологический анализ керамики выявил характерные признаки по различным культурам.

Ключевые слова: археология, степное Поволжье, неолит, орловская культура, энеолит, прикаспийская культура, периодизация, хронология, аридизация, керамический и каменный инвентарь, производящее хозяйство.

SOME RESULTS ON STUDY OF THE OROSHAYEMOYE SITE IN THE STEPPE ZONE OF THE VOLGA REGION[2]

A.A. Vybornov, F.F. Gilyazov, N.S. Doga, M.A. Kulkova, A.I. Yudin

Neolithic-Eneolithic sites in the steppe zone are not so many. Therefore, new settlement excavations are very important. One of them is the Oroshayemoye settlement. The planigraphic observation of the area of this settlement showed that it consists of two sites – Algai and Oroshayemoye I. The scientific novelty of the research is determined by the presence of clear stratigraphic successions on both sites. There are several cultural layers of different ages separated by sterile streaks. The lower level contains the artifacts of the Orlovka Neolithic culture. The finds of the Caspian culture were found in the middle cultural layer. The upper cultural layer contains the inventory of the Eneolithic periods and later epochs. This made it possible to develop the Neolith-Eneolithic cultural periodization in detail for the region. A large series of radiocarbon dates gave the possibility to establish the chronological framework for each culture. The reconstruction of paleogeographical conditions of population development in the Later Stone Age and Eneolithic was provided by the spore-pollen and geochemical analysis. Archaeozoological analysis helped to determine the animal species for each period. Of particular importance are the results related to the appearance of the first signs of a producing economy in the area. In addition, it is possible to provide a more detailed description of ceramic and stone tools for each cultural complex. Technical and technological analysis of pottery revealed characteristic features of various cultures.

Keywords: archaeology, steppe zone of the Volga r region, Neolithic, Orlovka culture, Eneolithic, Caspian culture, periodization, chronology, aridization, ceramics, stone inventory, producing economy.

[1] Работа выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Трансформация культур позднего неолита – энеолита Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход» – № 24-28-00103.

[2] The work was carried out as a part of RSF project No. 24-28-00103 «Transformation of the Late Neolithic-Eneolithic cultures in the Low Volga region: interdisciplinary approach».

Начало изучения поселения Орошаемое, расположенного в 1,5 км севернее районного центра Александров Гай Саратовской области, было положено в 1984 году. На правом берегу р. Большой Узень в раскопе 40 кв.м были обнаружены артефакты, преимущественно, прикаспийской культуры (Юдин, 1986, с. 40-41). Немногочисленность памятников каменного века в степном Поволжье и частичное разрушение объекта построенным водоемом послужили основанием для продолжения изысканий. Возобновленные в 2014 году работы начались как непосредственно на месте первоначальных исследований (незатронутых строительством), так и в западной оконечности котлована, повредившего культурный слой. Расстояние между раскопами составляло около 150 м. Столь значительное пространство и ряд отличий материалов из разных участков дали основание для предварительного выделения в рамках памятника Орошаемое двух стоянок: Орошаемое I и Алгай. Вероятность такого подразделения явилось одной из задач изучения памятника. Параллельно определялись достоверные границы этих пунктов. Так, с целью взятия проб на палинологический анализ, в 6 м к западу от раскопа 2014 года на Алгае был заложен шурф на глубину 2,5 м, который не содержал находок. Таким путем была очерчена западная оконечность стоянки. В 6 м от южной стенки раскопа, с целью определения потревоженности культурного слоя вторым котлованом, шурфовка также оказалась безрезультатной. Более того, в процессе изысканий 2022 года на участке четко зафиксировано исчезновение находок в южной части раскопа. Это позволило установить не только западную, но и южную границы стоянки. В северном направление от раскопов 2014-2023 годов простирался котлован шириной около 5 м. На стенке его противоположной стороны были сделаны зачистки осыпавшегося грунта, которые вскрыли наличие культурного слоя. Шурф на этой стороне выявил артефакты, но его стратиграфия отличается от раскопочной. Это позволило наметить северную границу. Особенно важна северо-восточная, так как она выходит на стоянку Орошаемое. Поэтому, в 10 м от крайнего (восточного) раскопа была проведена зачистка обрушившегося грунта в части котлована. Культурный слой с точки зрения пигментации был весьма эфемерен, а находки отсутствовали. Еще одна зачистка и шурф глубиной 40 см на самой восточной оконечности окрашенный слой не выявили. Единичные находки, включая сегмент с гелуанской ретушью, оказались в грунте, скорее всего, в результате работы бульдозера. Это подтверждается еще одним шурфом на противоположной стороне котлована (в сторону стоянки Орошаемое), который находок не содержал.

Учитывая, что котлован имеет протяженность от западной стенки первого раскопа до крайних восточных зачистки и шурфа, можно констатировать два результата. Во-первых, значительная часть стоянки Алгай была разрушена. Во-вторых, культурный слой в сторону стоянки Орошаемое уменьшается. Последний вывод подтверждается и шурфом, который был заложен в 24 м к юго-западу от раскопов стоянки в сторону Алгая. В нем культурные отложения несколько отличались от основных как незначительной мощностью, так и слабой насыщенностью слоя (Выборнов и др., 2017а, с. 33-35). Но их наличие требует завершения исследования путем сближения раскопов двух стоянок. Что касается южной границы стоянки Орошаемое, то шурф в 8 м к юго-востоку от стенки раскопа не дал положительных результатов. Наиболее интересная ситуация с восточной оконечностью памятника. Шурф в 8 м от раскопа не выявил ни слоев, ни артефактов. Однако, после того как раскоп был продолжен в сторону шурфа выяснилась причина этой ситуации. Верхний слой постепенно сходил на нет, а средний и особенно нижний резко падали вниз по сравнению с остальной территорией памятника (Выборнов и др., 2018, с. 212-213, рис. 1). Это позволяет утверждать, что древняя береговая линия реки была ближе и культурный слой, под действием природных факторов стал «сползать» по береговому склону. Иначе говоря, стоянка находилась в непосредственной близости от воды. Зачистки берегового обрыва не выявили слоя в западном направлении. Таким образом, можно констатировать, что основные границы памятников определены.

Не менее интересные данные были получены и по стратиграфическим наблюдениям. На стоянке Орошаемое I в раскопах 2016-2019 годов были выявлены напластования культурных слоев, разделенных стерильными прослоями (Выборнов и др., 2017б, с. 185-190). В

дерновом и пахотном слоях содержались малочисленные находки от эпохи бронзы до золотоордынского периода. После стерильной прослойки залегал верхний культурный слой мощностью до 20 см. Он содержал немногочисленные артефакты, которые по ряду признаков и радиоуглеродным определениям можно отнести к хвалынской энеолитической культуре. Ниже залегал более светлый стерильный слой мощностью от 30 до 40 см с редкими находками мелких костей животных. Затем прослежены артефакты прикаспийской культуры, залегавшие в отложениях мощностью от 30 до 50 см. После шла светлая стерильная прослойка толщиной до 60 см с единичными костями. И завершал свиту темный культурный слой, колебавшийся от 40 до 80 см. На большинстве участков он состоял из 6-7 линз толщиной от 2 до 4 см. В нем обнаружены керамика и каменный инвентарь орловской неолитической культуры.

Не менее важные данные были получены на ряде участков стоянки Алгай. В раскопе 2016 года в верхнем культурном слое мощностью от 10 до 28 см были обнаружены фрагменты керамики хвалынской культуры (Выборнов и др., 2017а, с. 68, рис. 19: 1-3). Ниже залегал более светлый слой толщиной до 30 см, который содержал находки прикаспийской культуры. Между ним и нижележащим есть стерильная прослойка. Затем прослежена верхняя (6 и 7 слои мощностью от 25 до 50 см) и нижняя (8 и 9 слои толщиной от 20 до 60 см) части, в которых встречены находки неолитического времени. В раскопе 2019 года прослежена сходная стратиграфия, но здесь следует констатировать, что слой прикаспийской культуры с востока на запад теряет свою мощность, а неолитический также уменьшается и приобретает слоистость (Выборнов и др., 2020, с. 119, рис.1). Изыскания 2022-2023 годов продемонстрировали ситуацию, когда отложения темного цвета, содержащие прикаспийские артефакты, сходили на нет. В то же время, судя по материалу, орловский комплекс представлен находками только позднего этапа. Сходная ситуация представлена как на Варфоломеевской стоянке (Юдин, 2004, с. 14-17), так и поселении Джангар (Кольцов, 2004, с. 16-24 ,52-53, 70).

Таким образом, на Орошаемом и Алгае прослежены как общие моменты, так и своеобразные характеристики. Но главное, что на обеих стоянках фиксируется достаточно четкая стратиграфия неолитических и энеолитических комплексов. Она дополняет и конкретизирует данные, полученные при раскопках стоянок Варфоломеевская (Юдин, 2004) и Кумыска (Юдин, 2012).

Периодизация неолита-энеолита данного региона дополнилась большой серией радиоуглеродных дат (44), полученных по различным органическим материалам для обеих стоянок. Они сделаны в разных лабораториях, как традиционной методикой, так и на AMS (10 определений) (Vybornov et al., 2022, с. 6-15).

Для нижнего уровня слоя орловской культуры на стоянке Алгай получено 3 даты интервал которых от 7280 до 7100 лет ВР. Значения порядка 6277-6230 лет ВС могли навести на предположение об их мезолитической принадлежности. Что касается даты 7280 лет ВР, то она сделана по гуминам. Учитывая контекст (из предматерика) залегания образца из раскопа 2016 года, то она наиболее спорная. В этом плане можно отметить обнаружение в раскопе 2015 года ножевидной пластины с ретушью сероглазовского типа на брюшке, которую можно трактовать как вкладыш. Однако, отсутствуют присущие мезолиту параллелограммы, пластины со скошенным концом, резцы, скобели и пр. Есть и другой пример. Из одного штыка получено два определения: по коллагену 7055 лет ВР (6025 лет ВС) и по костям 6643 лет ВР (5730 лет ВС). Способствует прояснению ситуации последовательность дат по штыкам – из более нижнего уровня значение 6780 лет ВР (5800 лет ВС). Поэтому более древнее определение менее валидно. Еще одна дата 7145 лет ВР (6230 лет ВС) получена в 30 пласте из раскопа 2019 года. Однако, в горизонте 32 обнаружена керамика, соответствующая не 3, а слою 2Б Варфоломеевки. Но то, что столь ранние даты вполне могут соответствовать началу неолитической поры, свидетельствуют обе даты по углю из нижнего уровня стоянки Орошаемое: 7245 лет ВР (6227 лет ВС) (28 штык) и 7010 лет ВР (6072 лет ВС) (27 штык). И если первая из них может соответствовать рубежу мезолита и неолита, то вторая соответствует дате по углю именно 3 (нижнего) слоя Варфоломеевской стоянки – 6980 лет ВР (6250 лет ВС). К этой же группе вполне подходят даты около 6900-6800 лет ВР (5930-5740 лет ВС), полу-

ченные в нижних уровнях. Примечательно, что на обеих стоянках отсутствуют даты 6700 лет BP. Вторая группа (10 значений) укладывается в интервал 6600 до 6400 лет BP (5660-5500 лет BC), а последняя от 6300 до 6100 лет лет BP (5315-5215 лет BC). Причем, для орловского слоя Орошаемого I значения позднее 6500 лет BP отсутствуют.

Таким образом, можно констатировать, что ранний этап развития орловской культуры в данном регионе укладывается от 7100 до 6800 лет BP, средний от 6600 до 6400 лет BP и поздний от 6300 до 6100 лет BP.

Находки прикаспийской культуры на стоянке Орошаемое I датируются от 5900 до 5800 лет BP (5050-4724 лет BC). Серия из 5 дат с аналогичными значениями получена и на Алгае.

В верхних штыках стоянок Алгай и Орошаемое I обнаружены артефакты хвалынской культуры. На первой получена дата по кости 5680 лет BP (4710 лет BC), а по второй дата по нагару на AMS 5328 лет BP (4252 лет BC). Оба значения вполне приемлемы, так как находят соответствия в результатах датирования других памятников этого типа. Например, по стоянке Кумыска – 5260 лет BP. Завершая обзор итогов хронологии, следует отметить ряд моментов. Во-первых, завершение орловской культуры выпадает на 6100 лет BP, а появление прикаспийской в этом регионе фиксируется на 200 лет позже. Разрыв между последней и хвалынской определяется в 100 лет. В то же время, нижняя дата более древняя по сравнению с достоверными значениями, полученными по костям животных из Хвалынских могильников – 5565 лет BP (4489 лет BC) (Anthony et al., 2022). То, что начало неолита связано с моментом после 7200 лет BP, подтверждается и другими данными.

Для всех слоев стоянок Алгай и Орошаемое I специалистами получены результаты палинологического (Овчинников и др. 2020; 2022; Борисова и др., 2022) и геохимического (Kulkova et al., 2019) анализов. Это позволило реконструировать палеогеографический фон развития населения интересуемой территории в неолите – энеолите. В нижней части орловского слоя на стоянке Орошаемое I, после пика аридизации 7200 лет BP, наблюдается потепление и увлажнение климата. Количество маревых минимально для всего разреза. И уже появляется разнотравье. Не случайно, что в это время в видовом составе животных фиксируются кроме сайги и кулана, тур и тарпан. В средней части слоя, при сохранении маревых и полынных, увеличивается разнотравье и появляются ольха, береза и тополь. Среди животных сохраняет приоритет тур. Именно в этот момент фиксируется максимум антропогенной активности. На позднем этапе постепенно нарастает аридность, уменьшается и меняется разнотравье, маревые достигают 55%. Не случайно тур сокращается в два раза, сайга в четыре, а кости тарпана и кулана единичны. Эти данные выпадают на 6120 лет BP, то есть финал бытования неолитического населения на Алгае. После максимальной аридизации, подтвержденной стерильным слоем, условия в начале развития прикаспийского слоя прохладные (маревые достигают максимума в 65%, сокращается разнотравье). Обращает внимание следующий факт: кулан в этом слое почти исчезает, а количество сайги возрастает. Затем климатическая ситуация меняется на влажную и теплую. Не случайно наибольшее количество артефактов обнаружено в верхней части культурного слоя. Новая стерильная прослойка вновь вызвана сильной аридизацией. В хвалынском слое фиксируется переход от сухих условий к влажному и теплому периоду. Маревые снижаются, а разнотравье становится богаче.

Таким образом, вполне реально реконструировать климат и палеоландшафт в период неолита – энеолита данного региона. Более того, допустимо констатировать влияние природно-климатических условий на развитие культур. Причем, речь идет не только о событиях крупного масштаба, но и эпизодах в рамках этапов. Так, наиболее вероятно трактовать отсутствие дат 6700 лет BP не малой выборкой, а всплеском аридизации.

Отражались эти факторы и на развитии хозяйства, о чем свидетельствуют археозоологические определения. За 10 лет изысканий П.А. Косинцевым и Н.В. Росляковой обработано около 20 тысяч костей только со стоянки Алгай, из которых половина определимые. Такое количество материала позволяет считать источниковую базу весьма достоверной.

В раскопах 2016-2019 годов на стоянке Орошаемое I в прикаспийском слое, отделенном стерильными прослойками от выше и нижележащих, определено костей тура –

41, сайги – 46, тарпана – 38, кулана – 10, а в орловском слое тура – 660, сайги – 172, тарпана – 100 и кулана – 80. Таким образом, фиксируется одинаковый состав видов животных с преобладанием тура и сайги. Нельзя не отметить сокращение кулана. В меньшей степени встречены кости благородного оленя, кабана, волка, лисицы, барсука, зайца. В то же время, в слое прикаспийской культуры обнаружены останки не только домашней собаки, но и 20 костей овцы и козы. На стоянке Алгай из раскопа 2018 года в орловском слое тур – 150, тарпан – 136, сайга – 117 и кулан – 30. Соотношение сходно с показателями на первой стоянке. Преобладание тура, отличает материалы как от джангарских, так и каиршакских комплексов. Что касается слоя прикаспийской культуры, то и в нем определены 5 костей домашней овцы. Их небольшое количество на площади стоянок, возможно, объясняется не только их сезонностью, но, судя по результатам фитолитного анализа, отсутствуют признаки содержания домашних животных на территории памятника. Нельзя не отметить наличие панцирей черепах и костей судака, щуки, окуня и сома (Выборнов и др., 2021). Наличие последнего допускает предположение о сетевом рыболовстве. А, учитывая обнаружение в этот период вдоль берега ивы, и находка топора не исключают и деревянное плавсредство.

Можно констатировать, что первые признаки скотоводства появляются у обитателей данного памятника в более ранний, чем хвалынский период.

Получена и весьма важная информация о керамике орловской культуры. На стоянке Алгай обнаружено 1350 фрагментов, из которых 238 венчиков, 1061 стенка и 51 донце. Последние плоские. Преобладают прямостенные формы сосудов. В нижних штыках представлены и прикрытые экземпляры, а на заключительном этапе возрастает процент профилированных. Срезы венчиков, преимущественно, округлые, но есть плоские и плоскоскошенные. Орнамент наносился наколами треугольной и подовальной формы в отступающей манере. Значительно реже встречаются разреженные вдавления, в том числе ямчатые. Второй способ – прямые прочерченные линии, которые занимают вторую позицию после накольчатой техники. Орнаменты на ранней посуде достаточно просты: горизонтальные ряды наколов или прочерков, горизонтальный зигзаг, их сочетание. Позднее, при сохранении вышеуказанных узоров, добавляются более сложные композиции: треугольники, ромбы, соты, косая решетка и пр. Именно для посуды поздней поры присущи наплывы на внутренней стороне венчика. Они овальные и короткие или плоские и широкие. На вторых нанесен узор. По результатам технико-технологического анализа керамики орловской культуры стоянки Алгай (около 300 образцов) зафиксировано незапесоченное или слабозапесоченное сырье и три рецепта: из ила, илистой глины и глины (Васильева, 2018). Особенно показательны определения из раскопов 2020-2023 годов, в которых не обнаружено сосудов раннего типа: черепки из ила единичны, господствуют из илистой глины, но уже бытуют из глины. Таким образом, выстраивается определенная временная последовательность. В последних кроме органического раствора прослежена не естественная, а дробленая раковина (Васильева и др., 2023).

Каменные артефакты изготавливались из валунного и галечникового кремня, отчего зависели размеры заготовок и орудий труда: они средних и небольших параметров. Кварцитовые изделия единично встречаются даже в нижних штыках, а на поздней фазе их процент несколько увеличивается. Складывается впечатление, что источники кремневого сырья начинают истощаться, что и вызвало необходимость его компенсации. Более трех тысяч артефактов позволили представить характерные и своеобразные черты инвентаря (Гилязов, 2023). Кроме отщеповых ядрищ доминируют конические и призматические формы. Торцовые и плоские нуклеусы единичны. Процент пластин и отщепов примерно одинаков, тем более что значительное число скребков изготовлено на пластинчатых отщепах. Среди орудий ведущая категория – скребки (952 экз.), с преобладанием концевого типа с округлым рабочим лезвием. Округлые формы и дублированные типы им явно уступают, а стрельчатые единичны. Второе место занимают геометрические изделия (трапеций 75 экз., а сегментов – 41 экз.). Благодаря раскопам разных сезонов удалось проследить как более ранние участки, так и более поздние. В первых представлены сегменты с обработкой по одной грани дуги или с гелуанской рету-

шью, а также единичные низкие трапеции. В более высоких штыках появляются и доминируют трапеции с уплощающей ретушью на спинке. Удалось четко соотнести распространение микролитов со струганной спинкой (прямоугольники) с завершающей фазой развития орловской культуры. Обнаружение сегментов в этих уровнях в раскопах 2016-2017 годов связано с перемешиванием находок, вызванных рядом сооружений на стоянке. Перфораторы (50 экз.) почти все симметричной формы. Но такой специфичной обработки как на изделиях джангарской культуры нет. Скошенный тип встречается не более десятка раз. Обращает на себя внимание одно сверло, рабочие поверхности которого обработаны двусторонней ретушью, которая встречается в исключительных случаях. Техника резцового скола почти не развита. В качестве резчиков применялись сегменты, а трапеции использовали как наконечники стрел (Выборнов и др., 2022).

Важнейшими находками явились топор с оббивкой и пришлифовкой из нижнего уровня и обломок булавы со сверленным отверстием из среднего уровня и шлифованного утюжка из верхнего уровня. Иначе говоря, компоненты неолитического пакета, в том числе бифасиальная ретушь, появляются не в самом начале, а около 6800-6600 лет ВР и не получили широкого развития. Такого разнообразия костяных орудий как на Варфоломеевской стоянке нет, тем более с орнаментом. Тем не менее, как на Алгае, так и на Варфоломеевке, встречены такие редкие категории костяных изделий как тупики из лопаток крупных животных, подвески из зубов оленя, острия различного формата, многочисленные зубы лошади с насечками (Юдин, 2023, с. 62). Что касается последних, то на обеих стоянках они залегали в своеобразном контексте и это ждет своей интерпретации.

Керамика прикаспийской культуры, по технологии изготовления не отличающаяся от позднеорловской, приобретает на внешней стороне венчика воротничковое утолщение и оттиски гребенчатого штампа, оконтуренные овальными прочерками. Одна форма верхней части имеет внутренний изгиб, а вторая по форме воротничка сближается с более поздними хвалынскими образцами. Нельзя не отметить важную деталь и в узорах: орнаментальную композицию, размещенную в верхней части сосуда, подчеркивает горизонтальный зигзаг. Этот мотив станет характерным для посуды хвалынской культуры.

Каменная индустрия прикаспийской культуры (Юдин, 2012) по материалам стоянок Орошаемое I и Алгай получила дополнение и конкретизацию для своей характеристики (Дога, 2023). Особенно важно, что слои с артефактами прикаспийского типа «запачкованы» стерильными прослойками, что исключает смешение с инородными элементами. Обнаружено более 400 изделий, из которых две трети сделаны из кварцита. Нуклеусы для снятия пластин конической и призматической формы. Пластины как крупные (порой более 12 см длины), так и средней ширины. Хорошо представлены и массивные сколы. Среди орудий преобладают концевые скребки, у которых рабочее лезвие овальное, прямое или скошенное. Ножи с прямым или округлым краем. Симметричные перфораторы имеют подработку и на брюшке рабочей части. Представлены и сечения пластин с ретушью по спинке или брюшку – вкладыши. Достоверно применялось бифасиальное ретуширование. Об этом свидетельствуют несколько артефактов, включая наконечники стрел в форме «рыбки». Переход на преимущественное использование кварцита носителями прикаспийской культуры, по одной из версий, может объясняться резкой нехваткой кремневого сырья. В то же время, выходы кварцита хорошо известны в Саратовской области около с. Непряхино, что было вполне доступно для обитателей Орошаемого.

Таким образом, исследования памятника Орошаемое в период 2014-2023 годов принесли целый блок важной информации для разработки различных аспектов изучения неолита-энеолита не только степного Поволжья, но и культур сопредельных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева И.Н. Итоги технико-технологического анализа керамики стоянок Алгай и // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85–летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70–летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред А.А. Выборнов и др. Самара: СГСПУ, 2018. С. 13–17.

Васильева И.Н., Дога Н.С., Гилязов Ф.Ф. Новые данные о неолитическом гончарстве Нижнего Поволжья // Известия СНЦ РАН. 2023. Т. 5. № 1. С. 137–150.

Выборнов А.А., Юдин А.И. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2016 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 15 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2017а. С. 30-78.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С. Новые материалы исследований на поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия СНЦ РАН. 2017б. Т. 19, № 3. С. 185–190.

Выборнов А.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Рослякова Н.В., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Попов А.С., Юдин А.И., Ойнонен М., Посснерт Г., Стрельцова М.А. Итоги исследования поселения Орошаемое в 2018 году // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 4 С. 211–218.

Выборнов А.А., Васильева И.Н., Барацков А.В., Гилязов Ф.Ф., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Курбатова Л.А., Рослякова Н. В., Юдин А.И. Итоги исследования стоянки Алгай в 2019 году в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 118–131.

Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Дога Н.С., Юдин А.И., Яниш Е.Ю. Новые данные о хозяйстве орловской культуры степного Поволжья // Самарский научный вестник. 2021. № 3. С. 136–140.

Выборнов А. А., Борисова О.К., Кулькова М. А., Юдин А.И. Палеогеографический фон неолита-энеолита степного Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21, №2. С. 8–20.

Выборнов А.А., Горащук И.В., Гилязов Ф.Ф., Попов А.С. Геометрические микролиты Нижнего Поволжья: Типология, технология, трасология // Микролиты в позднем палеолите и мезолите Восточной Европы и Кавказа: типология, технология, трасология / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: ИА РАН, 2022. С. 95-113.

Гилязов Ф.Ф. Сравнительный анализ каменных индустрий Орловской и Джангарской культур // Археология Евразийских степей. 2023. №1. С. 280-287.

Дога Н.С. Каменная индустрия прикаспийской культуры // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 271–279.

Кольцов П.М. Поселение Джангар. М.: Новый хронограф, 2004. 156 с.

Овчинников А.Ю., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Занина О.Г., Лопатина Д.А., Дога Н.С., Юдин А.И., Алифанов В.М. Почвенно-экологические условия на нео-энеолическом поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Почвоведение. 2020. № 2. С. 165–177.

Овчинников А.Ю., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Макшанов А.М., Худяков О.И. Почвенно-экологические условия на территориях нео-энеолитических поселений Нижнего Поволжья // Почвоведение. 2022. № 11. С. 1341–1350.

Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 39–41.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга, 2012. 213 с.

Юдин А.И. Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки как один из маркеров орловской неолитической культуры // Археологические записки. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Цыбрий. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2023. С. 56–74.

Anthony D.W., Khokhlov A.A., Agapov S.A., Agapov D.A., Schulting R., Olalde I., Reich D. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // Praehistorische Zeitschrift. 2022. № 97(1). P. 1-46.

Kulkova M., Vybornov A., Yudin A., Doga N., Popov A. New interdisciplinary research of Neolithic-Eneolithic sites in the Low Volga River region // Documenta Praehistorica. 2019. XLVI. P. 376-387.

Vybornov A. A., Giljazov F. F., Doga N. S., Kulkova M. A., Filippsen Б. The Chronology of Neolithic-Eneolithic in the steppe zone of the Volga basin // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 3. С. 6-15.

Информация об авторах:

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

Гилязов Филат Фаритович, научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); filatgiljazov12@gmail.com

Дога Наталья Сергеевна, научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); natalidoga@yandex.ru

Кулькова Марианна Алексеевна, доктор геолого-минералогических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия); kulkova@mail.ru

Юдин Александр Иванович, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе, Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия (г. Саратов, Россия); aleyudin@yandex.ru

REFERENCES

Vasilieva, I. N. 2018. In Vybornov, A. A. et al. (eds.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress))*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 13–17 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Doga, N. S., Gilyazov, F. F. 2023. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 5, no 1, 137–150 (in Russian).

Vybornov, A. A., Yudin, A. I. 2017. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 15. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 30–78 (in Russian).

Vybornov, A. A., Yudin, A. I., Vasilieva, I. N., Kosintsev, P. A., Kulkova, M. A., Doga, N. S., Popov, A. S. 2017. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 19, no 3, 185–190 (in Russian).

Vybornov, A. A., Vasilyeva, I. N., Doga, N. S., Roslyakova, N. V., Kosintsev, P. A., Kulkova, M. A., Popov, A. S., Yudin, A. I., Oynonen, M., Possnert, G., Streltsova, M. A. 2018. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 7, no 4, 211–218 (in Russian).

Vybornov, A. A., Vasilyeva, I. N., Baratskov, A.V., Gilyazov, F. F., Kosintsev, P. A., Kulkova, M. A., Kurbatova, L.A., Roslyakova, N. V., Yudin, A. I. 2020. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 9, no 1 (30), 118–131 (in Russian).

Vybornov, A. A., Gilyazov, F. F., Doga, N. S., Yudin, A. I., Yanish, E. Yu. 2021. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* (3), 136–140 (in Russian).

Vybornov, A. A., Borisova, O.K., Kulkova, M. A., Yudin, A.I. 2022. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 21 (2), 8–20 (in Russian).

Vybornov, A. A., Gorashchuk, I. V., Gilyazov, F. F., Popov, A. S. 2022. In Zhilin, M. G. (ed.). *Mikrolity v pozdnem paleolite i mezolite Vostochnoy Evropy i Kavkaza: tipologiya, tekhnologiya, trasologiya (Micro-tools in the Late Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe and the Caucasus: typology, technology, micro-wear analysis)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 95–113 (in Russian).

Gilyazov, F. F. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 280–287 (in Russian).

Doga, N. S. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 271–279 (in Russian).

Koltsov, P. M. 2004. *Poselenie Dzhangar (Dzhangar settlement)* Moscow: "Novyy khronograf" Publ. (in Russian).

Ovchinnikov, A. Yu., Vybornov, A. A., Kulikova, M. A., Zanina, O. G., Lopatina, D. A., Doga, N. S., Yudin, A. I., Alifanov, V. M. 2020. *Pochvovedenie (Soil Studies)* 2, 165–177 (in Russian).

Ovchinnikov, A. Yu., Vybornov, A. A., Kulkova, M. A., Makshanov, A. M., Khudyakov, O. I. 2022. *Pochvovedenie (Soil Studies)* 11, 1341–1350 (in Russian).

Yudin, A. I. 1986. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnie kul'tury Severnogo Prikaspiya (Ancient cultures of the Northern Caspian region).* Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 36–56 (in Russian).

Yudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevka Site and the Neolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute (in Russian).

Yudin, A. I. 2012. *Poselenie Kumyska i eneolit stepnogo Povolzh'ia (Kumyska Settlement and the Eneolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: "Nauchnaya kniga" Publ. (in Russian).

Yudin, A. I. 2023. In Tsybry, A. V. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 11. Rostov on Don: “Altair” Publ., 56–74 (in Russian).

Anthony, D. W., Khokhlov, A. A., Agapov, S. A., Agapov, D. A., Schulting, R., Olalde, I., Reich, D. 2022. *Praehistorische Zeitschrift.* 97 (1), 1–46 (in English).

Kulkova, M., Vybornov, A., Yudin, A., Doga, N., Popov, A. 2019. *Documenta Praehistorica* (XLVI), 376-387 (in English).

Vybornov, A. A., Giljazov, F. F., Doga, N. S., Кulkova, M. A., Filippsen, Б. 2022. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* (27 (3)), 6–15 (in English).

About the Authors:

Vybornov Aleksander A. Doctor of Historical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru.

Gilyazov Filat F. Researcher, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; filatgiljazov12@gmail.com

Doga Natalia S. Researcher, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; natalidoga@yandex.ru

Kulkova Marianna A. Doctor of Geological and Mineralogical Science, Herzen State Pedagogical University. Moyki emb., St.Petersburg, 191186, Russian Federation; kulkova@mail.ru

Yudin Aleksander I. Doctor of Historical Sciences, Research Center for the Preservation of Cultural Heritage, Glebuchev ovrag St., Saratov, 410003, Russian Federation; aleyudin@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902, 903.023, 903.074 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.228.240

РЕМОНТ КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ В НЕОЛИТЕ И ЭНЕОЛИТЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ)

© 2024 г. В.Н. Карманов

Публикуются региональные данные о ремонте керамической посуды в неолите и энеолите (VI – III тыс. до н.э.). Свидетельства древнего ремонта керамической посуды – это противоположные отверстия разного вида вблизи краев трещин лопнувшего сосуда или трещин, угрожающих его целостности, а также остатки адгезивных веществ, герметизировавших ремонтный шов и сверлины. В результате определено, что древнейшие свидетельства ремонта посуды в регионе связаны уже с ранним гончарством (VI тыс. до н.э.). Потребность в починке керамики возрастает к финальному неолиту (вторая пол. IV тыс. до н.э.) и снижается в энеолите (III тыс. до н.э.). Использование отверстий со скрепками из органических материалов и герметиков в диахронии также неравномерно. В комплексах раннего неолита применение адгезивных материалов не зафиксировано, напротив, оно возрастает к финальному неолиту, а в энеолите может являться единственным способом ремонта. Методом газовой хромато-масс-спектрометрии изучены пять образцов герметика чужъельской культуры финального неолита – энеолита. Определено, что адгезивные материалы – это деготь, полученный «двухгоршечным» способом – нагревом исходного сырья в одной емкости и одновременным стеканием готового продукта в другой сосуд. Комплекс действий, инструментов и материалов для починки керамики обуславливает познавательные возможности этой категории источников. Как и любые доказательно восстановленные «биографии» артефактов, «истории» горшков позволяют рассказать о поведении людей и оценить их потребности и образ жизни.

Ключевые слова: археология, неолит, энеолит, древнее гончарство, керамика, ремонт, сверление, адгезивный материал, герметик, деготь

REPAIR OF CERAMIC WARE IN THE NEOLITHIC AND ENEOLITHIC (CASE STUDY OF THE EXTREME NORTH-EAST OF EUROPE)

V.N. Karmanov

The paper deals with the regional data on the repair of ceramic wares in the Neolithic and Eneolithic (VI–III millennia BC). Holes of various types at the edges of cracks on the broken pot or cracks that threatened its safety, as well as the remains of adhesive materials that sealed the repair seam, are evidence of ancient repairs of pots. As a result, it was determined that the oldest evidence of ware repair in the region is associated with early pottery (VI millennium BC). The need for pottery repair increases by the final Neolithic (second half of the IV millennium BC) and decreases in the Eneolithic (III millennium BC). The use of organic clamps and sealants is also uneven in diachrony. The use of adhesive materials is not revealed in Early Neolithic assemblages, on the contrary, it increases by the Final Neolithic, and in the Eneolithic it may be the only method of repair. Five samples of sealants from the Final Neolithic–Eneolithic Chuzhyael culture were analyzed by gas chromatography-mass spectrometry. It was found that the adhesive materials were tar obtained by the “double pot” method – heating the raw material in one pot while pouring the product into another container. The informative potential of the studied category of sources is determined by the complex of actions, tools and materials involved in pottery repair. Like any evidentially reconstructed artefact “biography”, pottery “history” can tell us about behavior of people and assess their needs and lifestyles.

Keywords: archaeology, Neolithic, Eneolithic, ancient pottery, ceramics, repair, drilling, adhesive material, sealant, tar

Введение

Ремонт сломанных вещей ради продления срока их использования и экономии – неотъемлемая часть человеческой культуры. Однако археологические свидетельства этому редки и не всегда очевидны по разным причинам. Следы и остатки починки керамических сосудов – один из наиболее доступных и сравнительно хорошо сохранившихся источников для изучения явления. Это парные противо-

положные отверстия вблизи краев трещин, а также остатки адгезивных веществ, приуроченных к ним. Поскольку следы таких материалов располагаются на поверхностях горшков и отсутствуют на торцах трещин, то правильнее говорить не о клеях, а о герметиках. Это отличает починку сосудов от других вариантов использования адгезивных материалов, например для крепления вкладышей в пазах составных орудий или наконечников стрел к древкам.

Способ ремонта первобытного горшка прост: сделать отверстия в стенке сосуда, установить скрепки, стянув и скрепив ими фрагменты, а швы и отверстия замазать герметизирующим материалом. Роль скрепок могли выполнять шнуры или веревки из органических материалов, металлические скобы. Как редкие исключения, возможно из-за плохой сохранности, зафиксированы случаи замазки трещин глиной (Pesonen, 1996, fig. 2), или «жидким глиняным тестом, возможно, с добавкой органической массы, например смолы» (Лохов и др., 2013, с. 122. рис. 4: 4), или глиняными заплатками (Гавриш, 2018).

Предположим, что ремонтировались не только используемые сосуды, но и емкости, треснувшие после неудачного обжига. Вероятно, отвечать на этот вопрос нужно в каждом случае аналитикой поверхности керамики с изучением микростратиграфии следов и остатков.

Предлагаемое исследование – первый шаг в обобщении и систематизации сведений о древнем ремонте керамической посуды региональных культур неолита – энеолита, нацеленный на определение места этого явления в первобытной культуре.

Познавательные возможности: от «биографии» артефактов к поведению людей

Этот раздел – ответы на вопрос: для чего нужно изучать ремонтированные горшки? Самый первый и очевидный ответ: восстановив «биографию» артефакта, мы получим возможность изучать поведение людей (Miloglav, 2020), конкретнее представителей разных традиций и обитателей разных природно-климатических зон. Факты починки горшков, обнаруженных в гомогенных жилищных комплексах, позволяют судить об особенностях использования керамической посуды и потребностях в ней; сезонности мест обитания; взаимосвязи с керамическими традициями, а именно особенностями состава формовочных масс и форм емкостей.

Условно целые и восстановленные сосуды несут информацию о критических зонах керамической посуды, по которым она чаще всего ломалась, и о действиях человека для исправления подобных ситуаций. Можно ответить и на другие вопросы, например, как и какими инструментами делали отверстия (Conte et al., 2016, p. 135).

Есть возможности определения состава герметиков и технологии их изготовления, но перспективы использования таких результатов различны. Например, природный битум бессмысленно датировать, но возможен поиск его источников и, соответственно, изучение мобильности людей и их социальных связей (напр.: Дерюгин, 2018). Более широкими познавательными возможностями обладают вещества на основе древесных смол и дегтя. Они используются не только для датирования события ремонта или изготовления артефакта (напр.: Pesonen, 1999), но даже для извлечения древней ДНК – редкий случай, когда первобытный человек мог разжевывать смолу и в ней консервировался материал для палеогенетических исследований (Jensen et al., 2019). Очевидно, что достоверное определение конкретных мест добычи древесных смол или дегтя нереально, но аномальным или редким нахождение их остатков может быть, например, в пустыне или в зонах, где по данным палеогеографии определенные породы деревьев не могли произрастать.

Косвенно факты замазки трещин гидрофобным веществом указывают на необходимость хранения или приготовления в сосудах жидких продуктов, что дополняет источниковую базу для решения сложнейшего вопроса о функциях керамической посуды среди мобильных охотников и собирателей.

История изучения

В русскоязычной литературе удалось найти небольшое число работ, посвященных специальным исследованиям с описанием и обзором свидетельств починки региональной археологической керамики синташтинской культуры и синхронных ей памятников (Гутков, 2000; Гавриш, 2018), Прибайкалья (Иванова, Шергин, 2021). Даже исследователи первобытных гончарных технологий лишь вскользь упоминают об этом явлении и единичных экспериментах (Глушков, 1996,

с. 86, рис. 164). Зарубежные исследователи тоже сетуют на отсутствие внимания к этой важной и интересной детали культур неолита – энеолита (Miloglav, 2020, p. 120), хотя попытки привлечения внимания к этой теме ранее предпринимались (Cleal, 1988, p. 143). Известно лишь одно крупное исследование – обобщение и систематизация данных о ремонте керамических сосудов по археологическим и этнографическим данным, собранным А. Гейко на Украине (Гейко, 2013).

Гораздо больше внимания уделяется изучению остатков замазки трещин на стенках сосудов. Исследователей прежде всего интересует природа веществ. Попытки их определения основаны на общих представлениях о том, как это должно быть (напр.: Дьяконов, 2012, с. 110), привлечении этнографических данных (Глушков, 1996, с. 86), но чаще на применении разных естественно-научных методов (Charters et al., 1993; Pesonen, 1999; Дерюгин и др., 2018; Connan et al., 2020; Chen et al., 2022). Как было сказано выше, в зависимости от полученных результатов решаются проблемы датирования остатков березового дегтя или сосновой смолы (Pesonen, 1999) или установления источников природного битума (Дерюгин и др., 2018).

Наиболее распространено изучение остатков клеев на поверхности рукоятей каменных инструментов и оружии, особенно в пазах костяных основ составных орудий. Таких исследований выполнено множество, и в связи с проблематикой статьи они имеют значение в части применяемых методов для идентификации состава адгезивных материалов и экспериментов по их получению. Используются две группы методов: 1) газовая хроматография – масс-спектрометрия (GC-MS), масс-спектрометрия с прямым температурным разрешением (DTMS), прямого воздействия (DE-MS) и с прямым вводом (DI-MS); 2) инфракрасная спектроскопия комбинационного рассеяния света и преобразования Фурье (FT-IR) в комбинации с техникой ослабленного полного отражения (ATR). Они обладают разными разрешающими способностями и соответственно воздействием на объект исследования. Так, первая группа методов разрушает образец, но позволяет изучить его на молекулярном уровне. Недостатки второй группы неразрушающих техник решают, комбинируя их с хемометрикой: а именно анализом главных компонентов (PCA), дискриминантным анализом (DA) и регрессией частичных наименьших квадратов (PLS) (библиографию см.: Chen et al., 2022).

В региональных исследованиях инструментальное определение остатков герметика проведено единожды. Так, люминесцентно-битуминологическим анализом В.Ф. Удот (Институт геологии КФ АН СССР (ныне Коми НЦ УрО РАН)) определила на сосуде из поселения Ниремка I остатки примеси смолистого битума нефтяного происхождения (Косинская, 1987, л. 133). Однако сегодня есть сомнения в корректности результата этого метода и необходимо проверить его дальнейшими исследованиями.

Приведенные данные показывают слабую степень изученности древнего ремонта керамической посуды, по крайней мере в отечественной археологии неолита и энеолита.

Материалы и методы

Регион исследования – средняя и северная тайга КСВЕ или современная территория Республики Коми и восточной части Архангельской области. Источники – фрагменты керамической посуды из мест обитания неолита и энеолита, VI–III тыс. до н. э. Согласно культурной атрибуции, это памятники с накольчатой керамикой, камской, льяловской (Карманов, 2008, с. 26–38, 43–45; 2019а, 2019б; 2020), чужъёльской и гаринской (чойновтинской) археологических культур (Стоколос, 1986; Косинская, 1986; Семенов, Несанелене, 1997), памятников эньтыйского типа (Логинова, 1978; Карманов, 2008, с. 38–43), каргопольского (Буров, 1974, с. 38–43) и конецборского (Канивец, 1974, с. 12–17) типов керамики.

Основу источниковой базы составили коллекции фондов научного музея археологии европейского Северо-Востока Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Эти материалы были осмотрены на предмет поиска признаков древнего ремонта керамической посуды в полном объеме. В меньшей мере удалось изучить специально фонды Национального музея Республики Коми. Материалы музея археологии и этнографии СГУ им. П. Сорокина в основном опубликованы (Семенов, Несанелене, 1997), и поэтому в исследовании использованы также и эти данные.

В ходе визуального осмотра отмечались такие показатели, как наличие намеренно

сделанных отверстий и их вид; наличие остатков герметика и особенности расположения его на поверхностях. При изучении немногочисленных восстановленных сосудов обращалось внимание на положение ремонтного шва на емкости.

Ремонт и его место в региональных культурах, хронометрия

Необходимость мелкого и капитального ремонта вещей в быту случайна, ведь они ломаются по множеству причин, в основном из-за неосторожных действий и, в нашем случае, из-за несовершенства первобытных гончарных технологий и использования открытого огня. В археологических комплексах наличие следов и остатков таких действий еще зависит от сохранности самих артефактов и веществ, нанесенных в древности на их поверхности. Поэтому любые цифры и оценка по ним масштабов изучаемого явления условны.

Среди всей совокупности керамической посуды неолита и энеолита выявлены 172 горшка с явными признаками ремонта, т. е. с отверстиями (рис. 1). Обращено внимание на то, что ремонт применялся для починки сосудов объемов размерных групп 10–25 л и более (Карманов, 2018, табл. 2).

Количественное распределение сосудов согласно культурной атрибуции и на временной шкале представлено на рисунке 1. Для повышения достоверности результатов и учета всего доступного объема сведений обособлены три набора данных, полученных при изучении гомогенных комплексов (рис. 1: А), коллекций мест обитания многократного заселения, сборов с поверхности или шурфов (рис. 1: Б) и посуды двух этапов чужъяельской АК (рис. 1: В).

Эти сведения необходимо прокомментировать. В период распространения гончарства керамики во всех комплексах мало. Она, как правило, имела небольшие объемы, а утилизированные сосуды как примесь шамота использовались для изготовления новой посуды. И ни один гомогенный комплекс с древнейшей керамикой не содержит ремонтированные горшки (рис. 1: А). Их удалось обнаружить в небольшом количестве лишь среди фоновых источников (рис. 1: Б; 2: 1, 2, 4, 5). Лишь в самом финале раннего периода неолита, который представляет гомогенный керамический комплекс стоянки Эньты I, удалось найти обломки ремонтированных горшков (рис. 2: 3).

Даже в фоновых материалах не выявлено ни одного признака починки керамики «каргопольского» типа, что, возможно, объясняется ее тонкостенностью и сравнительно небольшими объемами емкостей, необходимость ремонта которых была не так остра.

Напротив, наибольшее число ремонтированных емкостей среди остатков чужъяельской АК можно объяснить лучшей сохранностью посуды, изготовленной в основном с минеральными примесями. Коллекции содержат порой развалы полностью реставрируемых горшков экспозиционного вида. Причем это характеризует оба набора данных (рис. 1: А, Б). Учитывая, что все изученные следы и остатки мест обитания неолита – энеолита приурочены к одинаковым условиям – песчаным террасам и эоловым дюнам или котловинам – можно утверждать, что чужъёльское гончарство было более продуктивным и успешным. Наряду с этим, это и наиболее разнообразно украшенная посуда (Стоколос, 1986, с. 7–91). В совокупности с данными о ремонте, это может указывать на высокие потребности в керамической посуде у носителей чужъёльской традиции и особенное к ней отношение. Значительный объем сведений о ней позволяет представить динамику ремонта посуды во времени. Генезис и развитие культуры на КСВЕ связан с миграцией населения севера Западной Сибири, по крайней мере с сер. IV тыс. до н. э., в то время как финал в перв. пол. III тыс. до н. э. приурочен к контактам с носителями культур пористой керамики (Карманов, Зарецкая, 2021). И мы наблюдаем резкое уменьшение числа сосудов и среди них доли ремонтированных емкостей на втором этапе эволюции культуры (рис 1: В).

Хронометрия представленных данных сопряжена с культурной атрибуцией и представлена на гистограммах (рис. 1). Старт традиций ремонта керамической посуды, очевидно, связан с распространением в регионе ранней керамики в неолите в кон. VII – перв. пол. VI тыс. до н. э. Период «расцвета» коррелируется с временем бытования чужъёльской АК в IV тыс. до н. э. (Karmanov, Zaretskaya, 2021, fig. 5, 6, 10), а далее потребность в починке сосудов снижается.

Выявленные признаки ремонта характеризуют преимущественно таежные памят-

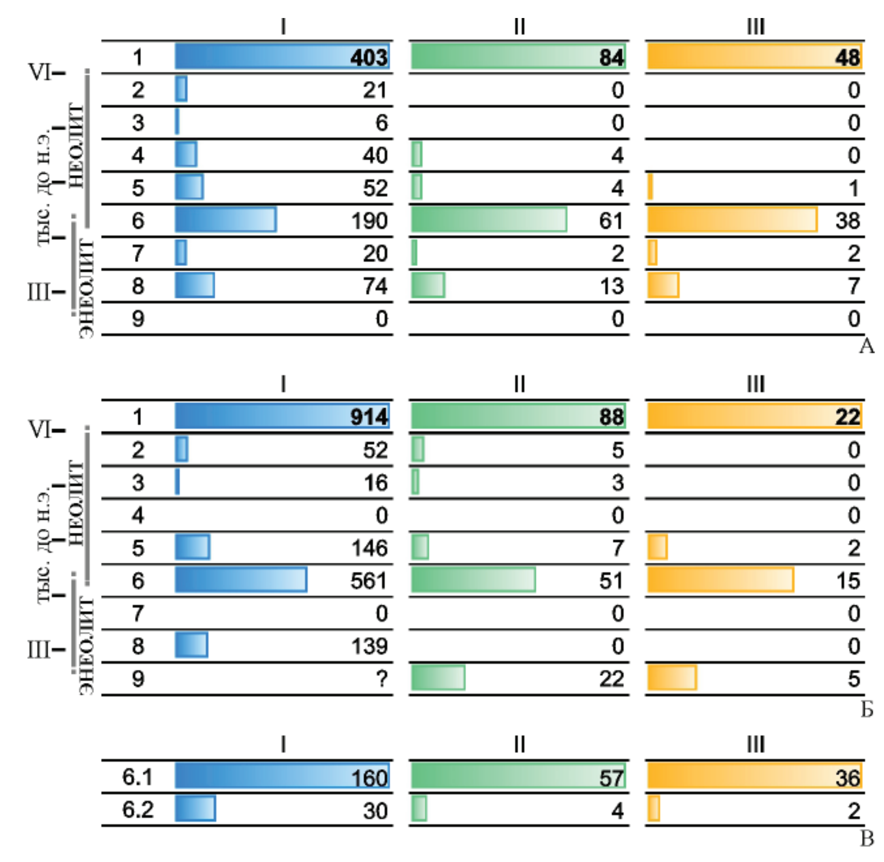

Рис. 1. Количественные данные о керамической посуде с признаками ремонта в связи с культурной атрибуцией и хронометрией. А – гомогенные комплексы; Б – места обитания неоднократного заселения, сборы подъемного материала, разведочные шурфы; В – гомогенные комплексы чужъяельской культуры. I – общее число сосудов; II – количество емкостей с признаками ремонта, в т.ч.: III – с остатками адгезивных веществ на поверхностях. 1 – общее число сосудов; 2 – памятники с накольчатой керамикой; 3 – камская культура; 4 – эньтыйский тип; 5 – льяловская культура; 6 – чужъяельская культура: 6.1. – первый этап; 6.2. – второй этап; 7 – конецборский тип; 8 – гаринская (чойновтинская) культура; 9 – неопределенная культурная атрибуция: неолит – энеолит.
Fig. 1. Quantitative data on ceramic ware with signs of repair in connection with cultural attribution and chronometry. A – homogeneous complexes; B – habitats of repeated settlement, collected surface finds, prospect holes; C – homogeneous complexes of the Chuzhyael culture. I – total number of vessels; II – number of vessels with signs of repair, including: III – with remains of adhesive substances on the surfaces. 1 – total number of vessels; 2 – monuments with stroked ware; 3 – Kama culture; 4 – Enty type; 5 – Lyalovo culture; 6 – Chuzhyael culture: 6.1. – first stage; 6.2. – second stage; 7 – Konetsbor type; 8 – Garino (Choinovty) culture; 9 – undetermined cultural attribution: Neolithic–Eneolithic.

ники. Среди материалов тундры (Нерчей II (Стоколос, 1988, с. 42–47)) и предгорий Урала (Балбанъю (Стоколос, 1989)) найдено лишь по одному ремонтированному горшку. Однако это объясняется степенью изученности территории, ведь упомянутые поселения – редкие памятники неолита и энеолита, исследованные раскопками в этих ландшафтных зонах.

Отверстия как основной признак ремонта

Реальное число и положение отверстий для механического скрепления или стягивания треснувших частей определимо только на восстановленных условно целых сосудах, но емкости такой сохранности крайне редки. Изучение шести горшков свидетельствует о том, что их начинали чинить уже в момент образования трещин, угрожающих целостности сосуда, и для предотвращения их дальнейшей неремонтируемой поломки. Это могла быть одна трещина от верхней части до основания (рис. 3: 4) или, наоборот, заложенная от основания (рис. 4: 2); единичный пример – трещины в центральной части, расходящиеся «лучами». В последнем случае отмечены не две парные противоположные сверлины, а три, по одной на каждый возможный фрагмент.

Определяются разные виды отверстий, среди которых преобладают конические односторонние – 156 случаев (рис. 2: 1, 4, 5; 3: 4;

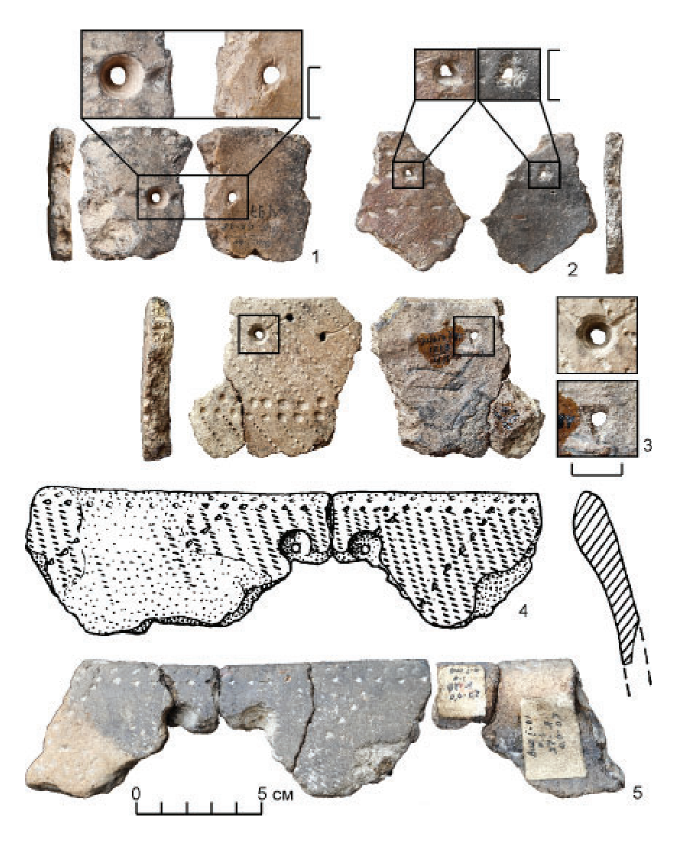

Рис. 2. Древнейшая в регионе керамическая посуда с признаками ремонта. 1, 2, 4, 5 – Вис I; 3 – Эньты IA. 4 – рисунок по Г.М. Бурову (1967. Табл. III, 9). 1, 2 – накольчатая керамика верхневолжской культуры (?); 3 – эньтыйский тип; 4, 5 – камская культура. 1 – условно биконическое сверление; 2 – развертывание в углублении от накола; 3 – несквозное сверление в ямке орнаментации с пробитием или разверткой «жемчужины»; 4, 5 – коническое сверление, остатки глиняной замазки или ангоба

Fig. 2. The oldest in the region pottery ware with signs of repair. 1, 2, 4, 5 – Vis I; 3 – Enty IA. 4 – drawing according to G.M. Burov (1967. Table III, 9). 1, 2 – stroked ceramics of the Upper Volga culture (?); 3 – Enty type; 4, 5 – Kama culture. 1 – conventionally biconical drilling; 2 – widening within punctured hollow; 3 – non-through drilling in a pit of ornamentation with punching a “pearl” or reaming; 4, 5 – conical drilling, remains of clay putty or engobe.

4: 1, 2). По одному представлены цилиндрическое (рис. 3: 2) и фасонное отверстие (рис. 3: 1). Для изготовления последнего сначала сделали цилиндрическую сквозную сверлину, а затем ее расточили на конус, либо применялся перфоратор с оформленными «плечиками». На обломках четырех сосудов выделяются развернутые отверстия (рис. 2: 2; 3: 3). Они могли быть сделаны орудием, поставленным под острым углом к поверхности, то есть их как бы проковыряли с двух сторон.

Полноценные биконические отверстия, когда они в равной мере изготавливались с двух сторон, отсутствуют. Условно биконические отверстия единичны и характеризуют керамику с примесью шамота (рис. 2: 1), вероятно, потому что в этом случае однородное по структуре тесто позволяет сохранить такие следы. Устье отверстия в такой ситуации с внутренней стороны горшка оформлено фаской. При одностороннем сверлении часть внутренней поверхности неизбежно отваливалась (рис. 2: 3; 3: 2; 4: 1, 2). Не исключено, что их изготовление завершалось пробиванием, что ускоряло работу.

Вероятно, по возможности для изготовления отверстий выбирались ямки и вдавления орнаментации. Таких сосудов выявлено 11 (рис. 2: 1–3; 3: 4).

Приспособления для скрепления фрагментов посуды изготавливали, вероятно, из органических материалов, которые не сохранились. Отпечатки непереплетенных волокон из органических материалов (сухожилий?) удалось выявить на замазке на двух сосудах (рис. 4: 1, 2).

Остатки герметика

Визуальное обследование фрагментов керамики без использования микроскопа позволило выявить остатки герметика (рис. 3–6) на 70 сосудах. Среди них выявлено 19 предметов без отверстий. Последняя цифра может указывать на степень сохранности керамики. Найдено лишь два сосуда, сохранившиеся обломки которых позволяют утверждать, что герметик мог применяться для замазки трещин без дополнительных приспособлений: горшок из жилища Юмиж I (рис. 6) и ладьевидный сосуд комплекса Ошчой V (жилище № 3) (Стоколос, 1986, рис. 78).

Остатки герметика располагаются на поверхностях в виде пятен и полос черного цвета мощностью до 2,3 мм, в 10 случаях частично или полностью заполняли отверстия. Выводы о предпочтениях нанесения герметика на внутреннюю или внешнюю поверхность емкости условны, поскольку зависят от неопределенной сохранности и основаны пока на визуальном осмотре без увеличения. Возможно, использование микроскопа повысит информативность этой категории источников. Пока распределение остатков адге-

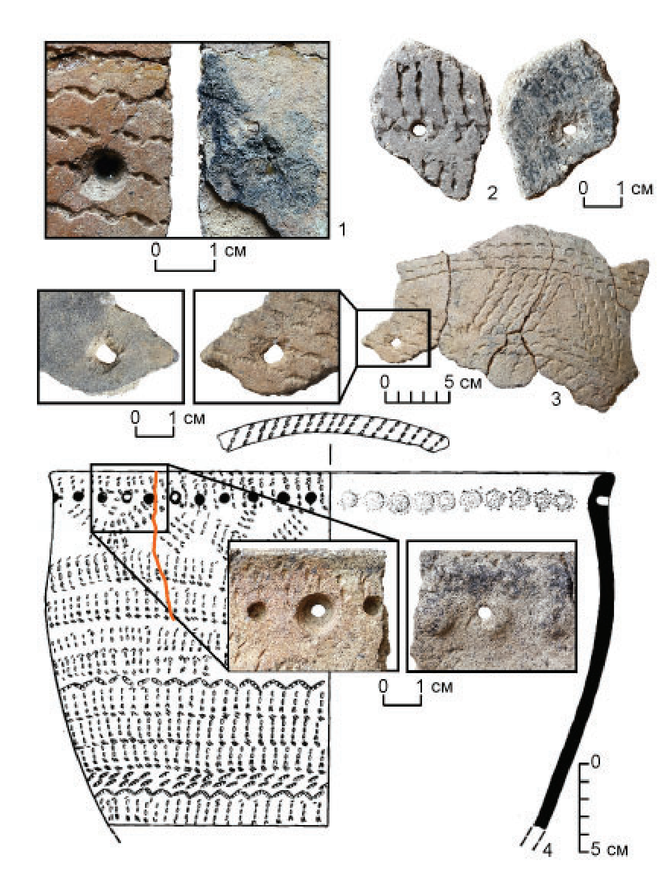

Рис. 3. Виды отверстий для ремонта. 1 – цилиндрическое; 2 – двусторонне развернутое; 3 – коническое, в том числе в ямке орнаментации. 1 – Вис II; 2 – Ошчой V, жилище № 5; 3 – Чойновты II, жилище № 14, графическая реконструкция сосуда по В.С. Стоколосу (1986. Рис. 108), цветной линией показан наблюдаемый участок трещины, вызвавшей необходимость ремонта

Fig. 3. Types of holes for repair. 1 – cylindrical; 2 – bilaterally unfolded; 3 – conical, including in the pit of ornamentation. 1 – Vis II; 2 – Oshchoi V, dwelling No. 5; 3 – Choinovty II, dwelling No. 14, graphic reconstruction of the vessel according to V.S. Stokolos (1986. Fig. 108), the coloured line shows the crack, which caused the need for repair.

зивного материала выглядит так: на обеих поверхностях – 21, на внешней – 31, внутренней – 18 случаев. Согласно этим данным, преимущественно герметиком покрывалась внешняя поверхность. В виде исключения его остатки выявлены единожды на поверхности трещины (рис. 5: 1).

Спектр природных материалов, которые могли использоваться для изготовления клеев и герметиков, широк (подробнее см.: Langejans et al., 2022), но наиболее распространены в археологических материалах остатки березового дегтя, сосновой смолы (Charrié-Duhaut et al., 2013; Helwig et al., 2014) и природного битума или асфальта (Boëda et al., 2008; Brown et al., 2014). Они могли использоваться как самостоятельно, так и в комбинации с друг другом и с прочими примесями, например животным жиром или пчелиным воском (библиографию см.: Miloglav, 2020, p. 121; Chen et al., 2022, p. 227). В первобытности могли использоваться и полимеры на основе полисахаридов, но те растворимы в воде и явно не подходят для роли герметиков.

Заслуживают внимания упомянутые выше свидетельства замазки трещин жидким глиня-

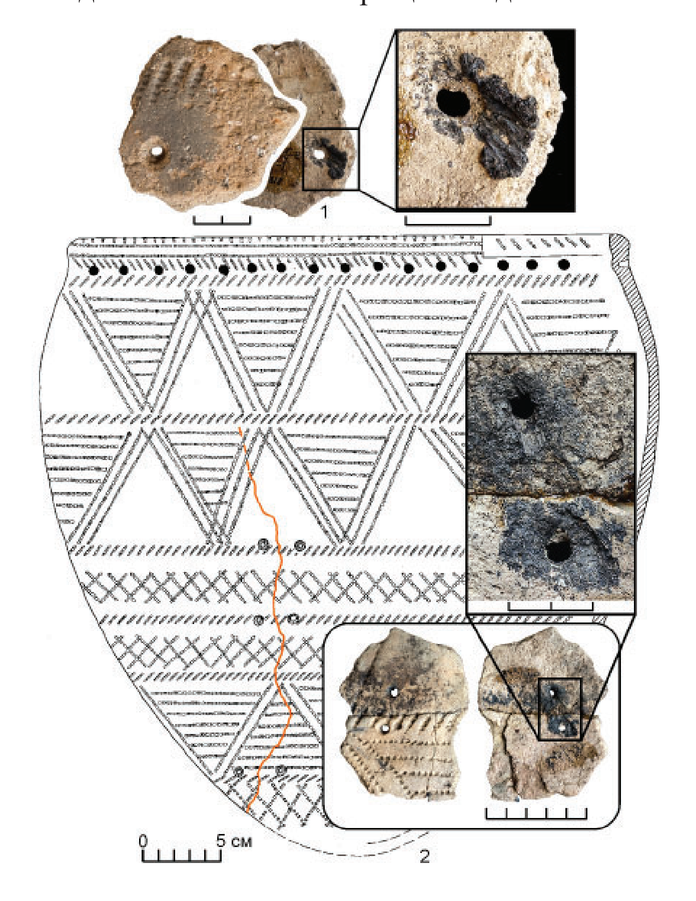

Рис. 4. Керамическая посуда с признаками ремонта, остатки герметика с отпечатками скрепки из органических волокон. 1 – Чойновты II, внежилищное пространство; 2 – Чужъяель I, жилище № 5; графическая реконструкция сосуда по В.С. Стоколосу (1986. Рис. 37), цветной линией показан наблюдаемый участок трещины, вызвавшей необходимость ремонта

Fig. 4. Ceramic ware with signs of repair, remains of sealant with imprints of an organic fiber clamps. 1 – Choinovty II, out-of-dwelling space; 2 – Chuzhyaelskaya I, dwelling No. 5; graphic reconstruction of the vessel according to V.S. Stokolos (1986. Fig. 37), the coloured line shows the crack that caused the need for repairs

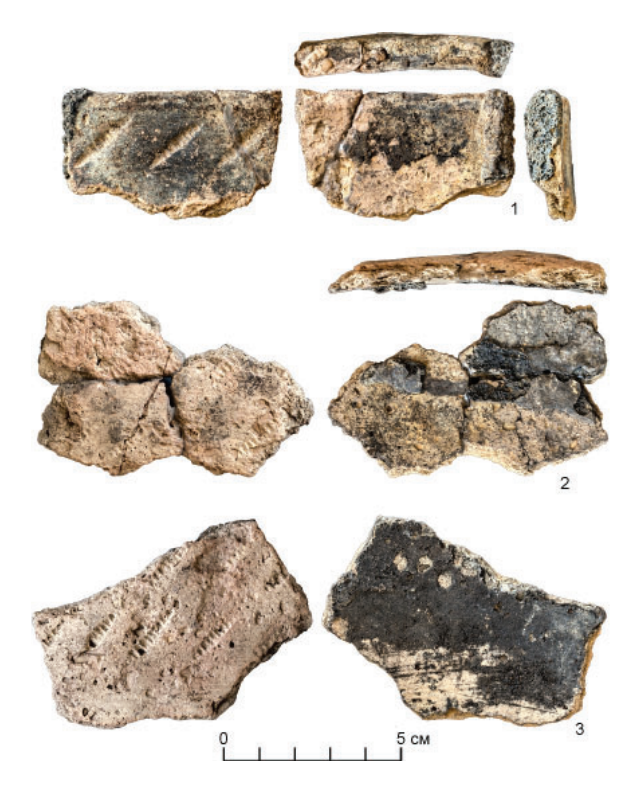

Рис. 5. Юмиж I. Керамический сосуд с остатками герметика в виде лент на венчике, в том числе на поверхности трещины (1) и тулове (2), в виде пятна (деталь) на тулове (3)
Fig. 5. Yumizh I. Pottery with sealant remains in the form of ribbons on the rim, including on the surface of the crack (1) and on the body (2) as a spot (detail) on the body (3)

ным тестом (Лохов и др., 2013; Гавриш, 2018). Такой способ ремонта однозначно в региональных материалах не определяется. Например, на обломках ремонтированного горшка камской культуры с поселения Вис I на обеих поверхностях есть фрагменты пятен глины (рис. 2: 5), однако нужно учесть традицию использования ангоба при изготовлении посуды этой культуры.

В настоящее время проанализировано пять образцов посуды чужъёльской культуры (Карманов и др., в печати). Методом газовой хрома-масс-спектрометрии определены биомаркеры березы при отсутствии маркеров хвойных деревьев и битума. Это свидетельствует о том, что для замазки ремонтных швов и трещин на сосудах использовался березовый деготь. Состав органических соединений в изученных образцах указывает на его получение с использованием двух емкостей (Rageot et al., 2019, fig. 2). В одном сосуде методом пиролиза обрабатывалась береста, в другой – стекал готовый продукт. Сравнительно сложная технология производства дегтя свидетельствует об еще одной специализации домашнего хозяйства охотников-собирателей тайги и необходимости использования ими для этого особых теплотехнических устройств.

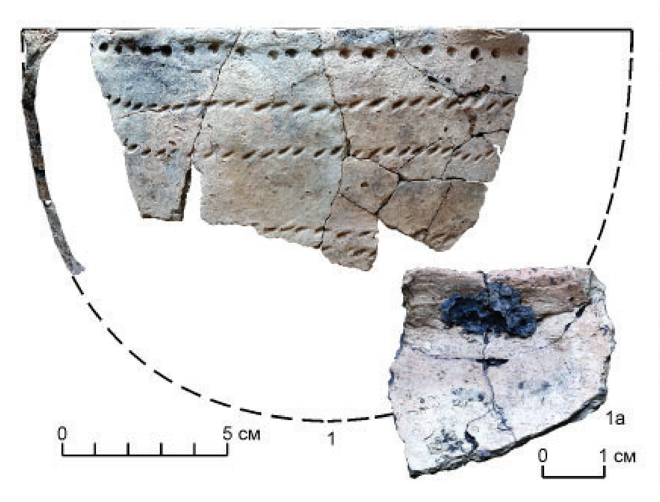
Не исключено, что сосуд из жилища Угдым IГ мог использоваться для изготовления дегтя (рис. 6). Среди его обломков была найдена обугленная береста (рис. 6: 2), а сам он не имел признаков ремонта. Однако остатки адгезивного материала сохранились на его внутренней стороне, в верхней части в виде куска (рис. 6: 1). Обугленная береста была датирована и полученный результат указывал на ее возраст, близкий к времени существования гаринской культуры – 3480 ± 190 ^{14}С л. н. (ГИН-14592).

Результаты и обсуждение

Полученные данные о ремонте керамической посуды в неолите и энеолите КСВЕ свидетельствуют о том, что за редким исключением починка горшков использовалась представителями всех культурных образований региона во все периоды. Уже на древнейших в регионе сосудах мы видим разные виды ремонтных отверстий, но без использования адгезивных материалов для герметизации и крепления швов.

Большую роль, вероятно, играли традиции использования посуды и потребности в ней. В этой связи особенна чужъёльская культура, обязанная своим происхождением населению севера Западной Сибири. Финал ее истории на КСВЕ уверенно связывается с носителями европейских культур пористой керамики, и одновременно с ним мы наблюдаем уменьшение доли ремонтированной посуды. Сами носители пористой керамики в меньшей мере используют отверстия для крепления скрепок, вероятно, из-за тонкости и хрупкости стенок сосудов, и трещины последних склеиваются герметиком. Таким образом, в наблюдаемой диахронии способов ремонта в регионе они противоположны древнейшей посуде, на которой остатки адгезивных материалов пока не выявлены.

Постановка вопроса о древнем ремонте керамической посуды, приведенные археологические свидетельства о нем и будущие результаты инструментального определения состава герметика открывают новую тему

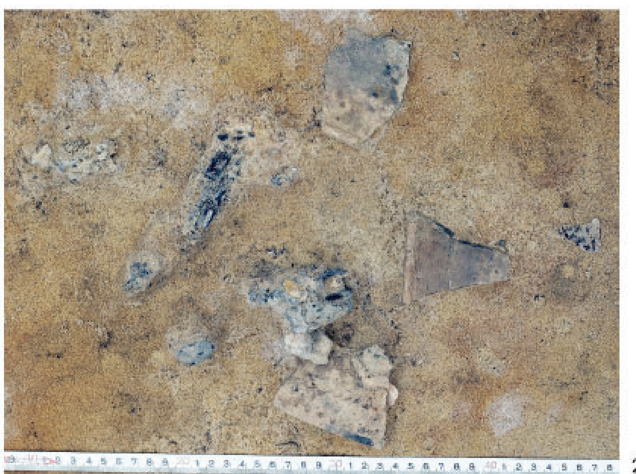

Рис. 6. Угдым IГ. Керамический сосуд, использовавшийся для получения дегтя (?). 1 – графическая реконструкция и внутренняя поверхность с герметиком; 2 – скопление обломков того же сосуда и обрывков обугленной бересты

Fig. 6. Ugdym IГ. Ceramic vessel used to produce tar (?). 1 – graphic reconstruction and inner surface with sealant; 2 – accumulation of fragments of the same vessel and fragments of charred birch bark

для специальных и комплексных исследований неолита и энеолита Северной Евразии. Это обусловлено познавательными возможностями изученной категории источников. Как и любые доказательно восстановленные «биографии» артефактов, «истории» горшков позволяют рассказать о поведении людей и оценить их потребности и образ жизни.

С починкой керамики связано применение специальных инструментов и приспособлений, навыков изготовления адгезивных материалов и знаний об их свойствах в связи с ремонтом и использованием керамической посуды. Применение «двухгоршечного» способа изготовления дегтя указывает на необходимость организации специального теплотехнического устройства или адаптации конструкции повседневного очага с такой целью. Это указывает и на еще одну возможную функцию керамических сосудов как емкостей для изготовления адгезивного материала.

Остатки герметика – перспективный материал для AMS-датирования артефактов, что актуально в условиях порой полного отсутствия возможностей определения независимыми методами времени создания источников. Так, они выявлены на 70 сосудах, что при условии использования древесных смол и дегтя превышает многократно число образцов с нагаром (пригаром) – неидеальным материалом для датирования.

В ближайшей перспективе планируется инструментальное изучение остатков герметиков, их датирование, уточнение связи ремонта и керамических традиций. Например, остается открытым вопрос: использовались ли ремонтированные горшки для термической обработки или их применение в быту было ограниченно хранением.

ЛИТЕРАТУРА

Буров Г.М. Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край): Учебное пособие для студентов-историков. Ульяновск, 1974. 120 с.

Гавриш К.В. Следы ремонта глиняными заплатами на керамике бронзового века Южного Зауралья // Геоархеология и археологическая минералогия. Том 5 / Отв. ред. А.М. Юминов, Е.В. Зайкова. Миасс: Институт минералогии УрО РАН, 2018. С. 85–86.

Гейко А. Ремонт глиняного посуду: історія, традиції, звича. Полтава: ТОВ «АСМІ», 2013. 176 с.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Гутков А.И. О традиции ремонта глиняной посуды // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Книга, 2000. С. 170–186.

Дерюгин В.А., Суховерхов С.В., Удзииз Ё., Павлов А.Д. Идентификация природного битума с археологического памятника Ясное-8 (остров Сахалин) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 1 (46). С. 34–40.

Дьяконов В.М. Керамика улахан-сегеленняхской культуры бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4 (52). С. 106–115.

Иванова А.А., Шергин Д.Л. К вопросу о ремонте глиняных сосудов на территории Прибайкалья // Материалы LXI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. / Отв. ред. И.М. Бердников, Д.Н. Лохов. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. С. 94–97.

Канивец В.И. Печорское Приполярье в эпоху раннего металла. М.: Наука, 1974. 151 с.

Карманов В.Н. Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. 226 с.

Карманов В.Н. Керамическая посуда в культуре бродячих охотников Крайнего северо-востока Европы // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 230–240

Карманов В.Н. Древнейшая керамическая посуда на крайнем северо-востоке Европы: контексты и пути распространения // Археологические записки. Вып. 10 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019а. С. 155–189.

Карманов В.Н. Стоянка Пезмогты 5 и актуальные вопросы неолита европейского Северо-Востока // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. А.А. Бессуднов, Е.Ю. Захарова. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019б. С. 336–356.

Карманов В.Н. Камская неолитическая культура на северо-востоке Европы // Известия СНЦ РАН. 2020. Т. 2. № 3. С. 70–83.

Карманов В.Н., Бушнев Д.А., Валяева О.В. Определение адгезивного материала для ремонта керамической посуды (по материалам неолита и энеолита крайнего северо-востока Европы) // Археология, антропология и этнография Евразии. В печати.

Карманов В.Н., Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродная хронология чужъёльской культуры // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 55–69.

Косинская Л.Л. Керамика поселения Ниремка I // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке / Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 10 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1986. С. 35–44.

Косинская Л.Л. Мезолит – ранняя бронза бассейна Нижней Вычегды. Дисс… канд. ист. наук. Сыктывкар, 1987. 168 с.

Логинова Э.С. Поселение Эньты I // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 7 / Отв. ред. В. С. Стоколос. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми филиал АН СССР, 1978. С. 3–23.

Лохов Д.Н., Роговской Е.О., Дударёк С.П. Североангарский вариант керамики хайтинского типа // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1 (2). С. 116–132.

Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.

Семенов В.А., Несанелене В.Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета). Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 172. 169 с.

Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986. 191 с.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Стоколос В.С. Работы Печоро-Мезенского отряда в 1986-1988 годах // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. С. 35–36.

Boëda E., Bonilauri S., Connan J., Jarvie D., Mercier N., Tobey M., Valladas H., Al-Sakhel H. New Evidence for Significant Use of Bitumen in Middle Palaeolithic Technical Systems at Umm el Tlel (Syria) around 70,000 BP // Paléorient. 2008. Vol. 34. № 2. P. 67–83.

Brown K.M., Connan J., Poister N.W., Vellanoweth R.L., Zumberge J., Engel M.H. Sourcing archaeological asphaltum (bitumen) from the California Channel Islands to submarine seeps // JAS. 2014. No 43. P. 66–76.

Charters S., Evershed R. P., Goad L. J., Heron C., Blinkhorn P. Identification of an adhesive used to repair a Roman jar // Archaeometry. 1993. No 35 (1). P. 91–101.

Charrié-Duhaut A., Porraz G., Cartwright C.R., Igreja M., Connan J., Poggenpoel C., Texier P.-J. First molecular identification of a hafting adhesive in the Late Howiesons Poort at Diepkloof Rock Shelter (Western Cape, South Africa) // JAS. 2013. No 40 (9). P. 3506–3518.

Chen S., Vahur S., Teearu A., Leito I., Oras E., Juus T., Zhilin M., Oshibkina S., Savchenko S., Asheichyk V., Vashanau A., Lychagina E., Kashina E., German K., Dubovtseva E., Kriiska A. Classification of archaeological adhesives from Eastern Europe and Urals by ATR-FT-IR spectroscopy and chemometric analysis // Archaeometry. 2022. No 1 (64). P. 227–244.

Cleal R. The occurrence of drilled holes in later Neolithic pottery // Oxford Journal of Archaeology. 1988. No 7 (2). P. 139–145.

Connan J., Priestman S., Vosmer T., Komoot A., Tofighian H., Ghorbani B., Engel M.H., Zumberge A., Van de Velde T. Geochemical analysis of bitumen from West Asian torpedo jars from the c. 8th century Phanom-Surin shipwreck in Thailand // JAS. 2020. No 117. P. 105–111.

Conte I.C., Mazzucco N., Solana D.C., Holgueras M.M. The toolkit for pottery production and repair in prehistory // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Отв. ред. О.В. Лозовская, А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2016. С. 135–139.

Helwig K., Monahan V., Poulin J., Andrews T.D. Ancient projectile weapons from ice patches in northwestern Canada: identification of resin and compound resin-ochre hafting adhesives // JAS. 2014. № 41. P. 655–665.

Jensen T. Z. T., Niemann J., Iversen K. H., Fotakis A. K., Gopalakrishnan S., Vågene Å. J., Pedersen M. W., Sinding M. S., Ellegaard M. R., Allentoft M. E., Lanigan L. T., Taurozzi A. J., Nielsen S. H., Dee M. W., Mortensen M. N., Christensen M. C., Sørensen S. A., Collins M. J., Gilbert M. T. P., … Schroeder, H. A 5700 year-old human genome and oral microbiome from chewed birch pitch // Nature Communications. 2019. № 10 (1). P. 1–10.

Karmanov V.N., Zaretskaya N.E. Radiocarbon dating of Holocene archaeological sites in the Far Northeast of Europe: scopes and limits of a supraregional database // Documenta Praehistorica. 2021. XLVIII. P. 142–165.

Langejans G., Aleo A., Fajardo S., Kozowyk P. Archaeological Adhesives // Oxford Research Encyclopedia of Anthropology. Oxford: Oxford University Press, 2022.

Miloglav I. Drills and holes – pottery repairing as evidence of the social meaning of an object // Quaternary International. 2020. Vol. 569–570. P. 120–127.

Pesonen P. Early asbestos ware // Pithouses and Pomakers in Eastern Finland. Reports of the Ancient Lake Saimaa Project. (Helsinki papers in archaeology. No. 9). Helsinki: University of Helsinki department of archaeology, 1996. P. 9–39.

Pesonen P. Radiocarbon Dating of Birch Bark Pitches in Typical Comb Ware in Finland // Dig it all. Papers dedicated to Ari Siiriainen (ed. by M. Huurre). Helsinki: The Finnish Antiquarian Society & The Archaeological Society in Finland, 1999. P. 191–200.

Rageot M., Théry-Parisot I., Beyries S., Lepère C., Carré A., Mazuy A, Filippi J.-J., Fernandez X., Binder D., Regert M. Birch Bark Tar Production: Experimental and Biomolecular Approaches to the Study of a Common and Widely Used Prehistoric Adhesive // JAMT. 2019. № 26. P. 276–312.

Информация об авторе:

Карманов Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); vkarman@bk.ru

REFERENCES

Burov, G. M. 1974. *Arkheologicheskie kul'tury Severa evropeyskoy chasti SSSR (Severodvinskiy kray) (Archaeological cultures of the north of the European part of the USSR (Severodvinsk region))*. Ulyanovsk (in Russian).

Gavrish, K. V. 2018. In Yuminov, A. M., Zaykova, E. V. (eds.). *Geoarkheologiia i arkheologicheskaia mineralogiia (Geoarchaeology and Archaeological mineralogy)* 5. Miass: Institute of Mineralogy of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 85–86 (in Russian).

Geiko, A. 2013. *Remont glinyanogo posudu: istoriya, traditsiї, zvicha (The repair of pottery: history, traditions, customs)*. Poltava: "ASMI" Publ. (in Ukranian).

Glushkov, I. G. 1996. *Keramika kak arkheologicheskiy istochnik (Ceramics as an archaeological source).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gutkov, A. I. 2000. In Zdanovich, S. Ya. (ed.). *Arkheologicheskiy istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologiy: trudy muzeya–zapovednika Arkaim: sb. nauchnykh trudov (Archaeological Sources and Modeling of Ancient Technologies: Proceedings of Museum-Reserve Arkaim*). Chelyabinsk: "Kniga" Publ., 170–186 (in Russian).

Deryugin, V. A., Sukhoverkhov, S. V., Ujiie Yoshihiro, Pavlov, A. D. 2018. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia))* 46 (1), 34–40 (In Russian).

Dyakonov, V. M. 2012. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 52 (4), 106–115 (In Russian).

Ivanova, A. A., Shergin, D. L. 2021. In Berdnikov, I. M., Lokhov, D. N. (eds.). *Materialy LXI Rossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh (Materials of the LXI Russian (with international participation) archaeological and ethnographic conference of students and young scientists).* Irkutsk: Irkutsk State University, 94–97 (In Russian).

Kanivets, V. I. 1974. *Pechorskoe Pripolyar'e v epokhu rannego metalla (Pechora Near Arctic region in the Early Metal Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (In Russian).

Karmanov, V. N. 2008. *Neolit evropeiskogo Severo-Vostoka (Neolithic of European Notheast)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Karmanov, V. N. 2018. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* Vol. 7, no 3 (24), 230–240 (in Russian).

Karmanov, V. N. 2019a. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 10. Rostov on Don: "Altair" Publ., 155–189 (In Russian).

Karmanov, V. N. 2019b. In Bessudnov, A. N., Zakharova, E. Yu. (eds.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 11. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 336–356 (in Russian).

Karmanov, V. N. 2020. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 2, no. 2, 70–83 (in Russian).

Karmanov, V. N., Bushnev, D. A., Valiaeva, O.V . (In print) In *Arkheologiia, ėtnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia)* (in Russian).

Karmanov, V. N., Zaretskaya, N. E. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)* 37 (3), 55–69 (In Russian).

Kosinskaya, L. L. 1986. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Pamiatniki material'noi kul'tury na Evropeiskom Severo-Vostoke (Monuments of Material Culture in the European North-East)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of the European North-East). 10. Syktyvkar: Komi branch of the USSR Academy of Sciences, 35–44 (In Russian).

Kosinskaya, L. L. 1987. *Mezolit – rannyaya bronza basseyna Nizhney Vychegdy (Mesolithic-Early Bronze Age of the Lower Vychegda basin)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Syktyvkar (in Russian).

Loginova, E. S. 1978. In Stokolos, V. S. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi paleometalla v Severnom Priural'e (Archaeological Monuments of the Paleometal Period in the Northern Ural Region)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of the European North-East) 7. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 3–23 (in Russian).

Lokhov, D. N., Rogovskoi, E. O., Dudarek, S. P. 2013. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 2 (1), 116–132 (in Russian).

Luzgin, V. E. 1972. *Drevnie kul'tury Izhmy (Ancient Cultures of Izhma)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Semenov, V. A., Nesanelene, V. N. 1997. *Evropeiskii Severo-Vostok v epokhu bronzy (po materialam raskopok Syktyvkarskogo universiteta) (European Northeast in the Bronze Age (on the Basis of Excavations Materials from the Syktyvkar University).* Syktyvkar: Syktyvkar State University (in Russian).

Stokolos, V. S. 1986. *Drevnie poseleniya Mezenskoy doliny (Ancient Settlements of Mezenskaya Valley)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Stokolos, V. S. 1988. *Kul'tury epokhi rannego metalla Severnogo Priural'ya (Cultures of the Early Metal Period in the Northern Urals).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Stokolos, V. S. 1989. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 35–36 (in Russian).

Boëda, E., Bonilauri, S., Connan, J., Jarvie, D., Mercier, N., Tobey, M., Valladas, H., Al-Sakhel, H. 2008. In *Paléorient* 34 (2), 67–83.

Brown, K. M., Connan, J., Poister, N. W., Vellanoweth, R. L., Zumberge, J., Engel, M. H. 2014. In *JAS* (43), 66–76.

Charters, S., Evershed, R. P., Goad, L. J., Heron, C., Blinkhorn, P. 1993. In *Archaeometry* 35 (1), 91–101 (in English).

Charrié-Duhaut, A., Porraz, G., Cartwright, C. R., Igreja, M., Connan, J., Poggenpoel, C., Texier, P.-J. 2013. In *JAS* 40 (9), 3506–3518 (in English).

Chen, S., Vahur, S., Teearu, A., Leito, I., Oras, E., Juus, T., Zhilin, M., Oshibkina, S., Savchenko, S., Asheichyk, V., Vashanau, A., Lychagina, E., Kashina, E., German, K., Dubovtseva, E., Kriiska, A. 2022. In *Archaeometry* 1 (64), 227–244.

Cleal, R. 1988. In *Oxford Journal of Archaeology* 7 (2), 139–145 (in English).

Connan, J., Priestman, S., Vosmer, T., Komoot, A., Tofighian, H., Ghorbani, B., Engel, M. H., Zumberge, A., Van de Velde, T. 2020. In *JAS* (117), 105–111.

Conte, I. C., Mazzucco, N., Solana, D. C., Holgueras, M. M. 2016. In Lozovskaya, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 135–139.

Helwig, K., Monahan, V., Poulin, J., Andrews, T. D. 2014. In *JAS* (41), 655–665.

Jensen, T. Z. T., Niemann, J., Iversen, K. H., Fotakis, A. K., Gopalakrishnan, S., Vågene, Å. J., Pedersen, M. W., Sinding, M. S., Ellegaard, M. R., Allentoft, M. E., Lanigan, L. T., Taurozzi, A. J., Nielsen, S. H., Dee, M. W., Mortensen, M. N., Christensen, M. C., Sørensen, S. A., Collins, M. J., Gilbert, M. T. P., Schroeder, H. 2019. In *Nature Communications* 10 (1), 1–10.

Karmanov, V. N., Zaretskaya, N. E. 2021. In *Documenta Praehistorica* (XLVIII), 142–165.

Langejans, G., Aleo, A., Fajardo, S., Kozowyk, P. 2022. In *Oxford Research Encyclopedia of Anthropology*. Oxford: Oxford University Press.

Miloglav, I. 2020. In *Quaternary International* (569–570), 120–127.

Pesonen, P. 1996. *Helsinki papers in archaeology.* 9. Helsinki: University of Helsinki department of archaeology, 9–39.

Pesonen, P. 1999. In Huurre, M. (ed.). *Dig it all. Papers dedicated to Ari Siiriainen.* Helsinki: The Finnish Antiquarian Society & The Archaeological Society in Finland, 191–200.

Rageot, M., Théry-Parisot, I., Beyries, S., Lepère, C., Carré, A., Mazuy, A, Filippi, J.-J., Fernandez, X., Binder, D., Regert, M. 2019. In *JAMT* (26), 276–312.

About the Author:

Karmanov Viktor N. Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; vkarman@bk.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.241.252

ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В НЕОЛИТЕ - ЭНЕОЛИТЕ ПРИКАСПИЯ И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ[1]

© 2024 г. М.А. Кулькова, А.А. Выборнов

Определяющее влияние на изменение окружающей среды в полупустынной и степной зонах Восточной Европы в голоцене оказывает изменение влажности. Первые носители неолитических культур на этой территории появляются в раннем голоцене при переходе от влажных к сухим условиям. Аридизация климата около 6200 лет до н.э способствовала локальным перемещениям населения и взаимодействиям между сообществами, что проявлялось в появлении новых элементов в технологии изготовления керамической посуды. Керамические традиции джангарского и каиршакского типов, сложившиеся в первый кратковременный «критический» эпизод ухудшения климата в полупустынной зоне, продолжают развиваться в традициях орловской культуры, которая формируется в степной зоне Нижневолжского региона. Формирование переходной от неолита к энеолиту прикаспийской культуры начинается около 5500 лет до н.э. в Северном Прикаспии. Появление синкретической керамики и первых свидетельств скотоводства было установлено на фоне кратковременных эпизодов климатической аридизации, которые сменяются эпизодами увлажнения в этот период. Энеолитические сообщества носителей хвалынской культуры, в экономике которой преобладает производящее хозяйство и появляются медные изделия, начинают распространяться уже в конце кратковременной аридизации климата около 4700 лет до н.э. в полупустынной и степной зонах.

Ключевые слова: археология, ранний неолит Восточной Европы, орловская культура, прикаспийская культура, хвалынская культура, Мангышлакская регрессия, климатический эпизод 8,2 ka BP, аридизация климата.

PALEOCLIMATIC CHANGES AND THEIR INFLUENCE ON CULTURAL AND HISTORICAL PROCESSES DURING THE NEOLITHIC – ENEOLITIC IN THE CASPIAN AND LOWER VOLGA REGIONS[2]

M.A. Kulkova, A.A. Vybornov

The main role in changing of the environment in the semi-desert and steppe zones of Eastern Europe in the Holocene played the precipitation. The first bearers of Neolithic cultures in this territory appeared in the Early Holocene during a transition from wet to arid climatic conditions. The climatic aridization around 6200 cal BC contributed to local population movements and interactions between communities. These processes led to the emergence of new elements in pottery technology and stone industry. The cultural traditions of the Dzhangar and Kairshak types, appeared during the short-term “critical” episode of climate deterioration in the semi-desert zone, continued to develop in the Orlovka culture, formed in the steppe zone of the Lower Volga region. The formation of the Caspian culture, transitional from Neolithic to Chalcolithic, begins about 5500 cal BC in the Northern Caspian. The appearance of syncretic pottery and cattle breeding characterizes this culture. The short-term episodes of climatic aridization, which were followed by periods of humidification, were registered in this time. Eneolithic communities of the Khvalynsk culture, in whose economy appeared copper production together with animal domestication, begin to spread already at the end of a short-term aridization of the climate around 4700 BC in semi-desert and steppe zones.

Keywords: archaeology, Early Neolithic of Eastern Europe, Orlovka culture, Caspian culture, Khvalynsk culture, Mangyshlak regression, climatic episode 8.2 ka BP, climate aridization.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00103

[2] This work was financially supported by RSF grant (project No 24-28-00103)/

Введение

Появление в южной части территории Восточной Европы в раннем голоцене традиции изготовления глиняной посуды среди местного мезолитического населения можно обозначить как своего рода феномен, который привел к переходу от мезолита к неолиту на всей территории Восточной Европы и достаточно быстрому продвижению неолитических культур на север из полупустынной и степной зон в лесную и тундровые зоны. Вероятно, географические особенности Восточно-Европейской равнины способствовали такому распространению носителей неолитических культур. В этой связи анализ появления и развития самых ранних неолитических памятников на юге Восточно-Европейской равнины в контексте палеогеографических условий раннего голоцена является важной и интересной задачей. Переход к эпохе энеолита и появление производящего хозяйства также происходит в регионе полупустынной и степной зон Северного Прикаспия и бассейна Нижней Волги. Здесь складываются такие палеогеографические условия в этот период, которые способствовали развитию сравнительно новой хозяйственной стратегии для этого региона – производящего хозяйства, сначала представленного скотоводством и доместикацией, а после включающего использование металла.

Зона полупустыни Прикаспийского региона охватывает возвышенность Ергени и северную половину Прикаспийской низменности, продолжаясь к озеру Баскунчак и среднему течению реки Урал (Анучин и Борзов, 1991; Вольпе и Клупт, 1969; Калуцков, 2020). В раннем голоцене в раннеатлантический период одним из значительных событий здесь является Мангышлакская регрессия, которая произошла в Каспийском море около 6,2–5,4 тыс. лет до н. э., в промежутке между позднехвалынской и новокаспийской трансгрессиями (Свиточ, 2016). Это событие привело к падению уровня воды в Волге и ее протоках на 20–22 м ниже современного. Вдоль западного побережья Каспия была экспонирована полоса дна шириной 10–15 км. Низменность Северного Прикаспия представляла собой осушенное дно с врезами палеопротоков Волги, Терека, Кумы и Сулака. Восточнее Каспийское море было преобразовано в обширное озеро, куда впадали палеоУрал и палеоЭмба. На осушенных участках накапливались эоловые пески, а также аллювиальные алевриты, пойменные и озерные глины с большим количеством остатков пресноводных раковин. Дельта Волги заняла более низкое положение и переместилась на юг. Климат в начальный период Мангышлакской регрессии характеризуется как резко аридный. Полупустынные и пустынные ландшафты с участками галофитной растительности занимают восточное побережье. На западном побережье распространялись сухие пустынные степи с преобладанием ксерофитов, с разнотравьем и отдельными участками лесных сообществ. В Северном Прикаспии в долинах рек и по берегам озер и лиманов развивались отдельные древесные растительные сообщества (Свиточ, 2016). Нужно отметить, что климат полупустынь относится к ярко выраженному сухому континентальному типу с резкими перепадами сезонных температур: жаркое лето (+23–25 градусов) – холодные (–10–15) зимы. Климатические весна и осень полупустынной зоны очень непродолжительны. Сильные морозы чередуются с оттепелями (Анучин, Борзов, 1991; Вольпе, Клупт, 1969; Калуцков, 2020). В сухих степях и полупустынных зонах преобладают каштановые почвы, повышенная засоленность почв препятствуют хозяйственному освоению этих земель (Дулов, 1983; Герасимова, 2020).

Для степного типа умеренного климатического пояса летом характерны тепло и сухость, средняя температура июля колеблется в пределах от +20 до +23. Лето в степной полосе засушливое под воздействием юго-восточных и восточных ветров (суховеев). Зимой при сильных ветрах не накапливается большого слоя снега, он сосредоточивается лишь в оврагах и балках. Низкие средние январские температуры (до –15) способствуют сильному промерзанию почв (Анучин, Борзов, 1991; Вольпе, Клупт, 1969; Калуцков, 2020). В степной зоне наблюдается постепенный переход разнотравного растительного покрова в злаковый (появляются ковыль, типчак и другие злаки), который в зоне полупустынь сменяется полынно-злаковой растительностью, а в пустынях – полынью и солянками. Черноземы характерны преимущественно для открытых степей (Герасимова, 2020).

Именно в таких географических условиях раннего голоцена на освободившейся в

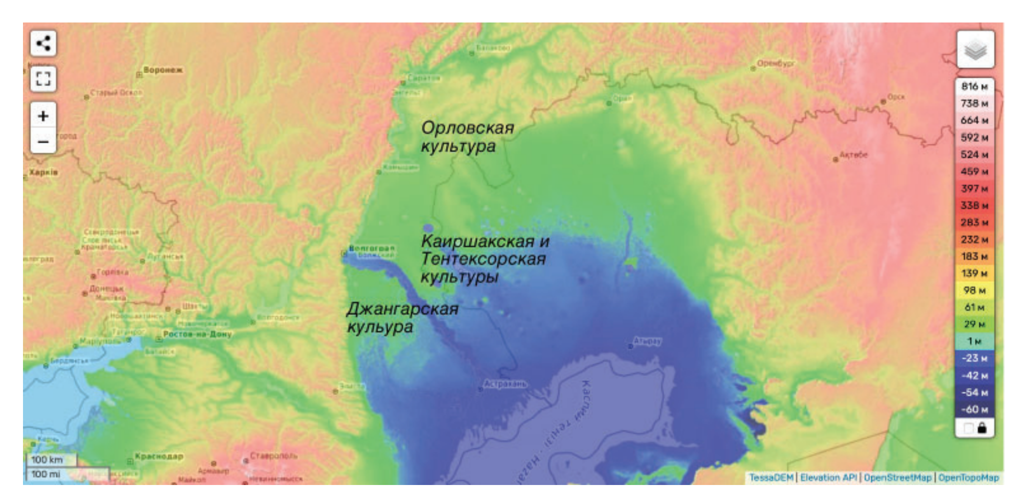

Рис. 1. Схема расположения культур раннего неолита на территориях Северного Прикаспия и Нижней Волги.
Fig. 1. Location of Early Neolithic cultures in the the Northern Caspian and Lower Volga regions.

результате регрессии территории Прикаспийской низменности, а также и выше по течению Волги, в Нижнем Поволжье появляются первые носители неолитических культур.

Дальнейшие климатические изменения в этом регионе позднеатлантического периода соответствуют интервалу 5020–3790 лет до н. э. Как отмечает Н.С. Болиховская (2011), в этот период происходит распространение лесостепной растительности и самого высокого в голоцене количества термофильных и влаголюбивых элементов в ее составе. По уровню и соотношению теплообеспеченности и влагообеспеченности растительного покрова на середину этого периода попадает главный климатический оптимум голоцена на исследуемой территории (Болиховская, 2011). Трансгрессивная стадия Новокаспийского бассейна, для которой подъем уровня моря фиксируется на абс. высоте –18 (–28) датируется 4940–4400 лет до н. э. (Варущенко и др., 1987). Импульс относительной континентальности климата был установлен в интервале 4500–4400 лет до н. э., что вызвало, в свою очередь, понижение уровня моря (Болиховская, 1990). В древостое островных плакорных лесов, приуроченных к западинам, степным блюдцам, лиманам и другим понижениям с близким уровнем грунтовых вод, участвовали менее требовательные к условиям увлажнения породы – сосна, береза, берест, дуб черешчатый и др. (Яхимович, Сулейманова, 1986). В районе Северного Прикаспия также преобладали лесостепи с сосновыми и широколиственными лесами из дуба, граба, липы и ясеня (Маев, Чепалыга, 2002). Эти географические условия, по-видимому, были благоприятными для распространения энеолитических сообществ в этом регионе.

Сопоставление и корреляция хронологии появления и развития неолитических и энеолитических культур с климатическими изменениями в полупустынной и степной зонах Восточно-Европейской равнины дает возможность более точно и детально выявить процессы, приводящие к изменениям в хозяйственной и социальной деятельности древних сообществ в это время, а также проследить особенности развития отдельных культур.

Ранненеолитические культуры Северно-Прикаспия и Нижнего Поволжья

Наиболее ранние памятники неолита на территории Восточной Европы были открыты в регионе Северного Прикаспия (рис. 1). Они датируются на сегодняшний день около 6690–6027 лет до н. э. (Кулгайси, Кугат IV) (Выборнов и др., 2016). Первые неолитические сообщества относятся к каиршакско-тентексорской культуре (Васильев, Выборнов, 1988). Материальная часть стоянок этого региона (Кугат IV, Каиршак III, Байбек, Тентексор, Таскудук I) (Выборнов и др. 2016; Гречкина и др., 2014; Дога и др., 2023) характеризуется плоскодонными сосудами. На раннем этапе развития орнаментация на них представлена прочерками и отдельными наколами, а на позднем наколами в отступающей технике. Каменный инвентарь изготовлен в пластинчато-отщеповой технике, на раннем этапе доминируют формы орудий в виде сегментов, а на позднем этапе трапеции с подработкой по всей внешней поверхности. Жилища характеризуются округлой формой (Выборнов и др., 2022, с. 83–85). В Северо-Западном Прика-

спии стоянки раннего неолита представлены памятниками Джангар, Ту-бузгу-худук I (Кольцов, 1988, 1989). На их основе выделена джангарская культура (Кольцов, 2004). На памятниках Северо-Западного Прикаспия, в отличие от стоянок в Северном Прикаспии, ранняя посуда характеризуется остродонностью. Сосуды орнаментированы рядами ямок под венчиком. Эти признаки отсутствуют на керамике в соседних регионах. На более поздних этапах они исчезают и появляются плоскодонные сосуды (Vybornov et al., 2020). Орнамент нанесен наколами треугольной формы в отступающей манере. Каменная индустрия пластинчато-отщеповая. Орудия представлены сегментами, параллелограммами и трапециями. Жилища округлой формы. Появление накольчатой системы орнаментации в отступающей технике может свидетельствовать также об автохтонности неолитического процесса около 6300 лет до н. э. Такая традиция отсутствует в культурах сопредельных территорий. На втором этапе развития джангарской культуры сосуды характеризуются плоскодонной формой, зародившейся на раннем этапе. На второй фазе отмечается не только типичная накольчатая орнаментация, но и прочерченная в сочетании с раздельными наколами овальной формы. Т. е. примерно в это время происходит появление носителей каиршакской культуры на правом берегу р. Волги. Также отмечаются преобразования в технологии изготовления каменных орудий, среди микролитов в каменном инвентаре преобладают сегменты (Vybornov et al., 2020). Вероятно, первоначальный импульс происходил из южных регионов.

В степном Нижнем Поволжье к неолиту относятся стоянки Орловка (Мамонтов, 1974), Варфоломеевская и пр. (Юдин, 1988). На основе материалов этих памятников была выделена орловская культура (Юдин, 2004). Раскопки на многослойных стоянках Алгай и Орошаемое (Юдин и др., 2016; Выборнов и др. 2018) позволили выделить несколько стадий ее развития. Посуда плоскодонной формы. Орнаментация представлена треугольными наколами в отступающей технике и прочерками. Каменный инвентарь характеризуется пластинчато-отщеповой техникой. На раннем этапе орудия представлены сегментами, а затем появляются трапеции с подработкой по всей внешней поверхности. Жилища подпрямоугольной формы (Выборнов и др., 2022, с. 87–89). Культурные традиции в регионе Нижней Волги демонстрируют эволюционный путь развития орловской культуры. В ее материалах не прослеживаются какие-либо признаки влияния других социумов из соседних регионов. На сопредельных территориях отсутствуют культуры с алгоритмом развития керамической технологии, аналогичной нижневолжской, что отражает некую обособленность региона от соседних (Vybornov et al., 2020).

В начале атлантического периода, по данным Болиховской (2011), около 7000–6600 лет до н. э. происходит потепление и увлажнение климата после холодного и сухого бореального периода, распространяются широколиственные лесные формации. Этому климатическому этапу отвечает ранняя трансгрессивная стадия Новокаспийского бассейна и подъем уровня моря до абс. отметок –16–20 м (Болиховская, 2011). В Северном Прикаспии стоянки раннего неолита каиршакской культуры (6700–6030 лет до н. э.) (Кулгайси, Кугат IV, Каиршак III) появляются на рубеже перехода от влажных к более сухим климатическим условиям. В конце этого периода происходит начало интенсивного понижения уровня моря (Мангышлакская регрессия) в Каспийском бассейне. Кратковременная фаза аридизации и похолодания климата, которая сопровождается сокращением широколиственных лесов и расширением площади незадернованных экотопов, произошла около 6200–6000 лет до н. э. (Болиховская, 2011, Спиридонова и Алешинская, 1999). Этот этап также характеризуется выщелачиванием почв.

На территории Нижнего Поволжья носители ранненеолитической культуры появляются на стоянках Орошаемое и Алгай, около 6270–6000 лет до н. э. (Выборнов и др., 2020). По данным геохимических исследований и спорово-пыльцевого анализа, этот период соответствует сильной аридизации климата 8,2 ka calBP.

Потепление климата после эпизода 8,2 ka calBP и сухие климатические условия датируются в интервале 6290–5020 лет до н. э. Преобладающими ландшафтами в это время оставались степные зоны. Луговые, лугово-черноземные и черноземные почвы формируются, соответственно, на понижениях и возвышенных участках (Ахтырцев, 2000). По

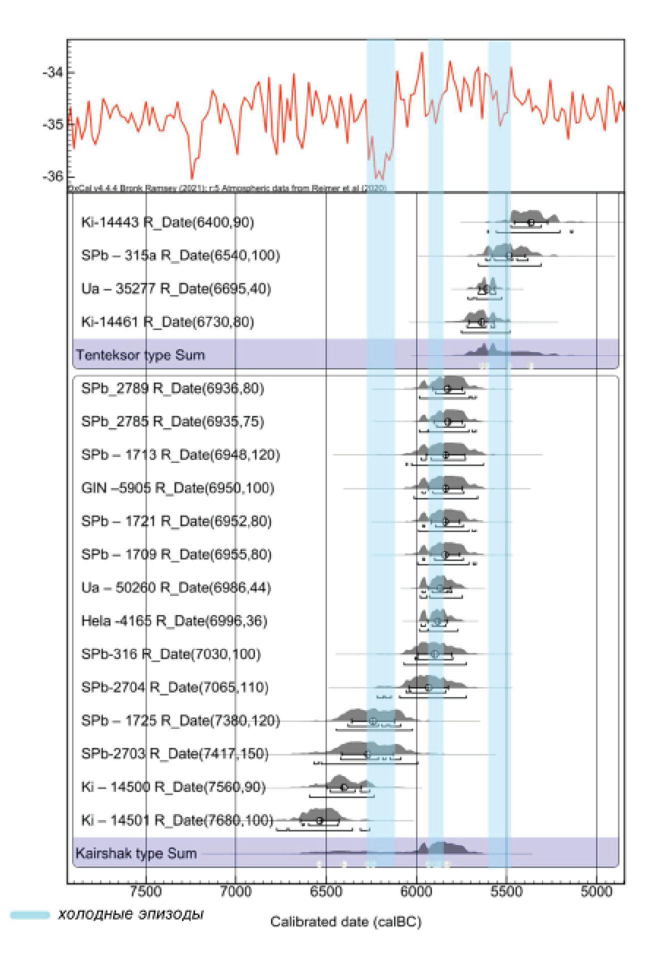

Рис.2. Распределение радиоуглеродных дат для памятников каиршакской и тентексорской культур (по данным Выборнов и др., 2016; Выборнов и др., 2020; Дога и др., 2023).

Fig.2. Distribution of radiocarbon dates for the sites of the Kairshak and Tenteksor cultures (according to Vybornov et al., 2016; Vybornov et al., 2020; Doga et al., 2023)

данным спорово-пыльцевого анализа, период 6400–5100 лет до н. э. характеризуется в районе Нижнего Поволжья как теплый и сравнительно сухой (Болиховская, 2011). Для стоянки Каиршак III (Северный Прикаспий) получены даты по костям и органике из керамики, которые соответствуют 6250–5700 лет до н. э. (Выборнов и др., 2020) (рис. 2). На стоянке Байбек большинство радиоуглеродных датировок, полученных по разным органическим материалам, укладывается в промежуток 6300–5700 лет до н. э.

В районе расположения памятников Алгай и Орошаемое (степное Поволжье) климатические условия около 6100–5900 лет до н. э., по данным геохимических индикаторов, могут быть охарактеризованы как переходные к теплым и умеренно влажным (Kulkova et al., 2019; Кулькова, 2022). Здесь происходит становление орловской неолитической культуры, начальные импульсы появления которой можно отнести к этапу аридизации.

Следующий этап, 5900–5600 лет до н. э., характеризуется некоторым увеличением влажности климата, что отмечается по данным геохимического анализа отложений на памятниках Алгай и Орошаемое (Kulkova et al., 2019; Кулькова, 2022). В регионе Нижнего Поволжья происходит развитие орловской культуры.

Существенные преобразования в Северном Прикаспии также регистрируются около 5800–5370 лет до н. э. (рис. 2). Здесь появляются стоянки тентексорского типа. Распространение носителей тентексорского типа культуры происходит на рубеже перехода к следующей стадии аридизации, пик которой приходится на 5500 лет до н. э. (Kulkova et al., 2019; Кулькова, 2022). Начиная с этого периода климат становится более засушливым. На стоянках степного Поволжья (Алгай) появляются представители раннего и среднего этапов орловской культуры в благоприятные кратковременные периоды, чередующиеся сухими и прохладными условиями. По геохимическим данным отложений на стоянке Алгай, аридизация начинается около 5656–5566 лет до н. э. (рис. 3).

Увеличение влажности климата было отмечено около 5350–5120 лет до н. э. Для этой стадии характерны интенсивные культурно-исторические процессы, которые происходили как в Прикаспийском, так и Нижневолжском бассейнах: на стоянках Тентексор, Алгай и Орошаемое. По данным Е.А. Спиридоновой (1991), около 5500–5200 лет до н. э. на северной половине лесостепной зоны центра Восточной Европы господствовали лесостепные обстановки, а южнее были распространены ландшафты степной зоны.

При переходе к засушливым условиям, которые регистрируются уже около 5265 лет до н. э., древние коллективы покидают стоянки.

Переходный период между неолитом и энеолитом

Переход к энеолиту в регионе Нижней Волги характеризуется появлением домашних видов животных и производящего хозяйства. На этой территории начинает распространяться прикаспийская культура. В Северном Прикаспии кости домашней овцы обнару-

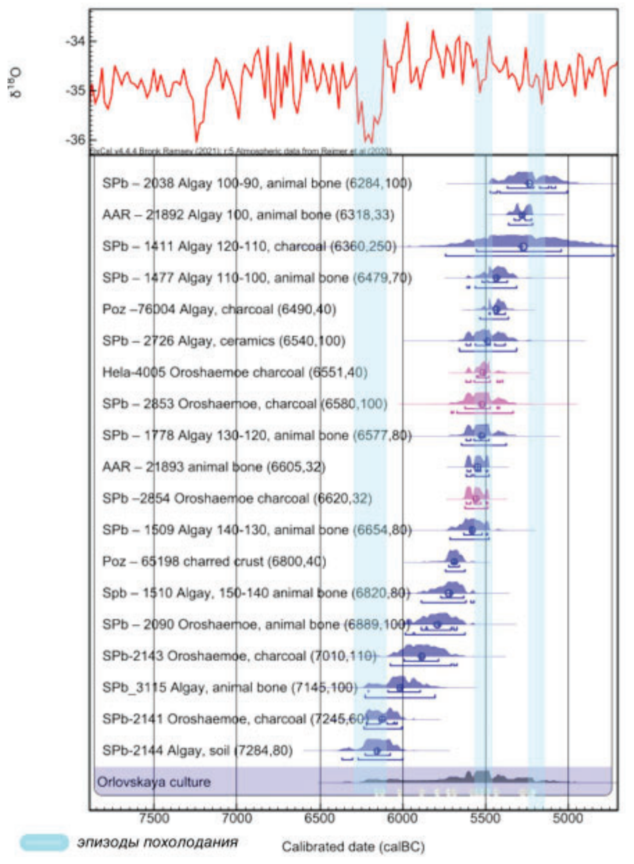

Рис.3. Распределение радиоуглеродных дат для орловской культуры на памятниках Алгай и Орошаемое (по данным Выборнов и др., 2020; Kulkova et al., 2019; Кулькова, 2022).

Fig.3. Distribution of radiocarbon dates for the Orlovka culture at the Algay and Oroshayemoye sites (according to Vybornov et al., 2020; Kulkova et al., 2019; Kulkova, 2022).

жены на стоянке этого типа Курпеже-молла (Выборнов и др., 2020) и датируются около 5100 лет до н. э. Использование металлических изделий для этой культуры не известно. Также для нее отмечаются находки синкретической керамики, сочетающей накольчатый способ нанесения орнамента и воротничковое утолщение венчика. Она обнаружена в верхнем слое поселения Джангар (Кольцов, 2004), на стоянке Же-калган I (Барынкин, Васильев, 1985), в верхнем слое Варфоломеевской стоянки, на многослойных памятниках Алгай и Орошаемое (Выборнов и др., 2020). По многим параметрам, таким как количество памятников, мощность культурных слоев, количество находок, наличие жилищ на стоянках, прикаспийская культура не отличается от неолитических культур. По некоторым признакам, которые проявляются в артефактах, установлено взаимодействие с носителями местных неолитических культур. В то же время в сырье и технологии изготовления каменных орудий происходят изменения. Время первых контактов неолитического населения и представителей энеолитических культур было установлено в Прикаспийском регионе около 5500 лет до н. э. (Андреев и др., 2016). Системное сочетание воротничков и рядов шагающей гребенки, обрамленной прочерками, достаточно четко проявляется на втором этапе нижнедонской культуры и датируется 5700–5200 лет до н. э. (Котова, 2002). В период 5700–5500 лет до н. э. на юге Нижнего Поволжья прослеживаются процессы, связанные с появлением прикаспийской культуры (Vybornov et al., 2020). Несмотря на отсутствие доказательств наличия металлообработки у населения на этой территории, данный этап (прикаспийский) был определен как переход от неолита к энеолиту (хвалынская культура) на данной территории (Выборнов и др., 2020).

По радиоуглеродным датам материалы прикаспийского и съезжинского типа синхронизированы с памятниками позднего неолита, что позволяет рассматривать те и другие в рамках переходного этапа в хронологическом интервале 5400–4800 лет до н. э. Таким образом, можно отметить нелинейность развития прикаспийской культуры в разных регионах, что связано, вероятно, с изменениями такого климатического фактора, как разная увлажненность территории. Появление носителей этой культуры, вероятно, происходит на рубеже перехода от влажных к сухим климатическим условиям. Около 5500 лет до н. э. климат становится засушливым и следующий пик влажности устанавливается уже около 5350 лет до н. э. Постепенное продвижение прикаспийской культуры на север связано, по-видимому, с этими импульсами увлажненности. Следующая фаза сухих климатических условий регистрируется около 5250 лет до н. э. (Kulkova et al., 2019; Кулькова, 2022).

Переход к влажным и теплым климатическим условиям, которые совпадают с климатическим оптимумом голоцена, начинается после 5050 лет до н. э. На стоянках Алгай и Орошаемое около 4900 лет до н. э. появляются носители прикаспийской культуры (рис. 4). Улучшение климатических условий способствует развитию лесов в долинах рек на юге, происходит распространение широколиственных видов. Возможно, такие условия были

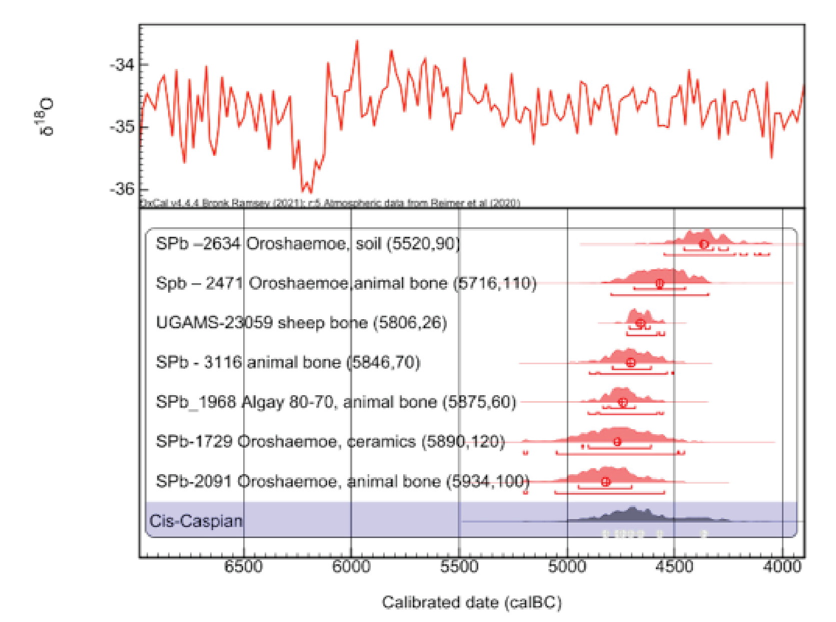

Рис.4. Распределение радиоуглеродных дат для прикаспийской культуры на памятниках Алгай и Орошаемое (по данным Выборнов и др., 2020; Kulkova et al., 2019; Кулькова, 2022).

Fig.4. Distribution of radiocarbon dates for the Caspian culture at the Algay and Oroshayemoye sites (according to Vybornov et al., 2020; Kulkova et al., 2019; Kulkova, 2022).

благоприятными для хозяйственной деятельности носителей прикаспийской культуры.

Энеолитические культуры в регионе Северного Прикаспия и бассейна Нижней Волги

Позднеатлантический интервал (AT-2), длившийся с 5020 до 3790 лет до н. э., как отмечает Н.С. Болиховская (2011), характеризовался господством лесостепной растительности и самым высоким в голоцене количеством термофильных и влаголюбивых элементов в ее составе. По уровню и соотношению теплообеспеченности и влагообеспеченности растительного покрова он представлял собой главный климатический оптимум голоцена исследуемой территории (Болиховская, 2011). Трансгрессивная стадия Новокаспийского бассейна, для которой подъем уровня моря фиксируется на абс. высоте –18 (–28) датируется 4940–4400 лет до н. э. (Варущенко и др., 1987). Импульс относительной континентности климата был установлен в интервале 4500–4400 лет до н. э., что вызвало некоторое понижение уровня моря (Болиховская, 1990). Исследования Яхимович и др. (1986) показали, что в древостое островных плакорных лесов, приуроченных к западинам, степным блюдцам, лиманам и другим понижениям с близким уровнем грунтовых вод, участвовали менее требовательные к условиям увлажнения породы – сосна, береза, берест, дуб черешчатый и др. В районе Северного Прикаспия также преобладали лесостепи с сосновыми и широколиственными лесами из дуба, граба, липы и ясеня (Яхимович и др., 1986). К концу атлантического периода, как отмечает Б.П. Ахтырцев (2000), складываются основные черты почв лесостепных регионов южной части Восточной Европы (Ахтырцев, 2000).

В Северном Прикаспии на стоянках Кара-Худук, Каиршак IV встречаются керамические комплексы, относящиеся к хвалынской энеолитической культуре, которая характеризуется наличием производящего хозяйства и металлообработки. В степном Поволжье обнаружено очень мало поселений хвалынской культуры. В основном в этой области развиты погребальные сооружения с подкурганными комплексами. Из поселенческих памятников к хвалынскому типу относят только один памятник – многослойное поселение Кумыска, но он характеризуется небольшой серией керамики данного типа. На этой стоянке появляется посуда переходного типа между хвалынской и ямной культурами, она составляет основу энеолитического комплекса стоянки (Юдин, 2012). Это сосуды баночного типа с прямыми стенками или слегка прикрытым устьем, а также слабопрофилированные сосуды. Срезы венчиков плоские, приостренные, округлые или слегка скошены. Некоторые сосуды имеют срез венчика, украшенный зубчатым штампом, иногда орнаментирована внутренняя поверхность сосуда. На левобережье Волги отдельные фрагменты хвалынской керамики встречены на стоянке Алтата (Заволжье). В степном Поволжье материалы этой культуры были обнаружены в верхних культурных слоях стоянок Алгай и Орошаемое (Выборнов и др., 2017; Выборнов и др., 2018).

Аридизация климата начинается около 4700–4500 лет до н. э. По данным спорово-

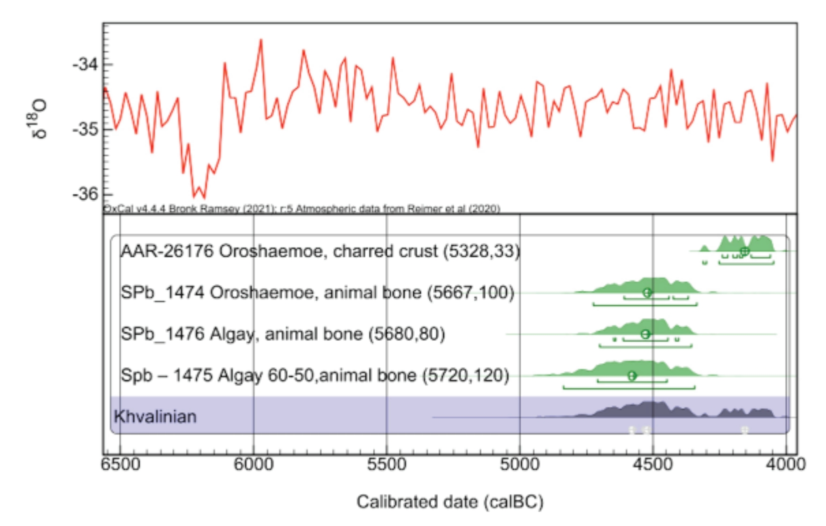

Рис.5. Распределение радиоуглеродных дат для хвалынской культуры на памятниках Алгай и Орошаемое (по данным Выборнов и др., 2020; Kulkova et al., 2019; Кулькова, 2022).

Fig.5. Distribution of radiocarbon dates for the Khvalynsk culture at the Algay and Oroshayemoye sites (according to Vybornov et al., 2020; Kulkova et al., 2019; Kulkova, 2022)

пыльцевого анализа (Болиховская, 2011), пик аридизация степной зоны произошел в период 4500–4400 лет до н. э. Это также явилось причиной кратковременного понижения уровня Каспийского моря. На памятнике Орошаемое в период эпизода аридизации, около 4700–4300 лет до н. э., происходит появление носителей хвалынской культуры. На стоянке Орошаемое локальные условия (близость к воде, закрытость от ветров, периодическое увлажнение участка) являлись благоприятной экологической нишей для скотоводческой формы хозяйства, которая была основополагающей для этой культуры. Появление в этом регионе носителей хвалынской энеолитической культуры можно связать с кратковременными периодами ухудшения климатических условий в зоне степи (рис. 5).

Выводы

В степной зоне определяющим климатическим показателем является влажность и коэффициент увлажнения, который отражает соотношение тепла и влаги. Интенсивность большинства природных процессов и развитие ландшафтов увеличивается в зависимости от увлажненности. Поэтому история появления и заселения региона полупустынной и степной зон древними сообществами связана с изменениями показателя влажности как индикатора биоразнообразия этой зоны.

Появление первых неолитических стоянок в Северном Прикаспии происходит на рубеже перехода от влажного климата к сухому, максимум аридизации которого датируется около 6200 лет до н. э. (8,2 ka BP). В этот период происходит освобождение большого пространства суши в Прикаспийской низменности в результате регрессии Каспийского моря, что могло способствовать появлению отдельных групп неолитического населения из других регионов (Причерноморья, Анатолии и т. д.) и распространению в северные районы из южных, более засушливых. Первые культуры относятся к каиршакскому типу (стоянки Кулгайси, Кугат IV, Каиршак III, Байбек). Вероятно, формирование этой культуры происходило на основе местных мезолитических племен. В регионе Нижней Волги на стоянках Варфоломеевская, Алгай, Орошаемое появляются носители орловской культуры, сложившейся под влиянием каиршакской и джангарской культур и по времени совпадающей с увеличением аридизации климата. Ухудшение климатических условий являлось своего рода триггером для перемещений различных групп населений. Появление неолитических культур каиршакского типа (стоянки Кулгайси, Кугат IV) относится к периоду 6700–6030 лет до н. э. А развитие этих культур на памятниках Каиршак I–IV и Байбек приходится на период 6300–5700 лет до н. э.

В интервале 5800–5370 лет до н. э. в Северном Прикаспии появляются стоянки тентексорского типа (Тентексор, Таскудук I, Приозерная, Же-калган I). Этот тип памятников также формируется в переходных от относительно влажных к сухим климатическим условиям, пик аридизации для которых регистрируется около 5500 лет до н. э.

В нижневолжском бассейне на стоянках Алгай и Орошаемое развитие орловской культуры включало несколько стадий. Исчезновение носителей орловской культуры на этих стоянках можно отнести к следующему кратковременному эпизоду аридизации около 5250 лет до н. э. (рис. 3).

В переходный период, который может быть установлен по ряду признаков, между неолитическими культурами и энеолитической хвалынской культурой в данном регионе формируется прикаспийская культура. В ее материальной культуре появляются синкретичные признаки, например в изготовлении керамики. Первые свидетельства появления носителей этой культуры на территориях Северного Прикаспия и на юге Нижнего Поволжья датируют 5700–5500 лет до н. э., что совпадает с аридизацией около 5500 лет до н. э. В нестабильных климатических условиях с чередующимися влажными и сухими эпизодами носители прикаспийской культуры продвигаются на север Нижнего Поволжья. На стоянках Алгай и Орошаемое группы прикаспийской культуры появляются около 4900 лет до н. э., т. е. после нескольких значительных, но кратковременных эпизодов аридизации климата, произошедших около 5500 и 5200 лет до н. э. В хозяйстве прикаспийской культуры значительное место занимает производящее хозяйство, основу которого составляет мелкий рогатый скот. Вероятно, сложившаяся палеогеографическая обстановка в Прикаспийской низменности, была благоприятной для доместикации и выпаса мелкого рогатого скота и продвижения в северные области бассейна Нижней Волги в эпизоды ухудшения климата.

Существенные климатические изменения, которые совпадают с климатическим оптимумом голоцена и меняют основательно палеогеографическую картину Прикаспийской низменности, начинаются примерно с 5050 гг. до н. э. Увеличивается теплообеспеченность и влагообеспеченность растительного покрова. В Каспийском бассейне около 4940–4400 лет до н. э. регистрируется увеличение уровня воды, что связано с Новокаспийской трансгрессией. Побережье моря заболачивается. Носители хвалынской энеолитической культуры, практикующие производящее хозяйство и металлургию, представлены на стоянках Кара-Худук, Каиршак IV, Комбак-тэ Северного Прикаспия. Их появление совпадает с кратковременным эпизодом ухудшения климата и аридизации. На стоянках Алгай и Орошаемое в Нижнем Поволжье присутствие носителей хвалынской культуры около 4700–4300 гг. до н. э. также соотносится с эпизодом аридизации климата и уменьшением в это время уровня воды в Каспии (4500–4400 лет до н. э.). Вероятно, для своих стоянок население выбирало менее обводненные участки местности, которые, как правило, были доступны на возвышенных участках пойм рек.

Таким образом, изменение климата и главным образом степень влагообеспеченности региона, от которой зависят его палеогеографические особенности, является одним из главных факторов появления древнего населения в раннем голоцене и развития той или иной формы хозяйства. Особенно это характерно для полупустынных и степных регионов Восточно-Европейской равнины, в которых резкая смена вектора влажность/аридность климата является триггером для перемещения групп населения из неблагоприятных в более благоприятные регионы, а также для их адаптации к сложившимся условиям в виде изменения формы хозяйственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев К. М., Барацков А. В., Выборнов А. А., Кулькова М. А., Ойнонен М., Посснерт Г., Медоуз Д., ван дер Плихт Й., Филиппсен Б. Новые радиоуглеродные даты неолитических и энеолитических памятников Поволжья и Подонья // Известия СНЦ РАН. 2016. Т. 18. № 3(2). С. 155–163.

Анучин Д.Н., Борзов А.А. Рельеф европейской части СССР. М.: Географгиз, 1948. 300 с.

Ахтырцев Б.П. История антропогенной деградации почв лесостепи в голоцене // Вестник ВГУ. Серия химия, биология. 2000. № 2. С. 80–85.

Барынкин П.П., Васильев И.Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1985. С. 58–73.

Болиховская Н. С. Палиноиндикация изменения ландшафтов Нижнего Поволжья в последние десять тысяч лет // Вопросы геологии и геоморфологии Каспийского моря / Отв. ред. Л.И. Лебедев, Е.Г. Маев. М.: Наука, 1990. С. 52-68.

Болиховская Н. С. Эволюция климата и ландшафтов Нижнего Поволжья в голоцене // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2011. № 2. С. 13–27.

Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М.: Наука, 1987. 255 с.

Вольпе В.М., Клупт В.С. Лекции по экономической географии СССР. Ч. 1. Л.: ЛГУ, 1969. 258 с.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Посснерт Г., Филиппсен Б. Радиоуглеродные данные для хронологии неолита Нижнего Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 62–74.

Выборнов А.А., Юдин А.И. Исследования в Александрово-гайском районе Саратовской области в 2016 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 15 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: АНО НИЦ, 2017. С. 30–78.

Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Дога Н. С., Попов А. С., Платонов В. И., Рослякова Н. В. Новые результаты исследований поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия СНЦ РАН. 2018. Т. 20. № 3. С. 215–222.

Выборнов А.А., Дога Н.С., Кулькова М.А. Вариант перехода к энеолиту в Нижнем Поволжье // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 65–74.

Выборнов А.А., Ставицкий В.В. Проблемы изучения ранненеолитических жилищ Нижнего и Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 83–94.

Герасимова М. И. География почв: учебник и практикум для среднего профессионального образования. М.: Юрайт, 2020. 315 с.

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Кутуков Д.В. Новая ранненеолитическая стоянка Байбек в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник. 2014. №3 (8). С.79-90.

Дога Н.С., Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Сомов А.В., Гречкина Т.Ю. Новый памятник неолита в Северном Прикаспии // Поволжская археология. 2023. № 3 (45). С. 25–37.

Дулов А.В. Географическая среда и история России, конец XV – середина XIX в. М.: Наука. 1983. 257 с.

Калуцков В.Н. География России: учебник и практикум для среднего профессионального образования. М.: Юрайт. 2020. 347 с.

Кольцов П. М. Неолитическое поселение Джангар // Археологические культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 52–92.

Кольцов П.М. Ранненеолитическая стоянка Ту-Бузгу-Худук в Северо-Западном Прикаспии // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 89–105.

Кольцов П.М. Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: Новый хронограф, 2004. 156 с.

Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 268 с.

Кулькова М.А. Геохимическая индикация ландшафтно-климатических событий и антропогенной активности в позднем плейстоцене-голоцене на стоянках древнего человека Восточной Европы. Научный доклад на соискание степени доктора геолого-минералогических наук, 2022. 102 с.

Маев Е.Г., Чепалыга А.Л. Каспийское море. Динамика ландшафтных компонентов и внутренних бассейнов Северной Евразии за последние 150000 лет // Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен – голоцен – элементы прогноза. Вып. 2. Общая палеогеография / Отв. ред. А. А. Величко. М.: ГЕОС, 2002. С. 182–190.

Мамонов А.Е. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1995. С. 3–25.

Свиточ А.А. Регрессивные эпохи большого Каспия // Водные ресурсы. 2016. № 43 (2). С. 134–148

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. М.: Наука, 1991. 221 с.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. №1. С. 23–33.

Юдин А.И. Варфоломеевская неолитическая стоянка // Археологические культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 142–172.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

Юдин А.И. Поздний энеолит степей нижнего Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов: АНО НИЦ, 2012. С. 15–37.

Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16). С. 61–68.

Яхимович В.Л., Сулейманова Ф.И. Плейстоцен нижнего течения р. Урал. Уфа: БФАН СССР, 1986. 134 с.

Kulkova M., Vybornov A., Yudin A., Doga N., Popov A. New interdisciplinary research on Neolithic-Eneolithic sites in the Low Volga River region // Documenta Praehistorica. 2019. № XLVI. P. 376–387

Vybornov A. A., Yudin A. I., Kulkova M. A., Doga N. S, Popov A. S., Barackov A. V., Gilyazov F. F., Somov A.V. Traits of the Neolithic-Eneolithic archaeological layer's formation at the sites of Algay and Oroshaemoe in the Low Volga basin (Low Povoljie) // Acta Geographica Lodziensia. 2020. № 110. P. 49-59.

Информация об авторах:

Кулькова Марианна Алексеевна, доктор геолого-минералогических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г.Санкт-Петербург, Россия); kulkova@mail.ru

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

REFERENCES

Andreev, K. M., Baratskov, A. V., Vybornov, A. A., Kulkova, M. A., Oinonen M., Possnert, G., Meadows, D., van der Plicht, J., Philippsen, B. 2016. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 18, no. 3 (2), 155–163 (in Russian).

Anuchin, D. N., Borzov, A. A. 1948. *Rel'ef evropeyskoy chasti SSSR (Relief of the European part of the USSR).* Moscow: "Geographgiz" Publ. (in Russian).

Ahtyrtsev, B. P. 2000. In *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya khimiya, biologiya (Bulletin of the Voronezh State Series: chemistry, biology)* (2), 80–85 (in Russian).

Barynkin, P. P., Vasiliev, I. B. 1985. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki na evropeyskoy territorii SSSR (Archaeological sites in the European part of the USSR).* Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 58–73 (in Russian).

Bolikhovskaya, N. S. 1990. In Lebedev, L. I., Maev, E. G. (ed.). *Voprosy geologii i geomorfologii Kaspiyskogo morya (Issues of geology and geomorphology of the Caspian Sea).* Moscow: "Nauka" Publ., 52–68 (in Russian).

Bolikhovskaya, N. S. 2011. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5. Geography*) (2), 13–27 (in Russian).

Varushchenko, S. I., Varushchenko, A. N., Klige, R. K. 1987. *Izmenenie rezhima Kaspiyskogo morya i besstochnykh vodoemov v paleovremeni (Changes in the regime of the Caspian Sea and endorheic reservoirs in paleotime).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vol'pe, V. M., Klupt, V. S. 1969. *Lektsii po ekonomicheskoy geografii SSSR (Lectures on the economic geography of the USSR)* 1. Leningrad: Leningrad State Universuty (in Russian).

Vybornov, A. A., Yudin, A. I., Kulkova, M. A., Goslar, T., Possnert, G., Filippsen, B. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 62–74 (in Russian).

Vybornov, A. A., Yudin, A. I. 2017 In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 15. Saratov: "ANO NITs" Publ., 30–78 (in Russian).

Vybornov, A. A., Yudin, A. I., Vasilieva, I. N., Kosintsev, P. A., Doga, N. S., Popov, A. S., Platonov, V. I., Roslyakova, N. V. 2018. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 20, no. 3, 215–222 (in Russian).

Vybornov, A. A., Doga, N. S., Kulkova, M. A. 2020. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 258, 65–74 (in Russian).

Vybornov, A.A., Stavitsky, V. V. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 83–94 (in Russian).

Gerasimova, M. I. 2020. *Geografiya pochv (Geography of soils).* Moscow: "Yurayt" Publ. (in Russian).

Grechkina, T. Yu., Vybornov, A. A., Kutukov, D. V. 2014. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* 8 (3), 79–90 (in Russian).

Doga, N. S., Vybornov, A. A., Gilyazov, F. F., Somov, A.V., Grechkina, T. Yu. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 45 (3), 25–37 (in Russian).

Dulov, A. V. 1983. *Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii, konets XV – seredina XIX v. (Geographical environment and history of Russia, late 15th – mid 19th centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kalutskov, V. N. 2020. *Geografiya Rossii (Geography of Russia).* Moscow: "Yurayt" Publ. (in Russian).

Koltsov, P. M. 1988. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie kul'tury Severnogo Prikaspiia (Archaeological Cultures of the Northern Cis-Caspian Region).* Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 52–92 (in Russian).

Koltsov, P. M. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 89–105 (in Russian).

Koltsov, P. M. 2004. *Poselenie Dzhangar. Chelovek i ego kul'tura v neolite Severo-Zapadnogo Prikaspiya (Dzhangar settlement. Human and his culture in the Neolithic of the Northwestern Caspian region)*. Moscow: "Novyy khronograf" Publ. (in Russian).

Kotova, N. S. 2002. *Neolitizatsiia Ukrainy (Neolithisation of Ukraine)*. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Kulkova, M. A. 2022. *Geokhimicheskaya indikatsiya landshaftno-klimaticheskikh sobytiy i antropogennoy aktivnosti v pozdnem pleystotsene-golotsene na stoyankakh drevnego cheloveka Vostochnoy Evropy (Geochemical indication of landscape-climatic events and anthropogenic activity during the late pleistocene-holocene on the sites of prehistorical people of Eastern Europe).* Scientific report for the degree of Doctor of Geological and Mineralogical Sciences (in Russian).

Maev, E. G., Chepalyga, A. L. 2002. In Velichko, A. A. (ed.). In *Razvitie landshaftov i klimata Severnoĭ Evrazii. Pozdniĭ pleĭstotsen – golotsen – elementy prognoza (Development of landscapes and climate of Northern Eurasia. Late Pleistocene – Holocene – elements of the forecast)* Vol. 2. Moscow: "GEOS" Publ., 182–190 (in Russian).

Mamonov, A. E. 1995. In Vasiliev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 3–25 (in Russian).

Svitoch, A. A. 2016. In *Vodnye resursy (Water resources)* 43 (2), 134–148 (in Russian).

Spiridonova, E. A. 1991. *Evolyutsiya rastitel'nogo pokrova basseyna Dona v verkhnem pleystotsene-golotsene (Evolution of vegetation cover of the Don basin in the Upper Pleistocene-Holocene).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Spiridonova, E. A., Aleshinskaya, A. S. 1999. *Rossiyskaya Arkheologija (Russian Archaeology)* (1), 23–33 (in Russian).

Yudin, A. I. 1988. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie kul'tury Severnogo Prikaspiia (Archaeological Cultures of the Northern Cis-Caspian Region).* Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 142–172 (in Russian).

Yudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevka Site and the Neolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute (in Russian).

Yudin, A. I. 2012. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 10. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 15–37 (in Russian).

Yudin, A. I., Vybornov, A. A., Vasilieva, I. N., Kosintsev, P. A., Kulkova, M. A., Goslar, T., Filippsen, B., Baratskov, A. V. 2016. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* 16 (3), 61–68 (in Russian).

Yakhimovich, V. L., Suleimanova, F. I. 1986. *Pleystotsen nizhnego techeniya r. Ural (Pleistocene in the lower part of the Ural River)* Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

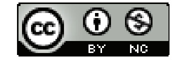
Kulkova, M., Vybornov, A., Yudin, A., Doga, N., Popov, A. 2019. In *Documenta Praehistorica* (XLVI), 376–387.

Vybornov, A. A., Yudin, A. I., Kulkova, M. A., Doga, N. S, Popov, A. S., Barackov, A. V., Gilyazov, F. F., Somov A.V. 2020. In *Acta Geographica Lodziensia* (110), 49–59.

About the Authors:

Kulkova Marianna A. Doctor of Geological and Mineralogical Science, Herzen State Pedagogical University. Moyki emb., St.Petersburg, 191186, Russian Federation; kulkova@mail.ru

Vybornov Alexander A. Doctor of Historical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.253.263

ЭНЕОЛИТИЗАЦИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ: КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ МИГРАЦИЯ?[1]

© 2024 г. А.И. Королев

Источниковая база по энеолиту лесостепного Поволжья включает могильники и стоянки энеолита. Использованы данные изучения керамики, каменного, костяного, металлического инвентаря, антропологических и археозоологических материалов, радиоуглеродного датирования. Цель работы заключается в уточнении места материалов позднего неолита лесостепного Поволжья в процессе смены неолита энеолитом. Результаты радиоуглеродного датирования подтвердили наличие общего отрезка времени для позднего неолита – раннего и среднего энеолита. Анализ керамики и каменного инвентаря показал, что неолитический субстрат хорошо выражен в керамике самарской культуры раннего этапа и в меньшей степени ивановского этапа. Каменный инвентарь сохраняет традиции прикаспийской культуры. Влияние лесостепного неолита в керамике и каменном инвентаре хвалынской культуры не выявлено. Традиции местного неолита наиболее полно представлены в керамике и каменных орудиях лебяжинского, токского, чекалинского типов. Комплекс признаков энеолита, включающий воротничковую керамику, орудия на крупных кремневых и кварцитовых пластинах, крупные могильники, скотоводство, изделия из меди, каменные навершия скипетров, связаны с самарской и хвалынской культурами.

Ключевые слова: археология, лесостепное Поволжье, поздний неолит, энеолит, прикаспийская культура, самарская культура, хвалынская культура, скотоводство, каменный инвентарь, керамика, медь.

ENEOLITIZATION OF THE FOREST STEPPE VOLGA REGION: CULTURAL EVOLUTION OR MIGRATION?[2]

A.I. Korolev

The source base for the Eneolithic of the forest steppe Volga region includes Eneolithic burial grounds and campsites. The data from the study of ceramics, stone, bone, metal tools, anthropological and archeozoological materials, radiocarbon dating were used. The purpose of the work is to clarify the place of materials from the Late Neolithic of the forest steppe Volga region in the process of changing the Neolithic to the Eneolithic. The results of radiocarbon dating confirmed the presence of a common time interval for the Late Neolithic – Early and Middle Eneolithic. The analysis of ceramics and stone tools showed that the Neolithic substrate is well expressed in the ceramics of the Samara culture of the early stage and, to a lesser extent, the Ivanovo stage. Stone tools keep the traditions of the Caspian culture. The influence of the forest steppe Neolithic in ceramics and stone tools of the Khvalynsk culture has not been revealed. Local Neolithic traditions are most fully represented in pottery and stone tools of the Lebyazhinka, Tok, Chekalino types. The Eneolithic features such as collared ceramics, tools made of large flint and quartzite blades, large burial grounds, cattle-breeding, copper items, stone scepter finials is associated with the Samara and Khvalynsk cultures.

Keywords: archaeology, forest steppe Volga region, late Neolithic, Eneolithic, Caspian culture, Samara culture, Khvalynsk culture, cattle-breeding, stone tools, ceramics, copper.

В результате изучения памятников энеолита лесостепного Поволжья в 1970-х – 2000-х гг. была создана источниковая база. Исследователями дана характеристика материалов, решались актуальные вопросы содержания и периодизации энеолита, происхождения культур и типов, взаимодействия и дальнейших судеб их носителей, направления культурных

[1]Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта "Энеолит лесостепного Поволжья: традиции и инновации" (РНФ №24-28-01638).

[2] The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the project " Eneolithic of the forest steppe Volga region: traditions and innovations" (RSF No. 24-28-01638)

связей и ряд других. Были определены основные признаки энеолита региона: воротничковая керамика с примесью раковины, крупные кремневые и кварцитовые ножевидные пластины, скотоводство; появление крупных могильников и новой погребальной обрядности; расширение ассортимента изделий из камня и кости; первые медные изделия; распространение наверший булав и скипетров. Возможно, в это время началась доместикация лошади (Васильев, 1980; 1981). Перечисленный набор признаков по аналогии с неолитическим «пакетом» можно для краткости обозначить энеолитическим «пакетом». Вызревают компоненты этого «пакета» в среде местного неолита или они оказываются привнесенным, и как проявляется этот «пакет» в материалах различных культур и культурных типов региона? Обсуждение этих вопросов стало целью данной работы.

Переход к энеолиту в лесостепном Поволжье начался с формирования самарской культуры раннего энеолита (Васильев, Матвеева, 1979; Васильев, 1980; 1981; Мерперт, 1980; Моргунова, 1984). Дальнейшее становление энеолита связывается с материалами хвалынской культуры и ивановского (второго) этапа самарской культуры развитого энеолита. В складывании самарской культуры было установлено участие население местного неолита (Васильев, 1981, с. 19-21; Васильев, Выборнов, 1988, с. 42-43). Его роль признана доминирующей (Моргунова, 1995, с. 62). При определенных различиях взглядов исследователи связывали с неолитом лесостепи также возникновение токского типа (Моргунова, 1989, с. 122-123; Васильев, 1990, с. 67). По мере накопления данных были поставлены вопросы о выделении материалов чекалинского и лебяжинского типов (Археология Волго-Уралья, 2021). Результаты радиоуглеродного датирования показали наличие общего промежутка времени для неолита и энеолита (Сомов, Шалапинин, 2019, с. 235).

Для лесостепного неолита характерны сосуды прямостенных и прикрытых пропорций с плоскими и округло-коническими днищами, с ямочно-жемчужным пояском под венчиком, украшенные наколами, насечками, зубчатым и гребенчатым штампами. Венчики сосудов приостренные, округлые, уплощенные, плоские, кососрезанные вовнутрь или наружу, есть с оформленным в виде карниза краем. Распространена орнаментация по срезу венчика, в том числе крупными вдавлениями, придающими венчику гофрированный вид, ямочный или «жемчужный» поясок по его внешнему краю. Присутствуют крупные раздельные наколы, округлые и овальные ямки, короткие изогнутые насечки. На позднем этапе усиливается значение гребенчатой орнаментации, включая «шагающую» гребенку (Васильев, Выборнов, 1988, с. 31, 35-36; Моргунова, 1995, с. 35-37; История Самарского…, 2000, с. 182-183, рис. 10-28). Мотивы орнамента включают горизонтальные ряды из направленных вправо и влево оттисков штампа, горизонтальные, вертикальные, диагональные ряды и их сочетания, полосы из горизонтальных оттисков штампа, горизонтальный однорядный и многорядный зигзаг, «паркетный» мотив из заполненных треугольников, косую «сетку», вертикальную ёлочку, ряды «шагающей» гребенки или гладкого штампа. Есть сосуды, украшенные только поясками ямок под венчиком. Примечательные данные получены в результате исследования неолитической стоянки Лужки II (Сомов и др., 2022). Авторы отмечают присутствие раковины в тесте сосудов, прямостенность и преимущественно плоскодонность сосудов, наличие гофрированных венчиков, орнамента по срезу и внутренней стороне венчиков. Орнамент на внешней поверхности сосудов в целом соответствует перечисленным выше. Один из сосудов украшен оттисками рамчатого штампа.

Ряд отмеченных мотивов орнамента присутствует на ранней керамике самарской культуры. Еще более показательным является повторение сочетаний мотивов: горизонтальных полос оттисков гребенчатого штампа, ограниченных поясками отпечатков короткого гребенчатого штампа, мелкого горизонтального зигзага из оттисков короткой гребенки или овальных вдавлений, горизонтальные ряды оттисков гребенчатого штампа ограниченные оттисками короткой гребенки или ямчатых вдавлений. Есть пояски ямок под венчиком. Для сосудов Съезжинского могильника характерны плоские днища, а Екатериновского мыса – округлые (Васильев, Матвеева, 1979, с. 154-155; Королев и др., 2019, с. 24). Результаты технико-технологического анализа подтвердили неолитический субстрат

в гончарной традиции самарской культуры (Васильева, 2006).

На керамике второго этапа самарской культуры преобладают оттиски гребенчатого штампа, редки ямчатые вдавления и прочерченные линии, применяется веревочка (Моргунова, 1989, с. 119-121; 2011, с. 62-66; 2017, с. 46-49). Анализ ивановской керамики показал близость с хвалынским гончарством и возможную связь с неолитом (Васильева, 2006, с. 22). На керамике хвалынской культуры нет сколько-нибудь заметных признаков влияния со стороны местного неолитического населения. В то же время близость хвалынской и ивановской керамики очевидна. Нередко в материалах стоянок, помимо хвалынской и самарской керамики, присутствуют венчики синкретического облика (Моргунова, 2017, с. 69-71; Васильева и др., 2019, с. 38).

Керамика с поселения Лебяжинка III и из 5 жилища Гундоровского поселения показывает близость с посудой Съезжинского могильника (Овчинникова, 1995; История Самарского…, 2000, с. 221). Однако сочетание мотивов орнамента на лебяжинских сосудах иное, широко применялся веревочный орнамент, включая мотив «шагающая» веревочка. Для венчиков характерно разнообразие форм, среди них воротничковые составляют около половины. Отмечена примесь пуха птиц в тесте сосудов поселения Лебяжинка III (Васильева и др., 2020, с. 204).

Характерная для сосудов позднего неолита орнаментация распространена на керамике токского типа (Моргунова, 1989, с. 121-123; Моргунова, 2017, с. 50-53) и на керамике чекалинского типа (Барынкин, Козин, 1991; Бахарев, Овчинникова, 1991; Королев, 2011; Королев, Шалапинин, 2017; Археология Волго-Уралья, 2021, с. 108-115). Характерны также прямостенные формы сосудов с прямыми или слабо отогнутыми венчиками, уплощенные и плоские срезы венчиков с нанесенным на срез орнаментом, округлые и округло-вогнутые днища. Присутствуют пояски ямчатых вдавлений под венчиком. Орнамент выполнен оттисками гребенчатых штампов различных размеров и форм, и в меньшей степени ямчатыми вдавлениями, оттисками веревочки (возможно и аммонита), иногда – нарезками. Нередко, внешняя поверхность сосуда и срез венчика украшались разными типами штампов. Таким образом, большинство признаков соответствует неолитической посуде.

Параллели просматриваются и в каменном инвентаре позднего неолита и энеолита. Исследователями определено использование местного серого и цветного кремня. Орудия были изготовлены на пластинах, сколах и отщепах. Среди них присутствуют концевые скребки на пластинах, скребки с округлым рабочим краем на отщепах, симметричные острия, пластины с ретушью, резцы на углу сломанной пластины, есть шлифованные рубящие орудия, наконечники стрел листовидной и треугольно-черешковой формы (История Самарского …, 2000, с. 177-179). Материалы стоянки Лужки II в целом подтвердили предложенную ранее характеристику орудийного комплекса и дополнили её (Сомов и др., 2022, с. 170-172).

Орудийный комплекс самарской культуры включает крупные пластины из «дымчатого», белого, серого полосчатого кремня и кварцита, шлифованные тесла, навершия (Васильев, Матвеева, 1979, с. 152, рис. 3, 19; Королев и др., 2023; Королев, Шалапинин, 2023, с. 153, рис. 12). Широкие ножевидные пластины из кремня и кварцита, встречены на многослойных поселенческих памятниках Виловатое, Ивановская, Турганикская, Чекалино IV, Лебяжинка IV, VI, Гундоровка и др., там, где присутствует керамика самарской культуры. Основной заготовкой для орудий ивановского этапа самарской культуры остается ножевидная пластина. Шлифованные орудия представлены теслами и жезлами (Моргунова, 2011, с. 90-94).

Каменные орудия Лебяжинского III и Гундоровского поселения (лебяжинский тип) изготовлены из отщепов цветного и серого кремня и, реже, кварцита. Орудия на пластинах единичны. Скребки обычно массивные прямоугольной, квадратной или случайной формы с прямым, округлым или скошенным лезвием. Ножи часто изготовлены на крупных заготовках удлиненных пропорций и включают кинжаловидные двусторонне ретушированные экземпляры. Среди рубящих орудий есть желобчатые. Наконечники листовидные, треугольно-черешковые, подромбические, встречаются в виде рыбки. Есть сверла с плечиками, в том числе дублированные, развертки на крупных сколах, орудия с выемками, выпрямители древков стрел. Найде-

ны кремневые фигурки, сланцевые подвески (Овчинникова, 1995; История Самарского…, 2000). Каменный инвентарь близок поздненеолитическому и, в то же время, отличается от инвентаря самарской культуры. Техника изготовления и ассортимент каменных орудий хвалынской культуры близки самарской культуре. На материалах поселения Русское Труево I выявлены помимо орудий на пластинах, многочисленные изделия на отщепах (Ставицкий, 2001, с. 26-27).

Сравнение поздненеолитического каменного инвентаря с орудиями токского и чекалинского типов затруднено в силу отсутствия однослойных памятников и закрытых комплексов. Некоторые данные можно получить исходя из преобладания керамики этих типов над инокультурной на стоянках Большая Раковка II и Чесноковка. В составе каменного инвентаря Большой Раковки II есть наконечники листовидной и черешковой форм, скребки на массивных отщепах и сколах, ножи на удлиненных сколах, включающие двусторонне отретушированные изделия (Барынкин, Козин, 1991, с. 108, 111-113). На стоянке Чесноковка присутствуют аналогичные орудия (Бахарев, Овчинникова, 1991, с. 84-90). Сходство каменного инвентаря стоянок чекалинского типа и средневолжского неолита прослеживается в выборе сырья, и ряде общих типов орудий. По этим же характеристикам проходит их линия разграничения с каменным инвентарем самарской культуры.

Таким образом, в энеолите отчетливо просматривается продолжение традиций керамического и орудийного производства позднего неолита. Но, эти характеристики представлены в материалах различных типов в различном соотношении. На раннем этапе самарской культуры они отчетливы в керамике, а каменный инвентарь имеет больше соответствий в комплексах прикаспийской культуры. На втором этапе самарской культуры влияние керамических традиций неолита заметно уменьшается, но отчетливо проявляются черты хвалынской, а в каменном инвентаре ведущие позиции сохраняет пластинчатая техника. В материалах хвалынской культуры признаки лесостепного неолита не просматриваются. Видимо, контакты носителей хвалынской культуры ограничивались с близким в культурном и генетическом отношении населением самарской культуры.

В лебяжинском типе неолитические черты в керамике и каменном инвентаре сложно переплетены с энеолитическими. Видимо, эти материалы складывались не только на основе носителей местного неолита и самарской культуры на ее раннем этапе, но и с участием другого населения.

Наиболее последовательно признаки позднего неолита просматриваются в керамике и каменном инвентаре стоянок чекалинского типа. Здесь проявилось длительное сохранение неолитических форм сосудов и их орнаментации, основные черты каменного инвентаря. Эти данные подводят к выводу о постепенном вовлечении средневолжского неолитического населения в контакты с носителями самарской культуры.

Для изучения процесса энеолитизации особое значение имеет вопрос об источнике и времени появления в лесостепном Поволжье производящего хозяйства. Скотоводство было экономической основой для целого комплекса изменений во всех сферах жизни носителей самарской и хвалынской культур при сохранении охоты и рыболовства. Вопрос о времени и источнике появления скотоводства в регионе сохраняет остроту в связи с данными о наличии костей домашних животных в неолитических слоях Ивановской стоянки и Турганикского поселения (Моргунова, 1995, с. 81-84). Определенным диссонансом здесь представляется сохранение сравнительно монотонного характера неолитических материалов, в которых не отразилось влияние производящего хозяйства (Моргунова, 1995, с. 81-91; 2018, с. 11-16). Эти данные как будто подтверждаются находками костей домашних животных в слое 2А Варфоломеевской стоянки, что позволило поставить вопрос о наличии скотоводства у населения орловской культуры (Юдин, 2004, с. 167-169). Однако многолетние раскопки стоянок Алгай и Орошаемое пока не подтвердили овцеводство у орловской культуры. Стратиграфия памятников показывает значительные по мощности стерильные прослойки между слоями неолита и энеолита. Кости животных из неолитических слоев включают дикие виды, а кости овцы/козы найдены в слоях с прикаспийской керамикой, датируемых около 5000-4700 л. до н.э. (Выборнов и др., 2017, с. 189; Дога, 2019, с. 146; Выборнов и др., 2021, с. 118). На памятниках каиршакского и тентексорского типа признаки произ-

водящего хозяйства также отсутствуют (Дога, 2019, с. 145). В могильнике у села Съезжее зафиксированы только черепа и кости лошадей. Уточненное время могильника составляет примерно 4900-4800 л. до н.э. (Выборнов и др., 2023, с. 216-217). Возможно, на раннем этапе самарской культуры обряды, связанные с домашними животными еще не вошли в погребальную практику. Это подтверждается данными более позднего могильника Екатериновский мыс (около 4750-4500 л. до н.э.) (Anthony, et al. 2022, p. 49). В погребениях единично встречены кости овцы, козы, а также лошади (Королев и др., 2018, с. 289). Разведение МРС и КРС хвалынским населением, судя по данным Хвалынских I и II могильников, относится к еще более позднему времени (около 4500-4300 л. до н.э.) (Шишлина и др., 2006, с. 135-140). В материалах чекалинского и лебяжинского типов кости домашних животных пока не обнаружены.

Изменения материальной и духовной культуры в средневолжском регионе особенно ярко проявились в могильниках энеолита раннего и среднего этапа, которые располагаются в пределах хронологического диапазона средневолжского неолита. Неолитические могильники в лесостепном Поволжье пока неизвестны, а отдельных погребений на стоянках Чекалино IV и Лебяжинка IV недостаточно для сопоставления с погребальным обрядом энеолита. Материалы могильников самарской и хвалынской культур (крупные размеры, жертвенники с керамикой и костями животных, пластины из клыка кабана и нашивки мариупольского типа, широкие ножевидные пластины, цельные и разомкнутые каменные кольца, навершия скипетров и булав, треугольные наконечники стрел, медные украшения и т.д.) информативны. Они показывают преобладающее направление контактов с юго-западными областями Восточной Европы с другой. Отчетливо просматривается также местный компонент и северо-восточный вектор связей (тесла из зеленокаменных пород, пластины из яшмы, костяные и каменные подвески, наконечники на ножевидных пластинах с краевой ретушью, изображения лосей и птиц и т.д.). Эти данные подкрепляются выводами антропологов о сочетании в могильниках южного (европеоидного) и местного (древнеуральского) населения (Хохлов, 2017, с. 40-45).

Весомым различием между самарской и хвалынской культурами остается доказанное знакомство с медью хвалынского населения и, пока подкрепленное только косвенными данными, самарского. В Съезжинском могильнике в одном погребении был найден медный шлак (Васильев, Матвеева, 1979, с. 149). Среди предметов, собранных на месте разрушенного Ивановского могильника опубликован медный слиток (Богданов, 2000, с.1 9, рис. 4: 13). На роговом навершии из погребения 35 могильника Максимовка I сохранилось пятно зелени (медный окисел?). Медное кольцо есть в погребении могильника Красноярка (Богданов, Хохлов, 2012, с. 208). В грунтовом могильнике Екатериновский мыс металл отсутствует. Но и стоянки хвалынской культуры в Прикаспии, на Нижней и Средней Волге, Суре, Хлопковский могильник, погребение у с. Криволучье не содержат металла.

Представляется, что отсутствие меди в составе погребального инвентаря не исключает возможность знакомства с ней населения. Сложности определения начального этапа энеолита в степи-лесостепи отметили исследователи (Мерперт, 1981, с. 18-19; Синюк, 1988, с. 16-20). На ранней фазе культур, входящих в БКМП металлические вещи встречаются редко, включая трипольскую культуру (Рындина, 1971, с. 48, 52). Время широкого распространения меди в Поволжье связано с хвалынской культурой, хронология которой совпадает с периодом высокой активности центров металлургии БКМП (Черных, 2010, с. 225-226). Материалы прикаспийской и самарской культур в целом предшествуют ему. Отметим, что до настоящего времени не обнаружено изделий из меди, которые были бы бесспорно связаны и со вторым (ивановским) этапом самарской культуры, но перспективы установления такой связи есть. На Турганикском поселении были найдены медные изделия, химический состав которых соответствует меди БКМП (Моргунова, 2017, с. 207). На Ивановской стоянке зафиксировано использование металлических орудий для обработки кости (Моргунова, 1984, с. 62; 2011, с. 98-99). Отметим медное кольцо из погребения 3 Максимовского I могильника (Королев и др., 2021, с. 519). Таким образом, данные об использовании изделий из меди в энеолите лесостепного Поволжья пока единичны, но они продолжают накапливаться.

Учитывая удаленность от известных в энеолите источников металла, это неудивительно. Поэтому рассматривать их следует не изолированно, а в составе комплекса новых явлений в хозяйственной, социальной, духовной сфере, в расширении межтерриториальных связей (Мерперт, 1980, с. 4; 1981, с. 20; Васильев, 1980, с. 42-44; 1981, с. 14-18; Синюк, 1988, с. 13-19; Васильев, Синюк, 1985, с. 5-6). Проблема единичности следов меди остается актуальной не только для энеолита Поволжья, но и для регионов, близких к источникам металла. Например, в инвентаре могильника Голубая Криница найдено одно медное кольцо (Скоробогатов, 2022, с. 169, рис. 4: 1), а применение металлического ножа для изготовления пластин из клыка кабана было выявлено только по результатам трасологического анализа (Березуцкий и др., 2011, с. 79). Медные украшения были обнаружены всего в двух погребениях Нальчикского могильника (Круглов и др., 1941, с. 114). Н.С. Котова отметила, что самые металлоносные погребения найдены к западу от основной территории среднестоговской культуры (Котова, 2006, с. 145). Принадлежность к энеолиту по факту присутствия медных орудий и их внедрению в хозяйственную деятельность надежно определяется для археологических культур, население которых вело основанное на земледелии хозяйство вблизи от источников металла, (Мерперт, 1980, с. 3-5). Доступность медных изделий обеспечивала быстрое внедрение в хозяйственную деятельность и включение в состав погребального инвентаря. Однако этот подход слабо отражает специфику древних обществ, основанных на скотоводческой направленности хозяйства. Население вело подвижный образ жизни, часто в удалении от мест добычи руды и выплавки металла. У них вырабатывался отличный от земледельцев комплекс хозяйственных, социально-управленческих, духовно-религиозных отношений, а медные вещи, особенно орудия и оружие, приобретали особую ценность и не выводились из оборота в погребальный инвентарь.

Таким образом, состав энеолитического «пакета» у оседлых общин с хозяйством, основанным на земледелии, и у подвижных общин ранних скотоводов восточноевропейской степи подразумевает различия уже в силу специфики хозяйственно-культурных типов. У ранних скотоводов эти особенности складывались в ходе продвижения на новые территории и, так или иначе, отражали контакты с инокультурным окружением. Это хорошо иллюстрируется данными самарской культуры.

Подводя итоги, следует отметить, что на территории лесостепного Поволжья энеолитический «пакет» появляется в сложившемся виде вместе с приходом населения подвижных скотоводов-охотников-рыболовов прикаспийской культуры. Для самарской и хвалынской культур выявлена развитая социальная структура, особая роль символов власти, родовые кладбища, кратковременные стоянки, редкое выпадение металла в погребения. Как господствующая была прервана местная линия развития, основанная на присваивающем хозяйстве. Часть населения в большей или меньшей степени была инкорпорирована в состав новых культур и типов, другая же, сохранив традиции в хозяйственной и общественной области, сместилась на периферию культурно-исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении материальных комплексов памятника) // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПУ, 1991. С. 94–119.

Бахарев С.С., Овчинникова Н.В. Чесноковская стоянка на реке Сок // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПУ, 1991. С. 72–93.

Березуцкий В.Д., Килейников В.В., Скоробогатов А.М. Погребение мариупольского типа на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14 / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: ВГПУ, 2011. С. 76–88.

Богданов С.В. Проблемы формирования древнейших курганных культур востока южнорусских степей // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала / Отв. ред. В.В. Ткачев. Орск: Институт Евразийских исследований, Институт степи УрО РАН, 2000. С. 10–24.

Богданов С.В., Хохлов А.А. Энеолитический могильник в урочище Красноярка // Известия СНЦ РАН. Т. 13, № 3 (2). 2012. С. 205–213.

Васильев И.Б. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 27–52.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ, 1981. 129 с.

Васильев И.Б. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 52–69.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. 111 с.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с.Съезжее на р.Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147-166.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев: КГПИ, 1985. 118 с.

Васильева И.Н. Гончарная технология энеолитического населения Волго-Уралья как источник по истории формирования ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 17–23.

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 33–44.

Васильева И.Н., Королев А.И., Шалапинин А.А. Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка VI: морфология и технология // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 28–42.

Васильева И.Н., Королев А.И., Шалапинин А.А. Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка III: морфология и технология // Самарский край в истории России. Вып. 7 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В.Алабина, 2020. С. 199–210.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Дога Н.С., Попов А.С., Юдин А.И., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Результаты раскопок стоянки Алгай в 2020 году в Нижнем Поволжье // Известия СНЦ РАН. 2021. Т. 3, № 2. С. 100-121.

Выборнов А.А., Королев А.И., Кулькова М.А., Моргунова Н.Л., Пархомчук Е.В., Шалапинин А.А. Радиоуглеродная хронология могильника у с. Съезжее // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 212–220.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С. Новые материалы исследований на поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия СНЦ РАН. 2017. Т. 19, № 3. С. 185-190.

Дога Н.С. Периодизация и хронология прикаспийской культуры // Самарский научный вестник. 2019. Т.8, №2 (27). С. 144-149.

Королев А.И. Материалы лесного круга со стоянки Чекалино IV лесостепного Заволжья (по результатам раскопок 2007 года) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 219–228.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Каменный инвентарь погребений могильника Екатериновский мыс // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 288–300.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Керамика грунтового могильника Екатериновский мыс (по материалам раскопок 2013-2016гг.) // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 18–32.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., Рослякова Н.В. Уникальное погребение могильник эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // Stratum plus. 2018. № 2. С. 285-302.

Королев А.И., Мышкин В.Н., Шалапинин А.А. Результаты работ на грунтовом могильнике Максимовка I в лесостепном Поволжье в 2018 г. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 515-530.

Королев А.И., Шалапинин А.А. Грунтовый могильник и селище Максимовка I в лесостепном Поволжье (результаты исследований в 2020 г.) // Прочнее меди. Сборник статей к 80-летию В.А. Дергачева / Отв. ред. Л.В. Дергачева. Кишинев: Stratum Plus, 2023. С. 137-157.

Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: СНУ им. В. Даля, 2006. 328 с.

Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В. Могильник в г. Нальчике // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. Вып. 3 / Под ред. М.И. Артамонова. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 67–147.

Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 3–26.

Мерперт Н.Я. К вопросу о термине энеолит и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи / Отв. ред. А.Д. Пряхиин. Воронеж: Изд-во Воронежского университета. 1981. С. 4–21.

Моргунова Н.Л. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 58-78.

Моргунова Н.Л. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 118–135.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПИ, 1995. 222 с.

Моргунова Н.Л. Становление и развитие скотоводства в Волго-Уральском регионе // Тверской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Изд-во Триада, 2018. С. 10-17.

Овчинникова Н.В. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С. 164–191.

Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.: МГУ, 1971. 142 с.

Синюк А.Т. О понятии «энеолит» для лесостепи Днепро-Доно-Волжского междуречья // Исследование памятников археологии Восточной Европы / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1988. С. 13–23.

Скоробогатов А.М. Голубая Криница – грунтовый могильник мариупольского типа на Среднем Дону // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 1. С. 165-173.

Сомов А.В., Андреев К.М., Рослякова Н.В. Неолитическая стоянка Лужки II в лесостепном Поволжье (первые результаты исследований) // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 4. С. 166–182.

Сомов А.В., Шалапинин А.А. Соотношение неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Поволжья по данным радиоуглеродного датирования // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. №2 (27). С. 229-239.

Моргунова Н. Л., Купцова Л.В., Купцов Е.А., Краева Л.А., Файзуллин И.А., Крюкова Е.А., Мухаметдинов В.И. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железного века у с. Нижняя Павловка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2017. С. 140–173.

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево I на Верхней Суре // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2001. С. 20-37.

Турганикское поселение в Оренбургской области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд. центр ОГАУ, 2017. 300 с.

Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита-бронзового века). Самара: СГСПУ, 2017. 368 с.

Черных Е.Н. Медь из Хвалынских могильников и ее параллели (по данным спектроаналитических исследований) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 219–233.

Шишлина Н.И., ван дер Плихт Й., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А. К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 135–147.

Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021.728 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Саратовский университет, 2004. 201 с.

Antony David W., Khokhlov, A.A., Agapov, S.A., Agapov, D.S., Schulting, R., Olalde, I. and Reich, D. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // Praehistorische Zeitschrift. 2022. Vol. 97, № 1. P. 22–67.

Информация об авторе:

Королев Аркадий Иванович кандидат исторических наук, декан, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

REFERENCES

Barynkin, P. P., Kozin, E. V. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 94–119 (in Russian).

Bakharev, S. S., Ovchinnikova, N. V. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 72–93 (in Russian).

Berezutsky, V. D., Kileynikov, V. V., Skorobogatov, A. M. 2011. In Fediunin, I. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological Sites of Eastern Europe)* 14. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 76–88 (in Russian).

Bogdanov, S. V. 2000. In Tkachev, V. V. (ed.). *Problemy izucheniya eneolita i bronzovogo veka Yuzhnogo Urala (Issues of studying the Eneolithic and Bronze Age of the Southern Ural)*. Orsk: Institute of Eurasian Studies; Steppe Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 10–24 (in Russian).

Bogdanov, S. V. Khokhlov, A. A. 2012. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 13, no 3 (2), 205–213 (in Russian).

Vasiliev, I. B. 1980. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Eneolit Vostochnoy Evropy (The Eneolithic of Eastern Europe).* Kuibyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 27–52 (in Russian).

Vasiliev, I. B. 1981. *Eneolit Povolzh'ya (step' i lesostep') (The Eneolithic of the Volga region (steppe and forest steppe))*. Kuibyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasiliev, I. B. 1990. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Eneolit lesnogo Urala i Povolzh'ia (Chalcolithic of the Ural and Volga Area Forest Zone)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, 52–69 (in Russian).

Vasiliev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh'ia: step' i lesostep' (Neolithic of the Volga River Region: Steppe and Forest-Steppe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasiliev, I. B., Matveeva, G. I. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 147–166 (in Russian).

Vasiliev, I. B., Siniuk, A. T. 1985. *Eneolit Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (voprosy proiskhozhdeniia i periodizatsii kul'tur) (Eneolithic of the East European Forest-Steppe (Issues of the Origin and Periodization of Cultures)).* Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2006. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia iamnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti (Issues of Studying the Yamnaya Cultural and Historical Area).* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 17–23 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 33–46 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Korolev, A. I., Shalapinin, A.A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V-III tys. do n.e. (The phenomena of cultures of the Early Bronze Age in the steppe and forest steppe zones of Eurasia: ways of cultural interaction in the V-III millennia BC).* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 28–42 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Korolev, A. I., Shalapinin, A. A. 2020. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii krai v istorii Rossii (Samara Region in the History of Russia)* 7. Samara: Regional Museum of Local Lore, 199–210 (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Gilyazov, F. F., Doga, N. S., Popov, A. S., Vasilieva, I. N., Kulkova, M. A., Roslyakova, N. V., Kosintsev, P. A. 2021. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 3, no 2, 100–121 (in Russian).

Vybornov, A. A., Korolev, A. I., Kulkova, M. A., Morgunova, N. L., Parhomchuk, E. V., Shalapinin, A. A. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 212–220 (in Russian).

Vybornov, A. A., Yudin, A. I., Vasilieva, I. N., Kosintsev, P. A., Kulkova, M. A., Doga, N. S., Popov, A. S. 2017. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 19, no 2, 185–190 (in Russian).

Doga, N. S. 2019. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* Vol. 8, no 2 (27), 144–149 (in Russian).

Korolev, A. I. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 8 (I). Tver: "Triada" Publ., 219–228 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 288–300 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 18–32 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A., Roslyakova, N. V. 2018. In *Stratum plus* (2), 285–302 (in Russian).

Korolev, A. I., Myshkin, V. N., Shalapinin, A. A. 2021. In *Oriental Studies* 14 (3), 515–530 (in Russian).

Korolev, A. I., Shalapinin, A. A. 2023. In Dergacheva, L. V. (ed.). *Prochnee medi. Sbornik statey k 80-letiu V.A.Dergacheva (More Lasting than bronze. Essays in honour of Valentin Dergachev on occasion of his 80th birthday)*. Kishinev: Stratum plus, 137–157 (in Russian).

Kotova, N. S. 2006. *Ranniy eneolit stepnogo Podneprov'ya i Priazov'ya (Early Eneolithic Period of the Steppe Dnieper and Azov Sea Regions)*. Lugansk: Volodymyr Dahl East Ukrainian National University (in Russian).

Kruglov, A. P., Piotrovsky, B. B., Podgaetsky, G. V. 1941. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy po arheologii Kabardino-Balkarii (Materials on the archaeology of Kabardino-Balkaria)* 3. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 67–147 (in Russian).

Merpert, N. Ya. 1980. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Eneolit Vostochnoy Evropy (The Eneolithic of Eastern Europe)*. Kuibyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 3–26 (in Russian).

Merpert, N. Ya. 1981. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Jepoha bronzy Volgo-Ural'skoj lesostepi (The Bronze Age of the Volga-Ural forest steppe)*. Voronezh: Voronezh State University, 4–21 (in Russian).

Morgunova, N. L. 1984. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Epokha medi iuga vostochnoi Evropy (Copper Age in Southern Part of Eastern Europe)*. Kuibyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute,58-78 (in Russian).

Morgunova, N. L. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 118–135 (in Russian).

Morgunova, N. L. 1995. *Neolit i eneolit yuga lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ia (Neolithic and Eneolithic in the South of the Forest-Steppe Area of the Volga-Ural Interfluve)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute (in Russian).

Morgunova, N. L. 2018. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 11. Tver: "Triada" Publ., 10–17 (in Russian).

Ovchinnikova, N. V. 1995. In Vasiliev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 164–191 (in Russian).

Ryndina, N. V. 1971. *Drevneyshee metalloobrabatyvayushchee proizvodstvo Vostochnoy Evropy (The oldest metalworking industry in Eastern Europe)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Sinuk, A. T. 1988. In Sinuk, A. T. (ed.). *Issledovanie pamyatnikov arkheologii Vostochnoy Evropy (The study of archaeological sites in Eastern Europe)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 13–23 (in Russian).

Skorobogatov, A. M. 2022. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* Vol. 11, no 1, 165–173 (in Russian).

Somov, A. V., Andreev, K. M., Roslyakova, N. V. 2022. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* Vol. 11, no 4, 166–182 (in Russian).

Somov, A. V., Shalapinin, A. A. 2019. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* Vol. 8, no 2 (27), 229–239 (in Russian).

Morgunova N. L., Kuptsova, L. V., Kuptsov, E. A., Kraeva, L. A., Faizullin, I. A., Kryukova, E. A., Mukhametdinov, V. I. 2017. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 13. Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 140–173 (in Russian).

Stavitskiy, V. V. 2001. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* V. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 20–37 (in Russian).

Morgunova, N. L. (ed.). 2017. *Turganikskoe poselenie v Orenburgskoi oblasti (Turganik settlement in Orenburg Oblast).* Orenburg: "OGAU" Publ. (in Russian).

Khokhlov, A. A. 2017. *Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita-bronzovogo veka) (Morphogenetic Processes in the Volga-Urals in the Early Holocene (on the Basis of Craniological Materials of the Mesolithic - Bronze Age)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Chernykh, E. N. 2010. In Agapov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsk Eneolithic Burial Grounds and Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials*). Samara: "Povolzh'e" Publ. ,219–233 (in Russian).

Shishlina, N. I., van der Pliht, I., Zazovskaya, E. P., Sevastyanov, V. S., Chichagova, O. A. 2006. In Vasilieva, I. N. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 135–147 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). 2021. *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Yudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevka Campsite and the Neolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute (in Russian).

Antony, David W., Khokhlov, A. A., Agapov, S. A., Agapov, D.,S., Schulting, R., Olalde, I. and Reich, D. 2022. In *Praehistorische Zeitschrift*. Vol. 97, no 1, 22–67.

About the Author:

Korolev Arkadii I. Candidate of Historical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; arkorolev@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.264.276

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ГОНЧАРСТВЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ[1]

©2024 г. И.Н. Васильева

Статья посвящена обобщению информации о гончарной технологии населения Поволжья в эпоху энеолита, полученной в ходе технико-технологического анализа. Привлечены данные по 1187 сосудам из 23 энеолитических памятников (стоянок и могильников) Нижнего Поволжья и юга Средневолжья. Для обсуждения предложены результаты изучения по 4 направлениям: 1) представления гончаров об исходном пластичном сырье; 2) традиции составления формовочных масс; 3) способы конструирования и формообразования сосудов; 4) приемы придания прочности и влагонепроницаемости изделий. Эти направления обеспечены массовой информационной базой и имеют важное значение при характеристике культурных традиций в гончарстве. Технологические данные систематизированы в статистических таблицах и подтверждены микрофотосъемкой. В заключении сделаны выводы о появлении новых технологий и преемственности с неолитическим гончарством.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, Среднее Поволжье, энеолит, прикаспийская культура, самарская культура, хвалынская культура, культурные типы керамики, гончарная технология, методика А.А. Бобринского, гончарные традиции.

CULTURAL TRADITIONS IN THE POTTERY OF THE ENEOLITHIC VOLGA POPULATION[2]

I.N. Vasilyeva

The article deals with the generalization of information on pottery technology of the Volga region population in the Eneolithic period, got through technical-technological analysis. The data on 1187 vessels from 23 Eneolithic monuments (sites and burial grounds) of the Lower Volga region and the south of the Middle Volga are involved. The results of the study in 4 directions are proposed for discussion: 1) potters' ideas about the initial plastic raw materials; 2) traditions of making pottery paste; 3) ways of designing and shaping vessels; 4) methods for making products durable and waterproof. These directions are provided with information base and are important in characterizing cultural traditions in pottery. Technological data are systematized in statistical tables and confirmed by micrograph. Conclusions are drawn about the emergence of new technologies and continuity with Neolithic pottery

Keywords: archaeology, Lower Volga region, Middle Volga region, Eneolithic, Caspian culture, Samara culture, Khvalynsk culture, cultural types of ceramics, pottery technology, A.A. Bobrinsky's technique, pottery traditions.

Введение

В энеолите – переходной эпохе от каменного к бронзовому веку – в Поволжье происходили очень важные исторические процессы, которые нашли отражение в материальной культуре населения. Существенные изменения ярко проявились в морфологии керамики: 1) переход от простых трехчастных форм к более сложным, от плоскодонности к очень маленьким неустойчивым днищам диаметром 3-6 см (прикаспийская культура), а затем к округло-остро-донным сосудам (хвалынская культура); 2) распространение воротничкового оформления венчиков; 3) смена орнаментальной стилистики и техник нанесения декора: от геометризма, выполненного с помощью прочерчивания, накалывания и отступания (неолит) – к прочерченным меандровидным или овальным фигурам, сложным лентам, заполненным «шагающей гребенкой» (прикаспийская культура); распространение гребенчатых штампов и ямочно-жемчужного пояска

[1]Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-28-01638 "Энеолит лесостепного Поволжья: традиции и инновации".

[2] The study was carried out as a part of the RSF grant No. 24-28-01638 “Eneolithic of the forest-steppe Volga region: traditions and innovations”.

под венчиком (самарская культура); в рамках хвалынской культуры произошел возврат к геометрическому стилю, но качественно изменились приемы орнаментации – появилась техника оттиска «плетеных фактур» и веревочных штампов, что позволяет рассматривать именно эту керамику как самую раннюю «шнуровую» посуду в Восточной Европе. Перечисленные нововведения касаются внешнего облика бытовой посуды, который указывает на культурную идентичность групп населения. Что же происходило в технологии изготовления энеолитической посуды, которая скрыта от глаз? Экспериментальные работы показали, что внешнего сходства с сосудом любой формы можно достигнуть совершенно разными приемами, поэтому только изучение гончарной технологии позволяет заглянуть в «предисторию» формирования культурных традиций древнего населения. Данная статья посвящена подведению некоторых итогов исследования энеолитической гончарной технологии.

Материалы и обсуждение

Методика исследования. Исследование осуществлялось в рамках методики А.А. Бобринского (бинокулярная микроскопия, трасология, физическое моделирование) (Бобринский, 1978; 1999). Технико-технологический анализ образцов энеолитической керамики проводился в соответствии со структурой гончарного производства (3 стадии и 12 ступеней) (Бобринский, 1999, с. 9-10). Под образцами имеются в виду развалы, венчики, придонные участки и стенки от разных сосудов, морфологические особенности которых позволяют провести их культурную атрибуцию. В статье привлечены данные по 1187 сосудам из 23 энеолитических памятников (стоянок и могильников) Нижнего Поволжья и юга Средневолжья. Итоги изучения коллекций памятников практически все подробно опубликованы в статьях автора. В этой работе предлагаются для обсуждения результаты обобщения по 4 направлениям: 1) представления гончаров об исходном пластичном сырье (далее – ИПС); 2) традиции составления формовочных масс (далее – ФМ); 3) способы конструирования и формообразования сосудов; 4) приемы придания прочности и влагонепроницаемости изделий. Именно эти направления обеспечены массовой информационной базой и имеют важное значение при характеристике культурных традиций в гончарстве. Технологические данные систематизированы в статистических таблицах (табл. 1-2) и подтверждены микрофотосъемкой (рис. 1-2).

Представления древних гончаров об исходном пластичном сырье - включают традиции отбора ИПС на видовом уровне (илы, илистые глины, глины), на подвидовом уровне (тощие и жирные), а также приемы составления ФМ (характер искусственных примесей и их концентрация в ФМ). Сведения о количественном соотношении сырья и искусственно введенных непластичных материалов необходимы для определения функции сырья (примесь, сырье-связка, основное сырье, моносырье) и состояния представлений о видах ИПС (несформированность, частичная сформированность и полная сформированность) (Бобринский, 1999, с. 76). Представления об ИПС относятся к субстратным навыкам, обладающим способностью сохраняться очень длительное время без изменений, даже в условиях смешения групп населения.

Вид пластичного сырья является в гончарстве очень значительным фактором. Разные виды сырьевых ресурсов порождали разные системы знаний и навыков труда, требовали различных способов их добычи и подготовки, способов лепки, сушки и термической обработки. Смена сырьевой базы приводила к существенным изменениям всего гончарного производства. Нами выделены следующие виды ИПС: илы, илистые глины, глины. Качественный состав первых двух видов, отличный от глин, отражен на фото (рис. 1-2). Все они содержат глинистые минералы, обладают пластичностью (способностью давать с водой пастообразные массы разной консистенции) и необратимо терять ее после обжига. Подробная характеристика видов ИПС и аргументация их выделения опубликованы.

В таблице 1 представлены количественные данные по энеолитической керамике Поволжья, которые убедительно указывают на массовое распространение илистых глин в качестве ИПС в гончарстве населения всех археологических культур и культурных типов, а также на тенденцию изживания представлений гончаров об илах: процент использования илов в прикаспийском гончарстве – 10,5%, в самарском – в среднем 10%, в хвалынском – 2%. Выявлены и региональные особен-

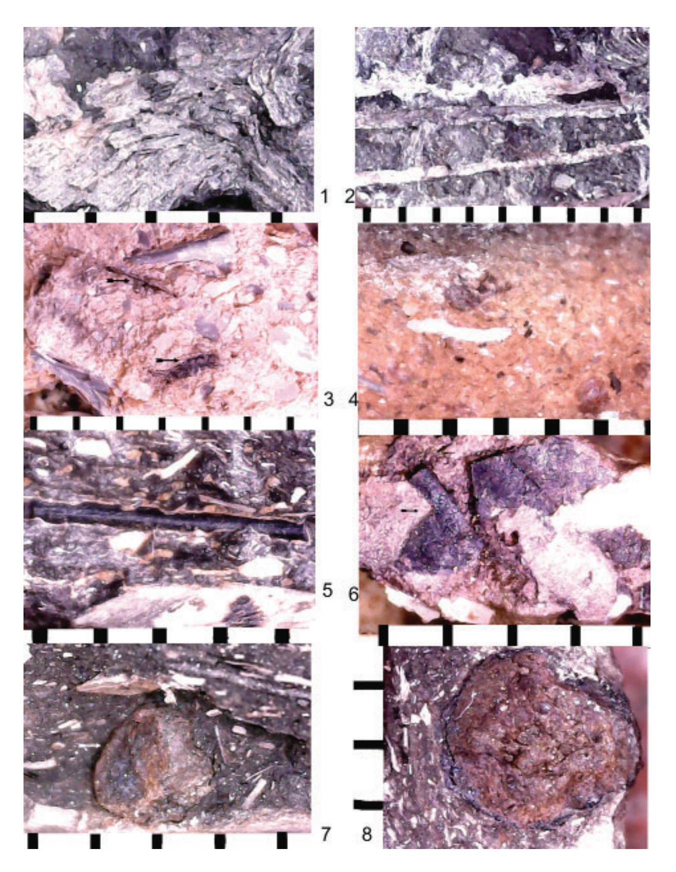

Рис. 1. Исходное пластичное сырье энеолитической керамики Поволжья (микрофотосъемка): 1-2 – остатки растительности в илах (1 – Кузминки; 2 – Съезженский могильник); 3-4 – илистые глины (3 – жирные, Орошаемое; 4 – тощие, Съезженский могильник); 5 – кость рыбы (Кара-Худук); 6 – чешуя рыбы (Орошаемое); 7 – комочек нерастворившейся чистой глины (Каир-Шак VI); 8 – оолитовый бурый железняк (Кара-Худук).

Fig. 1. Initial plastic raw materials of Eneolithic ceramics in the Volga region (micro-photograph): 1-2 – vegetation remains in the silt (1 – Kuzminki; 2 – Syezzhensky burial ground); 3-4 – silty clays (3 – fatty, Oroshayemoye; 4 – lean, Syezzhensky burial ground); 5 – fish bone (Kara-Khuduk); 6 – fish scales (Oroshayemoye); 7 – a lump of undissolved pure clay (Kair-Shak VI); 8 – oolitic bog iron-ore (Kara-Khuduk).

ности. Если рассматривать данный показатель в рамках самарской культуры отдельно для юга Средневолжья и Волго-Уралья, то видны значительные различия: в Средневолжье – 7%, в Волго-Уралье – 21%. В прикаспийском гончарстве использование илов зафиксировано только в производствах посуды с синкретическими чертами и на стоянке Курпеже-молла. В хвалынских гончарных производствах – единичные сосуды из ила в Северном Прикаспии, связанные с гребенчатой орнаментацией; наибольщая представленность приемов применения архаичного сырья имеется на стоянках в бассейне реки Сок в Среднем Поволжье (4,2%) (табл. 1). Существенное разнообразие выявлено в производствах посуды разных культурных типов Среднего Поволжья. Наибольшая доля илов в общем объеме ИПС керамики наблюдается в производствах посуды с внутренним ребром (25%), токского типа (24%), турганикского типа (17%) (табл. 1). В целом же, можно уверенно говорить о тенденции изживания традиции использования ила в качестве ИПС для изготовления бытовой посуды в эпоху энеолита. Этот вывод станет более очевидным при сравнении с данными по неолитическому гончарству Поволжья (Васильева, 2020). На стоянках позднего неолита в Северном Прикаспии (Тентексор, Таскудук, Приозерная) была найдена только керамика, изготовленная из ила: в позднем неолите здесь сохранялись архаичные традиции отбора илов (Васильева и др., 2023а). В степном Поволжье (Варфоломеевка, Алгай, Орошаемое) одновременно с подобными появились и затем получили широкое распространение новые виды сырья – илистые глины и глины (Васильева и др., 2023а). В Среднем Поволжье изучение керамики позднего неолита (Лебяжинка I, Лужки II) показало также сосуществование обоих видов ИПС, но и возрастание доли илов в производствах керамики с гребенчатой орнаментацией (Васильева, Сомов, 2023б).

Интересные наблюдения получены на уровне подвидов ИПС («тощие» и «жирные»). Основываясь на этнографических данных, можно предполагать значительную важность этих свойств сырья при его отборе. В исследовательской практике наиболее распространенным способом оценки естественной песчаной примеси является разделение глин на сильно-, средне- слабо- и незапесоченные, которое производится по подсчетам зерен песка на 1 кв.см. В работе с нео-энеолитической керамикой мы используем более общий подход: к «тощим» подвидам ИПС отнесены сильно- и -средне-запесоченные, к «жирным» - слабо- и незапесоченные. Разделение изученного материала по данному показателю довольно четко выявило региональные особенности энеолитического гончарства. В Нижнем Поволжье во всех энеолитических гончарных производствах (прикаспийском и хвалын-

ском) были распространены только приемы отбора жирного сырья (илов и илистых глин). Совершенно другая картина наблюдается в Среднем Поволжье: несмотря на явное преобладание традиций использования жирных илов и илистых глин, в составе гончарных традиций энеолитического населения этого региона повсеместно встречаются приемы отбора тощих подвидов. Возможно, это является «наследием» елшанского неолитического гончарства, для которого было характерно тощее ИПС.

Важным при характеристике представлений о ИПС является выяснение функции сырья (сырье как примесь, связка, основное сырье, моносырье), что определяется по концентрации искусственных примесей (Бобринский, 1999, с. 76-79). В производствах посуды, изготовленной из илов, сырье выступало в роли моносырья – не учитывая органические растворы, которые, вслед за А.А. Бобринским, мы считаем связанными с догончарным периодом и задачами закрепительной стадии гончарного производства. Такие гончарные производства относятся к протогончарным А1 и А2 (Бобринский, 1999, с. 77-79). В энеолитических производствах Поволжья к сырью стали добавлять искусственные примеси в концентрации, когда они занимали менее половины общего объема ФМ, таким образом, илистые глины выполняли функцию основного сырья. В качестве примесей использовались минеральные (шамот, дресва), органо-минеральные (дробленая раковина), органические (пух птиц) (все – часто вместе с органическим раствором). Такие производства мы относим к архегончарным. Результаты изучения ФМ (табл. 2) показывают существенное преобладание архегончарных производств в энеолитическую эпоху в Поволжье. Доля керамики, содержавшей только органический раствор, составляет от 1% до 17% (табл. 2).

Традиции составления формовочных масс. При их характеристике основное внимание уделено характеру искусственных добавок. Выявлены следующие примеси: органические растворы (ОР); дробленая раковина (ДР); шамот (Ш); примесь из обожженной сильноожелезненной глины (ОГ); птичий пух; дресва из талька.

Органические растворы – предположительно, клеящие вещества растительного и животного происхождения (рыбий клей или желе, выжимка из корней водных растений и т.д.). В черепке керамики представлены в виде пустот аморфной формы с налетом определенного цвета и плотности по их стенкам (рис. 2: 1-2). Как уже выше говорилось, традиция их введения в ФМ была связана с догончарным периодом и стремлением придать изделиям прочность, поэтому мы рассматриваем рецепты с ОР в энеолите как технологические реликты, которые сохранялись очень долгое время. Вполне вероятно, что они имели и технологическую нагрузку, особенно важную при проведении обжига изделий с ДР, что требует проведения специального исследования. Их массовое распространение прослежено еще в ранненеолитических гончарствах Нижнего и Среднего Поволжья. В энеолите ОР чаще стал добавляться совместно с другими примесями. В общем объеме ФМ энеолитической керамики доля рецептов только с одним ОР не велика: от 1% до 17% (табл. 2).

Дробленая раковина – органо-минеральная добавка в виде плоских пластинок размером 0,5-3 мм, единично до 5-7 мм (рис. 2: 3, 5). Раковины пресноводных моллюсков подогревались на костре до жемчужно-серого цвета, после чего они легко растирались руками или дробились, производилась их калибровка. Приемы подготовки и введения в ФМ дробленой раковины зародились в степном Нижнем Поволжье в результате эволюционного перехода от илов к илистым глинам в гончарстве неолитического орловского населения. В энеолите именно данная традиция стала самой распространенной и массовой в гончарстве поволжского населения (до 99% - в хвалынской культуре) (табл. 2). В рассматриваемый период фиксируется ее продвижение на север Среднего Поволжья и массовое распространение в среде гаринского и борского населения (Выборнов и др., 2019). Традиция введения дробленой раковины сохранилась до позднего энеолита (Максимовский могильник) и ямного времени (погребение у с. Екатериновка) (Васильев и др., 2004) (табл. 2). Она была известна на ранних этапах ямной культуры, что рассматривается исследователями как проявление глубоких родственных связей населения энеолитических, особенно хвалынской, и ямной культур (Салугина, 2019).

Шамот – минеральная примесь, результат дробления старых, вышедших из употребления, сосудов (рис. 2: 6-7). Представлен-

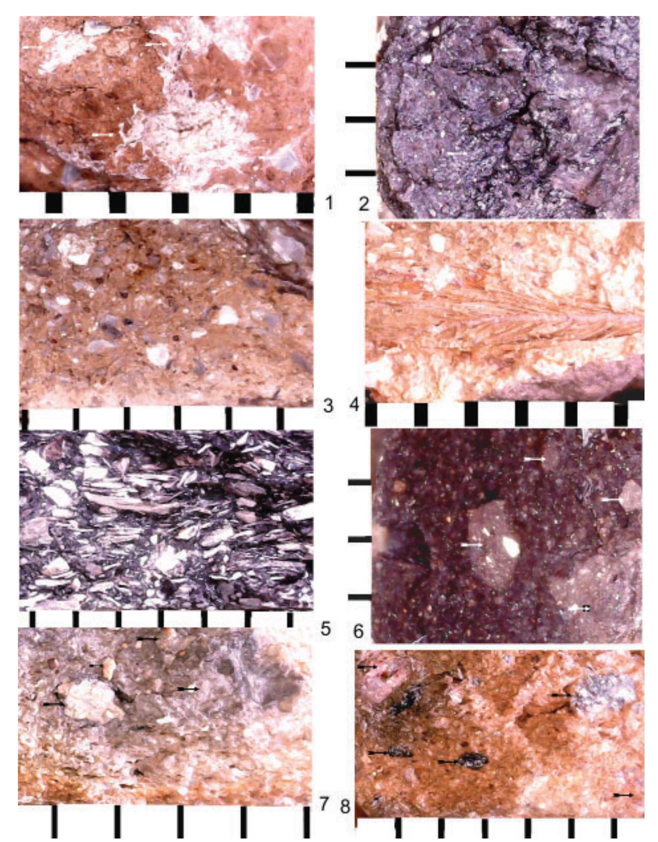

Рис. 2. Формовочные массы энеолитической керамики Поволжья (микрофотосъемка): 1-2 – органические растворы (1 – Каир-Шак VI; 2 - Турганик); 3, 5 – дробленая раковина (3 – Турганик; 5 – Кара-Худук); 4 – птичий пух (Лебяжинка III); 6–7 – шамот (6-7 – Турганик); 8 – дресва из талька (Турганик).

Fig. 2. Paste of Eneolithic ceramics of the Volga region (micro-photograph): 1-2 – organic mortars (1 – Kair-Shak VI; 2 – Turganik); 3, 5 – crushed shell (3 – Turganik; 5 – Kara-Khuduk); 4 – bird fluff (Lebyazhinka III); 6–7 – grog (6-7 – Turganik); 8 – talc grit (Turganik).

ность данной традиции в энеолитическом гончарстве Нижнего и Среднего Поволжья незначительна, а также очевидна ее связь с Волго-Уральем (табл. 2): 7% керамики ивановского типа, единичные сосуды в производствах посуды хвалынско-ивановского и чекалинского типа. Наибольшее распространение она имела в производствах токского типа (14%). Два сосуда новоильинской культуры (Турганик) также изготовлены из ФМ с примесью шамота. Следует отметить, что в рассматриваемое время шамотная традиция была устойчивой в гончарстве красномостовской культуры (Андреева и др., 2022) и новоильинской культуры (Выборнов и др., 2019), территория которых связана с севером Среднего Поволжья. Приемы введения шамота из обожженной сильноожелезненной глины представлены единично, они имели место в неолитическом гончарстве Поволжья.

Птичий пух – фиксируется по отпечаткам пуха птиц (рис. 2: 4). Выявлен в ФМ сосудов с внутренним ребром и типа Лебяжинка III из энеолитических слоев стоянок Самарского Поволжья. Рецепты ФМ с птичьим пухом содержат также примесь дробленой раковины. Данная традиция является самой массовой в гончарстве населения, изготавливавшего сосуды этих культурных типов (92-97% от общего объема) (табл. 2). В неолитическом гончарстве Поволжья она не зафиксирована, ее появление произошло в энеолите. Птичий пух известен в керамике волосовской, имеркской, нижнедонской культур Восточной Европы (Васильева, 2018); керамике эпохи энеолита Обь-Иртышского междуречья (Рахимжанова, 2018) и ранней бронзы Западной Сибири (Софейков, 1988). Таким образом, территориальные границы: от Подонья до юга Западной Сибири. Хронологические рамки: эпоха энеолита и ранней бронзы. Выяснение вопроса о месте и времени зарождения этой специфической традиции нуждается в разработке методики и расширении источниковой базы.

Дресва из талька (рис. 2: 8) выявлена в составе трех сосудов суртандинского и токского типов из слоя стоянки Турганик. Причем два из них содержали кроме тальковой дресвы еще и шамот, что указывает на определенное культурное смешение. В целом, изучение формовочных масс керамики Поволжья в эпоху энеолита позволили выявить как массовые культурные традиции (ОР, ДР, ОР+ДР), так и новые, появившиеся здесь только в энеолите (ПП+ДР), а также единичные, свидетельствующие об определенных культурных контактах с группами населения соседних территорий (Ш, Дт).

Способы конструирования и формообразования сосудов. В энеолитическом гончарстве Поволжья выявлено всеобщее распространение лоскутного налепа. А.А. Бобринский, выделивший и охарактеризовавший данный вид изготовления сосудов, по признаку системности принципов наращивания глины построил эволюционную цепочку основных способов конструирования сосудов. Начальные ее звенья составляют приемы лоскутного налепливания глины, а конечные – приемы спирального наращивания глиняных жгутов

(Бобринский, 1978, с. 158). Завершение эволюции лоскутного налепа было отнесено им предположительно к началу II тыс. н.э. – времени почти полного его исчезновения как самостоятельного принципа конструирования. А.А. Бобринский подчеркивал эволюционный характер этого процесса: за постепенными изменениями технологических приемов конструирования посуды не стояла радикальная смена самого населения. Просто в разные промежутки этого длительного периода возникали процессы смешения между носителями разных традиций изготовления керамики, которые постепенно и привели к полному перерождению лоскутного налепа (Бобринский, 1978, с. 168). Таким образом, А.А. Бобринскому удалось более детально проследить финальный период эволюции лоскутного налепа. Задачей современных исследователей является выяснение ее начальных этапов в эпоху неолита и энеолита.

Конструирование энеолитических сосудов Поволжья осуществлялось лоскутным налепом, с применением различных форм-моделей, что подтверждается комплексом признаков, выявленных экспериментальным методом (Васильева, Салугина, 2010). В это время наибольшее распространение имели приемы спиралевидного лоскутного налепа, хотя сохранялся и комковатый лоскутный налеп. Изучение развалов крупных сосудов выявило применение зонального лоскутного налепа (изготовление сосуда в несколько этапов). Зафиксирован прием раздельного изготовления частей сосудов, для каждой из которых имелась своя модель (Съезженский, Екатериновский могильники). Устойчивым приемом конструирования было присоединение верхней части сосудов (венчика вместе с «воротничком») в виде отдельной зоны. Строительными элементами служили лоскуты, отрываемые от жгута. Формообразование производилось с помощью различных твердых форм-моделей. В коллекции Съезженского могильника имеется фрагмент придонной части сосуда с отпечатками корзинного плетения (Васильева, 1999). В материалах могильника Екатериновский мыс выявлено несколько сосудов с отпечатками прокладки из шкуры животных – волосистой поверхности этих шкур в виде округлых в плане «клубков» шерсти диаметром от 3 до 6 см. Факт обнаружения таких следов как на внутренней, так и на внешней поверхностях сосудов свидетельствует об использовании форм-основ и форм-емкостей, а также поочередного их применения в процессе изготовления одного сосуда (Васильева, 2019). Сам характер орнаментации сосудов хвалынской культуры (отпечатки плетеных фактур) указывает на использование кожаного материала в качестве прокладок. Микроскопическое изучение обнаружило на внутренней поверхности почти трети всех проанализированных образцов хвалынской керамики следы от использования мягких прокладок, которые, по-видимому, накладывались на твердые формы-основы с целью более легкого отделения влажного сосуда от модели без повреждения. Признаки применения этих приспособлений проявились в наличии складок глины, морщинистости, иногда редких статических отпечатков волос животных на внутренней поверхности сосудов (Васильева, 2010). На внутренней поверхности 5 сосудов (Лебяжинка III) зафиксированы отпечатки рыболовной крупноячеистой сети. Размер квадратных ячеек сетей примерно 2х2 см, диаметр узелков между ними составляет 3-5 мм. Обращает на себя внимание тот факт, что все 5 сосудов с отпечатками сети на внутренней стороне изготовлены из ФМ с примесью птичьего пуха (Васильева и др., 2020). В энеолитическом гончарстве отмечено увеличение роли выбивания поверхности сосудов твердой колотушкой как способа придания формы, в отличие от неолита, когда этот прием использовался чаще для небольшой корреляции формы.

Приемы придания прочности и влагонепроницаемости изделий – относятся к закрепительной стадии гончарного производства, завершающей производственный процесс. От благополучного обжига изделий зависела успешность всех предпринятых гончарами ресурсных и трудовых затрат. Таким образом, значимость навыков на этой стадии очень велика. Среди них А.А. Бобринский предложил выделять холодные (введение ОР) и горячие (обжиг) способы, а также их смешанное состояние (Бобринский, 1999, с. 85-103). Результаты изучения показали распространение именно смешанных приемов придания прочности и влагонепроницаемости сосудов посредством холодных и горячих (термических) воздействий на гончарную продукцию. На закрепительной стадии применялись прие-

мы неполной выдержки изделий при температурах каления глины, о чем свидетельствует преобладание многослойной окраски изломов изделий. Энеолитические приемы придания прочности и устранения влагопроницаемости относятся к частично сформированным, что соответствует протогончарным и архегончарным производствам (Бобринский, 1999, с. 85-105). Можно предполагать, что использовался костровой обжиг с длительным периодом при низких температурах в восстановительной среде и кратковременной выдержкой при температурах каления. Сохранность обломков раковины и углефикация (графитизация) остатков растительности в черепке указывает на применение режима, когда сосуды долго находились в изоляции от открытого огня (использование прокладки из золистого или других материалов). Сосуды попадали в зону действия высоких температур (650-800° С) на короткий период времени. Следует отметить, что обжиг изделий с примесью раковины требовал особых знаний и навыков. Раковина моллюсков состоит из кристаллов углекислой извести, являющаяся вредной примесью: в температурном режиме 650-900℃ она разлагается и приводит к повреждению продукции. Таким образом, режим обжига сосудов с раковиной должен был включать длительный низкотемпературный период термической обработки (300-400℃) в условиях изоляции изделий от кислорода, а затем не превышать 600-650℃. Можно отметить две тенденции в развитии приемов придания прочности и устранения влагонепроницаемости в энеолите: с одной стороны, фиксируется увеличение доли сосудов со сквозным светло-коричневым изломом, что свидетельствует об увеличении температур обжига и продолжительности каления в окислительной среде; а с другой - в материалах могильника Екатериновский мыс, гаринской и борской культур многочисленна керамика с признаками полного разрушения вещества раковины. Возможно, дробленая раковина выгорала в результате неправильного режима обжига посуды, что может свидетельствовать об утрате определенных знаний и навыков работы гончаров.

Заключение

Изучение энеолитической гончарной технологии Поволжья позволило выявить как проявления инноваций, так и черты преемственности с неолитической эпохой. К первым можно отнести смену сырьевой базы и повсеместный переход от илов к илистым глинам; широкое распространение традиций введения в ФМ примеси дробленой раковины; появление ранее не известных приемов составления ФМ с птичьим пухом; совершенствование способов изготовления сосудов и их термической обработки; в целом, эволюционный переход от протогончарного уровня гончарных производств к архегончарному. Ко вторым – бытование и сосуществование совместно с вышеописанными протогончарных производств, для которых характерны представления гончаров об илах как сырье для изготовления бытовой посуды; введение в ФМ только одного органического раствора; сохранение известных еще в неолите приемов конструирования, придания прочности и водонепроницаемости сосудам. На фоне обобщения данных по гончарной технологии стали очевидны и региональные особенности, в частности смешанный состав гончарных традиций населения самарской культуры и других культурных типов керамики Среднего Поволжья и Волго-Уралья.

Такая картина, по нашему мнению, является отражением сложных этнокультурных процессов, которые происходили в истории населения Поволжья в эпоху энеолита. Состояние изученности гончарной технологии Восточной Европы позволяет затронуть и обсудить некоторые темы. Во-первых, происхождение новых технологий в гончарстве – это результат миграции новых групп населения или они вызрели на территории самого Поволжья? Итоги изучения неолитического гончарства показали, что на современном уровне мы можем предполагать именно второй вариант – они зародились, эволюционировали в течение многих столетий в рамках орловской культуры, что подтверждается итогами исследования керамики стратифицированной Варфоломеевской стоянки. В Северном Прикаспии инновации появились вместе с населением прикаспийской культуры, т.к. гончарные традиции населения этого региона в позднем неолите оставались очень архаичными, и их эволюция не прослеживается. Такой же вывод очевиден и для позднего неолита Среднего Поволжья. Благодаря изучению Съезженского могильника, одного из самых ранних памятников самарской культуры, довольно

четко прослежен процесс смешения пришлых южных (прикаспийских?) групп населения и местных поздненеолитических коллективов, а также начало формирования в результате этого смешения самарской энеолитической культуры. Вторая волна миграции была связана с хвалынской культурой, которая закрепила произошедшие изменения в гончарстве. Во-вторых, в гончарной технологии нашли отражение также процессы активизации межкультурных связей в энеолите. Пока непонятным является механизм появления особой, неизвестной в неолите, группы населения с традицией введения в ФМ пуха птиц и дробленой раковины. Этот вопрос нуждается в дальнейшей разработке. Факты наличия рецептов с шамотом и дресвой из талька в материалах Волго-Уралья могут указывать на проникновения на эту территорию небольших коллективов из соседних регионов (северных районов Поволжья и Зауралья). Дальнейшие исследования гончарной технологии позволят разобраться в этих проблемах более детально.

Таблица 1. Исходное пластичное сырье энеолитической керамики Поволжья
Table 1. The initial plastic raw material of the Eneolithic ceramics in the Volga region

Территория, памятники: мог-к, стоянки	Исходное пластичное сырье					Итого:
	Илы		Илистые глины		Глины	
	тощие	жирные	тощие	жирные	жирные	
ПРИКАСПИЙСКАЯ АК						
Нижнее Поволжье: Северный Прикаспий						
Каир-Шак 6				4		4
Кара-Худук				3		3
Курпеже молла		6		25		31
Буровая 40				8	2	10
Комбактэ				2		2
- Синкретическая						
Каир-Шак 6		1		1		2
Кара-Худук		2		4		6
Курпеже молла		1		6		7
Нижнее Поволжье: степное Поволжье						
Варфоломеевка				2		2
Орошаемое				35		35
Алгай		1		3		4
ВСЕГО по ПК:		11/10,5%		93/88%	2/1,5%	106/100%
САМАРСКАЯ АК						
Среднее Поволжье						
Мог-к Съезжее	11	6	3	13		33
Екатериновский мыс (мог-к)			56	162		218
Лебяжинка IV			3	1		4
Лебяжинка V		1				1
Лебяжинка VI			2	2		4
Всего:	11	7	64	178		260
	18/7%		242/93%			260/100%
– Волго-Уралье ивановский тип						
Турганик	6	2	24	19		51
Ивановка	3	2	22	11		38
Кузминки	2	5				7
Всего:	11	9	46	30		96
	20/21%		76/79%			96/100%
ИТОГО по СК:	38/10%		318/90%			356/100%
ХВАЛЫНСКАЯ АК						
Нижнее Поволжье: Северный Прикаспий						
Каир-Шак 6		1		24		25
Кара-Худук				40		40
Курпеже молла				10		10
Комбактэ		1		19		20
Нижнее Поволжье: степное Поволжье						
Алгай				5		5

Орошаемое				46		46
I Хвалынский мог-к			4	44		48
II Хвалынский мог-к			1	29		30
Хлопковский мог-к				1		1
ВСЕГО по ХК Ниж.Поволжья:	-	2/1%	5/2%	218/97%	-	225/100%
	2/1%		223/99%			225/100%
Среднее Поволжье, Волго-Уралье						
Лебяжинка VI			2	6		8
Лебяжинка V			1			1
Лебяжинка IV	1	4	7	1		13
Лебяжинка I			40	30		70
Ивановка		1	1	2		4
Синкретическая: **Хвалынско-самарская**						
Лебяжинка IV			3			3
Лебяжинка V				2		2
Лебяжинка VI			2	5		7
Хвалынско-ивановская						
Турганик			5	9		14
ВСЕГО по ХК Ср.Поволжья:	1/0,8%	5/4,2%	61/50%	55/45%		122/100%
	6/5%		116/95%			122/100%
ИТОГО по ХК:	1/0,3%	7/2%	66/19%	273/78,7%		347/100%
	8/2%		339/98%			347/100%
	Культурные типы керамики Среднего Поволжья и Волго-Уралья					
	КТ ЛЕБЯЖИНКА III					
Лебяжинка III	4	3	64	57		128
Лебяжинка VI			2	15		17
ВСЕГО:	4/3%	3/2%	66/45%	72/50%		145/100%
	КТ КЕРАМИКИ С ВНУТРЕННИМ РЕБРОМ					
Лебяжинка VI	8	2	9	19		38
Лебяжинка IV			1			1
ВСЕГО:	8/20%	2/5%	10/26%	19/49%		39/100%
	КТ ЧЕКАЛИНО IV					
Лебяжинка VI			4	38		42
Лебяжинка V				3		3
Чекалино IV			4	5		9
ВСЕГО:			8/15%	46/85%		54/100%
ТОКСКИЙ КТ						
Ивановка	2	11	4	22		39
Турганик	6	2	14	26		48
ВСЕГО:	8/9%	13/15%	18/21%	48/55%		87/100%
	ТУРГАНИКСКИЙ КТ					
Ивановка	2/6%	4/11%	5/14%	24/69%		35/100%
	НОВОИЛЬИНСКИЙ КТ					
Турганик		2/100%				2/100%
	СУРТАНДИНСКИЙ КТ					
Турганик			4/100%			4/100%
	АЛТАТИНСКИЙ КТ					
Ивановка	2/50%		1/25%	1/25%		4/100%
Поздний энеолит						
Максимовский мог-к				7/100%		7/100%
Погребение у с.Екатериновка				1/100%		1/100%
Всего изучено:						1187

Сокращения: АК – археологическая культура; ПК– прикаспийская культура; ХК – хвалынская культура; КТ – культурный тип; пам-к – памятник; мог-к – могильник. Единица изучения – образец (отдельный сосуд).

Таблица 2. Формовочные массы энеолитической керамики Поволжья
Table 2. Eneolithic molding mass in the Volga region

АК, КТ Пам-ки: мог-ки, стоянки	Формовочные массы (искусственные добавки)									Итого:
	ОР	ДР	ОР+ ДР	ДР+ ОР+ ОГ	ДР+ ОР+ ПП	ДР+ ПП	Дт+ ОР	Ш+ ОР	Ш+ Дт+ ОР	
	ПРИКАСПИЙСКАЯ АК									
Нижнее Поволжье: Северный Прикаспий										
Каир-Шак 6		2	2							4
Кара-Худук			3							3
Курпеже молла	7	6	18							31
Буровая 40		7	3							10
Комбактэ		1	1							2
- Синкретическая										
Каир-Шак 6	1		1							2
Кара-Худук	2		4							6
Курпеже молла	1		6							7
Нижнее Поволжье: степное Поволжье										
Варфоломеевка			2							2
Орошаемое		26	9							35
Алгай	1	1	2							4
ИТОГО по ПК:	12	43	51							106
	12 11%	94 89%								106/ 100%
	САМАРСКАЯ АК									
Среднее Поволжье										
Мог-к Съезжее	24		9							33
Екатериновский мыс (мог-к)	1	46	171							218
Лебяжинка IV		3	1							4
Лебяжинка V			1							1
Лебяжинка VI			3	1						4
– Волго-Уралье ивановский тип										
Турганик	9		29					13		51
Ивановка	9		17					12		38
Кузминки	7									7
ИТОГО по СК:	50	49	231	1				25		356
	50/ 14%	281/79%						25/ 7%		356/ 100%
	ХВАЛЫНСКАЯ АК									
Нижнее Поволжье: Северный Прикаспий										
Каир-Шак 6	1	4	20							25
Кара-Худук		8	32							40
Курпеже-молла		4	6							10
Комбактэ	1	7	12							20
Нижнее Поволжье: Степное Поволжье										
Алгай		2	3							5
Орошаемое		39	7							46
I Хвалынский мог-к		16	32							48
II Хвалынский мог-к		10	20							30
Хлопковский мог-к		1								1
Всего по ХК Ниж. Поволжья:	2	91	132							225 100%
	2/ 1%	223/99%								
Среднее Поволжье. Волго-Уралье										
Лебяжинка VI			6	2						8
Лебяжинка V			1							1

Лебяжинка IV	1	4	7					1		13
Лебяжинка I			70							70
Ивановка	1		3							4
Синкретическая: **Хвалынско-самарская**										
Лебяжинка IV	1	1	1							3
Лебяжинка V			2							2
Лебяжинка VI			7							7
Хвалынско-ивановская										
Турганик			13					1		14
Всего по ХК Ср.Поволжья: :	3	5	110	2				2		122/ 100%
	3/ 2,5%	117/ 96%						2/ 1,5%		
ИТОГО по ХК:	5/ 1,5	340/98%						2/ 0,5%		347/ 100%
	Культурные типы керамики Среднего Поволжья и Волго-Уралья									
	КТ ЛЕБЯЖИНКА III									
Лебяжинка III	7		5		59	57				128
Лебяжинка VI					17					17
ИТОГО:	7/ 5%		5/ 3%		133/ 92%					145/ 100%
КТ С ВНУТРЕННИМ РЕБРОМ										
Лебяжинка VI			1		37					38
Лебяжинка IV					1					1
ИТОГО:			1/ 3%		38/ 97%					39/ 100%
	КТ ЧЕКАЛИНО IV									
Лебяжинка VI			35	6	1					42
Лебяжинка V			3							3
Чекалино IV		1	6	1				1		9
ИТОГО:		52/96%			1/ 2%			1/ 2%		54/ 100%
	ТОКСКИЙ КТ									
Ивановка	5	7	27							39
Турганик	6		29					12	1	48
ИТОГО:	11/ 13%	63/ 72%						12/ 14%	1/ 1%	87/ 100%
	ТУРГАНИКСКИЙ КТ									
Ивановка	6	4	24					1		35
ИТОГО:	6/ 17%	28/80%						1/3%		100%
	НОВОИЛЬИНСКИЙ КТ									
Турганик: **Всего:**								2/ 100%		2/ 100%
	СУРТАНДИНСКИЙ КТ									
Турганик: **Всего:**			1/ **25%**				2/ **59%**		1/ **25%**	**4/ 100%**
АЛТАТИНСКИЙ КТ										
Ивановка: **Всего:**	2/ **50%**		2/ **50%**							4/ 100%
Поздний энеолит										
Максимовский мог-к: **Всего:**		2/ **28%**				5/ **72%**				7/ 100%
Погребение у с.Екатериновка		1								1
ВСЕГО изучено:										1187

Сокращения: АК – археологическая культура; ПК– прикаспийская культура; ХК – хвалынская культура; КТ – культурный тип; пам-к – памятник; мог-к – могильник; ОР – органический раствор; ДР – дробленая раковина; ОГ – шамот из обожженной глины; ПП – птичий пух; Дт – дресва из талька; Ш – шамот; Единица изучения – образец (отдельный сосуд).

ЛИТЕРАТУРА

Андреева О.В., Шалапинин А.А. Сравнительный анализ красномостовской и ранневолосовской керамики Марийского Поволжья // КСИА. 2022. Вып. 268. С. 127–145.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изуче-ния. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А.А. Бобринский. Самара: СГПУ, 1999. С. 5–108.

Васильев И.Б., Фадеев В.Г. Сосуд из грунтового могильника ямной культуры на юге Самарской области (к проблеме сложения ямной курганной культуры) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 43–46.

Васильева И.Н. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ДИМУР, 1999. С. 191–216.

Васильева И.Н. Технология изготовления керамики II Хвалынского могильника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Отв. ред. С.А. Агапов. Самара: Офорт-Пресс, 2010. С. 180–218.

Васильева И.Н. Некоторые итоги технико-технологического анализа керамики поселения Ракушечный Яр // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 137-153.

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 33–44.

Васильева И.Н. Культурные традиции в гончарстве населения Поволжья в эпоху неолита // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 128–130.

Васильева И.Н., Дога Н.С., Гилязов Ф.Ф. Новые данные о неолитическом гончарстве Нижнего Поволжья // Известия СНЦ РАН. Исторические науки. 2023. Т. 5. № 1. С. 138–150.

Васильева И.Н., Сомов В.В. Керамические комплексы неолитической стоянки Лужки II: морфология и технология (предварительные итоги изучения) // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12. № 3. С. 139–162.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Лоскутный налеп // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин, Н.П. Салугина, И.Н. Васильева М.: ИА РАН, 2010. С. 72–87.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. 2019. № 1 (44). С. 34–47.

Васильева И.Н., Королев А.И., Шалапинин А.А. Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка III: морфология и технология // Самарский край в истории России. Вып. 7 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2020. С. 199–210.

Рахимжанова С.Ж. Керамические традиции в эпоху энеолита – ранней бронзы на территории степного Обь-Иртышского междуречья. Дисс… канд. ист. наук. Барнаул, 2018. 314 с.

Салугина Н.П. Население Волго-Уралья в эпоху раннего бронзового века в свете данных технологического анализа керамики // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 113–122.

Софейков О.В., Савинкина М.А., Ламихов М.К., Кокаулина Э.Р. Реконструкция технологии древней керамики поселения Каргат VI // Методические проблемы археологии Сибири / Отв. ред. Р.С. Васильевский, Ю.П. Холюшкин. Новосибирск: Наука, 1988. С. 155–173.

Информация об авторе:

Васильева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: in.vasil@mail.ru.

REFERENCES

Andreeva, O. V., Shalapinin, A. A. 2022. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 268, 127–145 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (EastEuropean Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual’nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (Current Issues of Ancient Pottery Study)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–108 (in Russian).

Vasilyev, I. B., Fadeev, V. G. 2004. In Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya (Issues of the Archaeology of the Lower Volga Region)*. Volgograd: Volgograd State University, 43–46 (in Russian).

Vasilyeva, I. N. 1999. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh’ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 3. Orenburg: “DIMUR” Publ., 191–216 (in Russian).

Vasilyeva, I. N. 2010. In Agapov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsky Eneolithic Burial Grounds and Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials*). Samara: “Povolzh'e” Publ. 180–218 (in Russian

Vasilyeva, I. N. 2018. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* Vol.7, no 3 (24), 137–153 (in Russian).

Vasilyeva, I. N. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 33–44 (in Russian).

Vasilyeva I.N. 2020 In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* Vol. I. Samara: Samara State Pedagogical University, 128–130 (in Russian).

Vasilyeva, I. N., Doga, N. S., Gilyazov, F. F. 2023. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 5, no 1, 138–150 (in Russian).

Vasilyeva, I. N., Somov, V. V. 2023. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* Vol. 12, no 3, 139–162 (in Russian).

Vasilyeva, I. N., Salugina, N. P. 2010. In Tsetlin, Yu. B., Salugina, N. P. (eds.). *Drevnee goncharstvo. Itogi i perspektivy izucheniia (Ancient Pottery. Study Results and Prospects*). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 72–87 (in Russian).

Vybornov, A. A., Lychagina, E. L., Vasilyeva, I. N., Melnichuk, A. F., Kulkova, M. A. 2019. In *Vestnik Permskogo universiteta (Bulletin of the Perm University)* 44 (1), 34–47 (in Russian).

Vasilyeva, I. N., Korolev, A. I., Shalapinin, A. A. 2020. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii krai v istorii Rossii (Samara Region in the History of Russia)* 7. Samara: Regional Museum of Local Lore, 199–210 (in Russian).

Rakhimzhanova, S. Zh. 2018. *Keramicheskie traditsii v epokhu eneolita – ranney bronzy na territorii stepnogo Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya* (*Ceramic traditions in the Eneolithic – Early Bronze Age on the territory of the steppe Ob-Irtysh interfluve).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).

Salugina, N. P. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e. (Phenomena of Early Bronze Age cultures of the steppe and forest steppe zone of Eurasia: ways of cultural interaction in the 5th–3rd millennium BC).* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 113–122 (in Russian).

Sofeikov, O. V., Savinkina, M. A., Lamikhov, M. K., Kokaulina, E. R. 1988. In Morgunova, N. L. (ed.). *Metodicheskie problemy arkheologii Sibiri (Methodological issues of archaeology of Siberia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 155–173 (in Russian).

About the Author:

Vasilyeva Irina N. Candidate of Historical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; in.vasil@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.277.284

МАТЕРИАЛЫ НЕОЛИТА И ПАЛЕОМЕТАЛЛА БАЗЯКОВСКОЙ I СТОЯНКИ В УСТЬ-КАМЬЕ

©2024 г. А.В. Шипилов

В статье анализируются и публикуются материалы одного из многокомплексных поселенческих памятников, Базяковской I стоянки, расположенной в Усть-Камье. Цель работы ввести в научный оборот массив археологических источников рассматриваемой стоянки. В её материалах, полученных в результате археологических изысканий, прослеживается несколько этапов функционирования. Наиболее ранний этап связан с камской неолитической культурой. Кроме керамики к ней относится весьма выразительная коллекция каменного инвентаря, полученная в результате изысканий на рассматриваемом археологическом объекте. Следует отметить большое количество деревообрабатывающих орудий. Комплекс находок камской культуры, возможно, частично синхронен с керамикой ямочно-гребенчатого типа. В более позднее время территорию стоянки занимают носители керамики новоильинской культуры. В эпоху позднего энеолита площадку памятника осваивает группа населения гаринской культуры. Дальнейшее бытование стоянки продолжается в эпоху поздней бронзы. Заключительный этап её функционирования приходится на эпоху раннего железного века.

Ключевые слова: археология, Усть-Камье, неолит, камская культура, керамика ямочно-гребенчатого типа, гаринская культура, эпоха бронзы, ранний железный век.

NEOLITHIC AND PALEOMETAL EPOCH MATERIALS FROM THE BAZYAKOVO I CAMPSITE AT THE MOUTH OF THE KAMA RIVER

A.V. Shipilov

The article deals with the materials of one of the multi-complex settlement monuments, the Bazyakovo I campsite, located at the mouth of the Kama River. The purpose of the work is to introduce into scientific discourse an array of archaeological sources of the campsite under consideration. In its materials, obtained as a result of archaeological studies, several stages of functioning can be traced. The earliest stage is associated with the Kama Neolithic culture. In addition to ceramics, it includes a very expressive collection of stone tools, obtained as a result of studies at the archaeological site under consideration. A large number of woodworking tools should be noted. The finds, related to the Kama culture, may be partially synchronized with the dotted-and-combed ware. In later times, the territory of the campsite was occupied by bearers of ceramics of the Novoilyinka culture. In the Late Eneolithic, the site of the monument was occupied by the population of the Garino culture. The campsite continued to exist in the Late Bronze Age. The final stage of its functioning falls on the Early Iron Age.

Keywords: archaeology, mouth of the Kama River, Neolithic, Kama culture, dotted-and-combed ware, Garino culture, Bronze Age, Early Iron Age

Памятник находится в 6 км к северу-северо-западу от с. Базяково Алексеевского района Республики Татарстан и располагается на второй надпойменной террасе левого берега р. Кама (рис. 1).

Весной 1965 году во время весеннего спада воды П. Н.Старостину удалось впервые выявить и провести обследование памятника. Повторно он обследовался в 1971 году.

В результате проведённых археологических изысканий, на Базяковской I стоянке была собрана весьма яркая археологическая коллекция, в которой, судя по находкам, прослеживается несколько этапов функционирования стоянки.

Наиболее ранний хронологический комплекс рассматриваемого памятника представлен керамикой, относящейся к камской неолитической культуре (рис.2; 3:1-5). Он состоит из 27 фрагментов от 11 круглодонных сосудов. В формовочной массе лепной посуды данной группы присутствует примесь

Рис. 1 Расположение Базяковской I стоянки на карте Республики Татарстан.
Fig. 1. Location of the Bazyakovo I campsite on the map of the Republic of Tatarstan.

песка и шамота. Судя по венчикам, данная посуда представлена фрагментами преимущественно прикрытых сосудов полуяицевидной формы (рис. 2: 1, 9; 3: 1, 5). Лишь в единичном случае присутствует венчик, обладающий открытой профилировкой (рис. 3:4). По внешней поверхности фрагментов лепных сосудов присутствует орнаментация, выполненная в основном гребенчатыми штампами. С внутренней и внешней стороны черепки хорошо заглажены. Можно выделить следующие орнаментальные мотивы: решётки (рис. 2: 9), пояса из оттисков расположенных вертикально или под наклоном среднего (рис.2: 2, 8; 3:1) и короткого (рис.2: 1, 5, 8, 9; 3:1, 3, 5) инструмента. Сравнительно редки случаи присутствия в орнаментации мотива «шагающей гребёнки» (рис. 2: 7) и вертикального зигзага (рис.3:2). Узоры на сосудах дополняют горизонтальные ряды круглых ямок (рис.3: 1-5), нанесенных под срезом венчиков (рис.3: 1, 4, 5). Керамика камского типа Базяковской I стоянки находит широкий круг аналогий по всей территорий Волго-Камья. Наиболее близкая по облику посуда была встречена при исследовании Тётюшской, Лебединской I, Игимской (Габяшев, Казаков, Старостин, Халиков, Хлебникова, 1976, 8:10; Шипилов, 2022, рис. 3-5, 7, 8) и Каентубинской островной (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2017, рис. 5: 13) стоянок.

Помимо керамики с камской культурой следует связать весьма представительную серию каменного инвентаря – 100 находок (рис. 7-8). Среди них преобладают сколы, отщепы и ножевидные пластины (рис. 7: 5-7). В коллекции присутствует семь нуклеусов, среди которых выделяются экземпляры конической формы (рис.7:1-4). Для изготовления орудий применялось преимущественно кремнёвое сырьё белого и светло-серого серого цвета. Наиболее многочисленную группу каменных артефактов составляют деревообрабатывающие орудия. Это 12 кремнёвых долот (рис.7: 9, 11, 13) и 3 тёсла (рис. 7: 8, 10, 12). В данной категории часть изделий сохранилась фрагментировано. Длина тесел не превышает 9, 5см при ширине лезвия 4,5 см. Параметры долот также варьируется от 6 до 8см при ширине рабочей части от 3 до 4, 5 см. Деревообрабатывающий инструментарий, обнаруженный на Базяковской I стоянке, изготовлялся из белого мелового опочного кремня плохого качества. Орудия для обработки кожи и шкур животных представлены четырьмя скребками (рис. 8: 1-2). Они произведены на

Рис. 2. Базяковская I стоянка: керамика камской культуры.
Fig. 2. Bazyakovo I campsite: pottery of the Kama culture.

кремневых отщепах и имеют подпрямоугольную форму. При их изготовлении использовался кремень белого цвета и тёмно-серого цвета. Рабочая часть скребков оформлена краевой отжимной ретушью. Их длина не превышает 6 см при ширине лезвия не более 4 см. Режущие изделия состоят из девяти ножей (рис. 8: 3-1). Данные артефакты выполнены преимущественно на бифасах белого и светло-серого цвета. Единично обнаружено орудие, изготовленное из двухцветного кремня (рис. 8: 7). По всей внешней поверхности изделие оформлено отжимной краевой ретушью. Среди ножей присутствуют прямолезвийные (рис. 8: 3-5, 11), ланцетовидные (рис. 8: 6, 7, 9) и подтреугольные (рис. 8: 8,10) типы. Их длина не превышает 10,5 см при ширине лезвия от 2- 4 см. Каменному инструментарию, собранному на Базяковской I стоянке, прослеживаются обширные аналогии на поселенческих памятниках, имеющие принадлежность к камской культуре. Наиболее близкие черты сходства проявляются с инвентарём стоянок этого типа Нижнего Прикамья: Мурзихинской IV (Шипилов, 2015, рис.8), Кузькинской XX (Шипилов, 2013, рис. 8) и Каентубинской островной (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2017, рис. 3: 10; 5:18; 7: 7). В хронологическом отношении комплекс камской культуры Базяковской I стоянки, принимая во внимание полученные радиоуглеродные датировки в калиброванных значениях (стоянки Сауз I, II, Балачхинская VI а) для Нижнего Прикамья (Выборнов, 2008, с. 243; Выборнов, Шипилов, 2019, с. 56), следует рассматривать в пределах V тыс. до н.э.

Помимо комплекса камской культуры к эпохе неолита относится керамика ямочно-гребенчатого типа (рис. 3: 6), обнаруженная на этой же стоянке. В коллекции присутствует 3 фрагмента керамики от 1 сосуда (рис. 3: 6). Это лепная посуда толщиной от 0,8-1,5 см, с примесью песка и шамота в формовочной массе. Судя по фрагментам, этот сосуд имеет прикрытую профилировку. По всей внешней его поверхности присутствует орнаментация, выполненная оттисками зубчатого инструмента средней длины, расположенными под наклоном. Композиции, представленные этим орнаментиром, дополняют глубокие конические вдавления, расположенные по тулову, и являются разделителями орнаментальных зон, в которых мотивы выполнены штампами. Рассмотренная керамика находит обширный круг аналогий в пределах Среднего Поволжья, особенно на Старомазиковской II, Обсерваторской III, Удельно-Шумецкой VI (Никитин, 2015, рис. 4: 1, 2; 5: 3, 4; 6: 16, 17; 7: 1; 14:1; 34) стоянках, а также Отарском VI поселении (Никитин, 2015, рис. 74: 1). По керамике последнего памятника была получена дата 5650± 80 BP (4730-4540; 4860-4450 BC) (Выборнов, 2008, с. 245). Принимая во внимание сходство посуды ямочно-гребенчатого типа Базяковской I стоянки с керамикой Отарского VI поселения, следует констатировать, что данная дата применима и для ямочно-гребенчатого комплекса Базяковской I стоянки.

В последующее время, площадку стоянки занимают носители новоильинской культуры, к которой относится три фрагмента керамики. В отличие от камской посуды в новоильинской присутствует открытая профилировка,

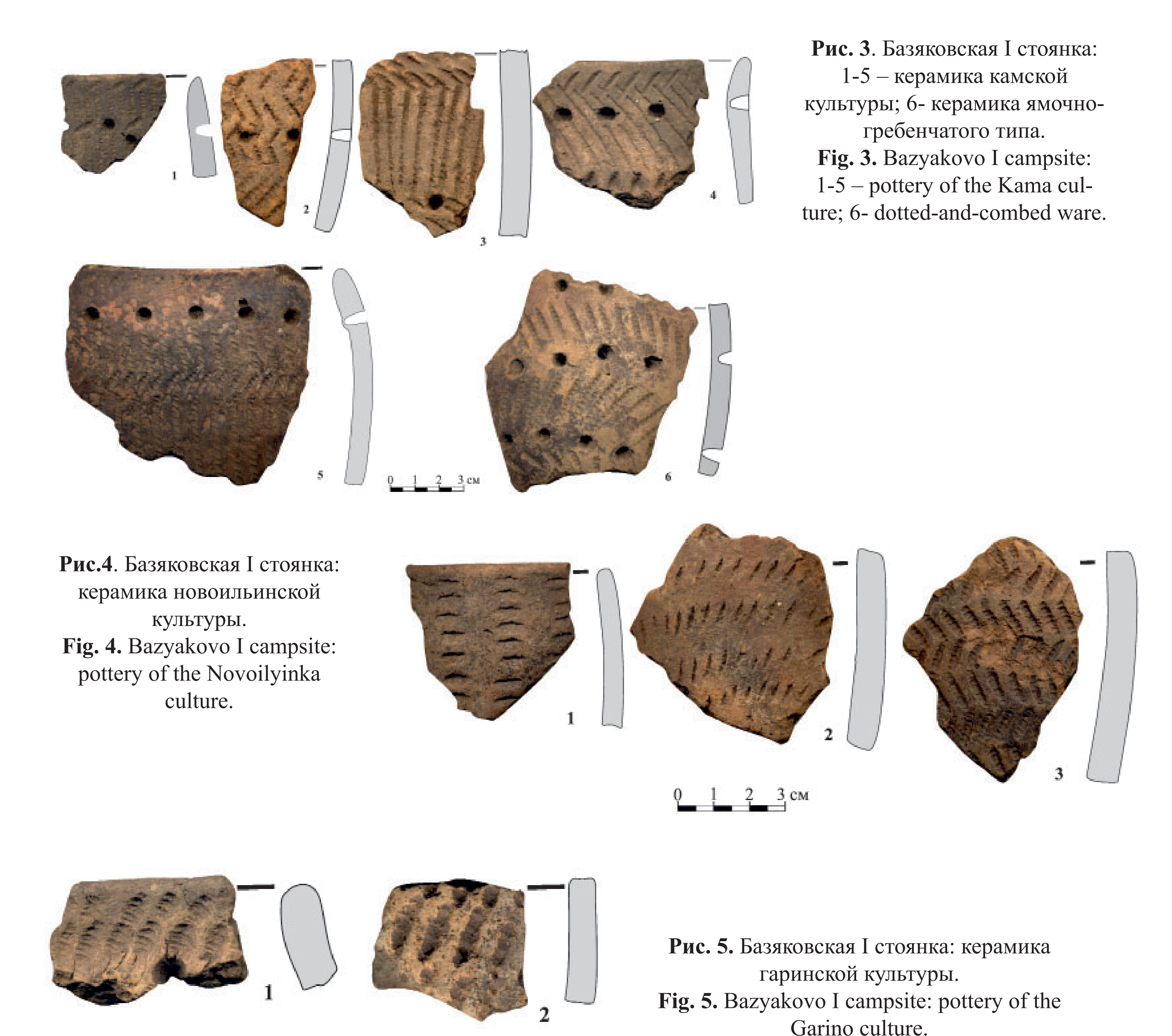

Рис. 3. Базяковская I стоянка: 1-5 – керамика камской культуры; 6- керамика ямочно-гребенчатого типа.
Fig. 3. Bazyakovo I campsite: 1-5 – pottery of the Kama culture; 6- dotted-and-combed ware.

Рис.4. Базяковская I стоянка: керамика новоильинской культуры.
Fig. 4. Bazyakovo I campsite: pottery of the Novoilyinka culture.

Рис. 5. Базяковская I стоянка: керамика гаринской культуры.
Fig. 5. Bazyakovo I campsite: pottery of the Garino culture.

орнаментация на керамике более разреженная (рис.4:1-2). При декорировании сосудов применялся короткий зубчатый штамп. В формовочной массе присутствует песок и шамот. Среди мотивов орнамента присутствует вертикальный зигзаг (рис.4:3). Композиции включают в себя пояса из оттисков расположенных горизонтально (рис 4:1) или под наклоном коротких овальных гребенчатых штампов (рис.4:2). Судя по имеющимся данным, время существования новоильинской культуры может быть отнесено к последней четверти V – первой половине IV тыс. до н.э. (Выборнов и др., 2021, 371). Вероятно, этим временем датируется и группа фрагментов этого типа, полученная в результате изысканий на Базяковской I стоянке.

Велика вероятность того, что после носителей новоильинской культуры площадку стоянки посещали представители гаринской культуры энеолита. В коллекции Базяковской I стоянки присутствуют единичные фрагменты посуды этого типа (рис. 5). Данная керамика пориста, в формовочной массе присутствует органика. На внешней её поверхности присутствует орнаментация, выполненная оттисками овального (ри.5:1) и короткого среднезубчатого (рис.5:2) штампов.

Следующие этапы функционирования рассматриваемой стоянки связаны с эпохой поздней бронзы (рис. 6:1-6). Наиболее ранний из них относится к луговской культуре. Комплекс находок, имеющий принадлежность к этому культурному образованию,

Рис. 6. Базяковская I стоянка: 1-5 – керамика луговской культуры; 6 – керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры; 7-10 – керамика ананьинской КИО.
Fig. 6. Bazyakovo I campsite: 1-5 – pottery of the Lugovoy culture; 6 – pottery of the Atabaevo stage of the Maklasheyevka culture; 7-10 – pottery of the Ananyino cultural and historical area

включает в себя 23 фрагмента посуды (рис. 6: 1–5). Основными примесями в формовочной массе посуды была раковина и органика. Преимущественно на внешней её поверхности присутствует орнаментация, выполненная гладкими и гребенчатыми штампами различной величины (рис.6: 1-5). Орнаментальные мотивы представлены в виде трёхрядного горизонтального зигзага (Рис. 6: 4), косой сетки (рис. 6: 1), ромба (рис.6: 3) и заштрихованного треугольника (рис. 6:2). Заслуживают внимание пояса из оттисков расположенного горизонтально длинного гребенчатого штампа (рис.6: 5) и пояса подтреугольных ямок (рис. 6: 3). Ближайшие аналогии луговской керамике Базяковской I стоянки прослеживаются в материалах археологических памятников Нижнего Прикамья: Дубовогривской II (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 7: 15, 16, 18, 19, 23), Луговской I и II (Збруева, 1960. С. 12-29) стоянок, могильника Такталачук (Казаков, 1978, с. 67-108). Данный комплекс, в свете имеющихся радиоуглеродных датировок, занимает хронологические позиции на территории Среднего Поволжья и сопредельных территорий в пределах XVII-XV вв. до н.э. (Лыганов, 2021, с. 545).

Вероятно, площадка рассматриваемого памятника использовалась позднее носителями маклашеевской культуры. Основанием для этого мнения служит присутствие в коллекции стоянки венчика сосуда атабаевского этапа маклашеевской культуры (рис. 6: 6). В отличие от керамики луговской культуры на нём присутствует воротничок, а также обладает горшковидной профилировкой. В области перехода шейки в тулово присутствуют сгруппированные три клиновидных углубления. Близкие по формально-типологическим признакам керамика была получена при исследовании Дубовогривской II стоянки Габяшевым Р.С. и Старостиным П.Н. (раскопы I, II, V) (Габяшев, Старостин, 1978, рис. 7-11). Помимо этого, она была встречена при исследовании Каентубинской островной (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2017, рис. 8: 1, 2, 5, 6, 9 - 11, 17) и Игимской (Шипилов, 2017, рис.9) стоянок, а также Кузькинском

Рис.7. Базяковская I стоянка: каменный инвентарь.
Fig. 7. Bazyakovo I campsite: stone tools.

Рис. 8. Базяковская I стоянка: каменный инвентарь.
Fig. 8. Bazyakovo Icampsite: stone tools.

XVII поселении (Шипилов, 2019, рис. 7: 2-4). Общая дата атабаевского этапа маклашеевской культуры относится к рубежу XIV-XIII вв. до н.э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, 631). Вероятно, в этих же рамках датируется венчик обнаруженный на Базяковской I стоянке.

Заключительный этап функционирования стоянки приходится, вероятно, на эпоху раннего железного века. В коллекции присутствует четыре венчика постмаклашеевской культуры (рис. 6: 7-10), имеющая принадлежность к Ананьинской КИО. Судя по венчикам, посуда обладала горшковидной профилировкой, в формовочной массе присутствует толчёная раковина. По внешней поверхности керамики присутствует орнаментация, выполненная гладкими и гребенчатыми штампами. Декор посуды включает в себя также ямки, различные вдавления. В хронологическом отношении данный комплекс следует помещать в рамки существования постмаклашеевской культуры, то есть в пределы IX-III/II вв. до н.э. (Чижевский, Волкова, 2021, с. 180-183).

Таким образом, рассмотрение материалов Базяковской I стоянки позволило установить семь этапов жизнедеятельности первобытных коллективов на данной территории. Ранний её этап связан с камской неолитической культурой, а заключительный с Ананьинской КИО.

Дальнейшие исследования материалов такого многокомплексного памятника как Базяковская I стоянка позволит получить качественную информацию о специфике развития первобытных коллективов, особенностях их жизнедеятельности в пределах рассматриваемой территории.

ЛИТЕРАТУРА

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Шипилов А.В. Неолитический комплекс Балахчинской VI a стоянки в приустьевом Прикамье // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 47–58.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Гусенцова Т.М., Шипилов А.В., Цыгвинцева Т.А. Новоильинская культура // Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: АН РТ, 2021. С. 363–373.

Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. С.3–34.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФ АН, 1978. С. 109–120.

Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции Т. III / МИА. №80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–95.

Лыганов А.В. Андронойдные культуры Волго-Камья (луговская и сусканская культура) // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 522–547.

Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФ АН, 1978. С. 67–108.

Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура. Памятники белогорского типа. // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. III. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 162–185.

Чижевский А. А., Лыганов А. В., Кузьминых С.В. Маклашеевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 601–637.

Чижевский А. А., Лыганов А. В., Морозов В.В. Исследование памятников археологии на острове Дубовая грива в 2009-2010 гг. // Поволжская археология. 2012. №1. С. 94–115.

Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Итоги исследования Каентубинской Островной стоянки в 2004 году // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 50–70.

Шипилов А.В. Хронологические комплексы XX Кузькинской стоянки // Поволжская археология. 2013. № 1 (1). С. 113–125.

Шипилов А.В. Культурно-хронологические комплексы Мурзихинской IV стоянки в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 313–325.

Шипилов А.В. Материалы эпох поздней бронзы и раннего железа Игимской стоянки (Нижнее Прикамье) // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 111–118.

Шипилов А.В. Кузькинская XVII стоянка (атрибуция и хронология) // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 165–178.

Шипилов А.В. Материалы камской неолитической культуры по итогам исследования VI-VII раскопов Игимской стоянки в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 95–106.

Информация об авторе:

Шипилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); Shipilov_anton@mail.ru

REFERENCES

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam’ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Shipilov, A. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 47–58 (in Russian).

Vybornov, A. A., Lychagina, E. L., Gusensova, T. M., Shipilov, A. V., Tsygvintseva, T. A. 2021. Sitdikov, A. G., Galimova, M. Sh. (eds.). *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 363–373 (in Russian).

Gabiashev, R. S., Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh., Khlebnikova, T. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 3–34 (in Russian).

Gabiashev, R. S., Starostin, P. N. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 109–120 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* III. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–95 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2021 In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 522–547 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–108 (in Russian).

Chizhevsky, A.A., Volkova, E. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 162–185 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Kuzminykh, S. V. 2021 In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 601–637 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Morozov, V. V. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 94–115 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (1), 113–125 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (1), 113–125. (in Russian).

Shipilov, A. V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 313–325 (in Russian).

Shipilov, A. V. 20179. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 111–118 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 165–178 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 95–106 (in Russian).

About the Author:

Shipilov Anton V., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Shipilov_anton@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.285.295

АРХАИЧНЫЙ ИНВЕНТАРЬ В ПОГРЕБЕНИЯХ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ[1]

©2024 г. Н.Л. Моргунова, Н.П. Салугина, А.А. Файзуллин

В статье систематизированы все находки, в погребениях ямной культуры в Волго-Уральском междуречье, имеющие те или иные признаки энеолитических культур. К ним отнесены архаичная керамика, некоторые украшения из раковин, клыка кабана, редко из меди. Помимо морфологии проанализирована технология сосудов с архаичными признаками и сделан вывод о преемственности традиций в гончарстве хвалынской и самарской культур эпохи энеолита Поволжья и гончарной технологии на раннем этапе ямной культуры. Сделан вывод, что находки архаичных предметов в погребениях и на поселениях раннего этапа ямной культуры Волжско-Уральского междуречья подтверждают ранее высказывавшееся мнение о сложении ямного комплекса на основе энеолитической хвалынской и самарской культур, что помимо преемственности погребальных обрядов подкрепляется радиоуглеродным возрастом погребений с архаичным инвентарем.

Ключевые слова: археология, Волго-Уральское междуречье, энеолит Поволжья, ранний бронзовый век, ямная культура.

ARCHAIC INVENTORY IN THE BURIALS OF THE YAMNAYA CULTURE IN THE SAMARA TRANS-VOLGA REGION AND THE SOUTHERN URAL[2]

N.L. Morgunova, N.P. Salugina, A.A. Faizullin

The authors systematizes all finds in the burials of the Yamnaya culture in the Volga-Ural interfluve that have certain signs of Eneolithic cultures. They include archaic ceramics, some jewelry made of shells, boar tusk and rarely items made of copper. In addition to morphology, the technology of vessels with archaic features was analyzed and a conclusion was made about the continuity of traditions in the Eneolithic pottery of the Khvalynsk and Samara cultures in the Volga region and pottery technology at the early stage of the Yamnaya culture. It is concluded that the finds of archaic objects in burials and settlements of the early stage of the Yamnaya culture of the Volga-Ural interfluve confirms the previously expressed opinion about the formation of the Yamnaya complex on the basis of the Eneolithic Khvalynsk and Samara cultures, which, in addition to the continuity of burial rites, is proved by the radiocarbon age of burials with archaic grave goods.

Keywords: archaeology, Volga-Ural interfluve, Eneolithic in the Volga region, Early Bronze Age, Yamnaya culture.

Введение

В историографии ямной культуры, как Волго-Уралья, так и других ее вариантов, сложившихся на обширных пространствах степей Восточной Европы, одной из ключевых проблем является вопрос об исконной территории ее формирования и хронологии этого процесса.

Основным центром, сформировавшим древнеямное единство, с самого начала своего исследования Н.Я. Мерперт определил Волжско-Уральское междуречье, где, по его мнению, процесс становления и развития культуры носил эволюционный характер, и, в отличие от северопричерноморских степей, здесь прослеживались его самые ранние звенья (Мерперт, 1974, с. 123–127). К ведущим признакам, знаменующим начало ямной культуры, исследователи относят такие, как захоронения в больших индивидуальных ямах под курганами, скорченное на спине с наклоном вправо положение умерших, восточная

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье» (РНФ № 23-68-10006)

[2] The work was financially supported by the RSF within the project “Ethnic-cultural processes in the Bronze and Early Iron Ages in the light of interdisciplinary studies in the Southern Ural” (RSF No. 23-68-10006)

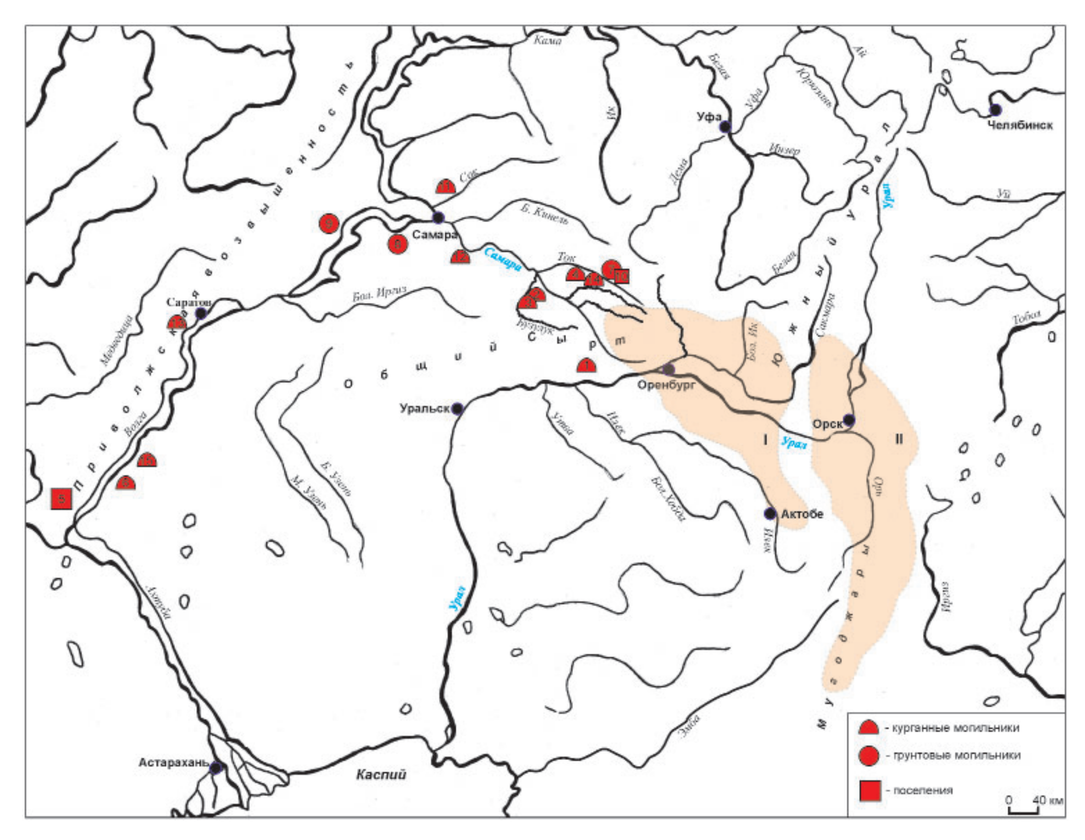

Рис. 1. Карта памятников ямной культуры с архаичными артефактами и эталонных памятников энеолита в Волго-Уральском междуречье. 1 – КГ Герасимовка II; 2 – КГ Скворцовка; 3 – КГ Петровка; 4 – КГ Каликино II; 5 – пос. Репин Хутор; 6 – Бережновка I; 7 – ГМ урочище Краснoярка; 8 – могильник Екатериновский Мыс; 9 – Хвалынский могильник; 10 – пос. Турганикское; 11 – КГ Лопатино II; 12 – КГ Покровка I; 13 – КГ Паницкое; 14 – КГ Красиково I; 15 – КГ Скатовка.

Fig.1. Map of Yamnaya culture monuments with archaic artifacts and standard Eneolithic sites in the Volga-Ural interfluve. 1 – Gerasimovka II; 2 – Skvortsovka; 3 – Petrovka; 4 – Kalikino II; 5 – Repin Khutor; 6 – Berezhnovka I; 7 – Krasnoyarka; 8 – Ekaterinovsky Mys; 9 – Khvalynsk; 10 –Turganikskoye; 11 – Lopatino II; 12 – Pokrovka I; 13 – Panitskoye; 14 – Krasikovo I; 15 – Skatovka.

ориентировка, оформление ям растительными циновками, посыпка охрой, круглодонная керамика с примесью толченой раковины в глине (Мерперт, 1974; Кияшко, 1974; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000; Моргунова, 2014; Марина, 2002; Иванова, 2021). Истоки этих классических ямных признаков находятся в предшествующем энеолитическом периоде (Васильев, Овчинникова, 2000). Культурами эпохи энеолита, располагающими всеми вышеперечисленными признаками ямного комплекса, являются хвалынская и среднестоговская. В погребальном обряде обеих культур находят истоки многие элементы ямной погребальной обрядности, в том числе зарождение курганной традиции (Кореневский, 2012). Локализация древнейших курганов и ямной погребальной традиции в ареале от Заволжья до Подонья позволила очертить и связать «прародину» ямной культурно-исторической общности с ее восточными вариантами, с волжско-уральским и нижнедонским (Моргунова, 2014; 2020; Моргунова, Турецкий, 2019).

Подтверждением данной точки зрения помимо всех означенных основных археологических признаков ямной культуры, ранее других проявившихся в Волго-Уральском регионе, включая Северное Предкавказье, Нижнее, Самарское Поволжье и Оренбургское Приуралье, является распространение в позднем энеолите на данной территории, ранее других степных областей, древнейших подкурганных захоронений так называемого бережновского типа (I хронологический горизонт ямной культуры по Н.Я. Мерперту) (Кореневский, Моргунова, 2022).

В последние годы в погребальных комплексах ямной культуры Волго-Уралья, относящихся в основном к ранним ее этапам, открыт

ряд архаичных артефактов (рис. 1), на которые авторы считают необходимым в данной публикации обратить особое внимание в связи с означенной выше проблемой.

Материалы и обсуждение

В погребальных сооружениях ямной культуры в качестве архаичных, пережиточных артефактов, находящих прямые аналоги в энеолитических грунтовых могильниках и в древнейших подкурганных комплексах позднего энеолита, могут рассматриваться некоторые глиняные сосуды, украшения из раковин и клыка кабана, редко из меди. В ряде случаев данные артефакты встречаются совместно в одних и тех же погребальных комплексах.

Керамика. Архаичные сосуды отличаются такими морфологическими признаками, как яйцевидная форма вытянутых пропорций с округлым дном и высоким, профилированным, раструбовидным горлышком, отделенным от тулова рядами глубоких ямок, с отогнутым наружу венчиком, напоминающим воротничковые формы эпохи энеолита. Визуально в этих сосудах всегда заметно наличие примеси дробленой раковины.

Во-первых, обращает на себя внимание группа погребений с находками подобных сосудов в сочетании с так называемыми рогатыми булавками-амулетами, которые уже традиционно исследователи ямной культуры относят к ее репинскому этапу. Таковым явилось погребение, заключавшее в себе, вероятно, глубоко символичный сакральный смысл в КГ Герасимовка II 4/2[1] (Моргунова, 2014, с.107–111). В нем было совершено погребение двух черепов взрослых людей, которое сопровождалось сосудом, шестью рогатыми амулетами и другими украшениями из кости, камня и меди, а также медными орудиями (рис. 2: 1). Сосуд помимо отмеченных архаичных признаков характеризовался такими, присущими для гончарства неолита и энеолита Самарского Поволжья особенностями, как насечки по срезу венчика, орнамент, прочерченный по всей окружности и дну в виде круговых горизонтальных линий, поясок глубоких ямок-жемчужин по шейке сосуда.

В сопровождении рогатых амулетов находился сосуд в погребении КГ Лопатино II 3/2 (рис. 3: 14–15) (Васильев и др., 2000, с. 57–58), а также архаичный сосуд и рогатая булавка в погребении № 6 одиночного кургана Паницкое (рис. 3: 17–18) (Мимоход, 2009,

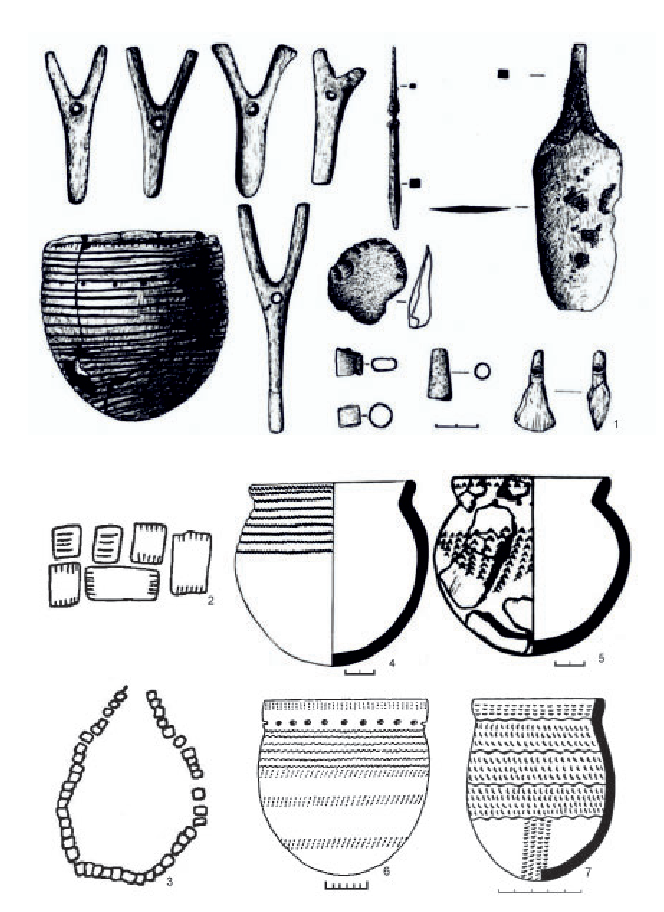

Рис. 2. 1 – КГ Герасимовка II 4/2; **2-3** – КГ Бережновка II 9/16; **4-5** – КГ Петровка I 1/2; **6 –** пос. Репин Хутор; **7** – КГ Бережновка I 5/22.

Fig. 2. 1 – Gerasimovka II 4/2; 2-3 – Berezhnovka II 9/16; 4-5 – Petrovka 1/2; **6** –Repin Khutor; 7 – Berezhnovka I 5/22.

с. 244–245). Архаичный сосуд обнаружен в кургане № 15 КМ Покровка I в Самарской области (рис. 4: 3), а в соседнем кургане № 17 – рогатая булавка (рис. 3: 16) в комплексе с медными изделиями (Агапов, Васильев, 1975, с. 8–9). Сосуд хвалынского типа (рис. 2: 7) сопровождал погребение взрослого человека в позе сильной скорченности в комплексе КМ Бережновка I 5/22 (Мерперт, 1974, с. 37). Фрагменты сосуда с воротничковым венчиком (рис. 5: 2, 8) обнаружены во рву кургана № 2 КГ Красиково I (Моргунова и др., 2019, с. 13), где в основном погребении находилось уникальное украшение – пектораль из клыка кабана.

В насыпи кургана № 1 КГ Петровка I были собраны развалы двух архаичных сосудов (рис. 2: 4–5). Основное погребение № 2 этого кургана было совершено в обширной яме, принадлежало взрослому мужчине и выглядело достаточно архаично (Богданов, 1999, рис. 1).

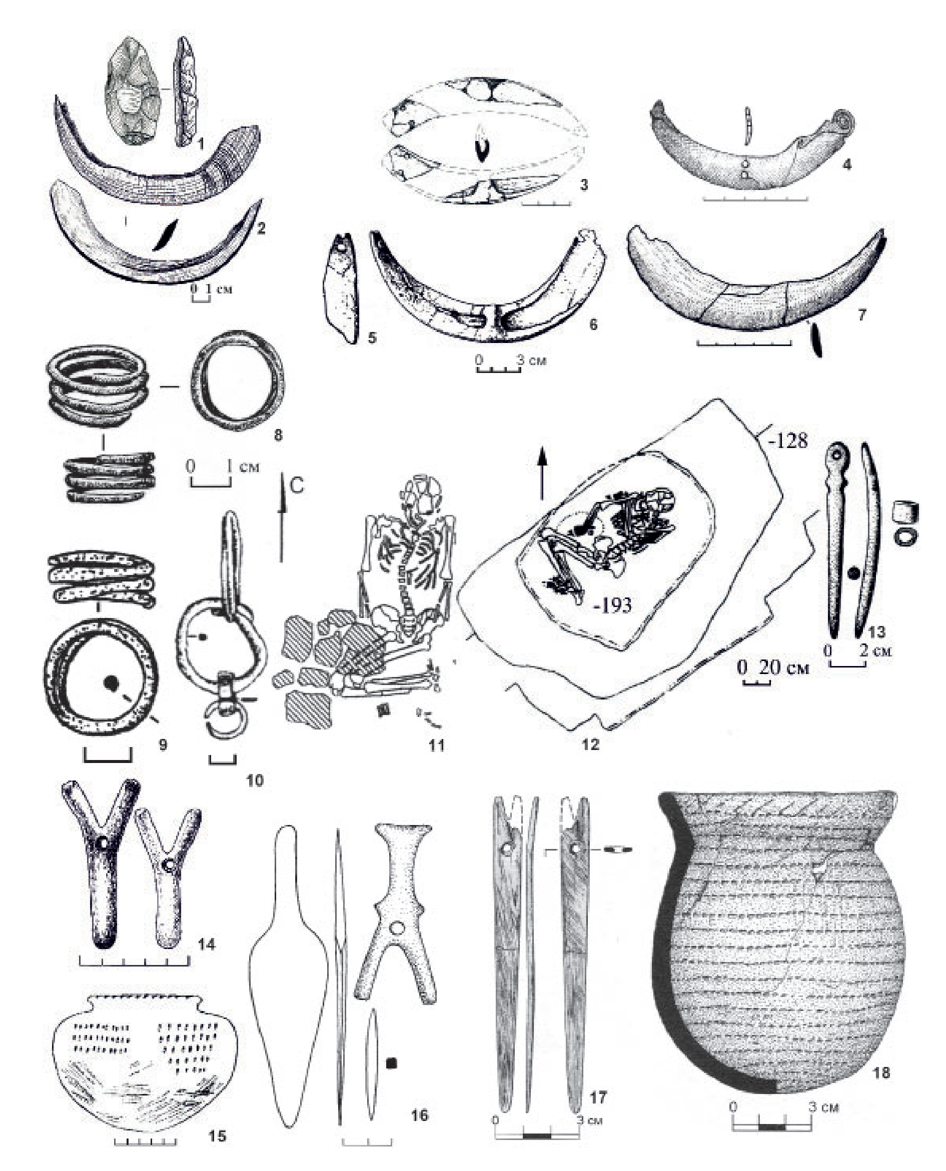

Рис. 3. 1-2 – КГ Красиково I 2/1; **3** – погребение в урочище Краснoярка; **4** – могильник Екатериновский Мыс; **5-6 –** КМ Айгурский 2/17; **7, 10-11** – Хвалынский могильник; **8 –** пос. Турганикское, **9** – могильник Кривой Рог, п.1 (Украина); **12-13** – КГ Курманаевка 3/1; **14-15** – КГ Лопатино II 3/2; **16** – КГ Покровка 17/1; **17-18** – Одиночный курган Паницкое 6Б/6.

Fig.3. 1-2 – Krasikovo I 2/1; 3 – burial in the Krasnoyarka natural boundary; 4 – Ekaterinovsky Mys burial ground; 5-6 – Aigursky 2/17; 7, 10-11 – Khvalynsky burial ground; 8 –Turganikskoe settlement; 9 – Krivoy Rog burial ground, burial 1 (Ukraine); 12-13 – Kurmanaevka 3/1; 14-15 – Lopatino II 3/2; 16 – Pokrovka 17/1; 17-18 – Panitskoe solitary barrow 6B/6.

Небольшая группа сосудов обнаружена, в отличие от предыдущих, в погребениях детей младенческого возраста в КГ Скворцовка и Каликино II (рис. 4: 1, 2; 5–7). Интересно, что оба погребения, вероятно, были совершены задолго до создания курганов ямной культуры более позднего времени (Моргунова и др., 2010). Возможно, на поверхности они были каким-то образом отмечены и затем оказались в пределах подкурганной площадки более поздних ритуальных церемоний. То есть в данных случаях память о предках и местах их погребений сохранялась. Похожая ситуация прослежена в стратифицированном кургане в курганной группе Болдырево IV, где площадка огромного кургана перекрывала два маленьких кургана с погребениями детей (Моргунова и др., 2022). Сосуды из детских погребений отличаются полным набором архаичных признаков, особенно воротничковый сосуд из Каликино II[2] (рис. 4: 1–2).

Существенным дополнением к сказанному являются данные по технологии изготовления архаичной керамики.

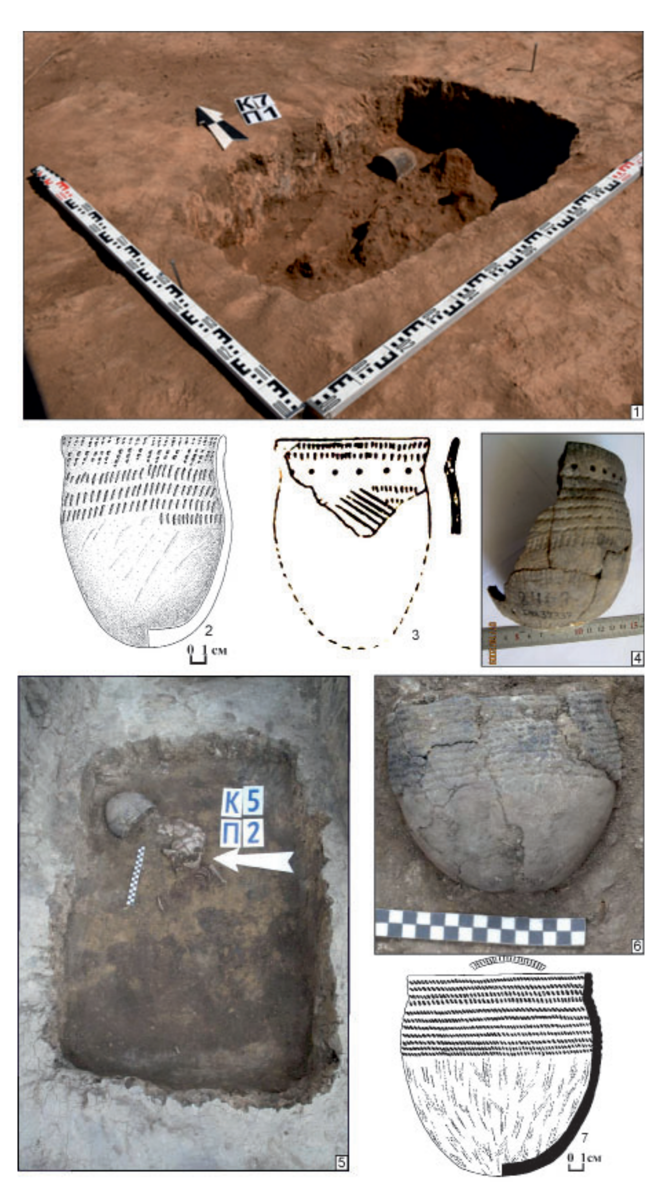

Рис.4. 1-2 – КГ Каликино II 7/1; **3** – КГ Покровка I 15/2; **4** – пос. Репин Хутор; **5-7** – КГ Скворцовка 5/2.
Fig. 4. 1-2 – Kalikino II 7/1; 3 – Pokrovka I 15/2; 4 – Repin Khutor settlement; 5-7 – Skvortsovka 5/2.

Исследование технологии изготовления керамики проводилось в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978; 1999).

Керамические комплексы с архаичными чертами из погребений ямной культуры представлены несколькими группами, которые довольно четко выделяются по морфологическим признакам.

К первой группе отнесены сосуды, которые по внешним особенностям являются прямым продолжением традиций изготовления керамики энеолитических гончаров. Это керамика с так называемым воротничковым оформлением венчика, который является характерным признаком керамики эпохи энеолита, прежде всего самарской и хвалынской культур. Наиболее четко данный элемент формы посуды фиксируется у сосудов ямной культуры из рва КМ Красиково I (Х20+Х38) и КМ Каликино II (к. 7, п. 1). Менее четко, но все же либо воротничок, либо подражание ему фиксируется у сосудов из КМ Герасимовка II, к. 4, п. 2, и КМ Покровка I. Результаты изучения технологии изготовления указанных сосудов неоднократно публиковались (Салугина, 2005; 2011; 2019; 2019а), поэтому здесь мы приводим их краткое описание. Для изготовления данных сосудов отбиралось два вида исходного пластичного сырья (далее – ИПС): илы (сосуды из КМ Герасимовка II и КМ Покровский) и незапесоченные илистые глины (сосуды из КМ Красиково I и Каликино II). При составлении формовочной массы к ИПС добавлялась специально подготовленная (нагретая) дробленая раковина, в одном случае (Каликино) она сочеталась с органическим раствором. В двух случаях определены программы конструирования начинов: начин сосуда из Герасимовки изготовлен в соответствии с донно-емкостной, а сосуд из Каликино – с емкостно-донной программами. Возможно, применялись формы-модели. В качестве строительных элементов как для изготовления начинов, так и полого тела использовались лоскуты.

Сравнение технологии изготовления сосудов с воротничковым оформлением венчика из погребений ямной культуры находит полные аналогии в гончарстве энеолитического населения (Васильева, 1999; 2005; 2010; 2019). При отборе ИПС энеолитические гончары отбирали илы и илистые глины (Съезженский могильник), а для населения, оставившего Хвалынские могильники и могильник Екатериновский мыс, был характерен отбор только илистых глин. При составлении ФМ к ИПС добавлялись дробленая, специально нагретая раковина и органический раствор, как отдельно, так и в сочетании. В конструировании посуды также зафиксированы общие традиции: применение лоскутного налепа, форм-моделей, изготовление начинов сосудов в соответствии с двумя программами: донно-емкостной и емкостно-донной (Васильева, 2010, с. 185). Важно отметить, что

общие традиции в субстратных навыках, к которым относятся представления об ИПС и навыки конструирования, свидетельствуют о глубоких родственных связях населения энеолитических, особенно хвалынской, и ямной культур. Данный вывод подтверждается и поселенческими комплексами. Например, морфологически близкие сосуды есть в ивановской и хвалынско-ивановской группах керамики с Турганикского поселения (Моргунова и др., 2017, рис. 20: 7; 25: 5), а характер орнаментации фрагментов из насыпей и рвов курганов КГ Красиково I близок орнаментации сосудов ивановского и токского типов того же Турганикского поселения (Моргунова и др., 2017, рис. 37, 1:2). Конечно, это не прямые аналогии, но общие черты явно присутствуют. Необходимо отметить, что совпадают и технологические особенности изготовления: отбор «жирных» илистых глин с добавлением к ним дробленой, специально нагретой раковины и органического раствора (Моргунова и др., 2017, с. 66, 69). Наличие керамики с энеолитическими чертами под курганными насыпями может свидетельствовать о реликтовых элементах в производстве керамики, что может характеризовать переходный период от энеолита к раннему бронзовому веку. Таким образом, и по морфологии, и по технологии керамику первой группы можно считать непосредственным продолжением традиций энеолитических культур.

Группа 2 представлена одним сосудом (Х2) из рва кургана № 1 КМ Красиковского I (рис. 5: 1). Данный сосуд по морфологическим и технологическим особенностям значительно отличается профилировкой, особенностями орнаментации, толщиной стенок, характером обработки поверхности. Он изготовлен из незапесоченной илистой глины с добавлением только органического раствора. Близкие по орнаментации сосуды известны в энеолитических памятниках Поволжья, в частности на поселениях Гундоровка и Лебяжинка III (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 253, рис. 13: 4–5; с. 254, рис. 14: 3), где они отнесены к самарской энеолитической культуре. По данным И.Н. Васильевой, в керамическом комплексе самарской культуры из могильника у с. Съезжее одна из групп керамики изготовлена из незапесоченной илистой глины, к которой в качестве искусственных примесей были добавлены дробленая раковина и органический раствор; для одного сосуда отмечено использование запесоченной илистой глины, к которой добавлен только органический раствор (Васильева, 1999, с. 194). Т. е. полного совпадения в технологических особенностях нет, но в данном случае важно, что для сравниваемых сосудов характерны общие представления об исходном сырье и наличие органического раствора как компонента формовочной массы. Кроме того, на Гундоровском поселении наряду с подобными сосудами, украшенными вертикальными рядами шагающей гребенки, представительный комплекс составляет керамика протоволосовского типа (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 254, рис. 14, 34–35). Возможно, данный сосуд отражает контакты с волосовской культурой, что проявляется в морфологии. В технологии же – это традиции самарской энеолитической культуры.

К третьей группе отнесены сосуды, которые в погребениях сопровождались так называемыми рогатыми амулетами. Это уже охарактеризованный выше сосуд из КГ Герасимовка II и сосуд уникальной для Поволжья формы из погребения КГ Лопатино II 3/2 (Васильев и др., 2000, с. 57–58) (рис. 3, 15). Сосуд реповидной формы, небольшого размера, напоминающий крупные хумовидные сосуды. Он изготовлен из ила, к которому при составлении ФМ добавлена специально подготовленная нагретая раковина. Начин сосуда изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой с применением формы-основы (Салугина, 2011, с. 90, табл. 4; с. 91).

Оба сосуда, отнесенные к третьей группе, абсолютно идентичны по технологии изготовления: отбор в качестве ИПС илов, составление ФМ с добавлением нагретой раковины, изготовление начина по донно-емкостной программе из лоскутов, применение форм-моделей. Особо в данном случае следует обратить внимание на отбор илов. Данный вид ИПС наиболее характерен для древнейших этапов развития гончарной технологии и для ямного гончарства выступает как реликт.

Таким образом, в гончарстве населения ямной культуры, особенно на ее раннем, репинском этапе развития, четко выделяются архаичные черты, свидетельствующие о различных историко-культурных процессах. Это и показатели эволюционного развития технологии, а следовательно, и населе-

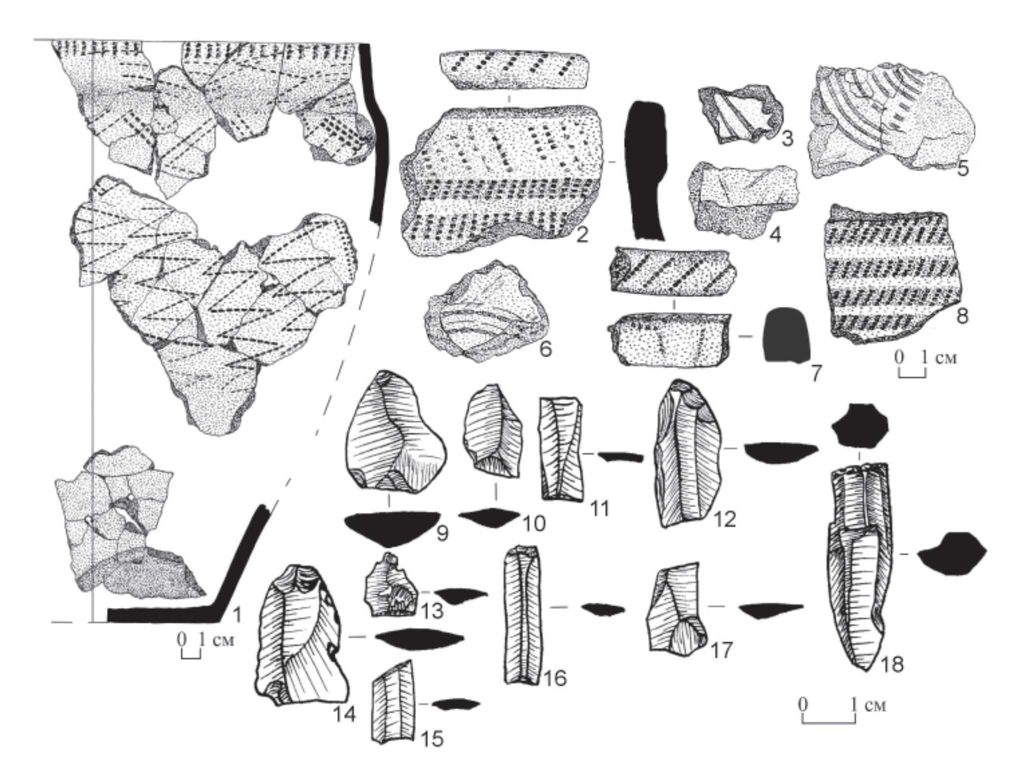

Рис. 5. КГ Красиково I. **1** – сосуд (х2) из рва кургана 1; **2-8** – фрагменты керамики из насыпи и рва кургана 2 (2- х20, 8- х38); **9-18** – кремневые изделия из рва и насыпи кургана 2.
Fig. 5. Krasikovo I. 1 – pottery (x2) from the ditch of barrow 1; 2-8 – fragments of ceramics from the mound and ditch of barrow 2 (2-x20, 8-x38); 9-18 – flint items from the ditch and barrow 2 mound.

ния, владевшего этими технологическими навыками. Так, население, делавшее сосуды, отнесенные нами к первой группе, явно сохранило традиции своих энеолитических предшественников, что говорит об их непосредственном участии в сложении культурного облика населения ямной культуры. Мастер, сделавший сосуд, отнесенный нами ко второй группе, возможно контактировал или сам был выходцем из иной культурной среды, о чем свидетельствует форма и орнаментация сосуда. Но он уже освоил технологические приемы, присущие ямным гончарам. Связь с предшествующим населением, возможно с довольно дальними предками, демонстрируют сосуды третьей группы, что проявилось в отборе илов как реликтового сырья.

Украшения в погребальных комплексах ямной культуры не только в Волго-Уралье, но и по всей ее ойкумене встречаются не столь часто в сравнении с предшествующим энеолитическим временем. Но они представлены достаточно выразительными предметами, свидетельствующими об их реликтовом характере, подтверждающем вышеозначенные заключения, полученные по результатам сравнительного анализа погребальных обрядов, морфологии и технологии керамики.

Явным наследием энеолита в ямной культуре являются пекторали из клыка кабана, сопровождавшие погребения в КГ Красиково I 2/2 (рис. 3: 3), КГ Скатовка 5/3 (Синицын, 1959), а также сверленые бусы из речных раковин и накладки из пластин клыков кабана (рис. 2: 2–3) (Мерперт, 1974, рис. 12: 1–3). На преемственность технологий в металлопроизводстве указывает находка спиральной медной подвески из культурного слоя раннего этапа ямной культуры на Турганикском поселении (рис. 3: 8), схожей по форме с медными изделиями хвалынской и новоданиловской культур (рис.3: 9–10) (Моргунова и др., 2017, с. 207, 281–282). При этом, согласно заключению А.Д. Дегтяревой, мастер, следуя прототипам энеолитического времени, использовал местный металл и технологии, уже присущие приуральскому очагу металлообработки (Моргунова и др., 2017, с. 282).

Радиоуглеродные даты всех рассмотренных архаичных находок с энеолитическими признаками в погребальных сооружениях ямной культуры весьма красноречиво свиде-

Таблица 1. Радиоуглеродные даты памятников с архаичным инвентарем ямной культуры
Table 1. Radiocarbon dates of sites with archaic inventory of the Yamnaya culture

№ п/п	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Калиброванная дата BC 68%	Артефакты
1	КГ Красиково I 2/2	SPb-2092	кч	4542±70	3365-3105	Пектораль из клыка кабана, каменный наконечник дротика
2	КГ Красиково I 2/2	SPb-2093	Д	4535±50	3361- 3112	---«»----
3	КГ Красиково I 1/1	SPb-1854	Д	4820±55	3656-3526	Сосуд токского типа (ров)
4	КМ Каликино II 7/1	ИМКЭС14С2252	Д	4960±100	3977-3526	Глиняный сосуд с воротничком
5	Турганикское пос.	SPb-1493	кж	4900±80	3786-3545	Керамика репинского типа, пружинная медная подвеска, рогатая булавка из кж
6	Турганикское пос.	SPb-1495	кж	4860±80	3761-3526	--«»--
7	Хутор Репин пос.	Ki-16486	кр	4830 ± 80	3710 – 3520	Керамика репинского типа
8	ОК Паницкое 6Б, п.6	GrA-45041	кж	4540± 35	????	Глиняный сосуд. Роговая булавка с рожками
9	КМ Айгурский 17/6	GirA-22172		4740 ± 60	3632 – 3378	Пектораль из клыка кабана, нжп из кремня, медная подвеска, костяная булавка с овальной головкой.
10	Урочище Красноярка, грунтовое погребение №1,	ИГАН-4080	кч	5120±90	4035 – 3796	Пектораль из клыка кабана
11	КМ Петровка I 1/1	Ki-14521	кр	4730 ± 90	3640 – 3490	Два сосуда из глины
12	КГ Скворцовка 5/2	Ki-16268	кр	5140 ± 70	4000 – 3800	Глиняный сосуд
13	КМ Скатовка КМ 5/3 с.3	Ki-16488	кр	5080 ± 80	3970 – 3790	Пектораль из клыка кабана, сосуды репинского типа, медный нож
14	КМ Герасимовка II 4/2	GrA-54389	кр	4480 ± 35	3390 – 3095	Глиняный сосуд, медные нож и пронизки, 6 шт. кост. рогатые булавки

Сокращения: кч - кость человека, кр - керамика, кж - кость животного, д – дерево.

Примечания: даты опубликованы: №№ 1-3 – Моргунова, Кулькова, 2019; 4 – дата публикуется впервые (раскопки Н.Л. Моргуновой 2021-2022 гг.); 5-6 – Моргунова и др., 2017, с. 225-227; 7, 11-14 – Моргунова, 2014; 8 – Мимоход, 2009; 9 – Кореневский, 2012, с. 64; 10 – Богданов, Хохлов, 2012.

тельствуют об их ранней хронологической позиции в периодизации ямной культуры Волго-Уралья (табл. 1).

Заключение

Таким образом, находки архаичных предметов в погребениях и на поселениях раннего этапа ямной культуры Волжско-Уральского междуречья подтверждают ранее высказывавшееся мнение о сложении ямного комплекса на основе энеолитических самарской и хвалынской культур, что подкрепляется и их радиоуглеродным возрастом, и сопровождающим контекстом погребальной обрядности, и сопутствующим инвентарем.

Примечания:

[1] Здесь и далее: КГ(КМ) – курганная группа (могильник), в числителе номер кургана, в знаменателе – номер погребения. Hereinafter: KG(KM) – mound group (burial ground), the numerator is the number of the mound, the denominator is the number of the burial.

[2] Раскопки 2021-2022 гг. Н.Л. Моргуновой. Публикуются впервые.

ЛИТЕРАТУРА

Агапов С.А., Васильев И.Б. Покровский курганный могильник // Наш край. Вып. II / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев; КГПИ, 1975. С. 3-12.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С. 5–108.

Богданов С.В. Курганы начала бронзового века в окрестностях с. Курманаевка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 1999. С. 12–19.

Васильев И. Б., Овчинникова Н. В. Поздний энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 229–277.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 6–64.

Васильева И.Н. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 1999. С. 191–216.

Васильева И.Н. Сравнительный анализ технологии керамики Съезженского и I – II Хвалынских могильников // РА. 2005. №3. С. 76–84.

Васильева И.Н. Технология изготовления керамики II Хвалынского могильника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. / Отв. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 180–218.

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 33–44.

Иванова С.В. История населения Северо-Западного Причерноморья в конце IV–III тыс. до н.э. Житомир: Бук-Друк, 2021. 424 с.

Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореферат Дисс. … канд. ист. наук. М., 1974.

Кореневский С.Н. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М: Таус, 2012. 256 с.

Кореневский С.Н., Моргунова Н.Л. К дискуссии о происхождении и культурной принадлежности первых курганов в степях Восточной Европы и Предкавказья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 3. С. 16–27.

Марина З.П. К вопросу о восточных элементах в ямной культуре левобережной Украины // Проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2002. С. 96–103.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 261 с.

Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов / Материалы охранных археологических исследований. Т. 10. М.: ИА РАН, 2009. 292 с.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 347 с.

Моргунова Н.Л. Репинский этап ямной культурно-исторической общности или репинская культура? (по материалам Волго-Уральского междуречья) // Этнокультурные процессы древности и средневековья в Восточной Европе по данным археологии (к 80-летию А.Т. Синюка): материалы межрегиональной научной конференции / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2020. С. 55–72.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Харламов П.В., Файзуллин А.А., Гольева А.А. Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 55–62.

Моргунова Н.Л., Кулькова М.А. Результаты радиоуглеродного датирования курганного могильника Красиковский I // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 39–45.

Моргунова Н.Л. Турецкий М.А. Волго-уральский вариант ямной культурно-исторической общности: проблемы и перспективы исследования на современном этапе // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 88–102.

Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Чечеткина О.Ю., Медникова М.Б. Биоархеология детства в ямной культуре по материалам кургана 1 могильника Болдырево-4 в Южном Приуралье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 2. С. 49–59.

Салугина Н П. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // РА. 2005. № 3. С.85–92.

Салугина Н.П. Результаты изучения технологии изготовления керамики ямной культуры Волго-Уралья как источник по истории населения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 82–94.

Салугина Н.П. Технологический анализ керамики курганного могильника Красиковский I // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 59–69.

Салугина Н.П. Население Волго-Уралья в эпоху раннего бронзового века в свете данных технологического анализа керамики // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019а. С. 113–122.

Турганикское поселение в Оренбургской области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд. центр ОГАУ, 2017. 300 с.

Информация об авторах:

Моргунова Нина Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник; Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); nina-morgunova@yandex.ru;

Салугина Наталья Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); nsalug@gmail.com

Файзуллин Айрат Асхатович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); faizullin.airat@yandex.ru

REFERENCES

Agapov, S. A., Vasiliev, I. B. 1975. In Basin, S. G. (ed.). *Nash kray (Our region).* Vol. II. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 3–12 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual’nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery Study. Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–108 (in Russian).

Bogdanov, S.V. 1999. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh’ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 3. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 12–19 (in Russian).

Vasiliev, I. B., Ovchinnikova, N. V. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 229–277 (in Russian).

Vasiliev, I. B., Kuznetsov, P. F., Turetsky, M. A. 2000. In Kabytov, I. S. (ed.). *Istoriia Samarskogo Povolzh’ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 6–64 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 1999. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh’ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 3. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 191–216 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2005. *In Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 76–84 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2010. In Agapov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsky Eneolithic Burial Grounds and Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials*). Samara: “Povolzh'e” Publ., 180–218 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 33–44 (in Russian).

Ivanova, S. V. 2021. *Istoriya naseleniya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v kontse IV–III tys. do n.e. (The history of the population of the Northwestern Black Sea region at the end of the IV–III millennium BC).* Zhitomir: “Buk-Druk” Publ. (in Russian).

Kiyashko, V. Ya. 1974. *Nizhnee Podon'e v epokhu eneolita i ranney bronzy (Lower Don region in the Eneolithic and Early Bronze Ages*). Thesis of Diss. Candidate of Historical Sciences .Moscow (in Russian).

Korenevskii, S. N. 2012. *Rozhdenie kurgana (pogrebal'nye pamyatniki eneoliticheskogo vremeni Predkavkaz'ya i Volgo-Donskogo mezhdurech'ya) (Emergence of kurgan: Burial monuments of the Eneolithic period in The Northern Caucasus and Volga – Don interflive).* Moscow: “Taus” Publ. (in Russian).

Korenevskii, S. N., Morgunova, N. L. 2022. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 27 (3), 16–27 (in Russian).

Marina, Z. P. 2002. In Munchaev, R. M. (ed.). *Problemy arkheologii Evrazii (Issues of the Archaeology of Eurasia)*. Moscow: Institute of Archeology of RAS, 96–103 (in Russian).

Merpert, N. Ya. 1974. *Drevneishie skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya (The Oldest Herdsmen of the Volga-Ural Interfluve)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2009. *Kurgany epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka v saratovskom Povolzh'e: kharakteristika i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya kompleksov (Barrows of the Bronze Age – Early Iron Age in the Saratov Volga Region: Characteristics and Cultural-Chronological Attribution of the Complexes)*. Series: Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy *(Materials of security archaeological research*) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Morgunova, N. L. 2014. Priural'skaya gruppa pamyatnikov v sisteme volzhsko-ural'skogo varianta yamnoy kul'turno-istoricheskoy oblasti *(The Ural group of sites in the system of the Volga-Ural variant of the Yamnaya cultural and historical area).* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Morgunova, N. L. 2020. In Fedyunin, I. V. (ed.). *Etnokul'turnye protsessy drevnosti i srednevekov'ya v Vostochnoy Evrope po dannym arkheologii (k 80-letiyu A.T. Sinyuka) (Ethnic and cultural processes of ancient times and the Middle Ages in Eastern Europe according to archaeology (to the 80th anniversary of A.T. Sinyuk)).* Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 55–72 (in Russian).

Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Degtyareva, A. D., Evgen'ev, A. A., Kuptsova, L. V., Salugina, N. P., Khokhlova, O. S., Khokhlov, A. A. 2010. *Skvortsovskiy kurgannyy mogil'nik (Skvortsovka burial mound).* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Morgunova, N. L., Evgen'ev, A. A., Kryukova, E. A., Kharlamov, E. A., Fasizullin, P. V., Gol'eva, A. A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 55–62 (in Russian).

Morgunova, N. L., Kulkova, M. A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 39–45 (in Russian).

Morgunova, L. N., Turetsky, M. A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e. (Phenomena of cultures of the Early Bronze Age of the steppe and forest steppe zone of Eurasia: ways of cultural interaction in the V–III millennia BC*). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 88–102 (in Russian).

Morgunova, L. N., Faizullin, A. A., Chechetkina, O. Yu., Mednikova, M. B. 2020. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 50 (2), 49–59 (in Russian).

Salugina, N. P. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 85–92 (in Russian).

Salugina, N. P. 2011. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 46 (2), 82–94 (in Russian).

Salugina, N. P. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 59–69 (in Russian).

Salugina, N. P. 2019a. In Morgunova, N. L. (ed.). *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e. (Phenomena of cultures of the Early Bronze Age of the steppe and forest steppe zone of Eurasia: ways of cultural interaction in the V–III millennia BC*). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 113–122 (in Russian).

Morgunova, N. L. (ed.). 2017. *Turganikskoe poselenie v Orenburgskoi oblasti (Turganik settlement in Orenburg Oblast).* Orenburg: "OGAU" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Morgunova Nina L., Doctor of History, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St., Orenburg, 460014, 19, Russian Federation; nina-morgunova@yandex.ru

Salugina Natalya P., Candidate of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St., Orenburg, 460014, 19, Russian Federation; nsalug@gmail.com

Faizullin Airat A., Candidate of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St., Orenburg, 460014, 19, Russian Federation; faizullin.airat@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

К юбилею Татьяны Багишевны Никитиной

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.296.308

НАБОРЫ ПОЯСНЫХ НАКЛАДОК ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ШЕКШОВО В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ[1]

© 2024 г. И.Е. Зайцева

В статье рассматриваются металлические детали поясной гарнитуры из курганного и грунтового могильника Шекшово X–XII вв. в Суздальском Ополье. Предметы происходят преимущественно из верхнего распахиваемого слоя. Большая их часть связана с разрушенными погребениями по обряду кремации: поверхностными или в неглубоких ямках. Всего собрано около 200 находок: одиночные находки и 18 типологических серий из 2–39 экз. Наряду с существенным преобладанием изделий второй половины X – начала XI в., встречены экземпляры, датируемые по другим памятникам IX – началом X в. и не встречающиеся в комплексах более позднего времени. Они связаны своим происхождением с салтовским кругом древностей. Вероятно, эти находки маркируют начало использования площадки могильника уже в первой половине X в., хотя наибольшая активность развивалась здесь в середине X–XII в.

Ключевые слова: археология, Древняя Русь, Суздальское Ополье, погребальный обряд, детали поясной гарнитуры

BELT MOUNT SETS FROM THE SHEKSHOVO MEDIEVAL BURIAL GROUND IN THE SUZDAL OPOLIE[2]

I.E. Zaytseva

The article deals with the metal parts of the belt set from the Shekshovo burial ground in the Suzdal Opolie (X–XII centuries). The objects originate mainly from the upper plowed layer. Most of them are related with destroyed burials, carried out by cremation rite: on the surface or in shallow pits. In total, about 200 finds were collected: solitary finds and 18 typological series of 2–39 items. Along with the significant predominance of finds of the second half of the X – beginning of the XI century, there are samples dated from other monuments of the IX – beginning of the X century and not found in complexes of later times. They are connected by their origin with the Saltovo antiquities. Probably, these finds mark the beginning of the use of the burial ground in the first half of the X century, although the greatest activity developed here in the middle of X–XII century.

Keywords: archaeology, Kiev Rus, Suzdal Opolie, burial rite, parts of belt mount

Украшенные металлическими накладками пояса Ветлужско-Вятского междуречья – одна из центральных тем научного творчества Т.Б. Никитиной. Удачливый полевой исследователь, она обнаружила и расчистила не один десяток погребений и жертвенных комплексов с остатками наборных поясов. Результатом огромного труда Т.Б. Никитиной по систематизации материалов марийских могильников прежних лет раскопок и идентификации комплексов погребений, введения в научный оборот своих находок, задокументированных на современном научном уровне, стала вышедшая недавно монография ученого (Никитина, 2023). Хорошая сохранность органики кожаных основ поясов, позволяющая представить во всех деталях их устройство вместе с крепившимися к основным ремням подвесными ремешками, а также расположение на ремнях и сочетания накладок разных видов, дала возможность осуществить точную и детализированную реконструкцию большого количества поясов и поясных сумочек различных вариантов. Типологическая близость накладок, пряжек и наконечников из марийских погребений и экземпляров,

[1] Статья подготовлена в рамках плановой темы Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3.

[2] The article was prepared as a part of the planned topic of the Institute of Archaeology RAS No. RTD 122011200266-3.

Рис. 1. Бронзовые наконечники.
Fig. 1. Bronze belt-ends.

находимых в культурных слоях поселений и в могильниках на обширной территории Восточной Европы, объясняемая единством их происхождения из Волжско-Болгарского производственного центра X-XI вв. (Мурашева и др., 2022), делает книгу Т.Б. Никитиной ценным универсальным определителем по этой категории древностей.

В 2011-2019 гг. Суздальская археологическая экспедиция Института археологии РАН под руководством Н.А. Макарова проводила раскопки одного из крупнейших в Суздальском Ополье курганного и грунтового могильника X-XII вв. Шекшово, расположенного в 20 км к северу от Суздаля (Макаров и др., 2023). В середине XIX в. А.С. Уваровым здесь было изучено 244 насыпи с остатками погребений по обряду кремации и ингумации. В настоящее время курганы полностью снивелированы и не видны в рельефе, площадка могильника распахивается. Это позволяет проводить работы по сбору находок с помощью металлодетектора с точной фиксацией их местоположения. Раскопками исследована площадь около 2800 кв.м, на которой открыто около 30 погребений по обряду ингумации. В ингумациях наборные пояса не встречены ни разу.

Остатки погребений по обряду кремации, совершенных, преимущественно, в виде рассыпания костей и предметов по поверхности земли или помещения их в неглубокие ямки, сохранились в виде взвеси находок и единичных кальцинированных костей в пахотном слое и заполнении ровиков курганов. Среди предметов присутствуют и детали ременной гарнитуры. Наибольшая их концентрация отмечается в центральной возвышенной части плато, часть накладок найдена в западной части около низины под названием «Половецкая лужа». Несмотря на то, что детали поясной гарнитуры обнаружены по отдельности во вторичном залегании, наряду с единичными экземплярами есть и типологически повторяющиеся, которые, возможно, крепились на один ремень.

На площадке могильника зафиксированы и более плотные скопления кальцинированных костей. В одном из них, правда уже в переотложенном виде в засыпке ингумации, найдены многочисленные накладки, вероятно, от двух наборов: одного поясного и набора от сумочки или колчана[1]. Только одна кремация, помещенная в небольшую яму, обнаружена практически нетронутой. Среди костей in situ лежали накладки, наконечники и решмы от уздечного набора. Часть из них была оплавлена, но многие экземпляры не имеют следов воздействия огня[2].

Раскопки могильника Шекшово завершены, и сейчас можно подвести окончательные итоги: из некрополя происходит около 200 предметов поясной и уздечной гарнитуры: 15 одиночных пряжек, 13 разрозненных наконечников (рис. 1), уздечный набор из более чем 35 предметов, набор для сумочки или колчана из 15 накладок, 14 единичных накладок и 18 серий из 2-39 однотипных изделий, которые гипотетически могли составлять наборы (рис 2-7). По мере накопления материала детали поясной гарнитуры публиковались (Зайцева, 2015а, б; 2018), однако, последние раскопочные сезоны принесли новые материалы, позволяющие вернуться к этой теме. Некоторые детали наборов собраны на ограниченной площади и с большой долей вероятности действительно происходят с одного ремня, другие найдены далеко друг от друга

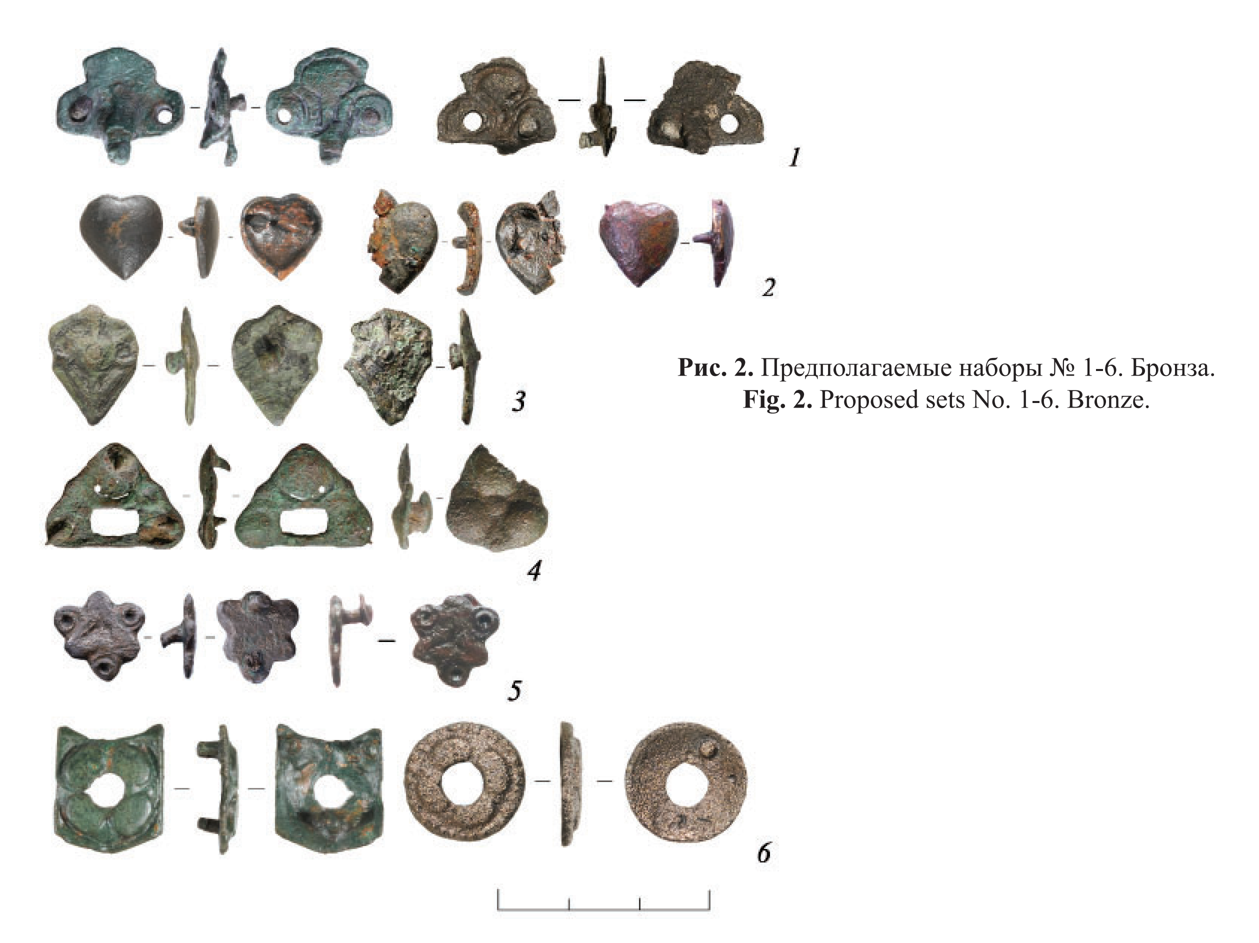

Рис. 2. Предполагаемые наборы № 1-6. Бронза.
Fig. 2. Proposed sets No. 1-6. Bronze.

и объединены в группы по типологическому сходству для удобства рассмотрения.

Безусловно, точно определить, происходят ли переотложенные накладки из кремаций или разрушенных ингумаций, невозможно. Тем не менее, оплавленность части предметов, а также фиксация сходного погребального обряда поверхностных кремаций с наборами подплавленных и целых накладок на могильниках Северо-Восточных окраин древнерусского государства Минино (Зайцева, 2008) и Крутик (Захаров, Меснянкина, 2012, с. 22, 24; Милованова, 2021) позволяет связывать шекшовские наборы преимущественно с кремациями, хотя в раскопках А.С. Уварова в Шекшово известны поясные наборы и в ингумациях (например, ГИМ, оп. 1299, № 15-55).

Практически все рассматриваемые ниже детали ременной гарнитуры изготовлены из сплавов на основе меди[3] по выплавляемым моделям в одноразовых пластичных формах. Модели для пряжек преимущественно вырезались из воска: на многих отлитых предметах заметны следы резьбы по холодному воску, перешедшие на металл. Выплавляемые модели для накладок и наконечников делались чаще всего путем оттискивания в воске твердых мастер-моделей, при этом на оборотах тонких восковых пластинок иногда проступал негативный рельеф (Мурашева и др., 2022, с. 139).

Рассмотрим наборы накладок, уделяя преимущественное внимание неопубликованным ранее предметам.

Набор № 1 (рис. 2: 1) состоит из двух неоплавленных накладок. Небольшие по размеру (18х12 мм) довольно грубоватые пластины накладок имеют форму трилистника с нижней петлей для крепления колец. Они украшены врезными линиями, подчеркивающими рисунок трилистника. Шпеньков у накладок нет: в центральных частях боковых лепестков проделаны круглые отверстия, сквозь которые пробиты штифты. Аналогии накладкам без шпеньков известны в мордовских могильниках Елизавет-Михайловском (п. 27; Смирнов, 1969. Табл. 28, 2), Шокшинском (п. 467, 619, 687, 900, 901, 973, 1054, 1086; Шокшинский могильник, 2023). Комплексы погребений с такими накладками из Шокшинского могильника датируются коллективом авторов второй половиной VIII-IX в. (Вихляев и др., 2008, с. 145[4]). Накладки в форме трилистника с подвесными кольца-

ми – хорошо узнаваемый элемент салтовской культуры, распространившийся на широкой территории. Рассматриваемые нами экземпляры являются поволжским дериватом этих древностей. Многие подобные накладки имеют обычные шпеньки для крепления (см., например, Шокшинский могильник, п. 443, 577, 1028, 1106; Крюковско-Кужновский могильник, п. 159, 409, 460 (Иванов, 1952, табл. XXX, 1; Сапрыкина и др., 2011, с. 330), Лядинский могильник, п. 35, 78 (Воронина, 2007, с. 120, 155) и могильник Степаново Плотбище в Пермском Предуралье (Данич, 2013, с. 189)). А.В. Комар относит их к стадиям II/III и III салтовской культурно-исторической общности, верхняя граница которых не заходит за пределы IX в. (Комар, 2018, с. 354).

Набор № 2 (рис. 2: 2) состоит из трех неоплавленных накладок. Гладкие выпуклые накладки размерами 12х12 мм имеют сердцевидную форму. К ремню они крепились при помощи одного шпенька. Близкие аналогии этим украшениям приуральского стиля происходят из п. 65 Большетиганского могильника (из серебра). По дирхему 900 года чеканки погребение датируется началом X в. (Халиков, 2022, с. 56, 121; Комар, 2018, с. 154, 356). Сходные накладки происходят из курганов у с. Бабичи в Каневском районе Черкасской обл. и с. Ново-Николаевка в Днепропетровской обл. (Комар, 2018, с. 92). Вероятно длительное существование этого простого типа: небольшие выпуклые гладкие сердцевидные накладки из Измерского селища второй полвины X – начала XI в. опубликованы Е.П. Казаковым (Казаков, 1991, с. 130, рис. 44, 32).

Набор № 3 (рис. 2: 3) включает в себя две неоплавленные накладки каплевидной формы размерами 17х13 мм. Их лицевые стороны украшены линейным геометрическим орнаментом. Шпеньков нет: в выделенном округлой выпуклостью центре пластины накладок пробиты сквозными штифтами. Аналогичный экземпляр обнаружен в п. 4 марийского Кочергинского могильника (Никитина, 2023, с. 160), отнесенного Т.Б. Никитиной к группе древнейших комплексов могильников Ветлужско-Вятского междуречья (конец IX – начало X в. (Никитина, 2023, с. 165)).

Вероятно, данные накладки являются дериватом многочисленных и широко распространенных салтовских пятиугольных экземпляров с центральным рисунком трехлепесткового цветка, дополненного двумя длинными лепестками, расположенными в острой части (см., например, Большетиганский мог., п. 40 (Комар, 2018, с. 356)). В Суздальском Ополье такие экземпляры пока не обнаружены. Территориально ближайшая находка происходит с городища Выжегша (Леонтьев, 2022, с. 12). Целые наборы подобных изделий найдены на могильнике поселения Крутик в Белозерье (Милованова, 2021, с. 23-27). А.В. Комар помещает такие накладки среди предметов стадий III и IV салтовской КИО с датой IX – 30-е гг. X в. (Комар, 1999, с. 131; 2018, с. 356).

С салтовским кругом древностей связана обнаруженная в Шекшово одиночная накладка (рис. 3: 1) подтреугольной формы размерами 14х18 мм с выпуклым рисунком пухлого трехлепесткового цветка с нижней петлей. Аналогии ей известны в Дмитриевском могильнике (Мурашева, 2000, с. 42) и на Измерском селище (Казаков, 1991, с. 130, рис. 44, *21*). 17 подобных накладок из 2 комплексов (?) Владимирских курганов из раскопок А.С. Уварова хранятся в фондах ГИМ (Мурашева, 2000, с. 114).

Набор № 4 (рис. 2: 4) состоит из двух неоплавленных накладок подтреугольной формы: одной широкой размерами 15х20 мм с нижней прямоугольной прорезью и одной узкой размерами 15х15 мм без прорези (класс XIX по В.В. Мурашевой), с выпуклым рисунком трех полусфер. Накладки с полусферами являются еще одним примером упрощения и схематизации деталей салтовской гарнитуры стадий II/III-IV по А.В. Комару (Комар, 2018, с. 354). Оба вида накладок известны во Владимирских курганах по раскопкам А.С. Уварова, где обнаружены целые их наборы (Мурашева, 2000, с. 42, 43, 114). Аналогии имеются в п.47 Елизавет-Михайловского могильника (Смирнов, 1969, табл. 30, 7) и п.22 Больше-Тиганского могильника (украшение узды; Халиков, 2022, с. 109) и др.

Набор № 5 (рис. 2: 5) представлен двумя неоплавленными накладками сложной формы размерами 13х13 мм с одним шпеньком крепления. В центральных частях помещены треугольники, к которым в серединах их сторон прикреплены круги с концентрическими углублениями. Этот тип накладок относится к редко встречающимся. Он, вероятно, ведет свое происхождение от экземпляров

Рис. 3. Одиночные накладки. Бронза.
Fig. 3. Single mounts. Bronze.

круга Субботцев (см., например, Комар, 2018, с. 363, рис. 47, 1). В.В. Мурашева относит такие изделия к периферии класса XXXIII и отмечает их находки во Владимирских курганах в раскопках А.С. Уварова и в Тимерево (Мурашева, 2000, с. 48, 49, 118). Близкая шекшовским накладкам аналогия обнаружена в марийском могильнике «Черемисское кладбище» в погребении 11, датированном по монете концом X в. (Никитина, 2012, с. 65, 206, рис. 100, *3*).

Набор № 6 (рис. 2: 6)_состоит из двух неоплавленных накладок с центральной округлой прорезью и обрамляющим ее выпуклым рисунком четырехлепесткового цветка. Накладки различаются формой: одна имеет вид стрелки размерами 18х15 мм, другая круглая диаметром 18 мм с рубчатым бордюром. Накладки разных форм с центральной прорезью и четырехпестковым цветком объединены В.В. Мурашевой в класс XX. Они происходят из двух курганов Гнездова и одного погребения могильника Бирка (Мурашева, 2000, с. 42-43, 114). Один подплавленный экземпляр круглой формы из разрушенных кремаций второй половины X – начала XI в. обнаружен в могильнике Минино в Вологодской обл. (Зайцева, 2008, с. 88). Вероятная дата этих накладок – вторая половина X в.

Набор № 7 (рис. 4: 1) представлен 11 неоплавленными накладками: 5-ю сердцевидной формы размерами 19х15 мм и 6-ю щитовидной размерами 15х17 мм. Гладкие немного выпуклые накладки украшены рубчатым бортиком. В нижних частях щитовидных накладок сохранились рудименты прямоугольных прорезей. Оба вида накладок крепятся тремя шпеньками. Пояса, украшенные сочетанием подобных накладок, - достаточно распространенная находка в комплексах погребений Ветлужско-Вятского междуречья: Дубовский могильник, п. 4, 52 (Никитина, 2021. С. 33), Красногорский могильник, п. 7 (Никитина, 2023, с. 69–71), Русенихинский могильник, п. 7 (Никитина, 2023, с. 98–101), Юмский могильник, п. 4 (Никитина, 2023, с. 111-111)[5]. На основе ряда комплексов Т.Б. Никитиной выполнены их реконструкции (группа 1). Группа датируется исследовательницей первой половиной – серединой X в. (Никитина, 2023, с. 141-145). Пояс с аналогичными накладками из прикамского Рождественского могильника (п. 88) Н.Б. Крыласова относит к X в. (Крыласова, 2021, с. 197).

Остальные 11 наборов (рис. 4–7) были подробно охарактеризованы нами ранее (Зайцева, 2015а, б). **Наборы № 8, 10 (рис. 4: 8, 10) и 11 (рис. 5)** также связаны своим происхождением с позднехазарским кругом древностей. Типы накладок наборов № 8 и 10 относятся к числу широкораспространенных, их находки известны на обширной

Рис. 4. Предполагаемые наборы № 7-10. Бронза.
Fig. 4. Proposed sets No. 7-10. Bronze.

территории от Дунайской Болгарии до Поволжья и Прикамья (Зайцева, 2018, с. 269-270). В Гнездово обнаружена шиферная модель для создания полостей для отливки накладок набора № 8 (Нефедов, Мурашева, 2008, с. 102). Вероятен длительный период бытования этих украшений с конца IX по рубеж X-XI вв. Серебряные высококачественные экземпляры накладок, прототипы элементов шекшовского набора № 10, известны в венгерских погребениях, датирующихся исследователями IX — нач. X в. Бронзовые инкрустированные серебром накладки этого рисунка встречены в южнорусских некрополях Седневе и Табаевке (вторая половина X в.; Мурашева, 2000, 48). Аналогии накладкам **набора № 9 (рис. 4: 9)** с центральным рисунком трехлепесткового цветка с утолщенным центральным лепестком в окружении ложнозерненого бордюра происходят из Гульбища из комплекса первой половины X в. и венгерских материалов IX—X вв. (Мурашева, 2000, с. 52).

6 предполагаемых наборов накладок, а также большинство обнаруженных одиночных экземпляров накладок и наконечников (рис. 1, 3: 4-6, 8-13) из Шекшова являются продукцией «Волжско-болгарского» производственного центра второй половины X – начала XI в. (Мурашева и др., 2022, с. 138-143). Накладки **наборов № 12-16 (рис. 6, 7: 15, 16)** имеют многочисленные аналогии в материалах Измерского селища – одного из крупнейших производителей деталей поясной гарнитуры этого круга, в поволжско-финских

Рис. 5. Набор № 11. Бронза.
Fig. 5. Set No. 11. Bronze.

погребальных комплексах и в Пермском Предуралье (Зайцева, 2018, с. 272-273). Практически идентичные изделия распространялись на обширной территории, достигая южнорусских и западнорусских земель.

Небольшие по размеру накладки **набора № 18 (рис. 7: 18)** пятиугольной формы с выпуклым рисунком пятилепесткового цветка с широким центральным лепестком ромбической формы относятся к хронологически самому позднему массовому типу изделий Волжско-Болгарского производства, более характерному для комплексов первой половины XI в. В Шекшово это тоже самый поздний тип украшений наборных поясов. Среди шекшовских накладок нет экземпляров, встречающихся в контексте середины XI — первой половины XII в. и наиболее распространенных на памятниках Северо-Запада Древней Руси (Мурашева и др., 2022, с. 151-155).

По своим характеристикам выделяется **набор № 17 (рис. 7: 17)**, состоящий из 3 неоплавленных плоских накладок овальной формы. Пластинки без орнамента накладок неаккуратно вырезаны из листа. Они крепились к ремню при помощи 2 шпеньков. Эти изделия не являются серийными, они созданы, вероятно, в домашних условиях.

В последние годы из печати вышли публикации, в которых исследователи, на основе систематизации больших массивов погребальных комплексов, в том числе и с поясными наборами, ставят перед собой задачу разделить их хронологически на более узкие

Рис. 6. Предполагаемые наборы № 12-14. Бронза.
Fig. 6. Proposed sets No. 12-14. Bronze.

интервалы, чем обобщенные IX-XI вв. или X-XI вв. (Крыласова, 2021; Никитина, 2023). Эти усилия принесли свои плоды: и в Рождественском могильнике в Пермском Приуралье, и в некрополях Ветлужско-Вятского междуречья удалось выделить ранние погребения с поясами конца IX – начала X вв. и поздние комплексы конца X – начала XI в. Большой вклад в это направление исследований внесла работа коллектива авторов по хронологическому разделению погребений в могильниках западной части Среднего Поволжья, содержащих материалы IX и более ранних веков (Вихляев и др., 2008).

Рассматривая детали поясной гарнитуры из некрополя Шекшово с точки зрения их хронологической и этно-культурной атрибуции, необходимо обратить внимание, что из 18 наборов 2 (1-й и 3-й) по аналогиям из датированных комплексов относятся к IX – началу X в. Для Шекшово, более вероятно, можно говорить о первой половине X в. Две накладки, условно объединенные для удобства рассмотрения в набор № 1, происходят из разных участков площадки могильника: западной и центральной. Этот поволжский дериват салтовских трехчастных накладок с кольцом имеет многочисленные аналогии в комплексах IX – начала X в. и неизвестен в погребениях второй половины X в. Накладки наборов № 2-4 собраны в западной части некрополя ближе к низине «Половецкая лужа». Наборы № 3 и 4, хотя и имеют меньшее число аналогий, являются поздними модификациями салтовской гарнитуры, характерными, скорее для первой половины X в. Существенным является отнесение Т.Б. Никитиной погребения 4 из марийского Кочергинского

Рис. 7. Предполагаемые наборы № 15-18. № 15 – серебро, № 16-18 - бронза.
Fig. 7. Proposed sets No. 15-18. № 15 – silver, № 16-18 - bronze.

могильника с аналогичными экземплярами накладок к концу IX – началу X в. К этой же группе примыкают и наборы № 8, 10 и 11, хотя их датировки укладываются в более широкие рамки X в. Как видим, появившиеся в последние годы в Шекшово наиболее ранние находки поясной гарнитуры сосредоточены, преимущественно, в западной части некрополя.

В настоящее время дата могильника Шекшово установлена со второй половины X по XII в. (Макаров и др., 2023, с. 25), и собранная на памятнике вещевая коллекция, в т.ч. детали поясной гарнитуры, преимущественно датируется в этом временном интервале. Тем не менее, среди определенных А.А Гомзиным 22 дирхамов 7 относится к первой половине этого столетия (из них 5 к первой четверти X в.), а один обломок к IX в. (Гомзин, 2023, с. 101-102). На площадке некрополя в верхнем переотложенном слое наряду с деталями поясной гарнитуры обнаружены многочисленные обломки шумящих украшений финно-угорского облика (более 100 экз.). Большинство предметов имеют прямые аналогии в мордовских, муромских и марийских погребениях, где они найдены в составе костюмных комплексов, относимых в том числе и к IX – началу X в. (Зайцева, 2023б). Общая неразработанность детальной хронологии финно-угорских шумящих украшений затрудняет использование этих находок в качестве хрономаркеров, но их обилие в верхнем слое могильника и малая представительность в ингумациях позволяют связывать эти находки с кремациями.

Нет сомнений в том, что наибольшая активность на площадке могильника развивалась, начиная с середины X в., тем не менее, возможно, первые погребения по обряду кремации были совершены здесь несколько ранее – в первой половине X в. В Шекшово мы видим самый финал существования позд-

несалтовской ременной гарнитуры, которая в середине X в. сменяется массовым поступлением продукции Волжско-Болгарского центра. Во второй половине X – начале XI в. она существенно преобладает в материалах некрополя. В XI в. массовая мода на наборные пояса в Суздальском Ополье проходит, на ремнях остаются только пряжки и поясные кольца.

Примечания:

[1] Наборы опубликованы (Зайцева, 2015а, б; 2018).

[2] Набор опубликован (Зайцева, 2023а).

[3] Только накладки одного набора (№ 11) сделаны из серебра.

[4] По устному уточнению О.В. Зеленцовой, верхняя дата этой группы погребений может уходить в начало X в.

[5] Произведенный Т. Б. Никитиной подбор аналогий этим изделиям показал их широкое распространение от Бирки до Урала (Никитина, 2009, с. 237).

ЛИТЕРАТУРА

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зелеова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: МГУ им. Н.П. Огарева, 2008. 352 с.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши. Конец IX - начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983-1985 годов. М.: Наука, 2007. 162 с.

Гомзин А.А. Куфические монеты // Археология Суздальской земли. Т. 2 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 87–102.

Данич А.В. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 181–196.

Зайцева И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Отв. ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. С. 57–142.

Зайцева И.Е. Поясные наборы из могильника Шекшово в Суздальском Ополье // КСИА. 2015а. Вып. 236. С. 161–165.

Зайцева И.Е. Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополье // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности севера, 2015б. С. 184–198.

Зайцева И.Е. Древнерусские пояса с накладками: социальный статус или традиция? // Stratum Plus. 2018. № 5. С. 267–280.

Зайцева И.Е. Уздечный набор из кургана 12 // Археология Суздальской земли. Т. 2 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2023а. С. 27–38.

Зайцева И.Е. Шумящие украшения // Археология Суздальской земли. Т. 2 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2023б. С. 208–230.

Захаров С.Д., Меснянкина С.В. Могильники поселения Крутик: первые результаты исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 4 / сост. С.В. Шполянский. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 14–29.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 111–136.

Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest: Martin Opitz Kiadó, PPKEBTK Régészettudományi Intézet, MTABTK Magyar Östörtöneti Témacsoport, 2018. 426 с.

Крыласова Н.Б. Хронологические особенности поясной гарнитуры X-XI веков по материалам Рождественского могильника в Пермском крае // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Ред.-сост. О.В. Зеленцова. М.: ИА РАН, 2021. С. 194–212.

Леонтьев А.Е. Исследования городища Выжегша в 2021 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 12 / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2022. С. 7–20.

Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Погребальный обряд, хронология, пространственная организация // Археология Суздальской земли. Т. 2 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 9–26.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Крюковско-Кужновский могильник. Дневник археологических раскопок П.П Иванова. Моршанск: Изд-е краеведч. музея, 1952. 232 с.

Милованова М.П. Металлические детали ременной гарнитуры могильников Крутика IX – начала XI в. (Кладовка I, II) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 11 / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2021. С. 21–37.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС, 2000. 136 с.

Мурашева В.В., Зайцева И.Е., Соболев В.Ю. Металлические ременные наборные украшения в Древней Руси (очерк) // Мир Средневековья. Проблемы вещеведения. Материалы научной конференции к 70-летию отдела средневековой археологии / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2022. С. 134–160.

Нефедов В.С., Мурашева В.В. Модель для изготовления поясных бляшек «восточного» облика с городища Рокот в Смоленской области // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 98–104.

Никитина Т.Б. Погребения с поясами Дубовского могильника, датированные монетами // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 234–250.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.

Никитина Т.Б. Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX-XI вв. Budapest: Martin Opitz Kiado, 2023. 227 с.

Сапрыкина И.А., Митоян Р.А., Никитина Т.Б., Зеленцова О.В. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII – начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba 2010. Dissertationes sectionum: Literatura, archeologica et historica. Piliscsaba, 2011. С. 312–332.

Халиков А.Х. Великая Венгрия между Волгой и Уралом / Археология евразийских степей. Вып. 27. Воронеж: АЛЕКС ПРИНТ, 2022. 160 с.

Шокшинский могильник. Материалы раскопок 1983-1993, 1995 гг. В двух томах. Т. 1 / Ред. Н.А. Макаров и др. Саранск: ИА РАН, НИИГН. 2023. 480 с.

Шокшинский могильник. Материалы раскопок 1983-1993, 1995 гг. В двух томах. Т. 2. / Ред. Н.А. Макаров и др. Саранск: ИА РАН, НИИГН, 2023. 480 с.

Информация об авторе:

Зайцева Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); izaitseva@yandex.ru

REFERENCES

Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiia mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st — 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: Mordovia State University named after N. P. Ogarev (in Russian).

Voronina, R.F. 2007. *Lyadinskie drevnosti: iz istorii mordvy-mokshi. Konets IX - nachalo XI veka: po materialam Tsninskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1983-1985 godov (Lyada antiquities: from the history of the Mordva -Moksha. The end of the IX – beginning of the XI century: based on the materials of the Tsna archaeological expedition in 1983-1985).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gomzin, A. A. 2023. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiya Suzdal'skoy zemli (Archaeology of the Suzdal land)* 2. Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 87–102 (in Russian).

Danich, A. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (1), 181–196 (in Russian).

Zaytseva, I. E. 2008. In Zakharov, S. D. (ed.). *Arkheologiia severnorusskoi derevni X–XIII vv.: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere (Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th – 13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake)*. Moscow: "Nauka" Publ., 57–142 (in Russian).

Zaytseva, I. E. 2015a. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 236 , 161–165 (in Russian).

Zaytseva, I. E. 2015б. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi: arkheologiia, istoriia, kul'tura (Towns and Villages of Medieval Russia: Archaeology, History, Culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 184–198 (in Russian).

Zaytseva, I. E. 2018. In *Stratum Plus* (5), 267–280 (in Russian).

Zaytseva, I. E. 2023a. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiya Suzdal'skoy zemli (Archaeology of the Suzdal land)* 2. Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 27–38 (in Russian).

Zaytseva, I. E. 2023б. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiya Suzdal'skoy zemli (Archaeology of the Suzdal land)* 2. Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 208–230 (in Russian).

Zakharov, S. D., Mesnyankina, S. V. 2012. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiia Vladimiro-Suzdal'skoi zemli (Archaeology of Vladimir-Suzdal Land)* 4. Moscow; Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 14–29 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X—XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Komar, A. V. 1999. In *Vita Antiqua* (2), 111–136 (in Russian).

Komar, A. 2018. *Istoriиa i arkheologiia drevnikh mad'jar v epokhu migratsii (History and Archaeology of the Ancient Hungarians in the Era of Migration)*. Budapest: Martin Opitz Kiadó, PPKEBTK Régészettudományi Intézet, MTABTK Magyar Östörtöneti Témacsoport (in Russian).

Krylasova, N. B. 2021. In Zelentsova, O. V. (ed.). *Finno-ugorskie drevnosti vtoroy poloviny I – nachala II tysyacheletiya n.e. Materialy nauchnogo seminara «Podbolot'evskiy mogil'nik: 100 let issledovaniy» (Finno-Ugric Antiquities of the Second Half of the I – Beginning of the II Millennium AD. Materials of the Scientific Seminar "The Podbolotyevsky Burial Ground: 100 years of research").* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 194–212 (in Russian).

Leontiev, A. E. 202. In Makarov, N. A. (ed.), Shpolyansky, S. V. (comp.). *Arkheologiia Vladimiro-Suzdal'skoi zemli (Archaeology of Vladimir-Suzdal Land)* 12. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 7–20 (in Russian).

Makarov, N. A., Krasnikova, A. M., Zaytseva, I. E. 2023. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiia Suzdal'skoi zemli (Archaeology of Suzdal Land)* 2. Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 9–26 (in Russian).

Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. Kriukovsko-Kuzhnovskii mogil'nik. Dnevnik arkheologicheskikh raskopok P.P Ivanova (Materials on History of the Mordva of 8th – 11th Centuries. Kryukovo-Kuzhnovskii Burial Ground. P. P. Ivanov's Journal of Archaeological Excavations). 1952. Morshansk: Museum of Local Lore (in Russian).

Milovanova, M. P. 2021. In Makarov, N. A. (ed.), Shpolyansky, S. V. (comp.). *Arkheologiia Vladimiro-Suzdal'skoi zemli (Archaeology of Vladimir-Suzdal Land)* 11. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 21–37 (in Russian).

Murasheva, V. V. 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X—XIII vv.) (Early Russian Builtup Belt Decoration (10th—13th Centuries))*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).

Murasheva, V. V., Zaytseva, I. E., Sobolev, V. Yu. 2022. In Koval, V. Yu. (ed.). *Mir Srednevekov'ya. Problemy veshchevedeniya. Materialy nauchnoy konferentsii k 70-letiyu otdela srednevekovoy arkheologii (The World of the Middle Ages. Issues of Material Culture Studies. Materials of the Scientific Conference to the 70th Anniversary Medieval Archaeology Department).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 134–160 (in Russian).

Nefedov, V. S., Murasheva, V. V. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 222, 98–104 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2009. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: "Fen" Publ., 234–250 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2023. *Poyasnye nabory naseleniya Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya IX–XI vv. (Belt sets of the population of the Vetluga-Vyatka interfluve of the IX-XI centuries).* Budapest: Martin Opitz Kiado (in Russian and Hungarian).

Saprykina, I. A., Mitoyan, R. A., Nikitina, T. B., Zelentsova, O. V. 2011. In *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba 2010. Dissertationes sectionum: Literatura, archeologica et historica.* Piliscsaba, 312–332 (in Russian).

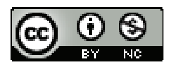
Khalikov, A. Kh. 2022. *Velikaya Vengriya mezhdu Volgoy i Uralom (Magna Hungaria between the Volga and the Urals).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 27. Voronezh: "ALEKS PRINT" Publ. (in Russian).

Makarov, N. A. et al. (eds.). 2023. *Shokshinskiy mogil'nik. Materialy raskopok 1983–1993, 1995 gg. (Shoksha burial ground. Excavation materials of 1983-1993, 1995)* 1. Saransk: Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (in Russian).

Makarov, N. A. et al. (eds.). 2023. *Shokshinskiy mogil'nik. Materialy raskopok 1983–1993, 1995 gg. (Shoksha burial ground. Excavation materials of 1983-1993, 1995)* 2. Saransk: Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (in Russian).

About the Author:

Zaytseva Irina E. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; izaitseva@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.309.325

ЕЩЕ РАЗ О ЖЕНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЯХ С ЮВЕЛИРНЫМИ ИНСТРУМЕНТАМИ ИЗ МУРОМСКИХ МОГИЛЬНИКОВ НИЖНЕГО ПООЧЬЯ

©2024 г. О.В. Зеленцова

Погребения женщин с инструментами для литья являются яркой особенностью финно-угорских древностей эпохи раннего средневековья. Они известны в могильниках муромы, мордвы, марийцев в V–IX вв. н.э. Этот феномен попал в поле зрения исследователей еще в середине прошлого века и стал основой для выводов о том, что ювелирным ремеслом у этих племен занимались женщины. Целью настоящей статьи стал анализ новых подобных захоронений из Подболотьевского могильника и определение места этих женщин в муромском обществе. Типологический анализ наиболее часто встречающегося предмета – глиняных льячек, позволил выделить ранние виды этого инструмента, а находка в погребении льячки с железным стержнем, позволила определить назначение этих предметов, которые часто встречаются в таких комплексах, как ручек, которые вставлялись во втульчатое отверстие и, удлиняя ручку льячки, делали горячие операции безопасными. Прослежена динамика изменений в погребальной обрядности и составе инвентаря таких погребений, что позволило сделать вывод, что на рубеже III тысячелетий в муромском обществе происходят изменения, в которые оказались вовлечены и литейщицы. Наличие монет в погребениях, выступающих как платежное средство, а также находки в составе литейных комплексов инструментов для взвешивания позволяют высказать предположение, что литейщицы в это время втягиваются в товарные отношения. Особое положение этих женщин в обществе и, вероятно, страх перед ними, приводило к тому, что после смерти с их останками выполнялись определенные ритуалы, которые мы фиксируем в виде разрушений изголовья погребенной.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поочье; раннее Средневековье; поволжские финны; мурома; ювелирное производство; литейные принадлежности; погребальный обряд, женщины-литейщицы.

ONCE AGAIN ABOUT WOMEN'S BURIALS WITH JEWELRY TOOLS FROM THE MUROMA BURIAL GROUNDS IN THE LOWER OKA REGION

O.V. Zelentsova

Burials of women with casting tools are a striking feature of the Finno-Ugric antiquities of the early Middle Ages. They are known in the burial grounds of the Muromians, Mordvins, Mari people in the V–IX centuries AD. These findings allowed the researchers to conclude that the women of these tribes were engaged in jewelry craft. The purpose of this article is to analyze new similar burials from the Podbolotyevo burial ground and determine the place of these women in Muroma society. A typological analysis of the most common objects – clay ladles for pouring molten metal, allowed us to identify the early types of this instrument, which have been used since the VI century. The discovery of a clay ladle with an iron rod in the burial, which are often found together, made it possible to identify the rod as the ladle handle and served to perform safe heating operations. The dynamics of changes in the burial ritual and inventory of such burials are traced, which allowed us to conclude that at the turn of the III millennium, changes took place in Muroma society, in which female foundry workers were also involved. The presence of coins in the burials, acting as a means of payment, as well as finding weighing tools in the foundry complexes suggest that foundries at that time were involved in commodity relations. The special position of these women in society and, probably, the fear of them led to the fact that after their death certain rituals were performed with their remains, which we record in the form of destruction of the headboard of the deceased.

Keywords: archaeology, Lower Oka region, Early Middle Ages, the Volga Finns, the Muromians; jewelry making; foundry accessories; burial rite, female foundry workers

Женские захоронения с инструментами для литья у поволжских финнов эпохи средневековья давно привлекали внимание археологов и были темой специального исследования А.Л. Голубевой и Т.Б. Никитиной (Голубева, 1984; Никитина, Ефремова, 2012). Анализ всех известных погребений женщинлитейщиц у марийцев, мордвы и муромы позволил исследователям не только уточнить выводы А.Л. Голубевой, которые она высказала в своей статье 80-х годов прошлого века, но опровергнуть некоторые ее положения, а также дать новые интерпретации этим захоронениям (Голубева, 1984, с. 216–237). В частности, тезис о том, что в средневековом обществе учить ювелирному делу начинали уже девочек, который базировался на определении части муромских и мордовских погребений как детские не выдерживает критики в виду того, что антропологических исследований в момент раскопок Подболотьевского и Малышевского могильника не проводилось и при анализе приходилось опирался только на описание погребений, в то время как антропологические данные по марийским могильникам говорят о том, что ювелирным ремеслом занимались взрослые женщины (Голубева, 1988, с. 34; Никитина, Ефремова, 2012, с. 153–154).

Принципиально важным представляется вывод о социальной функции этих женщин в обществе. По мнению исследователей, они не просто занимались отливкой металлической нити и бисера для вышивки костюма, но еще выполняли роль хранительниц родовых традиций, врачевательниц и выполняли магические функции. Это нашло отражение в погребальном обряде, подчеркивающем особое положение погребенной и в погребальном инвентаре, который помимо полного убора украшений, включал «необычные» предметы – шилья, большее количество ножей, белемниты, мужские предметы – стрелы, кресала и пр. (Никитина, Ефремова, 2012, с. 162). К аналогичному выводу о высоком социальном статусе и особом положении литейщиц, в том числе в части исполнения магических ритуальных функций в обществе, пришла и Э.А. Савельева, анализируя такие захоронения нижневычегодском Чежтыягском могильнике XIII века (Савельева, 2023, с. 16).

Несмотря на то, что на основе археологических материалов сложно реконструировать социально-культурные феномены в древних обществах, выводы исследователей представляются обоснованными, особенно с опорой на этнографические материалы, которые известны у марийцев и мордвы (Никитина, Ефремова, 2012а, с. 341).

Марийские исследователи для анализа привлекли все известные на тот момент погребения поволжских финнов, содержащие орудия для литья – это более 90 захоронений мордовских, 40 муромских и 24 из марийских могильников (Никитина, Ефремова, 2012, с. 149–150). Несмотря на такую обширную базу, основной упор был сделан на марийские могильники, которые находятся в центре научных интересов исследователей, а мордовские и муромские погребения привлекались как сравнительный и фоновый материал. Кроме того, большинство привлеченных для анализа погребений мордвы и муромы были раскопаны в начале – середине XX в., когда отсутствовали поло-возрастные антропологические определения, что внесло определенные затруднения в исследования.

Между тем исследования Подболотьевского могильника в 2012–2014 гг. дали новые погребения литейщиц, в ходе раскопок которых были прослежены некоторые особенности как в погребальном обряде, так и в сопровождающем инвентаре, что позволяет уточнить выводы предшественников и внести коррективы в интерпретации отдельных деталей обряда и инвентаря. Также задачей нового обращения к этим материалом стало рассмотрение динамики изменений в погребальной обрядности литейщиц во времени и уточнение места женщин с литейными принадлежностями в муромском обществе.

Для анализа мы опирались прежде всего на материалы 11 погребений с предметами, связанными с литейным производством из новейших раскопок Подболотьевского могильника и погребения из этого могильника (9 погребений), раскопанные В.А. Городцовым в начале XX в. (Городцов, 1914). Также привлечены материалы из недавно опубликованного Борисоглебского 1го (Бейлекчи, Бейлекчи, 2021, с. 228–241), Малышевского (19 погребений) (Дубынин. Отчеты), Чулковского (7 погребений) (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016) и по одному погребению из Нижне-Верейского (Уткин, Черников, 1992, с. 26–27), Корниловского и Пятницкого (Селез-

Таблица 1. Характеристика погребений с литейными принадлежностями из муромских могильников
Table 1. Characteristics of burials with foundry accessories from Murom burial grounds

№ п/п	№ погр.	сохранность	пол	возраст	льячка	ручка	форма	слиток	воск	гирьки	монеты	местоположение инструментов
1	П. 14	разрушено	ж		1	1						в изголовье
2	П. 16	разрушено	ж	16-22 л.	1	1						в изголовье
3	П. 37	разрушено	ж	20-25 л.	1	1		олово	1			в изголовье
4	П. 77	разрушено	ж			1	1					в изголовье
5	П. 106	не разрушено	м	ст. 30 л	1				орех	4	4 фр.	в обл. левой голени
6	П. 116	разрушено	ж		1							в ногах
7	П. 122	разрушено	ж		1							выше уровнем, в голове
8	П. 123	разрушено	ж		1	1						в обл. пояса
9	П. 143	разрушено	ж	ст.30 л	1	1						в изголовье
10	П. 154	не разрушено	ж	30-39 л.	1	1	2,5	олова	1		2	в изголовье, льячка в туесе
11	П. 172	не разрушено	м		1					3	3	в изголовье, с жен вещами в туесе
12	П. 2 Г.	не разрушено	м		1		0,5					в ногах
13	П. 48 Г.	разрушено?	?		1							?
14	П. 69 Г.	не разрушено	ж		1		1					в изголовье
15	П. 95 Г.	не разрушено	ж		1							в обл. груди
16	П. 124 Г.	?	?		1							?
17	П. 129 Г.	разрушено?	ж		1							в ногах
18	П. 143 Г.	не разрушено	ж		1							в ногах
19	П. 149 Г.	не разрушено	?		1		1					в обл. пояса
20	П. 260 Г.	не разрушено	ж			пинцет		свинец				в ногах
21	М. 5	разрушено	ж		1				орех	3	2+18 фр.	в засыпке
22	М. 17	не разрушено	ж		1		1					в засыпке, в голове
23	М. 33	не разрушено	ж		1		1					в изголовье
24	М. 61	не разрушено	ж		1	1	1					в изголовье
25	М. 72	разрушено,	м/д		1			медь	орех		1	в изголовье с женс. вещами в туеске
26	М. 76	не разрушено	ж		1	1						в изголовье
27	М. 86	разрушено	ж		1		1	олово	1		2	в изголовье
28	М. 93	разрушено	ж		1						2	в центр части
29	М. 100	разрушено	ж		1	1	1				3	в изголовье
30	М. 107	разрушено	ж		1	1						в обл. бедер
31	М. 127	разрушено	ж				0,5					?
32	М. 136	не разрушено	ж		1	1						в изголовье
33	М. 143	не разрушено	ж		1		2				1	в изголовье
34	М. 145	не разрушено	ж		1							в обл. колен
35	М. 167	не разрушено	ж		1	шило	1					в изголовье
36	М. 176	сожж	ж		1		1					в горшке в изголовье
37	М. 193	сожж	ж		1	2 шила	2				1	в центральной части
38	М. 197	сожж	ж		1			шлак				в центральной части
39	М. 216	не разрушено	ж			шило	1					в изголовье
40	Ч. 24	не разрушено	ж		1		1	олово				в ногах
41	Ч. 29	не разрушено	ж			1	1	олово				в ногах
42	Ч. 30	не разрушено	ж			1		олово				в изголовье

Таблица 1. Характеристика погребений с литейными принадлежностями из муромских могильников (продолжение)
Table 1. Characteristics of burials with foundry accessories from Murom burial grounds

43	Ч. 35	не разрушено	ж				1					в ногах
44	Ч. 50	не разрушено	ж		1		1					в изголовье
45	Ч. 53	разрушено	ж		1		1					в ногах
46	Ч. 62	не разрушено	ж		1	1	1	сер. стружка				в ногах
47	К. 9	разрушено	ж				2					?
48	НВ. 9	не разрушено	ж		1							в ногах
49	Пя. 7	не разрушено	?				1					в обл. пояса
50	Б. 1	ограблено	ж		1		1				1	в ногах
Итого погр.		20/26/4	42/4/4		41	18	25	10	3	3	11	20/12/9*

*в изголовье/в ногах/в ценр.части
Подбольевский – П., Подболотьевский из раскопок В.А. Городцова – П.№.Гор., Борисоглебксий 1 – Б., Малышевский – М., Чулковский – Ч., Нижневерейский – НВ., Корниловский – К., Пятницкий – Пя;

нев, 1926, с. 26–27, 3839) могильников[1] (табл. 1). Всего выборка включает 50 погребений из 7 муромских могильников, которые суммарно датируются V–IX вв.[2]

Еще со времен Б.А. Рыбакова замечено, что литейные принадлежности у поволжских финнов присутствуют в женских погребениях, что позволило сделать вывод о том, что ювелирным производством занимались женщины (Рыбаков, 1948, с. 9094). Это позднее было подтверждено исследованиями Л.А. Голубевой, собравшей все известные на тот момент женские захоронения литейщиц (Голубева, 1984, с). В нашей выборке из 50 захоронений 42 принадлежали женщинам, четыре погребения неопределенные и четыре мужские. Антропологические определения нами получены для четырех индивидов из последних раскопок Подболотьевского могильника[3]. Все погребенные были половозрелыми женщинами – две (пп. 16 и 37) имели возраст 16–22 и 20–25 соответственно, две другие из погребений 143 и 154 были немного постарше – старше 30 и в промежутке 30–39 лет.

К предметам литейного производства в могильниках муромы относятся глиняные льячки, каменные формочки, слитки металла и куски воска. Льячки присутствуют в 41 женском погребении (93% от женских захоронений исследуемой выборки), из них в 17 вместе с льячками найдены формочки, а в 17 только льячки (по 38,6%). Только в 9% захоронений (4 погребения) присутствовали три предмета – льячки, формочки и металлические слитки. В двух погребениях литейные принадлежности представлены только формочками, а в одном (П. 260Гор) был найден только слиток свинца. Таким образом, основным предметом, символизирующим принадлежность погребения к литейному производству, являются глиняные льячки.

Все льячки имеют форму ковшика, и еще Л.А. Голубева отмечала, что муромские льячки достаточно однотипны – с овальной или приближенной к элипсу формой ковшика (Голубева, 1984, с. 84). Расширение базы данных и внимательный визуальный анализ материала позволяет уточнить типологические определения предыдущих исследователей. Так две льячки из рассматриваемой коллекции круглодонные. Это льячка из погребения 37 Подболотьевского могильника

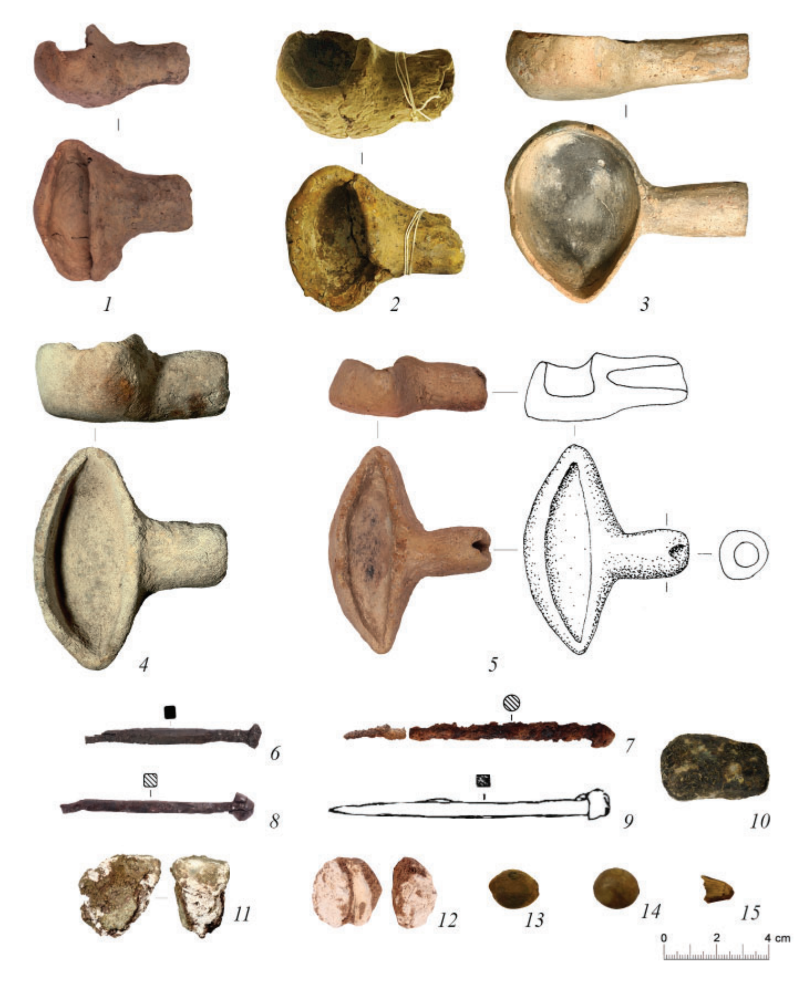

Рис. 1. Инструменты для литья из муромских могильников. 1 – льячка из п. 37 Подболотьевского могильника; 2 – льячка из п. 76 Малышевского могильника; 3 – льячка из п. 116 Подболотьевского могильника; 4 – льячка из п. 154 Подболотьевского могильника; 5 – льячка из п. 14 Подболотьевского могильника; 6 – ручка из п. 14 Подболотьевского могильника; 7 – ручка из п. 37 Подболотьевского могильника; 8 – ручка из п. 77 Подболотьевского могильника; 9 – ручка из п. 29 Чулковского могильника (по В.В. Гришакову и др.); 10 – воск из п. 86 Малышевского могильника; 11 – воск из п. 154 Подболотьевского могильника; 12 – воск из п. 37 Подболотьевского могильника; 13 – орех лещина из п. 5 Малышевского могильника; 14 – камешек из п. 154; 15 – скорлупа ореха лещины из п. 154 Подболотьевского могильника. 15 – глина, 69 – железо.

Fig. 1. Foundry tools from Muroma burial grounds. 1 – 1 clay ladle from burial 37 of the Podbolotyevo burial ground; 2 – clay ladle from burial 76 of the Malyshevo burial ground; 3 – clay ladle from burial 116 of the Podbolotyevo burial ground; 4 – clay ladle from burial 154 of the Podbolotyevo burial ground; 5 – clay ladle from burial 14 of the Podbolotyevo burial ground Podbolotyevo burial ground; 6 – handle from burial 14 of the Podbolotyevo burial ground; 7 – handle from burial 37 of the Podbolotyevo burial ground; 8 – handle from burial 77 of the Podbolotyevo burial ground; 9 – handle from burial 29 of the Chulkovo burial ground (according to V.V. Grishakov et al.); 10 – wax from burial 86 of the Malyshevo burial ground; 11 – wax from burial 154 of the Podbolotyevo burial ground; 12 – wax from burial 37 of the Podbolotyevo burial ground; 13 – hazel nut from burial 5 of the Malyshevo burial ground; 14 – pebbles from burial 154; 15 – hazel nutshell from burial 154 of the Podbolotyevo burial ground. 15 – clay, 69 – iron.

с овальным ковшиком со слабо выраженным сливом в обе стороны (рис. 1: 1) и экземпляр из погребения 76 Малышевского могильник с овальным ковшиком (рис. 1: 2). У остальных льячек (39 экз.) ковшик плоскодонный, 12 экземпляров из них имеют в плане подтреугольноовальный ковшик со сливом влево (М. 5, 61, 86, 93, 145, 167, 197; П. 106, 116, 123, 143, 172; Ч. 53) (рис. 1: 3) и 15 – элипсовидный со сливом в обе стороны (К.9, М. 17, 100, 107, 136, 143. 176; П.14, 16. 154, 143 (Гор); Ч. 24, 50, 62) (рис. 1: 4, 5). В силу недоступности форма остальных 12 льячек остается неопределенной.

Льячки имеют втульчатую ручку, что предполагает наличие стержня или палки, которая бы вставлялась в ручку. В ходе последних раскопок Подболотьевского могильника в

Рис. 2. Находка льячки с ручкой в погребении 14 Подболотьевского могильника in situ.
Fig. 2. The discovery of a ladle with a handle in burial 14 of the Podbolotyevo burial ground in situ.

погребении 14 был зафиксирован такой стержень, воткнутый в отверстие рукоятки (рис. 2). Стержень железный, подквадратного сечения, с грибовидной шляпкой на противоположном от ручки конце (рис. 1: 6). Аналогичный стержень был зафиксирован около льячек в погребениях 37, 77 этого же могильника (рис. 1: 7, 8). Ранее исследователями не раз отмечалось, что вместе с льячкой обычны находки одного или пары шильев (Никитина, Ефремова, 2012, с. 154–155). В.В. Гришаков, описывая погребение 29 Чулковского могильника отмечает, что около литейных формочек лежал «железный булавовидный остроконечник» (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016, с. 64, рис. 22, 37). На прорисовке вещей из этого погребения изображен стержень, аналогичный подболотьевским (рис. 1: 9). О том, что эти «шилья»-стержни связаны с льячками свидетельствует и то, что их находят рядом, а не там, где обычно в погребении фиксируются шилья – в области пояса. Вероятно, как и в погребении 14, такие стрежни вставлялись в отверстие в ручке льячки и так же помещались в захоронение. При помощи таких ручек горячие операции с льячкой выполнялись более безопасно[4]. Ручка становилась длиннее, она лучше выдерживала вес и при помощи, например, рукавицы ее удобнее и безопаснее было держать и вытаскивать из огня. В рассматриваемой выборке стержни-ручки присутствовали в семи захоронениях Подболотьевского, восьми Малышевского и в трех захоронениях Чулковского могильника (табл. 1).

Возможно, в качестве ручки могло быть использовано и шило. Так в погребении 5 марийских могильника Нижняя Стрелка около льячки найдена костяная рукоять шила, в погребении 36 Дубовского могильника льячка с шилом лежали в изголовье (Никитина, 2012б, с. 36, рис. 140; с. 52, рис. 240). В мордовских могильниках в качестве ручки, вероятно, использовался крючок, который часто фиксируется рядом с льячкой и описывается исследователем могильника как блесна (Материальная культура.., 1952, с. 135, 143).

Литейные формочки, выполненные из мергеля, присутствовали в 25 захоронениях (59% от рассматриваемой выборки). Формочки часто сопровождаются находками льячек (19 случаев из 25), за исключением нескольких случаев, когда погребение было разрушено, но и тогда радом с формочками присутствуют железные стержни – ручки от льячек (П. 77; М. 216;Ч. 29) и, возможно, что стержни символизируют присутствие льячек. Только в трех погребениях льячки отсутствовали и были лишь формочки – в погребении 35 Чулковского могильника (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016, с. 69), в Корниловском и Пятницком могильниках (Селезнев, 1926, с. 27, 39).

Все формы двустворчатые; в погребении обычно фиксируются формочка из двух створок или набор из двух и более форм (М. 143, 193; П. 154), изредка присутствует только одна створка (М. 127). Створки представляли собой небольшие прямоугольные или слегка подтрапециевидные плитки размерами от 4,5×3,5 до 7×4 см (рис. 3). У большинства створок была одна рабочая поверхность, служившая для отливки бисера диаметром до 1 мм, противоположная створка предназначалась для отливки петелек или иных креплений (рис. 3: 1, 4, 5, 6). В погребении 154 Подболотьевского могильника у одной из форм рабочими были все четыре поверхности сворок и они служили для отливки разных изделий: бисерин-гантелек, тройных бисерин, бисерин-бантиков и бляшек-розеток диаметром 5 мм (рис. 3: 2, 3). Эта находка позволяет судить о достаточно широком ассортименте изделий, изготавливаемых литейщицами, но все изделия представляют собой мелкие украшения, предназначенные для обшивания одежды.

Традиция украшать одежду и головные уборы металлическим бисером широко распространена у финно-угорских народов Поволжья в VI–X вв. н.э. и именно эта тради-

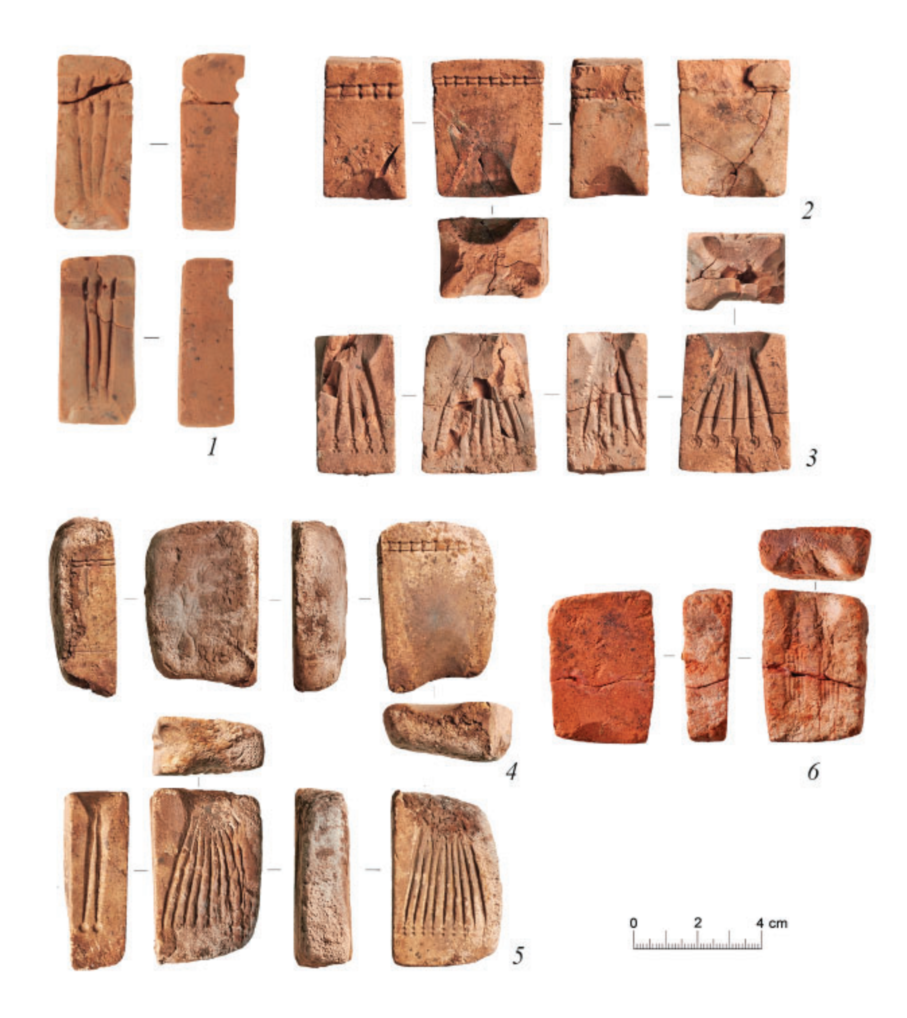

Рис. 3. Каменные формочки из Подболотьевского могильника. 1 – погребение 77; 2-6 – погребение 154
Fig. 3. Stone moulds from the Podbolotyevo burial ground. 1 – burial 77; 26 – burial 154

ция порождала спрос на такие изделия, что в свою очередь обусловило применение серийных форм для их отливки (Тавлинцева, 2000, с. 111). По мнению Т.Б. Никитиной, женщины-литейщицы занимались изготовлением только металлической нити и бисера, а также последующей вышивкой одежды, что и определило их роль в средневековом обществе как носителей и хранителей этнических традиций (Никитина, Ефремова, 2012а, с. 339-340). Практика украшать женский муромский костюм вышивкой металлическим бисером прослежена в ходе последних исследований Подболотьевского могильника, когда были зафиксированы остатки оловянного бисера в виде полос или участков в области головы, груди, подола, рукавов и пр. (рис. 4). Украшение одежды оловянным бисером отмечено как в погребениях литейщиц, так и в других женских захоронениях и является вместе с шумящими привесками самым распространенным видом декорирования костюма.

В рассматриваемых погребениях вместе с инструментами для литья встречается сырье в виде слитков или бесформенных остатков металла. В пяти погребениях это слитки или остатки олова зафиксированы около литейных инструментов (П. 154; М. 86; Ч. 24. 29, 30), в погребении 260 Подболотьевского могильника найден только «кусок свинца» (Городцов, с. 143). Помимо свинца и олова в качестве сырья использовалась медь, что зафиксировано в льячке в Малышевском могильнике (п. 72) и серебро, которое в виде стружки лежало в Чулковском могильнике (п. 62) (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016, с. 65). В качестве сырья могли использоваться обрезки монет, найденные в двух погребениях (М.5; П.106) или монеты (Б1).

Помимо сырья в трех захоронениях зафиксирован воск, который широко использовался финно-угорскими ювелирами для изготовления провощенных нитей или литья по восковой модели (Сарычева, 2005, с. 105;

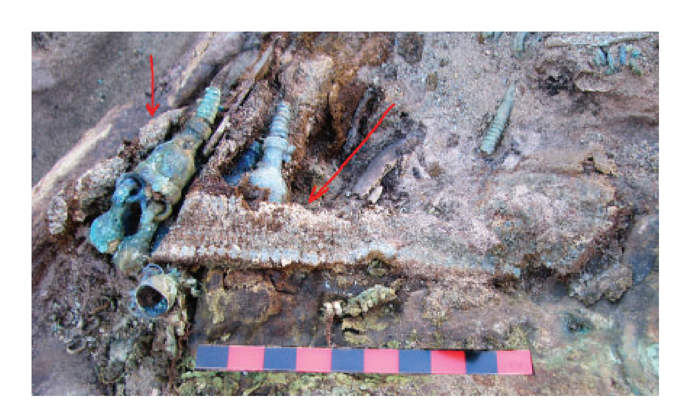

Рис. 4. Вышивка оловянным бисером головного убора из погребения 57 Подболтьевского могильника. Стрелками показаны места вышивки.
Fig. 4. Embroidery with pewter beads of a headdress from burial 57 of the Podbolotyevo burial ground. The arrows show the embroidery places.

Сапрыкина, 2010, с. 12–13). В погребении 37 Подболтьевского могильника рядом с льячкой и небольшим кусочком олова обнаружен белесый комочек, вероятно воска, диаметром около 3 см (рис. 1: 12). Кусок воска подтреугольной формы размером около 4 см найден среди комплекса ювелирных принадлежностей в погребении 154 этого же могильника (рис. 1: 11). Тут же были зафиксированы остатки оловянного изделия или слитка. Еще одна находка куска воска известна в погребении 86 Малышевского могильника (рис. 1: 10).

В захоронении литейные принадлежности обычно размещались в изголовье (42%), в области ног (26%), реже в центральной части – около таза или колен (16%). В трех погребениях льячки были в туесках, которые стояли в изголовье (П. 154, 172, М. 72) (6%). В остальных случаях они зафиксированы в разных местах, в т.ч. в засыпке (10%) (табл. 1).

Вероятно, именно расположение литейных принадлежностей в области головы стало причиной явления, которое было прослежено нами при раскопках Подболотьевского могильника – из девяти захоронений «литейщиц» шесть были разрушены в области головы (п. 14, 16, 37, 122, 123, 143), еще две были разрушены полностью (п. 77, 116) (рис. 5, 6). Не нарушенным оказалось только погребение 154, в котором льячка находилась в лубяном туеске, а литейные формочки кучкой лежали слева в изголовье.

Судя по полевым наблюдениям целостность захоронения была нарушена в древности, о чем свидетельствует характер пятен могильных ям на уровне их обнаружения и заполнение погребений. Пятна могильных ям на уровне материка читались хорошо, но в северной части зачатую прослеживались мало отличающееся от основного заполнения более темные пятна, которые можно было принять за затеки грунтов. Часть этих пятен продолжала фиксироваться в разрезах (рис. 4: I). Но в целом заполнение таких ям было достаточно однородным и отличалось только более темным оттенком в северной части. Трехлетние полевые работы и накопившаяся статистика позволяет интерпретировать такие пятна как следы ям, нарушивших целостность захоронения еще в древности. Четкий грабительский вкоп, который первоначально был принят за современную грабиловку, был прослежен единственный раз в северо-восточной части захоронения 16, но, судя по характеру захоронения, он также был выполнен в древности.

В таких погребениях был нарушен анатомический порядок верхней части костяка, украшения головного убора и шеи обычно были разбросаны, иногда и разломаны, горшки, стоящие в изголовье разбиты или перевернуты верх дном, льячки сдвинуты и, зачастую, тоже лежали верх дном (рис. 6). Таким образом, северная часть захоронений оказывалась в хаотичном беспорядке, как будто эта часть была просто разворошена. В то же время южная часть (обычно от груди или с области пояса и до ног) не нарушалась, сопровождающий инвентарь и украшения располагались здесь in situ (рис. 6).

Характер разрушений говорит о том, что нарушители имели представление о содержании захоронения и, проникая в него, имели какую-то определенную цель. Эта цель явно не была связана с мародёрством, т.к. фактически весь набор украшений оставался в погребении – головные жгуты, гривны, браслеты, ожерелья и пр., в том числе, нередко и серебряные предметы (монетовидная привеска в п. 116, лунничные височные кольца и перстень в п. 123). Складывается впечатление, что целью было разрушить северную часть погребения – голову и сдвинуть со своего места инструменты для литья.

Эти наблюдения позволяют по-новому взглянуть на погребения литейщиц из Малы-

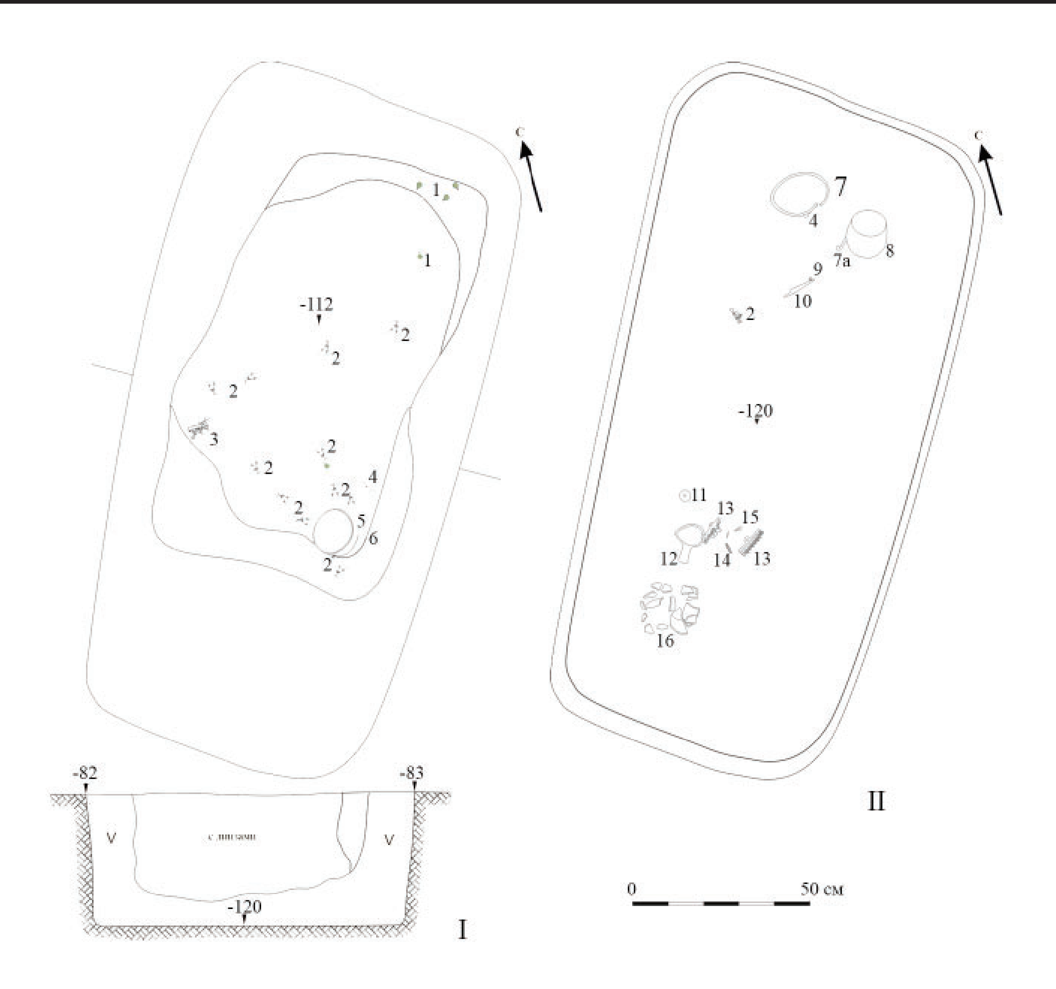

Рис. 5. Чертеж разрушенного в древности погребения 116 из Подболотьевского могильника: 1 – бубенчик; 2 – привеска; 3 – коньковая подвеска; 4 – привеска; 5 – сосуд; 6 – монетовидная подвеска; 7 –гривна; 8 – сосуд; 9 – перстень; 10 – нож; 11 пряслице; 12 – льячка; 13 – обувное украшение с петлей; 14 – обувные привески; 16 – развал сосуда. 14, 6, 9, 13. 14 – бронза; 7, 10 – железо; 5, 8, 11, 12, 16 – глина. I – погребение на уровне материка и разрез; II – вскрытое погребение.

Fig. 5. Drawing of the burial 116 destroyed in ancient times from the Podbolotyevo burial ground: 1 – tambourine; 2 – pendant; 3 – pendant in the shape of a horse; 4 – pendant; 5 – vessel; 6 – pendant in the shape of a coin; 7 – torque; 8 vessel; 9 – ring; 10 – knife; 11 – spindle whorl; 12 – clay ladle for pouring molten metal; 13 – shoe decoration with a loop; 14 – shoe pendant; 16 – collapse of the vessel. 14, 6, 9, 13. 14 – bronze; 7, 10 – iron; 5, 8, 11, 12, 16 – clay. I – burial at the level of the virgin soil and section; II – excavated burial.

шевского могильника, о которых А.Ф. Дубынин писал, что порядок в них нарушен и они схожи с кремациями (Дубынин, 1948, с. 103, 110). Семь захоронений с предметами для литья из 16 также были нарушены и, вероятно, тоже в древности (п. 5, 72, 86, 93, 100, 107, 127). Аналогичную ситуацию отмечал В.В. Гришаков при раскопках погребения 53 Чулковского могильника, которое, по его мнению, было нарушено в древности, когда грабители знали, что где лежит (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016, с. 80).

Таким образом, из 44 захоронений литейщиц в муромских могильниках, в древности было разрушено 18 (41%). Возможно, такие действия с захоронениями литейщиц диктовались определенным страхом перед ними и перед знаниями, которыми они обладали, что согласуются с предположением, что эти женщины, были не просто «литейщицами», но и выполняли определенные ритуальные функции, связанные с культовой и бытовой или культово-бытовой практикой (Никитина, Ефремова, 2012, с. 161–162).

Хронологически погребения «литейщиц» фиксируется на всем протяжении существования муромской культуры. Наиболее ранним из рассматриваемых является захоронение 76 Малышевского могильника, где в области висков присутствовали серебряные браслетообразные височные кольца с обрубленными сомкнутыми концами, известные в ранних

Рис. 6. Чертеж разрушенного в древности погребения 37 из Подболотьевского могильника: 1 – браслета фрагмент; 2 – привеска; 3 – браслета фрагмент; 4 – кости животных; 5 – привески; 6 – обоймица; 7 – пронизка; 8 – шило; 9 – льячка; 10 – стержень; 11 – воск; 12 – олово; 13 – привески; 14 – бусина стеклянная; 15 – развал сосуда; 16 – обувные украшения; 17 – оборы; 18 – колокольчики. 1, 3, 8, 10 – железо; 2, 5, 7, 13, 18 – бронза; 9, 15 – глина.

Fig. 6. Drawing of the burial 37 destroyed in ancient times from the Podbolotyevo burial ground: 1 – fragment of a bracelet; 2 – pendant; 3 – fragment of a bracelet; 4 – animal bones; 5 – pendants; 6 – carrying slot ; 7 – bead separator; 8 – awl; 9 – clay ladle for pouring molten metal; 10 – rod; 11 – wax; 12 – pewter; 13 – pendants; 14 – glass bead; 15 – collapse of the vessel; 16 – shoe decoration; 17 – strings for tying shoes; 18 – bells. 1, 3, 8, 10 – iron; 2, 5, 7, 13, 18 – bronze; 9, 15 – clay.

погребениях Подболотьевского могильника (Зеленцова. Милованов, 2021, с. 16, рис. 3, 6, 7). Это тип 1 височных колец по Ю.А. Краснову, бытовавший в Безводнинском могильнике начиная с первой и до последней стадии, (Краснов, 1980, с. 4344, табл. 13), они известны в Подвязье в погребениях третьей группы V–VI вв. н.э. (Грибов, 2018, С. 194, рис. 2, 12). В погребении 76 присутствовала округлая пряжка с утолщенной передней рамкой и бусы из глухого красного стекла, датировка которых также укладывается в пределы V–VI в. н.э. (Румянцева, 2005, с. 139). В целом состав погребения синхронизируется с захоронением 134 Безводнинского могильника, где также погребена литейщица (Краснов, 1980, с. 175–176, рис. 24: 1; 28; 35 и др.) Льячка из погребения 76 круглодонная, с округлым ковшиком, что отличает ее от льячек последующего времени и является наиболее ранним типом этого инструмента (рис. 1: 1).

Два погребения литейщиц несколько более поздние – это захоронение 167 Малышевского и 143 из раскопок 1910 г. Подболотьевского могильника. В них присутствует головной убор со жгутами небольшого диаметра (до 1 см). На раннюю дату этих погребений указывают и височные кольца с массивными округлыми расплющенными концами, а также дротовая гривна с застежкой в виде лодочки и крючка, а также необычная для женского украшения застежка с «крылатой» иглой в погребении 167, которые обычно характерны для мужского костюма и являются воинскими фибулами, демонстрирующими определённый статус погребенного. В малышевском погребении застежка располагалась по месту ношения – в верхней части груди (Дубынин, 1949, с. 18), что необычно для женского костюма и, вероятно, является символом особого положения женщины. Гривна с застежкой лодочкой и застежка с «крылатой» иглой позволяют датировать погребение не позднее первой половины VIII в. (Зеленцова, Милованов, 2021, с. 18, рис. 4). В погребении 143 на груди была нагрудная дисковидная бляха с корпусом, украшенным треугольными прорезями. Бляхи такого типа в древностях мордвы относятся стадии 8, которая датируется концом VII – п.п. VIII в. (Вихляев и др., 2008, с. 140–141).

Самая многочисленная группа погребений с предметами литейного производства относятся к классическому периоду муромской культуры (23 захоронения). Для этих погребений характерен костюмный комплекс, не раз описанный в литературе – головные уборы со жгутами, венчиками с многочисленными височными кольцами муромского типа; боковые ремни с пластинчатыми наконечниками, коромысловидные наспинные

привески, оборы (Голубева, 1987; Тухтина, 1997). В целом погребения с таким костюмным комплексом датируются вт. пол. VIII–IX вв. (Зеленцова, Милованов, 2021, с. 20, рис. 5), периодом наивысшего расцвета культуры, к которому относится наибольшее количество погребений. Поэтому несмотря на то, что к этому периоду относится наибольшее количество погребений литейщиц, их соотношение к женским захоронениям, например, Подболотьевского составляет 8,5%. Представляется, что такое же соотношение сохраняется и для Малышевского могильника.

К следующему хронологическому периоду относится 19 захоронений с предметами для литья, из которых 15 женские. В этот период происходят изменения в костюмном комплексе, а именно вместо головного убора со жгутами распространяется убор с привесками, появляются новые типы ожерелий, гривен, в целом костюмный комплекс «облегчается» и в его составе появляются иноэтничные предметы (бубенчики, перстни и пр.) (Зеленцова, Милованов, 2021, с. 2223, рис. 6, 7). Присутствие монет позволяют отнести погребения этого периода к X в. На материалах Подболотьевского могильника мы фиксируем увеличение процентного соотношения погребений литейщиц по отношению к женским захоронениям этого периода, которое составляет 13,9%, т.е. в этот период больше женщин включается в ювелирное производство. Именно с этим периодом связан обряд разрушения погребений литейщиц: из 15 разрушенных в древности захоронений 11 относятся к этому времени (73%, против 8% в предыдущий период), что говорит о том, что в обществе произошли какие-то изменения, которые отразились на отношении к женщинам-литейщицам.

Возможно, это связано с тем, что литейщицы включаются в товарные отношения, о чем свидетельствуют находки монет, присутствующих в одиннадцати захоронениях (табл. 1). Причем монеты выступают не только как украшения, но и как средство платежа. Так в погребении 154 Подболотьевского могильника один дирхем с петлей был в составе ожерелья, второй найден в области пояса. Целые монеты, без дырок и петелек найдены в области пояса либо в центральной части погребений в погребениях 86, 93 и 100 Малышевского могильника, где их можно рассматривать в качестве платежного средства (Дубынин, 1948, с. 103, 111, 116–117). В Борисоглебском могильнике дирхем обнаружен рядом с льячкой и формочками (Бейлекчи, Бейлекчи, 2021, с. 235–236, рис. 6). Здесь монета может рассматриваться либо как платежное средство, либо как сырье для переплавки.

Подобные процессы вероятно происходили и у соседей муромских племен – в марийских могильниках в этот период у литейщиц также появляются монеты, которые лежат в кошельке, в области пояса, рядом с литейными принадлежностями, реже – в составе ожерелий (Никитина, 2012б, с. 10, 35, 47; Никитина, 2018, с. 100, 105, 125).

В материалах могильников отсутствуют данные, свидетельствующие о том, что муромки-литейщицы занимались обработкой драгоценных металлов, за исключением погребения 62 Чулковского могильника, где рядом с льячкой и формочкой зафиксирована серебряная стружка (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016, с. 87). Но есть насколько захоронений, которые позволяют поставить такой вопрос. Так погребении 5 Малышевского могильника, где найдена льячка, в изголовье лежал узелок из ткани льна[5], в котором было 18 фрагментов дирхемов, 7 скорлупок «воложского ореха»[6] (рис. 1: 13) и 4 медные четырехугольные пластинки, гирьки – по мнению автора раскопок (Дубынин, 1938, с. 16). Использование монетного серебра в качестве сырья для изготовления украшений является общепризнанным фактом и подтверждено материалами древнерусских памятников (Ениосова, Митоян, 2011, с. 92–95), изделиями на мерянском городище Выжегша (Леонтьев, Сапрыкина, 2022, с. 223). В коллекции Подболотьевского могильника присутствуют украшения из высокопробного серебра, получение которого связывается с переплавкой серебряных дирхемов (Сапрыкина, 2014, с. 232). Практика использования резаной монеты в качестве сырья зафиксирована в «кладе ювелира» из Гнездова, где вместе с обрезками монет присутствовали гирьки-разновесы, которые, по мнению исследователя, использовались ювелирами для взвешивания металла, необходимого для изготовления изделия (Пушкина, 2010, с. 148, 151). Находки весовых гирек вместе с обрезками исламского серебра, слитками металла и ювелирными инструментами известны на Рюриковом городище и других древнерусских памятниках (Жуковский,

2022, с. 173–178). К сожалению, в настоящий момент не удалось найти пластинки-гирьки в коллекции Малышевского могильника, и мы не можем однозначно согласиться с предложенной исследователем интерпретацией находки, но присутствие в этом же погребении лесных орехов, которые могли использоваться для юстировки весов или в качестве довесков при процедуре взвешивания позволяют рассматривать эту находку в контексте ювелирного ремесленного комплекса, что вполне согласуется с разноплановой интерпретацией находок инструментов для взвешивания в эту и последующие эпохи (Жуковский, 2022. с. 28, 150).

Похожий комплекс был найден в мужском погребении 106 Подболотьевского могильника. Это погребение выделялось размерами могильной ямы, богатством и разнообразием инвентаря, среди которого присутствовало оружие (копье, топор, пешня, колчан со стрелами), поясной набор с железными накладками и уздечка. В области пояса обнаружена кожаная сумочка с половинкой дирхема, а в области ног, у левой голени погребенного лежали предметы, составляющие единую группу. Вместилище не сохранилось, но создавалось впечатление, что предметы, лежащие друг на друге были положены в какую-то емкость из органического материала. В самом низу лежала льячка, на неё был положен кожаный кошелек с четырьмя обрезками серебряных пластинок, две из которых оказались фрагментами дирхемов. Тут же лежали четыре гирьки, круглый камешек, скорлупа орехалещины (рис. 1: 14, 15) и оплавленный кусочек олова. Рядом в кожаном футляре лежали бронзовые складные весы. Данная находка сопоставима с вышеописанным комплексом из погребения 5 Малышевского могильника и, на наш взгляд, может рассматриваться как набор ювелира. В пользу этого говорит присутствие вместе с весами льячки, серебряных пластинок, оловянного слиточка – в емкости было, по крайней мере 3 предмета, связанных с ювелирным делом. Мы не можем достоверно сказать, принадлежал этот набор погребенному или был положен ему в качестве дара, но традиции помещать в мужское захоронения комплексов женских украшений, в том числе с инструментами для литья прослежена и в других погребениях из муромских могильников.

Так в мужское погребение 172 Подболотьевского могильника в лубяную емкость в изголовье был положен комплекс женских украшений, в составе которого были серебряные лунничные височные кольца, ожерелье из привесок с лапками и костяной гребень. Тут же лежал кожаный кошелек с двумя дирхемами и тремя весовыми гирьками, а на дне – глиняная льячка с отбитой ручкой и просверленным дном. У самого мужчины в области пояса в сумочке вместе с кресалом и фитильной трубочкой также лежал дирхем. Контекст находки позволяет предположить, что туесок принадлежал женщине, занимавшейся ювелирным производством, которая положила его в мужское захоронение вместе со своими украшениями. Аналогичный комплекс присутствовал в погребении 72 Малышевского могильника – в лубяном вместилище найдены серебряные лунничные височные кольца, височные кольца муромского типа, глазовская гривна и льячка с остатками меди. Сверху все это было прикрыто серебряной чашей (Дубынин, 1948, с. 8788). Мужчине-кузнецу из захоронения 2 Подболотьевского могильника[7] на грудь положили комплекс женских украшений, а около ног – льячку и створку формочки (Городцов, 1914, с. 76). Таким образом, на сегодняшний день у муромы известно 4 захоронения мужчин с женскими дарами, в составе которых помимо женских украшений присутствуют литейные принадлежности, инструменты для взвешивания и дирхемы. Мужчины, получившие эти дары, были не просто воинами, о чем говорит присутствие у них оружия – копья, пешни, топора и стрел, но выделялись большими размерами могильных ям и присутствием в захоронениях каких-то особых предметов – узды в погребении 106, кузнечных принадлежностей в п. 2 Подболотьевского могильника, серпа, медного котла с деревянным ковшом в погребении 72 Малышевского могильника. Возможно, именно статус этих мужчин и предполагала помещение им в захоронение таких значимых предметов как инструменты для взвешивания и литейные принадлежности, которые были призваны подчеркнуть этот статус и доступ к определенному богатству. Хронологически этот обычай был распространен у муромы, судя по украшениям и находкам монет, в первой половине – середине X в.

В это же время похожий обычай помещать в погребения или в межмогильное пространство в берестяном или лубяном туеске жертвенных комплексов был широко распространён в марийских могильниках. В состав таких комплексов помимо набора женских металлических украшений, одежды, поясов, нередко клали и орудия для литья. Исследователи считают традицию сооружать жертвенные комплексы одним из этномаркеров марийской средневековой культуры (Никитина, Ефремова, 2012, с. 338). Материалы муромских могильников показывают, что этот обычай был не чужд и для муромы, тем более что традиция женских даров мужчинам имела здесь глубокие корни.

Таким образом институт литейщиц в муромском обществе имеет долгую традицию, и материалы исследованных могильников позволяют проследить его постепенную трансформацию. Необходимо подчеркнуть, что женщины-литейщицы присутствуют у всех поволжско-финских племен эпохи раннего средневековья и обращение к этому занятию, как было отмечено исследователями ранее, было порождено потребностью в большой массе металлического бисера и бляшек, необходимых для вышивки и обшивки женского убора. Так же, как и у марийцев и мордвы производством таких изделий занимались женщины, которые помимо всего прочего становятся и хранителями этнокультурных традиций и знаний. Возможно, причастность к каким-то «особым» знаниям и стала причиной того, что мы фиксируем обычай разрушения погребений литейщиц. Такой обычай появляется в эпоху расцвета муромской культуры (вт. пол. VIII–IX вв.), когда разрушенными оказываются несколько погребений литейщиц, но в последующий период эта традиция становится массовой и большая часть погребений литейщиц оказались разрушены через какое-то время после погребения. Вероятно, в этот период изменился статус этих женщин в муромском обществе в силу тех изменений, которые произошли в самом обществе. В это время мурома активно включается в международную торговлю, в том числе и сама участвует в дальней торговле и посредством торговли знакомится с древнерусской культурой (Зеленцова, Милованов, 2015, с. 127–129). Вероятно активное включение муромы в торговые отношения, а также изменения в костюмном комплексе стимулировало увеличение спроса на ювелирную продукцию, что привело к увеличению удельного состава литейщиц в муромском обществе на рубеже I–II тысячелетий н.э. Эти процессы в свою очередь стимулировали включение литейщиц в торговые отношения, что доказывается находками монет в этих погребениях, а также инструментов для малых взвешиваний, которые были необходимы как для торговых операций, так и для ювелирных взвешиваний.

Таким образом, женщины-литейщицы в муромском обществе занимались не только ювелирным производством, изготовлением украшений для вышивки, выполнением обрядов и были хранителями этнических традиций, но были той категорией людей в обществе, которая наиболее быстро реагировала на изменения и сама становилась стимулом этих изменений.

Примечания:

[1] В статье приняты следующие сокращения: Подбольевский – П., Подболотьевский из раскопок В.А. Городцова – П.№.Гор., Борисоглебксий 1 – Б., Малышевский – М., Чулковский – Ч., Нижневерейский – НВ., Корниловский – К., Пятницкий – Пя; п – погребение, пп – погребения.

[2] Погребения из Безводнинского и Желтухинского могильников не привлекались, в виду того, что эти памятники относятся к древностям безводнинско-ахмыловского круга.

[3] Определения Н.Н. Гончаровой и М.В. Добровольской. Большинство погребений были нарушены в древности поэтому костяки сохранились только в 4х захоронениях.

[4] Благодарю за консультацию Д.С. Агапова

[5] Определение и описание автора раскопок – А.Ф. Дубынина (Отчет, 1938, с. 15–16)

[6] Воложским орехом обычно называли грецкие орехи, но автор раскопок этот термин использовал, очевидно, для определения ореха-лещины, о чем свидетельствует находка целого ореха под №89 в фондах музея им. Бурылина. Вероятно, среди скорлупы были и целые орехи.

[7] Раскопки В.А. Городцова. В захоронении находились клещи, наковальня, молотки (Городцов, 1914)

ЛИТЕРАТУРА

Бейлекчи В.В., Бейлекчи Вал.В. Новые сведения о муромском могильнике у села Борисоглеб // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Ред. О.В. Зеленцова. М.: ИА РАН, 2021. С. 228–241.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология мордовских могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Мордов. ун-т, 2008. 352 с.

Голубева Л.А. Женщины-литейщицы. (К истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. 1984. № 4. С. 75–89.

Голубева Л.А. Мурома // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 81–92.

Голубева Л.А. Девочки-литейщицы // Древности славян и Руси / Отв.ред. В.А. Тимощук. М.: Наука, 1988. С. 31–34.

Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XXIV. М. 1914. С. 40–216.

Грибов Н.Н. Подвязьевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.) // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 191–199.

Гришаков В.В., Седышев О.В., Сомкина А.Н. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н.э. Чулковский могильник. Саранск: Мордов. гос. пед. Инт, 2016. 178 с.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологических исследованиях Малышевского могильника в с. Малышево Селивановского района Ивановской обл. в 1938 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.35. № 146.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологической экспедиции Ивановского Гос. Педагогического Института в 1945 г. 1946. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 40.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологических исследованиях Малышевского могильника в с. Малышево в 1946 г. 1947. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 52.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологических исследованиях Малышевского могильника в с. Малышево Селивановского района Владимирской обл. в 1947 г. 1948 // Архив ИА РАН. Р-1. № 135.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологических исследованиях Малышевского могильника в с. Малышево Селивановского района Владимирской обл. в 1948 г. 1949 // Архив ИА РАН. Р-1. № 238.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологической экспедиции Ивановского Гос. Пед. Института в 1949 г. 1950 // Архив ИА РАН. Р-1. № 338.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологической экспедиции Ивановского Гос. Пед. Института в 1950 г. 1951 // Архив ИА РАН. Р-1. № 475.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А. Арабское серебро как источник сырья для славянских и скандинавских ювелиров (по материалам Гнездовских кладов X века) // От палеолита до Средневековья. Сборник памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Отв. ред. В.Л. Егоров. М.: МГУ, 2011. С. 90–95.

Жуковский М.О. Инструменты и практика малых взвешиваний в Древней Руси (IX–XIII вв.). М.: Наука, 2022. 381 с.

Зеленцова О.В., Милованов С.И. Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. Сб. статей к 60-летию акад. Н.А. Макарова. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: ИА РАН; Древности Севера, 2015. С. 122–134.

Зеленцова О.В., Милованов С.И. К планировке Подболотьевского могильника // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Ред. О.В. Зеленцова. М.: ИА РАН, 2021. С. 12–29.

Зеленцова О.В., Сапрыкина И.А. К вопросу о женском костюме муромы по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 220–240.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.

Леонтьев А.Е., Сапрыкина И.А. Цветная металлообработка на городище Выжегша // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 217–236.

Материальная культура Средне-Цнинской мордвы VIII–IX вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 гг.) / Археологический сборник. Т. III / Ред. А.П. Смирнов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. 176 с.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Погребальный обряд с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 146–165.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Женщины-«литейщицы» из марийских захоронений X-XI вв. как носители этнической традиции // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2012а. С. 336–344.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань: ИИ АН РТ, 2012б. 408 с.

Никитина Т.Б. Русенихинский могильник / Археология Евразийских степей. 2018. №. 3. Казань: ИИ АН РТ, 256 с.

Пушкина Т.А. Клад «ювелира» периода викингов с территории Верхнего Поднепровья // Arheologija un etnografija. Laid 24 Riga, 2010. S. 147–153.

Румянцева О.С. Бусы Никитинского могильника // Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник. Публикация материалов 1977-78 гг. М.: ИА РАН, 2005. С. 127–140.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР, 1948. 792 с.

Савельева Э.А. Особенности погребений женщин–литейщиц на нижневычегодском Чежтыягском могильнике // Известия Коми научного центра УРО РАН. Серия «История и филология. 2023. № 1 (59). С. 7–18.

Сапрыкина И.А. Реконструкция основных приемов изготовления выплавляемых моделей для литья ювелирных украшений дьяковской культуры // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6 / Отв. Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2010. С. 11–18.

Сапрыкина И.А. Предварительные результаты исследования химического состава цветного металла VIII–X веков из Подболотьевского могильника // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 230–234.

Сарычева Т. Г. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник. Публикация материалов 1977-78 гг. М.: ИА РАН, 2005. С. 103–122.

Селезнев Ф.Я. Археологические исследования в окрестностях Мурома. Культура финнов средней Оки // Материалы по изучению Владимирской губернии / Ред. А.И. Иванова. Владимир: Призыв, 1926. С. 21–49.

Тавлинцева Е.Ю. К вопросу о металлическом бисере в рязаноокских могильниках (по материалам Шокшинского могильника) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 109–115.

Тухтина Н.В. Женский головной убор (По материалам Подболотьевского могильника) // Археологический сборник. Погребальный обряд / Труды ГИМ. Вып. 93 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1997. С. 109–121.

Уткин А.В., Черников В.Ф. Муромский могильник близ села Нижняя Верея на Нижней Оке // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Уткин. Иваново: Управление культуры Ивоблисполкома, 1992. С. 13–27.

Информация об авторе:

Зеленцова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); olgazelentsova2010@yandex.ru

REFERENCES

Beilekchi, V. V., Beilekchi, Val. V. 2021. In Zelentsova, O. V. (ed.). *Finno-ugorskie drevnosti vtoroy poloviny I – nachala II tysyacheletiya n.e. Materialy nauchnogo seminara «Podbolot'evskiy mogil'nik: 100 let issledovaniy» (Finno-Ugric Antiquities of the Second Half of the I – Beginning of the II Millennium AD. Materials of the Scientific Seminar "The Podbolotyevsky Burial Ground: 100 Years Of Research")*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 228–241 (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiia mordovskikh mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Mordovian Burial Grounds of the 1st—14th Centuries Population in the Western Part of the Middle Volga Area)*. Saransk: Mordovia State University (in Russian).

Golubeva, L. A. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 75–89 (in Russian).

Golubeva, L. A. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages).* Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 17. Moscow: "Nauka" Publ., 81–92 (in Russian).

Golubeva, L. A. 1988. In Timoshchuk, V. A. (ed.). *Drevnosti slavyan i Rusi (The antiquities of the Slavs and Old Rus).* Moscow: "Nauka" Publ., 31–34 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1914. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society*) XXIV, 40–216 (in Russian).

Gribov, N. N. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 191–199 (in Russian).

Grishakov, V. V., Sedyshev, O. V., Somkina, A. N. 2016. *Muromskie plemena pravoberezh'ya Oki v posledney chetverti I tys. n.e. Chulkovskiy mogil'nik (Murom tribes of the right bank of the Oka in the last quarter of the I millennium AD. Chukovsky burial ground).* Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute (in Russian).

Dubynin, A. F. 1938. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Malyshevskogo mogil'nika v s. Malyshevo Selivanovskogo rayona Ivanovskoy obl. v 1938 g. (Report on the archaeological studies of the Malyshevo burial ground in the village of Malyshevo in the Selivanovo district of the Ivanovo region in 1938).* Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 35, no 146 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1946. *Otchet ob arkheologicheskoy ekspeditsii Ivanovskogo Gos. Ped. Instituta v 1945 g. (Report on the archaeological expedition of the Ivanovo State Pedagogical Institute in 1945. 1946).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no 40 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1947. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Malyshevskogo mogil'nika v s. Malyshevo v 1946 g. (Report on the archaeological studies of the Malyshevo burial ground in the village of Malyshevo in 1946).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no 135 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1948. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Malyshevskogo mogil'nika v s. Malyshevo Selivanovskogo rayona Vladimirskoy obl. v 1947 g. (Report on the archaeological studies of the Malyshevo burial ground in the village of Malyshevo of the Selivanovo district in the Vladimir region in 1947. 1948)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no 135 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1949. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Malyshevskogo mogil'nika v s. Malyshevo Selivanovskogo rayona Vladimirskoy obl. v 1948 g. (Report on the archaeological studies of the Malyshevo burial ground in the village of Malyshevo of the Selivanovo district in the Vladimir region in 1948. 1949)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no 238 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1950. *Otchet ob arkheologicheskoy ekspeditsii Ivanovskogo Gos. Ped. Instituta v 1949 g. (Report on the archaeological expedition of the Ivanovo State Pedagogical Institute in 1949. 1950)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no 338 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1951. *Otchet ob arkheologicheskoy ekspeditsii Ivanovskogo Gos. Ped. Instituta v 1950 g. (Report on the archaeological expedition of the Ivanovo State Pedagogical Institute in 1950. 1951)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no 475 (in Russian).

Eniosova, N. V., Mitoyan, R. A. 2011. In Egorov, V. L. (ed.). *Ot paleolita do Srednevekov'ya. Sbornik pamyati G.A. Fedorova-Davydova (From the Paleolithic to the Middle Ages. Collection dedicated to the memory of G.A. Fedorova-Davydov)*. Moscow: Moscow State University, 90–95 (in Russian).

Zhukovsky, M. O. 2022. *Instrumenty i praktika malykh vzveshivaniy v Drevney Rusi (IX–XIII vv.) (Tools and practice of small weighing in Old Rus (IX–XIII centuries)).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zelentsova, O. V., Milovanov, S. I. 2015. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi: arkheologiia, istoriia, kul'tura (Towns and Villages of Medieval Russia: Archaeology, History, Culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 122–134 (in Russian).

Zelentsova, O. V., Milovanov, S. I. 2021. In Zelentsova, O. V. (ed.). *Finno-ugorskie drevnosti vtoroy poloviny I – nachala II tysyacheletiya n.e. Materialy nauchnogo seminara «Podbolot'evskiy mogil'nik: 100 let issledovaniy» (Finno-Ugric Antiquities of the Second Half of the I – Beginning of the II Millennium AD. Materials of the Scientific Seminar "The Podbolotyevsky Burial Ground: 100 Years of Research").* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 12–29 (in Russian).

Zelentsova, O. V., Saprykina, I. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 220–240 (in Russian).

Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Leont'ev, A. E., Saprykina, I. A. 2022. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 266, 217–236 (in Russian).

Smirnov, A. P. (ed.). 1969. *Material'naia kul'tura sredne-tsninskoi mordvy VIII–XI vv. (po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927–1928 gody) (Material Culture of the Mordva People of the Middle Tsna Area: Based on the Materials from P. P. Ivanov's Excavations in 1927–1928)*. Series: Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers) III. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 146–165 (in Russian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 336–344 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2018. *Rusenikhinskiy mogil'nik (Rusenikha burial ground)* In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3 (in Russian).

Pushkina, T. A. 2010. In *Arheologija un etnografija*. Laid 24, 147–153 (in Russian).

Rumyantseva, O. S. 2005. In Voronina, R. F., Zelentsova, O. V., Engovatova, A. V. *Nikitinskiy mogil'nik. Publikatsiya materialov 1977-78 gg. (Nikitino burial ground. Publication of materials 1977-78).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 127–140 (in Russian).

Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo Drevney Rusi (Craft of Ancient Rus).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Savel'eva, E. A. 2023. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 59 (1) 89–97 (in Russian).

Saprykina, I. A. 2010. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 6. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 11–18 (in Russian).

Saprykina, I. A. 2014. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 236, 230–234 (in Russian).

Sarycheva, T. G. 2005. In Voronina, R. F., Zelentsova, O. V., Engovatova, A. V. *Nikitinskiy mogil'nik. Publikatsiya materialov 1977-78 gg. (Nikitino burial ground. Publication of materials 1977-78).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 103–122 (in Russian).

Seleznev, F. Ya. 1926. In Ivanova, A. I. (ed.). *Materialy po izucheniyu Vladimirskoy gubernii (Materials on the study of the Vladimir Governorate).* Vladimir: "Prizyv" Publ., 21–49 (in Russian).

Tavlintseva, E. Yu. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology).* Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 109–115 (in Russian).

Tukhtina, N. V. 1997. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Burial Rite)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 93. Moscow: State Historical Museum, 109–121 (in Russian).

Utkin, A. V., Chernikov, V. F. 1992. In Utkin, A. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Volgo-Klyaz'minskogo mezhdurech'ya (Archaeological sites of the Volga-Klyazma interfluve).* Ivanovo: Department of Culture of the Regional Executive Committee, 13–27 (in Russian).

About the Author:

Zelentsova Olga V., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; olgazelentsova2010@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.326.335

СТЕПЬ И ВОЛГО-КАМСКИЕ ФИННЫ И УГРЫ: ПРОБЛЕМА КОНТАКТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э. В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЯСНЫХ НАБОРОВ)

©2024 г. В.А. Иванов

Опираясь на результаты исследований Т.Б. Никитиной и Н.Б. Крыласовой по типологии и хронологии поясной гарнитуры из могильников VIII–XIII вв. Вятско-Ветлужского междуречья (древние марийцы) и Среднего Прикамья (финно-пермяки, носители родановской археологической культуры), автор статьи приводит сравнительно-географическую статистику распространения в регионе целых поясных наборов, состоящих из пряжки, накладок и наконечника. Полученные результаты показывают, что в VIII–IX вв. целые пояса концентрируются в основном в могильниках древних угров-венгров Прикамья и Южного Предуралья, по частоте встречаемости значительно превосходя могильники марийцев и мордвы. Вероятно, именно вследствие миграции венгров из Предуралья пояса и их детали могли отложиться и в могильниках древней мордвы. В X–XI вв. «статистическое лидерство» в использовании целых поясов переходит к поволжским финнам – марийцам. У угров Южного Предуралья пояса не встречаются вообще, а у кочевников-печенегов – единицами. Менее частое распространение этих изделий у прикамских финно-пермяков – носителей родановской культуры – при наличии у них собственного производства, вероятно, объясняется влиянием ислама, центром распространения которого в Прикамье был болгарский город-форпост Афкула.

Ключевые слова: археология, угры, финны, кочевники, пояс, поясная гарнитура.

STEPPE AND THE VOLGA-KAMA FINNS AND UGRIANS: ISSUES OF CONTACTS IN THE SECOND HALF OF THE I MILLENNIUM AD IN ARCHAEOLOGICAL INTERPRETATION (USING THE EXAMPLE OF BELT SETS)

V.A. Ivanov

Based on the results of research by T.B. Nikitina and N.B. Krylasova on the typology and chronology of the belt set from burial grounds of the VIII–XIII centuries in the Vyatka-Vetluga interfluve (ancient Mari people) and the Middle Kama region (Finno-Permyaks, bearers of the Rodan archaeological culture), the author of the article provides comparative geographical statistics of the distribution in the region of intact belt sets, consisting of a buckle, mounts and belt-end. The results obtained show that in the VIII–IX centuries intact belts are concentrated mainly in the burial grounds of the ancient Ugrians-Hungarians of the Kama region and the Southern Ural, significantly exceeding the burial grounds of the Mari and Mordvins in frequency of occurrence. Probably, due to the migration of the Hungarians from the Cis-Urals the belts and their details could have been deposited in the burial grounds of the ancient Mordvins. In the X–XI centuries "statistical leadership" in the use of intact belts goes to the Volga Finns – the Mari. Among the Ugrians of the Southern Cis-Urals belts are not found at all, and among the nomadic Pechenegs – just a few. The less frequent distribution of these items among the Kama Finno-Permyaks – bearers of the Rodanovo culture – even if they had their own production, is probably explained by the influence of Islam, the center of which spread in the Kama region was the Bolgar outpost town of Afkula.

Keywords: archaeology, the Ugrians, the Finns, nomads, belt, belt set.

Проблема культурных контактов волжских финнов, болгар, прикамских пермяков и угров в эпоху раннего Средневековья как между собой, так и с населением других территорий для археологии Волго-Камья и Предуралья не нова. Во всех исследованиях, обобщающих и конкретно эмпирических, вопрос этот постоянно ставится и в той или иной степени решается. Другое дело, что решается он в основном в контексте широтных культурных контактов поволжских финнов (древних мари и мордвы), прикамских пермяков (удмуртов) и угров

с Древней Русью и Скандинавскими областями. Что, впрочем, относится в основном к периоду X–XIII вв., когда этнополитическая ситуация в степях Восточной Европы существенно изменилась. Степи были захвачены печенегами, огузами, а затем и половцами/кипчаками, так что прямые контакты между населением лесного Волго-Камья и южными торгово-ремесленными центрами становятся проблемными. Сами кочевники импортерами ценных предметов не могли являться a priori. В свое время Н.Б. Крыласовой и автором этих строк на примере костюмного убранства была высказана точка зрения о том, что кочевая степь не являлась источником культурного импульса в материальную культуру населения лесного Урало-Поволжья (Иванов, Крыласова, 2006). Да и Камский торговый путь, судя по ассортименту и распространенности соответствующих находок – главным образом украшений и поясной гарнитуры, начинает в это время функционировать в основном тоже в широтном направлении (Русь, Прибалтика, Верхнее Поволжье, Зауралье и Западная Сибирь) (Белавин, 2000, с. 144–182).

Но с другой стороны, было высказано мнение и о том, что именно в X в. возрастает, по сравнению с предшествующим временем, товарообмен между странами ислама и европейским миром. Главным транзитным пунктом этого обмена становится молодое государство Волжская Булгария (Кирпичников, 2001, с. 27; Петрухин, с. 158–159).

По мере увеличения источниковой базы по материальной культуре народов Волго-Камья и Предуралья в начале – первой половине II тыс. н. э. значение Волжской Булгарии как генератора культурных импульсов (ареалообразующего фактора) для народов региона в оценке исследователей становится доминирующей (Белавин, 2000, с. 104–106; Крыласова, 2001, с. 208; Никитина, 2002, с. 149–151; Никитина, 2023, р. 174–175; Иванова, 2022, с. 664–666). Вместе с тем появились и факты, свидетельствующие о появлении у лесных племен региона собственного ювелирного производства, основанного на традициях болгарской ювелирной школы (Иванов А.Г., 2001; Никитина, 2002, с. 140–146; Никитин, Никитина, 2004, с. 59–60; Крыласова и др., 2019; Белавин, Крыласова, 2022, с. 710).

Если объектом предлагаемого исследования являются культурные контакты кочевой степи и оседлого населения лесного Волго-Камья и Предуралья в период конца I – начала II тыс. н. э., то в качестве предмета я позволил себе вновь обратиться к поясной гарнитуре как наиболее броской для визуального восприятия категории материальной культуры. Именно эта броскость объективно создает у нас впечатление о поясах как об одном из характерных элементов культуры как кочевых, так и оседлых племен Волго-Уральского региона в эпоху Средневековья. То есть в действие вступает стереотип, который по своему характеру «может быть не совсем ложным, но он часто преувеличивает одни особенности реальности и опускает другие…, ему по определению не хватает нюансов, поскольку одна и та же модель применяется к культурным ситуациям, которые значительно отличаются друг от друга» (Берк, 2023, с. 231).

Соответственно, задачами предлагаемой работы я вижу, во-первых, «поставить точку над i» в вопросе о роли степи в формировании комплекса материальной культуры оседлого лесного населения Волго-Камья и Предуралья в эпоху Средневековья[1].

Во-вторых, показать, насколько велика была роль пояса в материальной (а в известной степени – и духовной) культуре финского, пермского, угорского (пермско-угорского) населения региона. Показать, исходя из реально существующих сейчас археологических данных.

Вообще, если обратиться к содержанию только что вышедшего фундаментального коллективного труда «Археология Волго-Уралья. В 7 т.» (том 5), то складывается устойчивое впечатление о том, что в восприятии современных исследователей пояса не являлись какой-то выдающейся категорией материальной культуры средневекового населения региона. Авторы соответствующих разделов их только упоминают в контексте «пояса были», не приводя никаких данных ни об удельном весе поясов в материальной культуре рассматриваемых групп населения региона, ни об их семиотике. Исключением является только раздел, посвященный археологии памятников X–XIII вв. в Среднем Предуралье (родановская культура), авторы которого указывают, что коллекция поясной гарнитуры на родановских памятниках довольно представительна и насчитывает более 400 экз. (Белавин, Крыласова, 2022, с. 736). И это

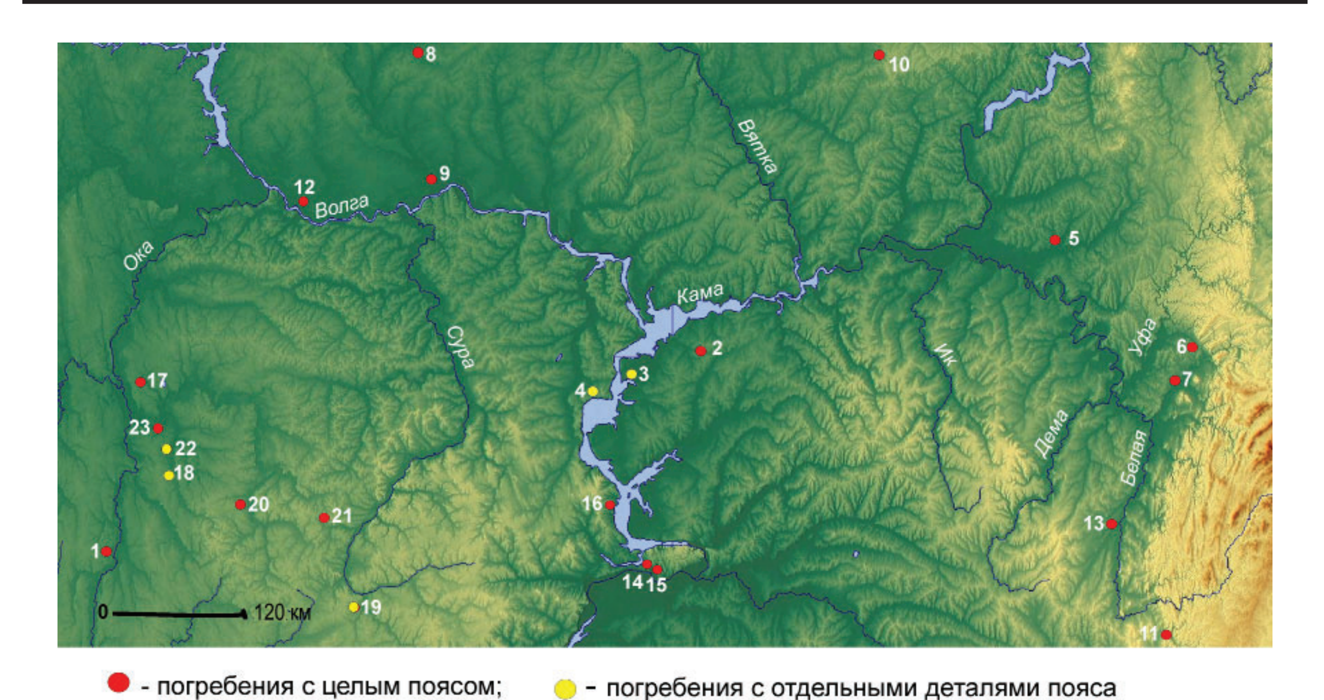

Рис. 1. Распространение полных поясов VIII–IX вв. в Волго-Уралье. Могильники: 1 – Крюково-Кужновский; 2 – Больше-Тиганский; 3 – Танкеевский; 4 – Больше-Тарханский; 5 – Манякский; 6 – Лагеревский; 7 – Каранаевский; 8 – Веселовский; 9 – Выжумский; 10 – Варнинский; 11 – Ямаши-Тау; 12 – Безводнинский; 13 – Стерлитамакский; 14 – Брусяны; 15 – Малая Рязань; 16 – Шиловский; 17 – Журавский II; 18 – Старо-Бадиковский; 19 – Армиевский; 20 – Красный Восток; 21 – Елизавет-Михайловский; 22 – Подболотьевский; 23 – Пановский.

Fig. 1. Spread of intact belts in the VIII–IX centuries in the Volga-Ural region. Burial grounds: 1 – Kryukovo-Kuzhnovo; 2 – Bolshiye Tigany; 3 – Tankeyevka; 4 – Bolshiye Tarkhany; 5 – Manyak; 6 – Lagerevka; 7 – Karanaevo; 8 – Veselovo; 9 – Vyzhum; 10 – Varninsky; 11 – Yamashi-Tau; 12 – Bezvodninsky; 13 – Sterlitamak; 14 – Brusyany; 15 – Malaya Ryazan; 16 – Shilovka; 17 – Zhuravka II; 18 – Staro-Badikovo 19 – Armyevo; 20 – Krasny Vostok; 21 – Elizavet-Mikhailovka; 22 – Podbolotye; 23 – Panovka.

сразу же побуждает обратиться к вопросу о том, что такое «пояс» в контексте археологического источниковедения? Вопрос отнюдь не праздный, поскольку касается наших представлений и реконструкций аспектов социальной и духовной истории древнего населения. В подтверждение своей мысли обращу внимание коллег на то обстоятельство, что простой кожаный ремень, завязанный узлом, или шерстяной кушак на чреслах – это тоже пояс. Не говоря уже о поясах, снабженных одной пряжкой и наконечником или украшенных 2–3 накладками.

В контексте предлагаемой работы я предлагаю считать «поясными» (то есть содержащими целый пояс) только такие погребальные комплексы, в которых наборные пояса либо *найдены in situ*, либо убедительно *реконструируются по количеству элементов* поясной гарнитуры. Все остальные комплексы, содержащие детали поясной гарнитуры[2], так и номинировать – *отдельные детали пояса*.

Начиная со второй половины I тыс. н. э. поясная гарнитура[3] становится органичной частью материальной культуры населения Волго-Уралья. И одни из ведущих исследователей региона – А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова – выдвинули концепцию о тесных торговых и, возможно даже, этнокультурных контактах племен лесного Прикамья с Хазарским каганатом (носителями салтово-маяцкой культуры) (Белавин, Крыласова, 2022а). Концепция небесспорная, являющаяся альтернативой другой (тоже небесспорной) концепции, согласно которой Прикамье (неволинская культура) в VIII–IX вв. являлось центром производства и распространения[4] поясной гарнитуры т. н. тюркских типов (Голдина, 2012, с. 222).

Относительно салтово-маяцкого (хазарского) влияния на формирование комплекса материальной культуры прикамско-предуральского населения мы уже имели возможность высказаться – оно было незначительным[5]

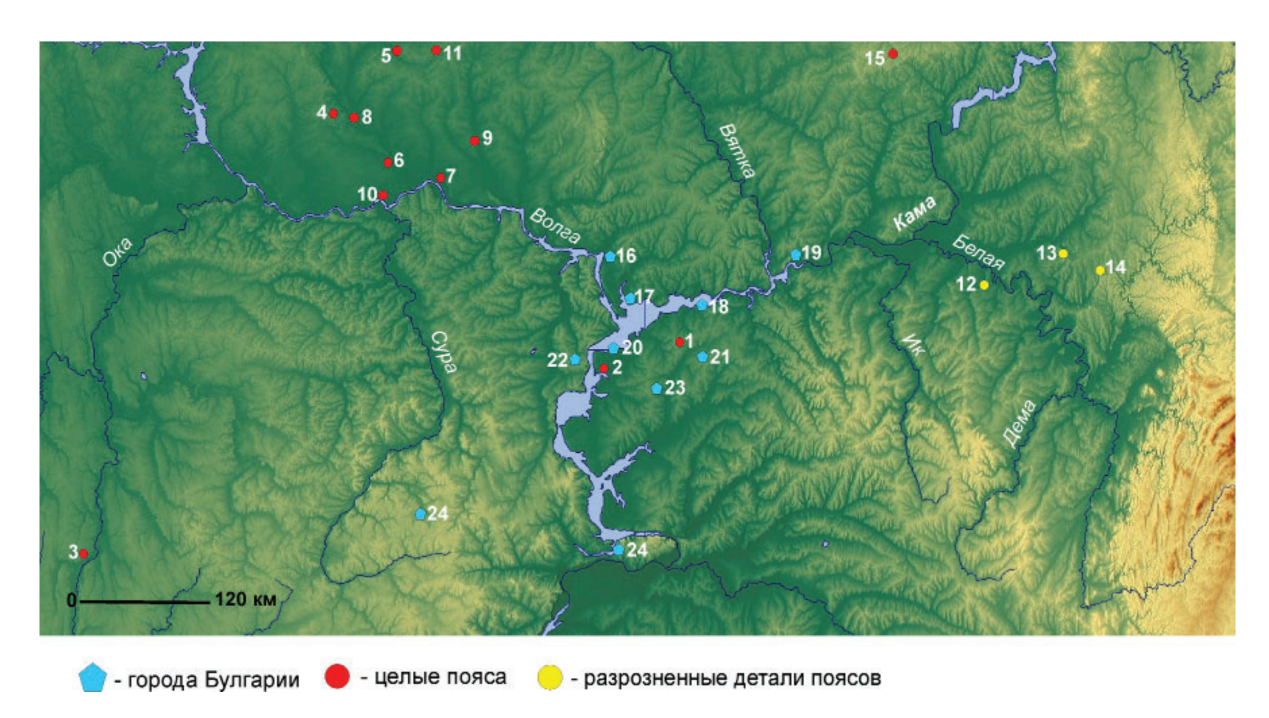

Рис. 2. Распространение полных поясов X–XI вв. в Поволжье и Южном Предуралье.
Могильники: 1 – Больше-Тиганский; 2 – Танкеевский; 3 – Крюково-Кужновский; 4 – Русенихинский; 5 – Веселовский; 6 – Выжумский; 7 – Дубовский; 8 – Затон Михеева; 9 – Красногорский; 10 – Нижняя стрелка; 11 – «Черемисские кладбище»; 12 – Жититамакский; 13 – Бакалинский; 14 – Муракаевский; 15 – Варнинский; 16 – Казань; 17 – Кашан; 18 – Джукетау; 19 – Алабуга; 20 – Булгар (Бряхимов); 21 – Биляр-Великий город; 22 – Ошель; 23 – Сувар; 24 – Муромский городок; 24 – Юловское (Буртас).
Fig. 2. Spread of intacts belts in the X–XI centuries in the Volga region and the Southern Ural.
Burial grounds: 1 – Bolshiye-Tigany; 2 – Tankeyevka; 3 – Kryukovo-Kuzhnovo; 4 – Rusenikha; 5 – Veselovo; 6 – Vyzhum; 7 – Dubovsky; 8 – Zaton Mikheeva; 9 – Krasnogorsk; 10 – Nizhnyaya Strelka; 11 – “Cheremiskoye Kladbishche”; 12 – Zhititamak; 13 – Bakaly; 14 – Murakaevo; 15 – Varninsky; 16 – Kazan; 17 – Kashan; 18 – Dzhuketau; 19 – Alabuga; 20 – Bulgar (Bryakhimov); 21 – Bilyar–Great City; 22 – Oshel; 23 – Suvar; 24 – Muromskiy Gorodok; 24 – Yulovo (Burtas).

(Иванов, Чичко, 2016). Что касается поясной гарнитуры второй половины – конца I тыс. н. э., т. н. «геральдических», аварских, тюркских, венгерских и византийского типа поясов (рис. 4: А), то в Волго-Урале в виде целого пояса они спорадически разбросаны в памятниках лесостепной зоны региона (рис. 1). Удельный вес их в комплексах VII–IX вв. невелик: ранние болгары (праболгары)[6] – 2,7% от 217 погр.; древняя мордва (Крюково-Кужновский, Журавкинский II, Старо-Бадиковский, Елизавет-Михайловский, Пановский и др. могильники) – 0,6% (1000 погр.); в погребениях ранних *волго-камских болгар не встречаются*; марийцы (Безводнинский, Веселовский, Выжумский могильники – всего 246 погр.) – 3,6%.

Однако по мере приближения к Уралу частота встречаемости поясов в погребениях заметно увеличивается. И этому есть вполне логичное, в контексте археологических источников, объяснение. А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова и автор этих строк потратили немало сил и времени для того, чтобы развить и обосновать концепцию пребывания угров-мадьяр в Предуралье в I – начале II тыс. н. э., выдвинутую ещё в 1970-е годы А.Х. и Е.А. Халиковыми (Белавин и др., 2009; Белавин и др., 2015). В настоящее время мало кто из исследователей оспаривает эту концепцию.

Для угров Прикамья и Южного Предуралья – носителей неволинской, ломоватовской поломской и караякуповской культур – поясная гарнитура является органичной частью их материальной культуры. И в виде целых поясов она обнаружена: поломская культура (могильники Мыдлань-Шай, Варнинский – 384 погр.) – 10%; ломоватовская (Каневский, Редикорский, Баяновский, Огурдинский, Рождественский и др. могильники – 589 погр.) – 10,7%; неволинская (Бродовский, Верх-Саинский, Неволинский мог. – 195 погр.) – 21%; караякуповская (Больше-Тиган-

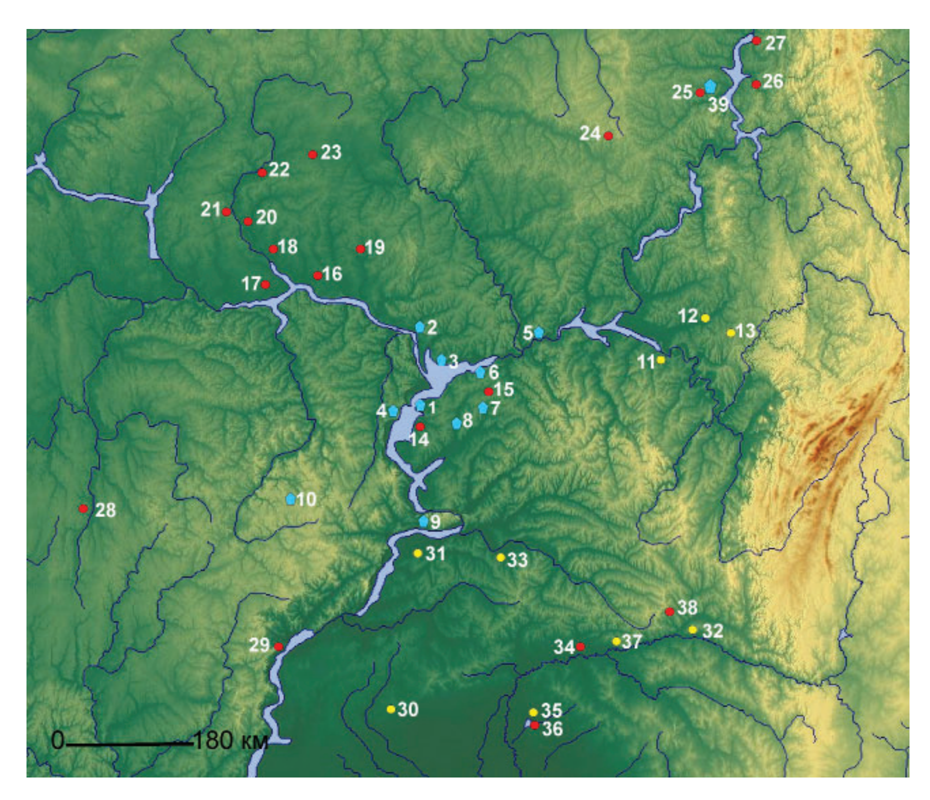

Рис. 3. Распространение полных поясов X–XI вв. в Волго-Камье и степном Предуралье (условные обозначения как на рис. 1 и 2). 1 – Булгар; 2 – Казань; 3 – Кашан; 4 – Ошель; 5 – Алабуга; 6 – Джукетау; 7 – Биляр; 8 – Сувар; 9 – Муромский городок; 10 – Юловское (Буртас); 11 – Жититамакский; 12 – Бакалинский; 13 – Муракаевский; 14 – Танкеевский; 15 – Больше-Тарханский; 16 – Дубовский; 17 – Нижняя Стрелка; 18 – Выжумский; 19 – Красногорский; 20 – Затон Михеева; 21 – Русинихинский; 22 – Веселовский; 23 – «Черемисское кладбище»; 24 – Варнинский; 25 – Рождественский; 26 – Баяновский; 27 – Огурдинский; 28 – Крюково-Кужновский; **Печенежские памятники**: 29 – Саратов; 30 – Новоузенский; 31 – Александровский; 32 – Алебастровая гора; 33 – Покровский; 34 – Рубежинский; 35 – Челкар; 36 – Челкар III; 37 – Увак; 38 – Буранный; 39 – город Афкула.

Fig. 3. Spread of intact belts in the X–XI centuries in the Volga-Kama and steppe Cis-Urals (symbols as in fig. 1 and 2). 1 – Bulgar; 2 – Kazan; 3 – Kashan; 4 – Oshel; 5 – Alabuga; 6 – Dzhuketau; 7 – Bilyar; 8 – Suvar; 9 – Muromskiy Gorodok; 10 – Yulovo (Burtas); 11 – Zhititamak; 12 – Bakaly – Murakaevo; 14 – Tankeyevka; 15 – Bolshiye Tarkhany; 16 – Dubovsky; 17 – Nizhnyaya Strelka; 18 – Vyzhum; 19 – Krasnogorsk; 20 – Zaton Mikheeva; 21 – Rusinikha; 22 – Veselovsky; 23 – “Cheremiskoye Kladbishche”; 24 – Varninsky; 25 – Rozhdestvensk; 26 – Bayanovo; 27 – Ogurdino; 28 – Kryukovo-Kuzhnovo; The **Pecheneg sites**: 29 – Saratov; 30 – Novouzen; 31 – Alexandrovsky; 32 – Alabastrovaya Gora; 33 – Pokrovsky; 34 – Rubezhinsky; 35 – Chelkar; 36 – Chelkar III; 37 – Uvak; 38 – Buranny; 39 – Afkula.

ский, Стерлитамакский, Лагеревский, Каранаевский и др. могильники – 125 погр.) – 9,8%.

Одним словом, культура угров-мадьяр – это культура (в том числе) и наборных поясов. И в данном контексте вполне конструктивной представляется точка зрения Р.Д. Голдиной, считающей (правда, на примере другого материала – кладов сасанидских изделий и монет), что истоком «дальнего импорта» в Предуралье[7] являлась Средняя Азия (Голдина, 2012а).

В X–XIII вв. картина распространения поясов в Волго-Уралье существенным образом меняется. На это, безусловно, повлияла общая этнокультурная, этнополитическая и вообще социально-экономическая ситуация в регионе: образование Волжской Болгарии с её городскими торгово-ремесленными центрами, торговая экспансия болгар на север в Прикамье и запад в Верхнее Поволжье при отсутствии таковой на восток в Южное Предуралье и на юг в степь. Судя по археологическим данным, кочевники восточноевропейской степи – печенеги и огузы – на культуру населения лесостепной и тем более лесной зон Волго-Уралья **никак не влияли** (рис. 2 и 3) (Иванов, 2022, с. 118–122).

Полностью отсутствуют целые пояса и в немногочисленных комплексах угров Южно-

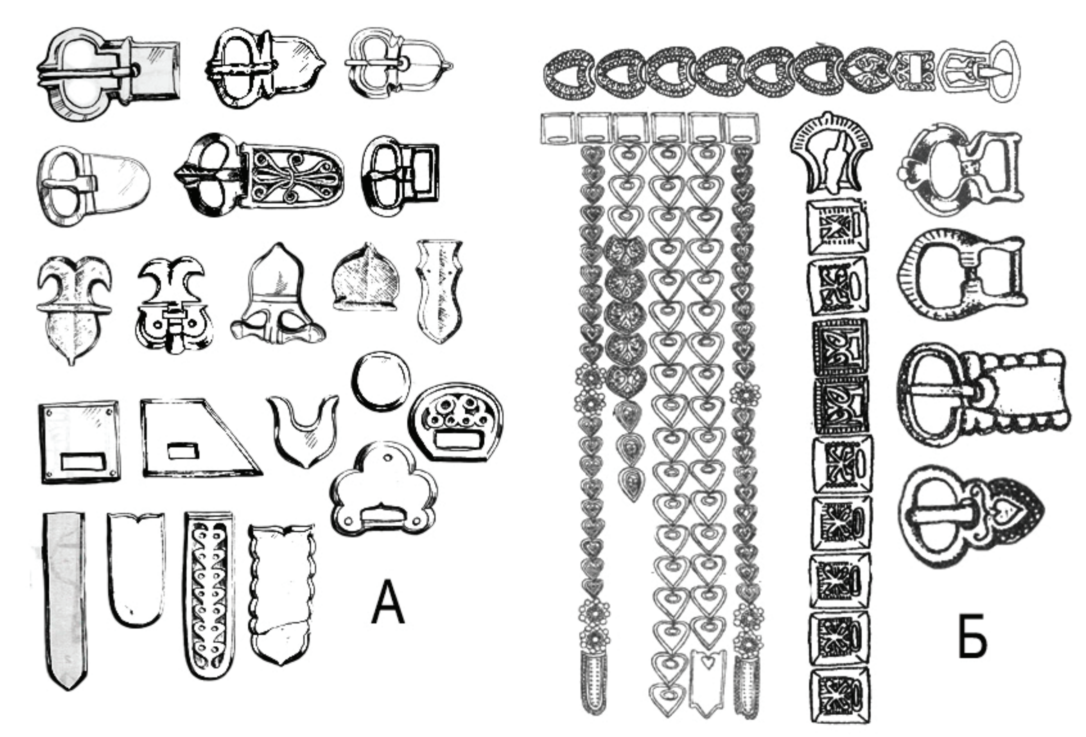

Рис. 4. Гарнитура поясов VIII–IX (А) и X–XI
(Б – по А.М. Белавину, Н.Б. Крыласовой, Т.Б. Никитиной) веков Волго-Уралья.
Fig. 4. Belt sets of the VIII–IX (A) and X–XI
(B – according to A.M. Belavin, N.B. Krylasova, T.B. Nikitina) centuries of the Volga-Ural region.

го Предуралья, представленных памятниками петрогромско-чияликского типа (рис. 2). Своеобразным остаточным проявлением угорской традиции помещения в могилу целого пояса выступает женское погребение № 65 Больше-Тиганского могильника, датированное саманидским дирхемом 900 г. н. э. (Халиков, 1984, с. 127–128).

То есть основные ареалы распространения целых поясов в погребальных комплексах устойчиво формируются в Ветлужско-Вятском (марийцы) и среднекамском (финно-пермяки, носители родановской культуры) районах (рис. 2 и 3). Причиной этого, на мой взгляд, является не только ареалообразующая роль волжско-болгарского ювелирного ремесла, но и становление собственного аналогичного производства у лесного волго-камского населения – ювелирная мастерская на Родановом (Плотниковском) городище (Крыласова и др., 2019) (рис. 4: Б).

Имеются археологические свидетельства о занятии ювелирным литьем марийских женщин X–XI вв. (Никитина, Ефремова, 2011; 2012). Правда, данных о том, что они занимались производством поясной гарнитуры, мы не имеем, поэтому пока считаю более конструктивным придерживаться традиционной точки зрения о Волжской Болгарии как импортере поясной гарнитуры для обитателей Волго-Камских лесов (Белавин, 2000, с. 104–110; Акилбаев, 2016).

В марийских могильниках X–XIII вв.: Веселовский, «Черемисское кладбище», Юмский, Нижняя стрелка, Дубовский, Русинихинский, Выжумский, Затон Михеева, Красногорский (рис. 2 и 3) (в общей сложности 256 погребений[8]) – целые пояса найдены в 30% погребений.

Статистика целых поясов в могильниках родановской культуры дает следующие результаты: Огурдинский (231 погр.), Рождественский (440 погр.) и Баяновский (538 погр.) могильники[9] – всего 1209 погребений рассматриваемого времени. **Целые пояса** найдены в общей сложности в 12% погребений.

Из сказанного вытекают следующие **выводы**:

В VIII–XIII вв. н. э. влияние кочевой Степи на сложение комплекса поясной гарнитуры волжских финнов и прикамских финно-пермяков не прослеживается;

В конце I тыс. н. э. – в период угорско-венгерской этнокультурной доминанты в Прикамье и Предуралье – целые пояса «тюрк-

ского», «венгерского» и салтово-маяцкого («хазарского») типов в могильниках поломской, ломоватовской, неволинской и караякуповской культур Прикамья и Предуралья встречаются в среднем в 12,8% погребений. Против таких же, средних 2,3% в марийских и мордовских могильниках Поволжья. Причем, по данным О.В. Зеленцовой, поясная гарнитура указанных типов в том или ином виде присутствует в 42% всех древнемордовских мужских погребениях VIII–IX вв. (главным образом в Крюково-Кужновском могильнике) (Зеленцова, 2018). С учетом географии этих погребений (рис. 1) и общей этнополитической ситуации в Восточноевропейском степном пограничье – миграция венгров в поисках «новой Родины» – можно допустить, что подобная гарнитура к мордве попадала именно от них;

В X–XI вв. и позже наборные пояса абсолютно не встречаются в погребениях угров Южного Предуралья и единичными случаями встречаются в погребениях печенегов Волго-Уральских степей. Но в это время уже развивается торгово-ремесленная культура городов Волжской Болгарии, которая и становится источником (а другое предположить сложно) образцов поясной гарнитуры для марийцев Вятско-Ведлужского междуречья и финно-пермяков Прикамья[10] (рис. 2 и 3);

Статистика распространения целых поясов в могильниках лесных племен региона в указанный период с большей степенью вероятности указывает на их не этническую, а социальную семиотику. Исходя из этого, свое логическое объяснение получает и заметная разница в частоте встречаемости целых поясов в погребениях марийцев Вятско-Ветлужского междуречья и финно-пермяков Прикамья. По моему мнению, здесь могло сказаться влияние ислама с его ортодоксальными ограничениями на культуру и мировоззрение финно-пермского населения округи болгарского города-форпоста Афкула (Рождественское городище) при отсутствии такового у марийцев.

Примечания:

[1] Прекрасно осознаю риск прослыть самонадеянным, но – тем не менее.

[2] Естественно, имеются в виду непотревоженные погребения.

[3] Одна из групп предметов дальнего импорта – по Е.В. и Р.Д. Голдиным (Голдины, 2010).

[4] В том числе и в Хазарию.

[5] Тем более, что применительно к поясной гарнитуре, названные исследователи к «салтовским» относят так же и гарнитуру т.н. «геральдического» и «тюркского» типов (Белавин, Крыласова, 2022а, с. 74, рис. 1).

[6] Т.н. памятники новинковского типа (Багаутдинов и др., 1998).

[7] Наборные пояса «геральдического» и «тюркского» типов из той же категории.

[8] Данные взяты из: Никитина, 2012; 2018; 2023.

[9] Данные по Рождественскому и Баяновскому могильникам получены мною от Н.Б.Крыласовой (см. статью в настоящем номере) и А.В.Данича – основного исследователя Баяновского могильника. За что приношу им свою благодарность. В качестве примера присутствия в Баяновском могильнике поясных наборов интересующего нас контекста можно привести два погребения (№№ 242 и 279), опубликованные А.В.Даничем (Данич, 2016).

[10] В том числе и для их собственного производства.

ЛИТЕРАТУРА

Акилбаев А.В. Вятско-Ветлужское междуречье в системе влияния Волжской Булгарии // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 275–277.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Полдень XXII век, 1998. 286 с.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: ИПК БГПУ «Вагант», 2009. 285 с.

Белавин А., Данич А., Иванов В. Древние мадьяры в Предуралье // Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь: Зебра, 2015. С. 102–128.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Памятники Среднего Предуралья X-XIII вв. // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология

Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. ред А.Г.Ситдикова, отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 685–718.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Взаимодействие населения Предуралья и носителей салтово-маяцкой археологической культуры // "Hadak Útján" a népvándorláskor fiatal kutatòinak XXIX. Konferenciája Budapest, 2019. november 15-16. / 29th Conference of Young Scholars on the Migration Period Budapest, November 15-16, 2019/ Föszerkesztö Türk Attila. Budapest: Martin Opitz Kiado, 2022a. P. 73-84.

Берк П. Взгляд историка: как фотография и изображения создают историю / пер. с анг. А. Воскобойниковой. М.: Эксмо, 2023. 368 с.

Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 203–285.

Голдина Р.Д. Истоки «дальнего импорта» в Приуралье // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012а. Вып. 2 (10). С. 108–119.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.) / МИКВАЭ. Т. 6 Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2010. С. 156–195.

Данич А.В. Исследования Баяновского могильника // Труды КАЭЭ. Вып. XI / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2016. С. 36–43.

Зеленцова О.В. Поясные наборы «венгерского» облика из могильников поволжских финнов Правобережья Волги // III-й Международный Мадьярский симпозиум. Будапешт, 6-10 июня 2016 г. / 3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti és Régészeti Konferencia. Budapest, 2016. június 6-10. Редакторы / Szerkesztök Türk Attila, А.С. Зеленков. Budapest: Martin Opitz Kiadò, 2018. С. 270–301.

Иванов А.Г. Погребения «ремесленников» по материалам средневековых могильников Чепецкого поречья // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.) / Отв. ред. В.И.Завьялов. Ижевск: УНИЯЛ, 2001.С. 169–183.

Иванов В.А. Этнокультурное развитие Западного Поволжья в Х-Х вв. Степь // Пензенский археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2022. С. 116–133.

Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2006. 162 с.

Иванов В.А., Чичко Т.В. Хазарский импульс в материальной культуре населения Предуралья второй половины I тыс. н.э. // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти С.А. Плетневой. / Отв. ред. И.Л. Кызласов М.: Авторская книга, 2016.. С. 210–222.

Иванова М.Г. Памятники бассейна р. Чепца // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. ред А.Г.Ситдикова, отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 650–667.

Кирпичников А. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь: материалы Круглого стола и Международного научного семинара / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 9–35.

Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.

Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А., Сарапулов А.Н. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища в 2018 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 1 (44). С. 56–72.

Никитин В.В. Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Никитина Т.Б. Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX-XI вв. / Tatyjana Bagisevna Nyikitina. Veretes övek a Vetluga-Vjatka-folyòköz 9-11. századi régészeti hagyatékában. / Magyar fordítás és szerkesztés Turk Attila – Jancsik Balázs. Budapest, 2023. 227 p.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Захоронения с орудиями литья («литейщиц») в марийских могильниках IX-XI вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2 / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.–М.–Великий Новгород: ИА РАН, 2011. С. 77–79.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Женщины-«литейщицы» из марийских захоронений X-XI вв. как носители этнической традиции // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т., 2012. С. 336–344.

Петрухин В. Русь, Хазария и водные пути Восточной Европы // Великий Волжский путь: материалы Круглого стола и Международного научного семинара / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 153–163.

Халиков А.Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А.И. Мартынов, И. Эрдели. Кемерово: Кемеров гос. ун-т, 1984. С. 122–133.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

REFERENCES

Akilbaev, A. V. 2016. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniiu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie) (Archaeological Heritage of the Urals: from Original Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (20th Urals Archaeological Congress))*. Izhevsk: Institute of Computer Research, 275–277 (in Russian).

Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1998. *Prabolgary na Sredney Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya) (The pra-Bolgars on the Middle Volga (at the origins of the history of the Volga-Kama Tatars)).* Samara: “Polden' XXII vek” Publ. (in Russian).

Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh I etnokul'turnykh sviaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: “Vagant” Publ. (in Russian).

Belavin, A., Danich, A., Ivanov, V. 2015. In Fodor, I. *Vengry: drevniaia istoriia i obretenie rodiny* (*The Hungarians: Ancient History and the Conquest of the Homeland*). Perm: “Zebra” Publ., 101−128 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. In 2022. Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 685–718 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2022a. In Türk Attila (ed.). “Hadak Útján” a népvándorláskor fiatal kutatòinak XXIX. Konferenciája Budapest, 2019. november 15-16. 29th Conference of Young Scholars on the Migration Period Budapest, November 15-16, 2019. Budapest: Martin Opitz Kiado, 73–84 (in Russian).

Burke, P. 2023. *Vzglyad istorika: kak fotografiya i izobrazheniya sozdayut istoriyu (The historian's view: how photography and images create history).* Moscow: “Eksmo” Publ. (in Russian).

Goldina, R. D. 2012. In Goldina, R. D. (ed.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 203–285 (in Russian).

Goldina, R. D. 2012. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 10 (2), 108–119 (in Russian).

Goldina, E. V., Goldina, R. D. 2010 In Goldina, E. V. *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 6. Izhevsk: Udmurt State University, 156–195 (in Russian).

Danich, A. V. 2016. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* XI. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 36–43 (in Russian).

Zelentsova, O. V. 2018. In Turk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6-10, 2016)).* Budapesht: Martin Opitz Kiadò, 270–301 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2001. In Zav'ialov, V. I. (ed.). *Drevnie remeslenniki Priural'ia (Ancient Craftsmen of the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 169–183 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2022. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 5. Penza: "PIRO" Publ., 116–133 (in Russian).

Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2006. *Vzaimodeistvie lesa i stepi Uralo-Povolzh'ia v epokhu srednevekov'ia (po materialam kostiuma)) (Interaction of the Forest and Steppe of the Ural–Volga Region in the Middle Ages (Based on Costume Materials)).* Perm: Perm State Technical University (in Russian).

Ivanov, V. A., Chichko, T. V. 2016. In Kyzlasov, I. L. (ed.). *Stepi Vostochnoi Evropy v srednie veka. Sbornik pamiati S.A. Pletnevoi (Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Collection dedicated to the Memory of S.A. Pletneva).* Moscow: "Avtorskaia kniga" Publ., 210–222 (in Russian).

Ivanova, M. G. In 2022. Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 650–667 (in Russian).

Kirpichnikov, A. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Velikii Volzhskii put' (Great Volga Way)* II. Kazan: "Master-Line" Publ., 9–35 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiuma. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm' Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A., Sarapulov, A. N. 2019. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series).* 44 (1), 56–72 (in Russian).

Nikitin, V. V. Nikitina, T. B. 2004. *K istokam mariiskogo iskusstva (To the Origins of the Mari Art)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Nikitina, T. B. 2023. *Poyasnye nabory naseleniya Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya IX-XI vv. (Belt sets of the population of the Vetluga-Vyatka interfluve of the IX–XI centuries).* Budapest (in Russian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). T*rudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod – Staraia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod – Staraya Russa)* 2. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 77–79 (in Russian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 336–344 (in Russian).

Petrukhin, V. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Velikii Volzhskii put' (Great Volga Way)* II. Kazan: "Master-Line" Publ., 153–163 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1984. In Martynov, A. I. (ed.). *Problemy arkheologii stepei Evrazii. Sovetsko-vengerskiy sbornik (Issues of the Archaeology of the Eurasian Steppes. Soviet-Hungarian collected papers).* Kemerovo: Kemerevo State University, 122–133 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; .ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.336.352

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ НАБОРНЫХ ПОЯСОВ IX–XI ВВ. ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ[1]

© 2024 г. Н.Б. Крыласова

К юбилею известного российского археолога Т.Б.Никитиной в статье оценивается ее вклад в изучение средневековых наборных поясов. Могильники Ветлужско-Вятского междуречья отличаются уникальной сохранностью поясов, что позволило не только всесторонне изучить отдельные элементы наборных поясов, но и проследить их состав, конструкцию и особенности ношения. По материалам Рождественского могильника в Пермском крае предпринята апробация классификации поясов, разработанной Т.Б. Никитиной. Как показали результаты исследования, классификация вполне универсальна и применима для анализа поясов различных территорий. На Рождественском могильнике выделены пояса в один и полтора оборота. Некоторые по составу абсолютно идентичны встреченным в Ветлужско-Вятском междуречье, и можно предполагать, что они поставлялись из одного центра. Есть пояса в целом схожие, но имеющие в своем составе, к примеру, не один, а два основных типа накладок, а есть местные пояса, включающие накладки, характерные преимущественно для Пермского Предуралья. Пояса в два оборота, вероятно, свойственны исключительно для культуры населения Ветлужско-Вятского междуречья. Подобные исследования существенно расширяют возможности поясной гарнитуры как археологического источника.

Ключевые слова: археология, эпоха Средневековья, Ветлужско-Вятское междуречье, Пермское Предуралье, наборные пояса, классификация

SIMILARITIES AND DIFFERENCES BETWEEN COMPOSITE BELTS OF THE IX–XI CENTURIES IN THE VETLUGA–VYATKA INTERFLUVE AND THE PERM CIS-URALS[2]

N.B. Krylasova

The author evaluates a prominent Russian archaeologist T.B. Nikitina's contribution to the study of the Middle Ages composite belts on the occasion of her jubilee. Belts, found at the burial sites of the Vetluga–Vyatka interfluve, are characterized by unique preservation of belts, which allowed not only studying separate elements of these composite belts, but also to see what they are made of, design and manners of use as articles of clothing. Based on materials from the Rozhdestvensk burial site in the Perm Krai the classification developed by T.B. Nikitina was tested. Research results revealed that the classification is quite universal and is applicable to analysis of belts, discovered in different areas. Belts of one and one and a half turns around the waist have been found at the Rozhdestvensk burial site. Some of them are completely identical to ones found in the Vetluga–Vyatka interfluve by their composition, and it may be assumed that they came from the same centre. There are also belts similar in general, but have, for example, not one but two main types of onlays, and there are local belts that include onlays characteristic mainly of the Perm Cis-Urals. Belts going twice around the waist are characteristic strictly for the culture of the people in the Vetluga–Vyatka interfluves. Such studies give broader opportunities to using discovered belt details as an archaeological source.

Keywords: archaeology, the Middle Ages, the Vetluga–Vyatka interfluves; Perm Cis-Urals, composite belts, classification

Одна из характерных черт средневекового периода – широкое распространение наборных поясов, массово представленных на обширных пространствах Восточной Европы от Подунавья до Уральского хребта. Есть наборные пояса и восточнее Урала,

[1] Работа выполнена в рамках гос. темы «Этнокультурные процессы в центре Евразии: археология и этнография Урала»

[2] The work was carried out within the state topic “Ethnic and cultural processes in the center of Eurasia: archaeology and ethnography of the Urals”.

но судить о характере их распространения и роли в костюме сложнее в силу неравномерной изученности археологических культур обширных пространств Сибири.

Наборные пояса – это преимущественно атрибут мужского костюма, даже, точнее, элемент воинского снаряжения. Но есть целый ряд финно-угорских культур, где наборный пояс не только вошел в женский костюм, но зачастую даже более характерен для женщин, чем для мужчин. Эта особенность отмечается в раннебулгарском Танкеевском (Халикова, 1971, с. 79–80) и древнемадьярском Большетиганском могильниках (Халикова, 1976, с. 168). Преобладание наборных поясов в женском костюме прослеживается в караякуповской и неволинской культурах (Иванов, 2006, с. 411). Особо выделяются в этом плане территории Ветлужско-Вятского междуречья и Пермского Предуралья.

В Ветлужско-Вятском междуречье в погребениях и жертвенных комплексах IX-XI вв. обнаружена серия поясов достаточно хорошей сохранности, что позволяет проанализировать особенности их конструкции, проследить характер распределения на них металлических деталей, а при нахождении в погребениях – особенности ношения поясов.

Т.Б. Никитина, как свойственно этому блестящему исследователю, детально рассмотрела в публикациях и отдельные элементы поясной гарнитуры разных могильников Ветлужско-Вятского междуречья (Никитина и др., 2011; Никитина и др., 2016; Никитина и др., 2019; Ситдиков, Никитина, Казаков, 2015), и целые пояса, проследив их конструкцию, стилистические особенности и разработав классификацию (Никитина, 2011; Никитина, 2014; Никитина, 2021). В более общем виде характеристика поясов представлена в статье, посвященной марийскому средневековому костюму (Никитина, 2014, с. 25–27). Здесь отмечается наличие трех основных способов ношения поясов: в 1, 1,5 и в 2 оборота. Классификация поясных наборов, основанная на материалах 6 могильников, представлена в статье «Поясные наборы из могильников IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья» (Никитина, 2018). При классификации учитывались особенности комплектации поясного набора и способ ношения пояса. В итоге выделено 4 основных типа с вариантами в зависимости от набора накладок, а также несколько аморфный пятый тип, не имеющий четких критериев (Никитина, 2018, с.158). По наблюдениям Т.Б.Никитиной, «большинство поясов из марийских могильников Ветлужско-Вятского междуречья отличается строгой завершенностью в выдержанном стиле: 2 типа накладок (для каждого ряда пояса отдельный) на основном ремне и 1 тип на дополнительном» (Никитина, 2014, с.40).

Для сравнения привлечены материалы Рождественского языческого могильника в Карагайском районе Пермского края. Он сопровождал одноименное городище, бывшее булгарской торгово-ремесленной факторией. На наиболее изученной части могильника, датируемой второй половиной IX – рубежом XI-XII вв., вскрыто 440 погребений. Этот могильник синхронен памятникам Ветлужско-Вятского междуречья, рассматриваемым Т.Б. Никитиной, что позволяет провести объективное сравнение.

При исследовании средневекового костюма Пермского Предуралья на основании данных из погребений широкого хронологического диапазона (преимущественно с VII до конца XI вв.), были получены усредненные данные о том, что в целом наборные пояса присутствуют в 12,1% погребений, а если рассматривать отдельно мужской и женский костюмы – в 5,5% мужских и в 18,7% женских (Крыласова, 2001, с.87–89, 95–96).

На Рождественском могильнике детали поясных наборов представлены в 251 погребении (57%). В могильниках Ветлужско-Вятского междуречья они составляют от 44,5 до 87,5% (Никитина, 2018, с.158), а на наиболее изученном Дубовском могильнике погребений с деталями поясов примерно столько же, как на Рождественском могильнике – 56% (Никитина, 2011, с. 142).

Из погребений с поясами 38,6% женские, 48,2% – мужские, у остальных состав погребального инвентаря не позволяет установить пол. Отметим, что Рождественский могильник, как и большинство средневековых могильников Пермского Предуралья, отличается очень плохой сохранностью костей, и антропологические данные есть лишь для единичных погребений.

Если в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья, судя по публикациям, преобладают остатки целых поясов, то на Рождественском могильнике 56% погребений с

поясами содержат лишь их фрагменты: 36 погребений – 1–3 накладки, 24 – 4-12 накладок, 24 – одну привеску-ремешок, 33 – 1-10 накладок и 1 привеску, 7 – 1-10 накладок и 2-5 привесок, 9 – 1-10 накладок и наконечник, 8 – 1-10 накладок, наконечник и 1-2 привески. С одной стороны, этот факт объясняется уроном, нанесенным памятнику хозяйственной деятельностью жителей д.Постаногово, существовавшей на месте могильника с XVII до середины XX века. Но нередко в погребениях с довольно богатым инвентарем, находившимся в соответствии с погребальными традициями, характерными для этого памятника, могут присутствовать лишь 1–2 накладки или только привеска в виде ремешка с накладками. Это наводит на мысль, что широко практиковалось помещение в могильную яму не обязательно целой вещи, а лишь ее символа в виде какой-то части (встречаются и другие части предметов, к примеру, половина керамического сосуда, часть ожерелья, фрагмент железного орудия и пр.).

Присутствие пряжки даже при отсутствии иных элементов поясной гарнитуры может свидетельствовать о наличии простого кожаного ремня (или текстильного пояса, но подобные пока не фиксировались). Таких случаев на могильнике зафиксировано 16, еще в 3 погребениях найдены пряжка и наконечник ремня. В 17 погребениях пряжку сопровождало от 1 до 10 накладок, иногда с наконечником, в 15 погребениях к ним добавлялись еще 1-2 ремешка-привески.

По мнению Т.Б. Никитиной, высказанному при характеристике поясов Дубовского могильника, находки пряжки и наконечника (либо одного из них) в области талии и таза, а также поясных подвесок или кошелька, свидетельствуют о наличии пояса (Никитина, 2011, с. 145). Исходя из таких соображений, указанные выше детали поясной гарнитуры без пряжки тоже являются свидетельством наличия пояса.

И, наконец, в 56 погребениях (22,3% погребений с поясами, 12,7% от общего количества погребений) выявлены *«полные» поясные наборы*. Для сравнения, на Дубовском могильнике «полные» пояса составляют 65% (30% от общего количества погребений) (Никитина, 2011, с. 146). «Полные» они с оговоркой, так как не все комплексы содержат пряжку. Иногда по конструкции пояса видно, что пряжка и не предполагалась (погр.216, подробное описание ниже). Часто отсутствие пряжки объясняется тем, что погребения мелкие, фиксируются иногда уже на глубине -0,15–0,25 м, и верхний слой заполнения могильной ямы нарушен культурным слоем д.Постаногово. Пряжка на поясе, застегнутом на теле погребенного, размещалась спереди и обычно находится как раз в самом верхнем слое. Иногда пряжка, сдвинутая с места (напр., при распашке огорода), обнаруживается рядом с погребением.

Полные пояса наиболее интересны как в плане возможностей для реконструкции костюма, так и для сравнения с синхронными поясами других территорий. Отобранные для анализа пояса Рождественского могильника принадлежат преимущественно к к. X–XI вв., подробнее хронологические особенности поясных наборов Рождественского могильника рассмотрены в отдельной статье (Крыласова, 2021).

Как и в Ветлужско-Вятском междуречье, пояса Рождественского могильника отличаются стилистическим единством (1–2 типа накладок на основном ремне, 1 тип – на дополнительном), часто накладки, наконечник и пряжка (а нередко и наборы ремешков-привесок) оформлены в одном стиле.

Опираясь на классификацию, разработанную Т.Б.Никитиной для поясов Ветлужско-Вятского междуречья (Никитина, 2018), на Рождественском могильнике можно выделить следующие типы поясов:

Тип 1 – пояс в один оборот. По описанию Т.Б. Никитиной, это «пояса, состоящие из основного ремня, длина которого в пределах охвата корпуса человека в области талии в один оборот иногда имеют небольшой спускающийся конец. Пояс имеет накладки одного типа, пряжку и концевой наконечник (иногда в погребении найден только один из этих предметов). Накладки крепятся таким образом, что образуют сплошную металлическую ленту, окольцовывая корпус человека» (Никитина, 2018, с. 158). Этот тип поясов подразделен Т.Б.Никитиной на 4 варианта (А-Г) в зависимости от типов накладок. Пояса вариантов А-Б на Рождественском могильнике не выявлены, хотя разрозненные накладки, характерные для них, встречались.

Вариант 1В. На Рождественском могильнике обнаружены пояса, которые лишь условно

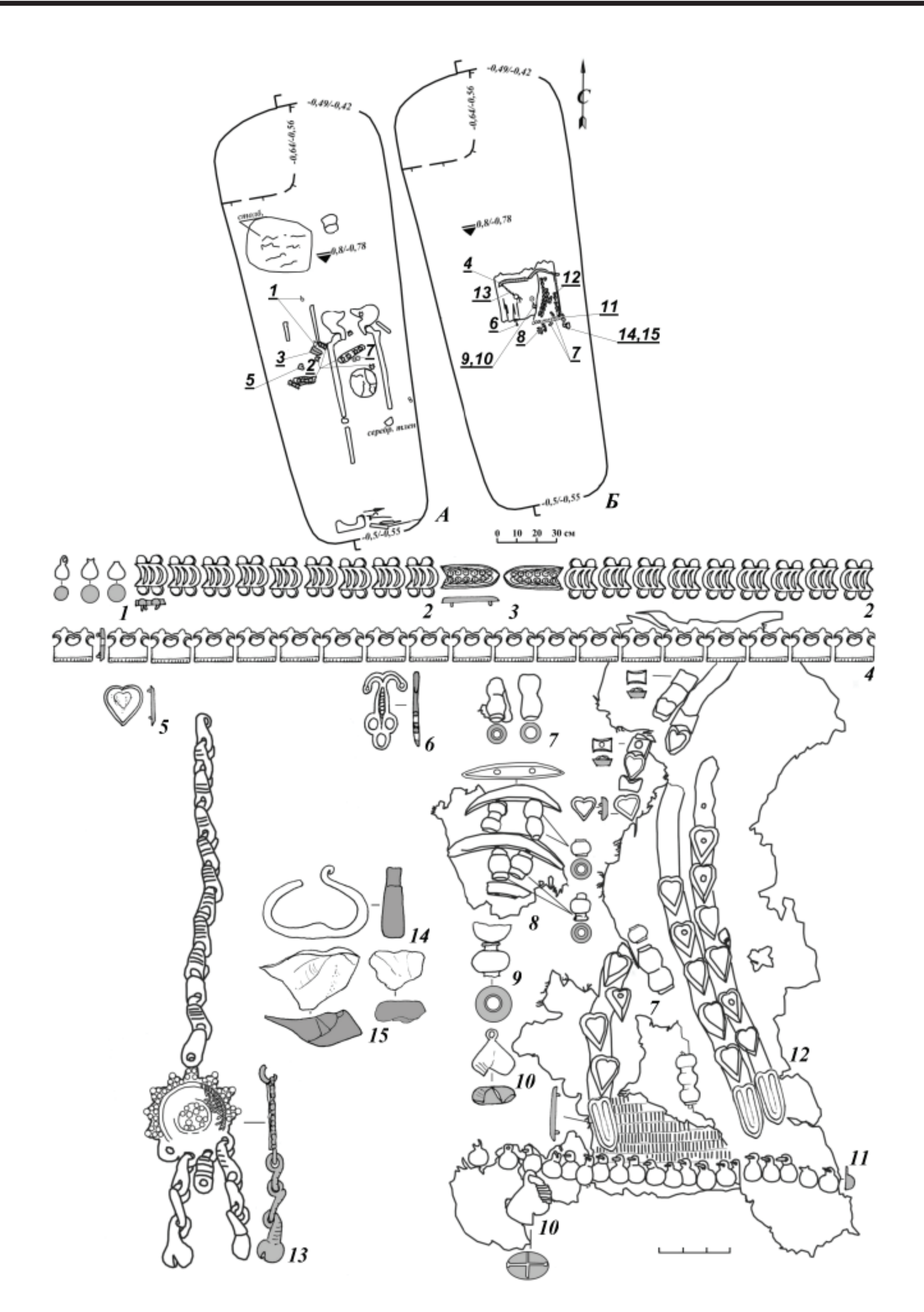

Рис. 1. План погребения 216: А – план с находками, расположенными на уровне костяка и выше него, Б – находки, обнаруженные под костяком. 1-15 – поясной набор и дополнительные элементы пояса из п.216
Fig. 1. Burial plan 216: A – plan with finds, located at the level of the skeleton and above it, B – finds, found under the skeleton. 1-15 – belt set and additional belt elements from the b. 216

можно отнести к *варианту 1В – с накладками луновидной формы* (Никитина, 2018, с.158). Их отличает от поясов Ветлужско-Вятского междуречья использование в наборе не одного, а *двух типов накладок*.

В *погребении 216,* принадлежащем взрослому мужчине, пояс со всеми дополнительными элементами сохранился в не потревоженном виде. Длина кожаного ремня составляла 63 см, он был целиком покрыт накладками, оба конца завершались наконечниками. На передней части пояса размещались накладки луновидной формы (рис. 1: 2) (как у поясов *варианта 1В* из могильников Ветлужско-Вятского междуречья) – концы пояса располагались поперек костяка, наконечники ремня лежали друг на друге (рис. 1: А). Предположительно, пояс скреплялся завязками, закрепленными

на тыльной стороне ремня. На задней стороне ремень покрывали прямоугольные накладки с ажурным завершением в виде пары трилистников (рис. 1: 4).

Слева сзади к поясу крепилась текстильная лента длиной 20,3 шириной 14 см (рис. 1: Б). По ее нижнему краю одной нитью прямыми стежками были пришиты половинки полых шаровидных привесок, расположенных вплотную друг к другу (рис. 1: 11) (Крыласова, 2019). Поверх ленты с пояса свисали три ремешка с прямоугольными и сердцевидными накладками, завершающиеся наконечниками (рис.1:12), а также украшение из пары шнурков с пронизками, перемежающихся планками из когтей медведя (рис. 1: 7–10) (Крыласова, Данич, 2021). На поясе также находилась якорьковая подвеска (рис. 1: 6), вероятно, служившая для крепления мешочка с кресалом и парой кремней (рис. 1: 14–15). Сзади к поясу на цепочке крепилась шумящая подвеска с кольцевидной основой (рис. 1: 13).

Подобный пояс найден в *погребении 205*, принадлежащем мужчине в возрасте до 25 лет. Основная его часть была покрыта прямоугольными накладками с трилистниками (рис.2:2), а накладок луновидной формы сохранилось только 2 экз. (рис. 2: 1). Пояс дополняли 3 привески-ремешка с накладками и наконечниками (рис. 2: 3–5), крепившиеся справа (рис.2:А). Слева к поясу подвешивались костыльковая подвеска (рис. 2: 6) и короткая низка бронзовых бус с колокольчиком на конце (рис. 2: 7).

Еще один *вариант пояса* с луновидными накладками представлен в *женском погребении 248*. Здесь пояс был уложен справа вдоль погребенной (рис. 2: Б). Поясной набор включал бронзовую пряжку (рис. 2: 8), одну пятиугольную (рис. 2: 9), 26 полуовальных накладок с прорезью (рис. 2: 10) и завершался четырьмя накладками луновидной формы (рис. 2: 11) (как в варианте 1В). Пояс дополнялся тремя привесками-ремешками (рис. 2: 12) и тремя низками бронзовых пронизок с колокольчиками на концах (рис. 2: 14). Кроме этого на поясе было две якорьковые подвески (рис. 2: 13), на одной сохранились остатки кожаной петли для крепления к поясу.

Другая комбинация с *луновидными накладками* представлена в поясе из *мужского погребения 247* (рис. 2: В). В центре находилась железная пряжка (рис.2/15), детали поясного набора располагались скоплениями слева и справа от нее. Западнее пряжки находился бронзовый наконечник ремня (рис. 2: 16), а остальные части поясного набора здесь были расчищены почти на дне могильной ямы на остатках дощатого настила под развалом лепного керамического сосуда (рис. 2: В): 14 квадратных накладок на остатках кожаного ремня (рис.2:18), три ременные обоймы (рис. 2: 19), накладка-лунница (рис. 2: 17), сердцевидные накладки и наконечник ремня от поясной привески (рис. 2: 21), пронизки и бронзовый бубенчик (рис. 2: 20). К востоку от пряжки находилось 5 квадратных (рис. 2: 18), 9 накладок луновидной формы (рис. 2: 17), между ними и южнее – фрагменты двух ремешков-привесок (рис. 2: 21), бронзовая петля для подвешивания кошелька (рис.2:26), бронзовая цепочка (рис. 2: 25), фрагменты железного кольца (рис. 2: 22), калачевидное кресало и кремень (рис. 2: 23–24).

Таким образом, пояса в один оборот, имевшие в составе *накладки луновидной формы,* на Рождественском могильнике включали 2 типа накладок. Обычно задняя часть пояса покрывалась прямоугольными накладками с трилистниками (на могильнике есть еще неполные пояса с таким сочетанием накладок), или более характерными для Пермского Предуралья полуовальными или квадратными накладками, а накладки луновидной формы располагались спереди на одном или обоих концах пояса.

Вариант 1Г – пояса с накладками прямоугольной формы с полукруглым выступом на одной короткой стороне и такой же выемкой на противоположной стороне (Никитина, 2018, с.158). Анализируя поясную гарнитуру Русенихинского могильника, по поводу этого типа накладок авторы отмечали, что «несмотря на то, что подобные изделия встречены в Волжской Болгарии…, все же очевиден более западный ареал их распространения. Кроме Русенихинского могильника они обнаружены… в жертвенных комплексах Нижней стрелки. Оба памятника Русенихинский и Нижняя стрелка фиксируют западную границу территории, занятой марийскими могильниками. Аналогии им известны у мордвы, на побережьях Белого и Кубенского озер и до Бирки, известны в древностях Болгарии и Венгрии. В Прикамье, Южном Урале и на более восточных территориях подобные изде-

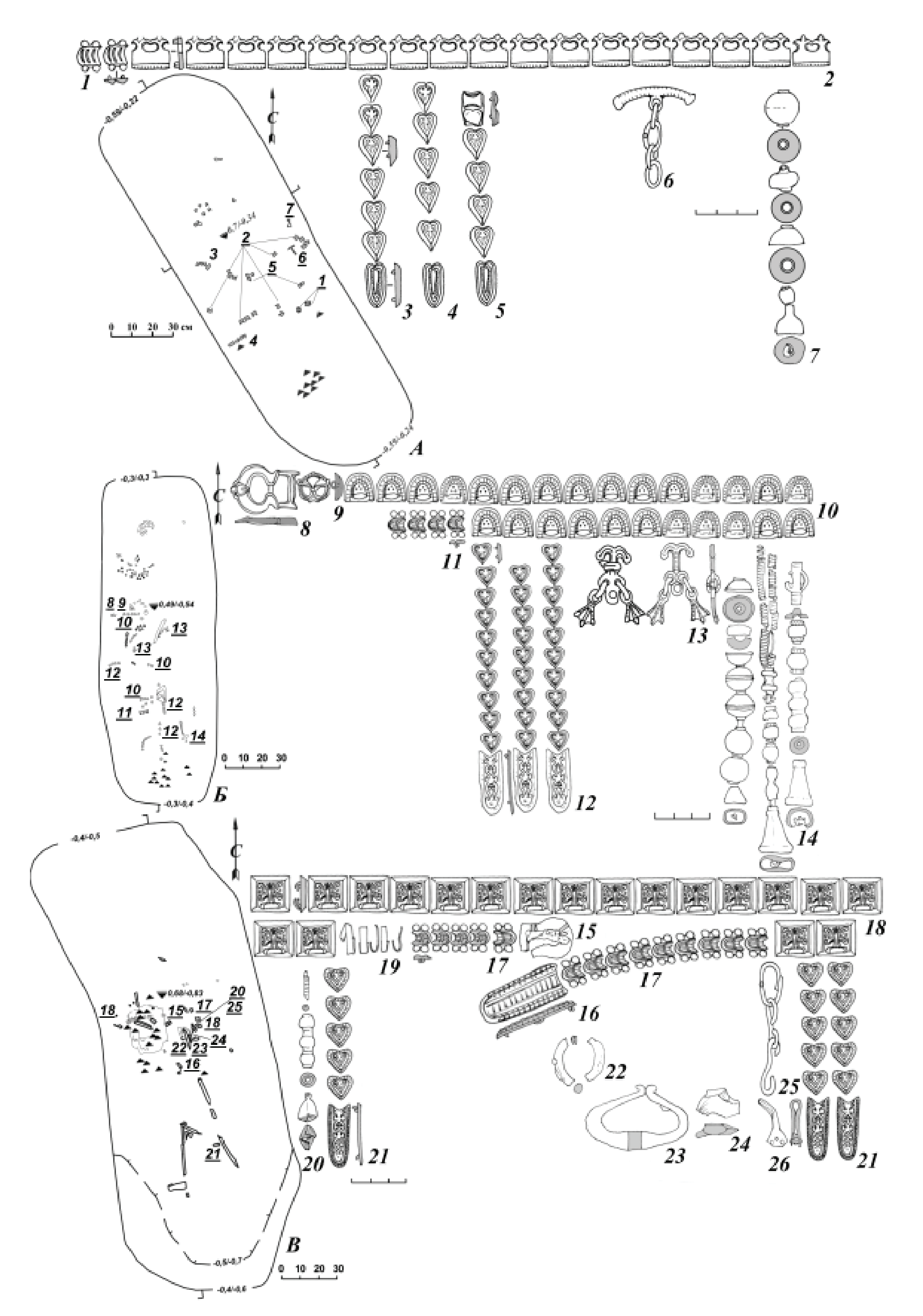

Рис. 2. А – план погребения 205, Б – план погребения 248, В – план погребения 247. 1-7 – поясной набор и элементы украшения пояса из погребения 205; 8-14 – поясной набор и элементы украшения пояса из п. 248; 15-25 – поясной набор и элементы украшения пояса из п. 247

Fig. 2. A – burial plan 205, Б – burial plan 248, B – burial plan 247. 1-7 – belt set and belt decoration elements from the b.205; 8-14 – belt set and belt decoration elements from the b. 248; 15-25 – belt set and belt decoration elements from the b. 247

лия пока не известны» (Ситдиков, Никитина, Казаков, 2015, с.28-29). Но при последних исследованиях Рождественского могильника обнаружены не только разрозненные накладки этого типа, но и целые пояса – три таких пояса найдены в мужских погребениях.

Наиболее хорошо сохранился *пояс из погребения 152* – фрагменты кожаного ремня шириной до 2 см с 11 накладками (рис. 3: 4), расположенные в центральной части могильной ямы (рис. 3: А), здесь же находились мелкие сердцевидные и фигурные накладки от ремешка-привески (рис. 3: 6) и бронзовая бусина (рис. 3: 5). Часть поясного набора обнаружена до фиксации могильной ямы – 13 накладок (рис. 3: 3), поясное кольцо (рис. 3: 1)

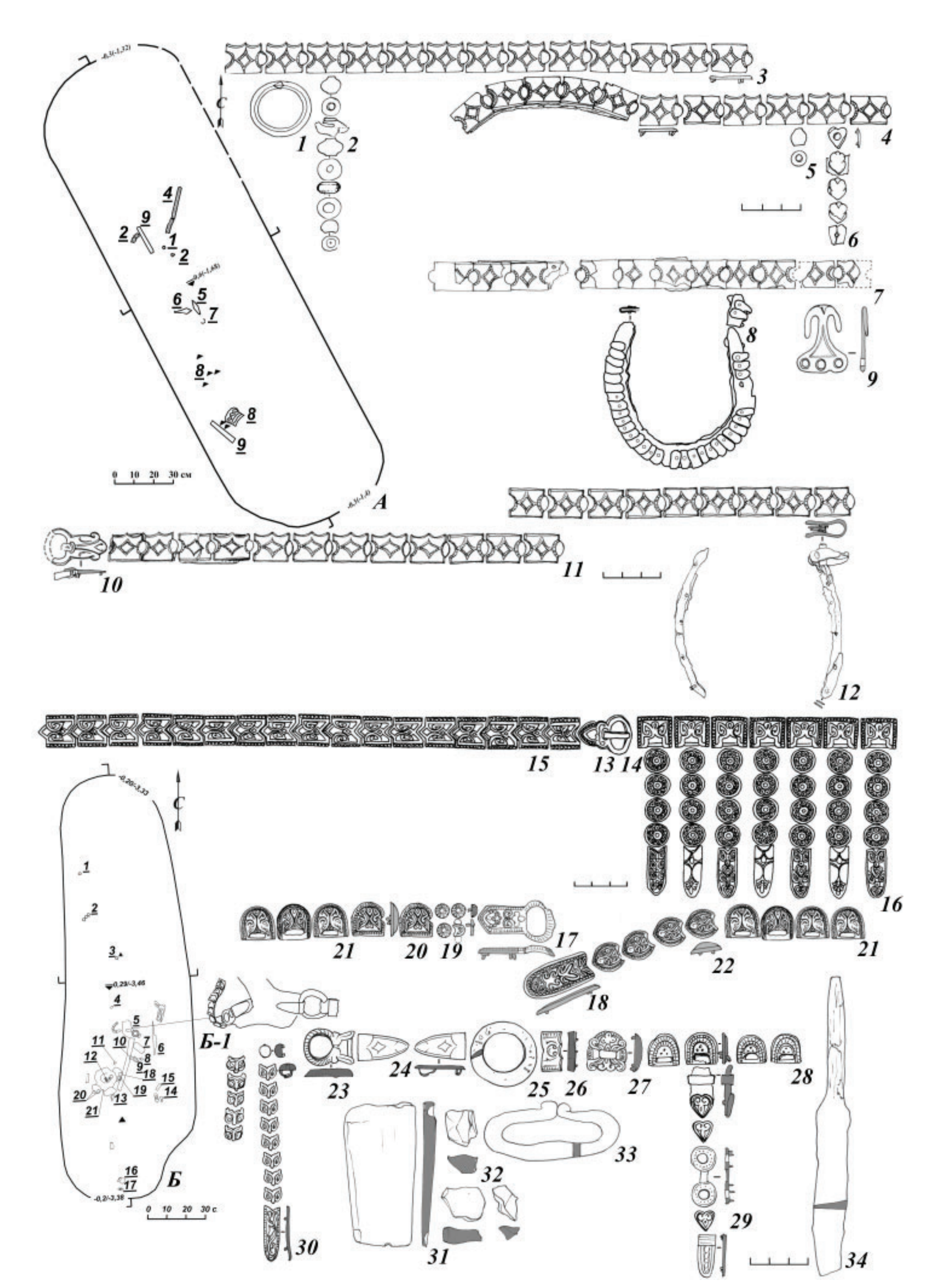

Рис. 3. А – план погребения 152, Б – план погребения 413, Б-1 – погребение 413, деталь.
1-6 – поясной набор и элементы украшения пояса из п.152; 7-9 – поясной набор и дополнительные элементы пояса из п. 264б; 10-12 – поясной набор и кошелек из п. 343; 13-16 – поясной набор из п. 86; 17-22 – поясной набор из п. 242; 23-34 – поясной набор и дополнительные элементы пояса из п. 413

Fig. 3. А – burial plan 152, Б – burial plan 413, Б-1 – burial 413, detail.
1-6 – belt set and belt decoration elements from the b. 152; 7-9 – belt set and additional belt elements from the b. 264б; 10-12 – belt set and wallet from the b. 343; 13-16 – belt set from the b. 86; 17-22 – belt set from the b. 242; 23-34 – belt set and additional belt elements from the b. 413

и набор бронзовых бус от поясной привески (рис. 3: 2).

Подобный пояс найден в *погребении 264б* – в центральной части могильной ямы перпендикулярно ее условной оси располагались фрагменты поясного ремня с накладками (11 экз., рис.3:7); к востоку от поясного набора обнаружены железное кресало и кресальный кремень, а южнее – фрагменты кожаного поясного кошелька (рис. 3: 8). До фиксации погребения рядом с ним найдена якорьковая подвеска (рис. 3: 9).

Третий пояс происходит *из погребения 343*. В центральной части могильной ямы на фрагменте меха от одежды сохранились остатки кожаного ремня с бронзовой пряжкой (рис.3:10) и накладками (16 экз., рис. 3: 11), южнее – поясной кошелек (рис. 3: 12).

Еще один *вариант пояса* в один оборот, который отчасти можно сопоставить с *поясами варианта 1Г*, обнаружен в *погребении 86*. Квадратные накладки, покрывавшие большую часть кожаного ремня шириной 2 см (17 экз.), имеют с одной стороны треугольный выступ, а с противоположной – алогичную выемку (как у описанных выше прямоугольных накладок) (рис. 3: 15). Но в комплекте представлено еще 7 квадратных накладок с прорезью внизу (рис. 3: 14) – по числу ремешков-привесок, дополнявших пояс (рис. 3: 16). Пояс застегивался на пряжку с сердцевидным щитком (рис.3:13) (Белавин, Крыласова, 2008, с. 112).

К **поясам 1 типа** – *в один оборот* – принадлежат и «классические» мужские пояса, покрытые выпуклыми щитовидными накладками с пышным растительным орнаментом, напоминающим бабочку с распахнутыми крыльями. Такие накладки в к. X – XI вв. были широко распространены в Пермском Предуралье, а за его пределами относительно редки. Материалы Рождественского могильника позволили реконструировать пояса с такими накладками, которые снабжались особого типа щитковыми пряжками и крупными наконечниками ремня (Крыласова, 2020).

Наиболее полно поясной *набор из накладок с «бабочковидным» орнаментом* сохранился в *погребении 242,* принадлежащем мужчине в возрасте 18–25 лет. Пряжка (рис. 3: 17) и отдельные накладки из набора обнаружены еще до фиксации погребения, и не исключено, что часть накладок утрачена. 8 щитовидных (рис. 3: 20–21), 4 подсердцевидные накладки с «бабочковидным» орнаментом (рис. 3: 22) и крупный наконечник ремня (рис. 3: 18) расчищены в центре погребения. Они располагались так, что можно предполагать именно пояс в один оборот (наконечник ремня находился в центре, поперек условной оси погребения). В скоплении обнаружены еще мелкие круглые накладки-заклепки (рис. 3: 19), которые, по аналогии с материалами других погребений, крепились возле щитка пряжки. Разумеется, крупный широкий наконечник ремня и выпуклые накладки невозможно было пропускать через рамку пряжки, и для застегивания ремня использовался дополнительный ремешок. Среди деталей поясного наборы найдены бронзовая пронизка от поясной привески, фрагмент железного ножа с остатками деревянной рукояти, часть поясного крючка и железное шило, которые, очевидно, подвешивались к поясу.

Тип 2 – пояса в полтора оборота. Т.Б.Никитина описывает их так: «Основной ремень… имел длину, значительно превышающую охват корпуса человека в области талии. К основному кожаному ремню сбоку крепился дополнительный ремешок, конец которого продевался в пряжку и замыкал пояс. Свободный конец основного ремня, богато украшенный накладками и концевым наконечником, перекинут через ремень, образуя на животе еще один ряд (иногда не полный), и свисал вниз, образуя подобие дополнительного ремешка» (Никитина, 2018, с. 158).

Такие пояса на Рождественском могильнике представлены наиболее широко, хотя нередко присутствуют в погребениях во фрагментах, что, как уже отмечалось, могло быть обусловлено погребальной традицией. Есть и пояса достаточно хорошей сохранности, иногда с остатками кожаных ремней, их расположение в погребениях позволяет проследить как особенности комплектации, так и способы ношения таких поясов.

Лишь в одном случае – *в погребении 233*, принадлежащем мужчине в возрасте 20-30 лет, свободный конец основного ремня был *перекинут через ремень* (рис.4:В, В-1), как при способе ношения пояса в полтора оборота, описанном Т.Б.Никитиной. Сохранились остатки *ремня* шириной около 2 см с набором из 32 квадратных бронзовых накладок с прорезями (рис.4:10) и 18 крупных сердцевидных накладок (рис.4:11) и с бронзовой щитковой пряжкой (рис.4:9). При расчистке задней части ремня (рис.4:В-1) отчетливо наблюдалось, что конец ремня, завершавшийся наконечником (рис.4:12), был перекинут через пояс сзади справа. Пояс дополняла привеска-ремешок с мелкими сердцевидными накладками и накладкой-«бантиком» (рис.4:13) и тремя короткими низками бронзовых пронизок, завершенных бубенчиками (рис. 4: 14). В районе пояса найдено 2 кресальных кремня (рис. 4: 15), которые, очевидно, находились в мешочке, подвешенном к поясу.

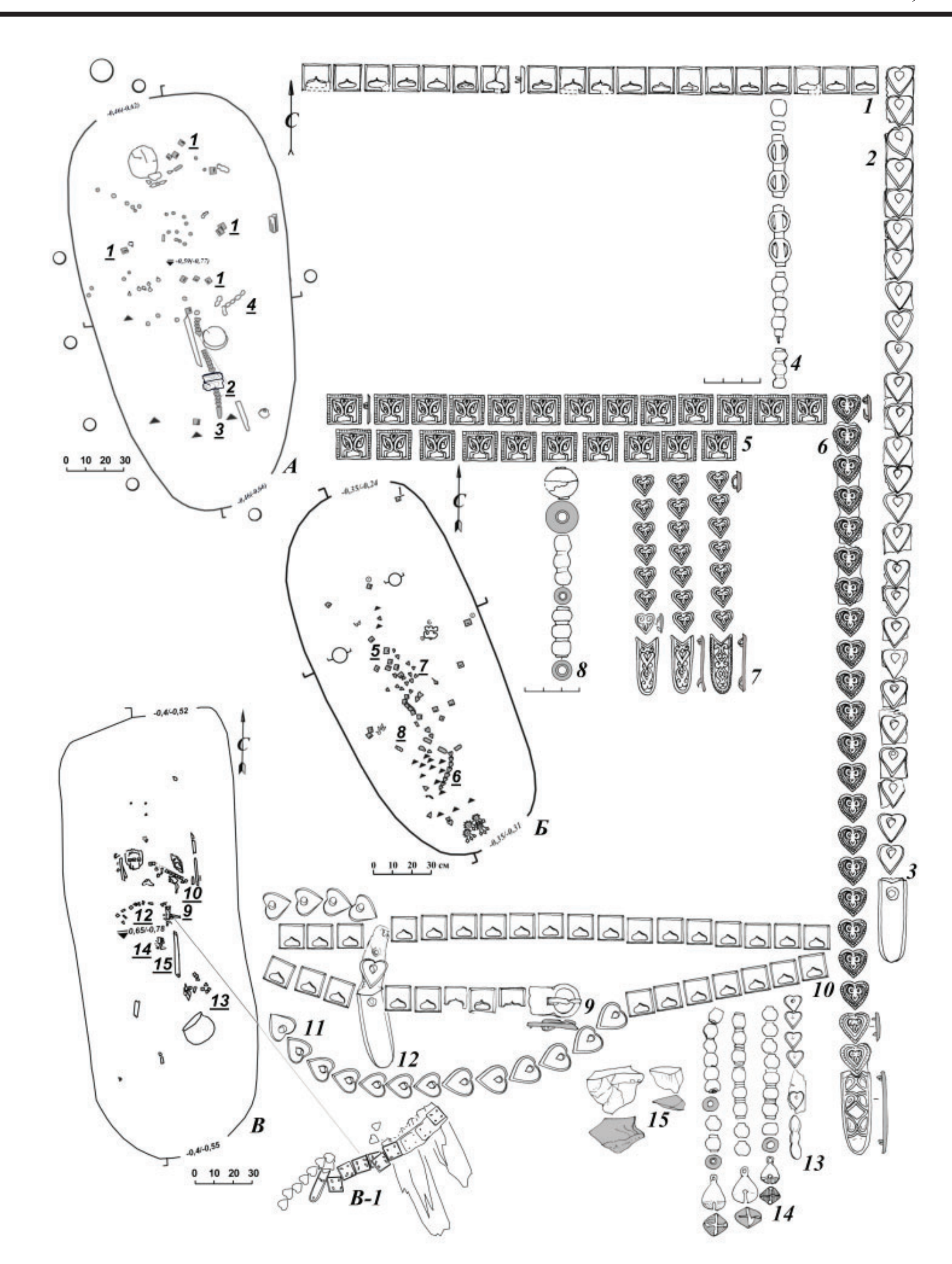

Рис. 4. А – план погребения 133, Б – план погребения 214, В – план погребения 233, В-1 – задняя часть пояса. 1-4 – поясной набор и элементы украшения пояса из п. 133; 5-8 – поясной набор и элементы украшения пояса из п. 214; 9-15 – поясной набор и элементы украшения пояса из п. 233

Fig. 4. A – burial plan 133, Б – burial plan 214, В – burial plan 233, В-1 – the back of the belt. 1-4 – belt set and belt decoration elements from the b. 133; 5-8 – belt set and belt decoration elements from the b. 214; 9-15 – belt set and belt decoration elements from the b. 233

Но, как правило, в тех случаях, когда сохранность пояса позволяет это проследить, *длинный свободный конец пояса свободно свисал вниз* почти до колена. Вот несколько наиболее показательных примеров:

Пояс из погребения 133, принадлежащего взрослой женщине, включал набор из 18 квадратных накладок с прорезью (рис. 4: 1), сконцентрированных в центре погребения, а конец ремня шириной 1,5 длиной 53 см с 26-ю сердцевидными накладками (рис. 4: 2), завершенный наконечником ремня (рис. 4: 3), располагался параллельно костям нижних конечностей (рис. 4: А). Под кожаным ремешком сохранилась тонкая ткань из растительных волокон. Слева к поясу крепилась низка бронзовых пронизок (рис. 4: 4).

Пояс из женского погребения 214 потревожен деревенским вкопом, тем не менее, по

плану погребения (рис. 4: Б) отчетливо прослеживается, что в центре концентрировались квадратные накладки (рис. 4: 5), покрывавшие часть пояса, охватывающую туловище, под ними – скопление мелких сердцевидных накладок от трех ремешков-привесок (рис. 4: 7), крепившихся к поясу сзади. Лучше всего сохранился конец ремня длиной до 42 см, украшенный сердцевидными накладками и завершенный наконечником (рис. 4: 6) – он был вытянут вдоль условной оси могильной ямы. Среди деталей поясного набора обнаружены бронзовые пронизки от поясной привески (рис. 4: 8).

Наиболее хорошо сохранился *пояс из погребения 317*, принадлежащего женщине старше 25 лет. Остатки пояса и поясных принадлежностей располагались в районе таза и вдоль костей нижних конечностей (рис. 5: А–Б). Пряжка (рис. 5: 1) располагалась слева от погребенной, за ней следовала квадратная накладка и пара щитовидных с «бабочковидным» орнаментом (рис. 5: 2), далее весь основной ремень был покрыт квадратными накладками с «Ж»-образным орнаментом (рис. 5: 3), конец пояса длиной около 50 см, вытянутый вдоль костей правой нижней конечности, был покрыт подсердцевидными накладками с «бабочковидным» орнаментом (рис. 5: 4) и завершался наконечником (рис. 5: 5). Сзади к поясу крепилось 6 привесок в виде ремешков шириной 2 длиной около 18 см, на каждом находились 1 прямоугольная накладка с растительным орнаментом, 8 сердцевидных и наконечник ремня (рис. 5: 6).

Слева к поясу крепились бронзовая цепочка с костыльковой подвеской (рис. 5: 10) и нож с остатками деревянной рукояти (рис. 5: 11), который, вероятно, находился в деревянных ножнах, крепившихся к поясу с помощью указанной цепочки; 2 низки бронзовых пронизок на кожаных шнурках (рис. 5: 7), одна завершалась флаконовидной пронизкой-игольником (рис. 5: 8), вторая – пронизкой-колокольчиком (рис. 5: 9). Рядом лежал фрагмент костяной наборной расчески (рис. 5: 12).

Пояс из погребения 332, принадлежавшего взрослой женщине, сохранился хуже (рис. 6: А). В центральной части могильной ямы располагались квадратные накладки от набора основного ремня, который, судя по расположению деталей поясной гарнитуры, был надет низко на бедрах (рис. 6: 1), к этому набору принадлежала и полуовальная бронзовая накладка (рис. 6: 2); южнее на осевой линии погребения располагался фрагмент свободно свисавшего конца ремня, покрытого крупными сердцевидными накладками (рис. 6: 3); параллельно ему с западной и восточной стороны располагались наборы 4 привесок-ремешков с мелкими сердцевидными накладками и наконечниками (рис. 6: 4). Судя по расположению в погребении, сзади к поясу крепились привески-низки с колокольчиками на концах (рис. 6: 5). Возле левой бедренной кости найден фрагмент железного черешка с остатками деревянной рукояти.

Пояс из женского погребения 363 обнаружен под развалом керамического сосуда (рис. 6: Б), установленного в области таза погребенной, и имел относительно хорошую сохранность (рис. 6: Б-1). Часть квадратных (рис. 6: 7) и полуовальных (рис. 6: 8) накладок, покрывавших основной ремень, обнаружена до фиксации погребения, часть – на верхнем уровне расчистки рядом с сосудом; под сосудом на остатке ремня шириной 2,2 см располагалась бронзовая пряжка, на язычке которой сохранился фрагмент кожаного ремня (рис. 6: 6), и квадратная накладка, рядом – еще одна квадратная накладка. Вдоль осевой линии погребения был вытянут свисающий конец пояса в виде ремня шириной 2,2 см с набором из 9 выпуклых щитовидных накладок с «бабочковидным» орнаментом (рис. 6: 9) и наконечником с растительно-геометрическим орнаментом (рис. 6: 10). Под ремнем сохранились фрагменты меховой одежды, между ремнем и фрагментами меха перпендикулярно ремню выявлены кусочки текстильной ленты шириной 2,7 см из ткани саржевого переплетения, окантованной с обеих сторон плетеным шнуром шириной 0,4 см, – очевидно, детали отделки меховой одежды. Особенно хорошо сохранились привески (5 экз., рис. 6: 11) в виде кожаных ремешков шириной 2 длиной 20 см с идентичными наборами сердцевидных накладок и наконечников. Ремешки, крепившиеся к поясу сзади, располагались вплотную друг к другу лицевой стороной вниз и перекрывались слоем меха от одежды. Среди деталей поясного набора обнаружен нож (рис. 6: 12).

Пояс из мужского погребения 408. В области таза погребенного на дне могильной ямы

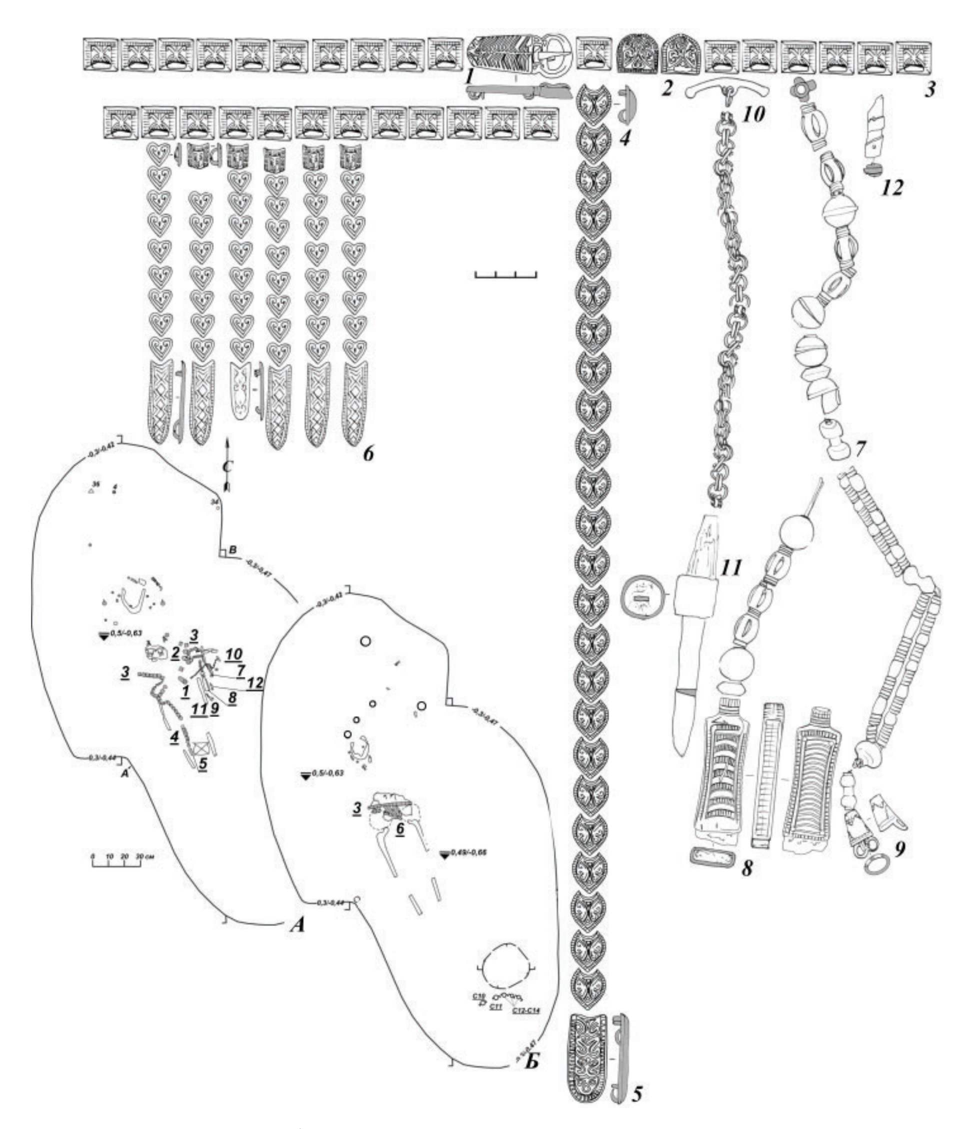

Рис. 5. А – план погребения 317, Б – план п. 317 после снятия части украшений. 1-12 – поясной набор и дополнительные элементы пояса из п. 317
Fig. 5. A – burial plan 317, Б – burial plan 317 after removing some of the decorations. 1-12 – a belt set and additional belt elements from the b.317

находилась бронзовая пряжка (рис. 7: 2), неподалеку от нее – бронзовая якорьковая подвеска (рис. 7: 7), севернее – щитовидные накладки из набора основного ремня (рис. 7: 3). У западной стенки погребения вдоль правой бедренной кости вытянут фрагмент свисающего конца поясного ремня с набором из 9 подсердцевидных накладок (рис. 7: 4) и наконечника (рис.7:5), разрозненные накладки из этого набора располагались рядом, между костями ног и южнее – «в ногах» погребенного. Среди элементов поясного набора представлены также миниатюрные сердцевидные, розетковидные накладки и наконечник ремня от поясной привески (рис. 7: 6), которая, судя по расположению, находилась на поясе спереди. «В ногах» погребенного обнаружена вторая бронзовая пряжка (рис. 7: 1), типичная для поясных наборов, состоящих из накладок с «бабочковидным» орнаментом.

По расположению деталей поясного набора в этом погребении нельзя утверждать однозначно, что свободный конец пояса не был заправлен за ремень. Нахождение части накладок между костями ног позволяет предполагать, что часть его, как и в поясах Ветлужско-Вятского междуречья, могла располагаться параллельно основной части ремня, охватывающей туловище (рис. 7: А).

Таким образом, **пояса типа 2** – *в полтора оборота* – можно относить к числу наибо-

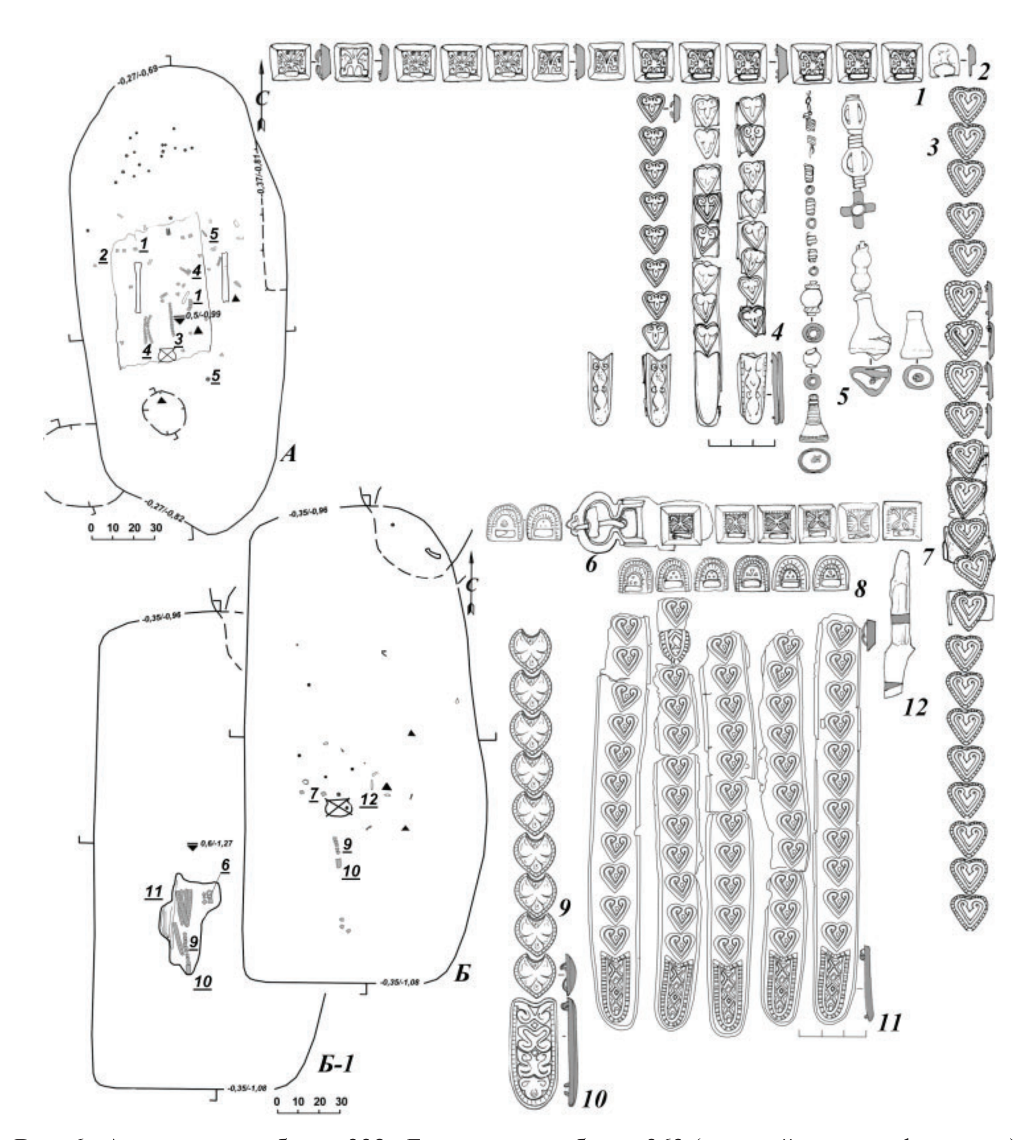

Рис. 6. А – план погребения 332, Б – план погребения 363 (верхний уровень фиксации), Б-1 – план погребения 363 (нижний уровень фиксации). 1-5 – поясной набор и элементы украшения пояса из п. 332; 6-12 – поясной набор и дополнительные элементы пояса из п. 363

Fig. 6. A – burial plan 332, Б – burial plan 363 (the upper level of fixation), Б-1 – burial plan 363 (the lower level of fixation). 1-5 – belt set and belt decoration elements from the b. 332; 6-12 – belt set and additional belt elements from the b. 363

лее характерных для населения, оставившего Рождественский могильник. Но, как показывает анализ материалов, они наиболее характерны для костюма взрослых женщин, который носили этот пояс, не заправляя свободный конец за ремень, так, что он свисал спереди почти до колен. В мужских погребениях фиксируется способ ношения поясов в полтора оборота, аналогичный зафиксированному в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья.

Тип 3 – *пояса в два оборота* – на Рождественском могильнике не выделены.

Тип 4 – по описанию Т.Б. Никитиной: «основной ремень состоит из *нескольких коротких ремешков, соединенных металлическими кольцами,* к которым также прикреплены боковые ремешки, имеет пряжку и наконечник основного ремня» (Никитина, 2018, с. 159). На Рождественском могильнике в составе поясных наборов иногда имеются металлические кольца, но обычно только одно, лишь в погребении 92 было 3 кольца, два из которых, предположительно, служили для крепления к поясу сумочки.

Т.Б. Никитина отмечает, что в составе этих поясов «набор стандартизирован как по сочетанию типов, так и по их месту в составе изделия». При этом по ее наблюдениям, «близкое сочетание типов накладок и наконечников в

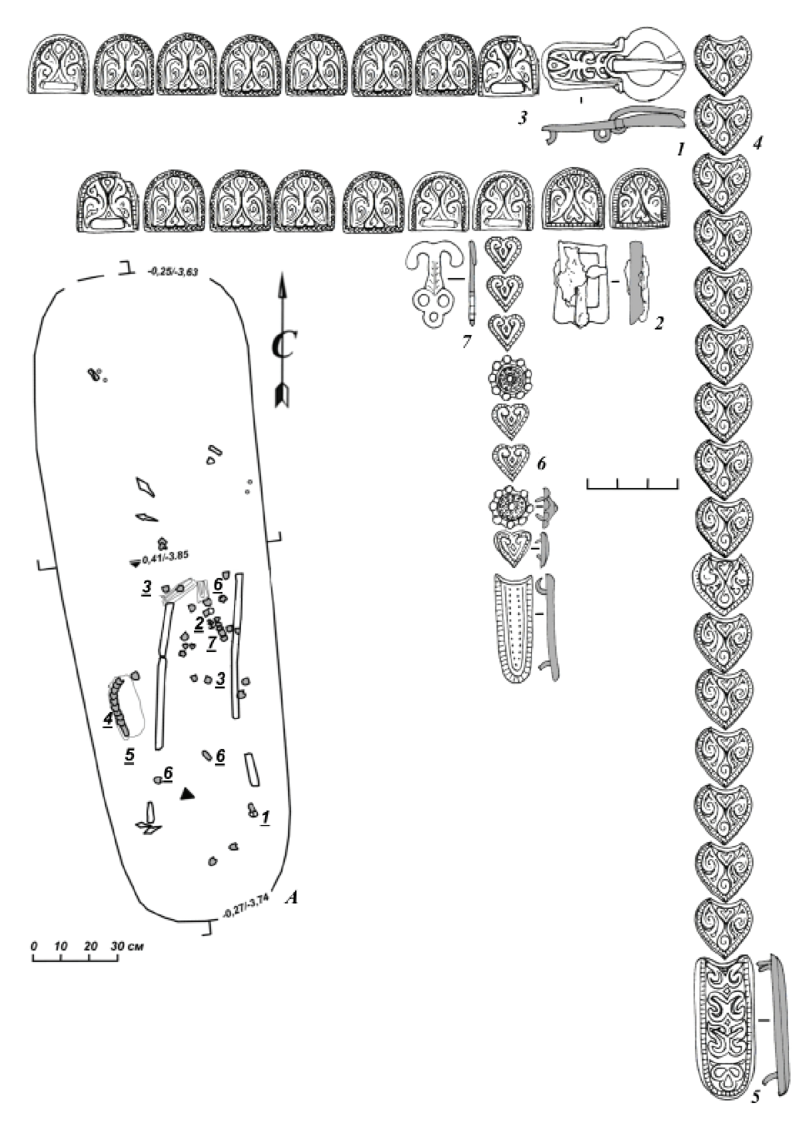

Рис. 7. А – план погребения 408. 1-7 – поясной набор и дополнительные элементы пояса из п. 408
Fig. 7. A – burial plan 408. 1-7 – belt set and additional belt elements from the b. 408

одном комплексе наблюдается в могильниках Пермского Предуралья. К сожалению, при погребальном обряде могильников Пермского Предуралья, ремни представлены разрозненными фрагментами, по которым трудно сделать полную реконструкцию» (Никитина, 2018, с. 159).

В ходе исследований последних лет на Рождественском могильнике обнаружен пояс относительно хорошей сохранности, по которому можно проследить особенности оформления пояса с металлическим кольцом в составе.

Пояс найден в *погребении 413* (рис. 3: Б), принадлежащем взрослому мужчине. В области таза погребенного обнаружен фрагмент поясного набора (рис. 3: Б-1): бронзовое кольцо (рис. 3: 25), с одной стороны которого на ремешке крепилась прямоугольная накладка (рис. 3: 26), с другой – наконечник ремня, напротив которого находился аналогичный наконечник ремня (рис. 3: 24), прикрепленный на ремешке к бронзовой пряжке (рис. 3: 23). Рядом с пряжкой расчищен ремешок с набором миниатюрных накладок в виде мордочек животного (рис. 3: 30), заправленный за основной ремень; часть этого ремешка с наконечником ремня обнаружена до фиксации погребения. Очевидно, именно этот ремешок был застегнут на пряжку (размер накладок вполне позволяет пропустить ремешок через рамку пряжки) (рис. 3: Б-1). Южнее между ног погребенного был установлен керамический сосуд, под которым обнаружены накладки (рис. 3: 27–28), а восточнее – фрагмент поясного набора на остатках кожи, включающий накладки основного ремня (рис. 3: 28), в прорезь одной из которых был продет реме-

шок поясной привески (рис. 3: 29). Между фрагментами поясного набора располагались предметы, находившиеся на поясе: железный нож (рис. 3: 34), каменный оселок (рис. 3: 31) калачевидное кресало (рис. 3: 33) и кресальный кремень, еще два кресальных кремня находились под развалом керамического сосуда (рис. 3: 32).

Подводя итог этому, возможно, несколько пространному описанию (оно может быть полезно в последующем для сравнения поясов разных территорий), хочется отметить, во-первых, что Т.Б. Никитиной на материалах Ветлужско-Вятского междуречья разработана вполне *универсальная классификация поясов*, позволившая систематизировать многочисленные поясные наборы Рождественского могильника. Во-вторых, нельзя не согласиться с Т.Б. Никитиной в том, что в поясных наборах Пермского Предуралья и Ветлужско-Вятского междуречья наблюдается большое сходство. В то же время, в наборе поясов и в особенностях их ношения прослеживаются некоторые отличия. В частности, пояса в один оборот, характерные для взрослых мужчин, за исключением варианта 1Г, полностью совпадающего с описанным Т.Б. Никитиной, зачастую имели в составе не один, а два типа накладок. Имеются и отдельные пояса в один оборот, не находящие аналогий в Ветлужско-Вятском междуречье, к примеру, характерные для Пермского Предуралья пояса с наборами накладок с «бабочковидным» орнаментом. Наиболее распространенными были пояса в полтора оборота, в ношении которых прослеживаются гендерные различия: мужчины, как и на территории Ветлужско-Вятского междуречья, заправляли конец пояса за ремень, а у женщин он свободно свисал книзу. Пояса в два оборота на Рождественском могильнике не выявлены.

Безусловно, новые подходы к анализу средневековых поясов, предложенные Т.Б. Никитиной, позволят в дальнейшем максимально использовать их возможности как археологического источника.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.

Иванов В.А. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 408–417.

Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.

Крыласова Н.Б. Об одном из декоративных элементов мужского пояса XI в. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 80–89

Крыласова Н.Б. Реконструкция «классических» поясных наборов, включающих накладки с «бабочковидным» орнаментом // Труды КАЭЭ. 2020. Вып. XVII. С.85–99

Крыласова Н.Б. Хронологические особенности поясной гарнитуры X–XI веков по материалам Рождественского могильника в Пермском крае // Финно-угорские древности второй половины I - начала II тыс. н.э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Ред.-сост. О.В. Зеленцова. М.: ИА РАН, 2021. С. 194–212.

Крыласова Н.Б., Данич А.В. Сборные поясные привески с элементами из когтей медведя в средневековом мужском костюме Пермского Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 1 (49). С. 78–84.

Никитина Т.Б. «Золотой» пояс из средневекового Русенихинского могильника марийской культуры // Оралдың ғылым жаршысы. Серия: История, философия, политология. № 39 (118) 2014. С. 38–42.

Никитина Т.Б. Костюм средневекового марийского населения как маркер этнической культуры // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 21–32.

Никитина Т.Б. О значении и месте пояса в погребальном обряде Дубовского могильника // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции V Халиковские чтения / Археология Евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2011. С.142–149.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.

Никитина Т.Б. Поясной набор из погребения 6 могильника «Нижняя Стрелка» в системе культурных связей населения Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 186–191.

Никитина Т.Б. Поясные наборы X–XI вв. по материалам Русенихинского могильника // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научн. конф. / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 326–329.

Никитина Т.Б. Поясные наборы из могильников IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 157–164

Никитина Т.Б., Акилбаев А.В., Аристов А.А. Погребальный инвентарь могильника «Кузинские хутора» // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 82–98.

Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е, Федулов М.И. Украшения Анаткасинского могильника (о культурной принадлежности памятника) // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 121–142.

Никитина Т.Б., Сапрыкина И.А., Митоян Р.А. Об одном типе накладок из древнемарийского могильника Нижняя Стрелка (IX–XII вв.) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Межд. конгресса средневековой археологии евразийских степей (7-11 декабря 2009 г., Казань) / Археология евразийских степей. Вып. 13. Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 115–126

Ситдиков А.Г., Никитина Т.Б., Казаков Е.П. Поясные накладки по материалам марийского Русенихинского могильника X-XI вв. // Вестник КазГУКИ. 2015. № 3. С. 26–30.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 64–93.

Халикова Е.А. Большетиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 158–178.

Информация об авторах:

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, (г.Пермь, Россия), n/krylasova@mail.ru

REFERENCES

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Ivanov, V. A. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriya tatar s drevnejshih vremen (v semi tomah) (History of the Tatars since ancient times (in seven volumes).* 2 Kazan: “RukhIL” Publ., 408–417 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiuma. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural’ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm’ Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Krylasova, N. B. 2019. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 80–89 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2020. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 17, 65–74 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2021. In Zelentsova, O. V. (ed.). *Finno-ugorskie drevnosti vtoroy poloviny I – nachala II tysyacheletiya n.e. Materialy nauchnogo seminara "Podbolot'evskiy mogil'nik: 100 let issledovaniy" (Finno-Ugric antiquities of the second half of the I – beginning of the II millennium AD. Materials of the scientific seminar “The Podbolotyevo burial ground: 100 years of research”).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 194–212 (in Russian).

Krylasova, N. B., Danich, A. V. 2021. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 49 (1), 78–84 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2014. In *Oraldyң ғylym zharshysy. Seriya: Istoriya, filosofiya, politologiya (Ural Bulletin of science. Series: history, philosophy, politicology)* 118 (39), 38–42 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2014. In *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN (Proceedings of the Karelian research centre RAS)* 3, 21–32 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh’e v drevnosti i srednevekov’e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings).* Series: Arkheologiia

Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 11. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 142–149 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2021. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 186–191 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2016. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniiu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie) (Archaeological Heritage of the Urals: from Original Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (20th Urals Archaeological Congress))*. Izhevsk: Institute of Computer Research, 326–329 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 157–164 (in Russian).

Nikitina, T. B., Akilbaev, A. V., Aristov, A. A. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 82–98 (in Russian).

Nikitina, T. B., Vorobeva, E. E, Fedulov, M. I. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 121–142 (in Russian).

Nikitina, T. B., Saprykina, I. A., Mitoyan, R. A. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Forum «Idel'-Altai» ("Idel-Altai" Forum).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 13. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 115–126 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Nikitina, T. B., Kazakov, E. P. 2015. In *Vestnik Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury I Iskusstv (Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts)* 3, 26–30 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic genesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 64–93 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 158–178 (in Russian). Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Ivanov, V. A. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriya tatar s drevnejshih vremen (v semi tomah) (History of the Tatars since ancient times (in seven volumes).* 2 Kazan: "RukhIL" Publ., 408–417 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiuma. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm' Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Krylasova, N. B. 2019. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 80–89 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2020. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 17, 65–74 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2021. In Zelentsova, O. V. (ed.). *Finno-ugorskie drevnosti vtoroy poloviny I – nachala II tysyacheletiya n.e. Materialy nauchnogo seminara "Podbolot'evskiy mogil'nik: 100 let issledovaniy" (Finno-Ugric antiquities of the second half of the I – beginning of the II millennium AD. Materials of the scientific seminar "The Podbolotyevo burial ground: 100 years of research").* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 194–212 (in Russian).

Krylasova, N. B., Danich, A. V. 2021. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 49 (1), 78–84 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2014. In *Oraldyң ғylym zharshysy. Seriya: Istoriya, filosofiya, politologiya (Ural Bulletin of science. Series: history, philosophy, politicology)* 118 (39), 38–42 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2014. In *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN (Proceedings of the Karelian research centre RAS)* 3, 21–32 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings).* Series: Arkheologiia

Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 11. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 142–149 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2021. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 186–191 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2016. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniiu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie) (Archaeological Heritage of the Urals: from Original Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (20th Urals Archaeological Congress))*. Izhevsk: Institute of Computer Research, 326–329 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 157–164 (in Russian).

Nikitina, T. B., Akilbaev, A. V., Aristov, A. A. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 82–98 (in Russian).

Nikitina, T. B., Vorobeva, E. E, Fedulov, M. I. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 121–142 (in Russian).

Nikitina, T. B., Saprykina, I. A., Mitoyan, R. A. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Forum «Idel'-Altai» ("Idel-Altai" Forum)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 13. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 115–126 (in Russian).

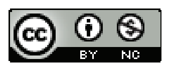
Sitdikov, A. G., Nikitina, T. B., Kazakov, E. P. 2015. In *Vestnik Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury I Iskusstv (Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts)* 3, 26–30 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic genesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 64–93 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 158–178 (in Russian).

About the Author:

Krylasova Natalya B., Doctor of Historical Sciences, chief research worker of the Institute of Humanities Research in the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Academy of Sciences. Lenin str., 13a, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

Хроника

УДК 929:902.902 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.353.357

ЮБИЛЕЙ ТАТЬЯНЫ БАГИШЕВНЫ НИКИТИНОЙ

©2024 г. А.В. Акилбаев

В статье представлена характеристика основных направлений научно-исследовательской деятельности доктора исторических наук, главного научного сотрудника Марийского НИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, известного специалиста по средневековой археологии Татьяны Багишевны Никитиной, которая 27 июля 2024 года отмечает свой юбилей. Заниматься археологией Т.Б. Никитина начала еще в Марийском государственном университете. После окончания обучения она приходит работать в Марийский научно-исследовательский институт, где трудится до сих пор. Научные интересы юбиляра связаны со средневековой археологией марийского народа, территорий его проживания. Первоначально это были могильники XVI–XVIII веков, затем сфера изучения расширилась до всей эпохи средневековья. За период научной деятельности исследователя по сегодняшний день опубликовано свыше 200 научных статей и 9 монографий.

Ключевые слова: археология эпохи средневековья, Т.Б. Никитина, юбилей, научный вклад, средневековая марийская культура.

TATYANA BAGISHEVNA NIKITINA'S ANNIVERSARY

A.V. Akilbaev

The paper describes the main fields of the research work by Doctor of History, chief research fellow at the Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasiliev, famous specialist in medieval archaeology Tatyana Bagishevna Nikitina, who celebrated her anniversary on July 27, 2024. T.B. Nikitina began to study archaeology while still at the Mari State University. After graduation she came to work at the Mari Research Institute, where she still works. The scientific interests of the jubilarian are related with the medieval archaeology of the Mari people, the areas where they live. Initially it was burial grounds of XVI–XVIII centuries, then the sphere of study expanded to the whole medieval era. For the period of scientific activity of the researcher till today more than 200 scientific articles and 9 monographs have been published.

Keywords: archaeology of Middle Ages, T.B. Nikitina, anniversary, scientific contribution, medieval Mari culture.

В июле этого года мы отмечаем юбилей Татьяны Багишевны Никитиной – одного из ведущих специалистов средневековой археологии Волго-Уральского региона, доктора исторических наук, главного научного сотрудника Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл.

Т.Б. Никитина (Шикаева) родилась 27 июля 1954 г. в Йошкар-Оле. В 1977 году окончила историко-филологический факультет МарГУ по специальности «историк» со специализацией по археологии. С июля 1977 года работает в МарНИИ младшим научным сотрудником, с 1986 года – старшим, а в 1995 году стала заместителем директора. С декабря 2001 года по июнь 2003 года по совместительству исполняла обязанности ученого секретаря МарНИИ. С марта 2015 года и по сегодняшний день является главным научным сотрудником направления «Археология» МарНИИЯЛИ.

Еще будучи студенткой, она стала принимать участие в работах Марийской археологической экспедиции, самостоятельно ходить в разведки. Ее первыми учителями были Г.А. Архипов, обучивший азам научных исследований, и В.В. Никитин, показавший основы полевой работы.

Первым объектом ее научной работы стали марийские могильники XVI–XVIII вв. Тема практически не изученная, сложная. Слабо изучена она была и для соседних финно-угорских народов. Накопление материала было сопряжено с многочисленными разведками, выявлявшими марийские позднесредневековые кладбища, и последующими их

раскопками. Таким образом был исследован ряд могильников. Результатом этих работ стала кандидатская диссертация «Марийцы конца XVI–начала XVIII веков (по материалам могильников)», защищенная в Институте археологии Академии наук СССР (г. Москва) в 1988 г. под руководством доктора исторических наук, профессора С.А. Плетневой. В 1992 году закономерно выходит монография с аналогичным названием (Никитина, 1992). Кроме систематизации и классификации вещевого инвентаря, подробного описания погребального обряда, здесь присутствуют и реконструкции костюма.

В 1993 году создается Научный центр финно-угроведения при Марийском научно-исследовательском институте, и Т.Б. Никитина принимает активное участие в его создании, работе, становится исполнительным директором. В это же время при непосредственном ее участии началось издание журнала «Финно-угроведение», а в 1995 году проведена I Всероссийская конференция финно-угроведов.

В последующие годы Т.Б. Никитина существенно расширила круг своих научных интересов, охватив исследованиями всю средневековую историю марийского народа. С этого времени большое внимание было уделено более древним периодам. Результатом этого стала монография, посвященная погребальным памятникам I тыс. н.э. (Никитина, 1999).

Разрабатывая проблемы, связанные со средневековой историей марийского народа, его происхождением и становлением, она изучает и ряд поселенческих памятников (Красное Селище, Сомовское II городище, Васильсурское V городище, Юльяльское селище и другие), впрочем, не оставляя интерес к могильникам. В период работ Марийской археологической экспедиции в ложе затопления Чебоксарским водохранилищем, выявлен могильник Нижняя стрелка. В результате его раскопок в 1987–88 годах Т.Б. Никитиной получен материал, характеризующий переход марийской культуры от IX–XI к XII–XIII вв., что само по себе уникально, поскольку ранее рубеж XI и XII вв. резко разделял марийскую историю и оставлял мало связующих нитей. Исследователь, публикуя материалы этого памятника (Никитина, 1990), указывает, пусть пока и в виде констатации факта, на его переходный облик. Отмечается близость вещей к

Рис. 1. Татьяна Багишевна Никитина.
Fig. 1. Tatyana Bagishevna Nikitina.

западным древностям, связанным с другими поволжскими финнами и Русью. Был выявлен и новый тип объектов, ранее не выделявшийся на марийских памятниках – жертвенный комплекс (или жертвенно-ритуальный комплекс), представляющий захоронение предметов в межмогильном пространстве. Позднее, Т.Б. Никитина написала статью, в которой классифицировала жертвенные комплексы и обозначила их как характерный, культуроопределяющий элемент средневекового марийского населения (Никитина, 2001).

Таким образом, в процессе активных полевых работ исследователем был собран и систематизирован большой фактический материал, дающий сведения по вопросам формирования и путях этнического развития марийцев, рассмотренный в постоянном взаимодействии с соседними народами. Основные положения этих изысканий обобщены в докторской диссертации «Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам)», подготовленной под руководством академика РАН, профессора В.В. Седова, и защищенной в 2003 году в Институте археологии РАН (г. Москва). В этом же году за книгу с одноименным названием, которая вышла годом ранее, Т.Б. Никитиной присуждена Государственная премия Республики Марий Эл в области науки (Никитина, 2002). В монографии суммирован

весь материал, касающийся марийских археологических памятников. Была представлена новая концепция формирования марийского этноса на основе городецкого населения, которое пришло на Среднюю Волгу, Нижнюю Суру и Нижнюю Ветлугу с запада, без существенного влияния азелинского компонента.

В следующем, 2004 году, в соавторстве с В.В. Никитиным издана книга «К истокам марийского искусства», представляющая собой иллюстрированный каталог с описанием. В ней собраны предметы, найденные на территории Марийского края с древнейших времен до XVIII в. (Никитин, Никитина, 2004). Эта книга оказала существенный вклад в популяризацию археологической науки и результатов многолетних работ Марийской археологической экспедиции.

Активные раскопки Татьяной Багишевной средневекового городища Аламнер (Важнангерского городища) дали интересный материал, собранный в монографии (Никитина, Михеева, 2006), написанной в соавторстве с А.И. Михеевой.

В 2005 году Т.Б. Никитиной произведены раскопки Выжумского II могильника, и в дальнейшем научные интересы исследователя связаны преимущественно с погребальными памятниками IX–XIII вв. Ветлужско-Вятского междуречья и сопредельных территорий. В 2007 году ей возобновлены работы на могильнике Нижняя стрелка. Тогда же, в связи с сообщениями о грабеже кладоискателями ранее известных могильников Веселовского и Черемисского кладбища, считавшихся полностью изученными, Марийской археологической экспедицией был произведен их осмотр, показавший перспективность работ. В 2008 году эти памятники были изучены. Накопление материала позволило исследователю выпустить ряд статей, рассматривающих вопросы особенностей погребального обряда, материальной культуры, этнокультурных контактов и, что хочется выделить отдельно, этнических украшений, как индикаторов культуры (Никитина, 2010).

Практически все имеющиеся материалы о марийских могильниках IX–начала XII вв. были систематизированы в монографии «Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья» (Никитина, 2012). Здесь Татьяна Багишевна реализовала принцип публикации погребений целиком, что позволило представить инвентарь захоронений не в виде перечня вещей, а в составе костюма и единого комплекса. Такой подход был реализован и в последующих работах.

В 2009–13 годах Марийская археологическая экспедиция под руководством Т.Б. Никитиной ведет раскопки Русенихинского могильника. Получен обширный материал, раскрывающий некоторые вопросы этнокультурных контактов древнемарийского населения и миграции на эту территории групп с запада. Вообще тема прихода населения, связанного с более западными финно-угорскими народами и их вливание в марийский этнос, поднималась исследователем неоднократно. Изучение Русенихинского могильника велось с богатым опытом раскопок других аналогичных памятников, с привлечением специалистов в области естественных наук и позволили получить максимум информации, что привело к появлению статей о реконструкции костюма и составе металла, антропологическим особенностям и о других темах. Все материалы Русенихинского могильника собраны в монографии (Никитина, 2018).

В 2013–14 годах Т.Б. Никитина изучает могильник Кузинские хутора, расположенный в Костромской области (Никитина, 2015).

Исследователь затрагивает многие вопросы, ранее известные только по беглым упоминаниям в отчетах и публикациях. Это темы войлока и тканей, вышивки, литейщиц, много работ уделяется датировке, этнокультурным контактам и целому ряду других проблем. Отдельно следует упомянуть тему поясной гарнитуры. Так или иначе она затрагивалась во многих работах, но в полной мере реализовалась в монографии, посвященной исключительно поясам. Впервые представлена типология поясных наборов Ветлужско-Вятского междуречья, проработана их датировка (Никитина, 2023).

С 2013 года и по сегодняшний день юбиляром раскопаны или еще изучаются могильники Выжумский, Затон Михеева, Красногорский, Амоксарский, что существенно расширяет знания о средневековой истории Ветлужско-Вятского междуречья и Среднего Поволжья. Поиск марийских средневековых могильников побудил исследователя объездить территории не только Республики Марий Эл, но и Чувашии, Нижегородской, Киров-

ской, Костромской областей. Татьяна Багишевна побывала практически на всех местах, связанных с раскопками или информацией о находках марийских средневековых могильников. Это огромная работа, сопряженная не только с отдаленностью этих мест, но и с трудностями поиска грунтовых захоронений. Поиск могильника практически никогда не заканчивался одним выездом. Кроме того, сведения о находках иногда не подтверждались выявленным памятником, но Т.Б. Никитиной проверено большинство таких точек.

Вообще полевая археология и Т.Б. Никитина – практически синонимы. В ее экспедициях уже были и еще будут сотни, если не тысячи, школьников и студентов. Многие приезжают не по разу, а некоторые проводят на раскопках отпуска и привозят уже своих детей.

Татьяна Багишевна являлась и является членом редакционных коллегий серийных изданий МарНИИЯЛИ: «Археология и этнография Марийского края», «Труды Марийской археологической экспедиции», журналов «Финно-угроведение» и «Марийский археографический вестник», а также журналов «Финно-угрика», «Поволжская археология», «Археология Евразийских степей», «Вестник Марий Эл», «Socio time», членом диссертационных советов при Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан и Казанском Федеральном Приволжском Университете.

Т.Б. Никитина – автор более 200 научных трудов, из них 9 монографий. Надо отметить, что ее работы создали современную теорию происхождения и развития марийского народа, а материалов раскопок хватит на сотни публикаций. На момент написания этой статьи ей практически завершена работа над еще одной монографией.

В настоящее время Т.Б. Никитина трудится над старыми и новыми вопросами средневековой истории Марийского края, разрабатывая тему хронологии древностей X–начала XIII вв. Волго-Вятского междуречья.

Как и многие коллеги-археологи, желаю Татьяне Багишевне здоровья, успехов в научном познании и реализации намеченных планов.

ЛИТЕРАТУРА

Никитин В.В. Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.

Никитина Т.Б. Погребальный обряд могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поветлужья / АЭМК. Вып. 17 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990. С. 81–118.

Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. 160 с.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды МарАЭ. Т. V. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. 160 с.

Никитина Т.Б. Жертвенно-поминальные комплексы, как этноопределяющий признак погребального обряда марийцев в эпоху средневековья // Древности Поволжья и Прикамья / АЭМК. Вып. 25 / Ред. В.В. Никитин, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. С. 45–51.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 196 с.

Никитина Т.Б. Украшения из марийских могильников IX–XI вв. как источник для изучения этнокультурных процессов (к методике изучения) // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 85–91.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.

Никитина Т.Б. Население Верхнего Поветлужья в начале II тыс. н. э.: новые материалы // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 124–140.

Никитина Т.Б. Русенихинский могильник / Археология Евразийских степей. 2018. №. 3. Казань: ИИ АН РТ, 256 с.

Никитина Т.Б. Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX-XI вв. Budapest: Martin Opitz Kiado, 2023. 227 с.

Информация об авторе:

Акилбаев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); akilbaev.alexandr@yandex.ru

REFERENCES

Nikitin, V. V. Nikitina, T. B. 2004. *K istokam mariiskogo iskusstva (To the Origins of the Mari Art)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitina, T. B. 1990. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnosti Povetluzh'ia (Antiquities of the Vetluga River Basin)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 17. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 81–118 (in Russian).

Nikitina, T. B. 1992. *Mariitsy (konets XVI – nachalo XVIII vv.) po materialam mogil'nikov (Mari People in Late 16th — Early 18th Centuries by Materials of the Burial Grounds)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov) (History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD (by Materials from Burial Grounds)*. Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Nikitina, T. B. 2001. In Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. (eds.). *Drevnosti Povolzh'ia I Prikam'ia (Antiquities of the Volga and Kama Regions)*. Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 25. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography Institute, 45–51 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Nikitina, T. B., Mikheeva, A. I. 2006. *Alamner: mif i real'nost' (Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okruga) (Alamner: Myth and Reality (Vazhnanger (Maly Sundyr') Hillfort and its Surroundings))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Nikitina, T. B. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4) 85–91 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 240, 124–140 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2018. *Rusenikhinskiy mogil'nik (Rusenikhino burial ground)* In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2023. *Poyasnye nabory naseleniya Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya IX-XI vv. (Belt sets of the population of the Vetluga-Vyatka interfluve of the IX–XI centuries).* Budapest: Martin Opitz Kiado (in Russian and Hungarian).

About the Author:

Akilbaev Alexander V. Candidate of Historical Sciences. Mari Scientifi c Research Institute of Language, Literatures and Histories of V.M.Vasilev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Russian Federation; akilbaev.alexandr@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.358.360

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ВЫБОРНОВУ – 70 ЛЕТ!

© 2024 г. К.М. Андреев, О.В. Андреева, Н.С. Дога, Е.С. Ткач

21 октября 2024 года Александру Алексеевичу Выборнову исполняется 70 лет. Большую часть жизни он посвятил изучению каменного века Волго-Камья и сопредельных территорий. Предлагаемая заметка посвящена описанию главных вех научной деятельности именинника. Приводятся сведения о его работе на историческом факультете Куйбышевского / Самарского педагогического университета. Отмечаются основные этапы полевой экспедиционной деятельности, направленной на исследование памятников археологии на обширной территории Европейской части России. Представляется информация о научно-организационной работе юбиляра, подготовке и участии во множестве конференций и руководстве написанием диссертационных работ. Обозначаются ключевые направления научного творчества Александра Алексеевича и тематика наиболее значимых статей и монографий.

Ключевые слова: археология, неолит, Александр Алексеевич Выборнов, юбилей.

ALEXANDER ALEKSEEVICH VYBORNOV IS 70 YEARS OLD!

K.M. Andreev, O.V. Andreeva, N.S. Doga, E.S. Tkach

On October 21, 2024, Alexander Alekseevich Vybornov turns 70. He devoted most of his life to studying the Stone Age of the Volga-Kama region and adjacent territories. The proposed note is devoted to the description of the main milestones of the birthday boy's scientific activity. Information is provided about his work at the history department of the Kuibyshev / Samara Pedagogical University. The main stages of field expeditionary activities aimed at studying archaeological monuments in the vast territory of the European part of Russia are noted. Information is provided on the scientific and organizational work of the hero of the day, preparation and participation in numerous conferences and supervision of the writing of dissertations. The key areas of scientific work of Alexander Alekseevich and the topics of the most significant articles and monographs.

Keywords*:* archaeology, Neolithic, Alexander Alekseevich Vybornov, anniversary.

21 октября 2024 года отмечает свой юбилей Александр Алексеевич Выборнов, для большинства друзей, коллег и соратников – Сан Сеич. За плечами именинника 45 лет педагогической деятельности, включавшей учебную и воспитательную работу. Четверть века Александр Алексеевич был деканом исторического факультета Куйбышевского / Самарского педагогического университета. Названия, эмблемы, ректора которого менялись, а Сан Сеич оставался с ним верный пути, который выбрал в далеком 1979 году. После деканства, более 10 лет наш юбиляр возглавлял кафедру в родном ВУЗе. Перечисление всех наград, благодарственных писем и грамот, которые были им получены за время педагогической деятельности займет не одну страницу. Еще с десяток можно смело отдать под отзывы благодарных студентов и учеников, прошедших через «школу» исторического факультета и археологических экспедиций, кормчим в которых был Александр Алексеевич.

Но это все работа… А делом жизни для Сан Сеича со студенческой скамьи была археология, которой он посвятил более полувека, по сути, – всю сознательную жизнь!

Еще в студенческие годы Александр Алексеевич начал активно участвовать в раскопках памятников разной культурной и эпохальной принадлежности на обширной территории. Здесь мы можем вспомнить Съезжее, Сунгирь, Костенки и многие другие экспедиции, с которыми юбиляр исколесил знатную часть Советского Союза. Однако, видя серьезность и вдумчивость подхода юного ученого, наставники и учителя стремились направить его энергию в одно русло. Как любит вспоминать и рассказывать увлекающимся студентам Сан Сеич, в свое время Отто Николаевич Бадер настойчиво ему советовал перестать распыляться и сосредоточиться на одной проблеме. И таковой стал – неолит! Хотя приобретенную еще в годы учебы тягу к открытию новых регионов, неведомых культур, свежих памятников Александр Алексеевич сохраняет на всем протяжении научного пути. Это заносило его не в самые очевидные места и в село Шигоны на абашевское сели-

ще, и на тюменскую речку Ук, и на торфяник в Московской области. Однако Волго-Камье манило его сильней.

Придя в Куйбышевский пединститут ассистентом кафедры, потом доцентом, затем профессором Александр Алексеевич Выборнов организовал и принял участие во многих десятках экспедиций. Начав с раскопок стоянки Сауз в Башкирии, он переключился на Имеркское озеро и не только в Мордовии, не забывая при этом про родную Куйбышевскую область с ее, «прорывной» Виловатовской стоянкой. Дальше больше, и точка не поставлена! Экспедиции в Астраханскую, Воронежскую, Московскую, Пензенскую, Рязанскую, Ульяновскую, Тамбовскую, Саратовскую области, Республики Марий Эл и Чувашия. Мы побережем зрение уважаемого читателя этих строк и не будем озвучивать весь сонм памятников, который был изучен юбиляром, по внушительному списку регионов работ, легко догадаться, что там далеко за полста.

Параллельно с организацией и проведением экспедиций, обработкой и осмыслением материалов Александр Алексеевич плодотворно и интенсивно занимался научной деятельностью, писал статьи и участвовал в конференциях. Итогом первого десятилетия научного творчества стала защита кандидатской диссертации – «Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой» на базе Института материальной культуры в 1984 году. На этом Александр Алексеевич не поставил точку и не закрыл, в первую очередь для себя, всех проблем, а продолжил активно трудиться. Вместе с коллегами и друзьями (И.Б. Васильевым и В.П. Третьяковым), иной раз без них на рубеже 80-90-х годов XX века им была издана серия «учебных пособий». Так их требовал обозначать канцелярский язык времени, для всех же археологов-каменщиков Волго-Камья – это не учебные, а фундаментальные, спустя время, можно говорить – классические труды, большинство из положений которых прошло испытание временем.

Последнее десятилетие XX века принесло не ведомые до селе веяния в жизнь и археологию, иногда они были сильны и шквалисты, вырывая людей из науки и давая новые, более приземленные ориентиры. Наш юбиляр остался верен и в это непростое, но интересное время делу жизни – археологии. Возвращаясь к проблемам и вопросам диссертации и

Рис. 1. Александр Алексеевич Выборнов на торжественной церемонии открытия Международной научной конференции «IX Халиковские чтения. Итоги и перспективы развития археологической науки в Урало-Поволжье». РФ. Казань. 01.04.2024 года.
Fig. 1. Alexander Alekseevich Vybornov at the opening ceremony of the International Scientific Conference "IX Khalikov readings. The results and prospects of the development of archaeological science in the Ural-Volga region". RF. Kazan. 04/01/2024.

монографий, автор искал новые углы и точки зрения не спеша почивать на лаврах, тематика статей Александра Алексеевича расширялась. Продолжалась работа с коллегами-учениками и под его руководством защищаются первые кандидатские диссертации (В.В. Ставицкий, А.И Королев, А.В. Вискалин), на подходе новые (А.М. Комаров, Е.В. Козин), не много погодя очередные (С.А. Кондратьев, А.А. Шалапинин). Не отстает и Учитель, в 2009 году становится доктором исторических наук с исследованием на тему «Неолит степного – лесостепного Поволжья и Прикамья».

Первые десятилетия XXI века продолжается подготовка кадров и ширится круг остепененных исследователей каменного века Волго-Камья. Не будет преувеличением сказать, что еще полсотни археологов разного возраста достигли профессиональных высот благодаря отзывам и оппонированию, которые

не по одному в год готовит Александр Алексеевич. Его советы, рекомендации и пожелания отражены не только в сухих бумагах архивов диссоветов, но и многочисленных личных беседах, телефонных разговорах и частных письмах.

Новые методы и запросы времени способствуют, а иногда, требуют увеличения публикационной активности, усердия в работе. Александр Алексеевич на фронтире – одним из первых начинает активно использовать радиоуглеродный метод для изучения культур каменного века обширных территорий Восточной Европы и «заражает» этим коллег. Продолжают «пачками» выходить статьи, которых на сегодняшний день, лишь по скромным подсчетам Elibrary четверть тысячи. Оно и не удивительно в это время юбиляр является руководителем серии серьезных и больших проектов, госзаданий, грантов, число которых подкрадывается к двадцати.

Готовясь разменять восьмой десяток Александр Алексеевич Выборнов продолжает работать с учениками, планировать и участвовать в экспедициях, писать статьи и монографии, составлять отзывы и оппонирования, рецензировать статьи и заявки на гранты. Иначе говоря, быть верным делу жизни. Не случайно третий раз мы использовали именно это словосочетание, любимое юбиляром, которое он не устает повторять студентам, ученикам, коллегам, стремясь направить их в русло служения Науке и Отечеству.

Предлагаемый выпуск журнала «Археология евразийских степей» постарался объединить работы близких по духу и сферам научных интересов, друзей, коллег, учеников Александра Алексеевича Выборнова. Красной нитью сквозь предлагаемые статьи и строки проходит простая мысль – С днем рождения, Учитель, Коллега, Товарищ, Друг!!!

Информация об авторах:

Андреев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); konstantin_andreev_88@mail.ru

Андреева Ольга Викторовна, лаборант ,Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); olgayer@mail.ru

Дога Наталья Сергеевна, научный сотрудник**,** Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); natalidoga@yandex.ru

Ткач Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); evgeniia.tkach@gmail.com

About the Authors:

Andreev Konstantin M. Candidate of Historical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; konstantin_andreev_88@mail.ru

Andreeva Olga V., laboratory assistant of the Scientific Research Department, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; olgayer@mail.ru

Doga Natalia S. Researcher, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; natalidoga@yandex.ru

Tkach Evgeniia P. Candidate of Historical Sciences, Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; evgeniia.tkach@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

Критика и библиография

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.361.367

НЕСОМНЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ЛЕГКИЕ УКУСЫ (РЕЦЕНЗИЯ НА ТОМ 4 «АРХЕОЛОГИИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ»)

©2024 г. Н.А. Кренке

Рецензируемая книга – это четвертый том семитомного издания «Археология Волго-Уралья» – труд энциклопедического характера, в котором проанализированы материалы эпохи переселения народов в интервале II – IX вв. н.э. в пределах региона от Кубани до верхней Камы, и от р. Цны до Уральских гор. Главы написаны коллективом из 32-х авторов, включая археологов, антропологов, лингвиста. В нем впервые собраны под один переплет по единой структуре написанные очерки об археологических культурах указанного региона и сведения об отдельных опорных памятниках. В издании сохранены дискуссионные моменты, касающиеся интерпретации памятников, определения истоков влияний, направления миграций, этно-культурной принадлежности древностей. Замечания касаются употребления и понимания археологических терминов и представления в публикации радиоуглеродных дат.

Ключевые слова: археологические термины, эпоха переселения народов, миграции.

OBVIOUS ACHIEVEMENTS AND LIGHT BITES (REVIEW OF THE 4TH VOLUME OF "ARCHAEOLOGY OF THE VOLGA-URALS")

N.A. Krenke

The book under review is the 4th volume of the seven-volume edition “Archaeology of the Volga-Urals” – an encyclopedic work, which analyzes the materials of the Migration Period in the interval of the II – IX centuries AD within the area from the Kuban region to the upper Kama, and from the Tsna basin to the Urals. The chapters are compiled by a team of 32 authors, including archaeologists, anthropologists, and a linguist. For the first time, it contains in a unified structure the scientific papers on the archaeological cultures of the region and information on individual reference sites. The edition retains the discussion points, concerning the interpretation of sites, establishing the origin of influences, the direction of migrations, and the ethno-cultural affiliation of antiquities. The remarks relate to the use and understanding of archaeological terms and the presentation of radiocarbon dates in the publication.

Keywords: archaeological terms, the Migration Period, migration.

Четвертый том семитомного издания «Археология Волго-Уралья» (общая редакция – чл.-корр. АН РТ А.Г. Ситдиков), как заявлено в аннотации к книге, «обобщает результаты исследований археологических материалов, отражающих культурные и исторические процессы, происходившие на территории Среднего Поволжья и Предуралья в эпоху Великого переселения народов».

Том вышел из печати в 2022 году, снабжен необходимыми указателями (указатель археологических памятников, именной указатель). Судя по списку литературы, в томе учтены материалы исследований, опубликованные вплоть до 2021 г. Авторский коллектив насчитывает 32 человека, большинство из которых вели собственные значительные раскопки в регионе. Общий объем издания – почти 700 страниц. Материал хорошо структурирован. Принцип структуры – хронологический и ландшафтный, отдельно рассмотрены памятники лесной и степной/лесостепной полосы. Общий хронологический интервал – II в. н. э. – IX в. н. э. В качестве рубежа для подразделения частей книги избраны IV/V вв. н. э. Главы трех типов: 1) проблемные, в которых рассматриваются основные черты развития крупных регионов в древности; 2) содержащие детальную характеристику отдельных археологических культур/регионов; 3) описывающие опорные памятники – городища и могильники. Кроме того, в том включены специальные исследования: антропологические и лингвистические.

Книга интересна тем, что в ней не сглажены противоречия в интерпретациях, а, наоборот, по возможности представлен широкий спектр мнений и поддерживающих их аргументов, что позволяет читателю понять противоречивую сущность археологического источника. Дискурс в основном идет по следующим вопросам: применять ли двухступенчатую систему классификации: историко-культурные общности/археологические культуры? сохранять ли номенклатуру археологических культур, созданную 50 лет назад (примерно), и основанную на них интерпретацию процессов этногенеза? отдавать ли приоритет явлениям преемственности или инновациям? можно ли четко определить исходные регионы инноваций/миграций? Можно сказать, что собранный под одним переплетом ансамбль статей очень хорошо отражает состояние современной науки.

В анализ включены памятники от Прикубанья и низовьев Дона на юге до верховьев Камы и Вятки на севере, реки Цны на западе, Уральских гор на востоке.

Очевидно, что образцом для данного издания явилась 20-томная «Археология СССР» (издано 19 томов), предпринятая по инициативе академика Б.А. Рыбакова более 40 лет назад. Таким образом, можно сказать, что мы наблюдаем преемственность с некоторым элементом соревнования. Преемственность, в частности, проявляется в шрифтовом оформлении издания.

Рассмотрим подробнее некоторые представленные в книге разделы. Книгу открывает общетеоретическое введение (Р.Д Голдина). В обзоре применены новаторские, смелые в политическом контексте современной России термины (на мой взгляд, очень продуктивные), такие, например, как «славяно-германцы»[1], в сочетании с несколько устаревшими данными. Ссылки на работу Седова 1994 г. отражают уже пройденный этап понимания славянского этногенеза. Трудно представить, чтобы бассейн Вислы был исходным регионом славянской миграции в V в. н. э. (с. 7). Немного режет слух также часто употребляемая аббревиатура ВПН (Великое переселение народов). В современном контексте аббревиатура ВПН имеет совсем иное значение для пользователей интернета. Также вызывает вопрос введение в текст наряду с общепринятыми терминами археологического сленга. Например, когда через запятую идут такие определения, как «тураево-кудашевцы, именьковская культура». В целом же раздел, безусловно, достиг своей цели – дать читателю представление об общем характере процесса переселения народов, отечественной историографии и региональных научных школах, их обобщающих трудах, из которых складывается источниковая база.

Вторая часть введения – это обзор современных представлений о климатических флуктуациях в период II–VIII вв. н. э. в регионе исследований и сжатый очерк истории хозяйства, основанный на археологических данных (И.В. Аськеев). Понятно, что уровень выявления и изучения природных палеоархивов ещё далек от желаемого. Соответственно, степень хронологической и территориальной детализации не столь высока. Тем не менее общая канва динамики климата из текста ясна, и роль антропогенного фактора в преобразовании природных ландшафтов очевидна. Стоит, пожалуй, отметить, что автор не прокомментировал некоторые данные об экстремальных природных явлениях, вероятно имевших существенное значение для людей. Речь идет о последствиях, связанных с «двойным» вулканическим событием 536 и 540 гг., спровоцировавшим резкое похолодание (из-за задымления и сокращения солнечной радиации) и кризис в сельском хозяйстве. Причем наиболее пострадавшим регионом (по результатам компьютерного моделирования) являлась полоса, протянувшаяся от Скандинавии до Прикамья (Toohey et al, 2016).

Яркая позднесарматская культура представлена в очень логичном по построению и энциклопедичном очерке В.Ю. Малашева и М.В. Кривошеева. Информация, поданная «из первых рук», имеет особенную ценность (характерно для издания в целом). Можно отметить и высокое качество рисунков, полноту карты памятников. Важно подчеркнуть, что авторы четко соблюдают значение понятий, не вкладывают в термин «позднесарматская культура» этнический смысл. Это археологический таксон. Думаю, что Марина Глебовна Мошкова довольна этой работой своих учеников.

Городище Лбище III–V вв. н. э., расположенное на южном фасе Самарской луки, стало предметом рассмотрения в отдельной главе (Л.А. Вязов, Д.А. Сташенков). Характе-

ристика памятника исчерпывающая, к сожалению, нет данных радиоуглеродного датирования, которые весьма пригодились бы, учитывая наличие дискуссионных моментов в определении хронологии самого городища и памятников лбищенского типа в целом. Эти же авторы написали очерк о средневолжском варианте киевской культуры. Эта группа памятников исключительно интригующая, так как непрерывная связь с основным ареалом киевской культуры отсутствует. Тем не менее особенности материальной культуры заволжских памятников (основной ареал в районе р. Б. Черемшан) заставляют в них видеть изолированный анклав славянского населения, проникшего далеко на восток. Датировки подтверждены набором вещей и радиоуглеродными датами. К сожалению, авторы не всегда приводят сами даты (дают лишь их калиброванное значение), а ведь, как известно, обратного хода нет, нельзя вычислить саму дату, зная лишь её калиброванное значение. Для сравнения с другими материалами лучше иметь полную информацию, сведенную в таблицу: лабораторный индекс + дата + калиброванное значение + материал образца + место находки. Тогда не будет вопросов. Но это придирки, главное другое – важнейший культурный феномен получил компактное и в то же время полное описание.

В разделе про поздний этап кара-абызской культуры – группы памятников в Башкирии, занимающих относительно небольшой по территории район в бассейне р. Белой, С.Л. Воробьёва, показывает культурные связи этой группы кочевого населения с соседями, описывается состав погребальных комплексов и приводятся ограниченные данные (ввиду отсутствия раскопанных объектов) о материальной культуре поселений – «летников» и «зимников».

Массив археологических данных про позднегляденовскую культуру, локализованную в пермском Прикамье, весьма велик (число памятников более полутысячи). М.Л. Перескоков подробно представил различные версии атрибуции и интерпретации этого материала, предложил новое авторское видение. В том числе детализируется внутренняя хронология этой группы древностей, аргументируется отсутствие миграций зауральского населения в ареал культуры, прослеживается влияние носителей позднегляденовской культуры на последующее развитие смежных регионов, аргументируется интерпретация «костищ» как святилищ, а также отмечаются сдвиги в социокультурном развитии общества от ориентированного на культовые практики к более прагматическому вождеству, связанному с появлением пришлой милитаризированной группы, принесшей с собой курганный обряд погребения.

Дискуссионной в методическом плане представляется начало главы, подготовленной Р.Д. Голдиной о памятниках нижнего и среднего Прикамья I–V вв. н. э. Автор использует новую терминологию (тарасовская культура) и предлагает новое понимание процессов, основываясь на эволюционном характере развития материальной культуры в интервале I–V вв. по материалам Тарасовского могильника. Можно сказать, что исследователь имеет на это право. Конечно, старая парадигма будет сопротивляться (и мы это видим, читая другие главы книги). В науковедении это описано Томасом Куном (Кун, 2009). Во-вторых, уважаемый автор, безусловно, отождествляет археологические термины с обществами прошлого, то есть занимается «реификацией» –оживлением научной терминологии. Этого, на мой взгляд, нельзя делать. Не было никаких кудашевцев, черняховцев, мазунинцев и пр. Есть мозаика или калейдоскоп древностей, которые исследователи вправе объединять в те или иные группы, но «оживлять» их у нас (ученых, в отличие от писателей) прав нет (тут вспоминается «Театральный роман» М.А. Булгакова). А вот термин «гото-славяне» (с. 102) мне, как уже отмечено выше, очень нравится, как и очень большой интерес представляет созданная автором карта их движения с запада на восток (рис. 7 на с. 113). Не менее интересны «археологические комментарии» к тексту готского историка Иордана. Позитив в этой главе в том, что автор излагает свои ценные достижения в детализации хронологии древностей и представляет аргументы для нового понимания социокультурного развития древних обществ, существовавших в регионе в эпоху великих миграций. Важен акцент на значение древностей андреевско-писеральского круга I–II вв. н. э., как на стартовую точку эпохи переселения народов в регионе и их значение для определения времени начала милитаризации общества и нового этапа его стратификации. Замечательна таблица украшений в стиле

восточно-европейских выемчатых эмалей, найденных в Среднем Поволжье и Прикамье (рис. 3), однако тут также необходимы комментарии. Для определения хронологии эмалей следует в первую очередь упомянуть работы Е.Л. Гороховского и А.М. Обломского (с. 106). Она лишь следует за (такая последовательность правильная) целым рядом польских и прибалтийских археологов. Что же касается «феномена эмалей», то тут ещё очень много пространства для дискуссий. Эти украшения не производят впечатления местных изделий, изготовлявшихся в различных регионах Восточной Европы. Главный аргумент в пользу такого предположения – идентичность форм на удаленных территориях и несоответствие их местным ювелирным традициям, исключительная редкость «миксов». Следовательно, это всё импорты из региона римской империи, «бусы для дикарей», не понимающих истинную ценность металлов и падких на яркий цвет и блеск? Можно приводить много археологических примеров того, как производитель приноравливался ко вкусам потребителя и в то же время «вел» его (ср. русский экспорт бронзового литья в северные области Приуралья и Западной Сибири в XVII–XIX вв.). Чтобы быть корректнее, нужно сказать, что украшения с эмалями «завораживающе красивы», это выдающееся художественное достижение «неизвестного автора», пробившее себе дорогу через леса и степи до Уральских гор, а теперь и через океан (в коллекции Метрополитан музея).

Возвращаясь к тексту главы, нужно сказать, что очень интересны сюжеты о мечах и топорах и вообще о комплексе вооружения, приводятся сильные аргументы происхождения из Индии изделий из тигельной стали, с портупей, декорированной створками раковин Турбинелла пирум. В целом начатая автором дискуссия о миграции в Прикамье населения носителей черняховской культуры очень интригующая и провоцирует продолжение споров. Важно, что предложен четкий «хронологический каркас» миграций «гото-славян», в первую очередь на материалах Тарасовского могильника, характеристике которого посвящена отдельная глава. В ней представлен также терминологический спор относительно того, как классифицировать памятники Прикамья I–V вв.

Памятники мазунинской культуры в Среднем Прикамье (Т.И. Останина) и азелинской на Вятке (Н.А. Лещинская) и в марийском Поволжье (Т.Б. Никитина) охарактеризованы по стандартной методике и в «парадигме В.Ф. Генинга/А.Х. Халикова», методично изложены история изучения, ареал, хронология, происхождение, исторические судьбы, керамика, вещевой комплекс, погребальный обряд, типы поселений и жилищ, социальная структура, хозяйственная деятельность.

Представлено в книге также некое «параллельное видение» мазунинской, гляденовской, азелинской, древнемордовской, позднесарматской культур (И.О. Гавритухин) на основе анализа их вещевого комплекса. Это своего рода зеркало в зеркале в структуре книги. Автор разбирает хронологическую структуру древностей, описанных в других главах. Таблицы иллюстраций очень насыщены вещами, но, к сожалению, не составлены типологические ряды. Главное, у читателя не возникает понимания, каковы разрешающие возможности вещевого набора для детализации хронологии. Не выдается ли желаемое за действительное? Раздел ценен выявлением проблемных узлов, а вот выводы о наличии/отсутствии миграций, сделанные по вещам, не кажутся пока доказанными. Может быть, стоит надеяться на будущих генетиков?

Археологические данные дополнены антропологическими свидетельствами влияния европеоидного населения южнорусских степей на население, оставившее памятники III–V вв. Средней Волги – Прикамья (И.Р. Газимзянов, Е.В. Волкова).

Тщательный источниковедческий анализ Тураевского курганного могильника с подробным описанием вещей – хронологических индикаторов (И.О. Гавритухин, А.А. Красноперов) привел авторов к выводу (противоречащему гипотезам Р.Д. Голдиной), что это кладбище представителей военизированной группы местного населения, почерпнувшего некоторые новые традиции в «дальних походах» (с. 191). Такая трактовка обусловлена бесплодностью поисков точных аналогий погребальному обряду. Не менее детален анализ материла Кудашевского I курганного могильника и грунтового некрополя (О.А. Казанцева), также содержащих местные и «пришлые» черты погребального обряда, свидетельствующие о кросс-

культурных взаимодействиях, влияниях гунно-сарматского мира на автохтонное население.

Сарматские влияния прослежены в археологическом материале II–III вв., описанном по могильникам Нижнего Посурья (В.В. Гришаков, Н.С. Мясников). Эти памятники имели ключевое значение для формирования гипотез о формировании мордовского этноса. Могильники в долинах Суры и Мокши, трактуемые как древнемордовские, и древности Кошибеевского типа на р. Цне описаны в хронологической динамике с выделением хроноиндикаторов. Авторы (В.И. Вихляев, Ю.А. Зеленеев) развивают гипотезу об ассимиляционных процессах IV–V вв. древнемордовского населения и носителей культуры кошибеевского типа.

Перейдем к рассмотрению второй части книги, посвященной древностям V–IX вв. Кочевнические древности в районе Самарской луки проанализированы Д.А. Сташенковым, можно отметить хорошие цветные иллюстрации, в том числе Федоровского погребения.

Разделы по бахмутинской (А.Г. Колонских), турбаслинской и кушнаренковской (В.А. Иванов) культурам – хороший полигон для сравнения двух изданий: тома «Степи Евразии в эпоху средневековья» Археологии СССР и тома 4 «Археологии Волго-Уралья». Надо признать, что выигрывает соревнование последнее издание и не только потому, что включает более новые материалы. Дело в детальности подачи данных, лучшей структурированности текстов.

Именьковская культура (Л.А. Вязов, Д.А. Сташенков) получила подробную характеристику всех аспектов материальной культуры, а также рассмотрен актуальный вопрос её этнической интерпретации (славянская или неславянская?). Авторы пишут о «многокомпонентности», оставляя вопрос открытым; упоминают вскользь о возможных керамических аналогиях с позднедьяковской культурой (с. 386). Мне, однако, представляется, что это сходство лишь кажущееся. В качестве эталонных памятников именьковской культуры рассмотрены могильники, расположенные в районе устья Камы (Е.П. Казаков). Хорошие иллюстрации богатых вещевых комплексов очень дополняют предшествующий раздел. То же самое можно сказать про раздел, подготовленный Т.И. Останиной про памятники периферийного северного ареала именьковской культуры. Кузебаевский клад ювелира VII в., имеющий перекличку с древностями Средней Азии, привлекает особое внимание.

Блок глав Р.Д. Голдиной о памятниках VI–IX вв. лесной зоны начинается с описания памятников южной Удмуртии (в соавторстве с Ютиной). Здесь опять идет речь о городище Кузебаевское I. Р.Д Голдина полемизирует с Т.И. Останиной, считая кузебаевский клад легализированной (сданной в музей) коллекцией черных копателей, собранной на разных, к тому же разновременных памятниках. Второй пункт расхождения мнений – культурная атрибуция памятников. По Р.Д. Голдиной, южноудмуртские памятники находились в зоне влияния именьковской культуры, составляя при этом самобытную верхнеутчанскую культуру. Здесь можно заметить: обе исследовательницы имеют право выбирать инструмент, который им удобнее.

Краеугольным камнем второй части книги является глава «Общая характеристика культурных процессов в Верхнем Прикамье в эпоху раннего Средневековья» (Р.Д. Голдина). Некоторые фразы тем не менее вызывают улыбку. Например, когда утверждается, что ананьинская общность занимала территорию 1938×931 км (с. 444). Вот именно 931, а не 932? Методически я абсолютно не согласен с Риммой Дмитриевной, которая «оживляет» исследовательские инструменты. Конечно, можно сказать, что так проще и короче писать, отождествляя выделенные научные термины с реально существовавшими группировками людей прошлого. Однако это упрощение совсем не безобидно, искажается смысл. Не распадалась ананьинская общность на две части (с. 444), а исследователи разделили памятники III–II вв. до н. э. на две группы. Есть в этом принципиальная разница. Далее опять идет текст про «гото-славян». Я, как патриот «гото-славян», исследующий резиденцию их короля возле Смоленска (Кренке и др., 2021, 2023), конечно, приветствую такую интерпретацию. Откладывая шутки в сторону, нужно сказать, что описание калейдоскопа культур VI–IX вв. (в динамике) в этой главе формирует яркое впечатление об этнокультурных процессах, происходивших в регионе. Не глухая провинция, как было, когда там жил В.Г. Короленко, а кипящая жизнь.

Последнее, что я хотел бы отметить, это коварность некоторых текстов «не из первых рук». Например, Р.Д. Голдина, ссылаясь на М.Г. Гусакова, приводит якобы установленный факт, что в середине I тыс. н. э. население, обитавшее на городищах дьякова типа, переходит жить на селища (с. 454). Это не так. Селища дьяковской культуры второй половины I тыс. вообще практически неизвестны. Жизнь в москворецком ареале городищ дьякова типа в основном замирает в V в. н. э. Значительное количество селищ (их примерно в 3–5 раз больше, чем городищ) существовало с самого начала дьяковской культуры, а якобы «переход на селища» был придуман в 1960–1970-е гг. для объяснения отсутствия известных археологических памятников в Подмосковье во второй половине I тыс. н. э.

Активно изучаемой культурной группой, рассмотренной в книге, являются могильники ахмыловско-безводнинского типа, локализующиеся в районе устья р. Оки (Н.Н. Грибов). Эта группа датируется в интервале III–VIII вв. н. э. В центре исследования стоит Подвязьевский могильник, недавно раскопанный автором главы. На эту группу памятников, как на предковую, «претендуют» сразу три народности – меря, мурома и мари. Относительно происхождения группы многое остается загадочным. Автор без излишней конкретизации указывает: «её появление (безводниско-ахмыловской традиции – *НК*) предположительно можно связать с рядом последовательных проникновений в район устья р. Оки западного массива населения из Поднепровья или Окско-Донского междуречья» (с. 595). Наиболее научно доказанной Н.Н. Грибов видит связь данной традиции с мари, но связь с муромой также вероятна.

В заключение отмечу, что рецензируемый том очень полезен для специалистов-археологов, работающих в Волго-Камском и смежных регионах, является «кладом» для студентов-археологов. Историкам его можно давать читать под подписку, что они не будут делать скоропалительных выводов без консультаций с археологами. Делая некоторые замечания, я отнюдь не ставил перед собой задачу «ставить оценки», цель была иной – сообщить читателю рецензии базовую информацию о книге, заинтриговать его и спровоцировать скачать её с сайта Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан.

Примечание:

[1] На протяжении истории России мы то бросаемся в объятия с германцами, зовем их заселять наши земли, поднимать хозяйство и науку, то воюем и изображаем их извечными врагами. В XX–XXI вв. – именно эта последняя стадия. В результате недооцененной является продуктивность славяно-германских взаимодействий в древности и общая близость двух этносов.

ЛИТЕРАТУРА

Кренке Н.А., Казанский М.М., Лопатин Н.В., Ганичев К.А., Ершов И.Н., Ершова Е.Г., Модестов Ф.Э., Раева В.А. Городища Демидовка и Вязовеньки на Смоленщине: об иерархии, хронологии и культурной атрибуции // РА. 2021. № 1. С. 140–159.

Кренке Н.А., Лопатин Н.В., Александровский А.Л., Савинецкий А.Б., Бегунова В.В., Волков В.А., Ганичев К.А., Ершов И.Н., Лопатина О.А., Певзнер М.М., Раева В.А., Тавлинцева Е.Ю., Чаукин С.Н. Городище Демидовка на Смоленщине. Стратиграфия, почвы, постройки, керамика, кости животных // РА. 2023. №4. С. 97–115.

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 317 с.

Matthew Toohey, Kirstin Krüger, Michael Sigl, Frode Stordal, Henrik Svensen. Climatic and societal impacts of a volcanic double event at the dawn of the Middle Ages // Climatic Change. 2016. No 136. P. 401–412.

Информация об авторе:

Кренке Николай Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории палеогеографии, Институт географии РАН (г. Москва, Россия); ведущий научный сотрудник отдела славяно-финской археологии Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); nkrenke@mail.ru

REFERENCES

Krenke, N. A., Kazansky, M. M., Lopatin, N. V., Ganichev, K. A., Ershov, I. N., Ershova, E. G., Modestov, F. E., Raeva, V. A. 2021. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 140–159 (in Russian).

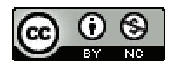
Krenke, N. A., Lopatin, N. V., Aleksandrovsky, A. L., Savinetsky, A. B., Begunova, V. V., Volkov, V. A., Ganichev, K. A., Ershov, I. N., Lopatina, O. A., Pevzner, M. M., Raeva, V. A., Tavlintseva, E. Yu., Caukin, S. N. 2023. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 97–115 (in Russian).

Kun, T. 2009. *Struktura nauchnykh revolyutsiy (The structure of scientific revolutions).* Moscow: "AST" Publ. (in Russian).

Matthew Toohey, Kirstin Krüger, Michael Sigl, Frode Stordal, Henrik Svensen. 2016. In *Climatic Change*. (136), 401–412.

About the Author:

Krenke Nikolai A. Doctor of Historical Sciences, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Staromonetnyy pereulok, str., 29, build. 4, Moscow, 119017, Russian Federation; Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya emb., 18, St. Petersburg, 1911186, Russian Federation; nkrenke@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БГИАМЗ (БГИАЗ) – Билярский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Билярский государственный историко-архитектурный заповедник)
БФ АН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИАК – Известия археологической комиссии
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК РАН– Институт истории материальной культуры РАН
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
КИО – культурно-историческая общность
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КФАН СССР – Кольский филиал Академии наук СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
МарГУ – Марийский государственный университет
МАЭ – Марийская археологическая экспедицияк
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва).
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ – Советкая этнография
ТГПИ – Тобольский государственный педагогический институт
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УрО РАН – Уральское отделение РАН

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.
Реестр зарегистрированных средств массовой информации
Федеральной службы по наздору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77–79080 от 28 августа 2020 г.
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
420012 г. Республика Татарстан, Казань, ул. Бутлерова, 30
Дата подписи в печать 26.08.2024
Дата выхода в свет 30.08.2024
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 43,01
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
420015, Республика Татарстана, г. Казань, ул. Галактионова, 14

